МАРШАЛЫ СТАЛИНА

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЕВСКИЙ

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это воспоминания знаменитого военачальника Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Большая часть книги посвящена Великой Отечественной войне, работе Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, решающей роли Коммунистической партии в завоевании Победы. А. М. Василевский рассказывает и о людях, которые учили его, воспитывали в нем воина, командира, – М. В. Фрунзе, И. П. Уборевиче, Б. М. Шапошникове, М. Н. Тухачевском, В. К. Триандафиллове, К. Е. Ворошилове и других выдающихся военных деятелях.

Книга подготовлена по последнему прижизненному изданию, в которое уточнения вносил сам автор. Кроме того, в нее включен ряд никогда не публиковавшихся материалов.

- Александр Василевский
  -
  -
  - К читателю
  - Юные годы
  - Новый этап жизни
  - Крещение огнем
  - Первые шаги в борьбе за Советы
  - Против интервентов
  - Полковой опыт
  - На пути к реконструкции
  - Там, где бьется пульс армии
  - Перед «Большой войной»
  - Последние мирные месяцы
  - Война началась
  - Враг под Москвой
  - Оборона Ленинграда
  - Весна и лето 1942-го
  - Между Доном и Волгой
  - Победа в битве на Волге
  - На Верхнем Дону
  - На Курской дуге
  - Освобождение Донбасса
  - В борьбе за Днепр
  - На Правобережье Днепра
  - Разгром крымской группировки врага
  - Перед Белорусской операцией

- За землю Белорусскую
- Борьба за Прибалтику
- Весной 45-го в Восточной Пруссии
- В Генеральном штабе
- На Дальнем Востоке
- Послесловие
- Приложение
  - Памяти маршала Василевского (И. Г. Баграмян)
  - Осторожный полководец (М. А. Гореев)
- Биографическая справка

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

Александр Василевский
Дело всей жизни: неопубликованное

© Василевский И.А., 2015
© ООО «ТД «Алгоритм», 2015

* * *

СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ
ПОСВЯЩАЮ

Г. Жуков

Дорогой Александр Михайлович!

Знаю я Вас около 40 лет. Все эти годы Вы блестяще справлялись с порученной Вам работой. Особенно близко узнал я Вас в годы Великой Отечественной войны, когда Вы провели ряд крупнейших стратегических операций. Родина наша никогда не забудет Ваших заслуг в борьбе со злейшим врагом человечества — немецким фашизмом и по заслугам считает Вас выдающимся полководцем Советской Армии.

Я с удовольствием вспоминаю Ваши умные решения, когда Вы были начальником Генерального штаба, представителем Ставки Верховного Главнокомандования и Главнокомандующим войсками на Дальнем Востоке, где Вы умело, в короткий срок, разгромили Квантунскую армию.

Посылаю Вам свою книгу на добрую память.

Обнимаю по-братски Г. Жуков

16/IV-69 г.

К читателю

Все дальше уходят в глубь истории грозные годы Великой Отечественной войны. Но время не властно предать их забвению, выветрить из памяти народной. Наша победа над фашистской Германией – это победа над реакционными силами империализма, победа светлого дела социализма.

Много вышло различных книг, посвященных минувшей войне. И все же интерес к ним не уменьшается. Каждое новое правдивое произведение об этой священной для советских людей войне – еще одно свидетельство великого подвига, свершенного нашим народом во имя свободы и независимости своей Родины, мира и прогресса.

В огне ожесточеннейших сражений в годы Великой Отечественной войны прошли испытание на крепость Советское многонациональное государство и его Вооруженные Силы. Были проверены зрелость военного искусства, качество наших военных руководящих кадров, вставших лицом к лицу с фашистским генералитетом, считавшимся до того самым опытным среди буржуазных армий.

Я счастлив и горд, что в труднейшую для Родины годину мог принять посильное участие в борьбе наших доблестных Вооруженных Сил и вместе с ними пережил горечь наших неудач, и радость победы.

В ходе войны росли и закалялись наши военные кадры. Я, как и другие советские военачальники, под руководством Коммунистической партии рос и приобретал боевой опыт.

Великая Отечественная война застала меня на службе в Генеральном штабе, в должности заместителя начальника оперативного управления, в звании генерал-майора.

1 августа 1941 года решением ЦК партии я был назначен начальником оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба, а с июня 1942 и до февраля 1945 года возглавлял Генеральный штаб, будучи одновременно заместителем наркома обороны. В дальнейшем на меня были возложены обязанности командующего фронтом и члена Ставки Верховного Главнокомандования, а затем главнокомандующего войсками Дальнего Востока.

Таким образом, на протяжении почти всей Великой Отечественной войны я имел прямое, непосредственное отношение к руководству Вооруженными Силами. Поэтому я, прежде всего, и больше всего, говорю в книге о деятельности Ставки Верховного Главнокомандования, ее главного рабочего

органа – Генерального штаба и основного руководящего состава наших Вооруженных Сил – командующих фронтами и армиями, их военных советов и штабов.

В основу книги положен фактический материал, хорошо известный мне и подтвержденный архивными документами, значительная часть которых еще не публиковалась. Главная цель моих воспоминаний – показать, как под мудрым руководством Коммунистической партии ковалась грандиознейшая победа, рассказать нашему молодому поколению о тех методах и формах, которые применялись нашими руководящими военными органами в ходе вооруженной борьбы. Были в этой борьбе и ошибки, и просчеты. Скажу я в своей книге и о них. Но, разумеется, не они составляют главное на том многотрудном пути, который прошли наши воины к победе.

В своей книге я стремлюсь показать, как росли день ото дня военное могущество Советского государства, боевые и моральные качества советских воинов, как развивалась военная наука, росли наши военные и особенно руководящие кадры. Надо прямо сказать, что все наши военачальники являлись последовательными выразителями основных принципов советского военного искусства – решительности, гибкости и маневренности. Уже в первые месяцы войны они показали ценнейшие из качеств военного руководителя – полное и глубокое понимание природы и характера современной войны и способность предвидеть ход и исход самых сложных сражений.

В книге уделено достаточное внимание работе представителей Ставки Верховного Главнокомандования.

Я высоко ценю литературу о минувшей войне. Тот подвиг, который совершили армия и народ под руководством Коммунистической партии в борьбе с фашизмом, не имеет себе равного в мировой истории. Трудно переоценить значение пропаганды этого подвига для воспитания советского патриотизма.

Тот факт, что книга моя выходит со значительным запозданием по времени, объясняется рядом обстоятельств. Нужно было провести большую работу в архивах, подготовить фактическую основу книги. В дни войны мне не приходила мысль, что когда-то придется писать воспоминания о ней. Все помыслы и заботы отдавались самой войне. Отдельные авторы книг ссылаются на свои дневники, которые они тогда вели. Ну что же, это, если стоять на позиции мемуариста, их счастье. Они, видимо, имели возможность и находили время для того, чтобы записывать виденное о событиях, людях, и делали это от чистого сердца, и с самыми лучшими побуждениями. Но все же должен

сказать, что по решениям Ставки из-за предосторожности и соблюдения секретности они делать это не должны были. Даже нам, ответственным работникам Генштаба, участникам всех заседаний Государственного Комитета Обороны и совещаний в Ставке Верховного Главнокомандования, на которых рассматривались вопросы оперативно-стратегического порядка, запрещалось в свои рабочие тетради записывать что-либо, кроме общих, правда основных, но ничего не говорящих для постороннего человека, фраз и цифр. Партия придавала исключительное значение сохранению государственной и военной тайны на всех уровнях руководства Вооруженных Сил. И нет сомнений, что такая строгость в этом вопросе во время войны была совершенно оправданна. Основными документами по принятым решениям являлись директивы фронтам, разрабатываемые нами и утверждаемые в Ставке. По распоряжению Ставки штабы всех объединений, соединений и воинских частей вели записи о ходе военных действий в своих журналах, которые теперь оказывают огромную помощь авторам, в том числе и мне.

Причиной, объясняющей столь долгое отсутствие моей книги, является и то, что и после войны я длительное время был чрезвычайно занят. В марте 1946 года я снова стал начальником Генерального штаба и первым заместителем министра обороны. В 1949 году был назначен министром Вооруженных Сил, а с 1950 по 1953 год – военным министром. Помешала работе над книгой и моя долгая болезнь.

Первые книги о войне были написаны вскоре после ее окончания. Я хорошо помню два сборника воспоминаний, подготовленных Воениздатом – «Штурм Берлина» и «От Сталинграда до Вены» (о героическом пути 24-й армии). Но оба эти труда не получили одобрения И. В. Сталина. Он сказал тогда, что писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, что в этих мемуарах не будет должной объективности. При всей спорности этого утверждения оно не могло не сказаться какое-то время на моем отношении к написанию книги.

За время, прошедшее после выхода книги, я получил немало писем. Меня радует отношение читателей к книге, их внимание к ее содержанию, проблемам. С благодарностью принимаю их пожелания и замечания. И хотя с некоторыми из них я не согласен, я с уважением отношусь и к таким высказываниям, ибо они сделаны советскими патриотами искренне, от всего сердца.

В меру возможности я внес в книгу ряд уточнений и добавлений. Написаны также две новые главы – «Героическая

оборона Ленинграда» и «В Генеральном штабе», дополнена глава «На Дальнем Востоке».

Автор, январь 1975 года

Юные годы

Первые шаги. – Кинешемские будни. – «Хлебная комиссиям. – Кострома и костромичи. – В стенах семинарии. – Накануне войны

Моя биография, вплоть до Великого Октября, не содержит в себе ничего особенного. Я выходец из духовного сословия. Но таких людей в России были десятки тысяч. Я был офицером в царской армии. Но и их в России насчитывалось множество. 1917 год явился рубежом в жизни не только России, но и всего человечества. Перед миллионами граждан встал вопрос: с кем ты? По какую сторону баррикад? И вот тут-то оказалось, что «единая и сплоченная масса» защитников старого строя резко размежевалась. Одни ушли в стан белогвардейцев, другие – а их было довольно много – в ряды защитников Советской власти. Среди них был и я. И с тех пор, вот уже более полувека, я с гордостью несу службу в Вооруженных Силах первого в мире социалистического государства.

Почему так произошло? Каким образом штабс-капитан царской армии стал красным командиром, членом Коммунистической партии, избирался делегатом на ее съезды, членом ЦК? И в этом, как в капле воды, отразилась судьба многих и многих людей моего поколения. Октябрьская революция явилась событием, в корне изменившим всю их жизнь и образ мысли.

Можно сказать, что моя биография в какой-то степени типична…

На границе Ивановской и Костромской областей начинается Среднее Поволжье. Здесь по равнине, еще и сейчас достаточно лесистой, текут реки Унжа, Немда, Лух, Кострома. Вокруг небольших городов теснится множество поселков, а между ними разбросаны старинные села и деревни. Этот край бедных подзолистых почв и еловых лесов – моя родина. Ниже Костромы, если плыть по Волге и миновать живописный городок Плес, пароходы подходили к пристани в Кинешме, славившейся полотняными изделиями. По обе стороны великой русской реки простирались заливные луга. На юго-запад от Кинешмы шла «чугунка» – железная дорога на Иваново-Вознесенск, а на юг вели два больших тракта: один – к Вичуге, а другой – к большой деревне Никитино. Это было наше волостное село. Рядом с ним, в центре большой равнины, окруженной лесами, лежало торговое село Батманы. К нему лепились деревни помельче. С востока на

запад равнину пересекает наша любимая речка Елнать, впадающая в Волгу.

Ничем не примечательный, этот крохотный по своим размерам кусочек нашей Родины мне особенно близок. В западной его части, километрах в пяти от Батман, и находилось тогда село Новопокровское, с которым тесно связаны мои детство и юность. Было в нем всего три дома. Теперь этого села нет. Но я и сейчас отчетливо представляю не только само Новопокровское, а и соседние с ним деревушки Горки, Вахутки, Кобылино, Бардуки, Рагуши и другие. Здесь в детстве я бродил по лесам, изобиловавшим дичью, всевозможными грибами и ягодами. Вместе с крестьянами, лица многих из которых отлично помню и сейчас, косил траву и занимался другими сельскохозяйственными работами. Здесь в церковно-приходской школе начал учебу.

Детство мое прошло в постоянной нужде, в труде ради куска хлеба насущного. Отец мой, Михаил Александрович, лишился своего отца в 17 лет. Его мать, моя бабушка, вскоре вышла замуж за мелкого служащего уездного земства. У нее появилась новая семья, и отец остался предоставленным самому себе. Что делать? Единственное, чем он обладал, это хорошим голосом. Кто-то посоветовал ему устроиться в хор костромского собора. Из Костромы он вернулся к себе в родные места и стал церковным регентом (дирижером хора), и псаломщиком в селе Новая Гольчиха Кинешемского уезда (ныне Вичугский район Ивановской области). Вскоре он женился на Надежде Ивановне Соколовой, дочери псаломщика села Углец, того же уезда. К 1912 году в семье уже было восемь детей. Первенец, Александр, умер. Дмитрий стал врачом, а затем офицером Красной Армии. Екатерина несколько десятков лет работала сельской учительницей, потеряла в Великую Отечественную войну мужа и сына. Я был четвертым. Евгений стал председателем колхоза и агрономом во Владимирской области; Виктор – штурманом боевой авиации; Елена и Вера – работницами сельских школ; Маргарита – лаборанткой научно-исследовательского института.

Я родился в селе Новая Гольчиха 30(17) сентября 1895 года. Через два года отца перевели священником в Новопокровское. Скудного отцовского жалованья не хватало даже на самые насущные нужды многодетной семьи. Все мы, от мала до велика, трудились в огороде и в поле. Зимою отец подрабатывал, столярничал, изготовляя по заказам земства школьные парты, столы, оконные рамы, двери и ульи для пасек.

Наша семья не была исключением: еще беднее жили крестьяне окрестных деревень. На клочках истощенной и почти не знавшей удобрений земли они прокормиться не могли.

Поэтому многие мужчины, а нередко и женщины искали заработок на стороне. В нашем уезде, самом промышленном в Костромской губернии, было много ткацко-прядильных фабрик, особенно валяльных. Чаще всего крестьяне уходили на фабрики Коновалова, Разореновых, Кокорева, Морокиных, Миндовского и других богачей. Кормильцы крестьянских семей работали на фабриках круглый год, включая и летнее, самое страдное для деревни время, верст за двадцать от дома. Жили они в фабричных казармах или на постое, дома бывали редко. Кто не хотел уходить далеко от деревни, нанимался на заводы в Вахутках, Кислячихе, Добрынихе, Крутицах, Лагунихе. Подростки с 10–11 лет поступали в ученики на предприятия. Платили им, конечно, еще меньше, хотя порой они выполняли работу взрослых. Крестьяне, остававшиеся в деревнях, подрабатывали в лесозаготовительных артелях; если имели лошаденку, возили на фабрики топливо; валяли на дому обувь по заказам заводчиков. Женщины и девушки вязали варежки, перчатки и чулки.

Тесное общение крестьян с рабочими благотворно влияло на сознание сельского населения, пробуждало в бедняках ненависть к существовавшему строю. А о настроениях местных рабочих могут прямо свидетельствовать события того времени. Некоторые из них сохранились в моей памяти.

В 1907 году в Кинешме возник Совет рабочих депутатов. В историю он вошел под названием «хлебная комиссия», состоявшая из 20–30 рабочих и нескольких крестьян, избранных 15 февраля 1907 года на общегородском многотысячном митинге. 1906 год выдался неурожайным. Цены на зерно и муку резко возросли. Точнее говоря, их взвинтили торговцы, пытавшиеся, как и всегда, нажиться на народном горе. Рабочие кинешемских фабрик объявили забастовку. На городской базарной площади собрались ткачи фабрики Калашникова, белильщики завода Рабкина, лесопильщики заведения Демидова, литейщики завода Подшивалова, гончары мастерской Агапова и многие другие. Состоялась «сходка», как тогда говорили. На ней-то и была создана «хлебная комиссия». Поддержанная трудящимися города и крестьянами ближайших деревень, выполняя наказ участников митинга, она своей властью взяла на учет продовольственные запасы, имевшиеся в Кинешме, и заставила торговцев продавать хлеб по твердой, установленной комиссией цене. Все свои заседания комиссия проводила совершенно открыто в здании городской думы.

Через две недели в Кинешму прислали из Костромы казаков. Власти чинили произвол. Полицейские ворвались в здание думы и арестовали 18 членов комиссии. Начались повальные обыски.

Закрыли театр имени А. Н. Островского, а в его помещении устроили казармы для казачьей сотни. Разгромили библиотеку-читальню. «Хлебную комиссию» разогнали.

Местная тюрьма была переполнена. Но и в условиях массовых репрессий большевики распространяли в городе воззвания. «Не века и даже не долгие годы будет царить у нас на Руси произвол. Час возмездия и всенародной расправы близок, товарищи!» – говорилось в одном из них. Как я узнал позднее, большевистская газета «Пролетарий» писала об этих событиях: «Кинешемский пролетариат, крестьянская и городская беднота получили хороший наглядный урок о тесной связи мучного патриотизма и самодержавного «престол-отечества» с голодными ценами на муку…».

Летом 1909 года я окончил кинешемское духовное училище и осенью начал учиться в костромской духовной семинарии. Иного пути у меня не было. Отец пошел на это, хотя плата за мое содержание в общежитии, составлявшая 75 рублей в год, была очень тяжела. К тому же весной 1909 года нашу семью постигло несчастье: наш дом и все имущество сгорели дотла.

Кострома была значительно крупнее нашего уездного города, но по составу населения – более мещанской, уступая Кинешме как по числу рабочих, так и по количеству фабричных заведений. В центре Костромы была площадь Сусанина с памятником народному герою скульптора В. И. Демут-Малиновского. Здесь же на площади высился восьмигранник городской пожарной каланчи, а рядом с нею стояло нарядное, с колоннадой и коваными железными фонарями перед фасадом, здание гарнизонной гауптвахты. Построенный в начале XIX века ансамбль гостиного двора с красными торговыми рядами – мучными, пряничными, рыбными и другими – и по сей день украшает бывшую Сусанинскую, а ныне площадь Революции. От площади веерообразно расходились прямые улицы. На запад за гостиным двором шла главная в городе улица Русина. Вечерами и особенно в праздничные дни здесь любила гулять учащаяся молодежь. На север от памятника Сусанину проходила центральная в этом веере Павловская улица, с любимым нами городским театром. За красными торговыми рядами лежала Соборная площадь, примыкавшая к общественному саду. Одна шла аллеей сада, созданная на высокой искусственной насыпи, выходила к Волге. Отсюда, из «беседки А. Н. Островского», открывался незабываемый по красоте вид.

Наша семинария размещалась в нескольких корпусах на Верхне-Набережной улице. Весной и осенью мы любили с противоположного берега реки любоваться городом. За местом

впадения в Волгу реки Костромы на лугу стоит Ипатьевский монастырь. Его история, его стены и башни, соборы и терема, расписанные чудесными фресками, заслуженно вызывали интерес у наших историков, у всех любителей старины и древнерусской культуры. Справа на холме за Татарской слободой красовалась сосновая роща.

Костромичи гордились тем, что их земляками являлись такие известные люди, как основатель первого русского театра в Ярославле Ф. Г. Волков, известный поэт А. Н. Плещеев, писатель А. Ф. Писемский, мореплаватель Г. И. Невельской. В Домнинской волости Костромской губернии совершил свой подвиг крестьянин Иван Осипович Сусанин. Два костромских воина спасли на Куликовом поле от смерти Дмитрия Донского. В Костроме и ее окрестностях значительную часть своей жизни провел великий драматург А. Н. Островский, проживая обычно в усадьбе Щелыково. Более половины его пьес написано на местные темы («Бесприданница», «Гроза», «Василиса Мелентьева», «Воевода», «Лес», «Волки и овцы», «Таланты и поклонники» и другие). Старики еще помнили тех жителей, с кого А. Н. Островский писал своих героев. Например, в основу драмы «Гроза» положен эпизод из местной уголовной хроники по делу купцов Клыковых. Костромичи служили прототипами классических произведений и других писателей. Крестьянин Савелий из некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо» проживал в Корежской волости Буйского уезда нашей губернии. Персонажи повести Максима Горького «Фома Гордеев» тоже костромичи.

Были среди жителей Костромы начала века и военные деятели. Так, следует назвать начальника гарнизона, командира 2-й бригады 46-й пехотной дивизии генерала Д. П. Парского. Впрочем, в те годы я не имел о нем, конечно, представления и узнал его интересную биографию позднее. Дмитрий Павлович был прогрессивным военным деятелем. После русско-японской войны он опубликовал ряд статей с требованием немедленно провести военную реформу. А в 1918 году он, старый военнослужащий, одним из первых вступил в ряды Красной Армии. Он командовал Северным фронтом, защищая от врагов Советской власти колыбель социалистической революции Петроград.

Помимо духовной семинарии, в Костроме были тогда гимназии, учительская семинария, реальное и епархиальное училища. Нисколько не преувеличивая, скажу, что наша семинария пользовалась среди костромичей немалой популярностью и уж, конечно, не потому, что она была «духовной». Среди других средних учебных заведений она

выделялась довольно прогрессивными взглядами своих учащихся. Они вели революционную работу среди рабочих Костромы. Некоторые из них подвергались аресту. Большой известностью пользовались у костромичей ежегодные художественные вечера и концерты, которые устраивали семинаристы.

Упомяну также и о таком, хорошо запомнившемся мне, событии, как забастовка семинаристов. Это произошло в 1909 году, когда учащиеся нашей семинарии присоединились к всероссийской стачке семинаристов, вспыхнувшей в ответ на решение Министерства народного просвещения запретить доступ в университеты и институты лицам, окончившим четыре общеобразовательных класса семинарии. Тогда, насколько я помню, во всех семинариях России почти одновременно были прекращены занятия. К нам в семинарию приехал губернатор. Вместе с ректором он уговаривал учащихся прекратить забастовку, забрать петицию, врученную забастовочной комиссией администрации, и возобновить занятия. Но семинаристы освистали их, и они вынуждены были покинуть актовый зал. Правда, вслед за тем полиция выдворила всех нас из Костромы в течение 24 часов. Семинарию закрыли, и мы вернулись в нее лишь через несколько месяцев, после того, как наши требования частично были удовлетворены.

Большинство учащихся семинарии стремилось использовать ее как трамплин для поступления в светское высшее учебное заведение. Вот что писала, например, в номере от 16 июля 1914 года наша уездная газета «Кинешемец»: «В истекшем учебном году окончило иркутскую духовную семинарию 16 человек, из которых, как сообщает «Сибирь», только двое изъявили желание остаться в духовном звании, а остальные намерены перейти в высшие учебные заведения… Красноярскую духовную семинарию в текущем году… окончило 15 человек. Желающих принять священнический сан среди окончивших нет». Так было и в нашей семинарии. Почти все мы мечтали пойти по стопам таких семинаристов, как Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Все мы отлично знали, что именно в костромской семинарии учились профессор медицины В. С. Груздев, профессор физики Г. А. Любославский. Знали мы и то, что семинаристами были такие крупнейшие ученые, как академики Ф. И. Успенский и В. Г. Васильевский, В. О. Ключевский и И. П. Павлов, тогдашний ректор Московского университета М. К. Любавский.

Заметный след оставили в моем политическом воспитании события, начавшиеся в Костроме весною 1914 года. Рабочие прядильной фабрики «Большой Кинешемской мануфактуры» потребовали тогда повысить заработную плату, отменить

штрафы, уволить некоторых мастеров, ввести 8-часовой рабочий день, прекратить преследования за читку прогрессивных газет. Фабриканты отказались удовлетворить эти требования, и прядильщики объявили стачку. Вслед за ними поднялись рабочие других фабрик. В июне бастовали рабочие всех фабрик Вичуги, Родников и Середы. Немалую роль в организации рабочих сыграл тогда депутат IV Государственной думы от Костромской губернии большевик Н. Р. Шагов, уроженец деревни Клинцово. Он выступал на фабриках, призывал бастовавших действовать решительнее и смелее. 26 июня забастовка перекинулась в Кострому. Картина закрытых фабричных ворот, возбужденных народных толп навсегда осталась в моей памяти… Забастовка приняла еще больший размах с началом первой мировой войны. В результате массовой забастовки рабочие победили – фабриканты вынуждены были удовлетворить их требования.

Новый этап жизни

Военное училище. – Юнкерский распорядок. – О чем думал молодой прапорщик. – В запасном батальоне

В июле – августе 1914 года, перед последним классом семинарии, я проводил каникулы, как и прежде, у себя дома, работая вместе с другими членами нашей семьи в поле и огороде. Там-то 20 июля (по старому календарю) я узнал о начавшейся накануне мировой войне. Хотя эта война подготавливалась империалистическими государствами длительное время, делалось это в глубокой тайне от народа. Во всяком случае, объявление войны явилось для нас полной неожиданностью. И уж, конечно, никто не предполагал, что она затянется надолго. Как стало известно впоследствии, даже русский Генеральный штаб, разрабатывая оперативно-стратегический план, рассчитывал закончить войну за 4–5 месяцев, и поэтому все запасы предметов снаряжения и боевого имущества для армии готовились именно на этот срок. Этим отчасти и объяснялась полная неподготовленность страны к производству всего необходимого в нужных для войны размерах. Сложное переплетение интересов империалистических держав и противоречий между ними, вовлечение в борьбу за передел мира все новых участников, придало войне не только мировой, но и длительный характер.

Война опрокинула все мои прежние планы и направила мою жизнь совсем не по тому пути, который намечался ранее. Я мечтал, окончив семинарию, поработать года три учителем в какой-нибудь сельской школе и, скопив небольшую сумму денег, поступить затем либо в агрономическое учебное заведение, либо в Московский межевой институт. Но теперь, после объявления войны, меня обуревали патриотические чувства. Лозунги о защите отечества захватили меня. Поэтому я, неожиданно для себя и для родных, стал военным. Вернувшись в Кострому, мы с несколькими одноклассниками попросили разрешения держать выпускные экзамены экстерном, чтобы затем отправиться в армию.

Наша просьба была удовлетворена, и в январе 1915 года нас направили в распоряжение костромского воинского начальника, а в феврале мы были уже в Москве, в Алексеевском военном училище.

Алексеевское военное училище располагалось в Лефортове, сразу же за речкой Яузой, как только перейдешь Дворцовый мост,

в так называемых «Красных казармах». В 20-х годах здесь была уже пехотная школа имени народовольца М. Ю. Ашенбреннера; позднее на базе этой школы было создано Тамбовское пехотное училище. В 1945 году ему было присвоено имя маршала Б. М. Шапошникова.

Решение стать офицером было принято мною не ради того, чтобы сделать карьеру военного. Я по-прежнему лелеял мечту быть агрономом и трудиться после войны в каком-нибудь углу бескрайних российских просторов. Я тогда и не предполагал, что все повернется иначе: и Россия будет уже не та, и я стану совсем другим…

В России было более десяти военных училищ. Первым «по чину» считалось Павловское, вторым – Александровское, третьим – Алексеевское. Созданное в 1864 году Алексеевское училище именовалось ранее Московским пехотным юнкерским, а с 1906 года по велению Николая II ему дали название Алексеевского, в честь родившегося наследника престола. Оно заметно отличалось от первых двух, которые комплектовались выходцами из дворян или, по меньшей мере, детьми из богатых семей. В Алексеевское училище набирали преимущественно детей разночинцев. Иной была судьба и его выпускников. Обычно их ожидала «военная лямка» в провинциальном захолустье. Но это не мешало «алексеевцам» гордиться своим военно-учебным заведением. Выпускники имели свой особый значок. 22 октября отмечали день основания училища. Я в праздновании ни разу не участвовал, ибо пробыл там всего четыре месяца.

Начальником училища был генерал Н. А. Хамин, обладавший правами полкового командира. Его помощником по строевой части являлся полковник А. М. Попов – человек крутого нрава.

Он был убежден, что строгого порядка можно добиться только путем дисциплинарных взысканий. Встречая выпускников, замиравших перед ним «во фронт», он обязательно спрашивал, стояли ли они под ружьем. И если слышал в ответ «нет», тут же отправлял юнкеров под ружье с полной выкладкой, говоря при этом: «Как же вы будете наказывать других, не испытав этого сами?».

Во время моего пребывания в училище имелось пять рот, каждая состояла из двух полурот – старших юнкеров и младших. Роты и полуроты комплектовались строго по ранжиру. Я, имея рост 178 сантиметров, в первую роту не попал и был зачислен в 5-ю роту со смешанным ранжиром. Роты были сведены в батальон, которым командовал названный выше полковник Попов.

Командиром нашей роты был капитан Г. Р. Ткачук. Он к тому времени уже побывал на войне, получил ранение и носил

Георгиевский крест 3-й степени.

Обучали нас, почти не учитывая требований шедшей войны, по устаревшим программам. Нас не знакомили даже с военными действиями в условиях полевых заграждений, с новыми типами тяжелой артиллерии, с различными заграничными системами ручных гранат (кроме русской жестяной «бутылочки») и элементарными основами применения на войне автомобилей и авиации. Почти не знакомили и с принципами взаимодействия родов войск. Не только классные, но и полевые занятия носили больше теоретический, чем практический характер. Зато много внимания уделялось строевой муштре.

После русско-японской войны иностранцы говорили, что «русские умеют умирать, да только… бестолково». От кого же зависело, чтобы в мировой войне русская армия снискала себе репутацию не только храброй и выносливой, но и умеющей хорошо вести боевые действия? Конечно, прежде всего, от правящих кругов. Многое зависело и от командных кадров. В этом легко было убедиться на примере нашего училища. Нежелание его начальства считаться с требованиями времени отражалось, прежде всего, на подготовке выпускников. Им пришлось постигать многое на фронте, в боевой обстановке, расплачиваясь, порой, жизнью за легкомыслие и косность их учителей. Правда, в нашей роте полевое обучение, благодаря капитану Ткачуку, побывавшему на фронте, было поставлено значительно лучше, чем в других. Пособия, которыми мы пользовались, устарели. Но и в царской армии были люди, которые понимали необходимость перемен в учебном процессе. Одним из них являлся генерал-лейтенант В. И. Малинко. В 1915 году появилось его «Пособие для подготовки на чин прапорщика пехоты, кавалерии и артиллерии». В нем довольно умело были скомпонованы важнейшие сведения из курсов военной администрации, тактики, артиллерии, стрелкового дела, военно-инженерного дела и топографии. Но пособие вышло в свет уже после того, как я окончил училище.

При поступлении в училище нас зачислили юнкерами рядового звания. Через два месяца некоторых произвели в унтер-офицеры (портупей-юнкеры), а через четыре, в конце мая 1915 года, состоялся выпуск по ускоренному курсу обучения военного времени. Царская армия несла большие потери. Остро не хватало командных кадров, и военно-учебное ведомство торопилось. Однако спешка спешкой, а служба службой, так что давно заведенный в училище порядок почти не изменился и в военное время. Распорядок дня у нас был такой. В 5.45 повестка, далее подъем, утренний осмотр, молитва, гимн, чай, занятия. В 12.30 полагался завтрак, потом опять занятия. В 17.45 мы обедали,

затем отдыхали и пили вечерний чай. В 21 час в ротном строю мы прослушивали вечернюю зорю, после чего проводились перекличка и осмотр, в 23 часа тушили огни. К этому времени все юнкера, за исключением находившихся в суточном наряде, обязаны были лежать и постели. В город нас отпускали редко. Целый кодекс правил существовал для тех, кто был в увольнении. Запрещалось посещать платные места гулянья, клубы, трактиры, рестораны, народные столовые, биллиардные, бега, торговые ряды на Красной площади и т. д. В театрах и на концертах нам не разрешалось сидеть ближе седьмого ряда партера, и ниже второго яруса лож.

По окончании училища нас произвели в прапорщики с перспективой производства в подпоручики через восемь месяцев службы, а за боевые отличия – в любое время. Каждый из нас получил по 300 рублей на обмундирование (существовал обязательный перечень обмундирования. Его приобретало училище под контролем командира роты) и 100 рублей сверх того. Выдали также револьвер, шашку, полевой бинокль, компас и действующие военные уставы. И вот я – 20-летний прапорщик с одной звездочкой на просвете погона. Мне полагалось уметь обучать, воспитывать и вести за собой солдат, многие из которых уже побывали в боях, были значительно старше меня.

Что же я вынес из стен училища? Каким был багаж моих знаний?

Мы получили самые общие знания и навыки, необходимые офицеру лишь на первых порах. Не задумываясь о социальном назначении армии и ее командиров, я считал тогда непременным качеством хорошего командира умение руководить подчиненными, воспитывать и обучать их, обеспечивать высокую дисциплину и исполнительность.

Нельзя сказать, что четырехмесячное воинское обучение прошло для меня даром. Полезно было понять и сам контраст между той обстановкой, в которой я жил до поступления на военную службу, и той, которая окружила меня в училище. Я жадно впитывал все увиденное и услышанное, старался постичь военную премудрость, меня охватывало сомнение, получится ли из меня офицер? Приходилось ломать себя, вырабатывая командирские навыки. Кое-что дали мне устные наставления моих преподавателей. Много получил я в результате чтения трудов видных русских военачальников и организаторов военного дела, знакомства с их биографиями. Я серьезно изучал сочинения А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Д. А. Милютина, М. Д. Скобелева.

Я твердо усвоил некоторые истины, вычитанные в трудах названных выше авторов. «Не рассказ, а показ, дополняемый

рассказом». «Сообщи сначала только одну мысль, потребуй повторить ее и помоги понять, потом сообщай следующую». «На первых порах обучай только самому необходимому». «Не столько приказывай, сколько поручай». «Наше назначение – губить врага; воевать так, чтобы губить и не гибнуть, невозможно; воевать так, чтобы гибнуть и не губить, глупо». Так советовал герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов профессор Михаил Иванович Драгомиров. Кое-какие тезисы я решил сделать твердым правилом на все время военной службы: «Поклоняться знамени». «Служить Отечеству». «Блюсти честь мундира». «Близко общаться с подчиненными». «Ставить службу выше личных дел». «Не бояться самостоятельности». «Действовать целеустремленно». Естественно, что эти тезисы не в полной мере соответствуют нашему пониманию принципов взаимоотношений командира с подчиненным. Да я и не мог тогда в силу своей идейной неподготовленности задумываться над такой проблемой. Для меня было важно стать хорошим командиром, и любые советы на сей счет я принимал как откровение.

Могут сказать, что все в них довольно азбучно. Да, здесь нет великих открытий. Но ведь мне предстояло все делать сначала. У меня не было никакого опыта. Мне дала его сама жизнь. Мировая война, Великий Октябрь, гражданская война и служба в Советских Вооруженных Силах – вот мои университеты.

Первые практические уроки искусства командовать пришлось получить в довольно сложных условиях. В июне 1915 года меня направили в запасный батальон, дислоцировавшийся в Ростове, уездном городе Ярославской губернии. Короткое время пребывания в этом богатом памятниками русской старины городке не забуду никогда. Батальон состоял из одной маршевой роты солдат и насчитывал около сотни офицеров, предназначавшихся для отправки на фронт. Это были в основном молодые прапорщики и подпоручики, недавно окончившие военные училища и школы прапорщиков. Было несколько человек более пожилого возраста.

Я довольно быстро познакомился с обстановкой, походил по городу, полюбовался кремлем, осмотрел знаменитые мастерские по изготовлению металлических художественных изделий с финифтью (то есть покрытых цветной эмалью).

Дней через десять пришло распоряжение об отправке этой роты на фронт. Собрали всех офицеров. Надо было из желающих отправиться на фронт назначить ротного командира. Предложили высказаться добровольцам. Я был уверен, что немедленно поднимется лес рук, и прежде всего это сделают офицеры, давно находившиеся в запасном батальоне. К великому моему

удивлению, ничего подобного не произошло, хотя командир батальона несколько раз повторил обращение к «господам офицерам». В зале воцарилась мертвая тишина. После нескольких довольно резких упреков в адрес подчиненных старик-полковник сказал, наконец: «Ведь вы же офицеры русской армии. Кто же будет защищать Родину?». По-прежнему молчание. Тогда комбат приказал адъютанту приступить к отбору командира роты путем жребия. Мне было очень стыдно за всех находившихся в зале офицеров. Я очень хотел поскорее попасть на фронт, но не решался вызваться добровольно, так как считал пост командира роты для себя очень высоким. Так же, наверное, думали и другие прапорщики. Однако, видя, что никто из более старших не выражает желания сопровождать отправлявшуюся на фронт роту, я и еще несколько прапорщиков заявили о своей готовности. Меня поразило, что заявление было воспринято другими с явным удовлетворением. Вспоминая этот факт, хочется заметить, что он совершенно невероятен для офицеров Советских Вооруженных Сил. Но в царской армии был вполне обычным явлением…

На фронт я попал не сразу. До сентября 1915 года пришлось побывать в ряде запасных частей. Наконец, я оказался на Юго-Западном фронте. Командовал им тогда генерал-адъютант Н. И. Иванов, известный тем, что подавлял восстание кронштадтских моряков в 1906 году. В военном отношении он был весьма бездарен.

Крещение огнем

9-я армия. – 103-я пехотная дивизия и 409-й Новохоперский полк. – Первые фронтовые впечатления. – Сердце русского солдата. – Участие в Брусиловском наступлении. – За плечами Северная Буковина. – Новые надежды

Штаб Юго-Западного фронта направил меня в 9-ю армию, составлявшую левое крыло не только нашего Юго-Западного, но и всего русско-германского фронта. С осени 1915 года и вплоть до весны 1916 года эта армия располагалась на позиции от Латача у Днестра до Бонна на Пруте, протяжением около 90 км. На севере она примыкала к позициям 7-й русской армии, а на юге – к румынской границе.

9-й армией командовал генерал П. А. Лечицкий, единственный в то время командующий армией, вышедший не из офицеров Генерального штаба, то есть не получивший высшего военного образования. Но зато это был боевой генерал: в русско-японской войне он командовал полком и был известен в войсках как энергичный военачальник. Уже в начале мировой войны 9-я армия наступала на Галицию с севера, от Варшавы. Весной 1915 года, когда немцы осуществили Горлицкий прорыв, 9-я армия вместе с другими отступила. Осенью 1915 года армия по-прежнему носила 9-й номер, но была совершенно иной по составу. Офицеры в ней были преимущественно из прапорщиков запаса или, вроде меня, окончившие ускоренные офицерские училища и школы прапорщиков, а также из подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. Унтер-офицерами, в большинстве своем, стали отличившиеся в боях солдаты. Основную массу пехоты составляли крестьяне, прибывшие из запаса, или крайне слабо и наспех обученные новобранцы.

Генерал Лечицкий часто бывал в войсках, и мне не раз приходилось видеть его в различной фронтовой обстановке. Малоразговорчивый, но довольно подвижный, мне, молодому офицеру, он показался, однако, несколько дряхлым.

Из Каменец-Подольского, где находился штаб армии, мы с Сережей Рубинским, прапорщиком, земляком-кинешемцем, проделали на повозке еще около 30 верст, чтобы попасть в 103-ю пехотную дивизию. Здесь мы стали полуротными командирами: я – во второй роте первого батальона, он – в восьмой второго батальона 409-го Новохоперского полка. Здесь и началось мое боевое крещение. Я впервые оказался под обстрелом, узнал, что такое артиллерийская шрапнель, граната, минометный огонь. Вот

когда я по-настоящему почувствовал, что мирная жизнь осталась далеко позади.

Войска 9-й армии в течение осени и зимы 1915 года занимали невыгодную для обороны линию и вели позиционные бои, в районе к западу от города Хотин против войск 7-й австро-венгерской армии генерала Пфлянцер-Балтина. Обе воюющие стороны вросли в окопы. Первый батальон нашего полка, а с ним и моя вторая рота, занимали позиции непосредственно западнее деревни Ржавенцы, где размещался штаб полка. Окопы производили самое жалкое впечатление. Это были обыкновенные канавы, вместо брустверов хаотично набросанная по обе стороны земля, без элементарной маскировки по ней, почти без бойниц и козырьков. Для жилья в окопах были отрыты землянки на два-три человека, с печуркой и отверстием для входа, а вернее – для вползания в нее. Отверстие закрывалось полотнищем палатки. Укрытия от артиллерийского и минометного огня отсутствовали.

Примитивны были и искусственные препятствия. Там, где вражеские окопы приближались к нашим на расстояние до ста и менее метров, солдаты считали их полевые заграждения как бы и своими.

Оборонительные позиции врага выглядели неплохо оборудованными, в чем мы смогли убедиться, овладев ими. Русские солдаты, к сожалению, не имели таких условий. И от ливней, и от заморозков они спасались под своей шинелью. В ней и спали, подстелив под себя одну полу и накрывшись другою; на ней же зачастую выносили из боя раненых. А солдатским оружием по тому времени была трехлинейная винтовка образца 1891 года, многократно проверенная и испытанная. Она не боялась непогоды и грязи, была проста и надежна. Своих винтовок царской армии уже недоставало. Многие солдаты, в частности весь наш полк, имели на вооружении трофейные австрийские винтовки, благо патронов к ним было больше, чем к нашим. По той же причине, наряду с пулеметами «Максим», сплошь и рядом в царской армии можно было встретить австрийский Шварцлозе. Не лучше было и с артиллерией. Правда, орудия отечественного производства были хорошими, артиллеристы стреляли метко. Но не хватало гаубиц, тяжелых пушек и артиллерийских снарядов всех систем.

Весной 1916 года 9-ю армию основательно пополнили личным составом, готовя ее к наступлению. В 103-й дивизии имелось 16 батальонов по тысяче человек в каждом, но лишь 36 легких полевых орудий и 30 бомбометов при 32 штатных пулеметах. К тому времени большинство офицеров дивизии уже побывало в боях, однако кадровых командиров, как уже

говорилось, оставалось сравнительно мало, не более 8–10 на полк, ибо значительная их часть погибла. Так, сильный урон понесли мы в середине декабря 1915 года, когда в течение недели пытались прорваться западнее Хотина. Удалось оттеснить австрийцев верст на 15 и продвинуться до линии Доброновце – Боян. А затем армия вновь перешла к позиционной войне.

В течение зимы полк неоднократно выводился из окопов на отдых в дивизионный резерв. Эти дни использовались, прежде всего, для санитарной обработки солдат в полевых банях-землянках, построенных их же руками, для починки или замены износившегося обмундирования, снаряжения и оружия и, конечно, для отдыха. Если нахождение в резерве затягивалось, занимались и военной учебой. С нами, младшими офицерами полка, занятия вели командиры батальонов. Как правило, дело сводилось к коллективной читке уставов – строевого, полевого, дисциплинарного и внутренней службы. Солдат же в основном изводили муштрою, надеясь тем самым добиться от них дисциплинированности. Еще по прибытии в полк многие офицеры предупреждали меня о низкой дисциплине, причем не только среди рядовых, но даже среди унтер-офицеров. Кое-кто советовал мне при этом меньше либеральничать и побольше следовать старому прусскому правилу, гласившему, что солдат должен бояться палки капрала сильнее, чем пули врага.

Я не собирался следовать подобным советам. Мне было хорошо известно, что в армии царской России среди командного состава наблюдались две тенденции. Одна из них, преобладавшая, порождалась самим положением армии в эксплуататорском государстве. Офицеры, выходцы главным образом из имущих классов, дети дворян-помещиков, банкиров, заводчиков, фабрикантов, купцов и буржуазной интеллигенции, с недоверием относились к одетым в военную форму рабочим и крестьянам. Большинство офицеров видело в палке капрала главное средство воспитания солдат. Грубость с подчиненными, надменность и неприкрытая враждебность к ним были нормой поведения офицерства, в частности начальника нашей дивизии генерала И. К. Сарафова.

Но в военной обстановке такие взаимоотношения солдат и командиров были немыслимы. Повиновение, держащееся на страхе перед наказанием, немного стоит. Лишь только армия попадет в тяжелые боевые условия, от такого повиновения не остается и следа. Чтобы выиграть сражение, одного повиновения мало. Нужно, чтобы подчиненные доверяли командирам. Это всегда прекрасно понимали передовые русские офицеры. Они строили свои взаимоотношения с подчиненными на уважении их

человеческого достоинства, заботились о них. Такими были генералиссимус Л. В. Суворов и генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов, офицеры-декабристы, поручики наиболее передовой части русского офицерства. Такие офицеры находили путь к сердцу и разуму солдат, хотя из-за классового антагонизма, существовавшего в царской армии между солдатами и офицерами, путь этот был непростой.

Что касается меня, то я старался следовать науке обращения с подчиненными, которую извлекал из прочитанных книг. Особенно запали мне в сердце слова М. И. Драгомирова. Он еще в 1859 году, находясь при штабе Сардинской армии, во время австро-итало-французской войны, начал разрабатывать свой тезис о решающем значении нравственного фактора в воинском деле. У меня на фронте были с собой выписки из его работ.

Понятно, что не все и не сразу получалось у меня гладко. Интересы солдат и цели воевавшей царской армии были слишком различными. Однако я оставался верным принципам Драгомирова. Постепенно это дало свои результаты. В частности, у меня, как правило, почти не возникало никаких недоразумений с подчиненными, что в то время было редкостью.

Весной 1916 года, незадолго до начала Брусиловского прорыва, я был назначен командиром первой роты. Через некоторое время командир полка полковник Леонтьев признал ее одной из лучших в полку по подготовке, воинской дисциплине и боеспособности. Как мне кажется, успех объяснялся доверием, которое оказывали мне солдаты. Я до сих пор помню некоторых солдат. Через много лет после Великой Отечественной войны я получил несколько писем от своих сослуживцев, живо напомнивших мне то нелегкое время. Я был очень благодарен им и позволю привести из их писем выдержки, которые мне очень дороги.

В январе 1946 года бывший рядовой первой роты 409-го Новохоперского полка А. Т. Кисличенко (село Студенец, Каневского района, Киевской области) на мой ответ на его первое письмо писал мне: «Через 28 лет Вы не забыли, с кем влачили окопную жизнь на фронте… В эту Отечественную войну я опять был в армии, не холост, как в ту войну, а вместе с сыном – политруком Васей, который погиб под Ленинградом в марте 1942 года… Фашисты поглумились над моей родной деревней, сожгли все 200 дворов, разрушили колхозное хозяйство, но мы уже на 60 % восстановили. Живу в колхозе… На память посылаю Вам собственное стихотворение». Начиналось оно словами:

Мне помнятся те дни невзгод, страданий

Эти воспоминания хранят и другие мои боевые товарищи. Житель финского города Турку (Або) А. В. Эйхвальд писал мне в 1956 году: «Осенью текущего года исполнится 40 лет со времени боев на высотах под Кирлибабой. Помните ли Вы еще Вашего финского младшего офицера первой роты славного 409-го Новохоперского полка, участвовавшего в них?».

И сейчас пишет мне из Киева бывший младший офицер нашей роты, старый партиец, ныне персональный пенсионер, Михаил Васильевич Кравчук. Несмотря на то, что прошло более полувека с тех пор, моя дружба с этим изумительнейшей души человеком нисколько не увяла.

Приятным сюрпризом была для меня еще одна встреча с прошлым, которая произошла благодаря уфимцу Ф. Т. Мухаметзянову. Он прислал мне фотографию, на которой изображены мы с бывшим адъютантом 409-го полка Константином Дмитриевичем Бездетновым. Мы были с ним очень дружны. До назначения на должность адъютанта он был офицером одной из рот, в полк поступил примерно в одно время со мной, тоже по окончании школы прапорщиков. Снимок сделан в августе 1917 года в Одессе, куда я, временно исполнявший в те дни должность командира батальона, был командирован после серьезных боев, а К. Д. Бездетнов находился там на излечении. С фотографии глядят два молодых бравых поручика. Ф. Т. Мухаметзянов пишет, что в декабре 1971 года вместе с фотокорреспондентом газеты оказался в деревне Вечтомовке, Бураевского района, Башкирской АССР, у учителя-пенсионера Дмитрия Григорьевича Рябкова, бывшего также моим другом по 409-му полку, который и показал им фото. На обороте моей рукой написано: «На добрую память Мите. 12. VII. 17 г.» Поверх снимка видны два адреса – К. Д. Бездетнова и мой. Как сообщил Д. Г. Рябков, он и Бездетнов, вместе служили в 409-м полку, где Дмитрий Григорьевич Рябков был командиром роты. Он работал учителем начальной школы в башкирских деревнях, открывал там первые русские классы. Теперь ему за 80. Эта фотография всколыхнула пережитое, навеяла воспоминания. Я припомнил наши многочисленные беседы, которые мы вели в те дни с Дмитрием Григорьевичем. В них я который раз убеждался, что передовая часть старого офицерства неизбежно должна была прийти к мысли, что ее долг – всегда и во всем быть вместе со своим народом, служить ему, защищать его интересы. Именно эти офицеры сразу признали Советскую власть, хотя пришли к этому

признанию по-разному.

Но вернусь к фронтовым будням. Весной 1916 года подготовка к весенне-летней кампании и разработка плана действий войск на русско-германском фронте проходила под сильным нажимом объединенного командования англо-французских войск на западноевропейском театре военных действий. От России требовали начать крупное наступление сразу же по окончании весенней распутицы, чтобы не дать противнику возможности перебросить свои войска с Восточного фронта на Западный. По утвержденному царской ставкой плану главный удар из района Молодечно на Вильно должен был нанести Западный фронт, которым командовал генерал Эверт. На Юго-Западный фронт, в командование которым в конце марта 1916 года вступил генерал А. А. Брусилов, возлагалась задача нанести предварительный энергичный удар на Луцк и далее на Ковель силами 8-й армии из района к северу от Дубно. Это облегчило бы наступление войск Западного фронта. Сосредоточив на направлении главного удара 8-й армии А. М. Каледина большое количество сил и средств, А. А. Брусилов решил наступать одновременно сразу на участках всех своих армий, с тем, чтобы лишить врага возможности маневрировать резервами. Южнее 8-й армии должна была нанести удар на Броды и далее, на Львов, 11-я армия генерала В. В. Сахарова. Еще южнее, на Галич, наступала 7-я армия генерала Д. Г. Щербачева, и, наконец, наша, 9-я армия двигалась на Коломыю.

Войска 9-й армии за зиму несколько отдохнули, оправились от неудач 1915 года и заблаговременно готовились к наступлению. Против нас по-прежнему стояла 7-я австрийская армия генерала Пфлянцера-Балтина; солдаты, а в некоторой мере и офицеры, радовались, что нам придется иметь дело не с немцами, а с австрийцами, которые были слабее. В начале каждой артиллерийской перестрелки мы поглядывали на цвет разрыва и, увидев знакомую розовую дымку, которую давали австрийские снаряды, облегченно вздыхали. В составе 9-й армии готовились к наступлению 33-й. 41-й и 11-й пехотные корпуса. На ее левом фланге дислоцировались не входившие в постоянные корпуса 82-я и наша, 103-я, пехотные дивизии, а еще левее – 3-й кавалерийский корпус. Две упомянутые дивизии длительное время сражались рядом, и нередко их объединяли в сводный корпус, которым в этих случаях командовал почти всегда начальник 82-й дивизии генерал М. Н. Промтов.

Перед Брусиловским наступлением обе бригады нашей дивизии занимали 10-верстный участок северо-западнее Бонна. Перед нами расстилалась водная гладь реки Прут шириной в 40 м

и глубиной в 4 м. Мосты через реку были взорваны, весеннее половодье сделало реку многоводной, закрыло броды. Правый берег реки был выше левого, и противнику было легче просматривать наши позиции.

Наступать в полосе сводного корпуса в условиях весенней распутицы казалось нелегким делом. И все же мы с нетерпением поглядывали вперед, хотя и знали, что нас ждут сильные вражеские укрепления и огонь тяжелой артиллерии. От непогоды траншеи наших окопов раскисли. В убежищах для отдыха было крайне сыро и неуютно. «Лисьи норы», сделанные в течение зимы, в которых мы укрывались при артобстреле, осели. Ходы сообщения были очень узкими. Встречным в них трудно было разойтись, а переноска раненых требовала чуть ли не цирковой ловкости. Вдали виднелись уступы Восточных Карпат, покрытые лесами. Все надеялись, что там, сбив неприятеля с его позиций, мы обретем более сносные условия. И вот, снова и снова, мы изучаем ряды кольев с проволокой перед чужими окопами, считаем рогатки, подтаскиваем по ночам пулеметы к гнездам с трехсторонним обстрелом, продолжаем устраивать бойницы для дополнительного наблюдения.

Артиллерийской подготовкой 22 мая началось знаменитое наступление войск Юго-Западного фронта, вошедшее в историю под названием «Брусиловского прорыва». И хотя его результаты по вине соседнего, Западного фронта и верховного командования, в должной мере, использованы не были, оно приобрело мировую известность, повлияв на ход и исход Первой мировой войны. Немалое значение имело оно и для меня лично, так как по-своему способствовало формированию моих взглядов на ведение боя. Закалка, которую я приобрел во время наступления, помогла мне в дальнейшем, а опыт организации боевых действий в масштабах подразделений разного рода пригодился в годы Гражданской войны. Я, как и большинство моих сослуживцев, относился к самому наступлению с энтузиазмом: русской армии предстояло освобождать Карпатские земли.

Должен сказать, что картины, которые пришлось наблюдать, после того, как Буковина осталась позади, укрепляли в нас именно это представление. Местные жители, которые именовались тогда русинами, встречали нас с распростертыми объятиями и рассказывали о своей нелегкой доле. Австрийские власти, смотревшие на них как на чужеземцев, яростно преследовали всех, кого они могли заподозрить в «русофильстве». Значительная часть местной славянской интеллигенции была арестована и загнана в концентрационный лагерь «Телергоф», о котором ходили страшные легенды. Провинция, плодородная и

обычно довольно богатая, была сильно опустошена. Война повсюду оставила свои зловещие следы.

Наступление развивалось так. В первые же дни мая 41-й и 11-й корпуса нанесли удар на участке Онут – Доброновце. Наш сводный корпус двинулся 24 мая. Тут, в районе Нейтральной горы, австрийцы произвели газобаллонную атаку, и в 412-м пехотном полку, как рассказывали, пострадало до сорока человек. Началась паника. Суток двое напряженно, до рези в глазах, все вглядывались в сторону позиций противника. Принимали за газы каждое облачко или небольшой сгусток тумана и радовались, когда ветер дул не в нашу сторону. Положение изменилось 28 мая, когда линия вражеской обороны была прорвана. Между прочим, австрийские укрепления отличались от немецких той особенностью, что немцы вторую и третью линии обороны делали едва ли не сильнее первой, австрийцы сосредоточивали главные усилия именно на первой. Прорвешь ее – и покатился фронт вперед!

Так было и на сей раз. Пока правый фланг продвигался к Садагуре и Котцману, а оттуда стал поворачивать на северо-запад к Станиславу (Ивано-Франковску) и Делятину, наш левый фланг форсировал Прут, захватил Черновицы (Черновцы) и устремился на юго-запад и юг. 9-я армия шла с боями как бы веером, расширяя свое оперативное пространство. 3-й кавкорпус направил свои дивизии вдоль румынской границы, отсекая Румынию от Австро-Венгрии, а наша пехотная дивизия, его ближайший сосед, преодолела хребты Обчина-Маре и Обчина-Феределэу. В приказе по армии сообщалось, что при взятии Черновиц отличился командир роты Новоузенского пехотного полка капитан Самарцев, первым ворвавшийся в город.

Между тем местность заметно повышалась. В долине Прута предгорья поднимались на 120 м, в долине реки Серет-Молдавский мы находились на высоте уже 270 м над уровнем моря, в долине Сучавы – на 360 м, в долине Молдовы – на высоте 430 м. Нам приходилось форсировать ряд мелких речушек. Дороги, которыми мы шли в густых лесах, по мере продвижения переходили в горные тропы. Пейзаж становился все более суровым: угрюмые ущелья, высокие, до двух километров пики.

Нижняя Буковина осталась позади. Начались селения гуцулов. Все чаще нам приходилось располагаться под открытым небом. Этот период быстрого наступления помог мне приобрести недостающий опыт руководства подразделением во встречном бою и на марше. Я внимательно наблюдал за действиями старших по должности. Подмечал не только их приемы вождения войск, но и методы общения с «нижними чинами». И снова бросалось в

глаза наличие тех же тенденций. Одни офицеры вообще считали излишним думать об этом и поступали как бог на душу положит; другие полагали, что лучшее средство повседневного общения с солдатами – жестокость и как можно более строгие наказания. Третьи пытались найти дорогу к сердцу подчиненного, однако каждый – по-своему. Расскажу, в частности, о том, как делал это командир 3-го кавкорпуса граф Ф. А. Келлер, храбрый солдат, но посредственный, мягко говоря, военачальник.

Познакомиться с ним мне довелось при следующих обстоятельствах. Дойдя в Карпатах до долины реки Бистрица, мы надеялись в несколько дней добраться до перевалов на хребте Родна и спуститься в Трансильванию. Однако темп наступления замедлился.

Австрийцы зацепились за перевалы. 9-я армия потеряла в ходе черновицкого прорыва до половины личного состава, и мы топтались в течение июля и августа на месте, в районе Кирлибаба, Кимполунг, Якобени, Дорна-Ватра, а затем вообще остановились. Однажды генерал Келлер потребовал для охраны своего штаба, разместившегося в Кимполунге, пехотный батальон. Наш 409-й полк, находившийся в резерве, оказался подчиненным ему. Послали первый батальон, во главе которого, после потери в боях большого числа офицеров, оказался я. Прибываю в расположение кавкорпуса и докладываю начальнику штаба. Тот удивленно смотрит на меня, интересуется, сколько мне лет (мне шел тогда 22-й год), и уходит в другую комнату здания. Оттуда выходит Келлер, человек огромного роста, с улыбкой смотрит на меня, затем берет мою голову в свои ручищи и басит: «Еще два года войны, и все вчерашние прапорщики станут у нас генералами!».

Именно тогда, находясь несколько дней при штабе кавкорпуса графа Келлера, мне довелось наблюдать картины, вроде, например, такой. В стороне от нашего батальона, проводившего занятия на небольшом плацу, на опушке леса по дороге прогуливался граф. Едет мимо казак. Командир корпуса, будучи по самой природе своей до мозга костей монархистом и держимордой, но разыгрывая из себя на глазах подчиненных демократа, подзывает его, садится рядом с ним на срубленное дерево, угощает табачком и ведет непринужденную беседу. Затем отпускает «осчастливленного» солдата. Мне, однако, такой «метод» общения был ни к чему, ибо я и без того проводил все дни и ночи вместе с батальоном.

14 августа 1916 года Румыния, преодолев двухлетние колебания, объявила Австро-Венгрии войну. Ближайшие же месяцы показали, что наша новая союзница совершенно не была

готова к военным испытаниям и уже к ноябрю потерпела поражение. Пал Бухарест. Треть всей румынской армии попала в плен. Оставшиеся боеспособные части отвели в провинцию Молдова, и в декабре они заняли позиции от Монастырки до Ирештидевице. Русскому командованию пришлось сдвинуть весь фронт на юг, чтобы прикрыть Бессарабию. Возник новый, Румынский фронт: севернее 2-й румынской армии теперь стояла наша 9-я армия, а русские 4-я и 6-я армии заслонили открытый участок фронта, от Ирештидевице до Черного моря. 103-ю дивизию бросали с участка на участок. Мы то прикрывали от наступавших через Румынию немцев город Бакэу, то в районе Гимеша держали оборону против соединений германской армии генерала Герока. Не раз приходилось сражаться бок о бок с новыми союзниками, и мы вдоволь насмотрелись на бытовавшие у них в армии и возмущавшие нас беспорядки.

Между тем положение резко осложнилось. 9-я армия стояла на участке протяженностью в 200 верст. Снабжение стало плохим. Среди румын росла германофильская пропаганда, и к нам они относились не очень-то дружелюбно. Ряд высокопоставленных румынских военнослужащих перешли на сторону противника. С получением в марте 1917 года известия о том, что в Петрограде революция, что царь отрекся от престола, в жизни нашего полка, дивизии, армии, Румынского фронта и всей России началась новая полоса.

Не успели войска присягнуть новой власти, как обстановка снова круто изменилась. Возникли солдатские Советы и комитеты. Большевики повели борьбу за народные массы, а на фронте – прежде всего за солдат, основную часть которых составляли крестьяне. Большевистская ячейка, вскоре появившаяся в Новохоперском полку, действовала активно и целеустремленно, стремясь оторвать солдат от мелкобуржуазных соглашателей и повести за собой «нижние чины». Приводя в беседах с рядовыми простые, понятные, хорошо знакомые примеры из фронтовой жизни, агитаторы-большевики Киченко, Середа и другие разъясняли солдатам программу своей партии, агитировали против продолжения империалистической войны, рассеивали иллюзии «революционного оборончества» и веру во Временное правительство.

Рост влияния большевиков определялся отчасти тем, как далеко находились армии от столицы. Северный фронт революционизировался быстрее Западного, Западный – быстрее Юго-Западного, а тот – быстрее Румынского. На нашем, Румынском, фронте реакционные силы имели значительное влияние и всячески противодействовали политической работе

большевиков.

Русскими войсками на Румынском фронте командовал монархистски настроенный генерал Щербачев, сменивший своего единомышленника генерала Сахарова, который возглавлял до него русские вооруженные силы в Румынии. Эсеро-меньшевистский центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерод) активно поддерживал политику Временного правительства. Возникший в те дни «Военно-революционный комитет фронта» находился всецело в руках эсеров и меньшевиков. Таким же в большинстве своем оказались и комитеты, созданные в армиях, корпусах и дивизиях. И командование, и эти комитеты прилагали все усилия к тому, чтобы помешать проникновению в войска сведений о революционных событиях в стране, особенно в Петрограде. Только благодаря большевикам правдивые вести все же просачивались в полки. Командование всячески стремилось не допустить «самочинных» солдатских собраний и митингов. Тем не менее, в частях все чаще слышались прямые призывы к невыполнению распоряжений офицеров и Временного правительства, ибо эти распоряжения шли вразрез с чаяниями и думами солдатских масс. Особенно усилились брожения среди рядовых в конце июня, когда провалилось наступление войск Юго-Западного фронта под Львовом. Приехавшие к нам эсеро-меньшевистские делегаты I Всероссийского съезда Советов тщетно призывали к продолжению войны. Солдаты рвались домой. Провалилось и июльское наступление на Румынском фронте.

Среди офицерского состава, в том числе и в нашем полку, чувствовалась некоторая растерянность. Значительная часть кадрового офицерства, монархически настроенная и не желавшая вообще никакой революции в стране, откликнулась в августе на призыв нового верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова и была официально направлена в его распоряжение. Другая часть офицеров, особенно из тех, что пришли в армию в период войны (прежде всего наиболее прогрессивная в 26-м корпусе нашего фронта), постепенно сближалась с солдатскими массами.

Этой дорогой, сначала медленно, а затем все быстрее, шел и я. Падение монархии я встретил с энтузиазмом. Теперь мне казалось, мы будем отстаивать республику и интересы революционной отчизны. Но вскоре я увидел, что эти интересы разные люди понимают по-разному. Армия раскололась. По одну сторону остались солдаты и передовое офицерство, а по другую –

те, кто продолжал призывать к «защите отечества». Может ли истинный патриот быть не со своим народом? Нет! – отвечал я сам себе. Значит, правда не там, где я искал ее раньше. Окончательный удар по моим иллюзиям нанес Корниловский мятеж. Я постепенно стал осуждать войну, проникся недоверием к Временному правительству.

Полк наш после тяжелых боев восточнее Дорна-Ватра, находясь в резерве 4-й армии генерала А. Ф. Рагозы, отдыхал под городом Аджуд-Ноу. Мы ловили каждое слово, доносившееся до нас из тыла, внимательно слушали рассказы о демонстрациях гражданского населения и гарнизонов в Яссах, Кишиневе, Одессе и других крупных городах и ждали решающего поворота в событиях, понимая, что существующая неопределенность – временное явление. Под Аджуд-Ноу и застало нас потрясшее всех сообщение о грянувшей Октябрьской революции. Солдаты бурно обсуждали Декреты о мире и о земле, бросали винтовки, братались с австрийскими солдатами, открыто высказывали недовольство начальством и приветствовали новую власть, выражающую интересы народа.

Ненавистным офицерам порой грозил самосуд. Углубился раскол и в среде офицерства. Еще недавно мы сидели за одним столом, а теперь бывшие товарищи по оружию злобно глядят друг на друга. Видел такие злые взгляды и я – за то, что признал Советскую власть, «якшаюсь с большевиками» и бываю в Совете солдатских депутатов.

Назревало и во мне решение оставить военную службу. Нам было известно, что правительство рабочих и крестьян ведет переговоры о заключении мира. Началась стихийная демобилизация. Почему же я должен сидеть в Румынии во имя неведомой мне цели? Было время, когда я вел солдат в бой и полагал, что исполняю долг русского патриота. Теперь выяснилось, что народ обманывали, что ему нужен мир. Старая армия и Советское государство несовместимы. Значит, военной карьере пришел конец. С чистой совестью готовился я отдаться любимому делу, трудиться на земле. В конце ноября 1917 года я уволился в отпуск. С одними товарищами обнялся на прощанье, другие не пожелали подать мне руки, третьих я сам не хотел видеть…

С трудом миновав Украину, где обстановка осложнялась с каждым днем, я добрался до коренных русских губерний. И здесь политические страсти кипели вовсю. Жадно впитывая в себя новые впечатления, но, не задерживаясь нигде на долгое время, я торопился увидеть родные места и в декабре был уже дома.

Первые шаги в борьбе за Советы

Инструктор всевобуча. – Смена профессии. – Опять в деревне. – Подъяковлевская школа. – Снова за оружие! – Доверие партии. – Тульская дивизия…

Отдых в родных местах длился недолго. Я быстро убедился, что обстановка в стране не такая, чтобы думать о сельскохозяйственном вузе. Встал вопрос: чем заняться? Нужно было искать средства к существованию, а главное – подумать о твердом выборе дальнейшего жизненного пути. И как раз в это время, в конце декабря 1917 года, Кинешемский уездный военный отдел при местном Совете переслал мне телеграфное сообщение о том, что общее собрание 409-го полка, в соответствии с действовавшим тогда в армии принципом выборного начала, избрало меня командиром полка. Поэтому солдатский комитет предлагал мне немедленно вернуться в свою воинскую часть и вступить в командование. Однако военотдел, ссылаясь на сложившуюся на Украине обстановку, рекомендовал мне остаться дома и искать себе применение на месте.

Что же происходило в те дни на Украине? 31 октября 1917 года власть в Киеве перешла в руки Советов. Но буржуазно-националистическая Центральная рада, возникшая еще при Временном правительстве, свергла Советы, заявила о неподчинении Петрограду, вступила в союз с мятежным донским атаманом Калединым и договорилась с командующим войсками Румынского фронта Щербачевым, что Румынский и Юго-Западный фронты сливаются под его руководством в единый Украинский фронт, подвластный раде. Советская власть сохранилась в Харькове, где I Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину социалистической республикой, но на большей части ее территории пока распоряжалась рада. 409-й полк, вместе с другими воинскими частями, которые оказались временно под командованием Щербачева, могли быть втянуты в антисоветскую авантюру. В этих условиях разумнее было прислушаться к рекомендации нашего военотдела. Я обратился туда с просьбой использовать меня на военной работе. И через некоторое время меня назначили инструктором всевобуча в Углецкой волости Кинешемского уезда.

В первой половине 1918 года всевобуч прошел через несколько этапов своего развития. 15 января 1918 года был издан декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и при Наркомате по военным и морским делам создана

Всероссийская коллегия по формированию РККА. Она развернула активную работу в центре и на местах. В частности, были взяты на учет все военные специалисты и кадровые офицеры. В марте 1918 года VII съезд РКП(б) принял решение о всеобщем обучении населения военному делу. Накануне «Известия ВЦИК» напечатали призыв: «Каждый рабочий, каждая работница, каждый крестьянин, каждая крестьянка должны уметь стрелять из винтовки, револьвера или из пулемета!». Руководить их обучением, уже практически начавшимся в губерниях, уездах и волостях, должны были военные комиссариаты, образованные согласно декрету Совнаркома РСФСР от 8 апреля. При Всероссийском главном штабе 7 мая был учрежден Центральный отдел всевобуча во главе с Л.Е. Марьясиным, местные же отделы создавались при военкоматах. 29 мая ВЦИК издал первое постановление о переходе от комплектования армии добровольцами к мобилизации рабочих и беднейших крестьян.

В июне 1918 года состоялся I съезд работников всевобуча, принявший важные решения. В соответствии с ними строилась и деятельность органов всевобуча на местах. Еще в январе в Костроме возник губернский военотдел с учетным подотделом. Наркомат по военным делам опубликовал инструкцию о порядке работы таких органов, были открыты вербовочные пункты для записи добровольцев в РККА, и впервые развернулось широкое обучение военному делу. В феврале – марте костромичи и кинешемцы, преимущественно рабочие, записываются в пролетарские красноармейские отряды. Военотделы занимались их обучением. 21 марта, в тот самый день, когда было отменено выборное начало в Красной Армии (приказом Высшего военного совета РСФСР), Всероссийская коллегия обратилась к специалистам военного дела, ко всем офицерам старой армии с призывом идти в РККА на командные должности.

У нас в губернии сразу же нашлись десятки желающих отдать свои знания и способности молодой Советской власти. 31 марта были образованы военные округа, и Костромская губерния вошла в Ярославский военный округ, который возглавили окружной военный руководитель Н. Д. Ливенцев и комиссары В. П. Аркадьев и С. М. Нахимсон. Уже к июню 1918 года в РСФСР было 1,3 тыс. инструкторов всевобуча.

Бывшие офицеры являлись преимущественно сотенными инструкторами; бывшие унтер-офицеры – взводными и отделенными инструкторами. Сначала во всевобуч вовлекались в основном рабочие, с весны 1918 года – бедное крестьянство, а с лета – уже и середняки. Обучаемых (в возрасте от 18 до 40 лет) распределяли на группы: проходивших ранее военную службу и

не проходивших. Первых частично доучивали, а потом многие из них становились инструкторами. Ротам, как правило, присваивали названия по поселкам, откуда было большинство обучавшихся. Учили сначала одиночек, затем звеньями, отделениями, повзводно, поротно. В конце занятий проводили общее показательное учение. Занятия продолжались шесть или два часа ежедневно – в зависимости от того, были обучаемые оторваны от производства или нет. Первую официальную программу проведения всевобуча, очень краткую, мы получили в апреле. Затем появились расширенные программы. Я помню их три – недельную, 7-недельную и 14-недельную.

Во вступлении к краткой программе объяснялась политическая обстановка, вызвавшая необходимость обучения. «С часу на час можно ожидать открытого выступления врага, – говорилось в нем, – чтобы покончить с Великороссией, как это сделано с Украиной, и лишить народ всех достигнутых революцией завоеваний. Нельзя поэтому рассчитывать не только на 4-месячный срок обучения, как это делалось для новобранцев, но и на 8-недельный, как это делалось в запасных частях. Может встретиться надобность в обучении населения военному делу в недельный срок и воспользоваться для показных тактических учений, если противник даст время, еще тремя днями».

Недельная, 42-часовая программа предусматривала обучение стрелковому делу (устройство винтовки, уход за ней), ведению стрельбы, строевому делу (построения, команды, порядок огневого боя), полевой службе (охранение, разведка), окопному делу (рытье ячеек и окопов, использование гранат). Если появлялась возможность удлинить обучение еще на три дня, 18 часов, обучали еще и наступлению, ночному бою и подрывному делу.

7-недельная программа при двух часах занятий ежедневно состояла из 26 учебных часов тактики, 35 – стрелкового дела, 8 – окопного дела, 8 – на гранату и пулемет, 8 – на устав, 13 часов – на практическую проверку. При обучении пользовались старыми, давно проверенными правилами элементарной методики: «Учи показом, а поясняй рассказом»; «Показывай так, чтобы видели все, а проверяй усвоение по одному»; «Об умении суди по исполнению, а не по рассказу».

Не хватало винтовок, патронов, наглядных пособий. Инструкторам приходилось во многом полагаться на собственную изобретательность и на энтузиазм обучаемых. Особенно активизировались занятия после июня, когда начались развернутые призывы в РККА по мобилизации. Число инструкторов резко возросло. Из них примерно пятая часть

являлась бывшими офицерами, остальные – унтер-офицерами. Дело налаживалось. Неплохо шло оно, как мне казалось, и у меня. Однако я все же не получал полного удовлетворения. Мне казалось, что я мог бы принести больше пользы, так как имел уже некоторый боевой опыт. Однако военотдел не привлекал меня к более активной работе по защите Советской Родины. Видимо, сказывалось некоторое недоверие ко мне, как к выходцу из семьи служителя культа, офицеру царской армии, имевшему чин штабс-капитана. Я понимал, что такая осторожность в условиях ожесточенной классовой борьбы вполне объяснима, и старался спокойно и упорно выполнять полученное задание, ибо только честным трудом можно было завоевать доверие Советской власти. Но время шло, а на более активное использование моего военного опыта намека так и не было. Как-то, в августе, я прочел сообщение в газете о наборе кадров для работы в сельских школах Тульской губернии. Диплом об окончании духовной семинарии давал мне право стать учителем начальной школы. В семинарии мы проводили практические занятия в существовавшей при ней начальной школе. Мои уроки признавали удачными. Сообщение в газете натолкнуло на размышление, а не стать ли мне сельским учителем? Ведь можно служить трудовому народу и на этом поприще. Стране, как никогда, нужно грамотное молодое поколение, которому в будущем придется сменить старших и строить новую жизнь. И я, с разрешения Уездного военкомата, подал заявление с просьбой зачислить меня учителем.

Довольно быстро мне дали назначение, и в сентябре 1918 года я прибыл сперва в начальную школу села Верховье, а затем села Подъяковлево, Голунской волости, Новосильского уезда.

Новосиль, в котором мне пришлось побывать много лет спустя в период Великой Отечественной войны, стоит в самом центре старорусских земель. Входя ныне в Орловскую область, этот городок находился тогда на территории Тульской губернии, неподалеку от станции Залегощь железной дороги Брянск – Елец. Места здесь удивительно красивые. Долина живописной реки Зуши, одного из верхних притоков Оки, пересекается холмами, широкие дубовые леса перемежаются с лесостепью.

Климатические условия здесь более благоприятны для земледелия, чем в моей родной стороне. Но крестьян заедало малоземелье. Аграрная проблема была здесь наиболее острой. Противоречия между кулаками, середняками и бедняками выливались в ожесточенную классовую борьбу, свидетелем которой мне сразу пришлось стать.

В то время создавалась новая, советская система среднего

образования. Возникла единая трудовая школа. Кадров для нее недоставало. К тому же многие учителя шли за Всероссийским учительским союзом (ВУС), который стоял на антисоветских позициях. Большую роль в жизни местной школы сыграл состоявшийся в сентябре 1918 года I Тульский губернский съезд учителей и деятелей народного образования. Съезд призвал губернское учительство порвать с ВУСом, активно помогать Советской власти и служить трудовому народу. Началось размежевание. Одни преподаватели пытались вести обучение по-старому, другие стали на новый путь.

Этот процесс был отражением больших политических событий в стране и в уезде. Шла гражданская война. В тылу Красной Армии, в борьбе с привычками и пережитками старого мира, постоянно рождалось новое. Возглавляла эту борьбу партия большевиков. В сентябре 1918 года состоялась первая Новосильская уездная конференция РКП(б), в октябре – вторая, в ноябре – третья. Решения конференций отражались на повседневной жизни села Подъяковлево, на семьях тех крестьян, чьих детей я обучал. Трудовые крестьяне стали объединяться в сельскохозяйственные коммуны. Комитеты бедноты сливались с сельскими Советами. Бедняки активно помогали Советам реквизировать хлеб у спекулянтов, везли зерно на ссыпные пункты. В октябре 1918 года по решению II уездного съезда новосильской бедноты в подарок рабочим Москвы и Петрограда был отправлен целый эшелон хлеба. Кулаки яростно сопротивлялись мероприятиям новой власти. Они прятали хлеб, спекулировали им, тянули за собой середняков.

В конце 1918 года по ряду уездов Тульской губернии, в том числе по Новосильскому, прокатилась волна кулацких мятежей. Сельские богатеи стремились расправиться с беднотой и с работниками советского аппарата, нападали на продотряды.

Мы, учителя, не могли стоять в стороне от этих событий. Помимо работы в школе, мы занимались политическим просвещением взрослого населения. 26 декабря по губернии был разослан циркуляр о мобилизации всех грамотных для читки газет и официальных постановлений. Чаще всего мы пользовались материалами газеты агитационно-пропагандистского отдела Тульского губисполкома «Коммунар» и Тульского губвоенкомата «Вооруженный пролетарий», а также уездными листками «Голос пахаря» и «Новосильская беднота». Печатавшиеся там материалы были близки нам, ибо отражали то, что происходило на наших глазах или в соседних уездах.

В селе Подъяковлево были две школы. Наша находилась в центре села. В трех ее отделениях обучалось около сотни ребят из

Подъяковлева и ближайших к нему деревень. Я работал с огромным энтузиазмом. Мне охотно помогали коллеги по школе – сестры Евдокия и Варвара Наумовы, имевшие уже некоторый опыт учительства. Евдокия Петровна, заведующая школой, поручила мне вести младшее отделение. И с учителями, и с родителями учеников у меня быстро установился полный контакт. Казалось бы, я обрел, наконец, ту житейскую пристань, к которой я стремился. Школа отнимала все мое время, да и сам я старался загрузить день до предела, чтобы вознаградить себя за долгие поиски истинного призвания. Однако ни удачные уроки, ни привязанность ребят, ни дружба с коллективом школы все же не заполнили меня до конца.

Чего же мне не хватало? Я понял это в апреле 1919 года, когда был призван Новосильским уездным военкоматом на службу в РККА и направлен в четвертый запасный батальон, дислоцированный в городе Ефремове. Запасные батальоны были образованы приказом Реввоенсовета Республики в сентябре 1918 года для подготовки резервов в военных округах. И вот, наконец, осуществилась моя мечта, которую я вынашивал чуть ли не с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции. В мае 1919 года я был зачислен в Красную Армию, стал ее командиром. Отныне мой дальнейший жизненный путь был для меня прям и ясен.

Командиром батальона являлся бывший подполковник царской армии Донченко, а военкомом – бывший прапорщик Комин. Забегая вперед, скажу, что, распрощавшись осенью того же года с товарищем Донченко, получившим другое назначение, я имел удовольствие вновь встретиться с ним в 1926 году на высших стрелково-тактических курсах «Выстрел», где он вел занятия по методике боевой подготовки…

Хотя четвертый запасный батальон сформировали всего лишь несколько месяцев назад, он поразил меня четкостью внутреннего распорядка, внешней чистотой и опрятностью бойцов, крепкой и сознательной дисциплиной, столь необычными для старой армии. Новыми были и взаимоотношения между рядовым и командным составом: они основывались на доверии друг к другу.

Руководящую роль во всей повседневной жизни батальона, в воинской учебе, в воспитании личного состава играла большевистская партийная организация, хотя партийная прослойка в подразделениях батальона была в то время крайне незначительной.

Батальон был целиком укомплектован; роты имели по нескольку литерных маршевых рот, готовившихся к отправке на фронт. В средний командный состав подразделений входили

бывшие офицеры или унтер-офицеры старой армии. Меня назначили взводным инструктором (помощником командира взвода).

Не прошло и месяца, как мне довелось принять участие в боевых действиях. В начале июня в Ступинской волости Ефремовского уезда кулаки убили губернского представителя, возглавившего работу по осуществлению продразверстки. Распоряжением Тульского губревкома была создана специальная комиссия по борьбе с кулачеством и бандитизмом в волости. Во главе комиссии стоял ефремовский уездный военный комиссар М. В. Медведев. Нашему батальону приказали выделить в распоряжение комиссии воинский отряд численностью в 100 человек. Командиром отряда назначили меня. Парторганизация батальона направила в помощь отряду нескольких опытных партийцев во главе с товарищем Мазуровым. На этих товарищей я и опирался, выполняя первое боевое задание большевистской партии.

Город Ефремов, стоящий на реке Красивая Меча, – типичный уездный городок: 2 бывшие гимназии, 2 училища, 2 больницы и 7 церквей; склады элеватора, картофельно-мучной и винокуренный заводы, многочисленные сады. Отсюда мы направились в Ступинскую волость. Отряд провожали взгляды местных жителей: одни – приветливые, другие – злобно-настороженные. Наш путь лежал через балки и перелески, в которых прятались бандитские шайки. Круглые сутки приходилось быть в полной боевой готовности. В своих «Записках охотника» И. С. Тургенев, описывая места вдоль Красивой Мечи, восторгался изумрудными листьями речных зарослей, золотисто-черной зеленью рощ, лучезарным воздухом, облитым то солнечным, то лунным светом. Шагая в походном строю во главе своего отряда, я вспоминал эти строки. Их лиризм был так далек от обстановки, которая окружала нас. Ночную темень, все так же пронизанную сладостным ароматом, внезапно прорезали огненные вспышки, а соловьиные рулады прерывались глухими выстрелами кулацких обрезов…

Неутомимая деятельность партийной группы, исключительная сознательность и преданность своему долгу отобранных в отряд бойцов, активная поддержка со стороны сельской бедноты и части среднего крестьянства позволяли отряду быстро и правильно выполнять все задания комиссии. За короткий срок комиссии и отряду удалось конфисковать многие тысячи пудов хлеба, спрятанного кулачеством, направить в распоряжение Ефремовского ревкома тысячи задержанных или добровольно явившихся крестьян, ранее уклонявшихся от призыва в Красную Армию.

Этот непродолжительный по времени период имел для моей дальнейшей жизни и работы исключительное значение. Став красным командиром, ощутив доверие партии, я понял, что военная служба – мое единственное призвание. Именно тогда во мне зародилось стремление – во что бы то ни стало, рано или поздно, быть в рядах большевистской партии, подлинной защитницы интересов народа. Я все больше осознавал, что Великая Октябрьская социалистическая революция – подлинно народная революция. Под ее воздействием формировалось и мое политическое сознание. Полнее стало понятие Родины, патриотизма. Родина – это Советская Россия, страна трудового народа, ниспровергшего мир насилия и несправедливости, и решившего осуществить на своей земле идеалы лучших умов человечества, идеалы социализма. Советской Родине нужны своя армия, свои командные кадры, в том числе и военные специалисты. И я поклялся верой и правдой служить народной власти. «Советская Россия или смерть!» – вот слова, ставшие тогда девизом миллионов людей, в том числе и моим девизом.

Но изменилось не только мое политическое мировоззрение. Гражданская война внесла много нового в военное дело, в самое построение вооруженных сил. Некоторые профессиональные понятия пришлось в корне пересматривать, изучать заново. Впрочем, напряженно учиться пришлось всю жизнь. Такова профессия военного человека. Она требует от любого серьезного специалиста, а особенно от советского офицера, не только обширных знаний, серьезной политической подготовки и общей культуры, но и постоянного пополнения этих знаний, расширения кругозора.

Летом 1919 года военно-политическая обстановка еще более обострилась. К Тульской губернии быстро приближался Южный фронт. Его 14-я, 13-я и 8-я армии с боями отходили на север, пытаясь задержать наступление деникинцев. Путь на Тулу прикрывала 13-я армия, которой командовал, известный мне по Румынскому фронту, бывший ротмистр Анатолий Ильич Геккер. На нее наседал белогвардейский корпус генерала Кутепова, состоявший из «именных» дивизий (дроздовской, алексеевской, корниловской и марковской), Добровольческой армии генерала Май-Маевского, рвавшейся от Харькова к Курску, Орлу, Туле и Москве. 9 июля было опубликовано письмо ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!». В нем говорилось: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции».

Главное внимание Советской страны переключилось на Южный фронт. 23 августа Тульская губерния была объявлена на

военном положении. Возникли уездные советы обороны. М. В. Медведев стал членом Ефремовского Совета обороны. Тульский укрепленный район обязан был прикрыть отдаленные подступы к Москве с юга. В его военный совет вошли такие закаленные бойцы, как латышский рабочий, заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петере, один из организаторов Красной гвардии на Украине В. И. Межлаук, руководитель губернской парторганизации Г. Н. Каминский.

Вокруг Тулы и на подступах к ней с помощью местных жителей рыли окопы, ставили проволочные заграждения, сооружали пулеметные блокгаузы. Военизировалось гражданское население, формировались, вооружались и обучались воинские отряды. Перед бойцами часто выступали губернский военный комиссар Д. П. Оськин, член губкома РКП(б) П. Ф. Арсентьев, начальник местного политпросвета Н. А. Русаков. В городе и в соседних уездах срочно формировалась Тульская стрелковая дивизия. Ядром ее служили запасные батальоны, дислоцированные на территории губернии. В Тулу из Ефремова был переведен и наш четвертый запасный батальон, развернутый к тому времени в полк двухбатальонного состава. Меня назначили сначала командиром одной из рот, а по прибытии в Тулу, когда полк приступил к формированию третьего батальона, командиром этого батальона.

Основным костяком местной обороны, как и личного состава нашей дивизии, явились рабочие, преимущественно Оружейного и Литейного заводов. Еще 11 июля 1919 года президиум губернского съезда металлистов послал В. И. Ленину телеграмму о том, что съезд постановил удесятерить производство оружия, осуществить среди рабочих воинское обучение, сформировать пролетарские полки и принес «социалистическую клятву металлистов умереть или победить»[1]. Свою клятву туляки сдержали, сцементировав силы укрепленного района и придав его воинским формированиям дух несгибаемой воли и железного упорства.

Фронт подкатывался все ближе к Туле. Напряжение росло, дивизия непрерывно пополнялась. Военные занятия не прерывались ни на один день. 20 сентября деникинцы захватили Курск, а 22-го был создан Московский сектор обороны, включавший, в частности, и Тульскую губернию. Между Орлом и Тулой выросли первая и вторая оборонительные линии. Наша дивизия расположилась на третьей, а севернее пролегла еще и четвертая линия. 30 сентября Тульский губком РКП(б) получил от ЦК партии письмо, в котором говорилось: «Основная военная и, вместе с тем, и политическая задача ближайшего момента, во что

бы то ни стало, ценой каких угодно жертв и потерь, отбить наступление Деникина и отстоять Тулу с ее заводами, и Москву, затем, имея огромное преимущество в пехоте, перейти в наступление против скованной бездорожьем и распутицей деникинской кавалерии».

По приказу ревкома, в начале октября я вступил в командование полком, сформированным на базе Ефремовского батальона и вскоре переименованным в 5-й стрелковый полк Тульской стрелковой дивизии. На его укомплектование из губвоенкомата прибывали революционно настроенные призывники. Большинство из них были солдатами царской армии и участвовали в первой мировой войне. Они легко поддавались воспитанию, которым неустанно занималась партийная организация. Коммунисты умело и быстро сколачивали вокруг себя беспартийный актив, положительно влияя и на командный состав, большинство которого было выходцами из офицеров военного времени или унтер-офицеров старой армии. Призывники из крестьян-бедняков также становились активистами, охватывая своим влиянием и призывников из середняков.

В октябре наш полк занял Яснополянский сектор укрепленного района. Полковой штаб из пригорода Мясново перебрался в село Зайцево. Здесь-то и застало нас известие о падении Орла. Советская республика оказалась в самом тяжелом положении за все годы гражданской войны. 15 октября 1919 года Политбюро ЦК РКП(б) на заседании, которое проходило под председательством В. И. Ленина, разработало ряд срочных мероприятий, направленных на усиление обороны и, в первую очередь, на укрепление Южного фронта, на повышение боеспособности его войск. Политбюро постановило ни в коем случае не сдавать противнику Тулу, Москву и подступы к ним, признало необходимым сосредоточить основные усилия Красной Армии на защите Московско-Тульского района и подготовить затем контрнаступление.

20 октября В. И. Ленин направил в Тульский ревком телеграмму, в которой говорилось:

> «Значение Тулы сейчас исключительно важно, – да и вообще, даже независимо от близости неприятеля, значение Тулы для Республики огромно.
>
> Поэтому все силы надо напрячь на дружную работу, сосредоточивая все на военной и военно-снабженческой работе… Обязательно сугубая интенсивность работы среди войска, среди запасных, среди рабочих, среди

работниц…

За обороной следить, не спуская глаз… Формирование войска имеет исключительное значение»[2].

21 октября тульские профсоюзы на своей губернской конференции объявили мобилизованными всех членов профсоюза. Началась «партийная неделя». Проводились массовые собрания и митинги. Коммунисты в выступлениях на них воодушевляли трудящихся и красноармейцев, призывали их стать непреодолимой преградой на пути белогвардейцев. Из Москвы прибыл агитационный поезд «Октябрьская революция» с бригадой руководящих деятелей партии. Перед туляками выступил председатель ВЦИК Советов М. И. Калинин.

Все готовы были скрестить штыки с деникинцами. Но к Туле враг не сумел подойти. В последней декаде октября белые потерпели жестокое поражение под Орлом и Кромами, а затем покатились на юг. Наш полк так и остался к юго-западу от Тулы. Когда стало совершенно ясно, что на Южном фронте достигнут перелом, командование дивизии отдало частям распоряжение перейти к выполнению новых задач. Мы гадали, где придется нести боевую службу, полагая, что нас направят в 13-ю армию. Однако наши ожидания не оправдались. Вскоре, вместо среднерусской лесостепи, нас встретили белорусские болота и озера.

Против интервентов

Между Себежком и Полоцком. – Майский рывок. – Временное затишье. – Новый удар. – Горькая неудача. – О моих наставниках

В декабре 1919 года Тульская дивизия получила приказ отправиться на Западный фронт. Местное название, присваивавшееся тогда резервным и запасным соединениям, отменялось, дивизия получила очередной порядковый номер в рамках действующей армии и стала именоваться 48-й стрелковой, а наш полк, соответственно, превратился в 427-й полк 143-й стрелковой бригады. Командиры и комиссары воинских частей докладывали на заседании губернского ревкома о состоянии войск. Я тоже докладывал. Сообщил о полной боевой готовности полка, но добавил, что не имею опыта командования полком в условиях боевой обстановки и поэтому прошу ревком назначить в полк более опытного командира, оставив меня его помощником либо командиром батальона. После нескольких попыток уговорить меня снять свою просьбу, члены ревкома приняли мое предложение. Вскоре на должность комполка был назначен товарищ Соборнов, я же стал его помощником.

Место назначения дивизии – покрытый холмами и лесами Себежский уезд Витебской губернии, входивший в сферу действий 15-й армии (бывшей Латвийской). Растянувшись от Чудского озера до Украины, Западный фронт в то время держал оборону против буржуазно-националистических войск прибалтийских государств и Польши. Командовал 15-й армией сын эстонского крестьянина, выпускник Чугуевского пехотного училища и Николаевской военной академии, подполковник старой армии, 32-летний Август Иванович Корк, проявивший себя ранее при обороне Петрограда. Членами Реввоенсовета армии были в разное время такие стойкие большевики, как латышский рабочий, член партии с 1899 года, бывший народный комиссар внутренних дел Советской Латвии Ян Давыдович Ленцман, активный участник Октябрьской революции, прежний заместитель наркома по военным и морским делам РСФСР Константин Александрович Мехоношин и другие товарищи. Командовал фронтом тогда отличившийся уже на Северном и Южном фронтах гражданской войны Владимир Михайлович Гиттис, а затем известный герой гражданской войны, командовавший 1-й, 8-й, 5-й армиями и Кавказским фронтом, 27-летний Михаил Николаевич Тухачевский. Членами Реввоенсовета

фронта были видные деятели польского и русского революционного движения Феликс Эдмундович Дзержинский, Иосиф Станиславович Уншлихт и другие бойцы ленинской партии. Отличные командиры и комиссары возглавляли корпуса, дивизии, основную часть бригад, полков и даже подразделений. Воевать бок о бок с ними было отменной школой, и я, как командир, даже с чисто профессиональной точки зрения, рос несравненно быстрее, чем в годы Первой мировой войны, находясь на Юго-Западном и Румынском фронтах.

По прибытии на фронт выяснилось, что 48-я дивизия не останется в прежнем составе. В частности, 143-ю бригаду направили на доукомплектование 11-й Петроградской стрелковой дивизии, считавшейся на фронте одной из лучших. Она возникла годом раньше из слияния двух других дивизий – 4-й Петроградской (бывшей Лужской) и 1-й Нижегородской – и прошла боевую закалку в сражениях с войсками генерала Юденича. Наш 427-й полк поступил на пополнение 32-й стрелковой бригады. Меня назначили помощником командира 96-го полка. Прибывший вместе с нами 428-й (прежний 6-й Тульский) полк тоже влился в 32-ю бригаду. Наряду с ней в 11-ю дивизию входили 31-я и 33-я бригады. 32-я бригада в тот период составляла дивизионный резерв.

11-я дивизия в течение февраля, марта и апреля 1920 года весла оборону в районе Юховичи – Кохановичи – Дрисса от наскоков белолатышей. Для меня, как красного командира, это был второй этап боевой выучки, о котором я вспоминаю с большим удовлетворением. Здесь я еще раз убедился в коренных различиях методов действий регулярных соединений царской армии и армии победившего народа. Единение красноармейцев, комиссаров и командиров, принципиально иное отношение к своему воинскому долгу, высокая политическая сознательность бойцов делали Красную Армию могучей и непобедимой.

Буржуазно-помещичья Польша готовила в то время очередную военную кампанию против Советской республики. Пилсудчикам прислали из Франции 1,5 тыс. орудий, 350 самолетов, около 3 тыс. пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок. Боевой состав польской армии был доведен до 200 тыс. штыков и сабель. Советские мирные предложения белополяки отвергли и в апреле 1920 года перешли в наступление. На нашем участке первоочередной задачей стало прикрыть «Смоленские ворота» – пространство между Полоцком и Лепелем, позволяющее обойти с севера болота и леса в бассейне Березины. 96-й стрелковый полк, переброшенный в район озера Жеринского, базировался в треугольнике населенных пунктов Лукьянове – Замошно –

Пожинки. Постепенно к Полоцку подтягивалась вся 11-я дивизия. Западный фронт готовился к контрудару. На его правом фланге сосредоточились части ударной (Северной) группы Е. Н. Сергеева (48-я дивизия и 164-я бригада). Южнее расположилась 15-я армия в составе шести стрелковых дивизий (в том числе наша 11-я) и одной кавалерийской. Еще южнее стояла 16-я (бывшая Белорусско-Литовская) армия Н. В. Сологуба. Она должна была нанести вспомогательно-отвлекающий удар в направлении от Борисова на Минск, а главный удар выпал на нашу долю. Осью боевых действий тут служила железнодорожная линия Полоцк – Молодечно. Северная группа наступала на нее с севера, от Диены; 15-я армия – с востока, от Уллы. Разрезав фронт противника в верховьях Березины, наши объединения поворачивали на юго-запад, чтобы развить успех вдоль литовской границы и выйти в Западную Белоруссию.

Развернувшись на 60-километровом фронте сразу всеми дивизиями, 15-я армия нанесла 14 мая внезапный удар по врагу. В нашей дивизии насчитывалось всего 2.5 тыс. штыков. Но зато они были в руках бойцов, воодушевленных идеей отстоять Советскую Родину от интервентов. Сразу же после начала наступления 11-я стрелковая дивизия, как самая правофланговая, вошла в контакт с ударной группой и затем была включена в ее состав.

Мы быстро прорвали польский фронт, и 96-й полк стал продвигаться вперед, тесня противника. Боевая операция развертывалась все время вдоль железной дороги, в естественных проходах между многочисленными озерами, возникшими здесь, вероятно, еще в ледниковый период. Первое серьезное сопротивление мы встретили 18 мая, когда столкнулись с вражеской Познанской дивизией. Завязалось ожесточенное сражение за станцию Крулевщизна. Понеся тяжелые потери, полк попал на несколько дней в дивизионный резерв, 27 мая нас снова ввели в бой. Сбивая противника с одной позиции за другой, мы переправились южнее Долгиново через реку Вилия и уже готовились наступать на Вилейку, когда подверглись внезапному контрудару польской кавалерии. Часть бойцов полка не выдержала натиска конников и рассеялась. Пришлось прямо на ходу сколачивать разрозненные подразделения. Это был для меня еще один урок.

В последующие дни, отражая удары белополяков, мы встретились и с вражескими бронемашинами. С переменным успехом бой длился до 2 июня, после чего 11-я дивизия, как и весь Западный фронт, начала отходить. Через Докшицы, станцию Подевилье и район озера Плисса, непрерывно контратакуя, мы

отступали к перешейку между озерами Долгое и Сшо. Там закрепились, отрыли окопы, поставили проволочные заграждения и, отбивая ежедневно по несколько атак, держали позицию до 15 июня. Убедившись, что оттеснить нас далее не удастся, противник прекратил наскоки. Наступило полумесячное затишье. Тут мы начали разбираться, почему наш майский рывок неожиданно заглох. Выяснилось, что поляки, отбросив сначала за Березину 16-ю армию, подтянули с юга резервы и ударили по флангам 15-й армии, растянувшейся по фронту на 180 км, чтобы отсечь ее и прижать к литовской границе. Понеся большие потери в майских схватках, 15-я армия тоже вынуждена была отступить. У реки Мнюта она оказала ожесточенное сопротивление врагу, и пилсудчики не смогли продвинуться далее ни на шаг. Березинское сражение закончилось.

Началась перегруппировка сил. Фронтовые и армейские тылы несколько пополнились. Так, в нашей 11-й дивизии стало 5,5 тыс. штыков. 48-ю дивизию командование отвело на крайний правый фланг, к латвийской границе, в качестве боевого охранения на случай авантюры со стороны белолатышей. Расширившуюся Северную группу войск преобразовали в 4-ю армию. 11-я дивизия осталась в 15-й армии, левый фланг которой, усиленный несколькими соединениями, превратился в 3-ю армию под командованием выдвинувшегося ранее на Восточном и Южном фронтах В. С. Лазаревича. Южнее стояли 16-я армия и Мозырская группа войск. Основные усилия в июльском наступлении надлежало проявить трем северным объединениям на фронте в 135 км – от Дриссы до озера Пелик. Особая задача ставилась перед занимавшим крайний правый фланг 3-м конным корпусом во главе с героем боев на Восточном и Южном фронтах Г. Д. Гаем. Из района Диены этот корпус должен был далеко с севера обойти левый фланг польской армии и, нависая над ее тылами, выйти западнее озера Нарочь к литовской границе, прорваться к Ошмянам и отрезать врагу в районе Лиды пути отступления. Тем временем, 15-я армия с соседями обязана была повторить майский рывок на Молодечно, а южные объединения Западного фронта – наступать на Минск, Слуцк и Пинск. Общая задача нашего фронта сводилась к тому, чтобы заходящим справа ударом отбросить белополяков к Полесским болотам.

Новое наступление началось 4 июля. Развивалось оно чрезвычайно успешно. Ломая сопротивление противника, весь Западный фронт быстрыми темпами устремился вперед. 15-я армия в течение нескольких дней преодолела пространство, которое мы оставляли в мае, и продолжала наседать на белополяков. Позади были Глубокое, Парафьяново, Молодечно.

Двинулись на Лиду. Сюда повернулась от Докшиц и 3-я армия, наш левый сосед. 16-я армия от Минска шла на Барановичи. Наш правый сосед, 4-я армия, взяв Поставы, рванулась к Вильно. Чудеса творил конный корпус Гая. Его кавалеристы захватили с налета форты Гродненской крепости и удержали их до подхода пехоты. Впереди были уже берега Немана. Но сначала нужно было пройти через линии укреплений, возведенных здесь немцами в годы мировой войны. Белополяки зацепились за эту полосу обороны и попытались остановить победное шествие рабоче-крестьянских полков. В районе Сморгони 15-я армия натолкнулась на военно-инженерные препятствия. Завязалось ожесточенное сражение. Дорога к Неману далась нелегко.

В самый разгар боев, в конце июля, я неожиданно получил приказ: мне предлагалось немедленно отправиться на должность командира 427-го стрелкового полка в свою прежнюю 48-ю дивизию. С большим, признаться, сожалением прощался я с дружным и опытным коллективом 96-го полка, в котором принял военно-политическое крещение как красный командир, в борьбе уже не с бандитами, а с регулярными войсками противника. Мы тепло распрощались с командиром полка Ковалевым, военным комиссаром Жестянниковым, полковым адъютантом Доброхотовым и другими товарищами.

48-я дивизия была на марше в районе Вильно. Ее первый начальник товарищ Логофет был в то время заместителем командующего 4-й армии, в состав которой входила эта дивизия, а новым начдивом стал Ефим Викентьевич Баранович, в 1919 году возглавлявший запасный батальон в городе Белеве, Тульской губернии, а затем полк 48-й дивизии. Командир и комиссар 143-й стрелковой бригады – латышский рабочий, герой Московского вооруженного восстания 1917 года, очень смелый, но резковатый, Оскар Юрьевич Калнин сообщил мне, что должность, на которую я был назначен, уже занята. Поэтому мне было предложено отправиться в распоряжение начальника дивизии. Я меньше всего думал о работе обязательно в должности командира полка. Меня больше привлекала уже знакомая работа в должности помкомполка или комбата. Поэтому я упросил комбрига послать меня на одну из этих должностей у себя в бригаде и в результате стал помощником командира 429-го стрелкового полка.

До середины августа наша дивизия находилась в районе Вильно, неся гарнизонную службу. Полк произвел на меня, особенно в политико-моральном отношении, очень хорошее впечатление. Он был укомплектован в основном уже побывавшими в боях красноармейцами или прошедшими подготовку в запасных частях. Отличные отношения установились

у меня с командованием полка, в том числе и с самим командиром товарищем Дрейвичем (хотя в бригаде меня предупреждали о его нелегком характере). Партийная организация полка была боевой, сплоченной. Это меня более всего радовало. Даже короткий опыт службы в рядах РККА убедил меня в том, что наличие в воинской части сильной большевистской организации – серьезный залог успеха во всех ее делах.

Западный фронт к тому времени успел пожать радостные плоды июльских побед и не менее горькие плоды августовских разочарований. Красная Армия дошла до Варшавы, но там была остановлена. Истощенная 500-километровым переходом, понеся в непрерывных сражениях большие потери, оторвавшие от баз, лишенная снабжения пополнением и боеприпасами, она наткнулась на превосходящие силы пилсудчиков, опиравшихся на техническую мощь Антанты. А затем произошло то, что буржуазная печать окрестила «чудом на Висле», – отход наших войск. Отрезанная от соседей и обессиленная 4-я армия, с 3-м конным корпусом, смогла уйти только в сторону Восточной Пруссии, перешла немецкую границу и была интернирована. 3-я и 15-я армии в трудных условиях отступали, первая – к Гродно, вторая – к Волковыску. Сюда-то и направили нашу дивизию. Она должна была задержать наступавшего врага, помочь соединениям 15-й армии.

Через Волковыск, куда мы прибыли 18 августа, тянулись тылы отходивших войск: обозы, артиллерийские парки, кухни. Порою попадались разрозненные группы бойцов. На них было больно смотреть. Почерневшие, изможденные, многие в кровавых повязках, они хмуро шагали по обочине дороги. Юго-западнее Волковыска мы встретились с врагом, стремившимся развить свой успех. Сбив с позиции заслоны, выставленные 15-й армией, он ворвался в Пружаны и Беловежскую пущу. Наш полк принял удар белопольских войск в районе Свислочи. В результате упорного боя 48-я дивизия отбросила противника, захватила пленных, трофеи и заняла оборону на подходе к Беловежской пуще. Где-то здесь находился созданный из белорусских крестьян партизанский отряд Рубо, но установить с ним контакт мы никак не могли. Форсировав реку Нарев, 429-й полк в течение двух недель с переменным успехом сражался с белополяками.

Нашим левым соседом был 427-й полк. Однажды противнику удалось прорвать его фронт. Чтобы обезопасить фланг, командир 429-го полка Дрейвич решил использовать находившийся в резерве второй стрелковый батальон и контратаковать врага. Атака оказалась успешной, белополяки отступили, а за открытым

флангом полка мы сумели создать заслон. Я командовал вторым батальоном. Попытки установить связь с 427-м полком оказались тщетными. Из сообщений отдельных бойцов этого полка, отошедших во время боя в наш район обороны, выяснилось, что их полк, понеся потери, в беспорядке отступил.

Вечером того же дня Дрейвич вызвал меня в штаб и вручил телефонограмму от командира бригады Калнина, в которой тот обязывал меня немедленно вступить в командование 427-м стрелковым полком, и уже к утру во что бы то ни стало восстановить утраченное им положение. Связавшись по телефону с комбригом, я доложил ему о получении приказа. На мой вопрос, где можно найти 427-й полк, его штаб и прежнего командира, комбриг назвал район, фактически занимаемый тем самым батальоном, из которого я только что прибыл. Описав истинную обстановку на этом участке, я посоветовал срочно выдвинуть в район прорыва из бригадного резерва 428-й стрелковый полк и попросил дать мне хотя бы одну ночь на сбор и приведение в порядок 427-го полка, оказав при этом помощь в людях. В ответ последовал приказ немедленно явиться в штаб бригады, расположенный в деревне Вейки.

В штабе комбриг в категорической форме повторил прежний приказ. Я доложил, что при всем желании выполнить этот приказ не смогу. Меня тут же взяли под стражу и направили в ревтрибунал, находившийся в Волковыске. Не успели мы отойти версты четыре, меня вернули в штаб бригады и вновь повторили приказ. Я ответил, что по-прежнему считаю его невыполнимым. Мне немедленно вручили письменное предписание, согласно которому «за саботаж и нелепую трусость» я смещался с должности помкомполка-429 и назначался командиром взвода в одну из стрелковых рот того же полка. С этим предписанием я и возвратился к крайне удивленным, и взволнованным всем происшедшим, командиру и военкому 429-го полка, а от них, несмотря на их настойчивое предложение переночевать с ними, отправился в свой взвод шестой роты того самого второго батальона, с которым был вместе в бою весь минувший день. Сложны порой военные пути и перепутья…

Глубокой ночью я нашел роту как раз на том рубеже, где оставил ее днем. Взвод, в командование которым я вступил, занимал оборонительную позицию на открытом фланге полка. Вскоре к нему примкнули подразделения 428-го полка, только что выдвинутого по приказанию комбрига из резерва (об этом я и просил его). А через несколько дней упорных боев, когда я успел уже оценить ни с чем не сравнимую стойкость и мужество бойцов своего взвода, пришел приказ начальника 48-й дивизии прибыть в

его распоряжение. В штабе начальник дивизии Е. В. Баранович и военный комиссар Индриксон объявили мне, что в результате тщательного расследования, проведенного партийными и следственными органами дивизии, предъявленное мне командованием бригады обвинение совершенно не подтвердилось. Отзывы командования и парторганизаций 96-го и 429-го стрелковых полков обо мне вполне положительные. Командование и политотдел 11-й стрелковой дивизии сообщили, что за успешные и умелые действия в боях на реке Шоша в начале июля 1920 года был поставлен вопрос о представлении меня к ордену Красного Знамени. Приказ комбрига был отменен, а меня, с согласия командарма А. И. Корка, назначили временно, впредь до освобождения должности комполка, командиром формировавшегося отдельного батальона нашей же дивизии.

Во второй половине сентября 48-я дивизия продолжала, как и весь Западный фронт, отход на восток, оказывая врагу ожесточенное сопротивление. Наш отдельный батальон постоянно участвовал в отражении атак противника. Трудные часы пришлось всем нам пережить 23 сентября, когда была прорвана оборона 144-й стрелковой бригады и под угрозой оказались тылы 143-й бригады. Ей пришлось пробиваться через белопольские цепи, а затем быстро отступать на Слоним и далее, по Барановичскому шоссе. Селения Новая Мышь, Барановичи, Несвиж, Копыль, Слуцк – вот вехи нашего почти беспрерывного отхода. Здесь, по болотистым чащобам вдоль рек Лань, Морочь и Случь, где в крохотных деревушках жили «забытые богом» полещуки, людям порою легче было пробираться, чем лошадям. Не раз мы попадали в ловушку, из которой, казалось, не было видимого выхода. Выручали крестьяне-бедняки, указывавшие нам скрытый от глаз брод. Богатые же ехидничали: «Панове-товарищи, созывайте рынок, продавайте лошадей!».

Однако истощенная войной буржуазно-помещичья Польша вынуждена была отказаться от своих захватнических планов и пойти на заключение мира. По предварительным условиям, подписанным в октябре 1920 года в Риге, оказалось, что граница между Польшей и РСФСР проходила примерно в 50–100 км западнее той, которую Советское правительство предлагало весной 1920 года, до начала белополяками военных действий. Так была наказана агрессия. Поэтому объективным результатом этой кампании, указывал В. И. Ленин, следует считать поражение врага и победу Советской России[3].

Боевые действия на фронте прекратились в ночь на 19 октября. 48-я дивизия, стоявшая неподалеку от Бобруйска в армейском резерве, контролировала коридор между Днепром и

Березиной: выдвигала осведомительные посты, вела разведку, ставила секретные дозоры. Это было необходимо, поскольку противник, прекратив официально военные действия, тайно поддерживал различные бандитские группы, засланные им на территорию Центральной Белоруссии. Наиболее опасной из них была так называемая «Народная добровольческая армия Белоруссии» Булак-Балаховича, а также «Крестьянская бригада» атамана Искры. С. Н. Булак-Балахович, в прошлом штабс-ротмистр, еще до революции отличался авантюристическими наклонностями. Вступив в 1918 году в Красную Армию, он с самого начала замыслил измену, и, сформировав кавалерийскую часть в районе города Луга, вскоре переметнулся к белогвардейцам.

В октябре отряды Булак-Балаховича находились где-то возле Турова, а с ноября он осуществлял бандитские операции в направлении на Мозырь и, используя временную разбросанность частей Красной Армии после войны, захватил этот город. Его «батальоны смерти» действительно сеяли смерть. Они убивали советских и партийных работников. Преследуя врага, мы шли по кровавым следам в буквальном смысле слова. Почувствовав, что регулярные части Красной Армии наступают ему на хвост, «начальник Белорусского государства» (как он громко именовал себя) разделил свои силы, бросив одну колонну на Жлобин, а другую – на Речицу. 16 ноября он был настигнут и разгромлен. Тут булаковцы рассеялись и стали искать спасения небольшими группками в глухих местах Полесья. К сожалению, схватить главаря не удалось, и он ускользнул за границу. В одном из боев с его шайками пал геройской смертью комбриг-143 Оскар Калнин. У меня, несмотря на былое недоразумение, установились с ним дружественные отношения, и я, как и все товарищи, тяжело переживал эту утрату. Он был моим одногодком, жизнь его только начиналась. И даже за эту короткую жизнь О. Ю. Калнин успел многое сделать для Советской власти…

Завершая свой рассказ о борьбе с интервенцией, хочу сказать несколько слов о тех, кто учил меня мужеству, не бояться правды, хотя бы самой суровой, глядеть ей смело в глаза, быть всегда с народом и непреклонно отстаивать честь Советской Отчизны, – о коммунистах, моих сослуживцах тех лет. Многих из тех, кто были моими наставниками и учителями в то сложное время, давно уже нет в живых. Но память о них всегда оставалась для меня священной. Какие бы посты я ни занимал, я стремился быть достойным тех, кто помог мне связать свою судьбу с делом нашей партии, занять свое место в строю военнослужащих Советского государства. Вечно буду помнить Михаила Васильевича

Медведева, ефремовского уездвоенкома. Всю гражданскую войну он был начальником снабжения 48-й стрелковой дивизии, а затем долгое время начальником управления по снабжению горючим в Наркомате обороны.

Большую науку я прошел у К. Ф. Комина, военкома 4-го запасного батальона, у Жестянникова, военкома 96-го стрелкового полка, у Индриксона, военкома 48-й дивизии. Помню и многих других, кто своим примером, добрым словом и советом помогал мне идти по пути красных командиров.

Полковой опыт

В борьбе с бандитскими отрядами – Через Самару в Тверь. – Во всех полках по очереди. – О Московском военном округе. – Армия учится. – Что такое «терсистема». – Однополчане. – Памятное посещение

В ноябре 1920 года нашу 48-ю стрелковую дивизию передислоцировали в Смоленскую губернию. Там на отдельный батальон, которым я командовал, возложили демобилизацию и отправку по домам военнослужащих старших возрастов. После этого батальон расформировался. Меня назначили помощником командира 424-го полка 142-й стрелковой бригады.

С начала 1921 года части 48-й дивизии, уже имевшие некоторый опыт борьбы с бандитизмом, перебросили в Самарскую губернию, где все еще орудовали бандиты. Командование Заволжского военного округа поручило нам как можно скорее очистить местные уезды от небольших, но очень злобных вооруженных кулацких шаек. Порою через губернию, спасаясь от преследования, проходили «транзитом» и крупные бандитские отряды. Они грабили, убивали, жгли… Зимой 1921 года с волжского Правобережья в губернию прорвался отряд бывшего генерала Попова численностью в 1 тыс. штыков. К апрелю он был разбит, но в мае в Пугачевском уезде появились конные группы Аистова, Сафонкина и Сарафанкина (всего до 200 сабель), потом Пятакова, а в Новоузенском уезде возникла конная банда Серова в 500 сабель. В борьбе с бандами, проходившей в целом успешно, были потери и с нашей стороны. В одной из операций погиб мой друг, общий любимец, Константин Комин. Разве я думал, прощаясь с ним накануне, что уже никогда мне не суждено будет встретиться с этим полным сил и энергии боевым товарищем, что для него путь в Самарские степи окажется последним? Это была одна из самых горьких для меня утрат среди всех тех, которые я пережил в годы гражданской войны.

К августу банды были истреблены или рассеяны. Голод, охвативший Поволжье, заставил Реввоенсовет Республики перевести отсюда ряд воинских частей. Кроме того, началось послевоенное распределение соединений Красной Армии по местам постоянной службы. 48-ю стрелковую дивизию включили в состав столичного военного округа, а местом ее пребывания определили Тверскую губернию. В частности, 424-й полк во главе с В. И. Бахаревым попал в Ржев, и я снова увидел волжское раздолье, только уже в верховьях великой реки. На меня повеяло

ранней юностью: такой же примерно, как Кинешма, город, разве что побольше; схожие по типу фабричные заведения, в основном льнотрепальни и пенькопрядильни. Жизнь здесь, как и повсюду, шла по новым рельсам, определялась грандиозными событиями социалистической революции и гражданской войны.

Неся гарнизонную службу, наш полк активно включился в быт тружеников окрестных деревень. Мы помогали убирать урожай, участвовали в работе продналоговых органов. А мне вскоре пришлось заняться новым для меня делом. В связи с болезнью начальника штаба 142-й бригады Овечкина я вступил в исполнение его обязанностей. Это был у меня, строевого командира, первый опыт штабной деятельности, пока еще очень скромный. И, конечно, я и в мыслях не держал тогда, что со временем дойду до высоких штабных должностей.

В 1922 году началась крупная перестройка РККА. Во всех стрелковых дивизиях упразднялись бригады. Теперь дивизии внутренних округов состояли каждая из трех стрелковых полков, дивизионной школы младших командиров и различных подразделений с вдвое уменьшенной численностью бойцов. Новый шаг был сделан в 1923 году, когда утвердили единый штат стрелковой дивизии (15,3 тыс. человек, 156 пулеметов, 24 орудия), а также ввели в РККА стрелковые корпуса как высшие тактические соединения сухопутных войск. Параллельно шла массовая демобилизация. При расформировании соединения сливались. Бригада, преобразуясь в полк, а полки в батальоны, передавали им свои номера.

В нашей 48-й дивизии, которая получила двойное наименование (по месту нахождения штаба стала называться Тверской, а по месту расположения ряда служб – Кашинской), оказались 142-й, 143-й и 144-й стрелковые полки, один артиллерийский полк и один кавалерийский (вскоре направленный в Туркестан на борьбу с басмачами), а также различные спецчасти и подразделения обслуживания. 144-й полк, ставший затем Кимрским, а еще позднее – Вышневолоцким, некоторое время находился в Москве, прочие же части сразу разместились в Тверской губернии. Поскольку наша бригада превратилась в полк, произошли очередные перемещения в комсоставе. Меня опять назначили помощником комполка, а когда наш командир В. И. Калинин уехал на учебу, я вступил во временное командование 142-м стрелковым полком. Между прочим, в дальнейшем мне пришлось в течение десяти лет поочередно командовать всеми полками нашей дивизии, и, могу по совести сказать, что «полковой опыт» я приобрел изрядный.

Кажется полезным упомянуть здесь о том, что же представлял

тогда собой Московский военный округ, служить в котором нам выпала честь. Не касаясь столичного гарнизона, скажу лишь о губернских воинских соединениях. Округ охватывал 16 губерний. На их территории дислоцировались в 1922 году шесть стрелковых дивизий, две отдельные стрелковые бригады, авиаотряды, бронечасти, артиллерийские, инженерные, связи и другие отдельные части, а также специальные учреждения и разнообразные склады. В 1923 году округу добавили 1-ю отдельную особую кавбригаду, а в 1924 году – 14-ю (позднее 10-ю) Майкопскую кавдивизию. Эти соединения входили в корпуса. Когда в 1923 году в округе прибавился 10-й стрелковый корпус под командованием героя Октябрьской революции и гражданской войны П. Е. Дыбенко, прежнее подчинение соединений изменилось не сразу: в 3-м стрелковом корпусе (командир – опытный боевой военачальник В. Ф. Грушецкий) были 6-я Орловская, 17-я Нижегородская и 19-я Воронежская стрелковые дивизии; во 2-м – 14-я Московская, 18-я Ярославская и 48-я Тверская.

Нашим корпусом тогда командовал Д. Н. Надежный. Во время гражданской войны он командовал Северным и Западным фронтами, а потом был инспектором пехоты РККА. Его огромный опыт и широкие познания имели большое значение для упорядочения, и совершенствования службы подчиненных ему соединений. Не занимать умения было и окружному начальству. Войсками МВО в 1921–1924 годах командовал Н. И. Муралов, начальником штаба был М. И. Алафузо, а начальниками политического управления – последовательно И. В. Валентинов-Бойков, Б. А. Бреслав и П. И. Павловский. Судьба их несхожа, но никому из них нельзя было отказать в высоких деловых качествах.

Большинство командиров и политработников в своем 142-м стрелковом полку я знал давно и неплохо. Полк вырос из Богородицкого отряда Тульского укрепленного района. Когда Тульская дивизия стала 48-й, полк получил номер 425. В ее составе он прошел через сражения на Западном фронте, а теперь, как и вся армия, приступил к повседневной боевой и политической учебе в условиях мирной жизни. Над ним шефствовал Тверской уездный исполнительный комитет. Вскоре после того, как я принял полковые дела, нашей воинской части довелось пройти серьезное испытание, готовясь к сентябрьским маневрам. Это были первые в стране после гражданской войны двусторонние маневры всех родов войск, а также частей ГПУ и ЧОН. Они состоялись в присутствии главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики С. С. Каменева и первого помощника начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова.

Развитию военного дела уже и в ту пору придавалось большое значение. Все отлично осознавали, что мы не имеем права отставать от армий империалистических государств, а потому каждый из нас работал, насколько хватало сил и знаний. Менялось в армии и вооружение, правда, не такими быстрыми темпами, как хотелось бы. В 1922 году началось формирование так называемых показных рот, вооруженных автоматическими винтовками. В этой связи мы поставили перед полком задачу глубоко изучить новые огневые средства, овладеть и новыми приемами ведения боя с тем, чтобы перейти от линейной тактики к групповой. Накопленный опыт должен был передаваться другим подразделениям полка. К сожалению, на той стадии из-за недостатка нового вооружения делать это было почти невозможно. Поэтому всех поступавших в полк (согласно декрету от 28 сентября 1922 года об обязательной воинской повинности граждан РСФСР трудового происхождения) мы вынуждены были вооружать и обучать в основном по-прежнему. Большинство их было малограмотными или вовсе неграмотными, так что во всех частях, помимо чисто военных и политических занятий, приходилось организовывать обучение русскому языку, арифметике и географии. Таким образом, Красная Армия становилась одновременно и массовой школой ускоренной ликвидации безграмотности.

Из крупных учебных мероприятий 1922 года запомнились мне интересно проведенные зимой под Судогдой окружные маневры всех разведывательных команд войск округа, поставленных на лыжи. На двусторонних маневрах отрабатывался встречный марш в зимних условиях. Командование отрядом разведчиков от частей и соединений 2-го стрелкового корпуса было возложено на меня. Одну из сторон на этих оригинальных и поучительных маневрах возглавлял командир 2-го стрелкового корпуса Д. Н. Надежный, а другую – командир 3-го стрелкового корпуса В. Ф. Грушецкий.

Лыжной подготовке в войсках уделялось тогда большое внимание. Неплохо была поставлена она и у нас, в 142-м полку. Об этом говорят хотя бы такие факты. Отлично был проведен зимой 1923 года, в процессе подготовки к окружным соревнованиям, лыжный пробег полковой команды по маршруту Клин – Тверь. На окружных соревнованиях по маршруту Тверь – Москва, в которых принимало участие 35 лыжных команд, отряд нашего полка занял третье место, а начальник команды, командир роты Врунов, был награжден серебряной медалью.

Серьезное внимание уделялось в полку и другим видам физкультуры и спорта. Мы использовали для этой цели и

внеурочное время, стремясь привить любовь к спорту всем военнослужащим и всячески поощряя отличившихся. Отрадно было видеть, как бойцы бегают взапуски по плацу, штурмуют спортивный городок, кидают в состязании на дальность броска учебную гранату или подтягиваются на турнике. На глазах менялся облик новобранцев. Чем выносливее становились они на учениях и маневрах, тем строже делалась выправка.

В 1922 году на дивизионных состязаниях по легкой атлетике команда 142-го полка завоевала семь призов из 77. В 1923 году полк в составе дивизии, наряду с другими в округе, отбывал лагерный сбор в Москве на Ходынском поле. 17 июня впервые в округе проводились соревнования команд на 10-километровый пробег по пересеченной местности с полной походной выкладкой. Посмотреть соревнования собрались тысячи москвичей. Все с нетерпением ожидали результатов. Каково же было наше ликование, когда победу одержала команда нашего 142-го стрелкового полка. Под гром аплодисментов ей торжественно был вручен переходящий приз.

Не нужно думать, что нам сопутствовали только успехи. Трудностей у нас было не меньше. Страна только-только приступала к восстановлению хозяйства, вконец подорванного гражданской войной и интервенцией. Когда весной 1923 года полк прибыл в московские Октябрьские лагеря, нам дали дополнительную, очень чувствительную, нагрузку по несению гарнизонной службы. Немало неудобств создавала неустроенность красноармейского быта. Материальное обеспечение было пока недостаточное. Не хватало обмундирования и обуви. Текучесть красноармейского состава затрудняла налаживание планов военно-учебной подготовки. Но весь начальствующий состав, в том числе наши семьи, не покладая рук работали, чтобы преодолеть все эти трудности, и добивались определенных успехов.

В сентябре 1923 года наш полк в составе дивизии принимал участие в окружных маневрах под Коломной и получил от окружного командования хорошую оценку. Рабочие предприятий Бронницкого уезда вручили политотделу дивизии почетное Красное знамя, которое было передано на хранение в 142-й стрелковый полк, как в передовую часть, 48-й дивизии.

В 1923 году было принято решение о переводе ряда дивизий на территориально-милиционную систему. До этого в РККА имелась лишь одна милиционная бригада в Петроградском военном округе. В начале года на эту систему было переведено 10 кадровых дивизий, в том числе две в МВО – 18-я Ярославская и 19-я Воронежская, а во второй половине 1923 года к ним

прибавилось дополнительно еще 16 дивизий, из них четыре в МВО – 17-я Нижегородская, 14-я Московская, 81-я Калужская и 84-я Тульская. При резком сокращении государственного военного бюджета оставшиеся в частях кадры должны были обучать и призывников, и обеспечить на случай войны быстрое развертывание соединений до штатов военного времени. Первые сборы переменного состава РККА состоялись осенью 1923 года.

Местом комплектования нашей 48-й стрелковой дивизии была определена в 1924 году Тверская губерния. Каждый стрелковый полк получил свой территориальный район, из ресурсов которого к полку приписывали военнообязанных переменного состава из пяти наиболее молодых возрастов. Спецчасти, а также отдельные подразделения, укомплектовывались из всего дивизионного района путем персонального отбора и приписки военнообязанных через уездные военкоматы. Для руководства работой уездвоенкоматов при дивизии создали территориальное управление. Каждый батальон в полку и рота в батальоне, в свою очередь, имели собственные районы комплектования. Командный и политический состав этих подразделений нес ответственность за мобилизационную готовность и военную подготовку приписанных к ним военнослужащих.

Приписной состав территориальных частей проходил военную подготовку на учебных сборах. В год призыва военнообязанные усваивали курс допризывного обучения по военной, политической и физической подготовке. Учеба шла в местных районах в специальных пунктах, оборудованных заботами командования полка, батальонов, рот, а также местных партийных, советских и общественных организаций. К началу обучения (как правило, в зимний период) командный состав подразделений прибывал в районы. Туда же из полка направлялись все необходимое боевое и учебное оружие, приборы и пособия. Будущие призывники считались военнослужащими, размещались казарменно в общежитиях, подчинялись всем требованиям воинских уставов.

В первый год службы молодые призывники привлекались для прохождения трехмесячного (май – июль) сбора, а каждый год из последующих четырех – на осенние месячные общие сборы всего переменного состава, приписанного к полку. На время сборов территориальные части получали полностью все, что полагалось им по штатам военного времени: оружие, боевую технику, транспорт и имущество. Общие сборы приписного состава, как правило, заканчивались дивизионными учениями или участием дивизий на корпусных либо окружных маневрах. Общая

продолжительность обучения рядового состава в стрелковом полку, не считая трехнедельного срока допризывной подготовки, составляла, таким образом, около семи месяцев.

Хотя в целом по качеству боевой подготовки территориальные части, особенно специалисты, уступали кадровым частям, но, как свидетельствовали итоги ежегодных инспекторских смотров, войсковых учений и маневров, боеспособность этих частей по тому времени могла считаться все же вполне удовлетворительной. Большой вред армии нанесла антипартийная деятельность Троцкого. ЦК партии принял решение создать комиссию для изучения боеспособности войск. Обследовав состояние вооруженных сил страны, она в начале 1924 года отметила ряд серьезнейших недостатков и подчеркнула необходимость резко повысить боеспособность Красной Армии.

Совершенно ясно, что терпеть такое положение было нельзя. Великий Ленин учил, что «всякая революция тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». И Коммунистическая партия на протяжении всего своего славного и сложнейшего пути стремилась и стремится как можно лучше выполнить этот важнейший для Страны Советов, для тружеников всего мира, завет своего вождя. И вот на февральском пленуме ЦК партии 1924 года было принято решение о радикальном обновлении военного руководства и о проведении коренных преобразований в РККА. Партия отлично понимала, что, окруженная врагами, наша страна построит социализм только в том случае, если, как это и завещал Ленин, Красная Армия будет могучей, боеспособной силой.

Уже в марте был утвержден новый состав Реввоенсовета СССР, после чего и началась военная реформа в полном смысле слова. Она включила в себя ряд крупных мероприятий, действительно позволивших повысить боеготовность Советских Вооруженных Сил и подвести их к тому новому рубежу, который определился в связи с переходом СССР к индустриализации. Серьезное внимание было уделено переподготовке командных кадров. Так, шагая от этапа к этапу, росла и развивалась наша славная Красная Армия. Она никогда не стояла на месте, шла все время вперед вместе со всей страной, успешно строившей социалистическое общество.

В 1924 году – первом году военной реформы – я возглавлял дивизионную школу младшего командного состава. Мне тогда пришлось не только руководить подготовкой для нашей дивизии этих первых помощников среднего комсостава и непосредственных начальников рядовых красноармейцев, но и думать о том, как учитывать в работе школы все то новое, что

вытекало из осуществлявшейся военной реформы. В частности, необходимо было внести изменения, связанные с переменами в структуре подразделений и частей. В стрелковом взводе было теперь три отделения, три ручных пулемета и один станковый; в роте – три стрелковых взвода и взвод станковых пулеметов; в батальоне – три стрелковые роты и рота станковых пулеметов; в полку появилась 6-орудийная батарея полковой артиллерии; легкий артполк дивизии состоял теперь из 3-батарейного легкого артдивизиона и 2-батарейного гаубичного дивизиона и т. д. Затем начали вводиться новые воинские уставы и наставления.

За этими повседневными учебными заботами и застал меня внезапный вызов в Военную академию РККА (ныне Военная академия имени М. В. Фрунзе) для сдачи вступительных экзаменов. Вызов был неожиданным не только для меня, но и для командования дивизии. Я попросил командование не посылать меня в академию, так как чувствовал себя неподготовленным. Однако Главное управление кадров Красной Армии на запрос комдива И. Ф. Максимова подтвердило вызов. По прибытии в академию я подал на имя председателя приемной комиссии заявление с просьбой вернуть меня в дивизию. Меня вызвали к заместителю председателя комиссии. И кого же я увидел? Им оказался

М. Л. Ткачев. Я хорошо знал его. Он стажировался в нашей дивизии, будучи слушателем академии, а теперь работал в аппарате Главного управления кадров Наркомата по военным и морским делам. Ему-то, как выяснилось, я и обязан был вызовом. Встретились мы дружески. Однако все попытки со стороны Ткачева уговорить меня держать немедленно экзамены ни к чему не привели. Я вернулся в дивизию.

С декабря 1924 года, после ликвидации дивизионной школы, я в течение четырех лет с перерывом командовал 143-м стрелковым полком, который с переходом 48-й дивизии на территориальную систему был передислоцирован из Серпухова в Тверь, а 142-й полк – из Твери в Ржев, где находился один из его батальонов. Командир 143-го полка Миловзоров был переведен в Москву, в войска ЧОН, а меня назначили на его место. Впрочем, большинство начсостава в новом для меня полку было мне хорошо знакомо по службе в дивизии.

Нашей дивизией после гражданской войны командовал по-прежнему Е. В. Баранович. В 1922 году его сменил Степан Михайлович Серышев. Один из создателей Народно-революционной армии Дальневосточной республики, он ушел от нас на должность помощника командира корпуса, служил затем военным атташе в Японии и, в течение пяти месяцев, вплоть до

своей безвременной кончины в 1928 году, работал первым начальником Центрального дома РККА. После него дивизию принял герой гражданской войны, бывший командир 15-й Сивашской дивизии И. И. Раудмец. С конца 1925 и по 1928 год включительно дивизией командовал И. Ф. Максимов, ставший затем начальником Военно-топографического управления Наркомата по военным и морским делам. До 1931 года ею командовал бывший начальник пограничных войск Союза, большевик с дореволюционным стажем товарищ Угрюмов. Начальником штаба 48-й дивизии за это время последовательно были весьма опытные, авторитетные и уважаемые товарищи П. Н. Алексеев и А. В. Петров. В 1925 году на должность заместителя начальника штаба дивизии прибыл М. А. Пуркаев, ставший в 1928 году начальником штаба. В 1930 году он был переведен заместителем начальника штаба МВО. Особую известность и авторитет приобрел он в годы Великой Отечественной войны, возглавляя штаб фронта, командуя войсками 3-й ударной армии, Калининского и 2-го Дальневосточного фронтов. Это был отлично подготовленный, с огромным практическим опытом командно-штабной службы военачальник и хороший товарищ. Установившиеся между нами еще в дивизии дружеские, самые сердечные отношения, сохранились вплоть до последних дней его жизни.

В период моего командования 143-м стрелковым полком войсками 2-го стрелкового корпуса последовательно командовали известные в Вооруженных Силах и в стране герои гражданской войны Иван Панфилович Белов, Витовт Казимирович Путна, Иван Федорович Федько. В 1924 году сменилось и руководство военного округа. Войсками Московского военного округа стал командовать видный деятель Коммунистической партии, один из героев гражданской войны К. Е. Ворошилов. Климент Ефремович командовал войсками нашего округа в 1924–1925 годах, до момента вступления на пост Наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР. Помощником его, а затем командующим войсками округа, был известный военный деятель Георгий Дмитриевич Базилевич, политическое управление возглавлял опытнейший политработник, разносторонний по способностям и деятельности командир, комиссар и кадровик Антон Степанович Булин; штабом округа руководил до конца 1928 года опытный штабной работник, отлично знавший военное дело, весьма оригинальный по своему характеру Алексей Макарович Перемытов.

В Краснознаменном 143-м полку я с первых же дней встретил приветливое и теплое отношение со стороны командно-

политического состава и партийной организации, и вскоре мы работали очень дружно, как говорится, рука об руку. Зимой основное внимание уделялось подготовке начальствующего состава. Главные военные занятия вел я. Немало времени отнимало у нас строительство новых гарнизонных лагерей на отведенном для них земельном участке в 25 км от города, в районе бывшей усадьбы «Сахарово», принадлежавшей когда-то генерал-фельдмаршалу Гурко. Но занимались мы хозяйственными делами не в ущерб боевой и политической подготовке.

В начале июня 1924 года после выхода в лагеря мы узнали, что вскоре Тверь и нашу дивизию посетит командующий войсками округа К. Е. Ворошилов. Полк проводил тогда обычные трехмесячные сборы новобранцев. Командующий прибыл в Тверь из Вышнего Волочка, где проводил проверку 144-го стрелкового полка. Поскольку я тогда впервые встретился и познакомился с Климентом Ефремовичем, мне хочется остановиться на этом эпизоде поподробнее.

Старый член партии, К. Е. Ворошилов не мыслил своей деятельности без общения с местной парторганизацией, с трудящимися, особенно с рабочими людьми. Поэтому первым его шагом по приезде стала встреча с активом горкома партии и горисполкома, с тружениками вагоностроительного завода и текстильной фабрики «Пролетарка». Затем последовали беседы с командованием дивизии и двухдневное детальное ознакомление с нашим полком, ходом боевой и политической подготовки, состоянием дисциплины, материальным обеспечением и хозяйством. Вместе с командующим этой работой занималась большая группа начсостава из управления и штаба округа.

В первый же вечер я представил через дивизионное руководство подробный план занятий полковых подразделений на все ближайшие дни и получил указание встретить командующего в 9 часов утра на полковом стрельбище, куда он прибудет в сопровождении комдива. По плану боевой подготовки в тот день проводил стрельбы второй батальон.

Батальон отрабатывал одно из начальных упражнений по стрельбе из винтовки. Ворошилов, вместе с сопровождавшим его известным в Красной Армии специалистом стрелкового дела С. И. Шестаковым, проверил подготовку к стрельбе очередной смены и ход самой стрельбы. Запретив отмечать на мишенях пулевые пробоины, он пошел к мишеням и тщательно осмотрел каждую из них. Туда же подвели бойцов стрелявшей смены. Каждый боец, встав у своей мишени, докладывал командующему о результатах. В целом они были хорошими, но один боец ни разу не попал в

мишень. На вопрос Ворошилова, почему у него такие плохие результаты, боец ответил: «Винтовка, товарищ командующий, попалась неважная…». Последовал вопрос ко мне: «Проверен ли бой оружия перед его выдачей бойцам?» Я ответил утвердительно и потребовал у командира стрелявшей роты пристрелочную карточку на эту винтовку. Карточка свидетельствовала об отличном бое винтовки. К. Е. Ворошилов, будучи снайпером по стрельбе из всех видов стрелкового оружия, решил сам проверить винтовку и отправился вместе с ее владельцем к прицельному станку. Стрельба со станка подтвердила отменный бой винтовки. Ворошилов не удовлетворился этим и, приказав поставить соответствующую мишень в 300 м от линии огня, произвел стрельбу по ней из положения лежа с руки. Результаты и здесь оказались превосходными. После этого командующий обратился к стрелявшей смене примерно с такими словами: «Товарищи, ваша смена действовала хорошо! Спасибо вам, спасибо вашим командирам за хорошую стрельбу, за хорошую учебу. Но вот товарищ, – он назвал имя незадачливого бойца, – из вашей смены не попал в мишень ни одной пулей. На мой вопрос – почему, ответил, что виновата винтовка. Прошу посмотреть на эти мишени. Да, по-видимому, он теперь и сам убедился, как прекрасно ведет себя в умелых руках эта «неважная» винтовка. Я думаю, что нам следует, прежде всего, напомнить ему старую мудрую русскую пословицу «На зеркало неча пенять…». Порекомендуем ему посерьезнее отнестись к учебе и к концу сбора стать отменным стрелком. Но за то, что он так обидел свою ни в чем не повинную подругу, я вернуть ему ее не могу. Да к тому же ее бой я нахожу даже лучше, чем бой у моей винтовки, в стрельбе из которой я тренируюсь. А потому прошу командира полка подарить и переслать ее мне. Вторая просьба к командиру полка: дать сегодня же бойцу другую, тоже хорошего боя винтовку, а с плохим боем винтовок в вашем полку, как я надеюсь, вообще нет. По окончании летнего сбора сообщите через товарища Шестакова, как закончил «отличившийся» товарищ свою учебу и каких результатов добьется он в стрельбе».

Проверив еще две смены, а затем, ознакомившись с тем, как организованы и проводятся на стрельбищном поле стрелковые занятия в других ротах батальона, К. Е. Ворошилов заявил, что хотел бы побывать на тактических занятиях полка. Узнав, что как раз в те часы подразделения первого и третьего стрелковых батальонов отрабатывали на фоне ротных учений сколачивание отделений и взводов, он попросил провести его на занятия в третью роту. К тактическим занятиям командующий отнесся с большим интересом, задавал много вопросов, сделал полезные

предложения по тактике боевых действий, использованию местности, оружия, лопаты, по маскировке, а командному составу – и по методике подготовки занятий. В целом, как он заявил на ротном разборе занятий, организация и проведение занятий его вполне удовлетворили. Остался доволен он подготовкой бойцов и состоянием роты в целом, поблагодарив за это руководившего занятиями помощника командира роты А. Д. Тимофеева и весь личный состав подразделения. Хорошо прошла на следующий день и проверка строевой подготовки полка. Не стану скрывать, что я был горд за свою воинскую часть, за то, что мы не ударили лицом в грязь перед командующим. После этого состоялся митинг. Климент Ефремович в своей речи поблагодарил полк за усердную и успешную работу и пожелал всему его личному составу новых успехов.

Это посещение дивизии и полка командующим войсками округа имело большие положительные последствия. Бойцы долго вспоминали, кому и что он сказал, восхищались его знанием воинского быта. Командование дивизии было довольно тем, что командующий составил себе мнение о 48-й стрелковой дивизии не по одному, 144-му полку, что Тверской гарнизон в целом не уступает соседям.

На пути к реконструкции

«Выстрел». – Где служить? – Борис Михайлович Шапошников. – Так учил И. П. Уборевич. – На промышленную основу. – В. К. Триандафиллов. – Помнить об агрессии. – Вступление в ВКП(б). Прощай, Вышний Волочек!

В 1926 году, будучи командиром 143-го стрелкового полка, я прошел годичное обучение на отделении командиров полков стрелково-тактических курсов «Выстрел». Это – одно из старейших и авторитетнейших учебных заведений Советских Вооруженных Сил. Его роль в подготовке среднего и старшего командного состава была и остается огромной. Всей работе со слушателями здесь был присущ сугубо практический характер. Этот полезный практицизм в определенной мере традиционен. Возникла школа на базе Офицерской стрелковой школы, а та вела свое существование от Учебного пехотного батальона, размещавшегося до революции в Ораниенбауме. Школа «Выстрел» была сформирована в ноябре 1918 года. Ее возглавлял старейший знаток огневого дела, бывший генерал царской армии Н. М. Филатов. Под его руководством с 1919 года в школе работали такие мастера оружейного дела, как В. Г. Федоров, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев и другие известные создатели оружия для Красной Армии. В 1924 году школа получила название «Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коммунистического Интернационала». Ныне она официально именуется Высшими офицерскими ордена Ленина Краснознаменными курсами «Выстрел» имени Б. М. Шапошникова.

С 1919 года и до 1926 года через курсы прошло 4 тыс. командиров, в том числе 505 командиров полков. За годы Великой Отечественной войны курсы дали Родине более 20 тыс. командиров стрелковых полков, батальонов, рот.

Курсы были укомплектованы на редкость опытными преподавателями. При мне их возглавлял известный по гражданской войне военачальник Григорий Давидович Хаханьян, награжденный тремя орденами Красного Знамени и Почетным оружием. В 1929 году вышла его интереснейшая книга «Основы военной психологии». О разносторонности знаний Г. Д. Хаханьяна может свидетельствовать тот факт, что немалое место в книге занял анализ физиологических основ поведения военнослужащих. Во введении к книге крупный специалист по изучению роли высшей нервной деятельности в трудовых процессах, сотрудник

академика И. П. Павлова Ю. П. Фролов, отмечает высокий профессиональный уровень этого анализа. Работа содержала богатый материал по характеристике социальной психологии, видов военного труда, интеллектуальных и биологических основ таких явлений, как страх и паника, и по психологической подготовке армии к боевым действиям со множеством разнообразных, интересно подобранных примеров. На посту начальника курсов Г. Д. Хаханьян проявил также большой талант организатора и педагога.

Нашу подготовку составляли четыре учебных комплекса: тактика, стрелковое дело, методика и обществоведение. Занятиями по тактике руководил сам Г. Д. Хаханьян, а уроки вели В. И. Волков, Н. С. Новиков и Б. И. Рышковский. Мы изучали современный по тому времени бой во всех его разновидностях. В рамках общей тактики проходили специальные дисциплины (артиллерию, военно-инженерное и военно-химическое дело, связь, топографию и устройство тыла). Квалифицированно преподавали серьезные, вдумчивые специалисты: топограф Д. С. Шуваев, военный инженер И. Н. Петров, артиллерист Н. К. Сегеркранц, знаток военной администрации П. И. Мишутушкин. Хорошее впечатление производили на слушателей главный руководитель оружейного дела Н. М. Филатов, руководитель стрелкового дела Г. Ф. Морозов и преподаватель огневого дела С. И. Шестаков, а также преподаватели методики обучения войск В. К. Головкин и М. Г. Донченко.

Слушатели хорошо изучили материальную часть оружия, научились управлять огнем подразделений, вести пулеметную стрельбу с закрытых позиций, по воздушным целям, огонь ночью и в дыму. Большое значение придавалось занятиям по обществоведению. Для чтения докладов о международном положении в школу приглашали видных деятелей ВКП(б) и Коминтерна. Нам запомнились яркие доклады участника революционного движения в России и Польше тогдашнего редактора «Красной звезды» Феликса Яковлевича Кона и участника венгерского революционного движения, наркоминдела и наркомвоена Венгерской Советской республики в 1919 году, члена Исполкома Коминтерна Бела Куна.

Вместе со мной в школе учились многие будущие видные военачальники Советской Армии: В. И. Тупиков, Ф. Ф. Жмаченко, Н. П. Пухов, С. Г. Трофименко, А. И. Шебунин и другие товарищи. 21 ноября 1958 года в юбилейной газете «Выстрел», выпущенной к 40-летию курсов, я писал: «Курсы «Выстрел», являясь старейшей кузницей офицерских кадров Советской Армии, на всем протяжении своего существования успешно готовили

высококвалифицированных офицеров для Вооруженных Сил Союза ССР. Я с благодарностью вспоминаю свое пребывание и учебу на курсах, которые дали мне твердые знания как командиру Красной Армии». Готов повторить эти слова и сейчас.

Вспоминая школу «Выстрел», я не могу не сказать хотя бы нескольких слов о том чрезвычайно скорбном событии, которое переживали Советская страна и ее Вооруженные Силы, потеряв 31 октября 1925 года председателя Реввоенсовета, народного комиссара по военным и морским делам СССР, кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б) Михаила Васильевича Фрунзе. Вся страна знала Михаила Васильевича как опытнейшего, несгибаемого борца-революционера, председателя Иваново-Вознесенского окружного комитета РСДРП, руководившего в 1905 году крупнейшей в России политической стачкой текстильщиков в Иваново-Вознесенске; в период гражданской войны – как крупного полководца-стратега, ведущего подчиненные ему войска от победы к победе, не знавшего поражений, а в послевоенные годы показавшего себя выдающимся государственным деятелем, крупнейшим военным теоретиком. «Подполье, баррикады, камера смертников, каторга, революция, водительство революционных войск и слава великих побед – вот путь товарища Фрунзе!» Так писала «Правда» в печальные дни смерти революционера-полководца. Я лично не имел счастья в годы гражданской войны воевать под непосредственным руководством М. В. Фрунзе. Я видел Михаила Васильевича всего лишь один раз в течение нескольких минут, и те минуты были и останутся для меня незабываемыми, минуты, когда я с глазами, полными слез, вместе с другими слушателями отделения командиров полков школы «Выстрел» был удостоен чести стоять в почетном карауле у гроба покойного полководца.

В августе 1926 года по окончании курсов я вернулся в свой 143-й полк. В то время командующим войсками Московского округа стал Борис Михайлович Шапошников. В своих воспоминаниях я буду много писать об этом необыкновенном человеке. Нам суждено было долго работать вместе. И мне хочется сказать, что немногие люди оказали на меня такое сильное влияние и дали мне так много, как он. Жизнь Б. М. Шапошникова типична для большинства военнослужащих старой армии, сразу же после социалистической революции ставших на сторону народа. 19-летним юношей Б. М. Шапошников поступил в Московское (впоследствии Алексеевское) военное училище и успешно окончил его. После нескольких лет службы в Средней Азии он учился в Академии Генерального штаба. Штабной офицер кавдивизии в годы Первой мировой войны, участник ряда

сражений, Б. М. Шапошников незадолго перед Великим Октябрем становится полковником и командует Мингрельским гренадерским полком, а затем, в декабре 1917 года, избирается начальником Кавказской гренадерской дивизии. В мае 1918 года он добровольно вступает в ряды Красной Армии. К этому времени у него за плечами 16 лет военной службы, высшее военное образование, практика работы на различных штабных и командных должностях, более чем трехлетний опыт войны. Трудно переоценить значение вклада такого высококвалифицированного специалиста в строительство Красной Армии.

Вступив в Красную Армию, Борис Михайлович выполнял ответственную оперативную работу в штабах Высшего военного совета, наркомвоена Украины, а с осени 1919 года – в Полевом штабе РВСР. В грозные дни лета 1918 года, когда белогвардейцы подошли к Волге с востока, и осенью 1919 года, когда войска Деникина подходили к Орлу с юга, спокойное мужество и верность делу революции со стороны Шапошникова были отмечены и по заслугам оценены командованием Красной Армии. В годы гражданской войны Борис Михайлович не только сложился как крупный оперативно-штабной работник, но и проявил талант военного теоретика и публициста. Уже тогда стали известны его работы о боевой подготовке войск, о действиях стратегической конницы, обзоры боевых действий в кампаниях 1919–1920 годов. Обобщение и осмысление боевого опыта стало основной темой его выступлений в печати в первые годы после гражданской войны. Его труды «Конница» и «На Висле» – крупные, интересные научные исследования.

Ответственная работа Б. М. Шапошникова в Штабе РККА в период военной реформы, изучение практики генеральных штабов армий различных стран позволили ему создать обобщающий труд о генеральном штабе. Будучи командующим войсками Ленинградского и Московского военных округов, он упорно работал над вопросами боевой подготовки войск и оперативной подготовки руководящего состава, продолжая свои теоретические исследования. В это же время он написал трехтомный труд «Мозг армии» (первые два тома вышли в 1927 году, последний – в 1929 году).

Книга Б. М. Шапошникова «Мозг армии» знакомит читателя с основными взглядами на характер войны и ее масштабы, дает представление о структуре генерального штаба как органа верховного главнокомандования и о сущности его работы, о требованиях, предъявляемых современной войной к полководцу, к органам оперативного управления и их работникам. Наконец,

она знакомит читателя с функциональной деятельностью генерального штаба по подготовке экономики страны к войне. Появление труда «Мозг армии» вызвало живой интерес среди командного состава РККА и нашло широкий отклик на страницах военной печати как у нас в стране, так и за рубежом. Конечно, в 1927 году я, как командир полка, не мог еще оценить в полной мере все богатство содержания труда, оно раскрывалось передо мной постепенно, по мере того, как я рос сам и продвигался от одного рубежа военной службы к другому. Много лет прошло после выхода в свет трех книг «Мозг армии», многое, конечно, за это время изменилось; жизнь внесла немало изменений и в выводы, изложенные в них. Но и сегодня значение труда Б. М. Шапошникова по-прежнему огромно…

Командный состав в те годы напряженно работал над освоением «Боевого устава пехоты». Армия оснащалась новым оружием – пулеметами отечественного производства, полковой пушкой образца 1927 года. В июне 1928 года были проведены опытная мобилизация, а затем тактические учения 48-й стрелковой дивизии в районе города Торжка. Вскрылись как сильные, так и слабые стороны боевой и мобилизационной готовности соединения, его возможности выполнять «Наставление по войсковой мобилизации», незадолго до того разработанное Штабом РККА. Непосредственно перед опытной мобилизацией нашу дивизию и 143-й стрелковый полк проинспектировал первый заместитель начальника штаба МВО К. А. Мерецков. Специальную же комиссию, прикрепленную к нашему полку на время мобилизации и учения, возглавлял начальник штаба 2-го стрелкового корпуса М. Л. Ткачев. Помимо руководства, во главе с начальником штаба округа А. М. Перемытовым, за ходом работы на протяжении всей мобилизации наблюдали особая комиссия, руководимая начальником Управления РККА товарищем Левичевым, а также заместитель наркома по военным и морским делам И. С. Уншлихт. Приятно вспомнить, что наше соединение успешно справилось с задачей. Дав хорошую оценку дивизии в целом, инспекторская группа особо выделила 143-й стрелковый полк, его боевую; мобилизационную подготовку, общее состояние и дисциплинированность. От имени наркома И. С. Уншлихт объявил личному составу нашего полка благодарность.

Вскоре 48-ю стрелковую дивизию посетил новый командующий войсками МВО Иероним Петрович Уборевич. Бывший подпоручик, блестяще проявивший себя в годы гражданской войны как один из способнейших советских военачальников, он обладал уже к 1928 году большим

общегосударственным и служебным опытом, являлся мастером организации и проведения боевой, и оперативной подготовки войск. Командному составу Красной Армии были известны его военно-теоретические труды. Это была моя первая встреча с Иеронимом Петровичем.

Мы очень скоро убедились, что в вопросах боевой подготовки войск И. П. Уборевич обращает особое внимание на их умение действовать в условиях, приближенных к боевым. Знакомство с дивизией он начал с изучения уровня военной подготовки командного состава, прежде всего его высшего и старшего звена. За несколько дней своего пребывания в дивизии командующий успел дать нам на решение ряд хотя и коротких, но исключительно интересных и сложных по содержанию тактических и технических задач. Затем состоялось командно-штабное учение в поле со средствами связи, в котором приняли участие командование и штаб дивизии, а также командование и штабы всех ее частей.

Пребывание И. П. Уборевича было полезным. Мы по-новому взглянули на себя, обнаружили серьезные недостатки в нашей боевой и политической подготовке. Командующий показал нам, как и над чем именно надо работать, чтобы в ближайшее же время поднять боеспособность подчиненных нам войск. Следует сказать, что и эта встряска, и те, порою острые, замечания Иеронима Петровича в адрес каждого из нас не обидели и не расстроили командиров, а убедили в необходимости более строго оценивать свою работу, видеть ее перспективу, верить в успех. Дальнейшее показало, что подобная моральная зарядка не только полезна, но иногда бывает крайне необходима.

Месяца через два после этого мне суждено было вновь встретиться с командующим войсками округа. Произошло это в штабе округа. Встрече предшествовали особые обстоятельства, коснувшиеся меня лично, – перевод на должность командира 144-го стрелкового полка нашей же дивизии, дислоцированного в Вышнем Волочке. Полк этот считался в то время наиболее слабым и по дисциплине, и по подготовке. Перевод поразил не только меня, но и весь руководящий состав 143-го полка. Не скрою, воспринял я его с обидой. Во-первых, потому, что мне крайне не хотелось покидать 143-й Краснознаменный полк, считавшийся лучшим в дивизии (за четыре года командования в это было вложено немало и моего труда).

Нелегко было расставаться с командно-политическим составом и парторганизацией полка, с которыми у меня установились отличные взаимоотношения. И еще одно немаловажное обстоятельство беспокоило меня: именно в 143-м

полку я собирался осуществить мою давнюю заветную мечту – вступить в Коммунистическую партию.

Перевод в новую часть неизбежно заставлял отложить это решение на неопределенное время. Командир и военком дивизии И. Ф. Максимов сообщил мне, что приказ издан с ведома командования округа. Цель его – в ближайшее же время вывести 144-й стрелковый полк из постоянного прорыва. Видя мое настроение, он порекомендовал мне поехать к И. П. Уборевичу, заверив меня, что переговорит с ним по телефону и постарается поддержать мою просьбу об отмене приказа.

Иероним Петрович принял меня более чем радушно, расспросил о здоровье семьи и о моих планах. Я рассказал, ничего не утаивая. Он уточнил, знаю ли я, по чьей инициативе и в результате чего появился приказ. Услышав утвердительный ответ, И. П. Уборевич сказал следующее (эти слова настолько врезались в мою память, что, по-видимому, я смогу привести их почти дословно):

– Вот вы сказали, что хотите, и, на мой взгляд, вполне достойны того, вступить в ряды партии. Но что же получается? Вопрос о вашем переводе в 144-й стрелковый полк является сугубо партийным делом. Его поставила партийная организация 48-й стрелковой дивизии, и она вместе с командованием была уверена, что вы, опираясь на партийную организацию 144-го полка, сможете вывести его из отстающих. Партийная организация в полку крепкая. Ей необходим лишь хорошо подготовленный, опытный в военном отношении командир. Вы свое дело знаете, любите его. Я уверен, что эта задача, в тех условиях, в которых вам придется трудиться, выполнима. С другой стороны, именно ваша серьезная работа в прошлом заставляет меня, как и вашего комдива, отнестись к вашим претензиям внимательно. Так вот, если вы продолжаете настаивать на том, чтобы остаться в 143-м полку, я готов просить народного комиссара об отмене приказа. Дело теперь за вами.

Мне стало не по себе. Я извинился перед командующим за непростительно отнятое у него время, попросил разрешения немедленно отправиться к месту новой службы и заверил его, что сделаю все от меня зависящее, чтобы оправдать доверие партии и командования. Это было в конце ноября 1928 года. Сумел ли я сдержать свое слово? Моя аттестация от октября 1930 года, утвержденная комвойсками МВО А. И. Корком, дает основание ответить на этот вопрос утвердительно. Должен добавить: сдержать слово мне помогли парторганизация и весь коллектив начальствующего состава 144-го стрелкового полка. Осенью 1930 года на инспекторской дивизионной проверке 144-й стрелковый

полк занял в нашей дивизии первое место. Отличную оценку получил он в том же году и на осенних окружных маневрах.

И. П. Уборевич командовал войсками МВО более года, а затем был переведен на другую должность. Правда, мне и позднее не раз приходилось служить под непосредственным руководством этого незабываемого полководца-учителя, крупнейшего специалиста. Его сменил в МВО другой видный полководец гражданской войны – Август Иванович Корк, командовавший армиями, фронтом и военными округами. Начальником Политуправления МВО был тогда известный политработник Василий Гаврилович Володин, а начальником окружного штаба – тоже известный армии по Гражданской войне, опытный оператор, отличный штабной работник, практик и теоретик Евгений Александрович Шиловский.

В округе шли почти непрерывные учения. В марте 1929 года состоялись двусторонние тактические учения: в мае – двухстепенная оперативно-тактическая военная игра, в сентябре – окружные маневры; в 1930 году: в январе – двухстепенная авиационная оперативная игра по использованию ВВС в армейской наступательной операции, в марте – большие окружные учения, в апреле – артиллерийская оперативная игра с руководящим начсоставом, в июле – авиационные учения, в октябре – новые окружные маневры, а в промежутках – ряд других учебных мероприятий.

Войска округа несли службу уже не в прежних границах. После 1929 года МВО включал Нижегородский край, Московскую, Ивановскую и Центральную Черноземную области.

Техническая реконструкция армии шла в двух направлениях: пехота получала модернизированную винтовку и другое оружие, а наряду с пехотой, конницей, артиллерией стали интенсивнее выделяться в самостоятельный род автобронетанковые войска. Первой такой ласточкой явилась сформированная тогда в РККА механизированная бригада (в дальнейшем имени К. Б. Калиновского), и вскоре на парадах на Красной площади Москвы загрохотали советские танки.

Новое оружие и боевая техника потребовали пересмотра некоторых положений военного искусства. Инициаторами в этом большом деле среди высшего начсостава РККА выступили крупные военные мыслители – М. Н. Тухачевский («Вопросы современной стратегии», 1926 год), А. А. Свечин («Стратегия», 1927 год), А. К. Коленковский («О наступательной операции армии, входящей в состав фронта», 1929 год) и ряд других видных специалистов. Среди них мне хочется выделить В. К. Триандафиллова (его труд «Характер операций современных

армий» наиболее известен в последнем издании, 1932 год). Владимир Кириакович Триандафиллов вступил в командование 2-м стрелковым корпусом МВО в 1928 году. Вышедшая в свет его книга явилась по существу первым трудом, в котором оперативно-стратегические проблемы освещались с учетом последних требований военного искусства.

В. К. Триандафиллов положил начало разработке теории глубокой операции. Эта теория как раз и наметила способы применения войск, оснащенных новейшей боевой техникой. Теория глубокой операции видела полный разгром вражеских сил в одновременном подавлении обороны противника на всю ее глубину. Применением авиации и воздушно-десантных частей обеспечивался быстрый прорыв этой обороны, выход на оперативный простор и во вражеский тыл. В труде В. К. Триандафиллова разрабатывалась тактическая теория общевойскового глубокого боя, преимущественно наступательного.

Нельзя не сказать о В. К. Триандафиллове и как о командире корпуса (в этой должности он стажировался, оставаясь начальником Оперативного управления и заместителем начальника Штаба РККА). Как командир 144-го полка я в течение двух лет фактически едва ли не постоянно учился и работал под его руководством. Всесторонне подготовленный оператор-генштабист, высококлассный методист подготовки командных кадров и штабов, Владимир Кириакович успешно сочетал работу над исследованием и обобщением таких проблем, как характер, и масштаб современной войны в целом, или структура и вооружение Красной Армии, с вопросами, имевшими непосредственное отношение к обучению, и повседневному воспитанию бойцов, к изучению их жизни, и быта. Трудно представить себе человека, который более, чем он, любил свою профессию. В военном деле его интересовало буквально все. В. К. Триандафиллов неизменно был полон бодрости, энергии, творческого энтузиазма. И этот духовный подъем, уверенность в успехе труда заражали подчиненных, все те воинские коллективы, которыми он командовал.

Командир корпуса часто бывал в 144-м стрелковом полку. Те ценные беседы, которые мне приходилось с ним вести, советы и мысли, которыми он охотно делился, свежи в моей памяти и по сей день. Во время его посещений полка и дивизии в летние месяцы, в период лагерной учебы, обязательно проводились длительные, с большим отрывом от лагерей войсковые учения. Шла отработка новых способов и форм ведения современного боя, освоения и использования последних образцов вооружений и

боевой техники. Особое внимание уделялось взаимодействию пехоты, артиллерии, танков и авиации в различных видах общевойскового боя, и управлению войсками. Учения проводились, как правило, в интересной по замыслу, сложной и весьма поучительной для войск и командования тактической обстановке.

Много пользы приносили проводившиеся В. К. Триандафилловым перед началом каждого летнего периода сборы командиров и комиссаров полков, батальонов и артдивизионов. На этих сборах мы также занимались отработкой управления войсками в бою с привлечением всех штабов, средств связи, войск (для этой цели использовались полковые школы младшего командного состава, которые сводились на это время в батальоны и полки). На ежедневных учениях командиры и комиссары вместе со своими штабами по очереди управляли войсковыми частями в условиях сложной боевой обстановки. Командир корпуса подводил итоги учения, отмечал положительные и отрицательные стороны, подробно разбирал ошибки, анализировал их причины, и тут же указывал, как надо было в данном случае поступить, и почему. Сборы были очень полезны, давали много нового.

Такая же – с большими или меньшими результатами – учеба проходила в войсках всех военных округов. Это диктовалось международным положением, которое оставалось крайне неблагоприятным, а порою резко обострялось.

Каждый командир, комиссар Красной Армии, знали, что не сегодня, так завтра нам предстоит стать на защиту нашей Родины. И мы учились ежедневно и ежечасно, учились хорошо воевать, бить захватчиков без пощады, отстаивать свои границы.

Партия проводила большую работу по воспитанию личного состава армии и флота в духе советского патриотизма. Помню регулярные «Декады» и «Недели обороны». Особенно запомнилась мне «Оборонная декада» в ноябре 1930 года, приуроченная к 10-летию разгрома Врангеля. Немалую роль в обострении чувства революционной бдительности сыграло опубликованное в газетах «Обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации Союза инженерных организаций» (процесс «Промпартии»). Представители воинских частей, в том числе и нашей, посетили ряд промышленных предприятий, встречались с трудящимися, помогали Осоавиахиму. Рабочие и крестьяне провели массовый субботник, средства от которого пошли в фонд обороны РККА. Военно-Воздушный Флот страны получил десятки самолетов, построенных на добровольные взносы трудящихся.

144-й стрелковый полк, как я отмечал, находился в Вышнем Волочке. Мне очень нравился этот русский городок с его

старинными каналами и шлюзами, садами и бульварами. Здесь служилось хорошо. Я старался передать командирам подразделений и красноармейцам все из того, что знал сам, что успел приобрести и осмыслить за 17 лет военной службы, из которых 12 лет в славных рядах РККА, а всего тогда мне было 35 лет. 144-й полк стал мне близким и родным, и я полагал, что надолго. Но командирская доля едва ли не самая переменчивая.

Осенью 1930 года, после больших и удачных для дивизии и нашего полка окружных маневров под Москвой, на которых присутствовали народный комиссар по военным и морским делам, представители ряда военных округов, высших военно-учебных заведений и военные делегации зарубежных стран, В. К. Триандафиллов, прощаясь со мною, сказал, что в интересах дела я в ближайшее время буду, скорее всего, переведен на работу в центральный аппарат наркомата. Весной 1931 года, несмотря на мои просьбы оставить меня в 48-й стрелковой дивизии, приказом наркома меня назначили в формировавшееся в то время Управление боевой подготовки РККА.

В 48-й дивизии я прослужил в общей сложности 12 лет, включая последние годы гражданской войны. На новом месте службы мне, по-видимому, пришлось бы снова отложить решение важного для меня вопроса – вступления в ряды Коммунистической партии. И я подал заявление в партбюро полка о принятии меня кандидатом в члены ВКП(б). Партийное бюро поддержало мою просьбу.

Партийное собрание состоялось в последнее воскресенье перед моим отъездом в Москву. Оно было открытым, и на Ленинской площадке полковой школы младшего командного состава, где оно проходило, собрался почти весь полк. Вряд ли я сумею передать на бумаге все чувства, которые переполняли меня в тот момент. Мои товарищи из числа старшего и среднего командно-политического, младшего начальствующего состава, а также рядовые бойцы очень тепло говорили обо мне, давали высокую оценку моей работе. Я понимал, что их хорошие слова в мой адрес ко многому меня обязывают. Единогласным решением партийного собрания я был принят кандидатом в члены Коммунистической партии. Через несколько дней парткомиссия дивизии утвердила решение и направила его в окружную партийную комиссию. В августе 1931 года его утвердила парткомиссия Московского военного округа, и я стал кандидатом в члены ВКП(б). А 13 декабря 1933 года я, в составе парторганизации Управления боевой подготовки РККА, прошел партийную чистку. Как известно, в связи с чисткой ВКП(б), проходившей тогда, а затем, вследствие проверки и обмена

партийных документов, прием в партию с 1933 до конца 1936 года был решением ЦК прекращен.

Мое пребывание кандидатом в члены партии, в связи с этим, несмотря на данные мне положительные служебные аттестации и партийные характеристики, задержалось. Лишь в начале 1938 года открытое партийное собрание Генерального штаба РККА единогласно приняло меня в члены партии. В марте того же года партийная комиссия ПУРККА утвердила это решение.

Я с особым теплом вспоминаю 48-ю дивизию, с которой я распрощался весной 1931 года. Лица моих друзей по дивизии, учителей-командиров и однополчан проходят перед глазами уже подернутые дымкой времени. Неутомимый рационализатор методики боевой подготовки, впоследствии начальник Института рационализации трудовых процессов, командир стрелкового корпуса в Великую Отечественную войну М. И. Запорожченко. Соратник В. И. Чапаева, возглавлявший позднее соединение и объединения РККА, бесстрашный И. С. Кутяков. Прославленный начдив 27-й Омской дивизии, увековеченной в красноармейском песенном фольклоре, В. К. Путна. Галерея командиров полков, чьими трудами упрочилось в стране доброе мнение о 48-й стрелковой дивизии, – П. А. Поведений, П. И. Воробьев, М. И. Скородумов, Б. П. Пекутовский, В. И. Калинин, В. И. Бахарев. Отличные политработники, беспредельно преданные делу партии большевиков, – П. И. Кузнецов, Л. И. Лифшиц, В. А. Шкуратенко, А. К. Безбородов, М. Г. Баранов и другие. Прекрасные штабные работники и командиры подразделений, на которых всегда можно было опереться в работе, – Н. И. Изумрудов, В. Ф. Виноградов и другие. Все они были моими добрыми наставниками и помощниками в дорогой моей памяти 48-й стрелковой дивизии.

Там, где бьется пульс армии

В Управлении боевой подготовки. – «Кабинетная» должность. – Теория и практика. – В Академии Генерального штаба. – О Д. М. Карбышеве. – Неожиданные назначения

Командирская служба предполагает, в принципе, достаточно частое перемещение с одной должности на другую, из одной местности – в другую, смену условий работы и ее форм.

Сознавая все это, я, тем не менее, уезжал из родной дивизии не с веселым настроением. Мне думалось, что я, привыкший работать с людьми в войсковых коллективах, любивший смену занятий в течение года, чередование казарменных классов, плаца, стрельбищ и природных просторов, по-видимому, не смогу привыкнуть к кабинетной должности.

Управление боевой подготовки я застал в стадии формирования. Меня поселили в Сокольниках. Как-то в один из первых выходных дней недалеко от дома я случайно встретил В. К. Триандафиллова с супругой. Несмотря на большую разницу в нашем служебном положении, встреча была столь же простой и сердечной, как и все предыдущие в Твери и Вышнем Волочке. Мне она особенно памятна потому, что она оказалась последней… Начальник Оперуправления поздравил меня с новым назначением. Услышав о моих сомнениях, всячески старался меня подбодрить, уверяя, что служба в управлении, куда я назначен, предстоит огромная, интересная, разносторонняя.

Увы, всего лишь несколько недель спустя после этой встречи, я, вместе со всей Красной Армией, скорбел, провожая в последний путь дорогого Владимира Кириаковича. Он погиб на служебном посту в результате авиационной катастрофы 12 июля 1931 года.

В отношении моей новой работы Владимир Кириакович оказался прав. Потребовалось немного времени, чтобы она увлекла и целиком поглотила меня. Я работал в Управлении боевой подготовки от начала его формирования в 1931 году до конца 1934 года.

Оно явилось для меня исключительно полезной школой, причем не только военной, но и партийно-политической.

Управление состояло тогда из штаба боевой подготовки и нескольких инспекций: пехоты, конницы, артиллерии, инженерных войск, войск связи, физподготовки и военных оркестров. Уже сама эта структура, объединявшая все рода войск Красной Армии (за исключением бронетанковых и авиации), не

могла не сказаться положительно на организации боевой подготовки в целом, особенно на отработке вопросов взаимодействия родов войск, что крайне важно в современном бою.

Наркомат удачно укомплектовал управление руководящими кадрами. Сюда назначались, как правило, военачальники, имевшие за плечами большой командный или штабной стаж службы, отличные аттестации и боевой опыт Гражданской или даже Первой мировой войн.

За годы моей работы там управление возглавляли общепризнанные знатоки боевой подготовки. Вначале им руководил Альберт Янович Лапин (Лапиньш), незадолго до того вернувшийся из Китая, где он в качестве военного советника помогал Народно-революционной армии в борьбе с китайской реакцией. Его сменил Александр Игнатьевич Седякин, впоследствии командарм 2-го ранга, крупный военачальник и хороший практик. Во главе инспекций стояли: пехоты – Матвей Иванович Василенко, бывший штабс-капитан, командовавший ранее 11-й, 9-й, 14-й армиями, участник освобождения Армении от дашнаков; конницы – народный герой Семен Михайлович Буденный, инспектор кавалерии РККА; артиллерии – серьезный знаток военного дела, впоследствии командарм 2-го ранга В. Д. Грендаль (в 1933 году его сменил Н. М. Роговский); инженерных войск – Николай Николаевич Петин, в годы Гражданской войны начальник штаба 6-й армии, Западного, Южного и Юго-Западного фронтов, а позднее – командующий Киевским и Сибирским военными округами; связи – товарищ Синявский, а позднее товарищ Лонгва. Одновременно со мной в Управлении боевой подготовки служили в те годы такие военные специалисты, как Виталий Маркович Примаков, крупный кавалерийский военачальник, до назначения в управление советский военный атташе в Афганистане и Японии; известный по 1-й Конной армии в годы Гражданской войны (позднее – как командующий Закавказским фронтом в период Великой Отечественной войны) Иван Владимирович Тюленев; окончивший незадолго до того курсы усовершенствования высшего начсостава Георгий Константинович Жуков; превосходные штабисты и строевики П. А. Белов, В. Н. Гордов, С. А. Зотов, К. А. Коваленко, А. А. Коробков, И. Д. Косогов, А. Д. Пулко-Дмитриев, П. Н. Рубцов, А. И. Сатин, П. П. Сабенников, Г. Д. Стельмах, М. Л. Ткачев, А. Г. Шабловский и другие.

Партийная организация управления по своему численному составу была одной из самых больших в Наркомате обороны. На первом общем собрании коммунистов всех инспекций и штаба

Управления боевой подготовки секретарем партийного бюро был избран помощник инспектора кавалерии Г. К. Жуков, а заместителем – И. В. Тюленев.

Чем же занималось Управление боевой подготовки? Я глубоко заблуждался, когда предполагал, что буду «кабинетным» работником. Мы выезжали в войска, проверяли ход боевой подготовки, выявляли ее слабые стороны; проводили для командного состава показные занятия, отрабатывали в войсках новые методы ведения общевойскового боя, усовершенствовали методы обучения войск. На учениях с войсками проверяли на практике подготавливаемые боевые уставы и специальные наставления для родов войск, подчиненных по линии боевой подготовки нашему управлению. Разрабатывали уставы для общевойсковых соединений, до стрелкового и кавалерийского корпуса включительно. В конце года подводились итоги боевой подготовки войск, которые докладывались начальнику Штаба РККА и народному комиссару по военным и морским делам, а также разрабатывались руководящие указания на следующий период или учебный год (в виде приказов либо директив наркома, начальника Штаба РККА или начальника УБП).

Все работники нашего управления большую часть времени, к моей радости, обязаны были проводить в войсках. Каждой поездке предшествовала тщательная отработка всех подлежащих проверке заданий под руководством начальника управления, начальника его штаба или одного из инспекторов, в зависимости от содержания вопроса. На меня, кроме того, с 1931 года были возложены обязанности по редактированию и изданию выпускавшегося управлением «Бюллетеня боевой подготовки» – теоретического и методического пособия для командного состава РККА, и оказание помощи редакции издававшегося с 1921 года непосредственно при наркомате, а с 1931 года – при УБП журнала «Военный вестник», существующего и поныне.

Особое внимание в РККА в целом и в Управлении боевой подготовки уделялось теории глубокого боя. Ею непосредственно занимались зимой 1933 года А. И. Седякин совместно с военными округами. В разработке теории наступательных операций принимал участие заместитель наркома М. Н. Тухачевский, творчески развивавший проблемы ведения боя в своих трудах «Маневр и артиллерия», «Бой пехоты», «Наши учебно-тактические задачи».

А летом в лагерях Приволжского военного округа, куда были направлены войска, вооружение и техника, проводились опытные учения по практической отработке вопросов, связанных с организацией и проведением глубокого общевойскового боя.

Главным руководителем учений, проходивших в его родных местах, являлся начальник Штаба РККА Александр Ильич Егоров. Его заместителями были: основным, с постоянным пребыванием в районе учений, – начальник артиллерии РККА Н. М. Роговский, а также И. Ф. Федько как командующий войсками этого округа. При главном руководстве, на время учений, создали штаб из работников штаба Управления боевой подготовки, Штаба РККА, инспекций и Управления бронетанковых войск. Возглавлять штаб по руководству учениями было приказано мне. Вся эта наша летняя работа закончилась крупными общевойсковыми учениями, итоги которых подвел непосредственно А. И. Егоров.

Настойчиво трудились над отработкой глубокого боя под руководством своих командующих и войска других военных округов, особенно Белорусского и Киевского. Результатом длительного и кропотливого труда всего армейского коллектива были «Инструкция по ведению глубокого общевойскового боя» и «Инструкция по взаимодействию пехоты, артиллерии, танков и авиации в современном общевойсковом бою».

В том же году мне пришлось принять участие в подготовке штабом управления совместно с работниками Штаба РККА «Наставления по службе войсковых штабов», которое после утверждения начальником Штаба РККА было направлено в войска. В свободное от выездов в части время я участвовал вместе со своими коллегами по УБП в систематических занятиях тактического, технического и методического порядка. Нередко работники управления выезжали для ознакомления с новейшей техникой в соответствующие институты или на артиллерийские, танковые и инженерные полигоны. По приказу наркома при Управлении боевой подготовки неоднократно проводились также занятия с начальниками центральных управлений наркомата. Иногда это были учебные сборы, и их участники освобождались от работы у себя в управлениях. Некоторые, наиболее принципиальные по значению занятия проводил М. Н. Тухачевский, уделявший боевой подготовке войск и работе нашего управления повседневное внимание. Так, прежде чем доложить наркому «Инструкцию по ведению глубокого общевойскового боя», хотя она появилась в результате тщательной отработки, ее вновь проверили на многократных занятиях, проводившихся в залах Центрального дома Красной Армии с участием всех начальников родов войск и основных управлений наркомата.

Проводил занятия, как правило, начальник УБП А. И. Седякин со всей присущей ему тщательностью. А. Г. Шабловский, я и другие работники УБП помогали готовить эти занятия. Все

спорные вопросы выносились на рассмотрение М. Н. Тухачевского. Иногда окончательному решению предшествовали дополнительные занятия на ящике с песком у него в кабинете или даже учения с войсками под Москвой (с использованием Московской Пролетарской дивизии, специальных частей и военных школ Московского гарнизона).

Другой проблемой, которой УБП уделяло неослабное внимание, была теория глубокой операции фронта и армии. По мере обострения международной обстановки эта теория приобретала все более важное значение. Япония захватила Маньчжурию; возник очаг новой войны в Азии. В Германии пришел к власти Гитлер. Фашисты становились ударным отрядом международного империализма. Советскому Союзу грозила непосредственная опасность. На наших границах участились антисоветские вооруженные провокации. Зарубежная реакционная печать трубила о «крестовом походе против большевизма».

ЦК ВКП(б) и Советское правительство настойчиво требовали крепить оборонную мощь СССР, и проводили твердую линию на дальнейшее всестороннее развитие и совершенствование РККА. Успехи советского народа в осуществлении первой и второй пятилеток, торжество политики индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, обеспечивали создание надежной экономической базы и для наращивания оборонной мощи Красной Армии. Мы готовились отразить возможную агрессию, бить захватчиков на их же территории, ответить быстрым контрударом, с использованием новейших достижений военной науки и боевой техники. Вот почему теория глубокой операции становилась все более актуальной.

Большую роль в дальнейшей разработке этой теории сыграли Штаб РККА, командующие родами войск и военными округами, начальники их штабов, работники УБП, начальники военных академий, видные теоретики и практики военного дела. Неослабное внимание ей уделяли замнаркома М. Н. Тухачевский, командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич, командующий Украинским военным округом И. Э. Якир, командующий Военно-Воздушными Силами Я. И. Алкснис. Важные проблемы разрабатывались в трудах М. Н. Тухачевского «Характер пограничных операций» (1934), И. П. Уборевича «Оперативно-тактические и авиационные военные игры» (1929), Г. С. Иссерсона «Эволюция оперативного искусства» (1932), С. Н. Красильникова «Организация крупных общевойсковых соединений» (1933), В. Л. Меликова «Проблема стратегического развертывания» (1935), в трудах В. К. Триандафиллова. В

результате теоретической и практической деятельности видные талантливые военачальники армии разработали, в ходе командно-штабных учений, военных игр, полевых поездок и войсковых маневров, новые и оригинальные формы и методы ведения вооруженной борьбы. Этот багаж был весьма полезен в годы Великой Отечественной войны.

Менялась, совершенствуясь, и организационная структура Красной Армии. Еще в самом начале 30-х годов стали создаваться бронетанковые бригады, а в 1932 году был сформирован первый в мире механизированный корпус. Затем создали ряд таких корпусов. Для подготовки необходимых командных кадров в 1932 году образовали Военную академию механизации и моторизации. Большое внимание уделялось также развитию воздушно-десантных войск. В 1933 году из авиамотодесантного отряда Ленинградского военного округа была сформирована воздушно-десантная бригада. Применение таких десантов с тактическими, а затем и с оперативными целями, тоже впервые, было продемонстрировано в присутствии военных делегаций ряда капиталистических стран на войсковых маневрах Красной Армии в 1934 году. Совершенствовалось вооружение Военно-Воздушных Сил, отрабатывались вопросы наиболее эффективного использования их в тактическом и оперативном взаимодействии с другими родами войск.

Неизмеримо выросли требования, предъявляемые к уровню боевой подготовки в войсковых частях и соединениях. Когда на летних войсковых маневрах 1934 года, в Приволжском военном округе был выявлен ряд недочетов как в области оперативно-тактической подготовки, так и в вопросах управления войсками, особенно в дивизионном и корпусном звеньях, последовал памятный, по-видимому, для всех нас, старых работников Советских Вооруженных Сил, приказ народного комиссара с соответствующими оценками, указаниями по результатам этих маневров и с организационными выводами по ним. Приказ коснулся и меня: в связи с необходимостью усилить аппарат штаба Приволжского округа меня направили туда начальником отдела боевой подготовки.

Войсками Приволжского военного округа тогда командовал герой Октябрьской революции и гражданской войны Павел Ефимович Дыбенко. Штаб округа последовательно возглавляли крупные специалисты штабной службы Н. В. Лисовский и профессор И. Е. Варфоломеев, работавший перед этим заместителем начальника цикла стратегии в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Широко были известны труды Н. Е. Варфоломеева «Оперативные документы войсковых штабов»,

«Организация войск и управление ими», «Техника штабной службы», а особенно «Ударная армия» и «Наступательная операция», в которых он, на основе исследования основных операций Первой мировой войны, делал выводы о характере наступательных операций в новых условиях. Полагаю, что эти работы не утратили некоторого значения для нас и в настоящее время.

Не забуду ту помощь и содействие, которые оказывал мне состоявший в 1934 году в должности заместителя начальника штаба округа В. Д. Соколовский, впоследствии Маршал Советского Союза. Василий Данилович был ранее комдивом в войсках Ферганской и Самаркандской областей, боровшихся с басмачами, и приобрел немалый практический опыт. В Приволжье началось наше знакомство, закрепившееся особенно в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

Из значительных событий 1935 года упомяну об участии командования и штаба Приволжского военного округа в стратегической полевой поездке на территорию Белорусского округа. Руководил ею командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич. Наш округ представлял одну из армий, а мне приказано было возглавить в ней оперативный отдел. Польза от полевой поездки в Белоруссию для ее участников, как и вообще от всех учебных мероприятий, проводившихся такими специалистами военного дела, как И. П. Уборевич, была огромной. Что касается меня лично, то я фактически впервые сумел серьезно проверить свою оперативную подготовку. В рамках Приволжского округа такой возможности мне ранее не предоставлялось.

22 сентября 1935 года постановлением ЦИК и СНК СССР в РККА и на флоте были введены персональные воинские звания для командного и начальствующего состава. Мне в 1936 году было присвоено, как и многим другим, звание «полковник», а до этого я носил в петлицах один ромб.

С большим увлечением продолжал я работать начальником отдела боевой подготовки штаба Приволжского военного округа. Завершалась техническая реконструкция армии. Наши Вооруженные Силы должны были обладать превосходством над буржуазными армиями во всех решающих средствах борьбы и в подготовке. Армия все дальше отходила от территориальной системы, К концу 1935 года почти три четверти ее дивизий стали кадровыми. Росла ее численность. Был создан Генеральный штаб РККА. В войска поступало новое вооружение. Появились танки Т-26, БТ, Т-28, позднее Т-35; автоматическая винтовка С. Г. Симонова (образца 1936 года); зенитные пушки и пулеметы;

новые типы самолетов. Совершенствовалась боевая подготовка войск.

Осенью 1936 года произошел новый поворот в моей службе: меня и начальника оперативного отдела штаба полковника С. Г. Трофименко приказом наркома зачислили слушателями первого набора в созданную по решению ЦК ВКП(б) Академию Генерального штаба. Отбор слушателей проводился под непосредственным руководством ЦК партии. В Академию направляли работников Генерального штаба и штабов округов, командиров и начальников штабов крупных войсковых соединений и преподавателей академий РККА. Все зачисляемые в Академию обязаны были иметь боевой стаж, отличные аттестации по службе и, как правило, высшее военное образование. Особенное внимание было уделено подбору преподавательского состава.

Разместилась Академия в двух домах по Большому Трубецкому переулку. В одном находились учебные аудитории, в другом жили слушатели. Срок обучения нам определили в 18 месяцев. Занятия начались 1 ноября 1936 года. Мы носили на кителях и шинелях бархатные черные воротники с белой окантовкой, белый кант вдоль малиновых лампас на брюках и белую окантовку по малиновому околышу на фуражке. Эта форма сразу отличала слушателей Академии от иных военнослужащих. 137 человек первого набора были разбиты на ряд учебных групп.

Для всех без исключения профилирующей учебной дисциплиной было оперативное искусство и, прежде всего, освоение подготовки и проведения армейской операции. На последнем этапе обучения предполагалось также ознакомление с фронтовой операцией и теоретическим курсом стратегии. Значительная часть времени отводилась методике разработки оперативных задач, проведения военных игр и командно-штабных учений в поле со средствами связи. Изучали мы также новую боевую технику. Углубляли свои знания по военной истории, тактике и администрации.

Центральный Комитет партии обеспечил Академию прекрасными преподавателями. Начальником Академии и ее комиссаром был отличный организатор учебного процесса Дмитрий Александрович Кучинский. Кафедру армейской операции возглавлял комбриг Г. С. Иссерсон, тактики высших соединений – комдив П. И. Вакулич, организации и мобилизации – комкор М. И. Алафузо, военной истории – комдив В. А. Меликов. Преподавали в Академии М. А. Баторский, А. И. Верховский, А. И. Готовцев, П. П. Ионов, Я. М. Жигур, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, А. Д. Малевский, С. Г. Михайлов, В.

К. Мордвинов, И. Х. Паука, А. А. Свечин, Е. Н. Сергеев, Н. И. Трубецкой, Ф. П. Шафалович, Е. А. Шиловский и другие знатоки своего дела.

Хочу отдельно остановиться на имени такого преподавателя, как доктор военных наук Дмитрий Михайлович Карбышев, принадлежавший к числу наиболее уважаемых профессоров. Еще в дореволюционное время он получил два высших военно-инженерных образования, участвовал в русско-японской и мировой войнах, строил форты Брест-Литовской крепости. После победы Великого Октября он входил в коллегию по обороне Советской Республики, возводил укрепленные районы против армии Колчака, организовывал инженерное обеспечение войск против сил Врангеля, укреплял южные границы СССР. Мы хорошо знали его работы «Инженерная разведка» и «Краткий справочник по военно-инженерному делу».

Во время Великой Отечественной войны Дмитрий Михайлович Карбышев совершил свой бессмертный подвиг. Будучи тяжело раненным, он попал в плен. В застенках гитлеровских палачей он продолжал непримиримую борьбу с фашизмом и погиб, не покорившись вандалам, проявив высокое мужество, оставшись до конца верным долгу перед Родиной. Память о Д. М. Карбышеве, как несгибаемом советском патриоте, сохранится навсегда.

До 1 февраля 1937 года мы изучали действие корпусов, авиасоединений, войсковой тыл, знакомились с печатными документами о зарубежных армиях и новинками боевой техники. После двухнедельных каникул перешли к изучению родов войск, армейского тыла и армейских операций – наступательной, оборонительной, встречного сражения, контрнаступления и марш-похода. Перед нами выступали с докладами М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, Я. И. Алкснис; командующие округами И. П. Уборевич и И. Э. Якир провели показные игры «Прорыв подготовленной обороны» и «Ввод в сражение механизированного корпуса».

Огромное внимание уделялось марксистско-ленинской подготовке слушателей. Партийная организация Академии вела постоянную борьбу за партийность и высокую идейность в учебной и научно-исследовательской работе, за глубокое овладение личным составом Академии марксистско-ленинской теорией. Большой школой политического воспитания коммунистов являлись партийные собрания. Основным в их работе были вопросы, которыми жила в те годы Академия, а именно: политическое образование коммунистов и воспитание высокой политической бдительности, учебный процесс и научно-

исследовательская работа. В Академии регулярно читались лекции и доклады на темы марксистско-ленинской теории и по международным вопросам. Для этой цели часто приглашались высококвалифицированные лекторы из Московского и Центрального комитетов партии. Особо памятными остались доклады Е. М. Ярославского, Д. З. Мануильского. Выступал перед нами и А. Н. Толстой. В то же время сама Академия являлась средоточием квалифицированных кадров пропагандистов. Слушатели и преподаватели Академии были активными агитаторами и пропагандистами идей партии среди трудящихся Москвы и Подмосковья.

Главную часть времени составляла детальная разработка вопросов, связанных с исследованием форм планирования и проведения фронтовых и армейских операций, использованием в них современных средств борьбы, взаимодействия между ними, управления войсками в ходе операции и обеспечения войск. Кроме предварительных лекций, групповых упражнений и игр, долгие часы мы просиживали в лабораториях и библиотеках.

Несмотря на то, что многие слушатели уже имели достаточную теоретическую и практическую подготовку, Академия Генерального штаба в значительной мере помогла всем нам пополнить и систематизировать знания, расширить военный кругозор и, безусловно, способствовала успешному выполнению в дальнейшем тех ответственнейших заданий, которые выпали на долю многих из нас в годы Великой Отечественной войны. Поэтому все мы с признательностью и благодарностью вспоминали на протяжении всей последующей работы это замечательное военно-учебное заведение.

Многие из слушателей первого набора стали в годы войны ответственными руководителями в составе Вооруженных Сил. Назову лишь некоторых: А. И. Антонов и автор этих строк возглавляли Генеральный штаб; И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров и П. А. Курочкин командовали фронтами; А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, М. И. Казаков, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, А. Н. Крутиков, Г, К. Маландин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов возглавляли штабы фронтов; Н. Е. Басистый, А. И. Гастилович, К. Д. Голубев, М. П. Миловский, А. В. Петрушевский, А. В. Сухомлин, С. Г. Трофименко, Н. И. Четвериков и другие командовали армиями или являлись крупными руководителями в системе Наркоматов Обороны и Военно-Морского Флота. Говоря о подготовке военных кадров, мы, ветераны этой войны, должны отметить, что Коммунистическая партия и в предвоенные годы уделяла огромное внимание работе высших военно-учебных заведений,

создавала самые благоприятные условия для их деятельности.

С 1 июня по 15 июля 1937 года всем слушателям Академии был предоставлен летний отпуск, после чего нас направили на двухнедельную войсковую стажировку на корабли Военно-Морского Флота. Одна половина курса (а с нею и я) отправилась на Балтийский флот, другая – на Черное море. По окончании флотской стажировки Генеральный штаб организовал для слушателей в приграничной полосе Украинского военного округа большое штабное учение со средствами связи. Цель – практическая отработка фронтовой и армейской наступательных операций. Завершение курса близилось, но закончить его большинству из нас так и не удалось. Одной из причин этого явились имевшие место в стране, в том числе и в Вооруженных Силах, нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни и социалистической законности, совершенно необоснованные репрессии, в результате которых часть командно-политического и особенно руководящего состава Вооруженных Сил, преподавателей и слушателей академий была арестована. В связи с этим в Вооруженных Силах последовала серия быстрых назначений и перемещений. Свыше 30 слушателей нашей Академии первого набора были направлены на различные, порою довольно высокие, командные и штабные должности. Продолжала учение лишь половина, а окончила его – четверть набора.

В конце августа 1937 года возглавлявший тогда временно Академию преподаватель Я. М. Жигур дал мне указание принять входившую в состав кафедры оперативного искусства (армейской операции) кафедру тыла, которой до того руководил крупный специалист этого дела И. И. Трутко. Назначение для меня было совершенно непонятно, так как я в данной области специально никогда не работал. Однако мне было сообщено, что назначение сделано по представлению прежнего командования Академии и уже санкционировано начальником Генерального штаба. Таким образом, я, волею судеб, оказался вдруг в роли не только преподавателя, но и начальника кафедры такого ответственного учебного заведения, как Академия Генерального штаба.

Кафедра приступила к подготовке материала по своему предмету для нового учебного года, закончила подбор и подготовку всех сведений для издания академического справочника по организации, и работе фронтового и армейского тыла при проведении современных операций для слушательского, и преподавательского состава. Через месяц, также крайне неожиданно, меня вызвали в Генеральный штаб и объявили, что он возбуждает ходатайство о моем назначении начальником отделения, ведающего в Генштабе оперативной подготовкой

высшего комсостава армии. Вскоре последовал соответствующий приказ наркома. Так в октябре 1937 года началась моя работа в Генеральном штабе. Тогда я, конечно, не знал, что в стенах Генштаба мне будет суждено провести ряд лет, заполненных сложной работой, самой трудной в моей жизни.

Перед «Большой войной»

Снова с В. М. Шапошниковым. – Проблемы оперподготовки. – Хасан и Халхин-гол. – Начало Второй мировой войны. – Ответные меры

Вплоть до июня 1939 года я возглавлял в Генеральном штабе отделение оперативной подготовки. Основное время уходило у меня в то время на выполнение разнообразных по форме, но примерно сходных, в целом по содержанию, заданий Б. М. Шапошникова. В первую очередь это была тщательная разработка годовых приказов и директив наркома обороны СССР по оперативно-стратегической подготовке руководящего состава РККА. В этих документах подводились годовые итоги и на их основе определялись задачи на новый год. При этом каждому военному округу давались конкретные задания с учетом его дислокации, характерных особенностей, материальных возможностей и общей роли, которую он играл в системе Вооруженных Сил. Со многим из того, что мне было известно по прежней работе в Управлении боевой подготовки, я знакомился заново. Это и понятно: за это время многое изменилось, Красная Армия стала другой, качественно вырос ее боевой потенциал. Так началось мое постепенное вхождение в круг важных вопросов, которыми я должен был заниматься перед Великой Отечественной войной.

Работа, которой я занимался теперь, была несравненно сложнее и ответственнее всей той, с которой мне довелось иметь дело до 1937 года. В Генеральном штабе, рядом с Б. М. Шапошниковым и под его руководством, росли мой оперативный кругозор, опыт, знания. Пожалуй, именно тогда мне в полной мере раскрылась та роль, которая отводилась каждому из видов и родов войск в системе Вооруженных Сил. Отделение оперативной подготовки Генштаба учитывало, что международная обстановка обострилась. Германия развязывала одну агрессию за другой. В марте 1938 года она захватила Австрию, а в сентябре состоялось подписание позорного Мюнхенского соглашения об аннексии Судетской области Чехословакии. Все сложнее становилась обстановка в Испании, где положение республиканцев ухудшалось. Нарастала угроза нашей стране и со стороны Японии. В июле 1938 года японские милитаристы предприняли вооруженное нападение на нашу территорию у озера Хасан. Они хотели проверить нашу боевую готовность. Получив приказ военного командования, советские войска 2 августа перешли в

наступление. Боевые действия продолжались неделю. Японские войска в составе двух пехотных дивизий, пехотной и кавалерийских бригад, и нескольких отдельных танковых частей и пулеметных батальонов, поддерживаемых действиями 70 боевых самолетов, были разбиты, а остатки их выброшены с советской территории.

По приказу начальника Генерального штаба, почти все эти дни я провел на дежурстве у телеграфного аппарата, в комнате, оборудованной для этой цели напротив кабинета наркома К. Е. Ворошилова.

По просьбе японского правительства 11 августа боевые действия в районе озера Хасан были прекращены. Войска Красной Армии в этих боях показали свою возросшую боевую мощь, высокие моральные и боевые качества.

Бои у озера Хасан подтвердили правильность основных положений советских военных уставов и наставлений, и их соответствие требованиям обстановки, и новой боевой техники. В то же время они выявили и некоторые недостатки в боевой подготовке войск Дальневосточной (приморской) армии, особенно во взаимодействии родов войск в бою, управлении войсками, в их мобилизационной готовности. В результате анализа опыта у озера Хасан в боевую и оперативную подготовку войск, и штабов вносились коррективы. В связи с этим разработанный Генеральным штабом проект приказа, по словам Б. М. Шапошникова, был с удовлетворением воспринят наркомом и одобрен Политбюро ЦК партии. При рассмотрении проекта в него, естественно, вносились поправки, существенные добавления и разъяснения. У меня осела в памяти, свежа и до сих пор поправка, внесенная рукою любимого нами К. Е. Ворошилова, в раздел о недостатках в тактической подготовке бойца. Там, где говорилось о слабом умении бойцов при наступлении пользоваться малой шанцевой лопатой, о пренебрежительном отношении к ней, о неумении быстро окапываться при перебежках, что приводило к излишним потерям в людях, К. Е. Ворошилов вписал в приказ (привожу по памяти): «Наш долг добиться от бойца уважения и любви к своей лопате, и научить его пользоваться ею так же быстро и сноровисто, как быстро и сноровисто он орудует ложкой за столом».

Общая обстановка в Генеральном штабе оставалась все то время, как это понятно каждому, весьма сложной. Пожалуй, никогда ранее я не испытывал такого напряжения в работе.

И на Западе, и на Востоке пахло порохом. В этих условиях на приграничные военные округа возлагалась особая задача – быть готовыми к немедленным действиям. Им давались

напряженнейшие задания, проводились оперативно-стратегические игры. В одной из них – летом 1938 года – я принимал участие. Это была сложнейшая игра руководящего состава войск Киевского военного округа, переименованного к тому времени в Киевский особый военный округ (КОВО). Летом 1938 года в нем были сформированы четыре армейские группы: кавалерийская, Одесская, Винницкая и Житомирская. Первая являлась довольно сильным по тому времени подвижным объединением, состоявшим из двух кавкорпусов, а также артиллерийских, танковых и иных частей, предназначавшихся для нанесения удара или контрудара по врагу в любом месте округа. Три остальные группы были объединениями армейского типа из стрелковых дивизий, танковых бригад, различных частей и войск обеспечения.

Игру руководящего состава проводили командующий КОВО командарм 2-го ранга С. К. Тимошенко и начальник штаба КОВО комбриг Н. Ф. Ватутин. В сентябре 1938 года, когда над Чехословакией нависла опасность, а мы еще не знали, что мюнхенское предательство сорвет ее оборону, и собирались оказать ей, вместе с Францией, как это предусматривалось договором, помощь, – штаб КОВО получил директиву наркома К. Е. Ворошилова привести в боеготовность Винницкую армейскую группу и вывести ее к государственной границе СССР. На территории Каменец-Подольской и Винницкой областей пришли в движение 4-й кавалерийский, 25-й танковый и 17-й стрелковый корпуса, две отдельные танковые бригады, семь авиационных полков. Тем временем Житомирская армейская группа (2-й кавалерийский, 15-й и 8-й стрелковые корпуса), завершая учения на территории Киевской, Черниговской и Житомирской областей, сосредоточивалась в районе Новоград-Волынского и Шепетовки. Оперативная группа штаба округа разместилась в Проскурове.

Вся работа Генерального штаба протекала под непосредственным руководством Б. М. Шапошникова. Авторитет Бориса Михайловича как видного военного деятеля и опытнейшего специалиста, особенно в вопросах штабной службы, рос тогда с каждым годом. Его обширные и разносторонние знания были остро необходимы в то сложное время. Действуя непосредственно под его руководством, мы, штабные работники, получали все новые теоретические и практические навыки по организации, планированию, и проведению операций армейского и фронтового масштаба. В августе 1938 года мне было вторично присвоено звание комбриг. Осенью 1938 года мои скромные заслуги вновь были отмечены. Приказом по Генеральному штабу мне была объявлена благодарность за «добросовестное и

высококачественное выполнение ряда больших ответственных поручений». Основным из них было мое участие в разработке итогового приказа народного комиссара обороны СССР по вопросам боевой подготовки, директивы на зимний период по оперативной подготовке руководящего состава РККА и в подготовке проекта приказа наркома по итогам боевых действий на Дальнем Востоке, в районе озера Хасан. В 1939 году произошло мое частичное должностное перемещение: оставаясь начальником отделения оперативной подготовки, я был назначен по совместительству заместителем начальника оперативного отдела Генерального штаба.

1939 год оказался до предела насыщенным событиями, резко осложнившими международную обстановку; дело шло ко второй мировой войне. Оперотдел Генштаба трудился не покладая рук. Приходилось иметь в виду возможность различных военно-политических комбинаций империалистических держав. Следовало принимать во внимание также изменения в военно-экономическом потенциале стран-агрессоров, в результате захвата ими все новых и новых территорий, приобретение их войсками дополнительного боевого опыта. Не останавливаясь долго на общеизвестных фактах, я скажу лишь, что они непосредственно отражались на нашей повседневной работе. Генеральный штаб с неослабным вниманием следил за тем, как разворачиваются события. Еще не имея тогда всех данных закулисных махинаций правящих кругов империалистических держав, Советское правительство, тем не менее, догадывалось о двойной игре капиталистических держав и было начеку.

Центральный Комитет партии и Советское правительство соблюдали указания XVIII съезда не дать империалистам втянуть нашу страну в войну. Убедившись в нежелании Англии, Франции и Польши заключить соглашение о совместной борьбе против гитлеровской агрессии, Советский Союз принял предложение Германии заключить пакт о ненападении. Подписав 23 августа этот пакт, СССР расстроил планы международной реакции и повернул ход событий в более благоприятную для себя сторону. Теперь и Япония была вынуждена, признав свою неудачу у Халхин-гола, пойти на подписание с нами 15 сентября соглашения о ликвидации конфликта.

1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. В тот же день сессией Верховного Совета СССР был принят Закон о всеобщей воинской обязанности. Красная Армия окончательно стала кадровой.

Как известно, даже после начала войны, Англия и Франция все еще надеялись остаться в стороне, столкнуть Германию с

СССР. Поэтому они позволили Гитлеру быстро разгромить Польшу, вели «странную войну», выжидая советско-германского конфликта.

Быстрое продвижение немецко-фашистских войск на восток, угроза захвата ими Западной Украины и Западной Белоруссии, усилили стремление трудящихся этих областей к воссоединению с советскими республиками и поставили перед Советским Союзом задачу оказать помощь братским народам. В середине сентября 1939 года Советское правительство, беря их под защиту, отдало приказ перейти границу и освободить Западную Украину и Западную Белоруссию. Берлин вынужден был согласиться на проведение демаркационной линии примерно на восточном рубеже польской этнографической территории. Лондон и Париж перенесли свои надежды на Финляндию и стали настраивать ее против Советского Союза. Потерпели провал попытки Англии и Франции вовлечь в войну против СССР Эстонию, Латвию и Литву. Под давлением демократических сил правительства этих государств заключили осенью 1939 года договоры с СССР о взаимопомощи, и о размещении советских воинских гарнизонов, аэродромов и военно-морских баз в отдельных местах Прибалтики. Тем самым был предотвращен захват в тот момент Германией этих малых государств, они уже не могли быть использованы в качестве плацдарма для нападения на СССР.

Нам пришлось проделать большую работу в связи с назревавшим военным конфликтом между СССР и Финляндией и в ходе его. Как известно, попытки Советского правительства решить эту проблему путем обоюдного, взаимовыгодного соглашения наталкивались на отказ со стороны правящих кругов буржуазной Финляндии, за спиной которых стояли империалистические державы, надеявшиеся использовать ее территорию как плацдарм для нападения на нашу Родину.

Центральный Комитет партии и Советское правительство в условиях тревожной обстановки, складывавшейся на северо-западных рубежах нашей страны, требовали от Наркомата обороны выработки необходимых контрмер для обеспечения безопасности страны.

Главный военный совет РККА рассмотрел вопросы боеготовности Советских Вооруженных Сил на случай возникновения, спровоцированного Финляндией, военного конфликта. Генеральный штаб предложил разработанный им еще ранее, с учетом возможности возникновения такого конфликта и одобренный народным комиссаром обороны частный план отражения агрессии. При разработке этого плана Генеральный штаб исходил из имевшихся в его распоряжении данных о составе

и боевой готовности финляндской армии, о природных особенностях советско-финского театра военных действий, о системе инженерных укреплений на нем, о мобилизационных возможностях Финляндии и о той помощи, которую она могла бы получить от империалистических держав. Правда, как обнаружилось в дальнейшем, некоторые из данных особой точностью не отличались. Но эти неточности не имели существенного значения. Более серьезным оказалось то, что в наших войсках недостаточно знали особенности организации, вооружение и тактические приемы борьбы финляндской армии.

По долгу службы я тоже имел прямое отношение к разработке плана контрудара. Его основные идеи и главное содержание были определены Б. М. Шапошниковым.

Докладывая план Главному военному совету, Б. М. Шапошников подчеркнул, что сложившаяся международная обстановка требует, чтобы ответные военные действия были проведены и закончены в предельно сжатые сроки, ибо в противном случае Финляндия получит извне серьезную помощь, конфликт затянется. Однако Главный военный совет не принял этого плана и дал командующему войсками Ленинградского военного округа (ЛВО) командарму 2-го ранга К. А. Мерецкову указание разработать новый вариант плана прикрытия границы при возникновении конфликта.

Разработанный командованием и штабом Ленинградского военного округа вариант контрудара был представлен в указанный И. В. Сталиным срок и утвержден. По этому варианту основные войска округа объединялись в 7-ю армию двухкорпусного состава (19-й и 50-й корпуса), на которую и возлагалась задача прорвать, в случае агрессии, на Карельском перешейке «линию Маннергейма» и разгромить здесь главные силы финляндской армии. Непосредственное командование войсками 7-й армии было возложено на К. А. Мерецкова. А севернее, на огромном фронте протяженностью около,5 тыс. км, предусматривались действия крайне слабых по своему составу 8-й армии комдива И. Н. Хабарова, 9-й армии комкора В. И. Чуйкова и 14-й армии комдива В. А. Фролова, которые не были полностью укомплектованы.

26 ноября 1939 года возле селения Машгала с финской стороны был открыт огонь по советским пограничникам. В последующие дни эти провокационные действия возобновлялись. 30 ноября части Красной Армии начали военные действия по отражению противника и обеспечению безопасности нашей границы. В течение декабря войска ЛВО, преодолевая ожесточенное сопротивление и неся серьезные потери, смогли

пройти лишь зону заграждений и подойти к главной полосе обороны – «линии Маннергейма». Попытки прорвать ее с ходу успеха не имели. Потребовалось значительно усилить действующие войска дополнительными соединениями, вооружением и боевой техникой. Эти и другие немаловажные обстоятельства утвержденным планом не предусматривались, поэтому ряд вопросов пришлось решать экспромтом.

В конце декабря 1939 года Главный военный совет вынужден был приостановить наступление наших войск с тем, чтобы более надежно организовать управление, заново спланировать операцию по прорыву «линии Маннергейма» и провести к ней соответствующую подготовку. Эти вопросы были рассмотрены на специальном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в первых числах января 1940 года. На него были приглашены командующий войсками и члены военного совета ЛВО, командующие войсками Западного и Киевского особых военных округов (они находились в декабре в качестве наблюдателей и советников в войсках ЛВО), а также ряд ответственных лиц из Наркомата обороны и Генерального штаба. Подготовку заседания возложили на Б. М. Шапошникова. Первый заместитель начальника Генерального штаба И. В. Смородинов с начала конфликта был направлен распоряжением наркома обороны на фронт для оказания помощи ЛВО. В связи с этим я решением начальника Генерального штаба временно был привлечен к работе в должности его заместителя по оперативным вопросам. В эти дни и состоялись мои первые поездки вместе с Борисом Михайловичем в Кремль, первые встречи с членами Политбюро ЦК ВКП(б) и лично с И. В. Сталиным. Вспоминая то время, я снова и снова испытываю чувство глубокой благодарности к дорогому Б. М. Шапошникову за огромную помощь мне добрым словом, советами и наставлениями в выполняемой мною напряженной работе. Не могло остаться незамеченным, что сам Б. М. Шапошников пользовался там особым уважением.

7 января 1940 года по предложению Генерального штаба был создан на Карельском перешейке для прорыва «линии Маннергейма» Северо-Западный фронт, командование войсками которого возложили на командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко. Членом военного совета фронта был назначен А. А. Жданов, а начальником штаба – командарм 2-го ранга И. В. Смородинов. В созданный фронт вошли 7-я армия (пять стрелковых корпусов) под командованием К. А. Мерецкова и 13-я армия комкора, в последующем командарма 2-го ранга В. Д. Грендаля (три стрелковых корпуса).

Окончательная разработка плана прорыва «линии

Маннергейма» была возложена на С. К. Тимошенко и Генеральный штаб. После утверждения пересмотренного плана командование фронта, армий, Генеральный штаб и аппарат Наркомата обороны проделали огромную работу по подготовке прорыва и наступления в целом. На фронт прибыли новые войска и все необходимое. Действовавшие ранее войска, пополнившись, получили передышку. Кроме того, была произведена необходимая перегруппировка. Особое внимание уделили обеспечению войск средствами усиления, и, прежде всего, артиллерией большой мощности и авиацией. В течение января войска вели практические учения на созданных в ближнем тылу полевых макетах вражеских укреплений, репетируя выполнение предстоящих боевых задач. В начале февраля подготовительные работы в войсках и штабах были закончены. 11 февраля 1940 года фронт перешел в наступление, прорвал оборону противника и успешно стал продвигаться вперед.

Видя неизбежность краха своих замыслов, правительство Финляндии обратилось к Советскому Союзу с просьбой о заключении мира. В Москву прибыла финляндская правительственная делегация во главе с премьер-министром Р. Рюти. Начались мирные переговоры. В состав советской делегации вошел и я. После общих указаний И. В. Сталина мне под руководством В. М. Молотова и Б. М. Шапошникова пришлось готовить все предложения относительно новых границ, которые и выносились на обсуждение при переговорах. В марте 1940 года был подписан мирный договор.

Для демаркации принятой новой государственной границы была назначена смешанная комиссия, которой поручалось окончательно уточнить, провести и оформить границу на местности. Возглавить комиссию с нашей стороны Советское правительство поручило мне. В течение двух месяцев комиссии пришлось основательно потрудиться. Тщательно изучались участки проведения погранлинии – как с точки зрения природной характеристики местности, так и с учетом экономической целесообразности для той и другой стороны. При этом некоторые вопросы решались на месте, в условиях довольно острых разногласий.

В конечном счете работа была признана удовлетворительной. Ее результаты вполне обеспечивали государственные интересы СССР и, в то же время, позволяли нам сохранять добрососедские отношения с Финляндией.

Заключение мирного договора СССР с Финляндией сорвало планы англо-французских империалистов. Советский Союз сумел улучшить свое стратегическое положение на Северо-Западе и

Севере. Был решен вопрос, касающийся создания условий для обеспечения безопасности Ленинграда, Мурманска, Мурманской железной дороги. Открывались благоприятные перспективы для развития советско-финских отношений в духе добрососедства и сотрудничества. Коммунистическая партия и Советское правительство, трезво анализируя события, всемерно стремились укрепить свои Вооруженные Силы, поднять обороноспособность страны, уделяя особое внимание западным границам и отдавая себе отчет в том, что решающая схватка с фашистским блоком впереди.

Последние мирные месяцы

В Оперативном управлении Генштаба. – Главный противник – фашистская Германия. – Меняющаяся ситуация. – Плюсы и минусы. – Поездка в Берлин. – Иван Федорович Тевосян. – Мысли вслух. – План отражения агрессии

Подписание мирного договора между Финляндией и СССР вызвало глубокое разочарование наших недругов. Однако они не оставляли своих агрессивных планов против нашего Отечества. Гитлеровская клика продолжала активно готовить нападение на СССР. Вооруженным Силам СССР следовало торопиться. В апреле 1940 года в Кремле, по решению мартовского пленума ЦК ВКП(б), для подведения итогов зимней кампании и внесения необходимых коррективов в организацию, вооружение и боевую подготовку Красной Армии, состоялось расширенное заседание Главного военного совета. В его работе участвовали члены Политбюро ЦК партии, руководители Наркомата обороны, командующие войсками, члены военных советов и начальники штабов военных округов и армий, командиры корпусов и дивизий, побывавших на фронте, руководители высших военно-учебных заведений и ответственные работники Генерального штаба.

На совещании в ходе обсуждения вопроса «Об основных принципах организации боевой подготовки войск и штабов» был выработан ряд принципиальных решений, направленных на усиление обороноспособности и боеготовности Красной Армии. Особое внимание обращалось на подготовку войск к действиям в сложных условиях, на штабную подготовку командиров частей и соединений, работников штабов. Увеличилось число учений и маневров.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство произвели значительные перемещения в руководящем составе Наркомата обороны. Реорганизация длилась фактически вплоть до начала Великой Отечественной войны. В мае 1940 года действовавший при Совнаркоме СССР Комитет обороны возглавил К. Е. Ворошилов, а наркомом обороны стал Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Перестановка затронула, естественно, также аппарат наркомата и Генерального штаба. Меня примерно тогда же назначили первым заместителем начальника Оперативного управления Генштаба, присвоив мне звание комдив. С середины апреля 1940 года я включился в ответственную работу Генерального штаба – работу над планом по отражению

возможной агрессии. Справедливость требует отметить, что главное к тому времени было уже выполнено. В течение всех последних лет подготовкой плана непосредственно руководил Б. М. Шапошников, и Генштаб к тому времени завершал его разработку для представления на утверждение в ЦК партии. Основные установки по составлению доклада давал нам Б. М. Шапошников. 7 мая 1940 года ему было присвоено звание Маршала Советского Союза. Над проектом доклада мы работали вместе с Н. Ф. Ватутиным и Г. К. Маландиным.

Генерал-лейтенант Николай Федорович Ватутин, один из видных полководцев Великой Отечественной войны, уже в то время был хорошо известен руководящему составу РККА. Свой боевой путь Николай Федорович Ватутин, родившийся в бедной крестьянской семье деревни Чепухино Курской губернии, начал 19-летним красноармейцем, участвуя в ликвидации на Украине контрреволюционных банд. Суровый солдатский труд явился для будущего полководца первой школой, которая воспитала в нем безупречное отношение к выполнению воинского долга, твердость характера, решительность в действиях. Военное дело оказалось его призванием. Пройдя в течение 20-летней службы в Красной Армии ряд командных и штабных должностей, он приобрел солидный боевой опыт, особенно в Киевском особом военном округе, где был начальником штаба и одним из руководителей Украинского фронта в период освобождения Западной Украины. Н. Ф. Ватутин имел прекрасную теоретическую подготовку. Он закончил Полтавскую пехотную школу, Киевскую высшую объединенную военную школу, Военную академию имени Фрунзе и Академию Генштаба.

Генерал-лейтенант Герман Капитонович Маландин ранее был заместителем Н. Ф. Ватутина в штабе КОВО и также обладал значительным опытом. В 1940 году они пришли в Генштаб. Н. Ф. Ватутин занимал должность начальника Оперативного управления, Г. К. Маландин – его заместителя. Позже Николай Федорович стал первым заместителем начальника Генштаба, а Г. К. Маландин – начальником Оперативного управления.

Работали мы очень дружно и напряженно. Оперплан занимал в те месяцы все наши мысли. Наиболее вероятным и главным противником в нем называлась гитлеровская Германия. Предполагалось, что на стороне Германии может выступить Италия, но она, как отмечалось в плане, скорее всего, ограничится боевыми действиями на Балканах, созданием косвенной угрозы нашим государственным границам. По всей видимости, на стороне Германии могут выступить Финляндия (чьи руководители после разгрома Франции и краха английских

войск под Дюнкерком взяли ориентацию на Берлин), Румыния (типичный «сырьевой придаток» Германии с 1939 года, а летом следующего года вообще отказавшаяся от нейтралитета в пользу фашистского блока) и Венгрия (в то время уже участник «Антикоминтерновского пакта»). Б. М. Шапошников считал, что военный конфликт может ограничиться западными границами СССР. На этот случай оперплан предусматривал концентрацию основных сил страны именно здесь. Не исключая нападения Японии на наш Дальний Восток, он предлагал сосредоточить там такие силы, которые гарантировали бы нам устойчивое положение.

Говоря далее о предполагаемом направлении главного удара противника, Б. М. Шапошников считал, что самым выгодным для Германии, а, следовательно, и наиболее вероятным, является развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан. Соответственно в плане предлагалось развернуть и наши главные силы в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участках Северо-Западного и Западного фронтов. Обеспечить южное направление должны были, согласно плану, также два фронта, но с меньшим количеством сил и средств. В целом предусматривалось, что Германии потребуется для развертывания сил на наших западных границах 10–15 дней от начала их сосредоточения. О возможных сроках начала войны в докладе ничего не говорилось. Таковы его общие контуры.

Этот проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии докладывались непосредственно И. В. Сталину в сентябре 1940 года в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. От Наркомата обороны план представляли нарком С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба К. А. Мерецков и его первый заместитель Н. Ф. Ватутин. Мы с генералом А. Ф. Анисовым, доставив в Кремль план, во время его рассмотрения в течение нескольких часов находились в комнате секретариата И. В. Сталина. Прежде чем рассказывать о дальнейшем ходе событий, упомяну о том, почему в представлении ЦК партии важнейшего оперативного документа не участвовал один из его основных составителей и автор главных его идей. Дело в том, что в августе 1940 года на должность начальника Генерального штаба был назначен генерал армии К. А. Мерецков.

О том, что предшествовало перемещению Б. М. Шапошникова, я знаю со слов Бориса Михайловича. Как он рассказывал, И. В. Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень любезной и уважительной форме. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом

Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановке. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель.

– А каково ваше мнение? – спросил Сталин.

Исключительно дисциплинированный человек, Борис Михайлович ответил, что он готов служить на любом посту, куда его назначат. Вскоре на него было возложено руководство созданием оборонительных сооружений, он стал заместителем наркома обороны и направлял деятельность Главного военно-инженерного управления и управления строительства укрепленных районов.

Для нас, работников Генштаба, причина перевода Б. М. Шапошникова на другую должность осталась непонятной. Не скрою, мы очень сожалели об этом. Каждый из нас отлично сознавал, какой весомый багаж ценных знаний, особенно в области оперативного искусства, и какой богатейший опыт штабной службы приобрели мы, работая с Борисом Михайловичем и повседневно учась у него.

Добавлю, что, занимаясь разработкой военной теории, он неустанно стремился довести до широких кругов командного состава последние достижения военной науки. Будучи начальником Генштаба, он регулярно выступал с докладами на курсах усовершенствования командного состава, при разборах войсковых маневров, учений и всюду на конкретных примерах умело наставлял высший командный состав в теории штабной службы, прививал культуру руководства. В его итоговых разборах военных игр, полевых поездках, войсковых учениях и маневрах всегда и всеми чувствовалась меткость его наблюдений. Он детально разбирал действия «воюющих сторон», четко формулировал выводы, которые следовало сделать для дальнейшего повышения боеготовности войск, оперативной подготовки командного состава и штабов.

Б. М. Шапошников обладал всеми необходимыми качествами для работы в Генеральном штабе: отличным знанием военного

дела, большой эрудицией, огромным трудолюбием и высоким чувством ответственности. Опыт крупной оперативно-штабной работы в годы Первой мировой и Гражданской войн, высокое доверие со стороны Центрального Комитета партии и Советского правительства позволили Б. М. Шапошникову превратить Генеральный штаб в подлинный центр руководства военным планированием, боевой и оперативной подготовкой Красной Армии. Его личный пример влиял на подчинённых. Выдержанность, вежливость и скромность, такт в общении с людьми, дисциплинированность и предельная исполнительность – все это воспитывало у лиц, работавших под его началом, чувство собственного достоинства, ответственность и точность, высокую культуру поведения. Подчеркну, что Б. М. Шапошников являлся олицетворением долга. В безупречном, инициативном и своевременном выполнении заданий партии и правительства по укреплению обороноспособности страны он видел свою первейшую обязанность и самый смысл существования Генерального штаба.

Борис Михайлович был известен не только нашим Вооруженным Силам и стране, но и в армиях зарубежных стран как крупный военный теоретик, отличный организатор, мастер оперативной штабной работы. Он внес заметный вклад в подготовку большой плеяды опытных советских военачальников. Вспоминая о дорогом Борисе Михайловиче, нельзя не сказать о его вступлении в партию, в которую он был принят решением Секретариата ЦК ВКП(б) 9 ноября 1930 года без прохождения кандидатского стажа. В своем заявлении о приеме в партию он 28 сентября 1930 года писал: «Тринадцать лет идя рука об руку в своей работе с Всесоюзной Коммунистической партией, проводя за это время неуклонно линию партии во всей своей жизни, борясь вместе с ней на фронтах Гражданской войны за дело Ленина, я прошу, если окажусь достойным, принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии, дабы до конца своей жизни трудом и кровью защищать дело пролетариата в ее железных рядах».

Работа с Б. М. Шапошниковым была постоянной и неоценимой школой. И я, признаться, всегда испытывал чувство гордости, когда И. В. Сталин, рассматривая тот или иной вопрос, говорил обо мне:

– А ну, послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!

Борису Михайловичу я обязан и тем вниманием к моей персоне, которое иногда уделял лично мне Сталин. В связи с этим припоминается следующее.

Зимой 1940 года после одного довольно затянувшегося

заседания Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталин пригласил всех его участников отобедать у него на квартире, находившейся этажом ниже его кабинета в Кремле. На заседании по докладу начальника Генерального штаба был принят ряд оперативных и довольно срочных решений. Б. М. Шапошников дал мне указание немедленно отправиться в Генштаб, отдать там все распоряжения, связанные с этими решениями. Минут через 45 после того, как я прибыл в Генштаб, мне позвонил А. Н. Поскребышев и сообщил, что меня ждут в Кремле к обеду. Быстро закончив дела, я через несколько минут уже сидел рядом с Борисом Михайловичем за обеденным столом. Один из очередных тостов И. В. Сталин предложил за мое здоровье, и, вслед за этим, он задал мне неожиданный вопрос: почему по окончании семинарии я «не пошел в попы»? Я, несколько смутившись, ответил, что ни я, ни отец не имели такого желания, что ни один из его четырех сыновей не стал священником. На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

– Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор.

Беседа на этом не кончилась.

– Скажите, пожалуйста, – продолжил он, – почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу? Насколько мне известно, один ваш брат – врач, другой – агроном, третий – командир, летчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать.

Я ответил, что с 1926 года я порвал всякую связь с родителями. И если бы я поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской Армии и, тем более, в системе Генерального штаба. В подтверждение я привел следующий факт.

За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца. (Во всех служебных анкетах, заполняемых мною до этого, указывалось, что я связи с родителями не имею.) Я немедленно доложил о письме секретарю своей партийной организации, который потребовал от меня, чтобы впредь я сохранял во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил. Сталин сказал, чтобы я немедленно установил с родителями связь, оказывал бы им систематическую

материальную помощь и сообщил бы об этом разрешении в парторганизацию Генштаба.

Надо сказать, что через несколько лет Сталин почему-то вновь вспомнил о моих стариках, спросив, где и как они живут. Я ответил, что мать умерла, а 80-летний отец живет в Кинешме у старшей дочери, бывшей учительницы, потерявшей во время Великой Отечественной войны мужа и сына.

– А почему бы вам не взять отца, а быть может, и сестру к себе? Наверное, им здесь было бы не хуже, – посоветовал Сталин.

Думаю, что и в этих добрых чувствах Сталина к моим близким не обошлось без Бориса Михайловича…

К. А. Мерецков, возглавивший Генштаб после Б. М. Шапошникова, прошел несколько иную школу жизни, хотя и не менее насыщенную событиями. Он тоже обладал немалым опытом работы – политической (член партии с дооктябрьского времени, комиссар отряда, дивизии и штаба округа), штабной (начальник штабов в бригаде, дивизии, корпусе, армии и округах) и командной (райвоенком, командир отряда и дивизии, командующий армией и округами). Талантливый практик, Кирилл Афанасьевич внес в штабную работу почерк командующего, опирающегося, прежде всего, на опыт. Оба они – и Б. М. Шапошников, и К. А. Мерецков – были близки к жизни, к биению ее пульса, но каждый по-своему. Первый – несколько выдержаннее, аналитичнее, пожалуй, чуть суше; второй – подвижнее (сказывалась, конечно, и разница в годах), экспансивнее, попроще, с народной хитрецой и чувством юмора.

Вернемся, однако, к плану по отражению агрессии. Как нам рассказал К. А. Мерецков, при его рассмотрении И. В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на Юго-Западном направлении.

Требовалось в предельно сжатые сроки выполнить весь объем той колоссальной работы, который был связан с этим. Маландин, Анисов и я были обязаны не позднее 15 декабря закончить разработку всех соответствующих вопросов, касавшихся Наркомата обороны и Генерального штаба, учтя при этом проблемы, связанные с Наркоматом путей сообщения, а также

определить задания соответствующим военным округам, с тем, чтобы с 1 января 1941 года командование и штабы округов могли приступить к разработке окружных планов.

Это были месяцы, когда германский фашизм, с попустительства империалистов Англии и Франции, шагал по Европе. Капитулировавшая летом 1940 года Франция была расчленена. Германская авиация совершала массированные налеты на Англию. Япония расширяла военные действия в Китае. 27 сентября в Берлине был подписан пакт о военном союзе между Германией, Италией, Японией. Этот агрессивный пакт был направлен, как это ясно было каждому здравомыслящему человеку, в первую очередь против СССР.

Мы должны были спешить. Новая преступная акция фашистской Германии в Западной Европе – захват ею не только малых стран, но и Франции – не могла не вызывать у нас чувства повышенной настороженности. Мы должны были учитывать, что Германия подчинила себе почти весь промышленный комплекс Европы, ее военный потенциал значительно усилился, а ее агрессивные аппетиты возросли. Угроза фашистского нападения на Советский Союз стала более реальной.

Поэтому все мы с глубоким одобрением отнеслись к мероприятиям Коммунистической партии, направленным на максимальное развитие оборонной промышленности, на ускорение технического перевооружения армии и флота, дальнейшее укрепление их боеготовности. Особая забота была проявлена о главных отраслях оборонной промышленности: авиационной, танковой, судостроительной, артиллерийской. Огромное внимание партии к оборонной промышленности показывает, к примеру, то, что Политбюро обязало директоров самолетостроительных и авиамоторных заводов постоянно сообщать в ЦК о количестве выпущенной продукции. Каждый день стал измеряться тем, что было сделано для укрепления безопасности страны. В результате, лишь за 1940 год было достигнуто многое. Достаточно сказать, что количество дивизий увеличилось с осени 1939 года к 1941 году более чем в два раза, а число авиационных полков к июню 1941 года в сравнении с началом 1939 года возросло на 4/5. Формировались танковые бригады для непосредственной поддержки пехоты. Вся наша система оперативной и боевой подготовки стала больше учитывать требования военного времени.

Усиливалась партийно-политическая работа. Воины с удовлетворением встретили новое пополнение кадров политработников по партийной мобилизации. В 1939–1940 годах ЦК партии направил на партийно-политическую работу в армию

и на флот 5,5 тыс. коммунистов, а в июне 1941 года еще 3,7 тыс.

Важное значение в укреплении безопасности советских рубежей имело воссоединение западных областей Белоруссии с БССР и западных областей Украины и Северной Буковины с УССР, восстановление Советской власти в Латвии, Литве, Эстонии, и вхождение их в состав Союза ССР, освобождение и возвращение в братскую семью народов Советского Союза трудящихся Бессарабии. Эти исторические акты, имевшие большое политическое и социальное значение для судеб социалистической Родины в целом, вместе с тем позволили отодвинуть наши государственные границы на 250–350 км. Но нужно признать, что наши новые границы поставили и ряд трудных проблем в области укрепления безопасности, которые, к сожалению, к началу войны полностью решить не удалось.

Потребовалось серьезно и срочно перестраивать оборону страны, в кратчайшие сроки освоить и укрепить новые приграничные районы. Были приняты решения об их инженерно-техническом оборудовании с постройкой в них хорошо развитых в глубину, современных по тому времени оборонительных рубежей, о развитии железнодорожных путей, с перешивкой их с западноевропейской колеи на отечественную, созданием дополнительного числа железнодорожных станций, о строительстве грунтовых дорог, линий связи и всего необходимого для быстрого сосредоточения, размещения и развертывания войск, а также для ведения ими боевых действий при отражении нападения противника.

Однако времени для реализации этих важных решений было очень мало. Нас, работников Оперативного управления Генерального штаба, беспокоила слабая пропускная способность железных дорог, особенно тех из них, которые лежали западнее старых границ. К западу от железнодорожной рокады Овруч – Коростень – Шепетовка – Каменец-Подольский шло только пять линий с пропускной способностью в 2,5 раза меньшей, чем к востоку от нее. Немногим лучше обстояло дело на территории Прибалтики.

Нецелесообразно было в непосредственной близости от новой границы строить в 1940–1941 годах аэродромы и размещать военные склады. Генеральный штаб и лица, непосредственно руководившие в Наркомате обороны снабжением и обеспечением жизни и боевой деятельности войск, считали наиболее целесообразным иметь к началу войны основные запасы подальше от государственной границы, примерно на линии реки Волги. Некоторые же лица из руководства наркомата (особенно Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис и Е. А. Щаденко) категорически возражали

против этого. Они считали, что агрессия будет быстро отражена и война во всех случаях будет перенесена на территорию противника. Видимо, они находились в плену неправильного представления о ходе предполагавшейся войны. Такая иллюзия, к сожалению, имела место. Весной 1940 года Центральный Комитет партии на совещании по вопросам идеологической работы в Вооруженных Силах подверг критике тезис о легкой победе.

Из этого тезиса кое-кто сделал неверный вывод, что действия советских войск обязательно будут носить с самого начала только наступательный и, притом, непременно успешный характер, а раз это так, то и склады должны быть уже в мирное время придвинуты поближе к войскам. Следовательно, и размещать их следует, готовясь к войне, на территориях новых приграничных районов.

Исключительно напряженной была в те месяцы и дипломатическая деятельность. 7 ноября 1940 года, после военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади в Москве, генерала В. М. Злобина, состоявшего для особо важных поручений при наркоме обороны, и меня вызвали к С. К. Тимошенко. Нарком сообщил нам, что в ближайшие дни, по решению правительства, нам надлежит отправиться в составе правительственной делегации в Берлин в качестве военных экспертов, и что необходимые указания мы получим непосредственно от главы делегации. Возглавил ее Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел В. М. Молотов. Инициатором поездки был Берлин.

Специальным поездом, шедшим вне расписания, делегация выехала 9 ноября. Ее сопровождал в том же поезде немецкий посол в СССР граф фон дер Шуленбург. С Москвой поддерживалась постоянная радиосвязь. В первый же день поездки помощник В. М. Молотова И. И. Лапшов пригласил В. М. Злобина и меня к главе делегации. Из состоявшейся беседы нам нетрудно было уяснить, что переговоры в Берлине будут носить чисто политический характер, и что основной целью нашей поездки является стремление Советского правительства определить дальнейшие намерения Гитлера и содействовать тому, чтобы как можно дольше оттянуть германскую агрессию.

Вечером 10 ноября поезд прибыл на советскую границу. На приграничной немецкой станции Эйдкунен местные железнодорожные власти долго настаивали на том, чтобы делегация перешла в «специально подготовленный» ими железнодорожный состав. Советская делегация через начальника своего поезда категорически отказалась от этого, так как наш поезд на последней советской станции был уже поставлен на

тележки западноевропейского образца. После длительных дебатов, которые вел с немцами начальник советского поезда, немцы вынуждены были уступить, к нашему составу были прицеплены два немецких салон-вагона, и наш состав направился дальше.

Утром 12 ноября состав прибыл в Берлин. На Ангальтском вокзале нас встречала группа государственных деятелей Германии во главе с министром иностранных дел фон Риббентропом и генерал-фельдмаршалом Кейтелем. После положенного в таких случаях церемониала нас разместили во дворце Бельвю. В тот же день глава делегации, в сопровождении советского посла в Берлине, наших переводчиков и фон Риббентропа, отправился в здание имперской канцелярии для встречи с Гитлером.

Как мы вскоре узнали, Гитлер попытался вовлечь советскую делегацию в грязную игру, предложив обсудить провокационный план «раздела мира» между Германией, Италией, Японией и СССР. Отвергнув политические инсинуации, Молотов потребовал конкретных ответов на наши вопросы о политике Берлина в Центральной и Юго-Восточной Европе, и целях Германии в Финляндии и Румынии. Не найдя общего языка, стороны разошлись. А вечером состоялся прием в советском посольстве на Унтер-ден-Линден. Явились рейхсмаршал Г. Геринг, заместитель Гитлера по руководству нацистской партией Р. Гесс, министр иностранных дел фон Риббентроп и другие. Не успели усесться за стол, как раздался вой воздушной тревоги: к Берлину приближались английские самолеты. Прием был прерван.

Состоялась вторая встреча с Гитлером. И она не дала никаких результатов.

Вечером 13 ноября фон Риббентроп принимал у себя на Вильгельмштрассе В. М. Молотова. Не удалась и здесь эта провокация.

Следующим утром мы покидали Берлин. От помпезности и от показной приветливости хозяев не осталось и следа: холодные проводы, сухой обмен официальными фразами. Позднее всему миру стало известно, что уже 5 декабря Гитлер, рассмотрев «план Отто» (план нападения на СССР), одобрил его в принципе, а 18 декабря подписал «план Барбаросса» со сроком готовности нанести удар по СССР 15 мая 1941 года.

За дни поездки и пребывания в Берлине у меня установились со многими из членов делегации довольно близкие, а с некоторыми даже дружеские, отношения, особенно с наркомом черной металлургии Иваном Федоровичем (Ованесом Тевадросовичем) Тевосяном. Уроженец Нагорного Карабаха,

выходец из бедной семьи, член партии с 16 лет и участник гражданской войны в Закавказье, Тевосян окончил в 1927 году Горную академию и стал инженером-сталеваром. Поработав на заводе «Электросталь», он в 1929 году в группе советских специалистов был направлен стажироваться на одно из рурских предприятий Круппа. Тевосян успешно прошел практику в Эссене, после чего стал главным инженером «Электростали», затем в 29 лет возглавил государственное объединение «Спецсталь», руководившее рядом крупных заводов, а с 1937 года по 1939 был последовательно начальником главка и заместителем наркома в Наркомате оборонной промышленности, а потом народным комиссаром судостроения. Как раз в том году, когда состоялась наша поездка в Берлин, Тевосяна назначили наркомом черной металлургии. Он хорошо знал Германию, и его участие в поездке принесло безусловную пользу.

Еще на пути в Берлин Иван Федорович рассказал много интересного о жизни и быте германского рабочего класса. Охотно делился Тевосян своими весьма верными выводами относительно положения в тогдашней Германии. Он утверждал, что фашистская пропаганда, обещавшая раздел несметных богатств при захвате чужих земель, и те подачки, которые гитлеровское правительство бросало разным слоям немецкого населения, находили отклик среди значительных кругов мелкой буржуазии и наименее сознательных слоев рабочего класса. Касаясь отношения гитлеровцев к СССР, он заверял, что все военные помыслы Гитлера прямо направлены на восток и что вопрос о нашем военном конфликте с Германией – дело ближайшего времени.

И в дни поездки, и впоследствии я имел возможность не раз оценить высокие деловые и человеческие качества Тевосяна, его заражавшее всех трудолюбие, умение работать с людьми, его организаторские способности. Оставаясь до 1953 года министром черной металлургии, Тевосян с 1949 года был, кроме того, заместителем Председателя Совмина СССР. Дел ему хватало. Но я не помню ни одного случая, когда правильно поставленный перед ним вопрос не получил бы быстрого и должного разрешения. Заслуги Ивана Федоровича в развитии отечественной металлургии, в обеспечении Советской Армии необходимым вооружением и техникой, в организации победы над фашизмом высоко оценены Советским правительством.

Все члены делегации вынесли общее впечатление от поездки: Советский Союз должен быть, как никогда, готов к отражению фашистской агрессии…

В декабре 1940 года состоялось Всеармейское совещание руководящего состава. В конце декабря была проведена и

оперативно-стратегическая игра, к участию в которой привлекли наиболее ответственных лиц из этого состава. На самом высоком уровне в Кремле подводились итоги совещания и разбор игры. Я в этих важных мероприятиях не смог участвовать, так как в конце ноября серьезно болел. Вернулся на работу в феврале 1941 года, как раз в тот день, когда вместо К. А. Мерецкова на пост начальника Генштаба был назначен генерал армии Г. К. Жуков.

Всю первую половину 1941 года Генштаб работал с неослабевающим напряжением. Еще и еще раз анализировались операции первых лет Второй мировой войны и принципы их проведения. Глубоко изучались как наступательные операции, так и вопросы стратегической обороны. В директивах наркома обороны руководящему составу Красной Армии одновременно с задачами по отработке наступательных операций обязательно, причем конкретно и подробно, ставились задачи и по оборонительным операциям.

В качестве практических мероприятий предусматривалось проведение зимою в каждой армии и округе армейского предназначения оперативной игры на тему армейской оборонительной операции, а в штабах округов фронтового предназначения – фронтовой оборонительной операции. Летом армии и округа осуществляли на тех же основаниях армейские или фронтовые двусторонние полевые учения. Основной, конечно, была наступающая сторона, а противоположная решала задачи оборонительного характера.

Однако нельзя не сказать при этом, что правильная в принципе установка на то, чтобы вести войну на территории агрессора, что при нападении врага на СССР боевые действия советских войск должны быть до предела решительными, кое-где пропагандировалась односторонне, что, как уже говорилось, способствовало распространению иллюзий легкой победы в войне.

С февраля 1941 года Германия начала переброску войск к советским границам. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел данные все более свидетельствовали о непосредственной угрозе агрессии.

В этих условиях Генштаб в целом и наше Оперативное управление вносили коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 года оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил для отражения нападения врага с запада. План предусматривал, что военные действия начнутся с отражения ударов нападающего врага; что удары эти сразу же разыграются в виде крупных воздушных сражений, с попыток противника обезвредить наши аэродромы, ослабить войсковые, и

особенно танковые, группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым крупным юродам. С нашей стороны предусматривалась необходимость силами всей авиации сорвать попытки врага завоевать господство в воздухе и, в свою очередь, нанести по нему решительные удары с воздуха. Одновременно ожидалось нападение на наши границы наземных войск с крупными танковыми группировками, во время которого наши стрелковые войска и укрепленные районы приграничных военных округов, совместно с пограничными войсками, обязаны будут сдержать первый натиск, а механизированные корпуса, опирающиеся на противотанковые рубежи, своими контрударами вместе со стрелковыми войсками должны будут ликвидировать вклинившиеся в пашу оборону группировки и создать благоприятную обстановку для перехода советских войск в решительное наступление. К началу вражеского наступления предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. Предполагалось также, что наши войска вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися и в составе предусмотренных планом группировок, что отмобилизование и сосредоточение войск будет произведено заблаговременно.

Оперативный план отражения агрессии был тщательно увязан с мобилизационным планом Красной Армии и страны в целом; отработаны расчеты и графики на перевозки войск, и всего необходимого для них из глубины страны в районы сосредоточения, и приняты должные меры для обеспечения перевозок по линии Наркомата путей сообщения. План был отработан не только Генеральным штабом с соответствующими управлениями Наркомата обороны, но и с командованием войск приграничных военных округов. Для этой цели в феврале – апреле 1941 года в Генштаб вызывались командующие войсками, члены военных советов, начальники штабов и оперативных отделов Прибалтийского, Западного, Киевского особых и Ленинградского военного округов. Вместе с ними намечались порядок прикрытия границы, выделение для этой цели необходимых сил и формы их использования. При этом предусматривалось, что войска эшелонов прикрытия к началу действий врага, будучи полностью укомплектованными по штатам военного времени, развернутся на подготовленных оборонительных рубежах вдоль границы и, вместе с укрепленными районами и пограничными войсками, смогут, в случае крайней необходимости, прикрыть отмобилизование войск второго эшелона приграничных округов, которым по

мобилизационному плану отводили для этого от нескольких часов до одних суток.

В связи с возраставшей угрозой агрессии со стороны фашистской Германии Наркомат обороны и Генеральный штаб не только вносили коррективы в разработанные оперативный и мобилизационный планы для отражения неизбежного нападения на нашу страну, но по указаниям ЦК партии и правительства проводили в жизнь целый ряд очень важных мероприятий из этих планов, направленных на усиление обороноспособности наших западных границ. Так, с середины мая 1941 года по директивам Генерального штаба началось выдвижение ряда армий – всего до 28 дивизий – из внутренних округов в приграничные, положив тем самым начало к выполнению плана сосредоточения и развертывания советских войск на западных границах. В мае – начале июня 1941 года на учебные сборы было призвано из запаса около 800 тыс. человек, и все они были направлены на пополнение войск приграничных западных военных округов и их укрепленных районов. Центральный Комитет партии и Советское правительство проводили ряд и других серьезнейших мероприятий в целях дальнейшего повышения боевой готовности, и боеспособности вооруженных сил, по развитию военно-промышленной базы, по укреплению обороноспособности страны в целом. К середине 1941 года общая численность армии и флота достигла более 5 млн. человек и была в 2,7 раза больше, чем в 1939 году.

В мае – июне 1941 года по железной дороге на рубеж рек Западная Двина и Днепр были переброшены 19-я, 21-я и 22-я армии из Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов, 25-й стрелковый корпус из Харьковского военного округа, а также 16-я армия из Забайкальского военного округа на Украину, в состав Киевского, особого военного округа. 27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов, а 19 июня – вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа по ходатайству окружного командования добилось такого разрешения ранее. 12–15 июня этим округам было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округа, ближе к государственной границе. 19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы и рассредоточить самолеты на аэродромах.

Однако полностью провести в жизнь и завершить намеченные мобилизационные, и организационные мероприятия не удалось. Сказался здесь и просчет в определении времени возможного

нападения гитлеровской Германии на нашу страну, да и экономические возможности страны не позволили выполнить их в сроки, отведенные нам историей. Сыграли, конечно, в этом свою роль и те недочеты, которые были допущены военным руководством при планировании и практическом осуществлении этих мероприятий.

Война началась

Всесторонняя перестройка. – Создание центрального и фронтовых органов управления войсками. – События в центре и на юго-западе советско-германского фронта. – Факты и директивы. – Отход

Итак, Советской стране удалось многое сделать в годы и месяцы, непосредственно предшествовавшие войне. Об этом свидетельствовали и невиданные в мире успехи в области экономики, и мудрые шаги во внешней политике. Народ, руководимый партией, не терял времени зря: укреплял обороноспособность Родины, готовился к неизбежной схватке с врагом. Но, как и всякое большое несчастье, война обрушилась внезапно. Фашистские орды вероломно вторглись на нашу землю.

В июне 1941 года в Генеральный штаб от оперативных отделов западных приграничных округов и армий непрерывно шли донесения одно другого тревожнее. Сосредоточение немецких войск у наших границ закончено. Противник на ряде участков границы приступил к разборке поставленных им ранее проволочных заграждений и к разминированию полос на местности, явно готовя проходы для своих войск к нашим позициям. Крупные танковые группировки немцев выводятся в исходные районы. Ночами ясно слышен шум массы танковых двигателей.

Все работники нашего Оперативного управления без каких-либо приказов сверху почти безотлучно находились в те дни на своих служебных местах.

В первом часу ночи на 22 июня нас обязали в срочном порядке передать поступившую от начальника Генерального штаба Г. К. Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву в адреса командования Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. В директиве говорилось, что в течение 22–23 июня возможно внезапное нападение немецких войск на фронтах этих округов. Указывалось также, что нападение может начаться с провокационных действий; поэтому задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокации, которые могли бы вызвать крупные осложнения. Однако далее подчеркивалась необходимость округам быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар противника. Директива обязывала командующих войсками: а) в течение ночи на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепленных районов

на государственной границе; б) перед рассветом рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; в) все части привести в боевую готовность; войска держать рассредоточенно и замаскированно; г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов. Никаких других мероприятий без особых распоряжений директива не предусматривала. В 00.30 минут 22 июня 1941 года директива была послана в округа.

Оправданно поставить вопрос: почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с нами, все же не дал согласия на своевременное приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность?

Вопрос этот уже освещался в ряде военных мемуаров. Но, поскольку читатели моих воспоминаний прислали по нему письма и высказывают свое мнение, я также изложу кратко свои соображения.

Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в ее международном положении. Некоторые же читатели, не учитывая этого, считают, что, чем раньше были бы приведены Вооруженные Силы в боевую готовность, тем было бы лучше для нас, и дают резкие оценки Сталину за нежелание пойти на такой шаг еще при первых признаках агрессивных устремлений Германии. Сделан упрек и мне за то, что я, как они полагают, опустил критику в его адрес.

Не буду подробно останавливаться на крайностях. Скажу лишь, что преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил может принести не меньше вреда, чем запоздание с ней. От враждебной политики соседнего государства до войны нередко бывает дистанция огромного размера. Остановлюсь лишь на том случае, когда Сталин явно промедлил с принятием решения на переход армии и страны на полный режим военного времени.

Так вот, считаю, что хотя мы и были еще не совсем готовы к войне, о чем я уже писал, но, если реально пришло время встретить ее, нужно было смело перешагнуть порог. И. В. Сталин не решался на это, исходя, конечно, из лучших побуждений. Но, в результате несвоевременного приведения в боевую готовность, Вооруженные Силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно менее выгодных условиях и были вынуждены с боями отходить в глубь страны. Не будет ошибочным сказать, что, если бы к тем огромным усилиям партии и народа,

направленным на всемерное укрепление военного потенциала страны, добавить своевременное отмобилизование и развертывание Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому.

Иными словами, если бы наши войсковые части и соединения были своевременно отмобилизованы, выведены на предназначенные для них планом боевые рубежи, развернулись на них, организовали четкое взаимодействие с артиллерией, с танковыми войсками и авиацией, то можно предположить, что уже в первые дни войны были бы нанесены противнику такие потери, которые не позволили бы ему столь далеко продвинуться по нашей стране, как это имело место. Но отступить нам пришлось бы, так как немецко-фашистские войска все же имели ряд серьезных преимуществ, в том числе такие, как милитаризация экономики и всей жизни Германии, превосходство по ряду показателей в вооружении и численности войск и опыту ведения войны. И неправильно объяснять неудачное начало войны исключительно ошибками Сталина.

Партия видела приближение войны и предпринимала максимум усилий, чтобы оттянуть сроки вступления в нее Советского Союза. Это был мудрый и реалистичный курс. Его осуществление требовало, прежде всего, искусного ведения дипломатических отношений с капиталистическими странами, и особенно с агрессивными. Советский Союз, руководимый Коммунистической партией, решительно боролся за укрепление мира, за безопасность народов, а в отношении Германии пунктуально выполнял свои договорные обязательства, не предпринимал ни одного шага, который гитлеровские главари могли бы использовать для обострения обстановки, для военных провокаций.

Вся проблема, по моему мнению, сводилась к тому, как долго нужно было продолжать такой курс. Ведь фашистская Германия, особенно последний месяц, по существу, открыто осуществляла военные приготовления на наших границах, точнее говоря, это было то самое время, когда следовало проводить форсированную мобилизацию и перевод наших приграничных округов в полную боевую готовность, организацию жесткой и глубоко эшелонированной обороны. И. В. Сталин, оказывавший огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику партии и правительства, видимо, не смог правильно уловить этого переломного момента. Нужно было немедленно принимать новые решения, открывающие новую историческую эпоху в жизни нашей Родины, и вместе с тем, конечно, соблюдать максимальную

осторожность, чтобы не дать гитлеровцам повода для обвинения нашей страны в агрессивности. То, что Сталин не смог вовремя принять такого решения, является его серьезнейшим политическим просчетом.

В чем причины столь крупного просчета этого опытного и дальновидного государственного деятеля? Прежде всего, в том, что наши разведорганы, как справедливо отмечает в своих воспоминаниях Г. К. Жуков, не смогли в полной мере объективно оценивать поступавшую информацию о военных приготовлениях фашистской Германии и честно, по-партийному, докладывать ее И. В. Сталину. Я не буду касаться всех аспектов такого положения, они в основном известны. Остановлюсь лишь на том, что в этом, видимо, сыграла свою роль и некоторая обособленность разведуправления от аппарата Генштаба. Начальник разведуправления, являясь одновременно и заместителем наркома обороны, предпочитал выходить с докладом о разведданных непосредственно на Сталина, минуя начальника Генштаба. Если бы Г. К. Жуков был в курсе всей важнейшей развединформации, при его положении и характере, он, наверное, смог бы делать более точные выводы из нее и более авторитетно представлять эти выводы И. В. Сталину и, тем самым, в какой-то мере повлиять на убеждение И. В. Сталина, что мы в состоянии оттянуть сроки начала войны, что Германия не решится воевать на два фронта – на западе и на востоке.

Нужно также иметь в виду, что И. В. Сталин, стремясь оттянуть сроки войны, переоценивал возможности дипломатии в решении этой задачи.

Появись у него сомнение в дальнейшей целесообразности такого курса, он, как человек твердый, решительный, возможно, немедленно дал бы согласие на проведение всех мер мобилизационного характера.

В связи с этим, думаю, имеет смысл остановиться на известном сообщении ТАСС от 14 июня 1941 года. Некоторые читатели склонны считать его документом, сыгравшим чуть ли не роковую роль в нашей подготовке к войне, притупившим бдительность советских людей в самый важный и критический момент в жизни нашей страны.

Если рассматривать данное сообщение в отрыве от внешней и внутренней политики Коммунистической партии, вероятно, и можно сделать какие-то негативные выводы. Но так поступать было бы опрометчиво.

Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является, с одной стороны, военно-политическим зондажем, который со всей очевидностью показал, что Германия держит курс на войну

против СССР и угроза войны приближается. Это вытекало из гробового молчания фашистских главарей на запрос, обращенный к ним Советским правительством.

С другой стороны, это заявление показывало стремление нашего правительства использовать всякую возможность, чтобы оттянуть начало войны, выиграть время для подготовки наших Вооруженных Сил к отражению агрессии.

Таким образом, полагаю правильным считать, что сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является свидетельством заботы партии и правительства о безопасности нашей страны и о ее жизненных интересах.

О том, что это сообщение является внешнеполитической акцией, говорит продолжавшееся осуществление организационно-мобилизационных мероприятий, переброска на запад войсковых соединений, перевод ряда предприятий на выполнение военных заказов и т. д.

У нас, работников Генерального штаба, как, естественно, и у других советских людей, сообщение ТАСС поначалу вызвало некоторое удивление. Но поскольку за ним не последовало никаких принципиально новых директивных указаний, стало ясно, что оно не относится ни к Вооруженным Силам, ни к стране в целом.

К тому же в конце того же дня первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин разъяснил, что целью сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев, и оно больше не привлекало нашего внимания.

В роковую ночь начала войны командование приграничных округов держало непрерывную связь с руководством Наркомата обороны и Генеральным штабом. В 4 часа с минутами нам стало известно от оперативных органов окружных штабов о бомбардировке немецкой авиацией наших аэродромов и городов. Одновременно или несколько ранее эти данные стали известны руководству Наркомата обороны и, почти тут же, Советскому правительству. Отборные фашистские орды, обладавшие двухлетним опытом ведения современной войны, обрушились на наши пограничные войска и войска прикрытия.

Так началась Великая Отечественная война. На всем протяжении границы от Баренцева до Черного морей завязалась ожесточенная и кровопролитная борьба.

29 июня ЦК ВКП(б) и Советское правительство принимают директиву, пронизанную ленинскими мыслями о защите социалистического Отечества. Ее основополагающая идея: «Все для фронта, все для победы!». В директиве говорилось: «Теперь

все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом». ЦК партии призывал: «В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли кропи за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу».

Партия, прежде всего, принимает меры к созданию органов стратегического руководства и фронтового управления. В этом ей пришлось пойти дальше, чем предусматривалось нашими планами. В довоенные годы мы предполагали, что военными действиями, командованием фронтов будет руководить нарком обороны с Главным военным советом, созданным в 1938 году. Проекта создания Ставки Верховного командования не имелось. Но начало войны показало, что структура руководства вооруженной борьбой должна быть более совершенной и эффективной. 22 июня военными действиями руководил, как и предусматривалось, Главный военный совет, но уже на следующий день была создана Ставка Главного командования Вооруженных Сил Союза ССР. Я сказал бы, что она носила несколько демократический характер, так как по главе ее был не главнокомандующий, а председатель – нарком обороны Маршал Советскою Союза С. К. Тимошенко. В нее вошли также С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, П. Г. Кузнецов, В. М. Молотов, И. В. Сталин.

Одновременно при Ставке был создан институт постоянных советников в составе Н. Ф. Ватутина, Н. А. Вознесенского, Н. Н. Воронова, А. А. Жданова, П. Ф. Жигарева, Г. И. Кулика, К. А. Мерецкова, А. И. Микояна, Б. М. Шапошникова и других военных, партийных и государственных деятелей.

Партия сразу же позаботилась о том, чтобы страна была широко информирована о ходе войны и усилиях народа, направленных на отпор агрессору. С этой целью было образовано Советское информационное бюро. Подготовка проектов правительственных сообщений о событиях на фронтах была возложена на начальника Разведывательного управления генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова и на меня.

К сожалению, вначале пришлось готовить нерадостные для советских людей сводки, но мы были обязаны говорить, и говорили народу правду о ходе военных действий. Первая по-настоящему радостная весть, которую мы передали на радио и в печать, было сообщение о нашей победе в Московской битве.

Большое значение для ведения войны имело постановление ЦК партии от 30 июня об образовании Государственного

Комитета Обороны. ГКО сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране. Его постановления имели силу законов военного времени, их были обязаны выполнять все партийные, советские, военные, профсоюзные и другие организации, а также граждане СССР. Уже первые шаги ГКО по перестройке народного хозяйства, по мобилизации сил и ресурсов страны для военных нужд были весьма успешными.

Наивысшей и неопровержимой оценкой деятельности Государственного Комитета Обороны является весь ход Великой Отечественной войны, всемирно-исторические, незабываемые в веках победы советского народа над фашистскими агрессорами.

Мы, старшие советские военачальники, и тем более те из нас, которые имели возможность и счастье работать в эти суровые годы под непосредственным руководством ГКО, являемся свидетелями титанической работы, проделанной ЦК Коммунистической партии, Государственным Комитетом Обороны, для осуществления возникавших день за днем, казалось бы, совершенно невыполнимых по объемам и срокам задач в области руководства вооруженной борьбой на фронте и напряженным трудом в тылу – в оборонной промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве.

Фронтовые управления создавались на базе военных округов. Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа были преобразованы соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты, а Одесский – в 9-ю армию. Ленинградский округ преобразовали в Северный фронт. 25 июня на базе управления Московского военного округа, переброшенного на юг, был образован Южный фронт.

В те дни, когда советские войска начали отходить вглубь страны, все наши помыслы обратились к одной цели: выдержать, выстоять, как бы ни было трудно. Враг был силен и беспощаден. Стало ясно, что борьба с ним будет длительной и тяжелой. Мы, офицеры и генералы Генерального штаба и всех Вооруженных Сил, глубоко переживали наши неудачи на фронтах.

В годы мирного строительства мы готовили войска и готовились сами к схватке с империалистическим агрессором. Мы считали, что борьба с ним будет нелегкой. Помню, не раз на всеармейских и других учениях отрабатывались варианты начального периода войны, и мы не тешили себя иллюзиями. И, тем не менее, развернувшаяся война все же оказалась более суровой, чем предполагалось.

Но ни перспектива длительной войны, ни трудности, ни потери, которые предстояло понести, не страшили нас. Мы горели желанием изменить ход войны. Наш служебный долг,

характер ратного труда требовали отдать все свои силы, а если нужно, и жизнь защите Родины, и мы шли на это. Мы верили, что сумеем остановить врага, изменить ход войны. Залогом нашей уверенности являлись могучие жизненные силы советского строя, его способность выдержать любые испытания. Мы верили в мудрость Коммунистической партии, в ее умение вести страну сквозь любые трудности.

Каждый из нас, генштабистов, стремился сделать максимум возможного на своем участке, ускорить налаживание военного механизма в соответствии с требованиями войны. Напряжение в работе достигало крайнего предела. Приходилось решать все новые и новые задачи.

Наше Оперативное управление превратилось в некий улей, куда, прилетавшие с линии фронта, «пчелы» доставляли информацию, подлежащую немедленной обработке. Информация распределялась по трем отделам, сложившимся соответственно трем главным направлениям боевых действий: Северо-Западному, Западному и Юго-Западному. Не переставая, работали «Бодо» – телеграфные аппараты, отправлявшие сразу несколько телеграмм по встречным курсам. Бывшие окружные штабы, а ныне фронтовые управления, слали нам свои донесения. Мы передавали распоряжения Центра в войска. Людей не хватало. Главная работа сосредоточилась в большом зале, куда были стянуты основные кадры, обслуживавшие связь с войсками. Всюду карты – географические и топографические, разных масштабов и предназначений. Непрерывные донесения. Телеграфные или доставляемые самолетами связи, самолетами-разведчиками. Информация, как можно более полная и точная, необходима, как воздух. Что происходит на фронтах, где находятся войска, наши и вражеские, на каком рубеже идут бои? Куда направить подкрепления, где и какая необходима боевая техника? Лишь бы не сбиться с ритма, не опоздать, вовремя дать сведения Ставке…

Попытки Главнокомандования остановить быстрое выдвижение вглубь страны мощных группировок врага силами неизготовленных к этому и понесших серьезные потери войск приграничных округов не удались. Поэтому оно пришло к единственно правильному в тех условиях решению – использовать подходившие из глубины страны отмобилизованные эшелоны войск для создания нового стратегического фронта обороны. Оно решило ряд других довольно сложных проблем. Основные из них: немедленная организация прочной, устойчивой связи Главного командования с фронтами и во фронтах с войсками; выбор на местности наиболее выгодных для организации обороны рубежей и подготовка их в инженерном отношении; создание на этих

рубежах группировок войск, наиболее отвечающих складывающейся к тому времени фронтовой обстановке; своевременный вывод на эти рубежи войсковых группировок, развертывание и подготовка их к обороне; всемерное повышение политико-морального состояния и боеспособности войск, массовая и срочная подготовка в военном и политическом отношениях людских ресурсов, и создание новых мощных стратегических резервов; организация производства в этих тягчайших для страны условиях для обеспечения фронта всеми необходимыми материальными ресурсами, для более успешного ведения вооруженной борьбы с врагом.

В связи со все усложнявшимися задачами отпора врагу ЦК партии снова возвращается к вопросу о стратегическом руководстве. 10 июля Ставка Главного командования преобразуется в Ставку Верховного командования Вооруженными Силами Союза ССР, а 8 августа – в Ставку Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР. Ее председателем становится И. В. Сталин. 19 июля он назначается народным комиссаром обороны, а 8 августа – Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР.

Членами Ставки Верховного командования были назначены В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, Б. М. Шапошников, С. М. Буденный. В этом составе она оставалась почти до конца войны. Ставка превратилась в достаточно централизованный и гибкий орган руководства вооруженной борьбой.

Были также внесены изменения в структуру Наркомата обороны и Генерального штаба. Характер перестройки также подсказывали интересы конкретного и оперативного руководства военными действиями, помощи фронтам.

Сошлюсь хотя бы на такой факт. С самого начала войны Генеральный штаб испытывал затруднения из-за постоянной потери каналов связи с фронтами и армиями. Трудно было и войскам без связи со Ставкой, Генштабом. Наркомат связи шел нам навстречу, но он должен был обслуживать потребности всей страны, а потому бывало, что наши нужды не всегда немедленно удовлетворялись. Когда доложили об этом ЦК партии, И. В. Сталин сказал:

– Если нарком Пересыпкин плохо помогает вам, тогда есть смысл назначить его по совместительству начальником Управления связи Наркомата обороны.

Так и сделали. Это сразу позволило привлечь для руководства фронтами и армиями все возможные средства связи страны и значительную часть лучших специалистов наркомата

для обслуживания линий связи Вооруженных Сил. Дело решительно изменилось, и связь перестала быть у нас проблемой.

Тогда же было создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ).

В конце июля реорганизуется служба тыла. Было создано Главное управление тыла (штаб, управление военных сообщений, автодорожное управление). Начальником тыла был назначен популярный в Вооруженных Силах и опытнейший хозяйственник генерал А. В. Хрулев. Ряд управлений Наркомата обороны преобразуются в главные. Восстанавливается должность начальника артиллерии Красной Армии, им был назначен генерал Н. Н. Воронов. Перестройка произошла в видах Вооруженных Сил.

В результате реорганизации центрального аппарата, осуществленной летом и осенью 1941 года, улучшилось руководство Вооруженными Силами, их строительством и обеспечением. Освобождение Генерального штаба от непосредственного участия в укомплектовании и формировании войск Красной Армии, от управления тылом Вооруженных Сил (за ним оставалось лишь право контроля) позволило ему сосредоточить основное внимание на оказании Верховному Главнокомандованию всемерной помощи в решении оперативно-стратегических вопросов. Но это вызвало ряд проблем, на которых я остановлюсь дальше.

Организационная перестройка коснулась и действующей армии. Генеральному штабу пришлось провести работу по разукрупнению фронтов. Это было вызвано рядом обстоятельств, в том числе увеличением размаха вооруженной борьбы и появлением новых операционных направлений. Требовалось сделать фронтовое управление более гибким, оперативным. Война усложнила руководство военными действиями, и мы должны были в соответствии с этим перестраиваться. Работа по разукрупнению фронтов велась в течение всей второй половины 1941 года.

Ставка и Генштаб были также вынуждены пойти на такую временную меру, как упразднение корпусного звена. Мы решились на это потому, что не могли быстро восполнить потери командных кадров. Создалось такое положение, когда на корпусное управление не хватало людей, в результате чего оно оставалось сильно недоукомплектованным и не могло выполнять своих функций, эффективно руководить частями и соединениями. К исходу 1941 года было сохранено лишь 6 корпусных управлений, за счет высвободившихся командиров и политработников укомплектовали частично армейские штабы и

дивизионное управление.

Пришлось пересматривать и организационную структуру дивизий. Ограниченные в то время материальные ресурсы вынудили нас пойти на снижение их огневых средств – сократилось количество орудий, огнеметов, пулеметов. Мы с сожалением приняли такое решение, но другого выхода не было. В то время народное хозяйство не могло дать столько оружия, боевой техники, боеприпасов, сколько требовал фронт. Учитывая реальные возможности, Ставка и Генштаб корректировали организационную структуру дивизий.

Принимая такие решения, мы надеялись, что это временная мера и что ограниченность материальных средств ведения войны будет компенсирована высоким морально-политическим подъемом в Вооруженных Силах, и быстрым приобретением командными кадрами опыта ведения боевых действий. Вместе с тем мы надеялись, что так продолжаться будет недолго, и организационная структура корпусного и дивизионного звена будет пересмотрена.

Надо заметить, что первоначальные неудачи Красной Армии показали некоторых командиров в невыгодном свете. Они оказались неспособными в той сложнейшей обстановке руководить войсками по-новому, быстро овладеть искусством ведения современной войны, оставались в плену старых представлений. Не все сумели быстро перестроиться. Сталин же исходил из того, что, если боевые действия развиваются не так, как нужно, значит, необходимо срочно произвести замену руководителя. Перемещения касались всего аппарата Наркомата обороны, Генерального штаба и руководства войсками. Однако такое отношение к кадрам в первые месяцы войны далеко не всегда давало положительные результаты.

Хочу несколько подробнее остановиться на работе Ставки. Это намерение вызвано многочисленными просьбами, высказанными авторами писем ко мне, а также тем, что в нашей литературе, как мне кажется, недостаточно четко освещена эта тема.

Некоторые товарищи настойчиво просят у меня фотоснимки хотя бы одного из заседаний Ставки. Мой ответ, что таких снимков вообще не существует, что их не было, вызывает недоумение.

Итак, была ли Ставка постоянно действующим органом при Верховном Главнокомандующем? Да. Была. Но при этом надо представить себе, что работа ее строилась по-особому. Верховный Главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных

проблем, касающихся ведения вооруженной борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь принимались необходимые решения, которые тотчас же и оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки. Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном Главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя. Ведь большинство из ее членов выполняли одновременно ответственные обязанности, часто находясь далеко за пределами Москвы, главным образом на фронте. Но вот что было постоянно: каждый из членов Ставки держал с Верховным Главнокомандующим связь. Сталин знал, сколь важна деятельность членов Ставки по их основной должности, а поэтому не считал возможным и необходимым собирать всех их в полном составе, а периодически вызывал отдельных членов Ставки, командующих войсками и членов военных советов фронтов для выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения, касающегося руководства боевой деятельностью Вооруженных Сил на данном этапе борьбы.

За более чем 30-месячный период моей работы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном ее составе при Верховном Главнокомандующем ни разу не собиралась. На протяжении всей войны стратегические решения, направляемые в войска в виде директив Ставки, рассматривались Политбюро ЦК нашей партии и Государственным Комитетом Обороны, всецело осуществлявшими руководство вооруженной борьбой и деятельностью тыла страны, с привлечением в каждом отдельном случае необходимых для данной цели ответственных военных и гражданских работников. Подробнее я остановлюсь на этом в главе о Генеральном штабе.

Как правило, предварительная наметка стратегического решения и плана его осуществления вырабатывалась у Верховного Главнокомандующего в узком кругу лиц. Обычно это были некоторые из членов Политбюро ЦК и ГКО, а из военных – заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель. Нередко эта работа требовала нескольких суток. В ходе ее Верховный Главнокомандующий, как правило, вел беседы, получая необходимые справки и советы по разрабатываемым вопросам, с командующими и членами военных советов соответствующих фронтов, с ответственными работниками Наркомата обороны, с наркомами и, особенно, руководившими той или иной отраслью

военной промышленности. Огромная работа в тот период проводилась ответственными работниками Генерального штаба и Наркомата обороны. В результате всестороннего обсуждения принималось решение, и утверждался план его проведения, отрабатывались соответствующие директивы фронтам, и назначался день встречи в Ставке с командующими, привлекаемыми к реализации намеченных операций.

На этой встрече происходило окончательное уточнение плана, устанавливались сроки проведения операций, подписывалась директива Ставки, отправляемая фронтам. Теперь наступал самый ответственный период – подготовка войск к осуществлению задуманного плана и обеспечение их всем необходимым для этого в установленные сроки.

Так работала Ставка при подготовке большинства крупных стратегических операций фронтов. Но иногда, в зависимости от обстановки, допускались и отступления от этого порядка. Так, в ряде случаев Верховный Главнокомандующий и Генеральный штаб, будучи крайне ограничены временем, вынуждены были согласовывать все вопросы с командующими фронтами по телефону. Отступления были, но незыблемым оставалось одно: при выработке стратегических планов и при решении крупнейших экономических проблем Политбюро ЦК партии, руководство Вооруженными Силами всегда опирались на коллективный разум. Вот почему принимаемые Верховным Главнокомандованием и коллективно вырабатываемые стратегические решения, как правило, всегда отвечали конкретной, складывающейся на фронтах обстановке, а требования, предъявляемые к исполнителям, были реальными, потому правильно воспринимались и исполнялись командованием и войсками.

Вернусь, однако, к лету 1941 года.

В конце июня Главное командование попыталось использовать выдвигаемые из глубины страны стратегические резервы для развертывания их на рубежах рек Западная Двина и Днепр. Однако подвижные крупные группировки врага опередили нас.

К середине июля 1941 года в условиях крайне напряженной обстановки войскам Красной Армии удалось временно стабилизировать фронт. Как и прежде, главным направлением на советско-германском фронте оставалось Центральное. На этом направлении Ставка Верховного Главнокомандования создала новый стратегический фронт обороны путем выдвижения армий из своих резервов, но и он уступал врагу: по людям – в 2 раза, по орудиям и минометам – в 2 раза, по самолетам – в 2 раза, а по танкам соотношение было 4 к 1 в пользу противника.

Первые два месяца войны я выполнял обязанности только в Генштабе. В разгар Смоленского сражения, 30 июля, чтобы надежнее прикрыть направление на Москву и создать здесь более глубокую оборону, Ставка образовала Резервный фронт. Его командующим стал Г. К. Жуков, начальником штаба фронта – генерал-майор П. И. Ляпин, которого 10 августа сменил генерал-майор А. Ф. Анисов.

Начальником Генерального штаба в ночь на 30 июля был назначен Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. И. В. Сталин предпочел использовать командный опыт Г. К. Жукова непосредственно в войсках. Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование. В тот момент Ставка располагала данными, что на Северо-Западном направлении враг, где его наступление, хотя и с большим трудом, было временно приостановлено, спешно готовит с целью овладения Ленинградом три ударные группировки: одну – для наступления через Копорское плато, вторую – в районе Луги для удара вдоль шоссе Луга – Ленинград, третью – северо-западнее Шимска для наступления на новгородско-чудовском направлении.

30 июля для рассмотрения мероприятий, проводимых по усилению обороны Ленинграда, в Ставку вызвали главкома Северо-Западного направления К. Е. Ворошилова и члена военного совета А. А. Жданова. В обсуждении вопроса принимал участие и Б. М. Шапошников. По возвращении из Ставки в Генштаб (это было около 4 часов утра 31 июля) Борис Михайлович объявил мне, что в Ставке среди других вопросов стоял вопрос об усилении аппарата командования Северо-Западного направления и что Ворошилов по окончании заседания предложил назначить меня на должность начальника штаба. Б. М. Шапошников поинтересовался моим мнением. Я совершенно искренне считал, что если Климента Ефремовича не удовлетворял в этой должности такой способный, всесторонне подготовленный оперативный работник, как М. В. Захаров, то уж я, безусловно, вряд ли ему подойду. Б. М. Шапошников предупредил меня, что вечером Ставка вновь будет заниматься Северо-Западным направлением и что, видимо, вопрос о моем назначении будет решен. Он рекомендовал использовать оставшееся время для более детального изучения оперативной обстановки на этом направлении.

Весь день я просидел, погрузившись в карты и бумаги. А глубокой ночью Борис Михайлович, вернувшись из Кремля, ознакомил меня с новым решением Ставки: я назначался

начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба.

1 августа я приступил к исполнению этих обязанностей. Ставка и Генштаб помещались тогда на Кировской улице, откуда быстро и легко можно было во время бомбежки перебраться на станцию метро «Кировская», закрытую для пассажиров. От вагонной колеи ее зал отгородили и разделили на несколько частей. Важнейшими из них являлись помещения для И. В. Сталина, генштабистов и связистов.

Как-то очередная воздушная тревога застала меня во время переговоров с Юго-Западным фронтом как раз возле подземного телеграфа. Мне срочно потребовалось подняться наверх, чтобы захватить с собой некоторые документы. Возле лифта я встретил членов ГКО во главе с И. В. Сталиным. Поравнявшись со мной, Сталин, показывая на меня шедшему рядом с ним В. М. Молотову и улыбаясь, сказал:

– А, вот он где, все неприятности – от него, – а затем, здороваясь со мной, спросил: – Где же вы изволили все это время прятаться от нас? И куда вы идете, ведь объявлена воздушная тревога?

Я ответил, что работаю по-прежнему в Генеральном штабе и иду захватить необходимые материалы, после чего возвращусь…

Эта встреча произошла до моего назначения начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба. С февраля 1940 года до этой встречи я не имел возможности видеть И. В. Сталина.

С начала августа 1941 года я, сопровождая Б. М. Шапошникова, ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки, бывал у Верховного Главнокомандующего. В августовские и сентябрьские дни 1941 года эти встречи, как правило, происходили в Кремле, в кабинете И. В. Сталина. Одним из основных вопросов, который тогда решался, было формирование и место сосредоточения наших главных резервов. В первой половине августа Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб после того, как были сорваны отчаянные попытки врага овладеть Москвой лобовым ударом с ходу, полагали, что и в дальнейшем его усилия преимущественно будут направлены на захват Москвы. При этом считалось наиболее вероятным, что противник на сей раз нанесет фланговые удары мощными танковыми группировками в обход главных сил Западного фронта и самой Москвы, с севера – через Калинин, с юга – из района Брянска, через Орел и Тулу. Поэтому в августе Ставка продолжала уделять основное внимание Центральному направлению.

История сохранила нам имена героев, которые первыми приняли на себя удар фашистских полчищ. Называть их не буду, они известны, но подчеркну, что их были тысячи и они внесли достойный вклад в нашу, тогда еще казавшуюся далекой, победу.

Несмотря на тяжелые неудачи, наша армия боролась, наносила врагу чувствительные удары. Он терпел потери в людях, причем терял свои наиболее опытные офицерские кадры и наиболее подготовленных солдат.

Мы в то время говорили о себе больше в критическом духе и не всегда обращали должное внимание на то, какое мужество и отвагу проявляли советские воины в борьбе с врагом, о чем писала пресса. Но, как теперь стало известно, таких фактов было намного больше, чем о них сообщалось. Достаточно указать на героическую защиту Брестской крепости, Либавы, Могилева, Лужской оборонительной полосы и другие. Так что начало войны было не только периодом, когда наша армия переживала неудачи. Она в те дни проявила и волю к борьбе, стойкость, героизм. Собственно, иначе и не могло быть: в Великой Отечественной войне слились воедино национальные и социальные задачи, и борьба за победу стала делом чести каждого воина, каждого труженика.

Трудности руководства ходом боевых действий осложнялись вначале тем, что Ставка и Генштаб не всегда имели точное представление о том, что происходило в приграничной полосе: связь с войсками нередко нарушалась. Уже к 25 июня передовые части противника углубились на 120–130, а затем и на 250 км… К середине июля Красная Армия оставила Латвию, Литву, Молдавию, часть Эстонии, Белоруссии и Правобережной Украины. Но недешево дались врагу эти успехи. Даже заниженные цифры потерь официальных немецких источников показывали 92 тыс. убитых и раненых за три недели войны, а к концу августа сухопутные войска вермахта потеряли свыше 441 тыс. человек. Немецкие войска потеряли половину своих танков и около 1,3 тыс. самолетов уже к середине июля 1941 года.

Центральный Комитет партии и Советское правительство не скрывали от народа правду и призывали его напрячь все силы на борьбу с коварным врагом. Принимались срочные меры по преодолению ошибок и просчетов, мобилизации советского народа на священную войну.

Из оборонительных сражений советских войск, проведенных летом и осенью 1941 года, особое место занимает Смоленское сражение. Наряду с упорным сопротивлением, оказанным врагу в районе Луги, и героической борьбой советских войск на Юго-

Западном направлении, оно положило начало срыву «молниеносной войны» против Советского Союза, заставило врага вносить коррективы в пресловутый план «Барбаросса».

Смоленское сражение продолжалось два месяца и включало в себя целую серию ожесточенных операций, проходивших с переменным успехом для обеих сторон, и явившихся отличнейшей, правда крайне дорогой, школой отработки военного мастерства для советского бойца и командира, ценной школой для советского командования, до Верховного Главнокомандования включительно, в организации современного боя со столь упорным, сильным и опытным врагом, в управлении войсками в ходе ожесточенной, часто менявшей свои формы борьбы.

Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб внимательно следили за ходом Смоленского сражения и оказывали всемерную помощь в руководстве им командованию фронтом. Особенно памятны ожесточенные бои, которые успешно вела почти в течение двух недель с войсками 46-го и 24-го моторизованных корпусов 2-й немецкой танковой группы окруженная в городе Могилеве часть соединений 13-й армии фронта во главе с командиром 61-го корпуса генералом Ф. А. Бакуниным. А разве могут быть забыты героические действия войск 16-й армии генерала М. Ф. Лукина в борьбе непосредственно за город Смоленск!

Полностью выполнить план Ставки войскам Западного фронта не удалось, и Смоленск пришлось оставить. Основные группировки врага, действовавшие на московском направлении, были изрядно измотаны. Задержка наступления врага на главном – московском направлении, явилась для нас крупным стратегическим успехом. Советское командование получило дополнительное время, как для создания новых мощных резервов, так и для укрепления Москвы.

В гитлеровской ставке начались серьезные дискуссии о необходимости изменения всего замысла кампании. Директивой от 30 июля фашистское командование вынуждено было остановить наступление группы армий «Центр» на Москву. Несколько позже 2-я танковая группа и 2-я армия группы армий «Центр» были повернуты на юг.

Это решение Гитлера и верховного главнокомандования вооруженных сил фашистской Германии (ОКБ) вовсе не свидетельствовало, что они отказываются от взятия Москвы. Они хотели закрепиться на юге, высвободить значительные силы, а потом пойти на советскую столицу.

В результате обстановка на Юго-Западном направлении

усложнилась. Во всей полосе Юго-Западного и Южного фронтов шли ожесточенные оборонительные бои. На правом крыле Юго-Западного фронта 5-я и 37-я, армии, отражая отчаянное стремление фашистов овладеть Киевом, упорной обороной и непрерывными контратаками и контрударами сковали на участке Коростень – Киев 6-ю немецкую армию и часть сил 1-й танковой группы. На левом крыле фронта противник продолжал наступление в направлении Днепропетровска и Запорожья, тесня войска 6-й и 12-й армий. 2 августа главным силам 1-й танковой группы фашистов, совместно с войсками 17-й армии, удалось перехватить наши коммуникации, а затем в районе Умани окружить 6-ю и 12-ю армии. Тяжелая обстановка складывалась и на Южном фронте.

Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была чуть ли не ежечасно заниматься ходом событий на Юго-Западном направлении. Вечером 4 августа при обсуждении в Ставке фронтовой обстановки я получил указание вызвать к телеграфному аппарату для переговоров командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М. П. Кирпоноса и члена военного совета Н. С. Хрущева. Телеграфная переговорная для обслуживания Ставки в Кремле находилась в непосредственной близости от рабочей комнаты А. Н. Поскребышева – личного секретаря И. В. Сталина. Рядом с нею была комната библиотеки И. В. Сталина, которой пользовались мы, работники Генштаба, при отработке документов в Кремле. При телеграфных переговорах с фронтами в Кремле непосредственная работа на аппарате «Бодр» возлагалась на одного из лучших специалистов этого дела в Генштабе воентехника 2-го ранга А. М. Викулова. В упомянутый вечер переговоры с М. П. Кирпоносом и Н. С. Хрущевым шли в присутствии некоторых членов ГКО и Б. М. Шапошникова.

И. В. Сталин начал их с вопроса о целесообразности создания военного совета при главкоме Юго-Западного направления и о включении в него Н. С. Хрущева. Затем он спросил, кого, по их мнению, назначить в таком случае членами военных советов Юго-Западного и Южного фронтов. Назвал он при этом Л. Р. Корниеца и М. А. Бурмистенко. Затем И. В. Сталин подчеркнул, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы немецкие войска перешли на левый берег Днепра, и потребовал от них совместно с главнокомандующим этим направлением С. М. Буденным и командующим Южным фронтом И. В. Тюленевым теперь же наметить план создания крепкой оборонительной линии, проходящей приблизительно от Херсона и Каховки через Кривой Рог, Кременчуг и далее, на север, по Днепру, включая район

Киева на правом берегу Днепра.

– Если эта примерная линия обороны будет всеми вами одобрена, – говорил И. В. Сталин, – нужно теперь же начать бешеную работу по организации линии обороны и удержанию ее во что бы то ни стало. Хорошо было бы в этих целях теперь же подвести к этой оборонительной линии новые дивизии с тыла, устроить артиллерийскую оборону, устроить окопы и основательно зарыться в землю. В этом случае вы могли бы принять на этой линии отходящие усталые войска, дать им оправиться, выспаться, а на смену держать свежие части (имелись в виду не только новые стрелковые дивизии, но и новые кавалерийские дивизии в пешем строю).

Кирпонос и Хрущев доложили, что ими приняты все меры к тому, чтобы не позволить противнику взять Киев. Они попросили пополнения людьми и вооружением, чтобы восстановить существующие дивизии, согласились с предложением Сталина об организации нового оборонительного рубежа и пообещали немедленно приступить к его отработке. К 12 часам 5 августа они должны были представить Ставке свои окончательные соображения в связи с этим. Одновременно они доложили, что главнокомандующий Юго-Западного направления дал им задание оказать помощь войскам 6-й и 12-й армий и с утра 6 августа нанести удар из района Корсунь в направлении Звенигородки и Умани.

Они хотели уточнить, не возражает ли против этого Ставка, так как они усиленно готовятся к выполнению этого задания.

Сталин ответил, что Ставка не только не будет возражать, а, наоборот, приветствует наступление, имеющее своей целью соединиться с Южным фронтом и вывести на простор наши две армии. При этом он заметил, что считает директиву главкома Юго-Западного направления дельной, однако настаивает на разработке предложенной им линии обороны, ибо на войне «надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое, и даже на худшее. Это единственное средство не попадать впросак». В заключение Верховный Главнокомандующий сказал, что примет все меры для того, чтобы оказать Юго-Западному фронту помощь, но в то же время просил их рассчитывать в этом вопросе больше на себя.

– Было бы неразумно думать, – говорил он, – что вам подадут все в готовом виде со стороны. Учитесь сами снабжать и пополнять себя. Создайте при армиях запасные части, приспособьте некоторые заводы к производству винтовок, пулеметов, пошевеливайтесь как следует, и вы увидите, что можно многое создать для фронта в самой Украине. Так

поступает в настоящее время Ленинград, используя свои машиностроительные базы, и он во многом успевает, имеет уже большие успехи. Украина могла бы сделать то же самое. Ленинград успел уже наладить производство эресов. Это очень эффективное оружие типа миномета, которое буквально крошит врага. Почему бы и вам не заняться этим делом?

Кирпонос и Хрущев передали:

– Товарищ Сталин, все ваши указания будут нами проводиться в жизнь. К сожалению, мы не знакомы с устройством эресов. Просим вашего приказания выслать нам один образец эреса с чертежами, и мы организуем у себя производство. – Последовал ответ:

– Чертежи есть у ваших людей, и образцы имеются давно. Но виновата ваша невнимательность к этому серьезному делу. Хорошо, я вышлю вам батарею эресов, чертежи и инструкторов по производству… Всего хорошего, желаю успеха.

5 августа во время телеграфных переговоров начальник штаба Юго-Западного направления генерал-майор А. П. Покровский передал мне для доклада Ставке просьбу главкома направления С. М. Буденного разрешить ему, в связи со сложившейся обстановкой, отвести войска Южного фронта на линию реки Ингул. Я доложил эту просьбу начальнику Генштаба Б. М. Шапошникову, а тот – Верховному. Нам обоим приказали немедленно явиться в Ставку. Сталин продиктовал нам директиву, которую мы должны были срочно передать главкому Юго-Западного направления и командующему Южным фронтом. В директиве указывалось, что Ставка не может согласиться с предложением Буденного об отводе войск Южного фронта на линию реки Ингул и приказывает при отводе войск занять линию от восточного берега Днестровского лимана до Беляевки, от Беляевки на Березовку, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин. При этом указывалось, что отводить войска следует в ночное время, этапами, прикрываясь сильными арьергардными боями, и закончить отход не позже 10 августа. Требовалось также: Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая на помощь Черноморский флот. Далее в директиве разъяснялось, что указанную в ней линию отвода никак нельзя смешивать с оборонительной линией, о которой 4 августа И. В. Сталин говорил с Кирпоносом и Хрущевым. Линия отвода должна проходить на 100–150 км западнее оборонительной линии. Б. М. Шапошников получил приказ связаться с Буденным по телеграфу и лично разъяснить ему содержание передаваемой директивы Ставки. Буденный сообщил Шапошникову, что утром 4 августа противник, продолжая наступление, овладел районом

Кировограда…

8 августа 2-я армия и 2-я танковая группа фашистов перешли в наступление в направлениях Могилев – Гомель и Рославль – Стародуб против войск Центрального фронта, прикрывавших брянское, гомельское и черниговское направления. Было очевидно, что враг стремится выйти во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта. Начались ожесточенные бои. Особенно сильный удар наносил противник по войскам 21-й армии. До 5 фашистских пехотных дивизий стремились здесь развить наступление на Гомель и не менее 3 дивизий начали 12 августа форсирование Днепра южнее Жлобина. С целью ликвидации угрозы, нависшей над войсками Центрального и правого крыла Юго-Западного фронта, и прикрытия направления на Брянск 14 августа Ставка приняла решение образовать Брянский фронт в составе 13-й и 50-й армий. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант А. И. Еременко, членом военного совета – дивизионный комиссар П. И. Мазепов, начальником штаба – генерал-майор Г. Ф. Захаров. Мне было приказано обязать А. И. Еременко к вечеру того же числа прибыть в Ставку для получения указаний по новой должности лично от Верховного Главнокомандующего. При этой встрече в кремлевском кабинете И. В. Сталина, кроме него самого и некоторых членов ГКО, присутствовали Б. М. Шапошников и я. Я тогда впервые увидел генерала Еременко. В какой мере знали его ранее И. В. Сталин и члены ГКО, мне неизвестно.

Верховный Главнокомандующий весьма тепло и радушно встретил Андрея Ивановича, расспросил его о здоровье, поинтересовался его впечатлениями о противнике, мнением об основных причинах наших серьезных неудач на фронте. А. И. Еременко держался с большим достоинством, очень находчиво отвечал на все вопросы. Да, сказал он, враг, безусловно, очень силен и сильнее, чем мы ожидали, но что бить его, конечно, можно, а порою и не так-то уж сложно. Надо лишь уметь это делать. Спесь врага за последнее время стала далеко не той, какой была в первые недели войны. При этом он сослался на ряд боевых эпизодов на Западном фронте, участником которых ему пришлось быть.

И. В. Сталин кратко, но четко обрисовал в целом сложившуюся на советско-германском фронте обстановку, особенно внимательно остановившись при этом на Западном и Юго-Западном направлениях. Поделился он вкратце своим мнением и об оценке врага, и о том, чего можно ожидать от него в недалеком будущем. Он заметил, что вероятнее всего противник и в дальнейшем свои основные усилия направит на взятие

Москвы, нанося главные удары крупными танковыми группировками на флангах, с севера – через Калинин и с юга – через Брянск, Орел. Для этой цели фашисты на брянском направлении в качестве основной ударной группировки держат 2-ю танковую группу Гудериана. Это направление для нас является сейчас наиболее опасным еще и потому, что оно прикрывается растянутым на большом участке и слабым по своему составу Центральным фронтом.

Сказал Сталин и о том, что, хотя возможность использования группы Гудериана для флангового удара по правофланговым войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но опасаться этого все же надо. Исходя из всего этого, основная и обязательная задача войск Брянского фронта состоит в том, чтобы не только надежно прикрыть брянское направление, но во что бы то ни стало своевременно разбить главные силы Гудериана. Тут же был определен состав войск Брянского фронта: вновь формируемая 50-я армия, командующим которой назначался генерал-майор М. П. Петров (восемь стрелковых и одна кавалерийская дивизии), 13-я армия – командующий генерал-майор К. Д. Голубев (восемь стрелковых, одна танковая и две кавдивизии, две бригады 4-го воздушно-десантного корпуса); 3 стрелковые и 1 кавалерийская дивизии будут находиться в резерве фронта.

Выслушав Сталина, вновь назначенный командующий Брянским фронтом очень уверенно заявил, что «в ближайшие же дни, безусловно», разгромит Гудериана. Эта твердость импонировала Верховному.

– Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях, – бросил он вслед выходившему из его кабинета Еременко…

В последующие дни оперативно-стратегическая обстановка на Юго-Западном направлении продолжала быстро осложняться. Войска Южного фронта, ведя ожесточенные бои, 15 августа оставили Кривой Рог, а 17 августа – Николаев. 16 августа войска Брянского фронта тоже вступили в тяжелые оборонительные бои против 2-й танковой группы и 2-й армии фашистов, наносивших удар на Конотоп и Чернигов. В Генштабе поняли, что командующий Брянским фронтом явно поторопился со своими заверениями. С каждым часом нарастала угроза правому крылу Юго-Западного фронта и особенно его 5-й армии, продолжавшей оборонять Коростеньский укрепленный район. 17 августа Б. М. Шапошников и я решили при докладе Верховному поставить вопрос об отводе войск правого крыла Юго-Западного фронта на левый берег Днепра. Сталин был уверен, что если Еременко и не разобьет 2-ю танковую группу фашистов, то, во всяком случае,

задержит ее, не выпустит на юг, и отклонил наше предложение.

Член Ставки, командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков направил 19 августа Верховному Главнокомандующему доклад. В нем говорилось: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс. Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности… Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крепкую группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на р. Десна…»[4]

В тот же день Ставка в ответе Г. К. Жукову сообщила, что его соображения насчет вероятного продвижения немецких войск в сторону Чернигов – Конотоп – Прилуки считает правильными. Это продвижение будет означать отход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. Известно, что одна колонна противника уже пересекла Унечу и вышла на Стародуб. С целью помешать в осуществлении замысла противника создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются и другие меры, о которых будет сообщено особо[5].

Затем Шапошников и я под диктовку Сталина записали следующую директиву в адрес главкома Юго-Западного направления Буденного, члена военного совета Хрущева и начштаба Покровского (копии – командующему Юго-Западным фронтом и командующему Южным фронтом). Приведу выдержки из этой важной директивы:

> «1. Противник сосредоточил превосходящие силы на Украине, имея целью овладеть Киевом и Одессой, занять всю Правобережную Украину и нанести отдельные поражения нашим войскам. Упорно обороняющиеся наши части заставили противника понести тяжелые

потери под Киевом, Каневом, Черкассами и Одессой… Создавая из Правобережной Украины плацдарм для дальнейшего наступления, противник, по-видимому, поведет его: а) в обход Киева с севера и юга с целью овладения Киевом и выхода в район Чернигов, Конотоп, Пирятин, Черкассы; б) в направлении Кременчуг, Полтава, Харьков; в) с фронта Кременчуг, Николаев, на восток для захвата Донбасса и Северного Кавказа; г) на Крым и Одессу… 3. На Юго-Западный и Южный фронты возлагаются задачи: упорно обороняясь за р. Днепр, по восточному его берегу от Лоев (иск.) до устья, прочно удерживать Киевский и Днепровский районы, тет-де-пон[6] у Берислава, Днепровский лиман и прикрыть с суши и воздуха Левобережную Украину, Донбасс и Северный Кавказ. 4. Юго-Западный фронт в составе: 29 стрелковых дивизий, 5 мотодивизий, 3 танковых дивизий и кавалерийских дивизий. Задача – обороняясь за р. Днепр по восточному его берегу от Лоев (иск.) до Переволочная, во что бы то ни стало удержать за собой Киев и прочно прикрыть направление за Чернигов, Конотоп и Харьков. При занятии новой оборонительной линии выделить в резерв фронта не менее 8 стрелковых дивизий… Штаб фронта – Прилуки. 5. Южный фронт в составе: 20 стрелковых дивизий, 1 танковой и кавалерийских дивизий. Задачи – обороняясь по восточному берегу р. Днепр от Переполочная до устья и на тет-де-понах у Днепропетровска, Херсона, Верислава, не допустить противника на восточный берег р. Днепр и прочно прикрыть Днепропетровск, Запорожье и Херсон. Во фронтовом резерве иметь не менее пяти стрелковых дивизий… Штаб фронта – ст. Синельниково…»[7].

Таким образом, этой директивой Ставка разрешала Юго-Западному фронту отвести войска 5-й армии за Днепр и в то же время требовала во что бы то ни стало удерживать Киев. 20 августа из телеграфных переговоров с начальником оперативного отдела штаба Брянского фронта полковником Аргуновым Генеральному штабу стало известно, что в течение предыдущих суток в районе Унечи шел сильный бой 45-го стрелкового корпуса 13-й армии с окружившими его войсками противника. Корпус должен был нанести удар по коммуникациям врага между Мглином и Унечей, прорваться и, выйдя из окружения, занять фронт по линии Ветливка – Павловка. Из донесения командующего 13-й армией К. Д. Голубева известно, что части

корпуса к полудню 20 августа прорвались в район Шамочки. Истинное положение и состояние корпуса, других соединений и частей армии уточняется. Но известно, что войска 13-й армии в предыдущих боях и в боях в районе Унечи понесли большие потери в людях и материальной части. Сейчас 13-я армия имеет задачу отойти и занять оборону по реке Судость[8].

Итак, ситуация продолжала ухудшаться. Наши попытки убедить Сталина в том, что нависла очень серьезная угроза всему правому крылу и тылу Юго-Западного фронта с севера, привели лишь к тому, что нам было предложено, в связи с обстановкой у Стародуба и образовавшимся разрывом между правофланговой 21-й армией Центрального фронта и левофланговой 13-й армией Брянского фронта, разрешить командующему Центральным фронтом отвести 21-ю армию на фронт Лумки – Новое Место и далее по рекам Ипуть, Сояс до Бабовичей. При этом мы должны были особо отметить необходимость обеспечения стыка 21-й и 3-й армий. В этих целях правый фланг 3-й армии должен находиться на западном берегу реки Уза от Бабовичи исключительно до Телешей и далее, на Чернов. Кроме того, за стыком нужно иметь резерв. Командующему Брянским фронтом предписывалось отвести левое крыло 13-й армии на линию Солово – Борщево – Погар и далее по реке Судость. За стыком фронтов тоже должен быть резерв[9].

Указания были переданы Генштабом 20 августа уже после 22 часов.

Все последующие дни Ставка и Генеральный штаб занимались вопросом ликвидации опасности, нависшей с севера над Юго-Западным фронтом. Они укрепили это направление и, прежде всего, Брянский фронт своими резервами – танками, артиллерией, людьми, вооружением, привлекли сюда авиацию соседних фронтов, Резерва Главного командования, а также части дальнебомбардировочной авиации. 24 августа при обсуждении вопроса пришли к заключению о целесообразности объединить усилия войск, действовавших против 2-й танковой группы и 2-й немецкой армии, наступавших с севера на конотопском и гомельском направлениях, расформировав Центральный фронт, передав его войска Брянскому фронту и возложив на А. И. Еременко ответственность за ликвидацию опасной группировки врага. Прежде чем окончательно принять это решение, Верховный Главнокомандующий решил запросить мнение Еременко. В телеграфных переговорах с ним вместе с И. В. Сталиным в моем присутствии принимал участие Б. М. Шапошников, уточнявший не вполне ясную к тому моменту обстановку на Брянском фронте.

Приведу несколько выдержек из разговора Верховного

Главнокомандующего с Еременко.

> Сталин:
>
> – У меня есть к вам несколько вопросов. 1) Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение соединенную 21-ю армию? …3) Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае, послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и 2–3 танковых батальона; очень ли они нужны Вам? 4) Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?
>
> Еременко:
>
> – …1) Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать. А это значит – прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из района Брянска. Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й, подчинить мне… Я очень благодарен Вам, товарищ Сталин, за то, что Вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную Вами, выполнить, то есть разбить его. У меня к Вам больше вопросов нет…[10]

После окончания этих переговоров в ночь на 25 августа Ставка издала подготовленную нами тут же в Кремле директиву, по которой Центральный фронт с 26 августа упразднялся. Его войска передавались Брянскому фронту. Таким образом, он имел теперь в своем составе 50-ю, 3-ю, 13-ю и 21-ю армии. Управление войсками, действовавшими на брянском направлении, и войсками гомельского направления объединялось в руках командующего Брянским фронтом. Предусматривала директива и объединение войск, действовавших на гомельском и мозырском направлениях, с передачей войск 3-й армии в состав 21-й армии. По просьбе Еременко, управление 3-й армии разрешалось использовать на мглинском направлении, с передачей ему части дивизий из 50-й и 13-й армий. Командующий Центральным фронтом генерал-лейтенант М. Г. Ефремов назначался заместителем командующего Брянским фронтом. Таким образом, понимая всю сложность обстановки на Брянском фронте, Ставка

Верховного Главнокомандования принимала серьезные меры помощи его войскам.

Читателю, видимо, покажется странным, как быстро принимались столь важные решения. Одни фронты расформировывались, другие создавались. Одни армии переставали существовать, другие возникали. Должен сказать, что одной из особенностей войны является то, что она требует скорых решений. Но в непрестанно меняющемся ходе боевых действий, разумеется, принимались не только правильные, но и не совсем удачные решения. У войны свой стиль и свой ритм руководства войсками. В данном случае организационные решения преследовали цель усилить Брянский фронт. Сталин все еще надеялся, что Еременко выполнит свое обещание.

27 августа Ставка решила провести 29–31 августа воздушную операцию против 2-й танковой группы противника на брянском направлении. К операции привлекались ВВС Брянского и Резервного фронтов и авиация Резерва Главного командования. В выполнении задания должно было участвовать не менее 450 боевых самолетов. В ночь на 30 августа в адрес Еременко была направлена директива, которая обязывала войска Брянского фронта перейти в наступление, уничтожить группу Гудериана и, развивая в дальнейшем наступление на Кричев, Пропойск (Славгород), к 15 сентября выйти на фронт Петровичи – Климовичи – Новозыбков – Щорс. Это означало бы крах правого фланга немецкой группы армий «Центр». Но попытки фронта выполнить эту директиву оказались безуспешными.

2 сентября Верховный Главнокомандующий продиктовал Генеральному штабу по телефону для немедленной передачи командующему Брянским фронтом следующие указания:

> «Ставка все же недовольна вашей работой. Несмотря на работу авиации и наземных частей, Почеп и Стародуб остаются в руках противника. Это значит, что вы противника чуть-чуть пощипали, но с места сдвинуть его не сумели. Ставка требует, чтобы наземные войска действовали во взаимодействии с авиацией, вышибли противника из района Стародуб, Почеп и разгромили его по-настоящему. Пока это не сделано, все разговоры о выполнении задания остаются пустыми словами. Ставка приказывает: Петрову[11] оставаться на месте и всеми соединенными силами авиации способствовать решительным успехам наземных войск. Гудериан и вся его группа должна быть разбита вдребезги. Пока это не сделано, все ваши заверения об успехах не имеют

никакой цены. Ждем ваших сообщений о разгроме группы Гудериана»[12].

К сожалению, действия войск фронта оказались малоэффективными. Сам же командующий фронтом получил ранение и попал в один из госпиталей Москвы, расположенный в зданиях Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, где его посетил И. В. Сталин, после чего он был эвакуирован на лечение в Куйбышев.

Ближе познакомился с А. И. Еременко я во время битвы на Волге. В августе 1942 года по заданию Ставки я находился в Сталинграде. В этот и в последующие выезды сюда я имел возможность наблюдать работу А. И. Еременко как командующего фронтом. Он показал себя настойчивым и решительным военачальником, организующим отпор врагу. С командного пункта, оборудованного в штольне на берегу реки Царицы, он умело маневрировал танковыми и артиллерийскими частями, боевой авиацией и резервом. Об этом неоднократно мною докладывалось Ставке.

На завершающем этапе войны А. И. Еременко командовал 4-м Украинским фронтом. Но если сравнить его успехи в периоды наступательных и оборонительных операций, то ярче и полнее проявил он себя как полководец, безусловно, в период оборонительных операций. И. В. Сталин называл А. И. Еременко «генералом обороны», давая тем самым ему боевую оценку. Безусловно, искусство, требуемое от полководца при организации и проведении оборонительных операций в условиях современной войны, также является очень сложным, важным и большим военным искусством.

Не дала ожидаемых результатов на участке Брянского фронта и воздушная операция, проводимая здесь против войск группы Гудериана. Сопротивление наших войск было героическим. Однако остановить врага они не смогли. Танковым соединениям врага удалось прорваться на левом фланге Брянского фронта за реку Десну. 7 сентября они вышли к Конотопу. Противник сумел активизировать свои действия во всей полосе Юго-Западного фронта, за исключением киевского направления, где он тогда активности не проявлял.

Вечером 7 сентября военный совет Юго-Западного фронта сообщил главкому Юго-Западного направления и Генеральному штабу, что обстановка на фронте еще более осложнилась. Противник сосредоточил превосходящие силы, развивает успех на конотопском, черниговском, остерском и кременчугском направлениях. Ясно обозначилась угроза окружения основной

группировки 5-й армии. Фронт прилагал основные усилия на кременчугском направлении, чтобы ликвидировать здесь вражеский плацдарм. Резервов у фронта больше не оставалось. Военный совет фронта просил разрешить отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на рубеж реки Десны. Военный совет Юго-Западного направления согласился с предложениями военного совета фронта. Обсудив столь тревожное донесение, мы с Шапошниковым пошли к Верховному Главнокомандующему с твердым намерением убедить его в необходимости немедленно отвести все войска Юго-Западного фронта за Днепр и далее на восток, и оставить Киев. Мы считали, что подобное решение в тот момент уже довольно запоздало и дальнейший отказ от него грозил неминуемой катастрофой для войск Юго-Западного фронта в целом.

Разговор был трудный и серьезный. Сталин упрекал нас в том, что мы, как и Буденный, пошли по линии наименьшего сопротивления: вместо того чтобы бить врага, стремимся уйти от него…

Итак, все оставалось, как решила Ставка. И только 9 сентября нам было разрешено, наконец, передать командующему Юго-Западным фронтом, в копии главкому Юго-Западного направления, отсвет: «Верховный Главнокомандующий санкционировал отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на реку Десна на фронте Брусилово – Воропаево с обязательным удержанием фронта Воропаево – Тарасовичи и киевского плацдарма». Иными словами, было принято половинчатое решение. При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание. Нам же, видимо, не хватало необходимой твердости, чтобы выдержать эти вспышки неудержимого гнева, и должного понимания всей степени нашей ответственности за неминуемую катастрофу на Юго-Западном направлении.

Ухудшилось положение и под Ленинградом. Ставка приняла решение назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии Г. К. Жукова. Вместо освобожденного С. М. Буденного главкомом Юго-Западного направления назначался С. К. Тимошенко, Западного фронта – командующий 19-й армией генерал-лейтенант И. С. Конев. Нам было приказано вызвать Тимошенко в Ставку и продумать вместе с ним предложения по Юго-Западному фронту с тем, чтобы принять окончательное решение. 11 сентября состоялся такой разговор с военным советом Юго-Западного фронта в присутствии Тимошенко. Вел переговоры с М. П. Кирпоносом непосредственно Сталин. Он отметил, что отвод войск фронта в данной обстановке на

восточный берег Днепра будет означать окружение наших войск, так как противник станет наступать не только со стороны Конотопа, то есть с севера, но и с юга, то есть со стороны Кременчуга, а также с запада, со стороны Днепра.

– Если конотопская группа противника соединится с кременчугской группой, Вы будете окружены.

Как видите, Ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что Вы заранее подготовите рубеж на реке Псел и поведете отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, опасны. Они могут привести к катастрофе.

Кирпонос ответил:

– У нас мысли об отводе войск не было до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба – в связи с расширившимся фронтом до восьмисот с лишним километров усилить наш фронт резервом… Указания Ставки Верховного Главнокомандования, только что полученные по аппарату, будут немедленно проводиться в жизнь.

Сталин тут же сказал:

– Первое. Предложения об отводе войск с Юго-Западного фронта исходят от вас и от Буденного – главкома Юго-Западного направления. Вот выдержки из телеграммы Буденного от 11-го числа: «Шапошников указал, что Ставка Верховного командования считает отвод частей ЮЗФ на восток пока преждевременным… Если Ставка Главного командования не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим». Как видите, Шапошников против отвода частей, а главком за отвод, так же, как и Юго-Западный фронт стоял за немедленный отвод частей. Второе. О мерах организации кулака против конотопской группы противника и подготовки оборонительной линии на известном рубеже информируйте нас систематически. Третье. Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки. Все. До свидания.

Кирпонос ответил:

– Указания ваши ясны. Все. До свидания[13]. Этот очень характерный для понимания обстановки разговор приводит в своих воспоминаниях и Г. К. Жуков. В нем ясно видно, как И. В. Сталин относился к предложению об отводе войск Юго-Западного фронта. Вплоть до 17 сентября он не только отказывался принять, но и серьезно рассмотреть предложения, поступавшие к нему от главкома этого направления, члена Ставки Г. К. Жукова, военного совета Юго-Западного фронта и от руководства Генерального

штаба. Объяснялось это, на мой взгляд, тем, что он преуменьшал угрозу окружения основных сил фронта, переоценивал возможность фронта ликвидировать угрозу собственными силами и еще больше переоценивал предпринятое Западным, Резервным и Брянским фронтами наступление во фланг и тыл мощной группировке врага, наносившей удар по северному крылу Юго-Западного фронта. Сталин, к сожалению, всерьез воспринял настойчивые заверения командующего Брянским фронтом А. И. Еременко в безусловной победе над группировкой Гудериана. Этого не случилось. И Б. М. Шапошников и я с самого начала считали, что Брянский фронт не располагает для этого достаточными силами. Но, видимо, тоже поддались уверениям его командующего. Незадолго до приведенного разговора Сталина с Кирпоносом в мою рабочую комнату зашел генерал армии Г. К. Жуков. Он улетал в Ленинград и хотел побеседовать об обстановке там, о войсках этого фронта. Затем Георгий Константинович спросил меня, как я расцениваю ситуацию на Юго-Западе. Я ответил, что мы уже опоздали с отводом войск за Днепр и что в этих условиях избежать катастрофы, нависшей над Юго-Западным фронтом, удастся только в том случае, если приказ об отводе войск на рубеж реки Псел будет отдан немедленно. Но это не было сделано…

Обстановка на Юго-Западном фронте продолжала катастрофически осложняться. Наступательная операция Брянского фронта на рославльском и новозыбковском направлениях, имевшая целью ликвидировать разрыв между 13-й и 21-й армиями, завершилась неудачно. В результате контрудара врага в районе Новгород-Северский разрыв между армиями возрос до 60–75 км. Тяжелые оборонительные бои вела 38-я армия Юго-Западного фронта, с 12 сентября она начала отход на восток. Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В. И. Тупиков в донесении на имя начальника Генерального штаба от 13 сентября сообщал, что положение войск фронта осложняется нарастающими темпами: прорвавшемуся на Ромны, Лохвица и на Веселый Подол, Хорол противнику пока, кроме местных гарнизонных и истребительных отрядов, ничто не противопоставлено, и продвижение его идет без сопротивления. Фронт обороны 21-й армии взломан окончательно, и армия фактически перешла к подвижной обороне. 5-я армия также не может стабилизировать фронт, и ведет подвижную оборону. В стык с 37-й армией противник прорвался на Кобыжчу. «Начало понятной Вам катастрофы, – докладывал он далее, – дело пары дней»[14].

Ознакомившись с этим донесением, Верховный

Главнокомандующий спросил Шапошникова, что он намерен ответить Тупикову. И тут же, не дождавшись ответа, сам продиктовал следующий ответ, адресованный командующему Юго-Западным фронтом, в копии – главкому Юго-Западного направления: «Генерал-майор Тупиков номером 15614 представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания товарища Сталина, данные вам 11.IX. Б. Шапошников. 14.IX. 1941 г. 5 ч. 00 м.»[15]. После этого руководству Юго-Западного фронта оставалось лишь исполнить свой долг до конца.

Только 17 сентября Верховный Главнокомандующий, окончательно убедившись в невозможности разрядить ситуацию на юго-западе, разрешил Юго-Западному фронту оставить Киев. В ночь на 18 сентября командование фронта отдало приказ выходить с боем из окружения. Однако вскоре связь штаба фронта со штабами армий и со Ставкой была прервана. Войска отходили с ожесточенными боями. 5-я, 37-я, 26-я армии, часть сил 21-й и 38-й армий были окружены. Выход из окружения осуществлялся в крайне сложных условиях. Войска раздробились на многочисленные отряды и группы, которые пробивались самостоятельно. 20 сентября погибли в бою командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник М. П. Кирпонос, член военного совета, секретарь ЦК КП(б) Украины М. А. Бурмистенко и начальник штаба генерал-майор В. И. Тупиков.

Враг добился успеха дорогой ценой. Красная Армия в ожесточенных боях за Киев разгромила свыше 10 кадровых дивизий противника. Он потерял более 100 тыс. солдат и офицеров. Потери врага продолжали расти. Более месяца сдерживали советские войска группу армий «Центр» действиями на киевском направлении. Это было очень важно для подготовки битвы под Москвой.

Серьезная неудача, постигшая нас на этом участке боевых действий, резко ухудшила обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Создалась реальная угроза Харьковскому промышленному району и Донбассу. Немецко-фашистское командование получило возможность вновь усилить группу армий «Центр» и возобновить наступление на Москву. Ставка вскоре расформировала Юго-Западное направление. С. К.

Тимошенко стал командующим Юго-Западным фронтом, войска которого задержали врага на линии Белополье – Лебедин – Красноград – Сталиногорск (Новомосковск). Там им было приказано перейти к жесткой и упорной обороне.

Враг под Москвой

На Вяземском оборонительном рубеже. – ЦК ВКП(б), ГКО и Ставка принимают меры. – Наша рабочая группа при Ставке. – Итоги октября. – «Блицкриг» сорван. – От обороны к решительному контрнаступлению. – Успешный финал

Стратегическое положение Красной Армии к первой военной осени оставалось крайне напряженным. В Генеральном штабе считали, что накал боевых действий на фронтах в первую военную осень будет не меньше, чем в начале войны. Гитлеровские войска еще не утратили полностью своих преимуществ. Несмотря на огромные потери, которые с начала агрессии составили к концу сентября 1941 года более 530 тыс. человек, они продолжали продвигаться на восток. Фашистская армия по-прежнему владела стратегической инициативой, имела превосходство в силах и средствах, удерживала господство в воздухе. На северо-западе мы не сумели предотвратить прорыв фашистов к городу Ленина. Началась ленинградская блокада. Серьезная неудача, постигшая наши войска на южном крыле советско-германского фронта, создала реальную угрозу Харьковскому промышленному району и Донбассу. Под ударом оказались отрезанные от своих соседей наши войска в Крыму.

Предметом большой заботы Ставки и Генерального штаба являлось Центральное направление. Мы держали постоянно в поле зрения действия советских войск на этом направлении. К осени здесь обозначилась некоторая стабилизация. Было очевидно, что это произошло только после того, как наши войска беспримерной стойкостью в обороне и решительными контрударами нанесли крайне чувствительный удар войскам группы армий «Центр» и сорвали их первую попытку с ходу прорваться к Москве.

Вместе с тем в Генштабе отдавали ясный отчет в том, что переход врага здесь от наступления к обороне носил сугубо вынужденный и временный характер. Центр развернувшейся борьбы продолжал оставаться на Западном стратегическом направлении, и именно здесь, на московском направлении, гитлеровцы намеревались быстро решить судьбу войны в свою пользу. Военное и политическое руководство нацистской Германии не без основания полагало, что пока Москва остается вдохновляющим и организующим центром борьбы, победа над Советским Союзом невозможна.

Гитлеровское руководство начало планомерную подготовку

наступления на советскую столицу. План этот являлся составной частью большого осеннего наступления гитлеровцев на Восточном фронте. Общая его цель заключалась в том, чтобы решительными ударами на всех трех стратегических направлениях добиться разгрома оборонявшихся войск Красной Армии и завершить войну до зимы. Главный удар, как и летом, решено было нанести на московском направлении; одновременно продолжались наступательные операции по захвату Ленинграда и Ростова-на-Дону.

Генеральный штаб, к сожалению, точно не предугадал замысла действий противника на московском направлении. Гитлеровское военное руководство планировало прорвать оборону советских войск ударами трех мощных танковых группировок из районов Духовщины, Рославля и Шостки, окружить под Вязьмой и Брянском основные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов, после чего, без всякой паузы, пехотными соединениями наступать на Москву с запада, а танковыми и моторизованными частями нанести удар в обход города с севера и юга. На совещании в штабе группы армий «Центр» осенью 1941 года Гитлер говорил, что Москва в ходе этой операции должна быть окружена так, чтобы «ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок – не мог ее покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой». 6 сентября 1941 года Гитлер подписал директиву № 35 на проведение этой операции. Для ее осуществления немецкое командование стянуло на московское направление свои лучшие силы. Группа армий «Центр» была пополнена 4-й танковой группой, двумя танковыми, двумя моторизованными дивизиями и двумя танковыми соединениями. Сюда же были возвращены с юга 2-я армия и 2-я танковая группа, а также брошены большое количество маршевого пополнения, боевой техники и 8-й авиационный корпус. Численность пехотных дивизий группы армий «Центр» к концу сентября была доведена до 15 тыс. в каждой. Против трех наших фронтов – Западного, Резервного и Брянского – враг сосредоточил 74,5 дивизии численностью более миллиона человек, 1,7 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 950 боевых самолетов.

Дав этой операции кодовое наименование «Тайфун», правители «третьего рейха» не сомневались в том, что выделенные для нее столь значительные силы, детально разработанный план «генерального наступления» на Москву и тщательная подготовка войск обеспечат им успех. Подводя итог всем приготовлениям к генеральному наступлению на Восточном фронте, Гитлер в обращении к войскам заявил: «За три с

половиной месяца созданы, наконец, предпосылки для того, чтобы посредством мощного удара сокрушить противника еще до наступления зимы. Вся подготовка, насколько это было в человеческих силах, закончена… сегодня начинается последняя решающая битва этого года…»[16].

Над Москвой нависла опасность. Центральный Комитет партии и Советское правительство принимали все меры к тому, чтобы отразить вражеский удар по столице. Но наши войска, действовавшие на московском направлении, количественно значительно уступали врагу. Здесь в составе Западного, Резервного и Брянского фронтов находилось к тому времени около 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков и 677 самолетов. Отсутствие в распоряжении Ставки готовых стратегических резервов не позволило нам сделать более решительные шаги. Принимались также неотложные меры к созданию в тылу войск Западного фронта дополнительных оборонительных полос и рубежей. Были осуществлены меры и по отражению авиационных ударов противника. Хочу подчеркнуть, что усилия ГКО направлялись не только на создание глубоко эшелонированной обороны и надежного прикрытия Москвы с воздуха, но и на то, чтобы ускорить формирование и подготовку стратегических резервов. Наряду с завершением формирования армий, включенных в состав Резервного фронта, создавались новые войсковые части и соединения на Урале, в Средней Азии, Поволжье и на Юге страны. Словом, организации прочной обороны на Западном направлении Ставка уделяла первостепенное внимание. Здесь советское командование сосредоточило главные силы. Однако количественное и техническое превосходство врага было все еще очень значительным.

30 сентября – 2 октября гитлеровцы нанесли сильные удары по советским войскам, прикрывавшим московское направление. Все три наших фронта вступили в тяжелое, кровопролитное сражение. Началась великая Московская битва. Противнику удалось прорвать оборону советских войск и окружить наши 19-ю, 20-ю, 24-ю и 32-ю армии в районе Вязьмы. На рубеж Осташков – Сычевка были оттеснены 22-я, 29-я и 31-я армии. Советские войска, оказавшиеся в окружении, ожесточенно сопротивлялись. Неудача, постигшая нас под Вязьмой, в значительной мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны. Вместо того, чтобы выделить Западному и Резервному

фронтам самостоятельные полосы для обороны с полной ответственностью каждого из них за эти полосы в целом, как по фронту, так и в глубину, 24-я и 43-я армии Резервного фронта к началу наступления противника занимали оборону в первом эшелоне, находясь между левофланговой армией Западного и правофланговой армией Брянского фронтов. Остальные три армии Резервного фронта, растянутые в одну линию на широком участке, находились на позициях в непосредственной глубине обороны Западного фронта по линии Осташков – Оленино – Ельня. Оперативное построение крайне затрудняло управление войсками и взаимодействие фронтов. Даже в результате хорошо, правильно организованной обороны на направлении главных ударов врага ни Западный фронт, ни войска направления в целом не имели превосходства.

Бессмертной славой покрыли себя наши войска, сражавшиеся в районе Вязьмы. Оказавшись в окружении, они своей упорной героической борьбой сковали до 28 вражеских дивизий. В тот необычайно тяжелый для нас момент их борьба в окружении имела исключительное значение, так как давала нашему командованию возможность, выиграв некоторое время, принять срочные меры по организации обороны на Можайском рубеже. Сюда срочно перебрасывались силы с других фронтов и из глубины страны. Сюда спешили 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артполков и другие части. К середине октября в 16-й, 5-й, 43-й и 49-й армиях, прикрывавших основные направления на Москву, насчитывалось уже 90 тыс. человек. Одновременно на Западный фронт перебрасывались три стрелковые и две танковые дивизии с Дальнего Востока.

Крайне неудачно сложилась обстановка на участке Брянского фронта. 30 сентября 2-я танковая группа врага из района Шостки – Глухов нанесла сильный удар на Севск в тыл войскам 13-й армии. 2-я немецкая армия, прорвав оборону 50-й армии, двигалась на Брянск и в тыл 3-й армии. Войска фронта оказались в тяжелом положении. Управление войсками было потеряно. Связь Ставки с командованием фронта временно нарушилась, и Ставка вынуждена была, не имея ясного представления о событиях, происходящих в районе Брянска, взять управление некоторыми армиями фронта непосредственно на себя. Согласно распоряжению Верховного Главнокомандующего, в ночь на 2 октября я дал указания командующему ВВС Красной Армии П. Ф. Жигареву, командующему Брянским фронтом А. И. Еременко и некоторым другим лицам немедленно создать для Брянского фронта авиационную группу во главе с заместителем начальника штаба ВВС полковником И. Н. Рухле (четыре авиадивизии

дальнего действия и одна авиадивизия особого назначения). Со 2 октября группа должна была принять участие в разгроме танковой группировки противника, прорвавшейся в район Севска. Боевую работу группы приказывалось прикрыть истребителями. За это отвечал командующий ВВС Брянского фронта генерал-майор авиации Ф. П. Полынин.

3 октября моторизованные соединения 2-й танковой группы фашистов ворвались в Орел и попытались развить наступление вдоль шоссе Орел – Тула. Для прикрытия орловско-тульского направления Ставка в спешном порядке выдвинула из своего резерва 1-й гвардейский стрелковый корпус, усилив его двумя танковыми бригадами, авиационной группой, полком РС и несколькими другими специальными частями. Командование этим корпусом было возложено на заместителя начальника главного автобронетанкового управления генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. Подчинялся он непосредственно Ставке. Корпусу было приказано не позднее 5 октября сосредоточиться в районе Мценска, Отрады, Черни[17]. А к 6 октября полоса обороны Брянского фронта была прорвана в трех местах. Начался отход его войск в крайне трудных условиях.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, отдавал все свои силы на защиту родной столицы. В ночь на 5 октября ГКО принял решение о защите Москвы. Главным рубежом обороны для советских войск стала Можайская линия. Сюда теперь направлялись все возможные силы и средства. ЦК партии и Советское правительство мобилизовывали усилия партии и государства на быстрое создание крупных стратегических резервов в глубине страны, их вооружение и скорейший ввод в дело. Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей – К. Е. Ворошилова и В. М. Молотова. В качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я. Одной из основных задач, возложенных на меня, была срочная отправка войск, оторвавшихся от противника и отходивших с запада, на рубеж Можайской линии и организация обороны на этом рубеже. В помощь мне была выделена группа командиров Генштаба и две колонны автомашин. В мое распоряжение прибыл генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров с группой командиров. Они должны были принимать прибывавшие сюда войска с фронта и из тыла.

Леонида Александровича Говорова я знал еще по Академии Генерального штаба. Он был старшим в нашей учебной группе и пользовался всеобщим уважением. Он участвовал в борьбе с

белогвардейцами, успешно служил в РККА, получил два высших военных образования. К началу Великой Отечественной войны являлся начальником Артиллерийской академии имени Дзержинского, а в дни войны быстро выдвинулся как превосходный артиллерист и, впоследствии, общевойсковой командующий. В великой битве за Москву Л. А. Говоров успешно командовал 5-й армией, а затем был направлен в блокированный Ленинград, где стал командующим войсками этого легендарного фронта. Из-за скромности Л. А. Говоров долго считал себя недостаточно подготовленным для вступления в ряды Коммунистической партии. Лишь 1 июля 1942 года он писал в партийную организацию штаба Ленинградского фронта: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), вне которой не мыслю себя в решающие дни жестокой опасности для моей Родины». Партийная организация штаба Ленинградского фронта приняла его кандидатом в члены партии, а через несколько дней Центральный Комитет партии вынес решение о приеме Л. А. Говорова в члены партии без прохождения кандидатского стажа. В свои предсмертные часы Леонид Александрович писал в ЦК КПСС и Министерство обороны: «Я должен был бы сделать больше, но сделал, что успел, что смог…». А сделал он для страны, для Вооруженных Сил, как во время войны, так и за десять лет своей деятельности после войны, много.

5 октября 1941 года мы прибыли в штаб Западного фронта, размещавшийся непосредственно восточнее Гжатска. Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий. О ходе работы и положении на фронте мы ежедневно докладывали по телефону Верховному Главнокомандующему. Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и командующий войсками Западного фронта генерал-полковник И. С. Конев, согласились с предложением И. В. Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Г. К. Жукова, который к тому времени уже был отозван из Ленинграда и находился в войсках Резервного фронта.

Утром 10 октября вместе с другими представителями ГКО и Ставки я вернулся в Москву. В тот же день Ставка оформила решения ГКО об объединении войск Западного и Резервного фронтов, о назначении Г. К. Жукова командующим войсками объединенного Западного фронта, а И. С. Конева – его

заместителем.

12 октября на заседании ГКО вновь рассматривались проблемы, связанные с обороной Москвы. Помню, какими уставшими и напряженными были лица участников заседания. Решался вопрос об укреплении ближних подступов к Москве. ГКО принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы третьей оборонительной линии – Московской зоны обороны. Руководство строительством рубежей, организация обороны и управление войсками Московской зоны были возложены на командующего МВО генерал-лейтенанта П. А. Артемьева и военный совет округа.

Итак, пружина сжалась до отказа. Дни сливались с ночами. Мы забыли о сне и отдыхе. Все помыслы об одном – отстоять Москву. Ставка энергично наращивала силы Западного фронта. В его состав наряду со многими другими были переданы и войска, находившиеся на Можайской линии. К 13 октября положение здесь было таково: на калининском направлении вели ожесточенные бои 29-я, 31-я и 30-я армии; на волоколамском оборонялась воссозданная 16-я армия под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского; на можайском направлении стояла 5-я армия, созданная 11 октября на основе войск Можайского боевого участка и резервных дивизий Ставки. Командовать ею после ранения Д. Д. Лелюшенко стал Л. А. Говоров. На наро-фоминском направлении действовала 33-я армия генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. На малоярославецком – сражалась 43-я армия генерал-майора К. Д. Голубева, на калужском – 49-я генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина.

14 октября враг, возобновив наступление, ворвался в Калинин. 17 октября Ставка создала новый, Калининский фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева. В его состав вошли действовавшие на этом направлении три армии правого крыла Западного фронта (22-я, 29-я, 30-я), а также 183-я, 185-я и 246-я стрелковые дивизии, 46-я и 54-я кавалерийские дивизии, 46-й мотоциклетный полк и 8-я танковая бригада Северо-Западного фронта. Упорной обороной войска Калининского фронта остановили наступающего врага и заняли выгодное оперативное положение по отношению к его северной ударной группировке на московском направлении.

Наступила вторая половина октября. Гитлеровцы продолжали рваться к Москве. На всех основных направлениях к столице разгорелись ожесточенные бои. Опасность неизмеримо возросла. В связи с приближением линии фронта непосредственно к городу ГКО принял и осуществил в те грозные дни решение об эвакуации из Москвы некоторых правительственных учреждений,

дипломатического корпуса, крупных оборонных заводов, а также научных и культурных учреждений столицы. В Москве оставались Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования и минимально необходимый для оперативного руководства страной и Вооруженными Силами партийный, правительственный и военный аппарат. Эвакуировался и Генеральный штаб. Возглавлять Генштаб на новом месте должен был Б. М. Шапошников. Между ним, по месту новой дислокации, и Ставкой устанавливалась прочная, надежная и постоянная связь. Оставшийся в Москве первый эшелон Генштаба – оперативная группа для обслуживания Ставки не должна была превышать десяти человек. Возглавлять ее было приказано мне.

Вопросы об обязанностях, ответственности рабочей группы и ее персональном составе Б. М. Шапошников и я решали, исходя из содержания задач, которыми, прежде всего, необходимо было заниматься этой группе. Остановлюсь несколько подробнее на этом и расскажу, что же за вопросы входили в круг обязанностей этой группы. Прежде всего, она должна была всесторонне знать и правильно оценивать события на фронте; постоянно и точно, но без излишней мелочности, информировать о них Ставку; в связи с изменениями во фронтовой обстановке своевременно и правильно вырабатывать и докладывать Верховному Главнокомандованию свои предложения; в соответствии с принимаемыми Ставкой оперативно-стратегическими решениями быстро и точно разрабатывать планы и директивы; вести строгий и непрерывный контроль за выполнением всех решений Ставки, а также за боеготовностью и боеспособностью войск, формированием и подготовкой резервов, материально-боевым обеспечением войск. Это было основное и, как ясно из перечня, не малое, чем должна была заниматься группа. В ее состав были включены начальники основных оперативно-стратегических направлений Оперативного управления и по одному работнику от основных управлений Генерального штаба, а именно (привожу по памяти): В. В. Курасов, М. Н. Шарохин, П. П. Вечный, Ф. И. Шевченко, А. Г. Карпоносов, А. И. Шимонаев, М. Т. Беликов, П. Н. Белюсов, К. И. Николаев и А. И. Гриненко.

16 октября должен был отбыть из Москвы Генеральный штаб.

Я позвонил И. В. Сталину и попросил разрешения проводить на вокзал Б. М. Шапошникова и других работников Генштаба. Однако в ответ получил указание прибыть в Ставку, где и проработал до поздней ночи. Так мы с Борисом Михайловичем и не попрощались. Почти не покидал я Ставку все последующие дни.

С каждым часом нарастало напряжение. Участились бомбежки. Однако ЦК ВКП(б) и Советское правительство продолжали наращивать силы для защиты Москвы.

19 октября ГКО постановил ввести с 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах осадное положение. Жители Москвы сутками не выходили с заводов, не покидали строительство оборонительных рубежей. Усиленный выпуск военной продукции, форсированное строительство оборонительных рубежей, дополнительные формирования соединений и частей народного ополчения, коммунистических и рабочих батальонов – все это явилось неоценимым вкладом москвичей в дело защиты города.

К концу октября советские воины остановили врага на рубеже Волжского водохранилища, восточнее Волоколамска и далее, по линии рек Нара и Ока, а на юго-западных подступах к Москве – в районе Тулы, где 50-ю армию стойко поддерживали отряды тульских рабочих.

Итоги октябрьских событий были очень тяжелы для нас. Армия понесла серьезные потери. Враг продвинулся вперед почти на 250 км. Однако достичь целей, поставленных планом «Тайфун», ему не удалось. Стойкость и мужество защитников советской столицы, помощь тружеников тыла остановили фашистские полчища. Группа армий «Центр» была вынуждена временно прекратить наступление. В этом – главный итог октябрьского периода Московской битвы, очень важного и ответственного во всем сражении за Москву. Еще и еще раз хочу отметить, что советские воины выстояли, сдержали натиск превосходившего нас численностью и вооружением врага, и что большую роль в этом сыграла твердость руководства со стороны Центрального Комитета партии и ГКО во главе с И. В. Сталиным. Они осуществляли неустанную деятельность по мобилизации и использованию сил страны.

Хочется сказать также и о том, что даже в эти исключительно тяжелые дни правительство нашло возможным отметить работу нашей группы работников Генерального штаба, обслуживавших Ставку в оперативном отношении. В конце октября во время одного из телефонных разговоров И. В. Сталин спросил, не смог ли бы я написать постановление о присвоении очередного воинского звания одному из генералов. Я ответил согласием и спросил, о присвоении какого звания и кому идет речь, совершенно, конечно, не подозревая, что будет названо мое имя. Услышав свою фамилию, я попросил освободить меня от выполнения этого поручения. Сталин, шутя, ответил:

– Ну хорошо, занимайтесь своими делами, а уж в этом мы как-нибудь обойдемся и без вас.

Поблагодарив за такую высокую оценку моей работы, я поинтересовался, можно ли отметить также и заслуги моих прямых помощников, не менее меня работающих в столь напряженное время. Сталин согласился с этим предложением и обязал меня сообщить А. Н. Поскребышеву, кого и как следует отметить. 28 октября 1941 года постановлением СНК СССР четверым из нашей оперативной группы были присвоены очередные воинские звания: мне – генерал-лейтенанта, А. Г. Карпоносову, В. В. Курасову и Ф. И. Шевченко – генерал-майора.

Это внимание, проявленное к нам, тронуло нас до глубины души. Уже говорилось, что И. В. Сталин бывал и вспыльчив, и несдержан в гневе, тем более поразительной была эта забота в условиях крайне тяжелой обстановки. Это один из примеров противоречивости личности И. В. Сталина. Припоминаются и другие факты. В особо напряженные дни он не раз говорил нам, ответственным работникам Генштаба, что мы обязаны изыскивать в сутки для себя и для своих подчиненных как минимум пять-шесть часов для отдыха, иначе, подчеркивал он, плодотворной работы получиться не может. В октябрьские дни битвы за Москву Сталин сам установил для меня отдых от 4 до 10 часов утра и проверял, выполняется ли это его требование. Случаи нарушения вызывали крайне серьезные и в высшей степени неприятные для меня разговоры. Разумеется, это не была мелкая опека, а вызывавшаяся обстановкой необходимость. Напряженнейшая работа, а порой и неумение организовать свое время, стремление взять на себя выполнение многих обязанностей зачастую заставляли ответственных работников забывать о сне. А это тоже не могло не сказаться на их работоспособности, а значит, и на деле.

Иногда, возвратившись около четырех часов утра от Сталина, я, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, обязан был дать исполнителям или фронтам необходимые указания. Порою это затягивалось далеко за четыре часа. Приходилось идти на хитрость. Я оставлял у кремлевского телефона за письменным столом адъютанта старшего лейтенанта А. И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан был докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось «Хорошо».

Говоря о тяжелых и опасных для нашей столицы и страны в целом октябрьско-ноябрьских днях, когда враг стоял у стен Москвы и Ленинграда, не могу не сказать о том огромном значении, которое имели для москвичей, для советского народа и Вооруженных Сил, состоявшееся 6 ноября торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями столицы,

посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября – традиционный парад войск на Красной площади. И у нас в Генштабе, несмотря на крайне тяжелое положение на фронте под Москвой, чувствовалось какое-то особенно торжественное настроение. Доклад на торжественном заседании и выступление на Красной площади Сталина явились выражением спокойствия советских руководителей за судьбу советской столицы.

Под руководством Сталина над докладом трудился ряд членов Политбюро. Однажды в моем присутствии этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро.

Призывы Коммунистической партии, прозвучавшие в выступлениях И. В. Сталина, – отдать все силы для защиты Родины и победы над врагом, да и сам по себе парад вызвали могучий патриотический подъем в стране, вдохновили наших людей на новые героические подвиги, на фронте и в тылу, укрепили уверенность в неизбежном переломе в ходе войны, в победе над фашистами.

Выигранное время было использовано советским командованием для дальнейшего усиления войск Западного направления и укрепления оборонительных рубежей. Крупным мероприятием явилось завершение подготовки очередных и внеочередных резервных формирований. На рубеже Вытегра – Рыбинск – Горький – Саратов – Сталинград – Астрахань создавался новый стратегический эшелон для Красной Армии. Здесь, на основании решения ГКО, принятого еще 5 октября, формировалось десять резервных армий. Создание их на протяжении всей Московской битвы было одной из основных и повседневных забот ЦК партии, ГКО и Ставки. Мы, руководители Генерального штаба, ежедневно при докладах Верховному Главнокомандующему о положении на фронтах детально сообщали о ходе создания этих формирований. Без всякого преувеличения должен сказать: в исходе Московской битвы решающее значение имело то, что партия и советский народ своевременно сформировали, вооружили, обучили и перебросили под столицу новые армии.

В Генеральном штабе не сомневались, что гитлеровское командование также готовит войска к возобновлению наступления. В течение первой половины ноября оно создало две мощные ударные группировки. 15–16 ноября они перешли в наступление, стремясь обойти Москву с севера, через Клин и Солнечногорск, и с юга, через Тулу и Каширу. Тяжелые оборонительные бои продолжались всю вторую половину ноября. К концу ноября фашистским войскам удалось северо-западнее

столицы продвинуться к каналу Москва – Волга и форсировать его у Яхромы, а на юго-востоке достичь района Каширы. Дальше враг не прошел. Утратив свои наступательные возможности, обескровленные и измотанные активной обороной советских войск, соединения группы армий «Центр» в первых числах декабря всюду вынуждены были перейти к обороне: 3 декабря – войска 4-й немецкой армии, 5 декабря – войска 3-й и 4-й танковых групп, а также 2-й танковой армии. Этим завершился наиболее трудный для нас оборонительный период битвы под Москвой.

В течение 20-дневного второго наступления на Москву фашисты потеряли более 155 тыс. убитыми и ранеными, около 800 танков, не менее 300 орудий и большое количество самолетов.

К началу декабря изменилось соотношение сил воюющих сторон. В составе нашей Действующей армии было около 4,2 млн. человек, до 22,6 тыс. орудий и минометов, 583 установки реактивной артиллерии, 1954 танка и 2238 боевых самолетов. (Правда, почти две трети наших танков и до половины самолетов были еще старых типов.) Вражеская армия (без ВМФ), включая союзников Германии, имела в то время около 4 млн. человек, 26,8 тыс. орудий и минометов, 1940 танков и штурмовых орудий и 3280 боевых самолетов.

Превосходство противника сохранялось в артиллерии и самолетах, но он уже уступал нам по количеству танков. Гораздо важнее то, что в начале декабря наше Верховное Главнокомандование располагало крупными стратегическими резервами, которые Ставка могла использовать для усиления Действующей армии. Наличные резервы врага на советско-германском фронте были в основном израсходованы. Таким образом, на нашей стороне был ряд благоприятных факторов. Имелись, однако, и обстоятельства, которые осложнили обстановку: блокада Ленинграда, наметившийся прорыв на Кавказ из Крыма, непосредственная близость линии фронта к Москве. Перед нашим народом и его Красной Армией стояла задача не только ликвидировать угрозу Ленинграду, Москве и Кавказу, но и вырвать стратегическую инициативу из рук врага, создав перелом в ходе войны. Ставка предусматривала сосредоточить основные усилия на Западном направлении, где предполагалось подготовить решительное контрнаступление. Сюда, естественно, и перебрасывалась большая часть резервов Ставки, маршевых пополнений, боевой техники и боеприпасов.

В конце ноября – начале декабря в район Москвы прибыли 1-я ударная и 20-я армии, начали подходить 10-я, 26-я и 61-я

резервные армии. Они выдвигались на фланги Западного фронта и на стык его с Юго-Западным фронтом. Часть сил этих армий приняла участие в нанесении контрударов севернее Москвы. На Западный фронт прибыли также соединения из других резервных армий и военных округов. Пополнялись и войска Калининского фронта. Значительное усиление войск Западного направления, хотя оно и не создавало общего превосходства над группой армий «Центр», явилось одним из важных условий для перехода в контрнаступление. В начале декабря 1941 года группа армий «Центр» вместе с военно-воздушными силами имела под Москвой 1708 тыс. человек, около 13,5 тыс. орудий и минометов, 1170 танков и 695 самолетов, а мы к началу контрнаступления – 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1 тыс. самолетов.

Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного Главнокомандования еще в начале ноября, после того, как первая попытка противника прорваться к столице была сорвана. Но от нее пришлось тогда отказаться, вследствие нового фашистского натиска, для отражения которого потребовались имевшиеся у нас резервы. Лишь в конце ноября, когда противник исчерпал свои наступательные возможности, его ударные группировки оказались растянутыми на широком фронте, и он не успел закрепиться на достигнутых рубежах, Ставка возвратилась к идее контрнаступления. Уверенность в успешности контрнаступления под Москвой у ГКО и Ставки была настолько велика, что 15 декабря, то есть через десять дней после его начала, было принято решение о возвращении в Москву аппарата ЦК и некоторых государственных учреждений. Генеральный штаб во главе с Б. М. Шапошниковым возвратился еще в 20-х числах ноября и тут же включился в работу по подготовке контрнаступления.

Нельзя не отметить, что проведение контрнаступления под Москвой в значительной мере облегчили успешные наступательные действия, предпринятые в ноябре и декабре на тихвинском и ростовском направлениях. Разгром вражеских группировок под Тихвином и Ростовом, хотя он и потребовал от Верховного Главнокомандования посылки туда части резервных сил, позволил решить не только эти локальные задачи, но и сковать противника на Северо-Западном и Южном направлениях. Тем самым фашисты были лишены возможности перебросить войска с этих направлений на усиление своей центральной группировки. 29 ноября Верховный Главнокомандующий направил 9-й и 56-й армиям, их командующим генерал-майору Ф. М. Харитонову и генерал-лейтенанту Ф. Н. Ремезову приветствие,

а главнокомандующему Юго-Западным направлением маршалу С. К. Тимошенко и командующему Южным фронтом генерал-полковнику Я. Т. Черевиченко поздравление в связи с освобождением Ростова. Это было одно из первых поздравлений такого рода. Почти полгода, с самого начала войны, все ждали момента, когда мы начнем громить фашистов, не отступая, а заставляя их обороняться. И вот, наконец, дождались! В дальнейшем приветствия Верховного Главнокомандующего войскам-освободителям стали традицией.

Замысел контрнаступления на Центральном направлении сводился к тому, чтобы ударами войск правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки врага, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Ставка заранее довела до командующих Западным и Юго-Западным фронтами общие задачи, потребовала от них конкретных предложений по их реализации. Основную роль в этом историческом контрнаступлении должен был сыграть и сыграл в действительности Западный фронт. 30 ноября командующий этим фронтом Г. К. Жуков прислал в Генштаб план контрнаступления Западного фронта и попросил меня «срочно доложить его народному комиссару обороны т. Сталину и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой»[18]. К этому прилагалась объяснительная записка за подписями Г. К. Жукова, члена военного совета фронта Н. А. Булганина, начальника штаба фронта В. Д. Соколовского и план-карта. Хочу подчеркнуть, что Василий Данилович Соколовский, возглавлявший этот штаб с июля 1941 года до января 1943 года, внес немалую лепту в разработку представленного Георгием Константиновичем плана.

Мне пришлось долго работать с Василием Даниловичем Соколовским. Впервые я познакомился с ним в 1935 году в Приволжском военном округе, куда я прибыл на должность начальника отдела боевой подготовки штаба, а он только что приступил к исполнению обязанностей заместителя начальника штаба округа. Он тогда многое сделал, чтобы на должную высоту поднять боевую и оперативную подготовку воинов округа. Затем Василий Данилович был назначен начальником штаба вновь образованного Уральского военного округа. Он предложил мне перейти в штаб этого округа на должность его заместителя, но командующий округом П. Е. Дыбенко не согласился. Через некоторое время мне пришлось работать с В. Д. Соколовским в Генеральном штабе. Это был талантливейший военачальник, обладавший огромным штабным и командным опытом, имевший

очень солидную теоретическую подготовку.

Однако вернусь к разработке плана. Суть его сводилась к тому, чтобы разгромить фланговые группировки врага на московском направлении: севернее столицы – усилиями 30-й, 1-й ударной, 20-й и 16-й армий на участке от Рогачева до Истры в общем направлении на Волоколамск; южнее столицы усилиями 50-й и 10-й армий на участке от Тулы до Михайлова через Сталиногорск (Новомосковск) и Богородицк с поворотом затем в направлении на Калугу и Белев.

Действия войск Западного фронта должны были активно поддержать соседние армии. Было очевидно, что стоявший правее Западного фронта Калининский фронт должен нанести удар 31-й армией южнее города Калинина в сторону Старицы, а левее Западного фронта – Юго-Западный фронт ударом 3-й и 13-й армий, на участке Ефремов – Волово в обход города Елец, в сторону Верховья.

1 декабря Ставка утвердила план военного совета Западного фронта. Накануне были рассмотрены соображения военного совета Юго-Западного фронта.

В конце ноября заболел Б. М. Шапошников, и обязанности начальника Генерального штаба были временно возложены Ставкой на меня. Поэтому директиву в адрес командующего Калининским фронтом в 3.30 1 декабря подписали Верховный Главнокомандующий и я. В ней указывалось, что частные атаки на разных направлениях, предпринятые войсками фронта 27–29 ноября, неэффективны. Фронту приказывалось, сосредоточив ударную группировку, в течение двух-трех дней нанести удар южнее города Калинина на Тургиново, чтобы содействовать уничтожению клинской группировки врага войсками 1-й ударной армии генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова. Командующему фронтом И. С. Коневу рекомендовалось использовать для этой цели пять наиболее боеспособных дивизий, мотобригаду, основную часть артиллерии Резерва Главного Командования, все реактивно-артиллерийские системы и танки[19].

Утром 1 декабря по указанию Верховного Главнокомандующего состоялся мой разговор с И. С. Коневым относительно этой директивы. Командующий, ссылаясь на отсутствие у него танков и нехватку сил, предлагал, вместо оказания помощи Западному фронту, провести местную операцию по овладению городом Калинин. С таким заявлением нельзя было согласиться, оно преследовало только локальные интересы и шло вразрез с общей целью. Я вынужден был заявить И. С. Коневу следующее:

– Товарищ командующий! Известны ли вам события под

Ростовом? Сорвать наступление немцев на Москву и, тем самым, не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен. Товарищ Сталин разрешил немедленно перебросить вам для этой цели еще одну, 262-ю стрелковую дивизию Северо-Западного фронта. Она начинает погрузку сегодня в 18.00. Дивизия имеет в своем составе свыше 9 тыс. человек и неплохо вооружена. Ставка Верховного Главнокомандования считает не только возможным, но и необходимым снять с фронта и сосредоточить для этого удара указанные мной дивизии. Мне непонятно ваше заявление, что все эти дивизии имеют в своем составе всего лишь по 2–3 тыс. человек. Передо мной донесение вашего штаба, полученное 24 ноября 1941 года, по которому 246-я стрелковая дивизия имеет 6 тыс. 800 человек, 119-я – 7200, 252-я – 5800, 256-я – 6000 и т. д. Если в этих дивизиях, как вы заявили, действительно слаба артиллерия, то вы сможете усилить их за счет артполков Резерва Главного Командования, которых вы имеете 9. По вопросу о танках буду докладывать Верховному. Ответ дадим позднее…

После этого началось конкретное обсуждение предлагаемой Ставкой операции. И. С. Конев, прося все же усилить его фронт, заверил, что будет действовать так, как требует Ставка, нанося удар на Тургиново с целью «обязательно прорвать оборону и выйти в тыл противнику»[20].

Ставка была очень озабочена обеспечением точного выполнения этого приказа.

Днем 4 декабря, будучи на очередном докладе в Кремле у Сталина, я получил указания в ночь на 5 декабря отправиться в штаб Калининского фронта, чтобы лично передать командующему фронтом директиву на переход в контрнаступление и разъяснить ему все требования по ней. Когда я покидал Сталина, получил и другое его указание – вечером того же дня быть у него для участия в приеме председателя совета министров Польской Республики – генерала Вл. Сикорского, причем было приказано быть в парадной форме и при орденах. Вечером в назначенный час я явился в кабинет Сталина, где застал В. М. Молотова, Г. М. Маленкова и некоторых других членов Политбюро. Взглянув на меня и заметив на моем парадном мундире орден «Красной Звезды» и медаль за «XX лет

РККА», И. В. Сталин спросил, почему я не надел остальные ордена. Я ответил:

– Не надел потому, что других нет.

На вопрос, за что и когда получил «Красную Звезду», ответил, что в декабре 1939 года за добросовестную работу в Генштабе во время советско-финляндского конфликта. Сталин, как мне показалось, удивленно покачал головой. Затем я вместе с остальными направился в зал приема.

В ночь на 5 декабря я, в сопровождении военного комиссара оперативного управления Генштаба генерал-майора И. Н. Рыжкова и некоторых штабных офицеров, прибыл в штаб Калининского фронта и там, на месте, передал командующему фронтом последние уточнения Ставки по переходу в контрнаступление. Штаб фронта находился в деревне Большое Кушалино, в 40 км северо-восточнее города Калинина. Я вспомнил, что в этом самом Кушалине полтора десятка лет назад я, будучи командиром 142-го стрелкового полка, проверял ход допризывной подготовки.

Нельзя не сказать здесь о тех крайне невыгодных и тяжелых для Западного фронта условиях, в которых протекала его подготовка к переходу в контрнаступление. На большинстве участков фронта она осуществлялась в обстановке напряженнейших и непрерывных оборонительных боев с наседавшим противником, и лишь на отдельных участках постепенно перерастала в контрнаступление в результате успешных контрударов наших войск. На правом крыле фронта 1-я ударная армия с 29 ноября по 3 декабря вела трудные бои с вражескими войсками, захватившими мост через канал Москва – Волга у Яхромы и вышедшими на восточный берег. В центре фронта немцы неожиданно для нас прорвали линию обороны в стыке 5-й и 33-й армий и повели наступление на Кубинку. Лишь 4 декабря этот прорыв удалось ликвидировать. Еще сложнее была обстановка у войск Юго-Западного фронта, ибо подготовка к контрнаступлению его правого крыла велась в условиях, когда инициатива еще находилась полностью в руках противника и наши войска продолжали пятиться на восток. 5 декабря, иными словами, на четвертый день после утверждения представленного комфронтом плана перехода в наступление, на участке 13-й армии фашисты захватили Елец – очень важный, особенно в период подготовки войск к контрнаступлению, железнодорожный узел.

Начало контрнаступления Ставка определила 5–6 декабря. Фактически же события развивались так. После ударов авиации и артиллерийской подготовки выполнение плана контрнаступления

началось войсками Калининского фронта 5 декабря, а войсками ударных группировок Западного и Юго-Западного фронтов – 6 декабря. Развернулось грандиозное сражение. Успех нарастал с каждым днем. Инициатива, бесспорно, переходила к нам. Неожиданный удар советских войск произвел ошеломляющее впечатление на фашистское командование. 8 декабря Гитлер подписал так называемую директиву № 39, предусматривавшую общий переход немецких войск на всем Восточном фронте к стратегической обороне. Это полностью подтвердило правильность выбранного Ставкой момента перехода в контрнаступление. Верховное Главнокомандование внимательно следило за ходом событий и, по мере продвижения войск, ставило фронтам дальнейшие задачи. Нередки были случаи, когда в ходе борьбы отдельные решения и действия командующих фронтами поправляли. Помню, 12 декабря 1941 года, когда Б. М. Шапошников уже выздоровел, Верховный Главнокомандующий в нашем присутствии передал командующему Калининским фронтом по прямому проводу: «Действия вашей левой группы нас не удовлетворяют. Вместо того, чтобы навалиться всеми силами на противника и создать для себя решительный перевес, вы… вводите в дело отдельные части, давая противнику изматывать их. Требуем от вас, чтобы крохоборскую тактику заменили вы тактикой действительного наступления». Командующий попробовал сослаться на оттепель, трудности переправы через Волгу, получение немцами подкрепления и пр., но в заключение сказал: «Понял, все ясно, принято к исполнению, нажимаю вовсю»[21].

15 декабря Генеральный штаб подсказал главкому Юго-Западного направления С. К. Тимошенко, что у него правое крыло фронта отстает от наступающей на левом крыле Западного фронта 10-й армии на 100 км, оголяя ее фланг и подставляя армию под фашистский удар со стороны Мценска[22]. 16 декабря Западному фронту было указано, что он неоправданно сосредоточил перед Волоколамском сразу четыре армии, и что 30-ю армию в полном составе следует передать в подчинение командующему Калининским фронтом с задачей: левым флангом армии занять Старицу, а правым флангом перехватить с юга и с юго-запада все пути сообщения калининской группы противника и, тем самым, завершить ее окружение[23].

В ходе контрнаступления под Москвой выявился ряд крупных недостатков как в управлении войсками, так и в их действиях. В течение первых десяти дней правое крыло Западного фронта, ведя упорные бои за вражеские узлы сопротивления и опорные пункты, продвигалось медленнее, чем было запланировано. Правда,

продвижению мешал довольно глубокий снежный покров. Однако главное заключалось в нехватке танков, авиации, боеприпасов на нужном направлении. Соединения, части и подразделения строили свои боевые порядки двухэшелонно и атаковали после короткой, недостаточной по силе артподготовки; сопровождение атакующих пехоты и танков в глубине обороны противника артиллерийским огнем применялось не совсем удачно, и не всегда. Танковые части использовались обычно для непосредственной поддержки пехоты, почти не получая самостоятельных задач. Постепенно, однако, советские войска накопили опыт, начали действовать более успешно. Врага преследовали подвижные отряды, которые прорывались в фашистский тыл, отрезая пути отхода и сея панику. Широко стали применяться ночные действия со скрытными, внезапно наносимыми ударами. Существенную помощь оказывали войскам Западного направления другие фронты. Было отбито второе наступление на Севастополь. Продолжала отступать тихвинская группировка фашистов. Успешно была проведена Керченско-Феодосийская десантная операция, в результате в Восточном Крыму мы захватили крупный плацдарм.

К началу января 1942 года войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Руза, Мосальск, Белев, Мценск, Новосиль, где их контрнаступление и завершилось. Это была первая в Великую Отечественную крупная наступательная операция стратегического значения, в итоге которой ударные группировки врага под Москвой были разгромлены и отброшены к западу на 100, а в ряде мест и до 250 км. Непосредственная угроза Москве и всему Московскому промышленному району была ликвидирована, и контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление советских войск на Западном направлении. В результате этого наступления войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов, при содействии Балтийского флота, должны были разгромить главные силы группы армий «Север» и ликвидировать блокаду Ленинграда; Калининский и Западный фронты во взаимодействии с армиями Северо-Западного и Брянского фронтов обязаны были окружить и разгромить главные силы группы армий «Центр»; Южный и Юго-Западный фронты имели задачу нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс; Кавказскому фронту совместно с Черноморским флотом предстояло в течение зимы освободить от врага Крым.

Как рождался этот замысел? Остановлюсь на этом несколько подробнее. 10 января 1942 года Ставка направила военным

советам фронтов и армий директивное письмо. Инициатором его был И. В. Сталин. Во вступительной части письма Ставка обращала внимание на то, чтобы войска при переходе в общее наступление всемерно учли опыт, полученный при контрнаступлении под Москвой и в других зимних наступательных операциях 1941 года, и избежали бы недочетов, которые наблюдались там. Это особенно относилось к вопросам создания ударных группировок, обеспечивающих превосходство над противником на основных направлениях, и к вопросам более рационального использования артиллерии с тем, чтобы, отказавшись от отжившей свой век артиллерийской подготовки в старой форме, перейти к практике артиллерийского наступления для того, чтобы поддерживать пехоту и танки непрерывно, от начала и до конца боя. Работники Генштаба считали эти указания очень важными для командования и войск в целом, но понимали также и то, что одних рекомендаций было недостаточно. Для выполнения определенных Ставкой огромных задач нужны были, прежде всего, дополнительные, притом весьма значительные силы: вооружение, боеприпасы, боевая техника. Все это фронт получал, но пока что до полного удовлетворения его нужд было далеко. Для создания и накопления необходимых резервов Ставке требовалось время. Вот почему войска вынуждены были, не завершив начатых тогда наступательных операций, переходить к обороне. К моменту перехода советских войск к общему наступлению в танках и авиации мы превосходили врага примерно в полтора раза, по пехоте и артиллерии наши силы были равны.

Финал великой битвы под советской столицей имел исключительное морально-политическое значение. Ведь Гитлер в своей агрессивной политике до того момента не знал неудач. Он захватывал одну страну за другой, овладел чуть ли не всей Западной Европой. Немецкая армия в глазах значительной части человечества была окружена ореолом непобедимости. И вот впервые «непобедимые» немецкие войска были биты, и биты по-настоящему. Под Москвой фашисты потеряли более 500 тыс. человек, 1,3 тыс. танков, 2,5 тыс. орудий, более 15 тыс. машин и много другой техники. Таких потерь фашистская армия еще не знала.

Гитлеровские оккупанты были полностью изгнаны из Московской, Тульской, Рязанской, частично – Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской, Курской, Сталинской, Харьковской областей, с Керченского полуострова. Значение этих побед состояло в том, что советские войска вырвали стратегическую инициативу из рук противника, не позволив ему

достичь ни одной из стратегических целей, предусмотренных «планом Барбаросса». Под воздействием сокрушительных ударов «план Барбаросса» рухнул, а его основа – теория молниеносной войны – потерпела полный крах, заставив фашистское руководство перейти к ведению стратегии затяжной войны. В ходе зимнего наступления советские войска разгромили до 50. дивизий врага, нанеся особенно серьезное поражение основной группировке вражеских войск – группе армий «Центр». И только в результате резкого ослабления своих сил в Европе, где в то время не велось активных действий против Германии, фашистам удалось спасти свои войска на советско-германском фронте от полной катастрофы.

Победа под Москвой и зимнее наступление еще выше подняли политико-моральное состояние Красной Армии, ее командно-политического состава, ее бойцов, которые воочию убедились, в какой панике и на каких огромных участках фронта под силой их героических ударов бегут захватчики.

Эти первые и столь важные победы советских войск укрепили веру всех советских людей в непобедимость Красной Армии. Советский народ еще теснее сплотился вокруг своей родной Коммунистической партии, убедился, что под ее руководством победа над фашизмом не только возможна, но и неизбежна.

Большое впечатление произвели наши успехи и за рубежом. В оккупированных фашистской Германией странах усилилось движение сопротивления нацистскому режиму. Тот факт, что Москва с честью выдержала тяжелое испытание и не только устояла перед натиском врага, но и нанесла гитлеровским армиям первое серьезное поражение в войне, был воспринят во всем мире как общая победа прогрессивных сил над фашизмом. По образному выражению одного из виднейших деятелей международного рабочего движения У. Фостера, контрнаступление Красной Армии под Москвой знаменовало переход к великому народному наступлению – против фашизма.

Московская победа показала всему миру, что Советская страна способна сокрушить агрессора. Это сыграло неоценимую роль в укреплении антигитлеровской коалиции.

Отмечая факторы, обеспечившие победу под Москвой, следует, прежде всего, сказать о массовом героизме советских воинов, воспитанных партией в духе преданности социалистической Отчизне, о неодолимой силе советского патриотизма. 36 тыс. бойцов и командиров были награждены орденами и медалями. В боях отличились не только отдельные воины, но и целые соединения. За образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом доблесть и мужество, звание

гвардейских было присвоено десяти стрелковым, двум мотострелковым, пяти кавалерийским дивизиям, двум кавалерийским корпусам, двум стрелковым, двум морским стрелковым и четырем танковым бригадам, двум мотоциклетным, девяти артиллерийским, четырем противотанковым артиллерийским, двум истребительным, одному штурмовому авиационным полкам и одному полку связи. Особо отличившимся воинам, в том числе 28 воинам 8-й гвардейской стрелковой дивизии, летчикам Е. М. Горбатюку, В. А. Зайцеву, А. Н. Катричу, В. Е. Ковалеву, И. Н. Калабушкину, Н. Г. Лесконоженко, В. В. Талалихину, И. М. Холодову, танкисту В. А. Григорьеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Медалью «За оборону Москвы» награждено более миллиона человек. Великий подвиг защитников Москвы и участников разгрома врага на подступах к столице золотыми буквами вписан в историю борьбы советского народа за свою свободу и независимость.

Победа под Москвой свидетельствовала о росте боевого мастерства Красной Армии и прежде всего ее командных кадров. Не только в ГКО и Генштабе, но и весь народ узнал имена основных участников битвы под Москвой: командующих фронтами и армиями Г. К. Жукова, И. С. Конева, С. К. Тимошенко, К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, К. Д. Голубева, Ф. И. Голикова, И. В. Болдина, А. И. Еременко, М. Г. Ефремова, И. Г. Захаркина, Ф. Я. Костенко, Я. Г. Крейзера, В. И. Кузнецова, Д. Д. Лелюшенко, М. М. Попова, В. А. Юшкевича; руководящих работников штабов фронтов и армий В. Д. Соколовского, Г. К. Маландина, М. В. Захарова, М. И. Казакова, П. И. Бодина, Г. Ф. Захарова, В. С. Голушкевича, Л. М. Сандалова, Н. Д. Псурцева; командиров корпусов, дивизий и бригад А. П. Белобородова, И. В. Панфилова, В. И. Полосухина, А. И. Лизюкова, П. А. Белова, Л. М. Доватора, П. А. Ротмистрова, М. Е. Катукова, И. А. Плиева, И. Ф. Петрова, П. Г. Чанчибадзе и многих других.

Огромную организаторскую и воспитательную работу среди личного состава войск провели члены военных советов Западного фронта Н. А. Булганин, Д. А. Лестев, И. С. Хохлов, Калининского – Д. С. Леонов, Юго-Западного фронта – Н. С. Хрущев и К. А. Гуров, а также члены военных советов армий, партийные организации, политработники войсковых соединений и частей. Ведущую роль в ходе боев сыграли коммунисты, своим бесстрашием, организованностью и стойкостью цементировавшие части и соединения.

Особо хочется подчеркнуть тот факт, что в период Московской битвы поднялось наше военное искусство. Нельзя не отметить огромного значения, которое имело своевременное

накопление и целеустремленное использование советским командованием стратегических резервов. Надо прямо сказать, что, несмотря на тяжелую, порой критическую обстановку в дни героической обороны Москвы, Ставка Верховного Главнокомандования проявила большую выдержку и волю, сохранив выдвинутые в район Москвы стратегические резервы для перехода Красной Армии в решительное контрнаступление. Опыт Московской битвы в использовании резервов Ставки весьма поучителен.

В период тяжелых оборонительных сражений и в дни контрнаступления, и, затем, общего наступления внесли достойный вклад в дело разгрома врага партизаны Подмосковья, Тульской, Смоленской, Калининской областей и Белоруссии. Своими ударами по коммуникациям вражеских войск, по тылам и штабам, узлам связи и гарнизонам они нарушали снабжение и затрудняли их боевые действия. Партизанские отряды нередко выступали вместе с частями Красной Армии. Партизанский полк имени Лазо, отряд «Северный медведь», отряд Жабо и другие поддерживали радиосвязь со штабом Западного фронта и выполняли его задания.

В дни Московской битвы выдающиеся подвиги совершили З. Космодемьянская, Л. Чайкина, В. Карасев, К. Заслонов и другие партизаны. Родина высоко оценила подвиг советских людей, действовавших в тылу врага. Многие из них были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. За выдающиеся заслуги трудящихся столицы, за мужество и героизм в борьбе с врагом Москва была награждена в сентябре 1947 года орденом Ленина, а в день 20-летия победы над фашистской Германией удостоена звания города-героя.

Москвичи свято выполняли свой долг перед Родиной не только участием в борьбе против врага на полях сражений, но и самоотверженным трудом на фабриках и заводах. Никогда не забудется, какой была Москва в те дни. Трудящиеся столицы превратили ее в крупный арсенал, который и в дни битвы под Москвой, и в дальнейшем поставлял фронту автоматы, минометы, пулеметы, снаряды и многие виды другого вооружения. Среди дорогих моему сердцу реликвий я берегу грамоту, которая была вручена мне в Генштабе 27 сентября 1943 года автозаводцами. Вот несколько строк из грамоты: «Коллектив Московского ордена Ленина автозавода в грозные дни октября месяца 1941 года по заданию партии начал производство автоматов-пулеметов образца 1941 года. Почетную и ответственную задачу, поставленную партией перед коллективом завода – дать как можно больше автоматов Красной Армии, – коллектив завода

выполнил. Из месяца в месяц, перевыполняя задания Государственного Комитета Обороны, коллектив к 27 сентября 1943 года обеспечил выпуск одного миллиона ППШ, ставших массовым оружием Красной Армии». Грамота сопровождала юбилейный, миллионный экземпляр автомата. Вот и теперь я смотрю на подписи директора завода И. Лихачева, парторга ЦК ВКП(б) И. Горошкина, председателя завкома Н. Баранова, секретаря комитета ВЛКСМ Т. Морозовой и думаю о том, какой же труд стоит за этими короткими словами «миллионный автомат». Сколько ночей недоспали славные труженики-автозаводцы и их руководители. А сколько было в Москве таких предприятий, коллективы которых, как и автозаводцы, не считаясь ни с чем, работали дни и ночи, чтобы дать фронту все необходимое!

Москвичи успешно выполнили разработанный Центральным Комитетом партии и правительством на четвертый квартал 1941 года план перестройки столичной промышленности. Этот напряженный план, несмотря на всю сложность военной обстановки, был даже перевыполнен. В защиту Москвы, в разгром врага у стен города-героя особенно достойный вклад внесли московские женщины и молодежь. Их благородные дела навсегда останутся в памяти советского народа. И когда я думаю о нашей победе под Москвой, неизменно вспоминаю слова бессмертного Ленина, который говорил: «Во всякой войне победа, в конечном счете, обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев, поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести»[24].

В начале 1942 года в столицу вернулись из эвакуации почти весь государственный аппарат и государственные учреждения; вернулась и значительная часть населения столицы. Моя семья, находившаяся в эвакуации в Челябинской области, приехала в Москву в последних числах февраля. Квартира на Тишинской площади, в которой мы проживали до войны, к тому времени распоряжением правительства была заменена квартирой в правительственном доме на улице Грановского…

Оборона Ленинграда

Вражеские замыслы. – Блокада. – Ошибочное решение. – Меры по спасению 2-й ударной. – Операция «Искра». – После снятия блокады. – Уроки битвы за Ленинград

Война сразу поставила перед Ставкой, Генеральным штабом очень трудную и по-особому тревожную проблему защиты Ленинграда. Враг с ожесточением рвался к городу имени великого Ленина – городу нашей революционной и национальной гордости. С овладением Ленинградом он связывал свои далеко идущие политические и военные планы.

Мне не раз приходилось слышать, что Генеральный штаб в предвоенные годы мало уделял внимания укреплению обороны Ленинграда от возможной агрессии, а отсюда вытекали и трудности его защиты. Упрек не совсем справедливый. Вопрос укрепления безопасности советских приграничных зон, в том числе и Ленинграда, решался не только в зависимости от точки зрения того или другого лица, несущего за это ответственность. Он в равной, если не в большей мере, связан с экономическими и материальными возможностями государства.

Даже если бы не был допущен просчет при окончательной корректировке оперативного плана отражения агрессии, о чем я уже писал, вряд ли могли бы мы сделать больше того, что было сделано в предвоенные годы. А было сделано, как известно, немало. Достаточно указать на то, что в итоге советско-финляндского конфликта на значительное расстояние была отодвинута государственная граница СССР от Ленинграда. Однако на советском северо-западе не был осуществлен ряд мер стратегического характера: строительство достаточного количества укреплений, аэродромов, создание сети шоссейных дорог и т. д. Но для таких мер, требующих огромных капиталовложений, наше государство не располагало возможностями. При всем том внимании, которое уделял Центральный Комитет партии безопасности северо-запада, Ленинграда, главной задачей все же осталось укрепление обороны Западного и Юго-Западного направлений.

Предвидел ли Генеральный штаб возможность агрессии фашистской Германии по побережью Балтийского моря, через Прибалтику?

Да, безусловно, предвидел. И оперативным планом, разработанным под непосредственным руководством Б. М. Шапошникова, были предусмотрены меры борьбы с врагом на

этом направлении. Побережье Балтийского моря обозначалось как одно из важных направлений ожидаемой агрессии со стороны Германии. Точка зрения И. В. Сталина на возможность главного направления военных действий Германии и изменения в оперативном плане, касалась, прежде всего, перераспределения сил и средств Западного и Юго-Западного направлений.

Правильность предположений Б. М. Шапошникова подтверждает ныне широкоизвестный «план Барбаросса». В нем Ленинград очерчен как важный стратегический пункт, с захватом которого нацистские главари предрекали Советскому Союзу весьма ощутимый спад оборонительных возможностей. С падением Ленинграда они связывали свое безраздельное господство на Балтике и, кстати сказать, стремление еще крепче затянуть петлю оккупационного режима в Скандинавских странах.

Никто из стоявших у кормила политического и военного правления Германии не сомневался в том, что наступление на Ленинград будет проведено быстро, без каких-либо существенных осложнений. Они уповали на превосходство в силах нацеленной на Ленинград группы армий «Север» – один к трем в ее пользу. Они также рассчитывали, что малочисленные советские войска, прикрывавшие Прибалтику, не смогут показать высоких боевых качеств, так как будут сломлены морально и психологически.

Но, вопреки таким расчетам, уже на дальних подступах к Ленинграду, особенно на Лужской оборонительной полосе, простиравшейся на 250 км от Финского залива до озера Ильмень, развернулись исключительно яростные и затяжные бои, зачастую не имевшие пауз, длившиеся сутками. В ленинградском небе наши воздушные бойцы противостояли целым армадам фашистской авиации («люфтваффе») и, если иссякал боезапас, бесстрашно шли на таран. Разящие удары по фашистским полчищам наносили артиллеристы кораблей Балтийского флота, кронштадтских фортов и береговой обороны. Большую помощь непосредственным защитникам Ленинграда оказывали моряки-балтийцы, действовавшие на островах Моонзундского архипелага и полуострова Ханко. На оккупированной территории Ленинградской области разгоралось пламя партизанской борьбы.

В связи с обострением обстановки под Ленинградом К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов, как я уже отмечал, были вызваны в Ставку. Разговор происходил на станции метро «Кировская». Верховный Главнокомандующий сурово обошелся с ними и потребовал разработать оперативный план защиты Ленинграда. К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов не высказали ни слова обиды на резкость тона, они лишь попросили помощи резервами и

пообещали выполнить все указания Ставки. Чувствовалось: они глубоко переживают за судьбу Ленинграда и сознают, какая большая и трудная задача легла на их плечи.

По призыву Ленинградской партийной организации и командования фронтом все взрослое население города включилось в борьбу против врага. Только за одну неделю первого военного года – с 30 июня по 6 июля – ряды ленинградского народного ополчения составили свыше 96 тыс. патриотов. Ленинград в самое короткое время выставил на фронт 9 ополченческих дивизий, несколько истребительных полков и артиллерийско-пулеметных батальонов.

Свыше полумиллиона ленинградцев, нередко под бомбежкой, возводили оборонительные сооружения. Это был воистину колоссальный труд, нашедший выражение в сотнях километров траншей, противотанковых рвов, проволочных заграждений и лесных завалов, в тысячах долговременных и деревоземляных огневых точек.

Улицы, проспекты и площади самого города покрывались баррикадами из железобетонных пирамидальных надолб весом от 0,5 до 3 т. Многие каменные здания, приспособленные к обороне, напоминали собой своего рода бастионы громаднейшей крепости, какой предстал Ленинград перед нависшей угрозой.

Судьба города стала судьбой его жителей, и потому каждый трудился, забыв об отдыхе, каждый считал святым долгом внести свою лепту в укрепление обороны. На сокращенной производственной базе, оставшейся от эвакуации, ленинградские рабочие – верная опора городской партийной организации – изготовляли танки, бронепоезда, пушки, минометы, пулеметы, автоматы, боеприпасы, восстанавливали поврежденное вооружение, делали все, в чем нуждались войска. В числе первых они освоили выпуск реактивной артиллерии («катюши»). Что особенно хочется подчеркнуть, они по собственной инициативе создавали экипажи боевых машин и орудийные расчеты, чтобы, при необходимости, вместе с воинами принять участие в отражении вражеских атак.

По указанию Ставки и с ее помощью командование Северного фронта принимает меры к проведению более активных и решительных действий против врага. Войсками фронта был нанесен ряд контрударов по захватчикам, в числе которых хочу особо выделить контрудар под городом Сольцы с 14 по 18 июля. Кичливый враг был вынужден несколько отступить, а остатки его моторизованных соединений бежали в панике. И, как следствие, несколько остывают у фашистских стратегов восторг и ликование, а на их место начинают приходить настроения уныния и мрачной

озабоченности. Позволю себе сослаться лишь на «Военный дневник» начальника Генерального штаба сухопутных войск тех времен, одного из составителей «плана Барбаросса» Ф. Гальдера.

Подводя итоги двухнедельных боев на советско-германском фронте, он не без видимого удовольствия отмечал: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней» (3 июля). Но уже неделю спустя его «Военный дневник» запестрил суждениями иной тональности в отношении ленинградского направления: «На фронте группы армий «Север» сильные арьергарды противника при поддержке танков и авиации оказывают упорное сопротивление танковой группе Гепнера» (11 июля). «Танковая группа Гепнера, авангарды которой обессилены и устали, лишь незначительно продвинулась в направлении Ленинграда» (12 июля). «Направление танковой группы Гепнера остановлено… Русские войска сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением» (15 июля). «Главком (фельдмаршал фон Браухич. – А. В.) вернулся из штаба группы армий «Север» и сообщил следующее: «Боевой состав наших соединений… резко сократился»» (17 июля). 22 июля тот же Ф. Гальдер, признавая, что группа армий «Север» все еще не может продолжать остановленное советскими войсками наступление на Ленинград, записал: «Во второй половине дня – главком вернулся от фюрера: снова в ставке большая тревога по поводу группы «Север», которая не имеет ударной группировки и все время допускает ошибки». В данном случае шла речь о допущенном командованием группы «Север», не без участия фашистского главного командования, распылении механизированных сил танковой группы, в результате которого, под воздействием контрудара героически и искусно действовавших советских войск в районе Сольцы и Луги, немецкие войска, и особенно 56-й танковый корпус, понесли тяжелые потери.

После того как войска Северного фронта сорвали первую попытку фашистского командования овладеть Ленинградом с ходу, враг некоторое время продолжал в большинстве случаев бесплодные атаки.

Но как только были полностью укомплектованы людьми и техникой изрядно потрепанные гитлеровские дивизии, группа армий «Север» возобновила наступление на Ленинград. Господство в воздухе продолжало оставаться на стороне «люфтваффе».

Несмотря на героическое сопротивление войск Северного фронта, врагу, располагавшему почти трехкратным превосходством в силах на направлении своего главного удара, удалось осуществить прорыв в районе Шимска и 15 августа занять

Новгород. Нацистская пропаганда тотчас поспешила объявить, что еще нажим – и можно будет рассматривать в бинокль купол Исаакия, а вскоре промаршировать в парадном строю по знаменитой Дворцовой площади.

Для того, чтобы облегчить положение войск, защищавших Ленинград, Ставка спланировала и подготовила внезапное контрнаступление южнее Старой Руссы, которое из-за неблагоприятной обстановки вылилось в контрудар, начавшийся 12 августа. За два дня наши войска продвинулись на 60 км, вызвав серьезные опасения у фашистского командования за целостность тыла своих дивизий, достигших района Новгорода. Поэтому оно спешно бросает из-под Новгорода и Луги к Старой Руссе две моторизованные дивизии и переключает сюда авиационный корпус. Изменившееся здесь соотношение сил, острый недостаток средств противовоздушной обороны и авиации, не позволили нашим войскам развить успех, и они вынуждены были с боями отойти на рубеж реки Ловать.

Тем не менее, этот наш контрудар снова затормозил наступление врага. В памятной записке от 22 августа о дальнейшем ведении войны против Советского Союза Гитлер признал, что «группа армий «Север» не в состоянии в ближайшее время обеспечить продвижение… на Ленинград с целью окончательного окружения и ликвидации этого опорного пункта и обороняющих его русских сил. Теперь обстановка требует ускоренной переброски на этот фронт дополнительных сил…». Это и позволило вражеским войскам достичь района Чудова, выйти к Колпино, прорваться через Мгу на южное побережье Ладожского озера и взять Шлиссельбург. Ленинград, таким образом, оказался отрезанным от страны с суши.

Столь серьезное осложнение фронтовой обстановки под Ленинградом вынудило Ставку Верховного Главнокомандования провести значительные изменения в организации управления войсками этого направления. Для создания наиболее благоприятных условий организации обороны Ленинграда и для удобства управления войсками Северный фронт 23 августа был разделен на два фронта – Ленинградский и Карельский.

Командующим войсками Ленинградского фронта был назначен генерал-лейтенант М. М. Попов, членом военного совета – А. А. Жданов, начальником штаба – полковник Н. В. Городецкий, командующим войсками Карельского фронта – генерал-лейтенант В. А. Фролов, членом военного совета – корпусной комиссар А. С. Желтов, начальником штаба – полковник Л. С. Сквирский.

30 августа решением ГКО упраздняется главнокомандование

Северо-Западного направления. Входившие в состав направления фронты подчиняются непосредственно Ставке. В связи с этим, с 5 сентября командующим войсками Ленинградского фронта был назначен Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, а генерал-лейтенант М. М. Попов – начальником штаба этого фронта, которого вскоре вновь заменил полковник Городецкий Н. В.

Не берусь судить, по каким причинам К. Е. Ворошилов обратился к И. В. Сталину с просьбой освободить его от этой должности и назначить командующим фронта кого-либо помоложе. Серьезный разговор на эту тему по телефону состоялся в моем присутствии, причем И. В. Сталин сначала не был согласен с этим. Но поскольку фронтовая обстановка вокруг Ленинграда продолжала осложняться, телефонный разговор с К. Е. Ворошиловым закончился решением Политбюро ЦК направить на Ленинградский фронт генерала армии Г. К. Жукова.

Георгий Константинович охотно принял это решение и, вступив 13 сентября в командование войсками этого фронта, со свойственной ему энергией и настойчивостью взялся за усиление обороны города. Одновременно по его настоянию начальником штаба фронта был назначен прибывший вместе с ним генерал-лейтенант М. С. Хозин.

К. Е. Ворошилов после возвращения в Москву получает новые ответственные задания ЦК партии и ГКО. На него были возложены функции контроля за формированием и подготовкой стратегических резервов.

Командование войсками Ленинградского фронта, учтя опыт, полученный в предыдущих боях, в сентябре и октябре отказалось от равномерного распределения сил и средств по фронту, и сосредоточило основные усилия на решающих направлениях, а именно на юго-западных и южных подступах к Ленинграду. Больше внимания оно уделило и инженерному оборудованию обороны города, особенно созданию прочной и глубоко эшелонированной обороны на танкоопасных направлениях, а также противотанковых районов, причем последние создавались так, чтобы они в состоянии были оказать максимальную помощь войскам фронта в решении общей задачи – защиты города. В создании инженерной обороны города важную роль сыграл энергичный и весьма подготовленный начальник инженерного управления фронта Б. В. Бычевский.

В интересах всемерного укрепления обороны города были успешно использованы силы и средства Краснознаменного Балтийского флота под командованием вице-адмирала В. Ф. Трибуца.

Нельзя не отметить также большую помощь в организации

артиллерийской обороны города и контрбатарейной борьбы, которую оказал находившийся по заданиям Ставки в войсках фронта генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов.

Боевые действия на южных подступах к Ленинграду, отмечавшиеся крайней степенью ожесточения, продолжались весь сентябрь. Огромные потери немецких войск в личном составе и технике, провал их попытки форсировать Неву и соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке, заставили фашистское командование отказаться от захвата Ленинграда штурмом. Безусловно, немалую роль в этом сыграли предшествующие оборонительные действия советских войск. Сломить сопротивление защитников города фашистское командование решило блокадой. Еще 18 сентября Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Учитывая потребность в войсках на ленинградском участке фронта, где у противника сосредоточены крупные людские и материальные силы и средства, положение здесь будет напряженным до тех пор, пока не даст себя знать наш союзник – голод». К концу сентября 1941 года фронт на подступах к Ленинграду, как с юга, так и на Карельском перешейке и на реке Свирь, стабилизировался.

8 октября 1941 года до предела осложнившаяся обстановка на подступах к Москве вынудила Ставку назначить Г. К. Жукова командующим войсками Западного фронта. В командование войсками Ленинградского фронта вступил генерал-майор И. И. Федюнинский, а затем генерал-лейтенант М. С. Хозин.

К этому времени у защитников Ленинграда оставалась единственная связь с «Большой землей» по Ладожскому озеру, и Советское правительство приняло все меры, чтобы наладить завоз в город самых необходимых продовольственных товаров, боеприпасов, горючего и топлива по этому пути, и по воздуху.

Гитлеровские генералы рассчитывали, что и советские войска, и население города прекратят борьбу, если лишить их этой связи. Решение этой задачи они видели в наступлении на Тихвин и Волхов, в соединении с финскими войсками на реке Свирь и замыкании восточнее Ладожского озера второго кольца вокруг Ленинграда. Немецкое командование пыталось уверить себя и своих солдат в том, что в распоряжении Красной Армии нет больше никаких сил, и что достаточно еще небольшого нажима, и ее сопротивление будет сломлено. Это был очередной грубый просчет немецкого военного руководства, не сумевшего правильно оценить изменения, происшедшие на советско-германском фронте.

В то время как силы Красной Армии возрастали, наступательные возможности немецко-фашистской армии шли на

убыль. И хотя обстановка на фронте, особенно на подступах к Москве, была для нас чрезвычайно сложной, советское Верховное Главнокомандование и нас, работников Генерального штаба, очень беспокоило положение под Тихвином. Между Ленинградским и Северо-Западным фронтами осенью 1941 года, когда немецкие войска прорвались с юга к Ладожскому озеру, возник огромный разрыв. Его заполнила 54-я армия Ленинградского фронта, оказавшаяся вне кольца блокады, а также 4-я и 52-я армии, подчинявшиеся непосредственно Ставке. Эти армии должны были организовать оборону вдоль реки Волхов на юг, к озеру Ильмень. Но ни эти армии, ни восточный фланг Ленинградского фронта, ни правый фланг Северо-Западного фронта, начинавшийся у озера Ильмень, не сумели воспрепятствовать вражескому удару на Тихвин.

Наступление немецко-фашистских войск началось 16 октября. С этого дня на обширном пространстве развернулись ожесточенные бои, которые сыграли решающую роль в обороне Ленинграда. К сожалению, Ставка не могла выделить сражавшимся здесь войскам достаточно мощных резервов, так как почти все они направлялись в район Москвы. Поэтому врагу, обладавшему численным превосходством, удалось 8 ноября захватить Тихвин, вплотную приблизиться к Волхову, перехватить железнодорожную магистраль, по которой до восточного побережья Ладоги направлялись грузы в осажденный Ленинград.

Было ясно, что с падением Тихвина появилась угроза прорыва немцев с юга в тыл 7-й отдельной армии, которая на реке Свирь затормозила наступление финнов. Соединение немцев с финнами означало не только двойное кольцо блокады вокруг Ленинграда, но и позволяло фашистскому командованию организовать общее наступление на Вологду.

Однако войска 7-й отдельной армии под командованием К. А. Мерецкова, возглавившего по указанию Ставки одновременно и 4-ю армию, сумели стабилизировать положение. Немецкие войска были основательно измотаны изнурительными боями в лесисто-болотистой местности. Растянутые на 350-километровом фронте от Мги через Волхов, Тихвин до Новгорода, они подвергались непрерывным ударам наших войск.

Между тем условия жизни и работы в блокированном Ленинграде становились все более невыносимыми. В ноябре были израсходованы последние запасы привозного топлива. Остановились электростанции и предприятия. Прекратил движение городской транспорт. Перестал действовать водопровод. Но еще более острое положение создалось с продовольствием. Его доставка, как и других грузов, водным

путем прервалась из-за ледостава и штормов на Ладожском озере. Приходилось несколько раз сокращать суточную норму выдачи хлеба жителям и войскам. С 20 ноября рабочие стали получать 250 г хлеба в сутки, иждивенцы и дети – 125 г, войска первой линии и боевых кораблей – 300 г хлеба и 100 г сухарей.

В ноябре начался голод, вызвавший смертность городского населения. Враг злорадствовал, ему казалось, что дни Ленинграда, скованного необычайно суровыми морозами, лишенного воды и света, регулярного подвоза продуктов питания, сочтены. Но ленинградцы, сплоченные своей партийной организацией, самоотверженно преодолевали неимоверные лишения, с яростью, порожденной жгучей ненавистью к фашистским извергам, отдавали все силы борьбе. Уверенность, что Коммунистическая партия, Родина не оставят их в беде, помогала им сохранять непреклонную волю к победе.

Сегодня у Вагановского спуска к Ладожскому озеру высится монумент в виде двух несмыкающихся полуарок, которые символизируют блокадное кольцо с просветом автомобильной трассы, названной ленинградцами «Дорогой жизни».

«Дорога жизни» не имеет прецедента в военной истории. Ее создание явилось одним из наиважнейших мероприятий, призванных облегчить положение города и его населения, обеспечить войска и силы флота всем необходимым для ведения боевых действий. Днем и ночью непрерывным потоком, нередко под бомбежкой и артиллерийским обстрелом, шли в Ленинград автомашины, груженные продуктами питания, медикаментами, топливом, техникой, боеприпасами, а обратными рейсами увозили женщин, детей, стариков, раненых и больных.

Не сумев взять Ленинград с ходу, фашистское командование приступило к систематическому его разрушению. Сюда были стянуты почти все сверхтяжелые осадные орудия, вплоть до 420-мм калибра. На плане Ленинграда, попавшем в наши руки, гитлеровцы в качестве объектов разрушения занумеровали все жизненные и культурные центры города. За время блокады на город было обрушено около 150 тыс. снарядов, более 100 тыс. зажигательных и свыше 4,6 тыс. фугасных бомб. Многие здания – памятники национального и мирового значения – были разрушены или серьезно повреждены.

С наступлением зимы возникла угроза вторжения врага в Ленинград по льду Финского залива. Поэтому защитники города сделали все от них зависящее, чтобы укрепить подступы со стороны моря, пополнить гарнизоны передовых баз флота на островах Финского залива и главной базы флота – Кронштадта. В русло Невы вошли боевые корабли, благодаря чему значительно

выросла огневая мощь обороны. Для борьбы с вражеской артиллерией усиливалась и приобретала дальнейший опыт контрбатарейная артиллерийская группа. Имела вполне завершенную систему противовоздушная оборона.

Учитывая исключительно тяжелое положение, в котором находились войска и население Ленинграда, Верховное Главнокомандование принимало все меры к тому, чтобы как можно быстрее снять блокаду с осажденного города. Несмотря на то, что Ставка остро нуждалась в резервах для задуманного контрнаступления на главном – Западном – направлении, она, тем не менее, направила под Ленинград две армии. В результате этого общее соотношение сил и средств на Северо-Западном направлении к началу января уже изменилось в пользу советских войск.

Чтобы наладить управление войсками на этом ответственном направлении, Ставка образовала 17 декабря 1941 года Волховский фронт, в состав которого вошли 4-я, 52-я, 59-я и 26-я армии; командующим войсками фронта был назначен генерал армии К. А. Мерецков. До нового года войскам этого фронта удалось очистить от фашистов часть нашей территории, существенно ослабить силы немецкой группы армий «Север». ГКО и Ставка наладили снабжение голодавшего Ленинграда через Ладогу. А пока враг отбивался от контрнаступлений советских войск на севере и юге, мы готовили, а затем и осуществили руководство крупным контрнаступлением под Москвой.

Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам Волховского и Ленинградского фронтов нанести поражение вражеской группировке, вышедшей к Ладожскому озеру в районе Мги, и снять блокаду с Ленинграда. Главная роль в выполнении этой задачи отводилась Волховскому фронту, войска которого должны были во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и уничтожить выдвинувшуюся к Ладожскому озеру крупную группировку противника.

В начале января 1942 года, в соответствии с планом операции, советские войска перешли в наступление. Но нас постигла неудача. Почти всю зиму, а затем и весну пытались мы прорвать кольцо ленинградской блокады, нанося удары по нему с двух сторон: изнутри – войсками Ленинградского фронта, снаружи – Волховского, с целью соединиться после удачного прорыва этого кольца в районе Любани.

Главную роль в Любанской операции играла 2-я ударная армия (бывшая 26-я армия) волховчан. Она вошла в прорыв немецкой линии обороны на правом берегу реки Волхов, но достичь Любани не сумела и завязла в лесах, болотах.

Ослабленные блокадой ленинградцы тем более не смогли решить свою часть общей задачи. Дело почти не двигалось.

В конце апреля в Ставку прибыл командующий Ленинградским фронтом М. С. Хозин и доложил, что неудача Любанской операции произошла вследствие отсутствия единого командования войсками, защищавшими Ленинград. Он предложил объединить войска Ленинградского и Волховского фронтов, а командование объединенным фронтом возложить на него. Думаю, что он верил в правильность и целесообразность своего плана.

Б. М. Шапошников сразу же выступил против такого предложения. И. В. Сталин, напротив, встал на позицию Хозина, и было принято решение о ликвидации Волховского фронта, передаче его войск Ленинградскому фронту, а командующего Волховским фронтом К. А. Мерецкова назначили сначала заместителем командующего Западным фронтом, а затем, по его просьбе, командующим 33-й армией того же фронта. Командующий Ленинградским фронтом генерал М. С. Хозин получил возможность объединить действия по ликвидации блокады Ленинграда. Однако скоро выяснилось, что руководить девятью армиями, тремя отдельными корпусами и двумя группами войск, разделенными занятой врагом зоной, не только трудно, но и невозможно. Решение Ставки о ликвидации Волховского фронта, таким образом, оказалось ошибочным.

Как только выяснилось, что 2-я ударная армия не может продолжать дальнейшего наступления на Любань, Ставка приказала М. С. Хозину срочно вывести 2-ю ударную армию из «мешка», но, как ни печально, этот приказ не был выполнен. Фронт не добился поставленной цели, положение 2-й ударной армии усугубилось, так как немецко-фашистские войска пересекли ее тыловые коммуникации. Командующий 2-й ударной армией Власов, не выделяясь большими командирскими способностями, к тому же по натуре крайне неустойчивый и трусливый, совершенно бездействовал. Создавшаяся для армии сложная обстановка еще более деморализовала его, он не предпринял никаких попыток к быстрому и скрытному отводу войск. В результате всего войска 2-й ударной армии оказались в окружении.

8 июня Волховский фронт был восстановлен. Его вновь возглавил К. А. Мерецков.

Приказом Ставки за несвоевременный отвод войск 2-й ударной армии генерал-лейтенант Хозин был снят с должности командующего войсками Ленинградского фронта и назначен командующим 33-й армией Западного фронта.

Положение 2-й ударной армии еще более осложнилось тем, что ее командующий Власов оказался подлым предателем Родины; добровольно перешел на сторону врага и, стремясь побыстрее и получше устроиться на службе у гитлеровцев, которых он уже считал победителями, заявил о своей готовности начать борьбу против Страны Советов. В 1946 году Власов и его ближайшие приспешники, за измену Родине и активную шпионско-диверсионную деятельность в качестве агентов германской разведки против СССР, были приговорены к смертной казни.

В советской, да и в прогрессивной иностранной литературе, давно и неопровержимо утвердилось мнение о Власове как приспособленце, шкурнике, карьеристе, изменнике. Лишь отщепенец А. Солженицын, перешедший на службу самым реакционным империалистическим силам, в своем циничном антисоветском произведении «Архипелаг Гулаг» воспевает и восхваляет Власова, власовцев и других предателей Советской Родины, прославляет их за то, что они ненавидели советские порядки, пошли против собственного Отечества и могли бы, по Солженицыну, добиться успеха, если бы гитлеровцы лучше их организовали, больше им доверяли.

Наряду с другой ложью и клеветой на Советский Союз Солженицын утверждает, что Власова склонило к переходу на сторону гитлеровцев то, что он со своей армией был брошен советским высшим командованием на произвол судьбы. Советским людям известно немало капитальных трудов, изданных советской печатью, показывающих, насколько лживы и безответственны подобные утверждения Солженицына. Я занимал в период этих событий пост первого заместителя начальника Генерального штаба и могу ответственно подтвердить ту крайне серьезную озабоченность, которую проявлял изо дня в день Верховный Главнокомандующий о судьбе войск 2-й ударной армии, о вопросах оказания всемерной помощи им. Свидетельством этому является целый ряд директив Ставки, написанных, в большинстве случаев, под диктовку самого Верховного Главнокомандующего мною лично, в адрес командующего и военного совета Ленинградского фронта, в адрес командующих родами войск Красной Армии и в другие адреса, не говоря уже о ежедневных телефонных переговорах на эту тему.

После того как кольцо окружения войск 2-й ударной армии замкнулось и было принято решение о восстановлении Волховского фронта, по приказу Ставки вместе с командующим К. А. Мерецковым в Малую Вишеру к волховчанам был направлен и я, как представитель Ставки. Основной задачей нам было

поставлено вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. И надо сказать, что нами были приняты, казалось бы, все возможные меры, чтобы спасти попавших в окружение, вызволить из кольца самого командарма Власова.

С 10 по 19 июня 1942 года непрерывно шли яростные бои, в которых участвовали крупные силы войск, артиллерия, танки 4-й, 59-й и 52-й армий. При этом повсеместное геройство проявляли не отдельные воины, а целые подразделения, части и соединения. Ненависть к врагу, стремление во что бы то ни стало выполнить приказ Родины, были общим настроением, и они помогали преодолевать упорство врага, жестокости боя, невзгоды, плохую погоду. За ходом этих боев непрерывно следил Верховный Главнокомандующий.

В итоге нашим войскам удалось пробить узкую брешь в немецком капкане и спасти значительную часть окруженной 2-й ударной армии. Однако, несмотря на все принятые меры с привлечением партизан, специальных отрядов, парашютных групп и прочих мероприятий, изъять из кольца окружения Власова нам не удалось. И не удалось сделать, прежде всего, потому, что этого не хотел сам Власов.

Командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал Л. А. Говоров, которого, как уже говорилось ранее, я знал еще по учебе в Академии Генерального штаба.

В течение лета, накануне величайшей битвы за Сталинград, на всех участках советско-германского фронта осуществлялись операции сравнительно меньшего, так называемого местного, значения. ЦК партии, Ставку, Генеральный штаб по-прежнему очень волновали дела под Ленинградом. Колыбель Великого Октября продолжала жить одним дыханием, одной борьбой со страной, неизменно чувствуя заботу партии и правительства. Летом Ленинград получил первые тонны жидкого топлива по 25-километровому трубопроводу, проложенному по дну Ладоги. Позже по подводному кабелю сюда стал снова поступать ток с частично восстановленной Волховской ГЭС. Это позволило ряду предприятий возобновить производство военной продукции. Используя время навигации, корабли Ладожской военной флотилии и Северо-Западного речного пароходства интенсивно доставляли грузы, среди которых одно из первых мест занимало продовольствие. Но положение оставалось крайне тяжелым. Город, в который со дня его основания не ступала нога иноземного завоевателя, с неимоверным упорством и мужеством продолжал героическую борьбу. Подступы к осажденному городу являлись как бы гигантскими жерновами, перемалывающими

отборные гитлеровские дивизии.

Врагу казалось, что еще немного и город падет. Гитлер самоуверенно заявлял: «Немецкие гренадеры, прошагавшие с победой все расстояние от Восточной Пруссии до пригородов Ленинграда, найдут в себе силы пройти и оставшийся десяток километров». За этот период борьбы врагу был нанесен большой урон в людях и технике. Фашистскому командованию пришлось перебросить из Западной Европы на усиление группы армий «Север» шесть дивизий и одну бригаду. Самое же главное – был сорван замысел врага предпринять новое наступление на Ленинград.

Советские люди, и, в первую очередь, ленинградцы, хорошо знали о тех громадных усилиях, которые предпринимались Коммунистической партией, Советским правительством и командованием для избавления Ленинграда от блокады, и твердо верили, что радостный день освобождения не за горами. И этот день приближался.

Благоприятные условия для прорыва блокады Ленинграда возникли в связи с успешным наступлением Красной Армии на Юго-Западном направлении советско-германского фронта, которое вылилось затем в напряженную борьбу за освобождение восточных и северо-восточных районов Украины. В результате этого фашистское командование было лишено возможности усиливать свои войска на других участках фронта.

Учитывая выгодную обстановку, сложившуюся для войск Ленинградского и Волховского фронтов, Ставка Верховного Главнокомандования 8 декабря 1942 года дала директиву о подготовке операции по прорыву блокады Ленинграда, а 28 декабря утвердила план проведения этой операции, условно называвшейся «Искра». Замысел этой операции сводился к тому, чтобы встречными ударами двух фронтов – Ленинградского и Волховского – разгромить вражескую группировку в шлиссельбургско-синявинском выступе, прорвать блокаду и восстановить сухопутную связь Ленинграда с центральными районами страны.

Координация действий обоих фронтов была возложена на представителей Ставки – К. Е. Ворошилова и Г. К. Жукова.

По решению Ставки для прорыва блокады были образованы две ударные группировки. Первая состояла из войск 67-й армии (командующий – генерал М. Н. Духанов) Ленинградского фронта, которая должна была форсировать Неву, прорвать оборону врага на участке Московская Дубровка, Шлиссельбург и соединиться с войсками Волховского фронта. Во вторую входила переформированная и пополненная 2-я ударная армия

(командующий – генерал В. З. Романовский) Волховского фронта. Им предстояло при содействии части сил 8-й армии (командующий – генерал Ф. Н. Стариков) наступать на участке Гайталово, Липки, разгромить неприятеля в восточной части шлиссельбургско-синявинского выступа и соединиться с войсками 67-й армии Ленинградского фронта.

Давно ожидали этого часа воины! На митингах, на партийных и комсомольских собраниях они клялись не щадить ни крови, ни самой жизни во имя освобождения твердыни. Беспартийные выражали желание идти в бой коммунистами. В 67-й и 2-й ударной армиях за период подготовки операции численность партийных организаций частей и подразделений возросла в четыре раза. Огромное воодушевление вызвало у воинов обращенное к ним письмо ленинградских рабочих. Оно заканчивалось словами: «Пусть мысль о великом значении нашего города, пусть дума о славных его людях воодушевляет вас в бою. Пусть ненависть к тем, кто терзал этот город бомбами, снарядами, голодом, ожесточит ваши сердца. Вперед, воины-освободители!».

В ночь на 12 января 1943 года наша авиация нанесла массированные удары по опорным узлам и пунктам врага. А утром того же дня в действие вступили 4,5 тыс. орудий. Артиллерийская подготовка на Ленинградском фронте длилась 2 часа 20 минут, на Волховском – 1 час 45 минут. Вслед за огневым валом, поддерживаемые бомбардировщиками и штурмовиками, войска ударных группировок устремились навстречу друг другу. Наступательный порыв был настолько стремительным, что уже в первые часы боя ленинградцы по льду форсировали Неву и с помощью лестниц и крюков взобрались на крутое и высокое левобережье. Напористо действовали и волховчане. С лозунгом «Вперед, время настало!» они упорно преодолевали оборону, глубина которой была плотно насыщена огневыми средствами и живой силой.

Враг отчаянно сопротивлялся. И это понятно. Ведь еще во время нашего наступления зимой и весной 1942 года, как явствует из того же дневника Ф. Гальдера, Гитлер прямо-таки истошно вопил: «Ни шагу назад! Самое важное – удержать Ленинград в кольце блокады». Попытка фашистского командования восстановить положение четырьмя дивизиями резерва была предотвращена вводом в сражение вторых эшелонов наступающих армий. Советские воины неудержимо рвались вперед. Многие раненые покидали медпункты и возвращались в строй. Все жаждали встречи фронтов. И она состоялась. Это произошло 18 января возле Рабочих поселков № 1 и № 5.

«Фляшенхальс» (бутылочное горло) – так именовали фашисты свою шлиссельбургско-синявинскую группировку – было разбито вдребезги.

Весть эта отозвалась великой радостью в сердцах ленинградцев. Весь мир услышал их проникновенные слова, переданные по радио в ночь на 19 января:

«Блокада прорвана! Мы давно ждали этого дня. Мы всегда верили, что он будет. Мы были уверены в этом в самые черные месяцы Ленинграда – в январе и феврале прошлого года. Наши погибшие в те дни родные и друзья, те, кого нет с нами в эти торжественные минуты, умирая, упрямо шептали: «Мы победим». Они отдали свои жизни за честь, за жизнь, за победу Ленинграда. И мы сами, каменея от горя, не в силах даже облегчить свою душу слезами, хороня в мерзлой земле их без всяких почестей, в братских могилах, вместо прощального слова клялись им: «Блокада будет прорвана. Мы победим». Мы чернели и опухали от голода, валились от слабости с ног на истерзанных врагом улицах, и только вера в то, что день освобождения придет, поддерживала нас. И каждый из нас, глядя в лицо смерти, трудился во имя обороны, во имя жизни нашего города, и каждый знал, что день расплаты настанет, что наша армия прорвет мучительную блокаду».

В день прорыва блокады Государственный Комитет Обороны принял постановление о срочной постройке железнодорожной линии от станции Жихарево до Шлиссельбурга. Таким образом, ледовая «Дорога жизни» дополнялась «Дорогой победы», как ее нарекли ленинградцы, призванной связывать Ленинград со страной по суше. Всего лишь 15 суток понадобилось строителям, чтобы протянуть 36-километровую линию, причем на заболоченной, усеянной минами местности, в условиях крепчайших морозов и обильных снегопадов, да еще соорудить на Неве временный свайно-ледовый мост.

В город немедленно двинулись эшелоны с углем, нефтью, рудой, продовольствием, вооружением…

Помощь Ленинграду, шедшая от трудящихся братских республик, возрастала из месяца в месяц. Трагическое время миновало. Набирали силы промышленные предприятия. Ленинградские рабочие, безгранично верные революционным традициям, с присущей им энергией трудились над выполнением военных заказов.

Мне припоминается сообщение, которое не могло не взволновать: город, едва оправившийся от жесточайшей осады, посылал другим фронтам гвардейские минометы.

Враг отдавал себе отчет в том, что прорыв советскими

войсками блокады означал для него безвозвратную потерю инициативы под Ленинградом. Отныне внимание фашистского командования было сосредоточено на совершенствовании обороны, именовавшейся в оперативных документах «Северным валом», с целью прикрыть подступы к Прибалтике, сохранить морские коммуникации, удержать в узде Финляндию как своего союзника. Что касается советских войск, то перед ними открылась реальная возможность подготовить разгром группы армий «Север» и, тем самым, окончательно ликвидировать блокаду Ленинграда.

В союзных странах с удовлетворением восприняли известие о победе советских войск и о восстановлении сухопутной связи Ленинграда со страной. Канадская газета «Стар» в передовой статье подчеркнула, что «прорывом блокады… советские войска вписали еще одну славную страницу в историю русской армии. Защитники Ленинграда пронесли через все трудности и испытания непоколебимый дух, который является характерным для всей русской обороны с самого начала войны».

Не менее важным были и военные итоги. С успешным завершением операции «Искра» наступил перелом в битве за Ленинград. Инициатива полностью перешла к советским войскам. Их сила и боевая мощь возрастали с каждым днем благодаря вводу в строй сухопутной коммуникации, непрерывному улучшению взаимодействия между Ленинградским и Волховским фронтами. Были созданы более благоприятные условия для подготовки полного разгрома немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом.

Прорыв блокады Ленинграда явился составной частью зимней кампании 1942–43 года, которая ознаменовалась крупными победами Советских Вооруженных Сил. Положение Ленинграда и оборонявших его войск к концу 1943 года значительно улучшилось. Однако ленинградцы продолжали жить и бороться в довольно тяжелых условиях. По-прежнему на его улицах и площадях рвались бомбы и снаряды, причиняя городу серьезный ущерб.

Интересы обеспечения безопасности города, политические и стратегические соображения настоятельно требовали полного снятия блокады с Ленинграда и освобождения Ленинградской области. Но при всем огромном желании после прорыва блокады Ленинграда Ставка и Генеральный штаб не смогли немедленно сосредоточить здесь свое основное внимание. Главные их усилия были направлены на то, чтобы подготовить и провести операции на тех стратегических направлениях, где решался исход Второй мировой войны и которые находились на прямом пути в фашистскую Германию. И, естественно, сюда, прежде всего на

Юго-Западное направление, посылались основные людские и материальные резервы.

Войска Ленинградского и Волховского фронтов после прорыва блокады Ленинграда ограничились действиями, казалось бы, местного характера. В это время они по указанию Ставки провели наступательную операцию с целью разгрома синявинско-мгинской группировки противника. В период проведения этой операции войска фронтов ленинградского направления привлекли на себя значительные оперативные резервы противника и не дали врагу возможности перебросить силы из-под Ленинграда в район Курской дуги, в разгар ожесточенного сражения в этом районе.

Но уже и тогда уделялось большое внимание подготовке мероприятий по полному освобождению города Ленина от непосредственного воздействия противника. Хорошо помню – а архивные документы это подтверждают, – что еще в сентябре 1943 года Ставка и Генеральный штаб рассмотрели соображения военного совета Ленинградского фронта по дальнейшему ведению боевых действий, в основу которых была заложена именно эта идея. 12 октября Ставка утвердила директиву командования Ленинградского фронта, в которой подчиненным ему войскам ставилась в общем алане задача по подготовке мероприятий полного снятия блокады Ленинграда.

Одновременно Генеральный штаб предупредил командующего фронтом о возможном преднамеренном отходе войск противника из-под Ленинграда, и необходимости в связи с этим готовиться не только к прорыву его укреплений, но быть готовым и к преследованию врага. Такими сведениями Генеральный штаб располагал. Теперь мы точно знаем, что командование группы армий «Север» действительно вносило предложение об отводе своих войск на рубеж реки Западной Двины. Однако высшим военным руководством гитлеровской Германии оно было отвергнуто, а настаивавший на таком маневре генерал Линдсман спустя некоторое время уступил место командующего группой армий «Север» генералу Фриснеру. Никакого отхода фактически не состоялось. Противник, как показали последующие события, упорно удерживал занимаемые им позиции и яростно сопротивлялся нашим попыткам опрокинуть его оборону.

К началу 1944 года группа армий «Север» (18-я и 16-я армии), занимавшая оборону от Ленинграда до района Великие Луки, имела в своем составе 45 дивизий и 4 бригады. Общая глубина оборонительных рубежей достигала 230–260 км. Ее тактическая зона представляла собой систему опорных пунктов во взаимной

огневой связи, деревоземляных и железобетонных огневых точек. Мало-мальски удобная для наступления местность была минирована, а для танков и эскарпирована.

Целью готовившегося нами наступления под Ленинградом и Новгородом были разгром группы армий «Север», полная ликвидация блокады Ленинграда, очищение Ленинградской области от немецко-фашистских захватчиков. Ставка и Генеральный штаб считали, что с успешным выполнением этой задачи будут созданы благоприятные условия для освобождения Прибалтики и Карело-Финской республики. К проведению операции привлекались войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, Краснознаменный Балтийский флот, авиация дальнего действия и партизаны.

Замысел Верховного Главнокомандования состоял в том, чтобы разгромить, прежде всего, фланговые группировки 18-й немецкой армии. Развивая наступление на кингисеппском и лужском направлениях, советские войска должны были завершить разгром главных сил 18-й армии и выйти на рубеж реки Луги. Мы предполагали, что в дальнейшем войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, действуя на нарвском, псковском и идрицком направлениях, нанесут поражение 16-й армии противника, завершат освобождение Ленинградской области и создадут выгодные условия для освобождения Прибалтики.

Начало наступления под Ленинградом и Новгородом намечалось на середину января 1944 года. И это не случайно. Планируя эту операцию, Генеральный штаб учитывал, что, согласно плану советского командования, в это же время должно было развернуться наступление против главной группировки противника на Правобережной Украине, а также против его войск на центральном участке советско-германского фронта. Это лишало немецко-фашистское командование возможности усиливать группу армий «Север».

Уверенность, что враг будет разбит, подкреплялась солидным материально-техническим обеспечением. Войска получили, особенно в течение декабря 1943 года, много орудий, танков, самоходно-артиллерийских установок, бронемашин, стрелкового вооружения, тысячи тонн боеприпасов. Достаточно сказать, что только по вновь проложенной железной дороге вдоль южного берега Ладожского озера в город за год было доставлено 4,4 млн т различных грузов.

Особую заботу проявила Ставка об усилении войск Ленинградского фронта, которому предстояло наносить удар по врагу из осажденного города. По ее указанию в район

ораниенбаумского плацдарма была перегруппирована из Волховского фронта сильная 2-я ударная армия под командованием опытного командарма генерала И. И. Федюнинского. Она была переправлена туда моряками Балтийского флота.

Учитывая недостаток бомбардировщиков в воздушных армиях, Ставка выделила для Ленинградского и Волховского фронтов крупные силы авиации дальнего действия, а именно 1-й гвардейский, 5-й, 6-й и 7-й авиационные корпуса. В этих корпусах, предназначавшихся для действий исключительно ночью в тактической и оперативной глубине вражеской обороны, имелось 330 боевых самолетов. Кроме того, на пополнение 13-й и 14-й воздушных армий фронтов было выделено значительное количество штурмовиков, бомбардировщиков и истребителей. Принимая также во внимание, что войскам Ленинградского фронта предстояло прорывать сильную оборону врага, в которой имелось большое количество мощных укреплений долговременного типа, Ставка нашла возможным выделить этому фронту из своего резерва штурмовую инженерно-саперную бригаду.

Ставка и Генеральный штаб постоянно интересовались ходом подготовки к операции. Должен сказать, что войска фронтов настойчиво, с полным физическим напряжением учились ведению решительных и инициативных наступательных действий на большую глубину в течение продолжительного времени. Самое же главное – среди всех царил высокий моральный подъем. Такому подъему способствовали различные формы партийно-политической работы. Большой популярностью пользовались выступления в войсках рабочих ленинградских заводов и фабрик – участников Октябрьского штурма, пропагандистов и агитаторов городской партийной организации, писателей, ученых. Они рассказывали и о непреходящих революционных традициях ленинградцев. Посещали город и воины. Своими глазами они видели дома, иссеченные осколками бомб и снарядов или вовсе разрушенные и сожженные, видали могилы погибших. От этих впечатлений еще сильнее закипала в их сердцах ненависть к фашистским захватчикам. Примечательной чертой того времени был огромный приток в ряды коммунистов и комсомольцев лучших солдат и офицеров. Достаточно сказать, что перед наступлением коммунисты и комсомольцы были почти во всех отделениях, расчетах, экипажах.

Надо отметить и то, что по указанию Ставки, переданному через Центральный штаб партизанского движения, Ленинградский партизанский штаб в ноябре 1943 года составил

«план дальнейшего расширения партизанского движения и обеспечения боевой деятельности партизанских бригад, отрядов и групп на оккупированной территории Ленинградской области на зимне-весенний период 1943–1944 гг.». Согласно этому плану, было организовано тесное боевое взаимодействие ленинградских партизан с регулярными войсками в намечаемом наступлении под Ленинградом.

Велика была роль Ставки и Генерального штаба в разработке самого замысла и плана Ленинградско-Новгородской стратегической операции. Мы внимательно изучали поступавшие с фронтов предварительные соображения по плану операции, по использованию сил каждого фронта в совместном наступлении. Ставка явилась и основным организатором взаимодействия трех фронтов и флота в этой крупной стратегической операции. При этом следует иметь в виду, что всю эту практическую часть работы Ставка и Генеральный штаб взяли на себя, поскольку ни при подготовке, ни в ходе операции в район сражений не было направлено представителей Ставки.

Что касается роли Ставки и Генерального штаба в руководстве операцией в ходе военных действий, то она была такой же, как и во многих других операциях войны. Поддержание непрерывного взаимодействия участвовавших в операции сил, уточнение задач фронтам и флоту, неизбежное их усиление, решение вопросов материально-технического обеспечения и т. п. – все это имело место. Достаточно сказать, что кроме регулярных разговоров с фронтами по прямому проводу, когда давались конкретные указания по ведению операции, Ставка в ходе Ленинградско-Новгородской операции 22 и 29 января, 1, 13, 14, 17 и 22 февраля 1944 года дала фронтам не менее десяти письменных директив.

Начавшееся наступление наших войск развивалось благоприятно, несмотря на крайне плохие погодные условия. Метели и туманы порой затрудняли артиллеристам наблюдение целей, а авиаторам – поддержку наступающих. Слишком рано пришедшая на северо-запад оттепель привела грунтовые дороги в раскисшее состояние, ослабила ледяной покров на реках и болотах. Но тем больше упорства проявляли советские воины в преодолении трудностей, связанных с непогодой. Ведь все горели страстным желанием положить конец блокаде города Ленина.

Каждые сутки наши войска оставляли позади себя все новые и новые районы освобожденной территории. Враг испытывал удары и в собственном тылу. То были удары ленинградских партизан, согласованные с наступлением войск. Партизаны истребляли гарнизоны, захватывали населенные пункты,

взрывали склады, пускали под откос воинские эшелоны. Выразительна статистика их боевых дел: с 18 по 24 января 1944 года они разрушили около 2 тыс. км железнодорожных рельсов и 18 мостов.

Военные действия Ленинградского и Волховского фронтов по освобождению города Ленина и изгнанию немецко-фашистских оккупантов с территории Ленинградской области в основном завершились в феврале 1944 года. Этой блестящей победе радовались все прогрессивные люди мира, с волнением следившие за жизнью и самоотверженной борьбой многострадального города. От берегов Невы советские войска шагнули до берегов Нарвы, твердой ногой ступили на землю Эстонской ССР и нацелились на Нарву, Псков и Остров.

В результате наших побед в стане союзников фашистской Германии произошло дальнейшее серьезное ослабление – заколебалась Финляндия. Смятение в лагере финских приспешников Гитлера Генеральный штаб почувствовал еще в середине февраля 1944 года, когда советские войска нанесли серьезное поражение немецкой группе армий «Север». Правящие круги Финляндии, втянувшие страну в войну, давно с тревогой наблюдали за событиями на советско-германском фронте. Перед ними все более и более вырисовывались перспективы поражения Германии, а, следовательно, и крушение «великофинляндских» захватнических планов. Однако финское правительство не переставало все же надеяться на то, что военное счастье еще улыбнется им, и стремилось оттянуть время. Но ничто уже не могло сохранить финско-германский союз. После мощных ударов, нанесенных Красной Армией летом 1944 года на Карельском перешейке и в Южной Карелии, финские руководители вынуждены были принять решение о выходе Финляндии из войны.

Торжественный артиллерийский салют, прогремевший 27 января 1944 года в Ленинграде, возвестил всему миру, что Ленинград полностью и окончательно освобожден от блокады. Этот салют прозвучал по всей нашей Родине. Все города и села Советской страны, все воины Красной Армии гордились победой советских войск под Ленинградом и Новгородом.

Героическая эпопея Ленинграда, важнейшим этапом которой стало наступление советских войск в январе – феврале 1944 года, не померкла доныне и не померкнет в веках.

Лондонцы, которым, как писал нацистский генерал К. Типпельскирх в своей «Истории Второй мировой войны», казалось, что их «город ожидает медленно, но верно приближающаяся гибель», с особым вниманием следили за

участком советско-германского фронта, где на самом переднем крае обороны, на линии огня находился Ленинград.

В английской прессе и в передачах Лондонского радио начала 1944 года мы встречали немало восторженных откликов, посвященных окончательному освобождению Ленинграда от блокады. Вот один из этих откликов:

«Все свободные и все порабощенные гитлеровцами народы понимают, какую роль сыграл разгром немцев под Ленинградом для ослабления нацистской мощи. Ленинград уже давно завоевал себе место среди городов-героев нынешней войны. Битва под Ленинградом посеяла тревогу среди немцев. Она дала им почувствовать, что они лишь временные хозяева Парижа, Брюсселя, Амстердама, Варшавы, Осло» («Стар», январь, 1944 год).

Исторический опыт битвы за Ленинград дал много поучительного как в организации и ведении обороны в оперативно-стратегическом масштабе, так и в тактическом звене. Уже в ходе Ленинградской стратегической оборонительной операции 1941 года советские войска показали исключительное упорство в обороне и активность в борьбе с численно превосходящим врагом. Как яркие страницы воинского мастерства и массового героизма вошли в историю минувшей войны контрудары советских войск под Сольцами, в районе Старой Руссы, Красного Села и Мги, контрнаступление под Тихвином. Контрудары, наносимые по врагу в условиях вынужденного отхода наших войск, рассредоточивали усилия наступающего противника, изматывали его ударные группировки, вынуждали его изменять направления ударов, а нам позволяли выиграть время для усиления обороны на важнейших направлениях.

Воины-ленинградцы, их руководство, могут гордиться тем, что их опыт организации обороны был широко использован на других участках огромного советско-германского фронта, а основные принципы траншейной обороны нашли позже необходимое отражение в боевом и полевом уставах нашей армии. На Ленинградском фронте впервые во время войны была осуществлена артиллерийская и авиационная контрподготовка по вражеским войскам, изготовившимся к штурму города.

Битва за Ленинград, как никакая другая битва минувшей войны, дала ценнейший опыт организации взаимодействия сухопутных войск с военно-морскими силами. Подчинение Балтийского флота и Ладожской военной флотилии в оперативном отношении военному совету Ленинградского фронта было весьма эффективной формой организации взаимодействия

сухопутных и морских сил. В условиях обороны блокированного противником приморского района и крупного города с военно-морской базой и военным портом командующий Ленинградским фронтом мог направлять усилия всех блокированных войск на решение главнейших задач, возникавших на том или ином этапе борьбы за город Ленина.

В сражениях под Ленинградом был получен и поучительный опыт в вопросах боевого применения авиации армий, фронта и флота. Здесь впервые наше командование начало объединять авиационные части и соединения в оперативные авиационные группы для массированного использования на решающих направлениях.

Славной страницей героической Ленинградской эпопеи была контрбатарейная борьба с артиллерией противника, варварски обстреливавшей Ленинград. Полагаю, что не погрешу перед историей, если скажу, что именно артиллеристам Ленинградского фронта и Балтийского флота нередко приходилось прокладывать новые пути в теории и практике контрбатарейной борьбы. Воинский труд и искусство ленинградских артиллеристов – от рядовых до командующего фронтом – во многом способствовали сохранению города-героя на Неве от варварского разрушения и спасению многих тысяч человеческих жизней в долгие месяцы блокады.

Поистине многогранен опыт битвы за Ленинград в организации и ведении наступательных операций в лесисто-болотистой и озерной местности. Ряд операций в 1942–1943 годах, и, прежде всего, успешно осуществленная в январе 1943 года операция «Искра», стратегическая операция трех фронтов и флота в январе – феврале 1944 года, наступательная операция по разгрому врага на северо-западных и северных подступах к Ленинграду – на Карельском перешейке и в Южной Карелии в июне – июле 1944 года – внесли много нового и поучительного в теорию и практику организации ведения наступательного боя. Окончательная ликвидация вражеской блокады Ленинграда была первой крупной наступательной операцией Советских Вооруженных Сил в их зимней кампании 1944 года.

Ставка и Генеральный штаб высоко оценили деятельность командующих Ленинградским и Волховским фронтами Л. А. Говорова и К. А. Мерецкова по руководству военными действиями по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом. Они творчески решали задачи операции, точно осуществляли ее замысел на всех этапах борьбы. Было четко организовано взаимодействие войск фронтов, армий. Командующие показали себя зрелыми полководцами, успешно владеющими всеми

способами ведения вооруженной борьбы.

Важный вклад в успешное выполнение войсками задач разгрома гитлеровцев под Ленинградом внесла партийно-политическая работа. Она являлась фактором, укрепляющим моральные силы воинов, вдохновляла их на решительные наступательные действия, на мужество и отвагу в бою.

Особо хочу сказать о А. А. Жданове. Он находился в осажденном городе почти все время, был организатором всей жизни города и его защиты. А. А. Жданов пользовался заслуженным авторитетом у ленинградцев и в войсках. Мне известно, что о нем тепло отзывался И. В. Сталин. В годы войны я имел возможность близко познакомиться с Андреем Александровичем, и он остался в моей памяти как приятный, интересный собеседник. Он был человеком большого государственного ума, сильным организатором.

Ленинград по праву снискал себе славу города-героя. Ибо его оборона, говоря словами Л. И. Брежнева, была «эпопеей человеческого мужества, стойкости, самоотверженного патриотизма, одним из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армий во всей истории войн на земле». Этот подвиг никогда не изгладится из памяти живущих и грядущих поколений. Он всегда будет напоминать о советских людях 40-х годов XX столетия, в едином порыве вставших под руководством партии Ленина на защиту своего социалистического Отечества, проявивших железное упорство, бесстрашие в борьбе, умение биться с врагом до победного конца. Ленинградская эпопея, как и другие героические свершения на полях сражений Великой Отечественной войны, – неутихающий призыв, прежде всего к нашей молодежи, постоянно воспитывать в себе эти замечательные черты и качества.

Весна и лето 1942-го

Наступать или обороняться? – Неудачи в Крыму и выводы Ставки. – Уроки боевых действий на Юго-Западе. – Меры по перестройке и укреплению армии. – Перед решающим этапом

Чтобы читатель полностью представил себе обстановку к началу 1942 года, сошлюсь снова на цитированное в главе «Враг под Москвой» директивное письмо Верховного Главнокомандующего военным советам фронтов.

> «После того, как Красной Армии удалось достаточно измотать немецко-фашистские войска, она перешла в контрнаступление и погнала на запад немецких захватчиков, – говорилось в письме. – Для того, чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли на оборону и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями. Немцы рассчитывают задержать, таким образом, наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной Армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку.
>
> Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить, таким образом, полный разгром гитлеровских войск в 1942 году. Но для осуществления этой задачи необходимо, чтобы наши войска научились взламывать оборонительную линию противника, научились организовывать прорыв обороны противника на всю ее глубину и тем открыли дорогу для продвижения нашей пехоты, ваших танков, нашей кавалерии. У немцев имеется не одна оборонительная линия, – они строят и будут иметь скоро вторую и третью оборонительные линии. Если наши войска не научатся быстро и основательно взламывать и прорывать оборонительную линию противника, наше продвижение вперед станет невозможным»[25].

В директивном письме правильно отмечалось, что наши войска уже приобрели немалый боевой опыт, опираясь на

который и используя уязвимость вражеской обороны, могут гнать врага с нашей территории. Однако, правильно оценивая к началу 1942 года фронтовую обстановку как благоприятную для продолжения наступления, Верховное Главнокомандование недостаточно точно учло реальные возможности Красной Армии. В результате имевшиеся в распоряжении Ставки девять армий резерва были почти равномерно распределены между всеми стратегическими направлениями. В ходе общего наступления зимой 1942 года советские войска истратили все, с таким трудом созданные осенью и в начале зимы, резервы. Поставленные задачи не удалось решить. Не оправданными оказались надежды, высказанные И. В. Сталиным в речи 7 ноября 1941 года и в цитированном выше директивном письме на то, что резервы Германии иссякнут к весне 1942 года. Да, мы все страстно желали этого, но действительность была суровее, и прогнозы не подтвердились.

Как же проходило наше зимнее, а потом весеннее наступление? Стабилизация положения под Мурманском и в Карелии была достигнута. Ленинградцы и волховчане четыре месяца пытались пробиться навстречу друг другу с тем, чтобы разорвать кольцо блокады, но сделать это не сумели. Северо-Западный фронт окружил в районе Демянска крупную группировку противника, но не смог заставить ее капитулировать, а весною немцы пробили к ней коридор и сохранили Демянский плацдарм за собой. На Центральном направлении мы глубоко охватили фашистскую группу армий на ее флангах. В середине же охвата возник удерживаемый немцами ржевско-вяземский плацдарм. Несколько раз пересекали оборону плацдарма с боями советские корпуса и целые армии, уходившие во вражеский тыл. Но за ними проход опять закрывался, из-за чего те, кто пробился в тыл противника, попадали в окружение. Выброска туда наших воздушных десантов не изменила положения. Фашисты несли огромные потери, однако удерживали плацдарм. Нашим соединениям пришлось прорываться из вражеского тыла назад. Тяжелые испытания выпали на долю этих частей. Командующий 33-й армией генерал-лейтенант М. Г. Ефремов вел свою армию на запад в районе Тарусы. Здесь он родился. Это был боевой, опытный генерал. Еще в 20–30-е годы Михаил Григорьевич возглавлял войска 12-го стрелкового корпуса Забайкальского, Орловского и Закавказского военных округов, был заместителем генерального инспектора пехоты РККА. В первые месяцы войны он руководил и фронтом, и армиями; это был человек большой воли. Попав в окружение, мужественный воин предпочел смерть плену и покончил с собой.

Генеральный штаб и Ставку очень волновали дела и на Юго-Западном направлении, хотя и здесь немецкие войска получили ряд жестоких ударов. Красная Армия в процессе наступления создала Барвенковский выступ западнее Изюма, но здесь Юго-Западный и Южный фронты остановились. В Крыму наши войска, потерявшие в январе незадолго до того освобожденную Феодосию, вынуждены были отойти на Керченский полуостров.

Весной 1942 года на фронте наблюдалось некоторое затишье. Несмотря на это, мои посещения Ставки по-прежнему были ежедневными. Мы стремились, закрепив успехи, сохранить за собой стратегическую инициативу, а фашисты хотели, во что бы то ни стало, вырвать ее из наших рук.

Думая об этих днях, невольно вспоминаю такой эпизод. Во время очередного доклада Верховному Главнокомандующему, в один из последних мартовских дней 1942 года, когда я остался один с ним в кабинете, он спросил:

– Вы возвратили семью из эвакуации, а где живет она?

– Мне предоставлена отличная квартира на улице Грановского, – ответил я.

– А где вы отдыхаете, когда имеется возможность? – продолжал И. В. Сталин.

– Там и отдыхаю, а чаще в Генштабе, в особняке Ставки, рядом с моим кабинетом имеется приличная комната отдыха, там и сплю.

– А у вас за городом дачи нет? – спросил И. В. Сталин.

– Последние два предвоенных года семья и я пользовались в летние месяцы дачей Наркомата обороны в Краскове, но мне из-за работы и тогда приходилось бывать там редко, так как далеко от Москвы, – ответил я.

Буквально через несколько дней я с женой Екатериной Васильевной получили предложение осмотреть дачу, а затем, в тот же день, получил и ключи от дачи в Волынском, на берегу речки Сетунь, в 15 минутах езды на автомашине от Генштаба и Кремля и совсем вблизи от дачи И. В. Сталина. Хороший домик, окруженный зеленью, очень понравился мне, не говоря уже о жене и сыне. Но все же ездил я туда довольно редко: то находился на фронтах, то вынужден был спать по-прежнему в Генштабе.

Однако как-то в начале апреля, когда не было очень срочных дел, а на фронте было относительно спокойно, я решил отоспаться на даче и на ночь уехал туда. На следующее утро я чуть задержался и не успел выехать, как раздался телефонный звонок:

– Вас ищет товарищ Сталин, – послышался голос А. Н.

Поскребышева, а вслед слышу голос И. В. Сталина:

– Товарищ Василевский, вы не успели обжиться на даче, а уже засиделись там. Боюсь, что вы и совсем переберетесь туда. И добавил:

– В часы сна можете спать на даче, а в рабочее время будьте в Генштабе.

Это было для меня уроком, и, пока шла война, я редко бывал там; семья же пользовалась ею главным образом в период моего пребывания на фронте.

В апреле 1942 года наше зимнее наступление заглохло. Причина, как уже говорилось, заключалась в отсутствии необходимых сил и средств для его продолжения. Фронты перешли к обороне. Перед нами встал вопрос о плане военных действий на следующие полгода. Он всесторонне обсуждался в Генштабе. Ни у кого из нас не было сомнений, что противник не позднее лета вновь предпримет серьезные активные действия с тем, чтобы, опять захватив инициативу, нанести нам поражение. Мы критически анализировали итоги зимы. Теперь Ставка, Генеральный штаб и весь руководящий состав Вооруженных Сил старались точнее раскрыть замыслы врага на весенний и летний периоды 1942 года, по возможности четче определить стратегические направления, на которых суждено будет разыграться основным событиям. При этом все мы отлично понимали, что от результатов летней кампании 1942 года во многом будет зависеть дальнейшее развитие всей мировой войны, поведение Японии, Турции и т. д., а быть может, и исход войны в целом.

По завершении зимней кампании наши Вооруженные Силы по численному составу и, особенно, по технической оснащенности пока еще значительно уступали противнику; готовых резервов и крупных материальных ресурсов у нас в то время не было. В Генеральном штабе и Ставке считали, что основной ближайшей задачей советских войск должна быть временная стратегическая оборона. Ее цель – изматывая оборонительными боями на заранее подготовленных рубежах ударные группировки врага, не только сорвать подготавливаемое фашистами летнее наступление, но и подорвать их силы и, тем самым, с наименьшими для нас потерями подготовить благоприятные условия для перехода Красной Армии в решительное наступление. Главное внимание в плане, естественно, уделялось Центральному направлению. К тому времени в основном был закончен перевод мирной промышленности на военные рельсы. Удалось решить главную задачу – успешно завершить эвакуацию основных промышленных

предприятий, материальных ценностей и рабочей силы из западных районов страны на восток. В Поволжье, Средней Азии, на Урале и в Сибири были созданы новые предприятия и отрасли промышленности, преимущественно оборонной. Эти успехи, достигнутые титаническим трудом руководимого Коммунистической партией народа, позволили улучшить обеспечение армии оружием и боевой техникой.

На основе этих достижений появилась возможность создать новые воинские формирования и внести существенные изменения в организацию войск. До весны 1942 года стратегические резервы комплектовались преимущественно из новобранцев, сведенных в части и соединения. Теперь Генштаб и Ставка предпочитали выводить с фронта ослабленные дивизии и бригады на отдых и боевую подготовку, вливая в них свежее пополнение и снабжая всем необходимым. Это улучшило обучение маршевого пополнения. Командные кадры для новых формирований готовились в военных академиях, училищах и на курсах.

Ставка уделяла большое внимание перестройке органов тыла. Особая нагрузка легла на железнодорожный, автомобильный и речной транспорт, всецело подчиненный задачам регулярного обеспечения фронта и промышленности соответствующими ресурсами. Ставка отказалась от передачи авиаполков в армейское подчинение. Самолетов все еще не хватало, а это вело к их рассредоточению; пришлось вернуться к идее массированного использования авиации в однородных по типу бомбардировочных, штурмовых и истребительных авиадивизиях. А с мая 1942 года мы начали создавать воздушные армии. В принципе, каждый фронт имел свою воздушную армию, но при проведении особо важных операций их могли придавать фронту по две и более. Появилась Авиация дальнего действия, подчиненная непосредственно Ставке. Возникли оперативные объединения противовоздушной обороны (ПВО). Началось массовое производство истребителей Ла-5, Як-7.

Насыщение инженерных войск специальным оборудованием в большем, чем раньше, количестве облегчило организацию понтонно-мостовых и минерных частей. Саперные армии были частью расформированы, пять из них были переданы фронтам. Инженерно-саперные бригады из расформированных армий были подчинены фронтам как Резерв Верховного Главнокомандования. Заметно, особенно в качественном отношении, изменилась артиллерия. В войска поступали противотанковые ружья (ПТР). Подверглась модернизации 45-мм противотанковая пушка, появилась 76-мм ЗИС-3. В полевую реактивную артиллерию, помимо М-8 и М-13, с июня 1942 года стали поступать еще более

мощные реактивные снаряды М-20 и М-30. Тем самым было положено начало созданию тяжелой полевой реактивной артиллерии. Для стрельбы этими снарядами были сконструированы более практичные рамные станки, простые, надежные. В Генштабе внимательно следили за ростом числа частей и подразделений «катюш», как окрестили на фронте гвардейские минометы. Части ПВО получили много зенитных орудий калибра 37 мм и пулеметов ДШК. Появились новые армейские полки ПВО, а также противотанковые шестибатарейные артиллерийские полки Резерва Верховного Главнокомандования, десятки отдельных батальонов ПТР, истребительные противотанковые части и соединения (как подвижный фронтовой резерв), и гвардейские минометные полки. В стрелковых частях теперь имелись противотанковые роты.

В большом количестве на фронт поступали легкие танки Т-70 и знаменитые, никем в ту пору не превзойденные, средние танки Т-34. При формировании танковых войск Ставка проявляла гибкость: с осени 1941 года организовывались, по мере надобности, отдельные танковые батальоны, полки и бригады. С весны 1942 года начали формироваться танковые корпуса; танковые соединения сочетались в них с мотострелковыми. В мае – июне 1942 года в РККА появились две первые танковые армии, а летом 1942 года к ним добавились еще две. Напряженнейшая работа тружеников тыла обеспечивала фронт сотнями тысяч винтовок, карабинов и автоматов, тысячами боевых самолетов и танков, десятками тысяч орудий и минометов, десятками миллионов снарядов и мин, сотнями миллионов патронов. Теперь Ставка могла распоряжаться всеми резервами куда более свободно, чем во время осенней кампании.

Меняли и штаты стрелковых соединений (в 1942 году – трижды!), учитывая приобретенный фронтовой опыт, возросшие возможности в обеспечении их боеприпасами и вооружением. Было воссоздано ликвидированное корпусное звено управления. В течение года постепенно было сформировано около 30 управлений стрелковых корпусов. Начиная со Ставки Верховного Главнокомандования, всюду, во всех подразделениях, на разных уровнях обобщался и становился всеобщим достоянием опыт ведения войны. Из штабов армий и фронтов, штабов родов войск и командующих видами Вооруженных Сил, он шел в войска в виде инструкций, из Ставки Верховного Главнокомандования – в виде приказов и даже находил отражение уже в воинских уставах.

Из чего исходила Ставка, разрабатывая план летней кампании? Враг был отброшен от Москвы, но он все еще продолжал угрожать ей. Причем наиболее крупная группировка

немецких войск (более 70 дивизий) находилась на московском направлении. Это давало Ставке и Генштабу основания полагать, что с началом летнего периода противник попытается нанести нам решительный удар именно на Центральном направлении. Это мнение, как мне хорошо известно, разделяло командование большинства фронтов.

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, не считая возможным развернуть в начале лета крупные наступательные операции, был также за активную стратегическую оборону. Но наряду с ней он полагал целесообразным провести частные наступательные операции в Крыму, в районе Харькова, на льговско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска. Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников стоял на том, чтобы не переходить к широким контрнаступательным действиям до лета. Г. К. Жуков, поддерживая в основном Шапошникова, считал, в то же время, крайне необходимым разгромить в начале лета ржевско-вяземскую группировку врага.

К середине марта Генеральный штаб завершил все обоснования и расчеты по плану операции на весну и начало лета 1942 года. Главная идея плана: активная стратегическая оборона, накопление резервов, а затем переход в решительное наступление. В моем присутствии Б. М. Шапошников доложил план Верховному Главнокомандующему, затем работа над планом продолжалась. Ставка вновь обстоятельно занималась им в связи с предложением командования Юго-Западного направления провести в мае большую наступательную операцию силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. В результате И. В. Сталин согласился с предложением и выводами начальника Генерального штаба. В то же время было принято решение: одновременно с переходом к стратегической обороне предусмотреть проведение на ряде направлений частных наступательных операций, что, по мнению Верховного Главнокомандующего, должно было закрепить успехи зимней кампании, улучшить оперативное положение наших войск, удержать стратегическую инициативу и сорвать мероприятия гитлеровцев по подготовке нового наступления летом 1942 года. Предполагалось, что все это в целом создаст благоприятные условия для развертывания летом еще более значительных наступательных операций Красной Армии на всем фронте от Балтики до Черного моря.

Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены. На Юго-Западное направление было выделено меньше сил, чем на Западное.

Стратегические резервы соответственно сосредоточивались, в основном, возле Тулы, Воронежа, Сталинграда и Саратова. Критически оценивая теперь принятый тогда план действий на лето 1942 года, вынужден сказать, что самым уязвимым оказалось в нем решение одновременно обороняться и наступать.

Мы тщательно следили за планами германского командования. Соотношение сил на советско-германском фронте к маю было следующее: Красная Армия имела 5,1 млн. человек (без войск ПВО страны и Военно-Морского флота), почти 3,9 тыс. танков, 44,9 тыс. орудий и минометов и около 2,2 тыс. боевых самолетов. Немецко-фашистская армия имела – 6,2 млн. человек, 3229 танков и штурмовых орудий, до 57 тыс. орудий и минометов и 3395 боевых самолетов.

Таким образом, к началу летней кампании превосходство в людях было на стороне врага, в танках – у нас. Летним наступлением гитлеровцы рассчитывали добиться не только переломных военно-стратегических результатов, но и парализовать экономику Советского государства. Они полагали, что в результате решительного наступления на кавказском и сталинградском направлениях, после захвата кавказской нефти, донецкой индустрии, промышленности Сталинграда, с выходом на Волгу и, после того, как им удастся лишить нас связи с внешним миром через Иран, они добьются необходимых предпосылок для разгрома Советского Союза.

С середины апреля и до 8 мая 1942 года я, выполняя задания Ставки, находился в войсках Северо-Западного фронта и вместе с его командованием решал задачу ликвидации окруженной демянской группировки фашистов. Из ежедневных разговоров с начальником Генерального штаба и из докладов работников Оперативного управления мне было известно, что предпринимавшиеся в то время Крымским фронтом попытки с Керченского полуострова освободить весь Крым, несмотря на большое превосходство в силах над противником, закончились неудачей. Ставка приказала фронту во второй половине апреля прекратить наступление и организовать прочную, глубоко эшелонированную оборону. В распоряжении Крымского фронта была тогда двадцать одна стрелковая дивизия, 3577 орудий и минометов, 347 танков, 400 самолетов (175 истребителей и 225 бомбардировщиков). Враг же имел здесь десять с половиной пехотных дивизий, 2472 орудия и миномета, 180 танков и тоже до 400 самолетов. Таким образом, наше превосходство было налицо.

24 апреля И. В. Сталин по телефону сообщил мне, что напряженнейшая работа подорвала здоровье Б. М. Шапошникова

и что Ставка, в связи с этим, вынуждена освободить его от работы, дать ему возможность подлечиться, отдохнуть, что принято решение временно исполнение обязанностей начальника Генерального штаба возложить на меня, освободив меня от непосредственного руководства Оперативным управлением Генштаба. Вечером того же дня для меня был передан в штаб Северо-Западного фронта приказ наркома обороны об этом, а 26 апреля мне было присвоено звание генерал-полковника…

Несмотря на то, что превосходство в силах у войск нашего Крымского фронта над врагом было значительным, 8 мая немецко-фашистские войска нанесли удар в Крыму на Керченском полуострове вдоль побережья Черного моря, прорвали оборону в полосе 44-й армии и вклинились в глубину на расстояние до 8 км. 9 мая я получил указание И. В. Сталина немедленно вернуться в Москву.

К вечеру первого дня наступления врага Верховный Главнокомандующий получил от Л. З. Мехлиса, являвшегося тогда представителем Ставки Верховного Главнокомандования при руководстве и в войсках Крымского фронта, телеграмму следующего содержания:

> «Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7 мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указание армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10–15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начальством, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопротивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии».

В ответе Мехлису Верховный писал:

> «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы – не посторонний наблюдатель, а

ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта, и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас. Значит, Вы еще не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки. Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и Вы могли бы сами справиться с ними. Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте».

В течение двух дней почти все войска Крымского фронта оказались втянутыми в бой. Утром 10 мая Ставка приказала отвести войска фронта на линию Турецкого вала и организовать там оборону, но командование фронта, не выполнив приказ Ставки, затянуло отвод на двое суток и к тому же не сумело правильно организовать его. В результате враг 14 мая прорвался к окраинам Керчи. Начались отход наших войск на восток и переправа через Керченский пролив на Таманский полуостров. Войска несли большие потери.

Ставка детально изучила ход Керченской операции. Мы пришли к выводу, что руководство войсками фронта со стороны командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова, члена военного совета дивизионного комиссара Ф. А. Шаманина, начальника штаба генерал-майора П. П. Вечного и представителя Ставки Верховного Главнокомандования армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса было явно несостоятельным.

Поражение в Керчи было досадным и несло за собой тяжелые последствия для Севастополя. Поэтому Ставка отнеслась к этому чрезвычайно строго. В своей директиве от 4 июня 1942 года она указывала: «Основная причина провала Керченской операции заключается в том, что командование фронта – Козлов, Шаманин, Вечный, представитель Ставки Мехлис, командующие армиями

фронта, и особенно 44-й армии – генерал-лейтенант Черняк и 47-й армии – генерал-майор Колганов, обнаружили полное непонимание природы современной войны…». Далее конкретно указывалось, в чем это выразилось. Командование Крымского фронта растянуло дивизии в одну линию, не считаясь с открытым равнинным характером местности, вплотную пододвинуло всю пехоту и артиллерию к противнику; вторых и третьих эшелонов, не говоря уже о резервах в глубине, не было создано, а потому, после прорыва противником линии фронта, командование не сумело противопоставить достаточные силы врагу, своевременно задержать его наступление, а затем и ликвидировать прорыв. Командование фронта в первые же часы наступления противника выпустило из рук управление войсками, ибо первым же налетом авиация врага разбомбила хорошо известные ей и длительное время не сменявшиеся командные пункты фронта и армий, нарушила проволочную связь, расстроила узлы связи. По преступной халатности штаба фронта о радиосвязи и других средствах связи забыли. Командование фронта не организовало взаимодействия армий и совершенно не обеспечивало взаимодействия наземных сил с авиацией фронта. Отвод войск происходил неорганизованно.

В директиве давался анализ тактики врага, совершенно не разгаданной командованием фронта. «Противник, нанося главный удар против левого фланга фронта, – говорилось в ней, – сознательно вел себя пассивно против правого нашего фланга, будучи прямо заинтересован в том, чтобы наши войска на этом фланге оставались на своих позициях, и рассчитывая нанести им удар с выходом своей ударной группировки на тылы наших войск, остававшихся в бездействии на правом фланге. Когда же на второй день после начала наступления противника, учитывая обстановку, сложившуюся на Крымском фронте, и видя беспомощность командования фронта, Ставка приказала планомерно отвести армии фронта на позиции Турецкого вала, командование фронта и товарищ Мехлис своевременно не обеспечили выполнение приказа Ставки, начали отвод с опозданием на двое суток, причем отвод происходил неорганизованно и беспорядочно. Командование фронта не обеспечило выделения достаточных арьергардов, не установило этапов отхода, не наметило промежуточных рубежей отвода и не прикрыло подхода войск к Турецкому валу заблаговременной выброской на этот рубеж передовых частей».

Ставка резко оценила метод руководства войсками со стороны командования фронта и Л. З. Мехлиса. Называя этот метод бюрократическим и бумажным, Ставка считала его второй

причиной неудач наших войск на Керченском полуострове.

> «Товарищи Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состояла в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования. Каи показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск. Командование фронта не обеспечило даже доставки своих приказов в армии». Такой факт имел место с приказом для 51-й армии, ей было приказано прикрыть отвод всех сил фронта за Турецкий вал. Однако приказ даже не был доставлен командарму. «В критические дни операции командование Крымского фронта и товарищ Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях военного совета».

Третьей причиной неуспехов на Керченском полуострове Ставка считала недисциплинированность Козлова и Мехлиса, которые нарушили указание Ставки и не обеспечили его выполнения, не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом войск явилось гибельным для исхода всей операции. Ставка строго взыскала с виновных, сняла их с занимаемых постов, снизила в воинских званиях. Ставка потребовала от командующих и военных советов всех фронтов и армий, чтобы они извлекли уроки из этих ошибок:

> «Задача заключается в том, чтобы наш командный состав по-настоящему усвоил природу современной войны, понял необходимость глубокого эшелонирования войск и выделения резервов, понял значение организации взаимодействия всех родов войск, и особенно, взаимодействия наземных сил с авиацией. Задача заключается в том, чтобы наш командный состав решительно покончил с порочными методами бюрократическо-бумажного руководства и управления войсками, не ограничивался отдачей приказов, а бывал почаще в войсках, в армиях, дивизиях и помогал своим

подчиненным в деле выполнения приказов командования. Задача заключается в том, чтобы наш командный состав, комиссары и политработники до конца выкорчевали элементы недисциплинированности в среде больших и малых командиров»[26].

Потеря Керченского полуострова поставила в исключительно тяжелое положение наши войска, защищавшие Севастопольский оборонительный район. Против них теперь были повернуты все силы 11-й немецкой армии. 250 огненных дней и ночей продолжалась оборона героического города. В начале июля 1942 года, когда выяснилось, что третье наступление врага отразить не удастся, часть защитников Севастополя была эвакуирована на Черноморское побережье Кавказа. Но на берегу оставалось еще немало бойцов, которые продолжали самоотверженную борьбу вплоть до 9 июля. Отдельные подразделения ушли к крымским партизанам и продолжали там борьбу.

Военная обстановка на южном крыле советско-германского фронта изменилась в пользу врага после овладения им Крымом.

Не радовало Ставку и Генштаб положение и в районе Барвенково. Фашисты вновь захватили здесь инициативу в свои руки и добились крайне выгодных условий для дальнейшего осуществления своих замыслов.

В конце марта, как я уже упоминал, Ставка рассматривала предложение командования Юго-Западного направления о проведении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов крупной наступательной операции с целью разгрома группировки противника на южном крыле советско-германского фронта с последующим выходом наших войск на линию Гомель – Киев – Черкассы – Первомайск – Николаев. Командование направления просило у Ставки дополнительно значительных сил и средств. Тогда же Генштаб доложил Верховному Главнокомандующему, что не согласен с этим предложением. И. В. Сталин одобрил наше решение, но в то же время дал С. К. Тимошенко согласие на разработку частной, более узкой, чем тот намечал, операции с целью разгрома харьковской группировки врага наличными силами и средствами Юго-Западного направления.

Этот переработанный план 10 апреля был направлен в Ставку. Он предусматривал ударами из района Волчанска и с Барвенковского плацдарма по сходящимся направлениям разгромить здесь группировку врага, овладеть Харьковом и создать предпосылки для освобождения Донбасса. Б. М. Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся Барвенковский выступ для

войск Юго-Западного фронта, предназначавшихся для этой операции, внес предложение воздержаться от ее проведения. Однако командование направления продолжало настаивать на своем предложении и заверило Сталина в полном успехе операции. Он дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления, и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться.

28 апреля командование Юго-Западного направления издало директиву по предстоящей операции; за ней последовали директивы командующим армиями. Рассматривался ли дополнительно в Ставке вопрос об этой операции в период ее подготовки, сказать не могу, так как во второй половине апреля по заданию Ставки, как уже говорилось, я находился на Северо-Западном фронте.

12 мая, то есть в разгар неудачных для нас событий в Крыму, войска Юго-Западного фронта, упредив противника, перешли в наступление. Сначала оно развивалось успешно, и это дало Верховному Главнокомандующему повод бросить Генштабу резкий упрек в том, что по нашему настоянию он, чуть было, не отменил столь удачно развивающуюся операцию. Но уже 17 мая ударная группировка противника в составе 11 дивизий армейской группы генерал-полковника Клейста перешла в контрнаступление из района Славянск, Краматорск и, прорвав фронт обороны 9-й армии, начала серьезно угрожать 57-й армии Южного фронта, а затем и ударной группировке Юго-Западного фронта. Как выяснилось, командование и штаб Юго-Западного направления, планируя операцию, не приняли необходимых мер для обеспечения своей ударной группировки со стороны Славянска.

Получив первые сообщения из штаба направления о тревожных событиях, я вечером 17 мая связался по телефону с начальником штаба 57-й армии, моим давним сослуживцем генерал-майором А. Ф. Анисовым, чтобы выяснить истинное положение вещей. Поняв, что обстановка там критическая, я тут же доложил об этом И. В. Сталину. Мотивируя тем, что вблизи не имеется резервов Ставки, которыми можно было бы немедленно помочь Южному фронту, я внес предложение прекратить наступление Юго-Западного фронта с тем, чтобы часть сил из его ударной группировки бросить на пресечение вражеской угрозы со стороны Краматорска. Верховный Главнокомандующий решил переговорить сначала с главкомом Юго-Западного направления маршалом Тимошенко. Точное содержание телефонных переговоров И. В. Сталина с С. К. Тимошенко мне неизвестно. Только через некоторое время меня вызвали в Ставку, где я снова изложил свои опасения за Южный фронт и повторил

предложение прекратить наступление. В ответ мне было заявлено, что мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а потому Юго-Западный фронт будет продолжать наступление…

С утра 18 мая обстановка для наших войск на Барвенковском выступе продолжала резко ухудшаться, о чем я прежде всего доложил Верховному. Часов в 18 или 19 того же дня мне позвонил член военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущев. Он кратко проинформировал меня об обстановке на Барвенковском выступе, сообщил, что И. В. Сталин отклонил их предложения о немедленном прекращении наступления, и попросил меня еще раз доложить Верховному об этой их просьбе. Я ответил, что уже не однажды пытался убедить Верховного в этом и что, ссылаясь как раз на противоположные донесения военного совета Юго-Западного направления, Сталин отклонил мои предложения. Поэтому я порекомендовал Н. С. Хрущеву, как члену Политбюро ЦК, обратиться непосредственно к Верховному. Вскоре Хрущев сообщил мне, что разговор с Верховным через Г. М. Маленкова состоялся, что тот подтвердил распоряжение о продолжении наступления.

19 мая ударная группировка противника, действовавшая на Барвенковском выступе, вышла в тыл советским войскам, и только тогда Тимошенко отдал, наконец, приказ прекратить дальнейшее наступление на Харьков и использовать основные силы нашей ударной группировки для ликвидации прорыва и восстановления положения в полосе 9-й армии. Верховный утвердил это решение. Но, к сожалению, состоялось оно слишком поздно: три армии Южного и Юго-Западного фронтов понесли тяжелые потери. Погибли в неравном бою командарм-57 генерал-лейтенант К. П. Подлас, начальник штаба генерал-майор А. Ф. Анисов, член военного совета бригадный комиссар А. И. Попенко, командарм-6 генерал-лейтенант А. М. Городнянский, член военного совета бригадный комиссар А. И. Власов, командующий армейской группой генерал-майор Л. В. Бобкин и заместитель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко. Из окружения сумела выйти лишь меньшая часть нашей ударной группировки во главе с членом военного совета этого фронта дивизионным комиссаром К. А. Гуровым и начальником штаба 6-й армии А. Г. Батюней. В середине июня Юго-Западный фронт был вынужден еще дважды отступать и отойти за реку Оскол. В результате этих неудач и обстановка, и соотношение сил на юге резко изменились в пользу противника. Изменились, как видим, именно там, где немцы наметили свое летнее

наступление. Это и обеспечило им успех прорыва к Сталинграду и на Кавказ.

Я пишу все это не для того, чтобы в какой-то степени оправдать руководство Генштаба. Вина ложится и на его руководителей, так как они не оказали помощи Юго-Западному направлению. Пусть нас отстранили от участия в ней. Но и это не снимало с нас ответственности: мы могли организовать хотя бы отвлекающие удары на соседних направлениях, своевременно подать фронту резервы и средства, находившиеся в распоряжении советского командования.

Неудача постигла нас, как это видно из главы о битве за Ленинград, и на северо-западе.

Кончался первый год войны. Его итоги, особенно апрельско-июньские события, не радовали советское командование. Однако главные испытания были впереди. Предстояли Сталинградская битва и борьба за Кавказ. Там, на юге, ситуация осложнялась с каждым днем. Сосредоточив около 90 дивизий и овладев боевой инициативой, фашисты рвались к среднему и нижнему течению Дона. В этой обстановке ЦК партии 12 июня принял решение о коренном улучшении партийно-политической работы в войсках. При Главном политическом управлении, политуправлениях фронтов и политотделах армий были созданы коллективы агитаторов, при ГлавПУРе образовали совет военно-политической пропаганды.

В мае 1942 года Б. М. Шапошников по настоянию врачей обратился в Государственный Комитет Обороны с просьбой перевести его на менее ответственную и более спокойную работу. Просьба его была удовлетворена. Ему, как заместителю наркома обороны, поручили наблюдение за деятельностью военных академий и организацию разработки новых наставлений и уставов, обязав его при этом уделять работе не больше пяти-шести часов в сутки, строго выполняя все предписания врачей. В дальнейшем он был назначен начальником Академии Генштаба.

В течение мая и июня И. В. Сталин неоднократно обращался ко мне от имени Ставки ВГК с предложениями полностью принять на себя обязанности начальника Генерального штаба. Одна из бесед на эту тему, помню, велась в Ставке в присутствии командования Юго-Западного направления – С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущева и И. Х. Баграмяна при рассмотрении И. В. Сталиным их предложения о проведении Барвенковско-Харьковской операции. Воздушная тревога прервала нашу беседу, которая велась в кремлевском кабинете Сталина, и мы вынуждены были спуститься в убежище. Здесь Сталин после обсуждения основной темы сообщил, что Ставка занята сейчас в связи с серьезным

заболеванием Б. М. Шапошникова подысканием кандидата на занимаемый им пост. Ставка считает, заявил он, что, по ее мнению, на эту должность подошел бы давно работающий в Генштабе Василевский, но он категорически отказывается от этого. Сталин спросил мнение по моей кандидатуре у присутствующих. Первым, насколько я помню, высказался И. Х. Баграмян, предложив назначить на эту должность С. К. Тимошенко, работавшего в Наркомате обороны и отлично знавшего роль и содержание работы Генерального штаба. С. К. Тимошенко, отклонив это предложение, в свою очередь рекомендовал на эту должность Ф. И. Голикова, как отличного, по его мнению, военачальника и политработника.

И. В. Сталин вновь остановился на моей кандидатуре. Я, как и всякий раз при подобных разговорах, просил этого не делать. Я отказывался от этого назначения потому, что искренне считал себя не подготовленным для этой роли, тем более в условиях той сложной военной обстановки. Наблюдая в течение ряда лет за работой Б. М. Шапошникова и некоторых других военачальников, я отлично понимал, что подбор кандидата на должность начальника Генерального штаба является исключительно серьезной проблемой и что далеко не каждый, даже более подготовленный и опытный военачальник, чем я, может с ней справиться. Я считал, что начальник советского Генштаба обязан обладать не только глубокими военными знаниями, боевым опытом, критическим умом, но и рядом других специфических качеств. Он должен быть военачальником, пользующимся высоким авторитетом в Вооруженных Силах и стране, безусловно, с сильной волей и, в то же время, способным постоянно и во всех случаях проявлять выдержку, спокойствие и разумную гибкость в руководстве огромным и столь ответственным, разнохарактерным коллективом, каким является Генеральный штаб, и в то же время иметь и дипломатические способности.

Несмотря на все мои, казалось бы, столь настойчивые и убедительные просьбы, 26 июня 1942 года приказом Ставки я был утвержден в должности начальника Генерального штаба. В связи с этим назначением сохранился в памяти такой эпизод. В конце мая после того, как был объявлен приказ НКО об освобождении Б. М. Шапошникова по болезни от должности начальника Генштаба и о назначении его заместителем наркома обороны и приказ о временном возложении на меня обязанностей начальника Генштаба, при одном из моих докладов И. В. Сталину в присутствии некоторых из членов Политбюро, в том числе В. М. Молотова, И. В. Сталин неожиданно для меня спросил, знаю ли я работника Академии Генштаба генерал-майора Исаева. Я ответил,

что знаю, но недостаточно. Первая моя встреча и знакомство с ним у меня произошли в 1935 году на одной из полевых поездок в Белоруссию, когда он являлся посредником при оперативном отделе одной из армий, участвовавшей в учениях. Тогда он произвел на меня впечатление, правда, несколько излишне придирчивого, но в целом вполне подготовленного в оперативном отношении штабного работника. Впоследствии мы встречались с ним в 1936 году как однокурсники Академии Генерального штаба, но занимались в различных учебных группах, так что по академии я ничего нового о нем добавить не смог.

Выслушав мой ответ, И. В. Сталин передал мне письмо, адресованное Исаевым в ЦК ВКП(б), и попросил прочитать. В письме Исаев высказывал свое отношение к назначению А. Василевского. Писал он примерно следующее: он как честный коммунист обязан доложить о большой серьезной ошибке, допускаемой ЦК партии при решении этого важнейшего для Вооруженных Сил вопроса. Василевский, являясь примерным коммунистом, отлично подготовленным в области тактики и хорошим методистом, по своей оперативной подготовке и по складу характера, к должности начальника Генерального штаба ни в коей мере не подходит.

– Что вы скажете на это? – спросил меня И. В. Сталин.

Я ответил, что Исаев высказал Центральному Комитету истинную правду.

В этот период В. М. Молотов готовился к полету в Великобританию и США для серьезных переговоров с руководителями этих стран о дальнейшем ведении войны против гитлеровской Германии, и, в частности, о скорейшем открытии в Европе второго фронта. Сталин предложил В. М. Молотову взять в поездку в качестве своего военного помощника Исаева и поближе познакомиться с ним. За границей Исаев получил травму, если не ошибаюсь, ноги и очутился в одном из госпиталей Великобритании.

После возвращения он снова стал преподавателем Академии Генштаба.

После неудачи под Харьковом наши войска перешли к обороне. 28 июня гитлеровские войска группы генерал-полковника Вейхса перешли в наступление из районов восточнее Курска. Фашистское командование рассчитывало этим наступлением и ударами из Волчанска на Воронеж окружить и уничтожить войска Брянского фронта, прикрывавшие воронежское направление, а затем поворотом на юг, с дополнительным ударом из района Славянска, уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов, и открыть себе дорогу

к Волге и на Северный Кавказ. С этой целью врагом была создана за счет группы армий «Юг» группа армий «Б» (под командованием возвращенного на советско-германский фронт генерал-фельдмаршала Т. фон Бока) в составе 2-й и 6-й полевых, 4-й танковой немецких и 2-й венгерской армий. Для действий на северокавказском направлении была создана группа армий «А» во главе с прежним командующим оккупационными войсками на Балканах, одним из организаторов фашистских преступлений в Югославии и Греции генерал-фельдмаршалом В. Листом, в которую входили 11-я и 17-я полевые, 1-я танковая немецкие и 8-я итальянская армии. Всего противник сосредоточил для решения первой задачи к 1 июля 1942 года 900 тыс. солдат и офицеров, более 1,2 тыс. танков, свыше 17 тыс. орудий и минометов, 1640 боевых самолетов. У нас в составе войск Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов к тому времени насчитывалось в общей сложности 1715 тыс. человек, около 2,3 тыс. танков, 16,5 тыс. орудий и минометов, 758 боевых самолетов. Таким образом, по количеству людей и боевой техники наши войска на этом участке советско-германского фронта уступали врагу примерно в полтора раза.

Перешедшие в наступление войска армейской группы генерал-полковника Вейхса (2-я полевая, 4-я танковая немецкие и 2-я венгерская армии из группы армий «Б») прорвали оборону на стыке 13-й (генерал-майора Н. П. Пухова) и 40-й (генерал-лейтенанта артиллерии М. А. Парсегова) армий Брянского фронта и за два дня продвинулись в глубину на 40 км. Управление нашими армиями нарушилось. В некоторых отечественных работах высказывается мнение, будто основной причиной поражения войск Брянского фронта в июле 1942 года является недооценка Ставкой и Генеральным штабом курско-воронежского направления. С таким мнением согласиться нельзя. Неверно и то, что Ставка и Генеральный штаб не ожидали здесь удара. Ошибка, как уже говорилось, состояла в том, что мы предполагали главный удар фашистов не на юге, а на центральном участке советско-германского фронта. Поэтому Ставка всемерно, в ущерб югу, укрепляла именно центральный участок, особенно его фланговые направления. Наиболее вероятным, опасным для Москвы мы считали орловско-тульское направление, но не исключали и курско-воронежского, с последующим развитием наступления врага в глубокий обход Москвы с юго-востока. Уделяя основное внимание защите столицы, Ставка значительно усиливала и войска Брянского фронта, прикрывавшие орловско-тульское и курско-воронежское направления. Еще в апреле и первой половине мая Брянский фронт дополнительно получил

четыре танковых корпуса, семь стрелковых дивизий, одиннадцать стрелковых и четыре отдельные бригады, а также значительное количество артиллерийских средств усиления. Все эти соединения, поступавшие из резерва Ставки, были неплохо укомплектованы личным составом и материальной частью.

В результате к концу июня командование Брянского фронта имело в своем резерве 5 танковых и 2 кавалерийских корпуса, 4 стрелковые дивизии, 4 отдельные танковые бригады. Кроме того, в полосе этого фронта располагалась находившаяся в резерве Ставки, полностью укомплектованная и предназначавшаяся для нанесения контрудара 5-я танковая армия.

Можно ли после этого говорить, что Ставка обошла своим вниманием Брянский фронт? Тех сил и средств, которыми он располагал, было достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление врага на курско-воронежском направлении, но и вообще разбить действовавшие здесь войска Вейхса. И если, к сожалению, этого не произошло, то только потому, что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по флангам основной группировки противника, а Ставка и Генеральный штаб, по-видимому, ему в этом плохо помогали. Действительно, как показали события, танковые корпуса при отражении наступления врага вводились в дело по частям, причем не столько для решения активных задач по уничтожению прорвавшегося врага, сколько для закрытия образовавшихся брешей в обороне наших общевойсковых армий. Командиры танковых корпусов (генерал-майоры танковых войск М. Е. Катуков, Н. В. Фекленко, М. И. Павелкин, В. А. Мишулин, В. М. Баданов) еще не имели достаточного опыта, а мы им мало помогали своими указаниями и советами. Танковые корпуса вели себя нерешительно: боялись оторваться от оборонявшейся пехоты общевойсковых армий, в связи с чем, в большинстве случаев, сами действовали по методам стрелковых войск, не учитывая своей специфики и своих возможностей.

К исходу 2 июля обстановка на воронежском направлении резко ухудшилась. Оборона на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов оказалась прорванной на глубину до 80 км. Фронтовые резервы, имевшиеся на этом направлении, были втянуты в сражение. Ударная группировка врага грозила прорваться к Дону и захватить Воронеж. Чтобы помешать этому, Ставка передала из своего резерва командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову две общевойсковые армии, приказав развернуть их по правому берегу Дона на участке Задонск – Павловск и обязав Голикова взять на себя руководство боевыми

действиями в районе Воронежа. Одновременно в распоряжение этого фронта передавали 5-ю танковую армию. Вместе с танковыми соединениями фронта она должна была нанести контрудар по флангу и тылу группировки немецко-фашистских войск, наступавшей на Воронеж.

В ночь на 3 июля корпуса 5-й танковой армии заканчивали сосредоточение к югу от Ельца. Немедленный и решительный их удар по врагу, рвавшемуся к Воронежу, мог бы резко изменить обстановку в нашу пользу, тем более что основные силы этой фашистской группировки, понеся уже довольно значительные потери и растянувшись на широком фронте, были связаны боями с нашими войсками.

Однако танковая армия никаких задач от командования фронта не получила. По поручению Ставки мне пришлось срочно отправиться в район Ельца, чтобы ускорить ввод в сражение танковой армии. Предварительно по телеграфу я передал командующему армией и командованию Брянского фронта приказание немедленно приступить к подготовке контрудара. На рассвете 4 июля я прибыл на командный пункт фронта. Уточнив обстановку, выяснив, что можно было бы дополнительно привлечь из фронтовых войск к участию в контрударе, мы вместе с начальником штаба генерал-майором М. И. Казаковым направились на КП командующего 5-й танковой армией генерал-майора А. И. Лизюкова. Здесь, произведя вместе с командармом и начальником штаба фронта рекогносцировку, я уточнил задачу 5-й танковой армии: одновременным ударом всех ее сил западнее Дона перехватить коммуникации танковой группировки врага, прорвавшейся к Дону, и сорвать ее переправу через реку. С выходом в район Землянск – Хохол 5-я армия должна была помочь войскам левого фланга 40-й армии отойти на Воронеж через Горшечное, Старый Оскол.

В тот же день я получил указание Верховного Главнокомандующего не позднее утра 5 июля быть в Ставке в связи с тем, что осложнилась обстановка на правом крыле Юго-Западного фронта. 6-я немецкая армия вышла здесь к Каменке и развивала удар в южном направлении.

Создалась угроза тылам не только Юго-Западного, но и Южного фронтов. Отдав вечером 4 июля указания о порядке ввода 5-й танковой армии в сражение и об организации взаимодействия артиллерии и авиации, возложив ответственность за осуществление задания на командарма и штаб фронта, я отбыл в Ставку.

Но, как показал дальнейший ход событий, 5-я танковая армия задания не выполнила. Ее командование, не имея опыта в

вождении таких танковых объединений, на первых порах действовало не совсем уверенно, штаб фронта ему не помогал и фактически его работу не направлял; не было поддержки со стороны фронтовых средств усиления – артиллерии и авиации. Поэтому одновременно мощного удара танков по флангу и тылу ударной группировки врага достичь не удалось. Правда, 5-я танковая армия отвлекла на себя значительные силы врага и тем самым позволила другим войскам Брянского фронта выиграть несколько дней, необходимых для организации обороны Воронежа.

Говоря здесь о 5-й танковой армии, я не могу не сказать несколько теплых слов об ее доблестном командарме генерал-майоре Л. И. Лизюкове. Моя личная встреча с ним 4 июля 1942 года была первой, но он был хорошо известен руководству Вооруженными Силами как энергичный, волевой, быстро растущий военачальник. Это и позволило Ставке уже в июне 1942 года поставить его во главе одной из первых формируемых танковых армий, возложив, к тому же, на него выполнение ответственнейшего задания.

А. И. Лизюков – один из первых Героев Советского Союза, получивших это звание в начальный период войны. К великому сожалению, описываемые сражения на воронежской земле были последними в его славной полководческой деятельности. С 6 июля 1942 года он находился в непрерывных боях, в передовых порядках танковых бригад. 24 июля Александр Ильич героически погиб.

Я невольно вспоминаю всю гомельскую семью Лизюковых и преклоняюсь перед ней: она дала Отчизне двух Героев Советского Союза. Этого высокого звания был удостоен и брат Александра Ильича полковник Петр Ильич Лизюков – командир 46-й истребительно-противотанковой артиллерийской Ленинградской бригады, сражавшейся в составе 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта, которым я тогда командовал. И он погиб смертью храбрых.

Отдал жизнь за Родину и третий брат – Евгений Ильич Лизюков, командир партизанского отряда имени Дзержинского Минского партизанского соединения.

Это ли не пример патриотизма советских людей!..

Имеет смысл, мне кажется, остановиться на причинах неудач июльских боев 1942 года на воронежском направлении.

Ставка делала все, чтобы помочь командованию Брянского фронта. Вот как оценивает события того лета бывший начальник штаба Брянского фронта, ныне генерал армии М. И. Казаков. Касаясь организации контрудара 5-й танковой армии, он в 1964

году писал: «…Кто должен был организовать этот удар? Командующий фронтом находился в районе Воронежа, и все его внимание было привлечено к обороне этого направления. Штаб фронта и только что прибывший к нам генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, временно заменявший на основном КП командующего фронтом, не могли предпринять контрудара без решения командующего фронтом. Видя такое положение, инициативу на организацию контрудара 5-й танковой армии взял на себя Генеральный штаб»[27]. Да, это точное изложение фактов. Из них вытекает следующий вывод. Командующий фронтом, убывая в Воронеж, должен был обязать свой штаб, остававшийся возле Ельца, или какое-то конкретное лицо организовать прием и ввод в сражение 5-й танковой армии, продиктовав ему свое решение. Если этого не было сделано, то штаб фронта обязан был взять это на себя по собственной инициативе, докладывая командующему фронтом о принимаемых решениях. Однако ни того, ни другого не было сделано.

Нельзя отрицать также, что одной из причин неудовлетворительного исхода июльских боев на воронежском направлении было предшествовавшее ему поражение войск Юго-Западного направления в мае-июне, которое, как уже говорилось выше, развязало врагу руки и на курско-воронежском направлении.

5 июля я вернулся в Москву и доложил о фронтовой обстановке. В результате было принято решение образовать на воронежском направлении самостоятельное фронтовое объединение. Командующим Брянским фронтом стал К. К. Рокоссовский, а войсками нового, Воронежского фронта – работавший с 15 мая по 11 июля 1942 года в должности моего заместителя по Генштабу генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Вопрос о назначении командующих был предрешен на совещании в Ставке. Я и Н. Ф. Ватутин называли возможных кандидатов, а И. В. Сталин комментировал. На должность командующего Брянским фронтом подобрали быстро: К. К. Рокоссовский был достойным кандидатом, он хорошо зарекомендовал себя как командующий армиями. Сложнее оказалось с кандидатурой на командующего Воронежским фронтом. Назвали несколько военачальников, но Сталин отводил их. Вдруг встает Николай Федорович и говорит:

– Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом.

– Вас? – И Сталин удивленно поднял брови.

Я поддержал Ватутина, хотя было очень жаль отпускать его из Генерального штаба.

И. В. Сталин немного помолчал, посмотрел на меня и ответил:

– Ладно. Если товарищ Василевский согласен с вами, я не возражаю.

М. И. Казаков в своих воспоминаниях сообщает, что командование Брянским фронтом, после передачи в его состав 40-й армии и сформирования 48-й армии, еще в 20-х числах апреля вносило предложение о создании Воронежского фронта, но Ставка с этим предложением не согласилась. Мне лично об этом ничего известно не было. Возможно, потому, что меня в то время не было в Москве. Моя же точка зрения по этому поводу такова. Создавать Воронежский фронт в апреле 1942 года было преждевременно. Ведь основные силы оставались тогда на орловском направлении и севернее него. Что же дало бы образование нового фронта? Целесообразность, а в дальнейшем и необходимость создания самостоятельного фронтового управления на курско-воронежском направлении возникла только в начале июня, когда войска Южного и Юго-Западного фронтов с большими потерями начали отходить на восток. Именно тогда удар противника на Воронеж стал вероятен, и Ставка приступила к подаче сюда значительных сил из своих резервов. Фактически же этот фронт был создан с запозданием, 7 июля, когда войска противника уже почти подошли к Воронежу. И вина за это ложится, прежде всего, на Генеральный штаб и его руководство независимо от того, ставился кем-либо ранее этот вопрос или нет.

Хотя наступление врага на Воронеж было в те дни приостановлено, обстановка для нас оставалась крайне напряженной. 7 июля 6-я полевая и 4-я танковая немецкие армии начали наступление из района южнее Воронежа вдоль правого берега Дона, а 1-я танковая армия – из района Артемовска в направлении на Кантемировку. Противник стремился во что бы то ни стало выйти в большую излучину Дона. Юго-Западный и Южный фронты продолжали отход на восток. К середине июля враг захватил Валуйки, Россошь, Богучар, Кантемировку, Миллерово. Перед ним открывались восточная дорога – на Сталинград и южная – на Кавказ. Переход Красной Армии к стратегической обороне давался нелегко.

При всех неудачах наших войск весной и летом 1942 года в событиях того периода главное состояло в том, что Красная Армия вела активные маневренные оборонительные действия, которые подготовили условия для срыва второго «генерального» наступления гитлеровцев на советско-германском фронте.

Накануне величайшей битвы – сражения за Сталинград – знаменовавшей коренной перелом в ходе Великой Отечественной

войны и мировой войны в целом, осуществлялись операции сравнительно меньшего, местного значения. Начиналась подготовка к новой попытке прорвать ленинградскую блокаду. Периодически возобновлялись атаки по ликвидации Демянского плацдарма врага и на других рубежах, от Ржева до Ильменского озера.

Фронтовая линия пересекла Родину, извиваясь по холмам и долам, от Мурманска к Черноморью. Страна готовилась к решающей схватке.

Между Доном и Волгой

В большой излучине. – У волжского берега. – Сталинградцы на обороне города. – Меры, принятые Ставкой в помощь Сталинграду. – «Недопустимо никакое промедление». – План контрнаступления – результат коллективного труда

Летом 1942 года в Генштабе шла напряженная работа. Весенние неудачи советских войск на юге переживались нами тяжело. Мы сознавали и свою долю вины в этом, хотя в приказе Верховного Главнокомандующего о Генштабе ничего не говорилось. Просчеты при проведении весенних операций послужили для нас серьезным уроком. Оперативный состав внимательно анализировал события на фронте, особенно на юге и в излучине Дона. Перед работниками Генштаба вставали все новые задачи, одна другой сложнее. Первейшая среди них – организация постоянного и прочного управления войсками, подчинение их действий единому замыслу Ставки.

Как ни тяжело было это сознавать, на повестку дня встал вопрос защиты Сталинграда. Его географическое и экономическое положение определяли и его стратегическое значение.

Три десятилетия назад слово «Сталинград» вошло в словарный фонд всех языков мира и с той поры напоминает о битве, которая по размаху, напряжению и последствиям превзошла все вооруженные столкновения прошлых времен.

Когда иностранные делегации или туристы посещают Советский Союз, в числе маршрутов их путешествий есть и тот, что ведет к городу, расположенному на Нижней Волге, у ее крутого изгиба. Паломничество сюда не простое любопытство. Ибо этот город долгое время был центром ожесточенных и кровопролитных боев, здесь неумолчно дни и ночи гремели взрывы бомб и снарядов, дымились развалины зданий, плавился асфальт площадей и улиц, бушевал огонь на самой реке, покрытой нефтью, хлынувшей из разрушенных хранилищ.

В течение четырех месяцев немецкое командование, несмотря на огромные потери в живой силе и в технике, предпринимало многократные попытки овладеть городом. Тщетно! «Выстоять и победить!» – эта лаконичная заповедь прочно, как нерушимая клятва, вошла в сознание защитников волжской твердыни, выражала непоколебимую решимость обескровить и уничтожить ненавистного врага. Каждый из них отчетливо сознавал, что именно здесь, на берегах Волги, решался исход не только Отечественной, во и второй мировой войны.

Советские воины сдержали клятву. Они увенчали Сталинградскую битву своей блистательной победой. «Весть об этой победе советских войск, – отмечал Л. И. Брежнев, – прокатилась по всей оккупированной Европе. Она проникла в застенки гитлеровских тюрем и за колючую проволоку лагерей смерти. Она вселяла веру в неизбежную гибель фашизма, звала к сопротивлению и борьбе». Вот почему жители всех континентов, бывая нашими гостями, хотят почтить память павших героев Сталинграда, воздать им дань глубочайшего уважения, взять и увезти с собой горсть здешней: земли, ставшей воистину священной.

Да, Сталинград вселил в сердца порабощенных народов надежду на освобождение от тяжелых пут фашистских извергов. Но с его именем связано еще и другое – торжество советского военного искусства. Известно, что нацистские генералы прямо-таки бредили идеей «Канн», полагая, что только им подвластно ведение операций на окружение. О советских военачальниках они с пренебрежением писали как о неспособных постичь мастерство вождения войск на полях современной войны. Однако именно советские полководцы устроили противнику под Сталинградом грандиозные «Канны» XX века. Более того, такая сложнейшая форма оперативного маневра, как наступление по сходящимся направлениям с целью окружения вражеских войсковых группировок, оставалась типичной для боевой деятельности Красной Армии до конца войны.

Вспоминая об обстановке, предшествовавшей Сталинградской битве, о намерениях противника на летнюю кампанию 1942 года, надо сказать следующее.

Обстановка того времени оставалась для нашей страны весьма трудной. Под пятой фашистских оккупантов находились Прибалтика и Белоруссия, Украина и Молдавия, западные и южные области Российской федерации. Враг продолжал блокаду Ленинграда, держал крупные силы войск неподалеку от Москвы. Накопленные с большим напряжением стратегические резервы были израсходованы в боях под Москвой. Несмотря на то, что усилиями партии, всего советского народа к лету 1942 года были достигнуты немалые результаты в развитии народного хозяйства, оно пока что обеспечивало армию лишь минимально необходимыми средствами для организации отпора вражеским полчищам. Обстановку усугубил, как уже говорилось ранее, неудачный для наших войск исход боевых действий весной 1942 года под Ленинградом, Харьковом и в Крыму.

Рассчитывать на действенную помощь со стороны союзников по антигитлеровской коалиции не приходилось. Они все еще

затягивали открытие второго фронта в Европе. Вместо развертывания боевых действий в Европе, их внимание было направлено на второстепенные, удаленные на огромные расстояния от Германии театры, которые не отвлекали на себя сколько-нибудь значительных сил фашистского блока. Напомним, что в Северной Африке против английской армии действовало в мае 1942 года всего лишь восемь итальянских и три немецкие дивизии.

Совершенно очевидно, что такая политика американо-английских правящих кругов по отношению к Советскому Союзу позволила немецкому командованию привлечь для борьбы против Советского Союза значительные дополнительные силы. На 1 мая 1942 года на советско-германском фронте действовало 217 дивизий и 20 бригад противника, то есть около 80 % всех сухопутных войск Германии и ее союзников, а также три из пяти немецких воздушных флотов.

План немецкого командования на лето 1942 года, как явствует из директивы № 41 от 5 апреля, заключался в том, чтобы «снова овладеть инициативой», утраченной в результате поражения под» Москвой, «окончательно уничтожить живую силу, остающуюся еще в распоряжении Советов, лишить русских возможно большего количества военно-экономических центров». Однако немецкое командование не могло в то время развернуть наступление на всех стратегических направлениях советско-германского фронта, как это было летом 1941 года. Возможностей для наступления на широком фронте уже недоставало. Поэтому реализовать намеченный план противник решил путем проведения последовательных наступательных операций в соответствии с имеющимися силами и складывающейся обстановкой. План предусматривал первоначально «сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее Дона и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет». С прорывом на Кавказ гитлеровская клика связывала вовлечение Турции, занимавшей далеко не добрососедскую позицию по отношению к Советскому Союзу, в войну на стороне Германии, а также подготовку к вторжению на Ближний Восток.

Итак, целью «главной операции» провозглашался Кавказ. Чтобы обезопасить левое крыло войск, предназначенных для достижения этой цели, оказать им содействие в быстром продвижении вперед, немецкое командование решило нанести удар на сталинградском направлении. В упомянутой директиве № 41 указывалось на необходимость «попытаться достигнуть

Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций».

Таким образом, данному направлению в плане врага отводилась вспомогательная роль. Но вскоре это направление, вопреки расчетам и желанию нацистских стратегов, из вспомогательного превратилось в решающее направление борьбы на всем советско-германском фронте.

В связи с предстоящим наступлением немецкое командование 9 июля осуществило намеченное еще в апреле 1942 года разделение группы армий «Юг». Во вновь созданную группу армий «Б» вошли 2-я, 6-я и 4-я танковая немецкие армии и 2-я венгерская армия. В группу армий «А» вошли 11-я, 17-я и 1-я танковая немецкие армии.

Начало Сталинградской битвы, на отдельных этапах которой действовало с обеих сторон свыше 2 млн. человек, более 2 тыс. танков и столько же самолетов, 26 тыс. орудий и минометов, восходит к середине июля 1942 года. По характеру событий битва состояла из двух ярко выраженных периодов: оборонительного – на подступах к Сталинграду и в самом городе (с 17 июля по 18 ноября) и наступательного, завершившегося ликвидацией огромной группировки врага (с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года).

Первоначально задачу овладения Сталинградом фашистское командование возлагало на 6-ю и 4-ю танковую армии. Нацистские стратеги полагали, что советские войска, ослабленные в предыдущих боях, не окажут на пути к Сталинграду серьезного сопротивления. Они настолько уверовали в это, что даже в середине июля повернули 4-ю танковую армию на юг для действий на Кавказе, включили в ее состав несколько соединений 6-й армии. Однако их надежды на легкую и скорую победу были развеяны еще в большой излучине Дона. Это сделали советские воины, отстаивавшие с непреклонной решимостью каждый метр родной земли.

Беспримерным мужеством, безмерной отвагой советские воины сорвали план немецкого командования – разгромить наши войска на правом берегу Дона и с ходу захватить Сталинград. В отражении вражеского натиска большую роль сыграло решение Ставки Верховного Главнокомандования о выдвижении из ее резерва для прикрытия сталинградского направления войск 63-й, 62-й и 64-й армий. Из них и из отошедшей за Дон 21-й армии и 8-й воздушной армии был создан Сталинградский фронт.

В середине июля войска Сталинградского фронта развернулись для обороны: 63-я армия генерал-лейтенанта В. И.

Кузнецова по левому берегу Дона от Павловска до Серафимовича, 21-я армия генерал-майора А. И. Данилова – от Серафимовича до Клетской, 62-я армия генерал-майора В. Я. Колпакчи (его сменил вскоре генерал-лейтенант А. И. Лопатин) – западнее Дона в его большой излучине на 100-километровом фронте от Клетской до Суровикино.

На рубеж от Суровикино до Верхне-Курмоярской, примерно по меридиану прямо с севера на юг, выходили части 64-й армии генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, срочно перебрасываемые по железной дороге из района Тулы. Далее по Дону занимала фронт 51-я армия Южного фронта, отошедшая с 28 июля под командованием генерал-майора Т. К. Коломийца к Северо-Кавказскому фронту. Таким образом, Верховному Главнокомандованию пришлось фактически создать новый фронт в 500-километровой полосе от Павловска до Верхне-Курмоярской, чтобы остановить врага и прикрыть сталинградское направление. На это была израсходована значительная часть стратегических резервов, подготовлявшихся ранее для летнего наступления.

Оборонительным действиям наших войск Генштаб и Ставка стремились придать характер стратегической обороны, чтобы тем самым сорвать новое «генеральное» наступление гитлеровской армии.

Политбюро ЦК ВКП(б), учитывая опасность обстановки, 14 июля приняло решение об объявлении в Сталинградской области военного положения.

Оборонительные сражения на дальних подступах к Сталинграду начались еще 17 июля со столкновений нашей 62-й армии и войск 6-й немецкой армии на реке Чир. После упорного боя передовые части 62-й армии вынуждены были отойти на основной оборонительный рубеж, занятый главными силами армии. Все попытки немецких войск прорвать с ходу нашу оборону вплоть до 23 июля срывались. В то же время через фронт обороны 62-й армии отходили потерпевшие поражение в борьбе за Восточную Украину и Придонье разрозненные войска 38-й и 28-й армий. Ставка приняла решение на базе этих армий сформировать в рамках Сталинградского фронта 1-ю и 4-ю танковые армии смешанного состава.

Натолкнувшись на ожесточенное сопротивление советских войск, немецко-фашистское командование с первых дней операции по овладению Сталинградом стало усиливать свою 6-ю армию частями, перебрасываемыми с других участков фронта, главным образом из-под Воронежа. Уже к 23 июля враг имел против Сталинградского фронта 18 дивизий вместо 14, с которыми он начал операцию. Создав превосходство в силах и

возобновив наступление, противник прорвал на правом фланге 62-й армии оборону и своими подвижными войсками вышел к Дону у Каменского, глубоко охватив с севера левый фланг этой армии. Продолжая развивать прорыв, он окружил возле Майоровского около трех советских стрелковых дивизий и танковую бригаду и выходом крупных сил к Верхне-Бузиновке и Сухановскому создал непосредственную угрозу не только переправам через Дон, но и всем войскам 62-й и 64-й армий, оборонявшимся в большой излучине Дона. Для ликвидации этой серьезной опасности вновь потребовались немедленные меры.

Резервов у Ставки в районе Сталинграда, за исключением еще не готовых к действиям 1-й и 4-й танковых армий, не было. 1-я танковая армия генерал-майора К. С, Москаленко к тому времени получила лишь управление двух танковых корпусов, с ними 160 танков и одну стрелковую дивизию; 4-я танковая армия генерал-майора В. Д. Крюченкина имела одни танковый корпус (80 танков) и одну стрелковую дивизию. Правда, во фронтовом резерве находилась 57-я армия генерал-майора Ф. И. Толбухина, но и она только начала получать пополнение. Ставка, передав фронту две формировавшиеся танковые армии, приказала восстановить утраченное положение. Одновременно из резервов Ставки в район Сталинграда перебрасывались шесть новых стрелковых дивизий.

23 июля в качестве представителя Ставки я прибыл на Сталинградский фронт. Командование его находилось в то время на наблюдательном пункте в деревне Камыши, на левом берегу Дона, в трех-четырех километрах севернее Калача. Вместе с командованием фронта мы тщательно проанализировали обстановку. Старались не упустить ни одной детали, беседовали, советовались с командирами и политработниками. Все были преисполнены решимости отстоять город на Волге. Изучение сложившейся на фронте обстановки показало, что единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон в районе Калача и к северу от него заключалась в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий. 4-я танковая армия смогла сделать это только через двое суток, но ждать ее не было возможности, иначе мы потеряли бы переправы и фашистские войска вышли бы в тыл 62-й и 64-й армиям. Поэтому пришлось пойти на немедленный удар 1-й танковой армии, а затем уж и 4-й.

Контрудар не привел к разгрому группировки врага, прорвавшейся к Дону, но, как показали последующие события, сорвал замысел противника окружить и уничтожить 62-ю армию,

сыгравшую в дальнейшем вместе с 64-й армией основную роль при обороне Сталинграда, и не позволил ему осуществить стремительный бросок для захвата Сталинграда с ходу.

В те же дни осложнилась обстановка на правом фланге 64-й армии. Фашисты потеснили растянутые на широком фронте советские соединения и овладели Нижне-Чирской. Возникла еще одна угроза – прорыва противника к Сталинграду с юго-запада.

28 июля в разгар оборонительных боев был подписан и немедленно отправлен в войска приказ № 227 народного комиссара обороны И. В. Сталина. Приказ этот сразу же привлек внимание всего личного состава Вооруженных Сил. Я был очевидцем, как заслушивали его воины в частях и подразделениях, изучали офицеры и генералы. Приказ № 227 – один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности.

Вот его некоторые положения.

> «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население». «Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке… Такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам. Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны, территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция – наши отцы, матери, жены, братья, дети. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, – стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 800 млн пудов хлеба в год и более 10 млн т металла в год. У нас уже сейчас нет преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину». «Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад!» «Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую

позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности». «Можем ли мы выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов. Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, авиаэскадрильях. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину».

Приказ предлагал «железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток», что от такого отступления не будет якобы вреда. Предписывалось также снимать командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск. Те же меры предлагалось применять и к командирам и комиссарам полков и батальонов за оставление воинами без приказа боевых позиций. Этим приказом вводились штрафные батальоны.

Некоторые буржуазные историки все содержание этого приказа сводят к мерам принуждения; отбрасывая его политические и моральные стороны, утверждают, что введенные приказом № 227 меры принуждения явились главной причиной победы советских войск под Сталинградом. Политический смысл таких передержек и манипуляций понятен.

Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость и категоричность оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время. В приказе нас, прежде всего, привлекло его социальное и нравственное содержание. Он обращал на себя внимание суровостью правды, нелицеприятностью разговора наркома и Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина с советскими воинами, начиная от рядового бойца и кончая командармом. Читая его, каждый из нас задумывался над тем, все ли силы мы отдаем борьбе. Мы сознавали, что жестокость и категоричность требований приказа шла от имени Родины, народа, и важно было не то, какие будут введены меры наказания, хотя и это имело значение, а то, что он повышал сознание ответственности у воинов за судьбы своего социалистического Отечества. А те дисциплинарные меры, которые вводились приказом, уже перестали быть непременной, настоятельной

необходимостью еще до перехода советских войск в контрнаступление под Сталинградом и окружения немецко-фашистской группировки на берегу Волги.

Но вернусь к изложению военных действий. Захватив Нижне-Чирскую, противник не смог развить успеха. У 6-й немецкой армии сил оказалось недостаточно, и ее войска вынуждены были перейти к временной обороне. Чтобы завершить операцию, немецко-фашистскому командованию ничего не оставалось, как в самом спешном порядке, одновременно с усилением 6-й армии, перенацелить 4-ю танковую армию с северокавказского на сталинградское направление. Перед последней была поставлена задача нанести удар по городу с юга, вдоль железной дороги от Котельникова. Это наступление началось 31 июля. Несмотря на численное превосходство в силах, 4-я танковая армия понесла большие потери и осуществить замысел не смогла. Большую роль в этом сыграло выдвижение командованием Сталинградского фронта из своего резерва 57-й армии на рубеж Абганерово – Райгород. 10 августа на рубеже река Аксай – Абганерово войска 4-й танковой немецкой армии вынуждены были также перейти к обороне. Переход войск 6-й и 4-й танковой немецких армий к обороне заставил вражеское командование приступить к подготовке новой наступательной операции, с тем чтобы овладеть Сталинградом одновременными концентрическими ударами этих двух армий: 6-й – из района Верхне-Бузиновки с северо-запада и 4-й танковой – из района Абганерово с юга. На перегруппировку, а также на переброску новых войск и на подготовку этой операции противнику потребовалось около недели.

Несмотря на то, что советским войскам в результате упорной борьбы удалось вначале замедлить наступление немецких войск на дальних подступах к Сталинграду, а затем и остановить их продвижение перед внешним оборонительным обводом, положение на сталинградском направлении оставалось для нас в конце первой половины августа крайне напряженным. Протяженность Сталинградского фронта возросла до 800 км. Ставка и Генеральный штаб с каждым днем все более и более убеждались в том, что командование этим фронтом явно не справляется с руководством и организацией боевых действий такого количества войск, вынужденных к тому же вести ожесточеннейшие бои на двух разобщенных направлениях. Не справлялось оно и с руководством теми мероприятиями, которые по заданиям ГКО и по требованиям военной обстановки должны были проводиться для усиления обороны города и удовлетворения нужд войск продукцией, производимой городской промышленностью. 5 августа Ставка приняла решение

разделить Сталинградский фронт на два самостоятельных фронта – Сталинградский и Юго-Восточный. В состав Юго-Восточного фронта вошли войска левого крыла прежнего Сталинградского фронта – 64-я, 57-я и 51-я армии, 13-й танковый корпус, а также 8-я воздушная армия генерал-майора Т. Т. Хрюкина. Предназначалась для него и перебрасываемая на сталинградское направление из резерва Ставки 1-я гвардейская армия. Командующим Юго-Восточным фронтом был назначен генерал-полковник А. И. Еременко, членом военного совета – Н. С. Хрущев, начальником штаба – генерал-майор Г. Ф. Захаров. В составе Сталинградского фронта остались 63-я, 21-я, 62-я и 4-я танковая армии, 28-й танковый корпус и часть авиации 8-й воздушной армии, на базе которой и авиации резерва Ставки в августе была сформирована 16-я воздушная армия генерал-майора авиации С. И. Руденко. Командующим войсками этого фронта оставался генерал-лейтенант В. Н. Гордов.

В действительности оказалось, что разделение фронтов крайне усложняло решение других вопросов, особенно массированного использования авиации, действовавшей на сталинградском направлении. Затруднилось и разрешение вопросов, связанных с оборонными мероприятиями, проводившимися местными партийными и советскими органами. 13 августа Ставка приняла решение, по которому Сталинградский фронт подчинялся командующему Юго-Восточным фронтом. Для организации руководства и управления войсками на сталинградском направлении Верховное Главнокомандование в наиболее ответственные моменты битвы направляло в Сталинград представителей ГКО и Ставки, на которых и возлагалось принятие окончательных решений по всем вопросам, возникавшим на месте.

Начиная с первой половины июля Верховное Главнокомандование систематически усиливало войска сталинградского направления за счет стратегических резервов. В августе приток войск сюда из глубины страны еще более возрос. Так, с 1 по 20 августа сюда было направлено 15 стрелковых дивизий и 3 танковых корпуса. Правда, значительная часть из них, вследствие транспортных затруднений, смогла поступить на фронты только после 20 августа. Огромную помощь войскам и командованию продолжала оказывать Сталинградская партийная организация, как в укреплении оборонительных рубежей, так и в обеспечении войск всем необходимым из того, что могла произвести местная промышленность.

Меры, принятые Ставкой, ее представителями, командованием фронтов и армий, значительно укрепили

положение войск, но эти меры, как показали последующие события, оказались далеко не достаточными, чтобы снять полностью угрозу, нависшую над Сталинградом.

Очередное наступление на Сталинград силами 6-й и 4-й танковой армий противник начал 19 августа. Разгорелись жаркие бои на ближних подступах к городу. В ходе этих боев сильной подвижной группе вражеских войск удалось прорвать оборону к северу от Калача и к 23 августа выйти к Волге севернее Сталинграда. Одновременно с прорывом нашей обороны немецкое командование предприняло 23 и 24 августа ожесточеннейшую бомбардировку города, для которой были привлечены все наличные силы его 4-го воздушного флота. Я был тогда в городе и видел, как он превращается в развалины. По ночам он напоминал гигантский костер. Нацистская пропаганда поспешила объявить, что «крепость большевиков у ног фюрера». Тогда гитлеровские трубадуры не предполагали, что настанет час и во всей Германии зазвучит погребальный звон колоколов траура по случаю потрясающего поражения на берегах Волги.

Командование Юго-Восточного фронта в эти дни находилось на командном пункте, созданном заблаговременно в штольне на левом берегу реки Царица. Здесь же находились член ГКО Г. М. Маленков, командующий ВВС А. А. Новиков и я. Представитель ГКО В. А. Малышев, заместитель наркома танковой промышленности А. А. Горегляд, первый секретарь Сталинградского обкома и горкома партии А. С. Чуянов, начальник Главного автобронетанкового управления НКО СССР Я. Н. Федоренко были на тракторном заводе, где вместе с его директором К. А. Задорожным и парторгом ЦК завода А. М. Шапошниковым руководили ремонтом и изготовлением новых танков Т-34, формированием истребительных батальонов и эвакуацией наиболее ценного заводского оборудования.

На КП фронта 23 августа поступили тревожные донесения о том, что к югу от города фашисты вклинились в нашу оборону и вышли к станции Тингута. Вместе с командованием фронта мы выработали мероприятия, которые, как нам казалось, могли бы ликвидировать угрозу городу со стороны образовавшегося с севера коридора, пока враг еще не успел там закрепиться. Для обороны города с севера и северо-запада туда были спешно выдвинуты истребительные батальоны рабочих, батальон из курсантов военно-политического училища, отряды, наскоро сформированные из народного ополчения, отдельные войсковые специальные и тыловые части Сталинградского фронта. Все это вместе взятое позволило быстро создать оборону в полосе между Доном и Волгой. В течение вечера 23 и ночи на 24 августа в

районе Самофаловки под управлением нового заместителя командующего Сталинградским фронтом генерал-майора К. А. Коваленко, которого я ранее знал по совместной работе в наркомате, была создана ударная группа из трех стрелковых дивизий, танковой бригады и 28-го танкового корпуса. Ее задача – немедленно нанести контрудар с линии Павшино – Котлубань в юго-западном направлении, закрыть прорыв у Котлубани и Большой Россошки и выходом к Дону восстановить положение. Одновременно 62-я армия должна была нанести удар из района Малых Россошек навстречу группе генерала Коваленко. Для разгрома противника, прорвавшегося к Волге, 2-й и 23-й танковые корпуса под командованием начальника автобронетанковых войск Сталинградского фронта генерал-лейтенанта А. Д. Штевнева утром 24 августа должны были нанести удар от Рынка, Орловки на Ерзовку, то есть по немецкому коридору с юга.

В результате ожесточенной авиационной бомбардировки телефонно-телеграфная связь с Москвой 23 августа прервалась. Доклад о прорыве врага к Волге нами был передан Верховному Главнокомандующему по радио; в нем говорилось о крайне серьезном положении, создавшемся у стен Сталинграда, о принимаемых нами мерах по обороне города и по ликвидации прорыва врага к Волге.

В течение ночи на 24 августа проводная связь Сталинграда с Москвой огромными усилиями связистов была восстановлена. Ранним утром Г. М. Маленков, я и командующий фронтом получили указания Ставки, в которых говорилось: «У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запугать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Используйте вовсю артиллерийские и эресовские силы… Самое главное – не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе»[28]. Короче говоря, Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед нами задачу принять все меры к обороне города, ни в коем случае не сдавать его врагу и принять немедленные и самые решительные меры к ликвидации прорвавшейся группировки противника.

Группа войск генерала К. А. Коваленко в ночь на 24 августа разгромила вражеские части, попавшие под ее удар, и к утру вышла к Большим Россошкам, где соединилась с войсками 62-й армии. Но прочно закрыть немецкий коридор она не смогла. Противник, подбросив свежие резервы, возобновил снабжение

своих войск, прорвавшихся к Волге, хотя эта работа его проводилась под непрерывным огнем нашей артиллерии.

В этот очень напряженный для нас период борьбы требовалось принять меры, которые отвлекли бы часть сил противника от Сталинграда, ослабили его нажим на войска, оборонявшие город, позволили выиграть время для организации обороны непосредственно в городе, подтянуть из-за Волги резервы. Уже к вечеру 24 августа, в ходе моего очередного телефонного разговора с Верховным Главнокомандующим, было решено в самом срочном порядке сосредоточить севернее и северо-западнее Сталинграда не менее двух-трех армий из резерва Ставки для ликвидации прорвавшегося противника и деблокирования города с севера. Одновременно было решено срочно направить несколько дивизий для усиления войск, занятых обороной непосредственно в городе.

В течение 24 августа вокруг Сталинграда шли ожесточеннейшие бои при огромном превосходстве сил противника, особенно на направлениях главных его ударов. Однако наши воины, героически дравшиеся плечом к плечу с рабочими отрядами и населением города, отбивали все атаки. Городская партийная организация в те дни проводила огромную работу. Всюду чувствовалась ее направляющая рука. Отряды защитников Сталинграда обеспечивались оружием и боеприпасами, строились баррикады и другие оборонительные сооружения в самом городе, усиливалась местная противовоздушная оборона, шла эвакуация женщин и детей и т. д. Коммунисты-сталинградцы первыми вступали в отряды и шли на фронт, а оставшиеся на предприятиях делали все для того, чтобы выпуск боевой продукции не снижался. Несмотря на все мероприятия, проведенные нами 23 и 24 августа, ликвидировать подошедшего непосредственно к окраинам города врага, закрыть коридор и восстановить положение в те дни не удалось. Лишь усилиями войск 63-й и 21-й армий, осуществлявших вспомогательный удар на правом крыле Сталинградского фронта, в результате упорных боев удалось захватить у противника юго-западнее Серафимовича плацдарм в 50 км по фронту и до 25 км в глубину, весьма пригодившийся нам впоследствии.

Каковы же основные причины наших неудач в те дни? Прежде всего, отсутствие в распоряжении фронтового командования достаточных сил и средств, особенно танков и авиации, для нанесения мощного удара по врагу. Наспех создаваемые ударные группировки состояли, как правило, из ослабленных в боях стрелковых соединений. Войска же, направляемые Ставкой по

железной дороге, поступали медленно и, не закончив сосредоточения, сразу же вводились в бой. В танковых соединениях фронта исправных танков было мало. Времени для подготовки контрударов, для отработки взаимодействия и организации управления войсками не хватало.

Положение в районе Сталинграда становилось все напряженнее. Непрерывные бомбардировки с воздуха причинили огромные разрушения. Город был объят почти сплошным пламенем. Водопровод, телефонные станции, трамвай и железнодорожный узел вышли из строя. Подача электроэнергии нарушилась. Несмотря на все это, не было растерянности и паники. Значительная часть жителей отказывалась от эвакуации и шла в ряды защитников города, на заводы и строительство баррикад.

Проверяя состояние обороны на северной окраине Сталинграда, я побывал тогда на Тракторном заводе. Противник находился от него в полутора-двух километрах, подвергая его ожесточенному артиллерийскому обстрелу и непрерывной бомбежке с воздуха. В этих условиях шла эвакуация за Волгу самого ценного оборудования, причем завод продолжал выпускать новые и ремонтировать выбывшие из строя танки. Многие рабочие, собиравшие танки, на этих же машинах отправлялись на передний край обороны. Так же героически трудились и сражались рабочие, инженерно-технические работники и служащие заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и других предприятий. 25 августа Сталинград был объявлен на осадном положении. Несмотря на то, что немецко-фашистские войска по-прежнему имели здесь значительное превосходство в силах, отвага и самоотверженность наших воинов и всех трудящихся города не позволили врагу в те дни потупить в пределы основной части Сталинграда.

К вечеру 25 августа я получил указание Верховного Главнокомандующего отправиться в район сосредоточения войск к северу от Сталинграда и взять на себя руководство подготовкой прибывших частей к предстоящему контрудару. Утром 26 августа я приехал в район, где стояли войска 24-й армии и начавшие прибывать войска 66-й армии и дивизии, предназначавшиеся на укомплектование 1-й гвардейской армии. В течение нескольких дней вместе с командующим 24-й армией Д. Т. Козловым мы занимались рекогносцировкой. Затем туда же приехал Г. К. Жуков, который 26 августа был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего с освобождением его от должности командующего Западным фронтом. На него и было возложено общее и непосредственное руководство всеми

войсками, привлекавшимися к ликвидации прорвавшегося к Волге врага и восстановлению нарушенного фронта обороны наших войск в районе Сталинграда. Через несколько дней после прибытия Г. К. Жукова по распоряжению Ставки я вернулся для работы в Генеральный штаб.

В эти дни на южных подступах к Сталинграду войска Юго-Восточного фронта прилагали все усилия к тому, чтобы отразить отчаянные атаки войск 4-й танковой армии фашистов, и только 29 августа этой армии, получившей солидное подкрепление, удалось прорвать нашу оборону и, развивая наступление в северном направлении, поставить под угрозу тылы 64-й и 62-й армий. К исходу 2 сентября войска этих армий по приказу командующего Юго-Восточным фронтом были отведены на внутренний оборонительный обвод. Создалась угроза прорыва врага в город и с юга.

3 сентября Ставка Верховного Главнокомандования направила на имя Г. К. Жукова директиву, в которой указывала: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало»[29].

В сентябре мы дважды предпринимали здесь наступление силами 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий. Хотя нам не удалось тогда полностью выполнить задачу уничтожения врага, прорвавшегося к Волге, ликвидировать образованный им коридор и соединиться с войсками, оборонявшими город, мы все же заставили немецкое командование повернуть значительную часть сил 6-й армии фронтом на север. Это дало возможность задержать противника, рвущегося в город на внутреннем оборонительном обводе. В середине сентября немецкое командование, с целью высвободить все силы своей 6-й армии для скорейшего овладения городом, спешно выдвинуло на рубеж реки Дон 3-ю румынскую армию и, сосредоточив 4 пехотные, 2 танковые и 1 моторизованную дивизии, начало штурм Сталинграда, оборонявшегося войсками 62-й армии генерала В. И. Чуйкова и войсками 64-й армии генерала М. С. Шумилова. С этого времени началась беспримерная по упорству борьба за город, продолжавшаяся до 2 февраля 1943 года. До 26 сентября боевые действия в основном велись в центральной и поясной

частях Сталинграда. На следующий день, 27 сентября, бои развернулись в заводских поселках «Красный Октябрь» и «Баррикады» и длились до 4 октября. С 4 октября бои возникли непосредственно за здания этих заводов и продолжались до окончательного разгрома врага. Временами казалось, что для советских войск, оборонявшихся в городе, создалась такая тяжелая обстановка, что обороняться совершенно невозможно. Однако войска продолжали борьбу с возрастающим героизмом. Несмотря на огромное превосходство в силах и средствах, противнику так и не удалось сломить сопротивление защитников непокоренного города. О крепость на Волге, фортами и бастионами которой были, прежде всего, мужество советских людей и их непреклонная воля к победе, разбилась лавина огня и стали, которую обрушили на Сталинград гитлеровцы.

Славные защитники Сталинграда, сыны всех братских республик Страны Советов оборонялись, переходили в контратаки и наносили ощутимые удары по врагу. Весьма результативным был контрудар 51-й армии, осуществленный в конце сентября. В ходе этого удара мы захватили дефиле между озерами Цаца и Барманцак, явившееся впоследствии исходным пунктом для нашего контрнаступления. Контрудары Сталинградского фронта, проведенные в течение октября во взаимодействии с войсками Донского фронта, серьезно ослабили вражескую группировку, наступавшую на Сталинград.

В боях между Доном и Волгой, доходивших до крайней степени ожесточения, за июль – ноябрь немецкое командование не досчиталось около 700 тыс. солдат и офицеров, более тысячи танков, свыше 2 тыс. орудий и минометов, более 1,4 тыс. самолетов. Советские воины демонстрировали не только крепчайшую морально-политическую закалку, но и высокое боевое мастерство.

Можно назвать длинный ряд соединений, частей и подразделений, подвиг которых при обороне Сталинграда был исключительно велик. Особое упорство в борьбе за город проявили стрелковые дивизии А. И. Родимцева, И. И. Людникова, Н. Ф. Батюка, В. А. Горишного, Л. Н. Гуртьева, И. Е. Ермолкина, В. Г. Жолудева, В. П. Соколова, Ф. Н. Смехотворова, И. П. Сологуба, сводная группа С. Ф. Горохова, танковая бригада Д. Н. Белого.

ГКО, Ставка, и лично Верховный Главнокомандующий ежечасно получали сведения о событиях в городе, непрерывно принимали все зависящие от них меры для упрочения обороны и требовали этого от командования фронтов и армий. Советские войска с честью выстояли. Они не только удержали в своих руках занятые ими участки города до нашего общего контрнаступления

под Сталинградом, но и продолжали прочно сковывать здесь крупные силы врага.

9 октября 1942 года был издан Указ об отмене института военных комиссаров и введении единоначалия в Вооруженных Силах. Вопрос об укреплении авторитета начальствующего состава в армии являлся постоянной заботой партии. Особенно часто возвращался к этой мысли И. В. Сталин в период подготовки Сталинградской операции. Неоднократно, в моем присутствии, на заседаниях Политбюро он ставил вопрос о введении единоначалия в Вооруженных Силах и немало советовался по этому вопросу с командующими фронтами и армиями и с другими ответственными лицами Наркомата. Ставил не раз этот вопрос и передо мной, но я всегда неизменно отвечал ему, что я молодой коммунист и могу лишь выразить огромную благодарность за помощь, которую на протяжении всей службы оказывали мне военные комиссары. Введение полного единоначалия положительно сказалось на росте командных кадров и политсостава; оно способствовало усилению партийно-политической работы, укреплению порядка и организованности в войсках.

В середине октября немецкое командование было вынуждено отдать приказ № 1 о переходе к обороне. Войскам предписывалось «во что бы то ни стало удерживать достигнутые рубежи, отражать всякие попытки со стороны противника прорвать их и тем самым создать предпосылки для продолжения нашего наступления в 1943 году». Оно утверждало себя, неизвестно, на каком основании, во мнении, будто русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942–43 года располагать столь большими силами, которые имелись у них в прошлую зиму.

Враг снова роковым образом просчитался. Наши Вооруженные Силы, несмотря на понесенные потери, к осени 1942 года значительно окрепли. К этому времени благодаря титанической деятельности Коммунистической партии и огромным усилиям тружеников тыла было создано слаженное, быстро растущее военное хозяйство. Увеличивался выпуск танков Т-34, самолетов новых конструкций, орудий, особенно противотанковых и зенитных, реактивной артиллерии и автоматического оружия. На этой материальной основе совершенствовалась организационная структура войск. Появилась возможность уже зимой 1942/43 года начать осуществление крупных наступательных операций.

Ставке Верховного Главнокомандования было хорошо известно, что благодаря стойкости и упорству героев волжской

твердыни 6-я и 4-я танковая немецкие армии оказались сосредоточенными на узком участке фронта, непосредственно в районе города, а их фланги прикрывались румынскими войсками. Было также известно, что огромные потери, которые продолжал нести враг, в надежде все же овладеть городом, и особенно то, что он не имел здесь сколько-нибудь внушительных резервов, еще более ограничивали его оборонительные возможности. Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между И. В. Сталиным, Г. К. Жуковым и мною. Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озер Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы – 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии. До начала контрнаступления было признано необходимым уделить самое пристальное внимание обороне внутри города, с тем, чтобы на его развалинах максимально измотать и обескровить врага и ни в коем случае не допустить его продвижения вдоль Волги на север, в сторону Камышина.

Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования решили считать подготовку и осуществление этого контрнаступления главнейшим мероприятием в стране до конца 1942 года. Для его успешного проведения планировалось привлечь основные силы и средства, имевшиеся в распоряжении Ставки. При этом Сталин ввел режим строжайшей секретности на всю начальную подготовку операции. Нам в категорической форме было предложено никому ничего не сообщать о ней, даже членам ГКО. Сталин предупредил, что, кому нужно, он сам скажет о подготовке операции. Мы с Г. К. Жуковым могли довести до командующих фронтами лишь то, что непосредственно касалось каждого из них, – и ни слова больше. Полагаю, что подобная мера осторожности в тех условиях была полностью оправдана.

После принятия предварительного решения на контрнаступление Г. К. Жукову и мне было предложено выехать под Сталинград, чтобы тщательно изучить направления наших будущих ударов по противнику и уточнить все необходимые

детали в связи с этим. Г. К. Жуков отправился на Сталинградский, я на Юго-Восточный фронт.

Эта работа была завершена в конце сентября. Тогда же, в сентябре, основные положения плана наступательной операции, получившей наименование «Уран», были одобрены Ставкой Верховного Главнокомандования и ГКО. Выполнение плана было решено возложить на войска вновь создаваемого Юго-Западного фронта (командующий Н. Ф. Ватутин, член военного совета А. С. Желтов и начальник штаба Г. Д. Стельмах, впоследствии С. П. Иванов), Донского фронта, бывшего Сталинградского (командующий К. К. Рокоссовский, член военного совета К. Ф. Телегин, начальник штаба М. С. Малинин) и Сталинградского фронта, бывшего Юго-Восточного (командующий А. И. Еременко, член военного совета Н. С. Хрущев, начальник штаба И. С. Варенников). Фронты непосредственно подчинялись Ставке.

В целях сохранения тайны официальное оформление решения о создании Юго-Западного фронта было отнесено на конец октября. Юго-Западному фронту предусматривалось передать из Донского фронта 63-ю и 21-ю армии и дополнительно 5-ю танковую армию. Исходным рубежом для его наступления намечался участок фронта по Дону от Верхнего Мамона до Клетской с главной группировкой на плацдарме юго-западнее Серафимовича. После образования этого фронта за войсками Донского фронта должен был остаться участок от Клетской до Ерзовки, то есть почти до самой Волги, с плацдармами на западном берегу Дона возле Ново-Григорьевской и Сиротинской. Сталинградский фронт обязывался главный удар нанести из дефиле между озерами Цаца и Барманцак. Решающая роль в операции отводилась танковым и механизированным войскам. В связи с этим предусматривалось и считалось возможным передать из резервов Ставки в район Сталинграда к началу операции 4 танковых и 2 механизированных корпуса, доведя общее количество танков во фронтах сталинградского направления до 900. Решено было также значительно усилить эти фронты артиллерией и авиацией.

В результате такого быстрого наращивания сил и накопления стратегических резервов, а также с учетом серьезных потерь, которые наносили противнику наши войска в ходе стратегической обороны, на ряде участков сталинградского направления наметилось наше преимущество перед врагом. И хотя в целом по войскам сталинградских фронтов его не было, это позволяло советскому командованию умело маневрировать на направлениях главных ударов.

После этого детальная разработка плана была передана в

Генеральный штаб. К ней мы привлекли командующих родами войск, начальника тыла А. В. Хрулева, начальника Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлева. В первых числах октября в работу включились командующие войсками и штабы фронтов; им было приказано подготовить предложения по использованию сил каждого фронта для совместной наступательной операции «Уран». Руководство подготовкой контрнаступления на местах Ставка возложила по Юго-Западному и Донскому фронтам на Г. К. Жукова, по Сталинградскому – на меня.

Через несколько дней я снова был на Сталинградском фронте. Вместе со мной сюда прибыли командующий артиллерией Красной Армии генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов и от Генерального штаба генерал-майор В. Д. Иванов. Г. К. Жуков в это время уже находился в полосе действий Донского и Юго-Западного фронтов. На фронты сталинградского направления отправились также командующий ВВС Красной Армии генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков и начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант танковых войск Я. Н. Федоренко.

25 октября, как и предусматривалось принятым решением, был создан Юго-Западный фронт. С этого времени началась практическая отработка с войсками и командованием во всех фронтах и непосредственно на местности вопросов, связанных с предстоящей операцией. Основное внимание при работе в войсках мы уделяли, прежде всего, практической отработке мероприятий по быстрому взламыванию и прорыву обороны противника в ее тактической глубине, тщательному выбору форм использования каждого из родов войск при действиях в оперативной глубине противника с учетом особенностей выполняемых задач, вопросов взаимодействия между ними и управления войсками.

Подготовка операции осложнялась тем, что ни на минуту нельзя было ослаблять внимания к обороне города: враг продолжал здесь яростные атаки. Как заявил по окончании войны на допросе один из столпов фашистского вермахта Кейтель, «Сталинград был настолько соблазнительной целью, что казалось невозможным отказаться от него».

К тому же осенняя распутица и недостаток железных и мало-мальски сносных грунтовых дорог затрудняли подвоз резервов и материальных средств. Войска и грузы по всем видам снабжения приходилось переправлять через Волгу и Дон.

В западной историографии Второй мировой войны встречается утверждение, будто немецкое командование знало о

готовящемся контрнаступлении советских войск под Сталинградом, но по вине Гитлера не могло принять должных мер по предотвращению разгрома. Бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Цейтцлер писал после войны: «Ужасно предвидеть надвигающуюся катастрофу и в то же время не иметь возможности предотвратить ее».

Между тем немецкая разведка докладывала в начале ноября иное, а именно, что решающую операцию Красная Армия предпримет на центральном участке фронта против Смоленска и менее крупную – на Дону; что для развертывания широкого наступления Красная Армия не имеет достаточного количества сил; что действия Красной Армии на Волге будут преследовать ограниченную цель: оттеснить немецкие части, находящиеся в районе Сталинграда. Лишь 12 ноября немецкая разведка сделала вывод, что «в скором времени следует ожидать наступательные операции против 3-й румынской армии», но не смогла определить наших сил.

Примечательная черта контрнаступления под Сталинградом – скрытность его подготовки. Специальная директива Генерального штаба определила мероприятия, которые исключали бы просачивание сведений о масштабе контрнаступления, времени проведения, направлении главных ударов, способах действий, В частности, переписка и телефонные разговоры, связанные с предстоящим контрнаступлением, были категорически запрещены; распоряжения отдавались в устной форме и только непосредственным исполнителям; сосредоточение войск из резерва Ставки Верховного Главнокомандования и перегруппировка войск внутри фронтов производились только ночью. Все это основательно спутало карты немецкого командования.

Громадную роль в подготовке войск к проведению ответственнейшей для Родины операции сыграла живая, целеустремленная партийно-политическая работа. Она явилась тем фундаментом, на котором вырастали и воля, и вера людей в победу. Прошло уже много лет с той поры, но память и поныне хранит собрания коммунистов и комсомольцев, где звучали волнующие слова клятвы – не жалеть сил, а если надо, то и жизни для сокрушения ненавистного врага. Вспоминаются блиндажи, освещенные незатейливыми, сделанными из снарядных гильз лампами, где ветераны рассказывали молодым, еще не обстрелянным воинам о боевых традициях своих полков и дивизий, о своем опыте. Вспоминаются боевые листки, выражавшие все тот же страстный призыв – победить. И еще вспоминается поток заявлений с просьбой о приеме в ряды

ленинской партии. Только на Сталинградском фронте, где мне довелось бывать больше всего, за сентябрь – ноябрь вступило в партию более 14 тыс. воинов.

Мне хочется особо подчеркнуть такую характерную сторону партийно-политической работы, как ее теснейшую связь с боевой практикой, с действиями личного состава перед наступлением и непосредственно на поле сражения. Результаты этой работы были зримо видны в энтузиазме, в высокой дисциплине и организованности воинов при выполнении мероприятий, связанных с оборудованием исходных районов для наступления, скрытом сосредоточении войск в этих районах, создании в ограниченные сроки запасов материальных средств. Огромное влияние партийно-политической работы сказалось на том стремительном порыве, с каким воины приступили к решению поставленной задачи. Нет числа их геройским подвигам.

В первых числах ноября, по мнению представителей Ставки и командования фронтов сталинградского направления, подготовка войск, штабов и командования к контрнаступлению заканчивалась. Сосредоточение последних войсковых соединений и всего необходимого для начала операции, по самым твердым нашим расчетам, должно было закончиться не позднее 15 ноября. В связи с этим мы с Г. К. Жуковым по договоренности с командующими войсками фронтов решили провести во фронтах для проверки готовности итоговые совещания.

3 ноября под руководством заместителя Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова при моем участии такое совещание было проведено на Юго-Западном фронте. Кроме командования фронтом и армиями в нем принял участие руководящий состав корпусов и дивизий. 4 ноября такое же совещание было проведено в 21-й армии этого же фронта с привлечением руководящего состава Донского фронта, а 10 ноября – с руководящим составом Сталинградского фронта при штабе 57-й армии. На этих совещаниях еще раз были тщательно проверены точность понимания командирами поставленных перед ними задач и их решения. Буквально с каждым из них вновь были рассмотрены вопросы организации взаимодействия с артиллерией, танками и авиацией при прорыве обороны противника, взаимодействия с танковыми и кавалерийскими соединениями при вводе их в прорыв и при действиях в глубине обороны противника; обеспечения флангов в ходе операции; взаимодействия с соседними войсковыми объединениями и соединениями; организации управления войсками на всех стадиях операции. Были заслушаны подробные доклады участников совещания о состоянии войск, боевом и материальном

обеспечении, готовности соединений к выполнению ответственнейшего задания партии, правительства и военного командования.

После совещаний Г. К. Жуков и я подвели итоги работы, проделанной в войсках. 13 ноября уточненный план был доложен нами на заседании Политбюро ЦК партии и Ставки. Коротко наши выводы состояли в следующем. Группировка немецких войск в основном остается прежней: главные силы 6-й и 4-й танковой армий по-прежнему вовлечены в затяжные бои в районе города. На флангах этих сил (то есть на направлениях наших главных ударов) остаются румынские части. Подхода на сталинградское направление более или менее значительных резервов из глубины за последнее время не наблюдалось. Не отмечалось и каких-либо существенных перегруппировок в войсках противника, действовавших на этом направлении. В целом силы сторон на сталинградском направлении, по имеющимся данным, к началу наступления равны. На направлениях же предстоящих ударов наших фронтов, в результате поступления из Ставки резервов и ослабления второстепенных направлений, удалось создать мощные ударные группировки с таким превосходством в силах над врагом, которое позволяет, безусловно, рассчитывать на успех.

С чувством особого удовлетворения мы докладывали Ставке о высоком моральном состоянии и боевом настроении наших войск, об их уверенности в успехе. Несмотря на все трудности, в которых пришлось работать железнодорожному и водному транспорту, сосредоточение войск, предназначенных Ставкой для контрнаступления, и необходимых ресурсов заканчивалось с весьма незначительными отклонениями от графика. Боевые задачи войсками усвоены правильно, а выполнение их практически отработано на местности. Основная роль в начале операции, как и предусматривалось, отводилась Юго-Западному фронту. Для этого он имел все необходимое. К исходу третьего или на четвертый день операции намечалась встреча танковых и механизированных корпусов Юго-Западного и Сталинградского фронтов в районе Калача. Она должна замкнуть кольцо окружения главной группировки врага в районе Сталинграда. Начать наступление на Юго-Западном и Донском фронтах можно было 19–20, а на Сталинградском – 20 ноября.

После обсуждения в Ставке ряда вопросов план и сроки операции были окончательно утверждены. Г. К. Жуков получил вслед за тем задание подготовить отвлекающую операцию на Калининском и Западном фронтах. На меня Ставка возложила координирование действий всех трех фронтов сталинградского

направления при проведении контрнаступления. До начала одной из величайших по своему значению военных операций в истории человечества оставалось несколько суток…

Победа в битве на Волге

Борьба за город. – Долгожданный день. – Кольцо сомкнулось. – От Ватутина к Голикову. – Замысел операции «Сатурн». – К. К. Рокоссовский. – Опять под Сталинградом. – Угроза с юга. – Против Манштейна. – Мы победили

В то время, как наши войска на сталинградском направлении все свое внимание сосредоточили на подготовке контрнаступления, положение войск в самом Сталинграде продолжало ухудшаться. 11 ноября, после некоторой паузы, противник вновь возобновил ожесточенные атаки против войск 62-й армии В. И. Чуйкова в городе, введя туда части, ранее действовавшие против Донского фронта. К исходу дня ему удалось, несмотря на сопротивление наших войск, занять южную часть завода «Баррикады» и здесь также выйти к Волге. Положение 62-й армии усугубилось начавшимся на Волге ледоставом.

В эти дни по указанию Ставки мне пришлось вернуться на Сталинградский фронт. Мне было приказано завершить работу по подготовке этого фронта к наступлению, а командующий фронтом всецело переключился на руководство обороной города.

В первые дни операции ведущую роль играл Юго-Западный фронт, штаб которого находился в городе Серафимовиче. Там для меня Генштабом был подготовлен пункт руководства Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами, предназначенными к участию в наступательной операции, куда я и собрался перебраться 17 ноября. Однако И. В. Сталин по телефону предложил мне прибыть 18 ноября в Москву для обсуждения одного из вопросов, касающихся предстоящей операции. Ничего более конкретного он мне не сообщил. В 18 часов в кремлевском кабинете Сталина проходило заседание Государственного Комитета Обороны. Сталин немедленно принял меня и предложил, пока шло обсуждение ряда крупных хозяйственных вопросов, ознакомиться с поступившим на его имя письмом командира 4-го механизированного корпуса В. Т. Вольского, предназначенного для выполнения решающей роли в предстоящей операции на участке Сталинградского фронта. Комкор писал в ГКО, что запланированное наступление под Сталинградом при том соотношении сил и средств, которое сложилось к началу наступления, не только не позволяет рассчитывать на успех, но, по его мнению, безусловно обречено на провал со всеми вытекающими отсюда последствиями, и что

он, как честный член партии, зная мнение и других ответственных участников наступления, просит ГКО немедленно и тщательно проверить реальность принятых по операции решений, отложить ее, а быть может, и отказаться от нее совсем.

ГКО, естественно, потребовал от меня дать оценку письму. Я выразил удивление по поводу письма: в течение последних недель его автор активно участвовал в подготовке операции и ни разу не высказывал ни малейшего сомнения, как по операции в целом, так и по задачам, поставленным перед войсками вверенного ему корпуса. Более того, 10 ноября на заключительном совещании он заверил представителей Ставки и военный совет фронта, что его корпус готов к выполнению задачи, а затем доложил о полной боеспособности и об отличном, боевом настроении личного состава этого соединения. В заключение я заявил, что никаких оснований не только для отмены подготовленной операции, но и для пересмотра сроков ее начала, на мой взгляд, не существует.

Сталин приказал тут же соединить его по телефону с Вольским и после короткого и отнюдь не резкого разговора с ним порекомендовал мне не обращать внимания на это письмо, а автора письма оставить в корпусе, так как он только что дал ему слово – во что бы то ни стало выполнить поставленную корпусу задачу. Окончательно вопрос о нем как о командире корпуса должны были решить по результатам действий корпуса, о которых в первые дни операции Сталин приказал мне доложить ему особо. После этого он предложил мне незамедлительно отправиться на фронт. Утром 19 ноября, то есть в день начала операции, я был в Серафимовиче. Никого из ответственных работников фронта я здесь не застал. К полудню я прибыл в 5-ю танковую армию П. Л. Романенко, которая наносила основной удар на Юго-Западном фронте.

Наступление Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов началось, как и намечалось планом, с утра. Сильный туман и снегопад исключили возможность использовать в период подготовки удара и в момент самой атаки боевую, особенно штурмовую, авиацию и резко снижали эффективность артиллерийского огня. В первые два часа отдельные дивизии 5-й танковой армии, преодолев первую позицию главной полосы обороны врага, продвинулись в глубину на 2–3 км. Однако некоторые из войсковых соединений, встречая сопротивление противника и отражая его постоянные контратаки, наступали крайне медленно. Чтобы обеспечить обязательный прорыв в этот день всей тактической зоны фашистской обороны, командующий фронтом принял решение немедленно ввести в дело 1-й танковый

корпус В. В. Будкова и 26-й танковый корпус А. Г. Родина. Их танковые бригады с ходу прорвали оборону врага и, разгромив попавшие под удар румынские войска, продвинулись за день на 20 км. Примерно так же развертывались события и в 21-й армии И. М. Чистякова. Наибольший успех выпал в тот день на долю 4-го танкового корпуса А. Г. Кравченко, продвинувшегося на 30–35 км. 20 ноября в соответствии с планом, причем в еще более сложных метеорологических условиях, но столь же удачно, начал (контрнаступление Сталинградский фронт. Докладывая Верховному Главнокомандующему об успешном ходе операции, я сообщил я об отличных действиях 4-го мехкорпуса В. Т. Вольского, войска которого проявили в первый же день операции исключительный героизм, мужество, отвагу и продвинулись, ломая сопротивление врага, на 20 км. В течение 21 ноября войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов, нанося противнику огромный урон, выходя в глубокий тыл основной его группировке и дезорганизуя управление фашистских войск, продолжали выполнять боевое задание. 23 ноября в результате искусно выполненных ударов по сходящимся направлениям в сторону Калача Юго-Западный и Сталинградский фронты при активной помощи правого крыла Донского фронта замкнули кольцо окружения вокруг главной группировки немцев, действовавшей в районе Сталинграда.

Это было первое крупное окружение, в котором оказались немецко-фашистские войска с начала войны. Во второй половине дня военные действия на всех трех фронтах, осуществлявших операцию, несмотря на отчаянное, постепенно возраставшее сопротивление ошеломленного внезапностью врага, продолжали развиваться для нас исключительно успешно. Наступавшие вслед за подвижными войсками стрелковые дивизии все теснее и теснее сжимали кольцо, создавая сплошной внутренний фронт окружения. Одновременно командование Юго-Западного и Сталинградского фронтов принимало меры к тому, чтобы как можно быстрее и дальше отодвинуть внешний фронт наступления и, тем самым, еще более изолировать окруженную группировку врага от его войск. Таким образом, первый, наиболее ответственный этап наступательной операции был блестяще завершен. Стратегическая инициатива на советско-германском фронте вновь перешла к Красной Армии.

К исходу 23 ноября создать сплошной внешний фронт окружения нам не удалось. Его общая протяженность составляла более 450 км. Из них нашими войсками было прикрыто не более 265 км. Минимальное удаление от внутреннего фронта окружения на самых ответственных направлениях не превышало

15–20 км. Но и у гитлеровцев не имелось сплошной линии обороны против наших войск. Более того, нам стало известно, что в результате столь удачных и абсолютно неожиданных для врага действий советских войск за последние пять суток на таком важнейшем участке, как Лихая – Ростов, образовалась огромная брешь, не занятая фашистами. Отсутствие у противника в непосредственном оперативном тылу резервов усугубляло остроту его положения.

Вечер 23 ноября застал меня в войсках Юго-Западного фронта. Обсудив с фронтовым командованием, а затем по телефону с командующими Сталинградским и Донским фронтами оперативную обстановку и наметив наиболее целесообразный план дальнейших действий, я доложил Верховному Главнокомандующему наши соображения и предложения. Они сводились к следующему. Гитлеровцы в самом срочном порядке, безусловно, примут все меры к тому, чтобы при максимальной помощи извне выручить свои войска, окруженные под Сталинградом; поэтому важнейшей задачей для нас является скорейшая ликвидация окруженной группировки врага и освобождение своих сил, занятых этой операцией; до решения этой основной задачи нужно как можно надежнее изолировать окруженную группировку от подхода неприятельских войск; в этих целях необходимо быстро создать прочный внешний фронт и иметь за ним достаточные резервы из подвижных войск. Я доложил также, что войска всех трех фронтов, находящиеся на внутреннем фронте окружения, с утра 24 ноября без какой-либо существенной перегруппировки и дополнительной подготовки продолжат решительные действия по ликвидации окруженного противника.

Верховный Главнокомандующий одобрил наши выводы и действия и предложил, исходя из благоприятной, сложившейся для нас на среднем течении Дона обстановки, наметить проведение новой (о ней уже шла речь в Ставке) наступательной операции силами Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов, чтобы расширить фронт нашего наступления и нанести врагу дополнительный и, по возможности, как можно более чувствительный удар в общем направлении на Миллерово, Ростов. Предполагалось, что успех этой операции может создать условия для полного разгрома противника на южном крыле советско-германского фронта и вместе с тем, при наличии наших активных действий на тормосинском направлении, надежнее обеспечить с запада ход ликвидации окруженной группировки врага. Верховный Главнокомандующий приказал мне в ближайшие дни вместе с командующими Юго-Западным и

Воронежским фронтами рассмотреть этот вопрос на месте и представить в Ставку соответствующие соображения.

В ночь на 24 ноября я дал командующим Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами директиву, в которой излагались их задачи по ликвидации окруженной группировки на ближайшее время (вечером они получили устные распоряжения о действиях на следующий день). К участию в боевых действиях, начинавшихся с утра 24 ноября, для удара с запада на восток, привлекалась 21-я армия, усиленная 26-м и 4-м танковыми корпусами Юго-Западного фронта; с севера, от Клетской и Качалинской, вместе с уже наступавшими здесь 65-й и 24-й армиями должна была перейти в наступление от Дубовки 66-я армия Донского фронта; с востока – 62-я, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта. Общим для ударных группировок всех трех фронтов являлось направление на Гумрак: с выходом в этот район наших войск окруженные войска противника будут расчленены на мелкие группировки и не смогут оказать дальнейшего сопротивления.

Для обеспечения операции со стороны внешнего фронта окружения предусматривалось, что Юго-Западный фронт силами 1-й гвардейской и 5-й танковой армий прочно закрепит за собой позиции по восточным берегам рек Кривая и Чир с севера на юг и далее, по железной дороге, на участке Обливская – Суровикино – Рычковский с запада на восток, чтобы не допустить контрудара противника с юго-запада. С юга же, по линии Громославка – Аксай – Уманцево, обеспечение операции возлагалось на 4-й кавкорпус и стрелковые дивизии 51-й армии Сталинградского фронта.

С утра 24 ноября войска приступили к выполнению заданий. Но, к сожалению, ожидаемых результатов наступление не принесло. В наших исходных расчетах, на которых основывалось решение об уничтожении окруженного противника действиями с ходу, была допущена серьезная ошибка. По разведывательным данным из фронтов, принимавших участие в контрнаступлении, а также разведывательных органов Генерального штаба, общая численность окруженной группировки, которой командовал генерал-полковник Паулюс, определялась в то время в 85–90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось, как мы узнали позднее, более 300 тыс. Значительно преуменьшенными были наши представления и о боевой технике, особенно артиллерии и танках, и вооружении, которыми располагали окруженные фашисты. Мы не учли тех пополнений, которые поступали в соединения 6-й полевой и 4-й танковой немецкой армий в процессе их наступления и обороны, и огромного количества

частей и подразделений всякого рода специальных и вспомогательных войск, попавших в «котел». Между тем личный состав этих войск в большинстве своем был использован в дальнейшем для пополнения боевых частей. Так, мы совершенно не принимали в расчет попавшие в окружение дивизию ПВО, более десятка отдельных саперных батальонов, санитарные организации и подразделения, многочисленные строительные батальоны, инженерные отряды из бывшей организации Тодта (возглавленной после его смерти Шпеером), части полевой жандармерии, тайной военной полиции и т. д.

В эти дни мы вместе с командующим Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутиным работали над замыслом будущей Среднедонской операции. 24 ноября командующий артиллерией Красной Армии Н. Н. Воронов, командующий ВВС А. А. Новиков и я должны были встретиться с утра в штабе Воронежского фронта в районе Бутурлиновки с командованием этого фронта. В назначенный час мы были на ближайшем от Серафимовича аэродроме в районе Кумылженской. Был сильный туман, и предназначенный для полета транспортный самолет не смог прибыть. Как быть? Ведь я обещал Верховному Главнокомандующему 24 ноября работать в войсках Воронежского фронта. Кроме того, в нашем распоряжении на работу по рекогносцировке и по планированию предстоящей операции оставалось всего три-четыре дня. Пришлось настоять, чтобы нас отправили на фронтовых самолетах У-2. (Так в то время назывался самолет По-2.)

Через некоторое время появились самолеты, ведомые опытными летчиками. А. А. Новиков дал экипажам указания, в соответствии с которыми самолеты заняли свои места в строю после взлета. Туман продолжал сгущаться. Самолеты потеряли зрительную связь. К тому же, как и ожидалось, началось сильное обледенение. Машина, на которой я летел, вынуждена была приземлиться прямо в поле, километрах в тридцати юго-восточнее Калача(Воронежского) – на-Подгорной. Пришлось добираться по целине до ближайшего колхоза, затем на санях до шоссе, ведшего на Калач, и, наконец, на первой попавшейся грузовой воинской машине – к районной телефонной станции. Встретивший меня в Калаче секретарь райкома М. С. Василенко сообщил, что звонили из Москвы и сказали, что обеспокоены происшедшим. Меня более всего тревожила судьба самолета, на котором летел состоявший для поручений при мне А. И. Ручкин: у него находились секретные документы Ставки, предназначенные для командования Воронежского фронта. Связавшись по телефону с командующим фронтом Ф. И. Голиковым, я узнал, что из семи наших самолетов лишь один, как раз тот, на котором

летел Ручкин, благополучно долетел до Бутурлиновки. Самолеты, доставлявшие Новикова и Воронова, совершили вынужденную посадку вблизи Калача. Мы условились с Голиковым о плане работы на завтра, после чего я доложил Верховному Главнокомандующему по телефону о случившемся. Ожидал замечаний, но их, к удивлению, не последовало.

Я и теперь вспоминаю этот неблагополучный перелет, доставивший много забот и тревог летному и руководящему составу, выполнявшему это задание. Пользуясь случаем, мне хотелось бы не только еще раз принести свои извинения командованию 734-го авиаполка и его летчикам, осуществлявшим перелет, М. Р. Баграмову, К. Я. Василевскому, П. А. Ганьшину, В. К. Зайкову, А. П. Назаркину и В. Д. Рыжову за риск, вызванный моим неосторожным приказом, но и сердечно поблагодарить их. Несмотря на исключительно тяжелые условия, эти командиры, обладавшие незаурядным летным мастерством, сделали абсолютно все для того, чтобы полет не закончился трагически. Особую признательность хочу выразить старшему лейтенанту Степану Константиновичу Ковязину, который тогда вел наш самолет. Позднее, работая над этими воспоминаниями, я, при содействии штаба ВВС, с трудом отыскал его. Находясь в запасе, товарищ Ковязин живет и работает сейчас в Донецке.

Правда, ни во время полета, ни даже после войны длительное время никто из летчиков, в том числе и С. К. Ковязин, не знали, что на борту самолетов находились представители Ставки Верховного Главнокомандования.

На рассвете 25 ноября все мы на автомашинах, присланных из штаба Воронежского фронта, отправились в район Верхнего Мамона и уже через несколько часов совместно с генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым и членом военного совета фронта генерал-лейтенантом Ф. Ф. Кузнецовым приступили к рекогносцировочным работам. Командующий 6-й армией генерал-лейтенант Ф. М. Харитонов детально знакомил нас с положением дел в полосе действий его армии. Мне особенно приятно было встретиться с ним, так как за его работу я нес перед Верховным Главнокомандующим своеобразную ответственность. После неудачной Харьковско-Барвенковской операции, проводившейся войсками Юго-Западного и Южного фронтов в мае 1942 года, генерал-майор Харитонов, командовавший тогда 9-й армией Южного фронта, был отстранен от обязанностей и по настоянию командования Юго-Западного направления привлечен к судебной ответственности. Подробно зная всю историю этой операции и истинные причины ее неудач, я доложил Сталину, что вина Харитонова в данном случае является относительной, и просил не

только не отдавать его под суд, а как хорошего военачальника назначить командующим войсками армии. Товарищ Харитонов в роли командующего 6-й армией хорошо показал себя летом 1942 года и заслуженно получил более высокое воинское звание.

26 ноября такие же рекогносцировочные работы мы с Н. Ф. Ватутиным провели на правом крыле Юго-Западного фронта. Вернувшись на фронтовой КП в Серафимович, я доложил Верховному Главнокомандующему о проделанной работе и о наших предварительных соображениях по замыслу предстоящей операции. Сообщил я, примерно, следующее. Для удобства управления войсками Юго-Западного фронта в предстоящей операции целесообразно войска 1-й гвардейской армии, входившие к тому времени в оперативную группу генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, реорганизовать в 1-ю гвардейскую армию, назначив Кузнецова ее командующим и создав для него управление. Остальные соединения этой армии, действовавшие юго-восточнее, растянувшиеся на рубежах рек Дон, Кривая и Чир до Чернышевской, выделить в самостоятельную 3-ю гвардейскую армию во главе с генерал-лейтенантом Д. Д. Лелюшенко (фактически он уже командовал в то время этими войсками). Фронт от Чернышевской до устья реки Чир, то есть до стыка с войсками Сталинградского фронта, оставить по-прежнему за 5-й танковой армией генерал-лейтенанта П. Л. Романенко.

Ближайшая цель операции – разгром 8-й итальянской армии и немецкой оперативной группы «Холлидт». Для этого на Юго-Западном фронте создать две ударные группировки: одну – на правом фланге 1-й гвардейской армии (в составе 6 стрелковых дивизий, 3 танковых корпусов и необходимых средств усиления) для нанесения удара с плацдарма южнее Верхнего Мамона в южном направлении, на Миллерово; другую – в полосе 3-й гвардейской армии к востоку от Боковской (в составе 5 стрелковых дивизий и одного механизированного корпуса) для одновременного нанесения удара с востока на запад, также на Миллерово, чтобы замкнуть кольцо окружения. В дальнейшем, разгромив итальянцев, подвижные войска фронта выходят на Северский Донец и, захватив переправу в районе станции Лихая, создают благоприятную обстановку для развития дальнейшего наступления на Ростов.

Для обеспечения операции с северо-запада и запада ударная группировка 6-й армии Воронежского фронта (в составе 5 стрелковых дивизий и одного танкового корпуса) должна будет нанести удар из района юго-западнее Верхнего Мамона на Кантемировку, Волошино. Готовность войск к выполнению операции – 10 декабря. Мы считали необходимым к этому

времени дополнительно передать распоряжением Ставки в Юго-Западный фронт 5 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса, один механизированный корпус, 6 отдельных полков, а 6-й армии Воронежского фронта – три стрелковые дивизии, один танковый корпус, 7 артиллерийских и минометных полков.

5-й танковой армии предстояло в ближайшее время разгромить противника в районе Чернышевская, Морозовск, Тормосин с целью более прочной изоляции с юго-запада окруженной под Сталинградом группировки врага и развития в дальнейшем наступления на Тацинскую с выходом на рубеж реки Северский Донец. Успех операции означал бы приближение советских войск к Донбассу, начало освобождения Украины.

Верховный Главнокомандующий в основном одобрил наши предложения и обещал дополнительные войска и средства для фронтов. Мне он приказал обязать командующих Юго-Западным и Воронежским фронтами приступить к разработке детальных планов операции и представить в Ставку окончательные соображения по ней не позднее первых чисел декабря. Согласился Сталин и с моим предложением передать 21-ю армию Юго-Западного фронта, 26-й и 4-й танковые корпуса, действовавшие на внутреннем фронте кольца окружения у Сталинграда, Донскому фронту. Таким образом, все внимание командования Юго-Западного фронта сосредоточивалось на внешней линии борьбы и подготовке операции, получившей кодовое наименование «Сатурн»[30].

В конце разговора И. В. Сталин указал, что в данное время самой важной и основной задачей является быстрейшая ликвидация окруженной группировки немцев. Это освободит занятые в ней наши войска для выполнения других заданий по окончательному разгрому врага на нашем Южном фронте.

– А потому, – заключил он разговор, – Ставка предлагает вам немедленно сосредоточиться на этом одном деле. Что касается операции «Сатурн», то ею пусть займутся Ватутин и Кузнецов, а Москва им будет помогать.

2 декабря Ставка без каких-либо особых изменений утвердила окончательный план операции «Сатурн». Представителем Ставки при Юго-Западном и Воронежском фронтах был назначен Н. Н. Воронов. В начале декабря Ставка окончательно определила войска, необходимые этим фронтам для проведения «Сатурна». К 12 декабря на Юго-Западный фронт прибыли 5 стрелковых дивизий, 18-й, 24-й и 25-й танковые и 1-й гвардейский механизированный корпуса, 6 отдельных танковых и 16 артиллерийских и минометных полков. Воронежский фронт получил 3 стрелковые дивизии, одну стрелковую бригаду, 17-й

танковый корпус и 7 артиллерийских и минометных полков.

Итак, я опять вплотную занялся Сталинградом. С 24 ноября наши войска вели там ожесточенные бои с окруженными войсками Паулюса, оборонявшимися крайне упорно, переходившими зачастую в контратаки. В течение 28–30 ноября войска всех трех фронтов продолжали ожесточенную борьбу. Войскам 21-й, 65-й и 24-й армий Донского фронта удалось в ходе боев овладеть сильно укрепленными узлами в районе Песковатка, Вертячий, где враг оказывал особо упорное сопротивление. В эти дни я навестил войска 65-й армии генерала П. И. Батова. Мне доставляло большое удовольствие вновь встретиться с командармом доблестной армии, к тому же ответственность той задачи, которую решали войска этого направления, обязывала меня к этому.

К тому времени войска армии вели бои в 12–15 км восточнее Вертячего. Даже беглый осмотр захваченных 65-й армией окопных сооружений противника, с массой хорошо оборудованных, защищенных и замаскированных пулеметных и артиллерийских огневых точек, с прочными и удобным укрытиями для личного состава, надежно прикрытых искусно созданными инженерными противопехотными и противотанковыми, с наличием надолб, заграждениями, – все это уже говорило о том, что фашисты, по-видимому, рассчитывали драться здесь серьезно и долго. Особенно тщательно и прочно были построены и оборудованы пункты наблюдения и управления. Так, блиндаж, принадлежавший, по показанию пленных, командиру одной из пехотных дивизий противника, был защищен сверху двенадцатью накатами солидных бревен.

Поблагодарив военный совет и штаб не только от себя, но и от имени Ставки за отличные действия войск армии и за столь умелое, искусное управление ими в той ответственной операции, ознакомившись со всеми трудностями и нуждами, которые испытывала армия в тот момент, и детально обсудив план дальнейших действий, я убыл в войска соседней 24-й армии И. В. Галанина.

Вспоминая о пребывании в 65-й армии, я не могу не сказать хотя бы несколько добрых слов в адрес опытнейшего боевого командарма, великолепнейшей души и скромности человека, каким был и остается Павел Иванович Батов. Первое наше знакомство с ним произошло в начале 30-х годов, когда я работал в Управлении боевой подготовки РККА. Тогда он был командиром батальона в одном из полков Московской Пролетарской стрелковой дивизии. Наше управление часто привлекало эту дивизию на учения.

Уже тогда в работе П. И. Батова чувствовался опытный, хороший методист и организатор, отлично знающий свое дело, и заботливый командир.

Павел Иванович воевал добровольцем на стороне революционной Испании и зарекомендовал себя великолепно подготовленным боевым военачальником, умеющим правильно организовать общевойсковой бой и управление им. Настоящее боевое знакомство у нас началось со времен Великой Отечественной войны, на протяжении которой П. И. Батов бессменно и отлично решал самые ответственные задачи на основных направлениях тех фронтов, в составе которых находилась 65-я армия. Большую часть войны она была во фронте К. К. Рокоссовского, который очень любил, ценил и уважал Павла Ивановича. Высоко ценила его и Ставка Верховного Главнокомандования.

Я очень рад, что дружеские отношения, установившиеся у нас во время войны, сохраняются и до сих пор.

29 ноября я находился уже в Заварыгине, где размещался КП и штаб Донского фронта. Хочу сказать несколько теплых, сердечных слов о командовавшем этим фронтом, общем любимце Красной Армии Константине Константиновиче Рокоссовском. Имя Маршала Советского Союза Рокоссовского широко известно во всем мире. Это один из выдающихся полководцев наших Вооруженных Сил. Сын варшавского машиниста, унтер-офицер старой армии, дважды краснознаменец в годы гражданской войны, он получил два военных образования и командовал полком, бригадой, дивизией и корпусом, а также являлся инструктором в армии Монгольской республики. Мои первые встречи с ним относятся к началу 30-х годов, когда он, будучи командиром кавалерийского корпуса, посетил Управление боевой подготовки РККА, где я тогда работал.

Уже в летние месяцы 1941 года имя Константина Константиновича часто упоминалось в сообщениях фронтовой и центральной печати. Войска, которыми он командовал в жестоких сражениях за Москву, блестяще решали поставленные перед ними задачи. Теперь Донской фронт, руководимый Рокоссовским, не только выстоял на вверенных ему рубежах, но и отлично выполнял вместе с другими фронтами историческую операцию по окружению гитлеровских войск в районе Нижней Волги, а затем по уничтожению и пленению остатков группы Паулюса. Командуя затем рядом фронтов, причем всегда на весьма ответственных направлениях, Константин Константинович своим упорным трудом, большими знаниями, мужеством, храбростью, огромной работоспособностью и неизменной заботой о подчиненных

снискал себе исключительное уважение, и горячую любовь. Я счастлив, что имел возможность на протяжении Великой Отечественной войны быть свидетелем полководческого таланта Константина Константиновича, его завидного во всех случаях спокойствия, умения найти мудрое решение самого сложного вопроса. Я многократно наблюдал, как войска под управлением Рокоссовского жестоко били врага, порою в невероятно трудных для них условиях. Большим военачальником, примерным коммунистом, верным другом и товарищем остается в моей памяти дорогой Константин Константинович…

Как уже было сказано, войска Паулюса держались упорно. Территория, которую они занимали, сократилась за это время почти вдвое. Однако от выполнения основной задачи – расчленения окруженной группировки и, тем более, окончательной ее ликвидации – мы были еще далеки. Враг (6-я немецкая армия в составе 17 дивизий и еще 5 дивизий 4-й танковой армии) создал плотную оборону к западу и юго-западу от Сталинграда на фронте Орловка – Дмитриевка – Цыбенко – Купоросное общим протяжением около 170 км. Штаб Паулюса располагался в центре группировки, в поселке Гумрак. Как впоследствии стало известно, понимая безнадежность своего положения, командование окруженных войск еще вечером 23 ноября потребовало от Гитлера свободы действий с тем, чтобы пойти на прорыв и пробиться из кольца окружения. Гитлер ответил: «Войска 6-й армии временно окружены русскими… Личный состав армии может быть уверен, что я предприму все для того, чтобы обеспечить нормальное снабжение армии и своевременно освободить ее из окружения…». Аналогичные заверения давал и Геринг, главнокомандующий военно-воздушными силами Германии.

Встречая упорное сопротивление окруженного противника, советские войска вынуждены были приостановить продвижение. Здесь-то и стал очевиден просчет, который мы допустили в определении численности окруженных войск врага. К тому же соотношение этих сил на внутреннем фронте окружения в конце ноября и первых числах декабря продолжало изменяться не в нашу пользу, ибо мы, не имея свободных резервов, вынуждены были укреплять внешний фронт, изолирующий окруженные войска, особенно на Юго-Западном и Южном направлениях, за счет войск, снимаемых с кольца окружения. Это было тем более необходимо, что к нам начали поступать данные о переброске противником на сталинградское направление дополнительных войск с других участков советско-германского фронта и из Западной Европы. В последних числах ноября мы были

вынуждены перегруппировать с внутреннего на внешний фронт, на усиление тормосинского направления, ряд стрелковых дивизий 65-й и 21-й армий Донского фронта, а на котельниковское направление – остававшиеся еще на внутреннем фронте стрелковые дивизии 51-й армии Сталинградского фронта. Вот почему к 1 декабря соотношение стало таким: у нас – 480 тыс. человек, 465 танков, 8490 орудий и минометов (без зенитной артиллерии и 50-мм минометов), а у противника – 330 тыс. человек, 340 танков, 5230 орудий и минометов.

В воздухе враг в последних числах ноября тоже значительно активизировал свои действия. Мы имели на сталинградском направлении около 790 боевых самолетов и еще некоторые соединения Авиации дальнего действия, причем 540 самолетов использовались против окруженной группировки и 250 – в интересах внешнего фронта. Немецко-фашистское командование бросило сюда около 1070 боевых самолетов. Однако значительную часть своих истребителей оно было вынуждено использовать на прикрытие транспортной авиации, пытавшейся хоть как-то облегчить положение окруженных войск. Наибольшую активность вражеская бомбардировочная и истребительная авиация проявляла к концу ноября на южном и юго-западном фасах внешнего фронта.

Немалую заботу вызвала у советского командования организация надежной блокады окруженной группировки с воздуха. Скажу прямо, что на первых порах, во всяком случае, до декабря 1942 года, мы недооценивали серьезность этой задачи, и ее выполнение носило случайный, разрозненный характер: работа авиации с системой огня зенитной артиллерии не увязывалась, четкого управления и взаимодействия между ними установлено не было. А ведь в распоряжении противника имелось не менее 5 вполне пригодных аэродромов, принимавших одновременно значительное количество самолетов. Резко уменьшавшиеся с каждым днем запасы продовольствия, боеприпасов и горючего, необходимость эвакуировать огромное количество раненых и больных вынуждали гитлеровское командование привлекать к транспортным перевозкам максимум самолетов, использовать для этого даже бомбардировщики.

Только в первой половине декабря мы стали уделять более серьезное внимание блокированию окруженных войск с воздуха. Была разработана достаточно стройная система использования авиации, а также артиллерии в борьбе с транспортной авиацией противника. Установили строгую ответственность за порядок уничтожения вражеских самолетов с уточнением обязанностей войск внешнего фаса и внутреннего кольца окружения (самолеты

уничтожались при подходе к кольцу и в период погрузки и взлета). Наконец, была обеспечена возможность круглосуточной работы наших истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков, а также дальнобойной артиллерии для уничтожения фашистской авиации на аэродромах и посадочных площадках, внутри кольца окружения. Работа различных сил и средств, привлекавшихся для борьбы с транспортной авиацией противника, увязывалась единой системой наблюдения, оповещения и связи. Все это, вместе взятое, резко сократило поток грузов, доставлявшихся противником в «котел», и эвакуацию из него.

Выполняя указания Ставки, мы в первых числах декабря снова попытались расчленить и уничтожить окруженную группировку. Однако и на этот раз сколько-нибудь значительных результатов не достигли. Противник, опираясь на сеть хорошо подготовленных инженерных оборонительных сооружений, яростно сопротивлялся, отвечая ожесточенными контратаками на каждую нашу попытку продвижения. Безусловно, некоторую отрицательную роль при этом сыграли и допускавшиеся нами ошибки. На них мне указал в телеграмме от 4 декабря Верховный Главнокомандующий. Вот ее содержание:

> «Товарищу Михайлову. Ваша задача состоит в том, чтобы объединять действия Иванова и Донцова[31]. До сего времени у вас, однако, получается разъединение, а не объединение. Вопреки вашему приказу, 2 и 3 числа наступал Иванов, а Донцов не был в состоянии наступать. Противник получил возможность маневра. 4 будет наступать Донцов, а Иванов окажется не в состоянии наступать. Противник опять получает возможность маневрировать. Прошу вас впредь не допускать таких ошибок. Раньше, чем издать приказ о совместном наступлении Иванова и Донцова, нужно проверить, в состоянии ли они наступать. 4.XII.1942 г. 7 час. 06 мин.
>
> Васильев»[32].

Но не эти ошибки были основной причиной неудачи операции, а недостаток имевшихся в нашем распоряжении сил. К тому же, по сведениям разведки, гитлеровское командование с целью деблокирования окруженной группировки и для восстановления в районе Сталинграда утраченного положения создавало на юго-восточном участке фронта группу армий «Дон» во главе с бывшим заместителем начальника германского генштаба генерал-фельдмаршалом Манштейном. Ему были подчинены оперативная группа «Холлидт», 3-я румынская армия,

армейская группа «Гот», в которую входили 4-я немецкая танковая и 4-я румынская армии, а также окруженные в районе Сталинграда войска 6-й и частично 4-й танковой немецкой армий. Нам стало известно, что в составе группы «Гот» для осуществления операции по деблокированию создаются 2 ударные группировки: одна – в районе Котельникова, другая – в районе Тормосина.

Довольно тревожная обстановка на южном и юго-западном фасах нашего внешнего фронта вынуждала нас к дальнейшему усилению его за счет войск внутреннего фронта. В частности, распоряжением командующего Сталинградским фронтом сюда были переданы для 51-й армии 13-й танковый корпус, несколько отдельных танковых и артиллерийских полков.

4 декабря я доложил Верховному Главнокомандующему о создавшейся здесь обстановке. Было принято решение: на Донской фронт в качестве основной ударной силы для ликвидации окруженных войск направить из резерва Ставки 2-ю гвардейскую армию, а также ряд других частей и соединений. Во 2-ю гвардейскую армию входили 1-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора И. И. Миссана, 13-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора П. Г. Чанчибадзе, 2-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора К. В. Свиридова. Создавая эту армию из отборных соединений в районе Тамбов, Раненбург, Мичуринск и назначив ее командующим такого опытного военачальника, каким был руководивший ранее в эту войну 48-м стрелковым корпусом, 6-й армией, Южным фронтом, Донской группой армий и 66-й армией генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский, Ставка возлагала на нее особые надежды в большом стратегическом плане разгрома южного крыла немецко-фашистских войск. Не отказалась она от этой мысли и теперь, ставя перед 2-й гвардейской армией в качестве предварительной задачи участие в ликвидации окруженных войск Паулюса.

В тот же день, через ведавшего организационной структурой родов войск и резервами генерал-лейтенанта А. Г. Карпоносова, я дал Генеральному штабу указания принять все меры к тому, чтобы сосредоточение 2-й гвардейской армии в районе Донского фронта было закончено к 18 декабря. 5 декабря Генштаб доложил мне, что для переброски армии привлекаются 165 железнодорожных составов и что армия с 18 часов 4 декабря уже приступила к погрузке. Был доложен также план ее перевозки в целом. Кроме того, тогда же для усиления Юго-Западного направления Ставка решила создать 5-ю ударную армию, развернуть ее к 9 декабря между 5-й танковой армией Юго-

Западного фронта и 51-й армией Сталинградского фронта и подчинить командующему последним. В состав 5-й ударной армии должны были войти 2 стрелковые дивизии и 7-й танковый корпус из резерва Ставки, левофланговые соединения 5-й танковой армии, 4-й механизированный корпус и 3 стрелковые дивизии Сталинградского фронта. Кроме того, я обязан был выделить из войск Сталинградского и Донского фронтов на усиление этой армии 2 противотанковых артполка, 2–3 полка авиации Резерва Главного командования и 2 гвардейских минометных полка.

Командующим армией был назначен генерал-лейтенант М. М. Попов, оставленный одновременно в должности заместителя командующего Сталинградским фронтом. Его заместителем назначили генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева, начальником штаба армии – генерал-майора А. К. Кондратьева. 5-ю ударную армию обязали во взаимодействии с 5-й танковой армией уничтожить нижнечирскую и тормосинскую группировки противника и ни в коем случае не позволить ему прорваться на соединение с окруженной фашистской группировкой. Имелось в виду, что в дальнейшем армия будет продолжать наступление севернее Дона в общем направлении на Усть-Быстрянскую.

И вот, в ночь на 5 декабря, совместно с К. К. Рокоссовским, посоветовавшись с А. И. Еременко, мы приступили к разработке нового плана ликвидации окруженных войск Паулюса. Должен сказать, что по вопросу о дальнейших действиях советских войск в районе Сталинграда в Ставку был внесен ряд предложений. Как мне стало известно, согласно одному из них, мы должны были прекратить действия по ликвидации осажденной армии Паулюса, оставить вокруг нее лишь охранные войска, поскольку она якобы не представляла угрозы, являлась вроде «зайца на привязи», а все наши основные войска немедленно двинуть на Ростов-на-Дону, чтобы отрезать пути отхода фашистским войскам с Северного Кавказа. Это, по мнению авторов предложения, принесло бы нам большие выгоды, образовав на Северном Кавказе второй крупный «котел» для находившихся там неприятельских войск.

И. В. Сталин поддержал мое отрицательное отношение к этому предложению. Верховное Главнокомандование на основе трезвого расчета не могло стать на этот путь, хотя он был заманчивым. Под Сталинградом находилась хотя и ослабленная, но крупная группировка противника, располагавшая мощной боевой техникой и далеко еще не лишенная боеспособности. Недооценивать ее, особенно в начале декабря, было ни в коем случае нельзя. И. В. Сталин отверг предложение «открыть ворота» Паулюсу, предложив его авторам оставить эту идею при себе.

Как стало известно потом, немецко-фашистское командование возлагало большие надежды на войска окруженной 6-й армии. Когда Н. Н. Воронов и К. К. Рокоссовский задали Паулюсу вопрос, почему он не сложил оружия сразу после того, как безвыходность положения его армии стала очевидной, и продолжал бесцельно проливать кровь своих солдат, фельдмаршал ответил, что этого требовали стратегические расчеты Германии.

9 декабря я представил план ликвидации окруженных немецко-фашистских войск в Ставку.

Планом предусматривались расчленение и ликвидация окруженной группировки последовательно в три этапа: на первом этапе силами Донского фронта должны быть уничтожены четыре пехотные дивизии западнее реки Россошка; на втором этапе ударом Донского фронта, в основном 2-й гвардейской армии, в юго-восточном направлении на Воропоново и встречным ударом 64-й армии Сталинградского фронта через Песчанку также на Воропоново изолировать, а затем пленить вражеские войска в южной части окруженной группировки; наконец, на третьем этапе, ударом всех действовавших на внутреннем фронте армий Донского и Сталинградского фронтов, в общем направлении на Гумрак, окончательно сломить сопротивление окруженного противника и покончить с ним.

11 декабря Ставка в основном утвердила план, потребовав только, чтобы задачи, предусмотренные на первых двух этапах операции, были решены на первом этапе, цель которого – войскам обоих фронтов с выходом в район Басаргино – станция Воропоново изолировать, а затем ликвидировать западную и южную группировки врага не позднее 23 декабря. Начать операцию было приказано 18 декабря. Таким образом, Ставка существенных поправок в наш план не внесла.

Однако не замедлил внести свои коррективы противник. В начале декабря, когда мы работали над упомянутым планом, к нам в Заварыгин, где находился штаб Донского фронта, стали поступать данные от Юго-Западного и Сталинградского фронтов о том, что в районе Котельникова и в других сосредоточиваются крупные вражеские силы. Немецкая авиация усиленно прикрывала этот район, проявляя вместе с тем повышенную активность против нашей 51-й армии. По решению командующего Сталинградским фронтом были сделаны попытки захватить Котельниково. Хотя они и не увенчались успехом, но позволили установить, что туда прибывают крупные силы танковых войск врага, в частности 6-й танковой дивизии, которая в срочном порядке перебрасывалась из Франции. Таким образом, факты

говорили о том, что немецко-фашистское командование, по-видимому, в ближайшие же дни попытается осуществить наступление на котельниковском направлении, чтобы деблокировать войска Паулюса.

В то же время на левом фланге Юго-Западного фронта 5-й танковой армии, несмотря на все усилия, никак не удавалось выбить врага с плацдарма на левом берегу Дона, у Нижне-Чирской, а также ликвидировать его плацдарм на восточном берегу Чира. Нас продолжало это беспокоить, тем более что и здесь за последние дни тоже был установлен подход новых вражеских сил, а расстояние от Верхне-Чирского до противника, находившегося в окружении, не превышало 40 км. Утром 9 декабря я выехал в 51-ю и 5-ю танковую армии, чтобы, во-первых, уточнить обстановку и, во-вторых, проследить выход на стык указанных армий войск 5-й ударной армии. К вечеру я находился на КП 57-й армии Ф. И. Толбухина в Верхне-Царицынском. Здесь, по распоряжению Генерального штаба, был организован надежный узел связи, поэтому я имел возможность переговорить с командующими Сталинградским и Юго-Западным фронтами: уточнил, где в тот момент находились 87-я, 300-я и 315-я стрелковые дивизии, выводимые из резерва Сталинградского фронта с восточного берега Волги и предназначавшиеся Ставкой для 5-й ударной армии, переговорил с командующим 5-й ударной и с командирами 7-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов. 10 декабря я побывал в войсках 51-й, 5-й ударной и на левом фланге 5-й танковой армии, непосредственно ознакомился с обстановкой на фронте и побеседовал с командующими армиями и командирами соединений.

К тому времени вражеская группа армий «Дон» занимала фронт от Вешенской до реки Маныч. В ее состав входило около 30 дивизий, не считая окруженных войск Паулюса. Из них 17 дивизий противостояли Юго-Западному фронту, а 13 – 5-й ударной и 51-й армиям Сталинградского фронта. Против 5-й ударной были нацелены одна пехотная, одна авиаполевая и одна танковая дивизии; кроме того, по показаниям пленных, в районе Тормосина предполагалась в резерве 17-я танковая дивизия. Перед 51-й армией насчитывалось до 10 дивизий (правда, из них 6 пехотных и кавалерийских дивизий румын, понесших в ноябре серьезные потери). В наших войсках наиболее плотную группировку мы имели в полосе 5-й ударной армии. Укомплектованность соединений в 51-й армии была низкой. В целом обе эти армии, а также 7-й танковый корпус, были недостаточно обеспечены материально; особенно это ощущалось

в отношении боеприпасов и горючего.

С утра 11 декабря по моему распоряжению на КП командира 7-го танкового корпуса П. А. Ротмистрова прибыли командующий 5-й ударной армией М. М. Попов и командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса И. А. Плиев. Здесь мы отработали план общих действий в районе Рычковского и Верхне-Чирского, с тем, чтобы не допустить соединения котелышковской и нижнечирской группировок врага, при их попытках деблокировать войска Паулюса. Прежде всего, предусматривалось силами 7-го танкового корпуса и 2 стрелковых дивизий внезапно овладеть рычковским плацдармом.

Утром 12 декабря я находился в Верхне-Царицынском. Там мне стало известно, что на фронте 51-й армии после короткого артиллерийского обстрела позиций 302-й стрелковой дивизии, оседлавшей железную дорогу Котельниково – Сталинград, и 126-й стрелковой дивизии, оборонявшейся несколько восточнее, гитлеровцы перешли из района Котельникова в наступление. Как и предполагалось, в нем принимали участие дивизии 57-го немецкого танкового корпуса из армейской группы «Гот». Боевые порядки наступавших были усилены тяжелыми танками. На флангах действовали пехотные соединения румын. Удар врага отражали наши 3 довольно слабые стрелковые, 2 кавалерийские дивизии 4-го кавалерийского корпуса и одна танковая бригада. 6-я и 23-я танковые дивизии врага, обрушив удар в основном на 302-ю стрелковую дивизию и используя значительное превосходство в силах, при поддержке авиации прорвали фронт обороны и начали теснить нас на северо-восток.

Вместе с членом военного совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущевым, находившимся также в Верхне-Царицынском, мы поспешили на реку Аксай-Есауловский, к станции Жутово, чтобы уяснить на месте обстановку.

Надо сказать, что Н. С. Хрущев на тех фронтах, где я был представителем Ставки, он, как член военного совета этих фронтов и член Политбюро ЦК партии, всегда держал со мной самую тесную связь и чуть ли не всегда выезжал со мною в войска. И в тех случаях, когда Ставка вызывала меня и командующего фронтом в Москву, а командующего фронтом (где он был членом военного совета) и его не вызывала, он не раз обращался ко мне с просьбой позвонить И. В. Сталину и попросить разрешения лететь вместе, так как у него имеются срочные и важные вопросы в ПУР к А. С. Щербакову. И. В. Сталин всегда такие разрешения давал, и мы улетали в Москву и возвращались вместе.

Хорошие отношения были у меня с Н. С. Хрущевым и в

первые послевоенные годы. Но они резко изменились после того, как я не поддержал его высказывания о том, что И. В. Сталин не разбирался в оперативно-стратегических вопросах и неквалифицированно руководил действиями войск как Верховный Главнокомандующий. Я до сих пор не могу понять, как он мог это утверждать. Будучи членом Политбюро ЦК партии и членом военного совета ряда фронтов, Н. С. Хрущев не мог не знать, как был высок авторитет Ставки и Сталина в вопросах ведения военных действий. Он также не мог не знать, что командующие фронтами и армиями с большим уважением относились к Ставке, Сталину и ценили их за исключительную компетентность руководства вооруженной борьбой.

К вечеру 12 декабря передовые части 6-й танковой дивизии противника на отдельных участках уже подошли к южному берегу Аксая, а его 23-я танковая дивизия, наступая вдоль железной дороги, вышла в район, который 10–15 км южнее железнодорожного и шоссейного моста через Аксай у Круглякова. Соотношение сил на фронте 51-й армии было тогда примерно следующим: у нас – 34 тыс. человек, у противника – 76 тыс.; танков – 77 против 500; орудий и минометов (калибром от 76 мм и крупнее) – 147 против 340. Таким образом, наша 51-я армия оказалась в крайне трудном положении.

Вернувшись в Верхне-Царицынский, я связался с командующим Сталинградским фронтом, который находился в Райгороде; мы условились, что он немедленно позаботится об усилении 51-й армии и, кроме того, выделит часть сил для организации обороны по реке Мышкове. После этого я отправился в Заварыгин, чтобы, уведомив Ставку, принять более решительные меры против гитлеровцев, наступавших от Котельникова. Связаться с Верховным Главнокомандующим мне сразу не удалось. Тогда я проинформировал об обстановке на юге командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского и оказавшегося в то время в его штабе командующего 2-й гвардейской армией Р. Я. Малиновского о том, что намерен просить Ставку по мере прибытия соединений 2-й гвардейской армии немедленно направлять их к югу от Сталинграда, навстречу наступавшим войскам Манштейна. Я предложил Малиновскому тотчас приступить к организации переброски уже готовых частей и соединений его армии форсированным маршем на реку Мышкову, чтобы, упредив противника, дать ему на рубеже Мышковы решительный отпор. Следует заметить, что к тому времени из 165 железнодорожных эшелонов, занятых перевозкой гвардейцев, в район к северо-западу от Сталинграда прибыли и разгрузились только 60. С ними же прибыли штаб

армии и 1-й стрелковый корпус[33].

В заключение я порекомендовал Р. Я. Малиновскому, для скорейшего развертывания управления войсками на новом направлении, использовать на первых порах КП 57-й армии, а ее командующего Ф. И. Толбухина попросил оказать 2-й гвардейской армии всемерное содействие в организации управления и снабжения горючим, в котором она особенно нуждалась. Через некоторое время состоялся разговор с Верховным Главнокомандующим. Я доложил о начавшемся крупном наступлении танковых войск противника со стороны Котельникова, а также о том, что с выходом этих войск к реке Аксай из-за отсутствия здесь у нас резервов создалась серьезная опасность прорыва внешнего фронта окружения войск Паулюса. Чтобы ликвидировать эту угрозу, необходимы серьезные и срочные меры, как по усилению внешнего фронта, так и по укреплению южного и юго-западного фасов внутреннего фронта. Меры эти принимаются, но их далеко не достаточно. Далее я просил Верховного Главнокомандующего разрешить немедленно начать переброску прибывающей 2-й гвардейской армии на Донской фронт и развернуть ее на реке Мышкове, остановить продвижение войск Манштейна, а в дальнейшем, подчинив 2-ю гвардейскую армию Сталинградскому фронту, разгромить их, а операцию по ликвидации окруженных войск Паулюса временно отложить.

Это предложение вначале встретило довольно резкие возражения со стороны И. В. Сталина. Он сказал, что вопрос о передаче 2-й гвардейской армии из Донского в Сталинградский фронт будет рассмотрен Государственным Комитетом Обороны.

С большим волнением ожидал я решения Ставки в ночь на 13 декабря. Переход противника в наступление против слабых войск Сталинградского фронта на котельниковском направлении и сосредоточение сил 48-го танкового корпуса в районе Рычковского и Нижне-Чирской диктовали необходимость направить основные усилия наших войск, прежде всего на разгром деблокирующих группировок. Иначе окруженные войска Паулюса могли бы вырваться из «котла».

Конечно, еще лучше было перебросить сюда дополнительные резервы. Но из-за чрезмерной перегрузки железных дорог своевременно сделать это не представлялось возможным. И Ставка согласилась с предложением использовать против войск Манштейна на котельниковском направлении 2-ю гвардейскую армию. Около 5 часов утра 13 декабря я получил от Верховного соответствующие указания. Он распорядился перевести 2-ю гвардейскую из Донского в Сталинградский фронт 15 декабря, а

руководство войсками по ликвидации деблокирующих группировок противника возложил на меня. В ближайшие дни я должен был представить соображения по использованию 2-й гвардейской армии на котельниковском направлении.

Кстати, командующий Донским фронтом мой друг К. К. Рокоссовский не был согласен с передачей 2-й гвардейской армии Сталинградскому фронту. Более того, настойчиво просил не делать этого и пытался склонить на свою сторону И. В. Сталина.

Уже после войны он не раз вспоминал об этом.

– Ты был все же тогда не прав, – говорил Константин Константинович. – Я со 2-й гвардейской еще до подхода Манштейна разгромил бы оголодавшие и замерзающие дивизии Паулюса.

14 декабря в 22 часа 30 минут мы получили официальную директиву о том, чтобы временно отложить осуществление операции «Кольцо», а 2-ю гвардейскую армию двинуть на юг. Ставка требовала при этом продолжать войсками, действовавшими на внутреннем фронте окружения, систематически истреблять войска Паулюса с воздуха и на земле, не давая врагу передышки ни днем, ни ночью, все более сжимать кольцо окружения и в корне пресекать попытки окруженных вырваться из него. Общая идея отражения войск Манштейна была сформулирована в директиве так: главная задача наших южных войск – разбить котельниковскую группу противника силами Труфанова (51-я армия) и Р. Я. Малиновского, в течение ближайших дней занять Котельниково и прочно там закрепиться. 19 декабря в помощь командующим Донским и Сталинградским фронтами в подготовке и в проведении операции по ликвидации окруженных войск Паулюса был командирован находившийся на Юго-Западном фронте командующий артиллерией Красной Армии Н. Н. Воронов. В директиве говорилось: «Товарищ Воронов командируется в район Сталинградского и Донского фронтов в качестве заместителя товарища Василевского по делу о ликвидации окруженных войск противника под Сталинградом… Товарищу Воронову, как представителю Ставки и заместителю Василевского, поручается представить не позднее 21 декабря в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженных под Сталинградом, и ликвидации их в течение пяти-шести дней».

Решение о повороте 2-й гвардейской армии на котельниковское направление в создавшейся к 13 декабря обстановке было наиболее правильным и целесообразным, ибо даже незначительное промедление в ее выдвижении на юг могло бы поставить нас в довольно невыгодное положение. В ночь на 14 декабря последовало и еще одно очень важное решение Ставки:

изменить направление главного удара Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов. Если по плану операции «Сатурн» оно намечалось прямо на юг, через Миллерово на Ростов, в тыл всей группировке противника на южном крыле советско-германского фронта, то теперь было решено, после разгрома итальянской армии на среднем течении Дона, направить удар на юго-восток, в сторону Морозовска и Тормосина, то есть в тыл деблокирующей группировке Манштейна.

Поскольку это решение Ставки представляет особый интерес и вызывает у некоторых пишущих об этом сомнения в его правильности, позволю себе остановиться на нем подробнее. Прежде всего, чем же руководствовалась Ставка, отказываясь от проведения в жизнь столь важного и уже подготовленного к выполнению стратегического решения? Ответ на этот вопрос дает директива Верховного Главнокомандующего от 13 декабря, адресованная Воронову, Ватутину и Голикову. В ней отмечалось, что в конце ноября, когда задумывалась операция «Сатурн», обстановка для нее была благоприятная и операция была вполне обоснована. «В дальнейшем, однако, обстановка изменилась не в пользу нас. Романенко[34] и Лелюшенко[35] стоят в обороне и не могут двигаться вперед, так как за это время противник успел подвести с запада ряд пехотных (в документе стрелковых. – Авт.) дивизий и танковых соединений, которые сдерживают их. Следовательно, удар с севера не встретит прямой поддержки с востока от Романенко, ввиду чего наступление в сторону Каменск – Ростов не может получить успеха». Далее Верховный замечал, что 2-я гвардейская армия не может быть использована для операции «Сатурн», так как работает на другом фронте. «Ввиду всего этого необходимо видоизменить операцию «Сатурн». Видоизменение состоит в том, чтобы главный удар направить не на юг, а на юго-восток в сторону Нижний Астахов и с выходом на Морозовский, с тем, чтобы боковско-морозовскую группу противника взять в клещи, пройтись по ее тылам и ликвидировать ее одновременным ударом с востока силами Романенко и Лелюшенко и с северо-запада силами Кузнецова и приданных ему подвижных частей. Задача Филиппова (Голикова. – Авт.) при этом будет состоять в том, чтобы помочь Кузнецову ликвидировать итальянцев, выйти на реку Богучар в районе Кременков и создать серьезный заслон, и против возможного удара противника с запада». Директивой предписывалось прорыв произвести в тех же районах, в которых он был задуман по операции «Сатурн». После прорыва удар переносился на юго-восток в сторону Нижний Астахов – Морозовский, на тылы противника, стоявшего против армий

Романенко и Лелюшенко. Операция, получившая наименование «Малый Сатурн», намечалась на 16 декабря. Из директивы же ясно видно, что основной причиной отказа от проведения «Сатурна» явилось изменение оперативной обстановки на сталинградском направлении. В результате советское командование лишилось возможности поддержать и развить основной удар Юго-Западного фронта на Миллерово – Ростов сильным ударом с востока, для чего Ставкой ранее, как это видно из директивы, предназначалась 2-я гвардейская армия. Сосредоточение немцами в районе Котельникова 57-го танкового корпуса и удержание противником в районе Рычковского и Нижне-Чирского своих позиций создало серьезную угрозу деблокирования войск Паулюса. О некоторых событиях, повлиявших на изменение обстановки, уже было сказано.

Задержка с ликвидацией войск Паулюса и явилась основной причиной, изменившей оперативную обстановку на сталинградском и среднедонском направлениях и повлиявшей на дальнейшее развитие операции «Сатурн».

Сказалось на оперативной обстановке и невыполнение 5-й танковой армией задачи – до начала «Сатурна» разгромить противника в районе Чернышевской и, отбросив его от Дона, овладеть районом Тормосин – Морозовск. Это было необходимо для прочной изоляции войск Паулюса с юго-запада и создания более благоприятных условий для развития удара на Тацинскую, Лихую и далее, на Ростов. Отрицательно повлиял и перенос начала «Сатурна» с 10 на 16 декабря. Начнись операция 10 декабря, то вполне возможно предположить, что тот успех, которого добились войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов 16 декабря, исключил бы переход в наступление войск Манштейна 12 декабря на котельниковском направлении. Шестидневная задержка позволила немецко-фашистскому командованию усилить свои группировки, как против правого крыла Юго-Западного фронта, так и особенно на тормосинско-верхнечирском и котельниковском направлениях. Все это убеждает в том, что решение повернуть удар с юга на юго-восток было совершенно правильным.

Переброска прибывавших войск 2-й гвардейской армии на южное крыло Сталинградского фронта шла форсированным маршем. Несмотря на сильные морозы, совершались переходы по 40–50 км за сутки. Благодаря тщательной, до мелочей продуманной, организации марша, большой и целеустремленной политической работе, проделанной в войсках, сознательности, дисциплинированности, а также изумительной выносливости всего личного состава армии, все трудности были преодолены.

Командующий армией стремился придать ее войскам с выходом на реку Мышкову такую группировку, которая, прежде всего, остановила бы на этом рубеже врага, не давая ему приближаться к окруженным, и сразу же позволила бы войскам армии перейти в решительное наступление. Командующий фронтом одобрил это решение. Не позднее утра 18 декабря часть головных сил армии должна была развернуться для усиления обороны по северному берегу реки Мышковы, а основные силы, в частности 2-й гвардейский мехкорпус, спешно сосредоточивались севернее, в районе совхоза «Крепь», для нанесения контрудара по наступающему противнику. До подхода 2-й гвардейской армии к реке Мышкове врага должна была сдерживать 51-я армия, усиленная 13-м танковым корпусом, одной стрелковой дивизией и отдельной танковой бригадой. Сюда были привлечены также части 4-го мехкорпуса, действовавшего на левом фланге 5-й ударной армии. Хотя танковый и механизированный корпуса были крайне ослабленного состава, так как им приходилось длительное время вести напряженные бои, они сыграли здесь в дальнейшем исключительную роль.

13 декабря у реки Аксай-Есауловский развернулись ожесточенные бои с превосходящими силами противника. 14 декабря немецко-фашистские войска местами преодолели этот рубеж и заняли населенный пункт Верхне-Кумский. Чтобы сковать гитлеровцев на нижнечирском направлении и обеспечить правый фланг 51-й армии от удара с запада, утром 14 декабря перешла в наступление 5-я ударная армия. К концу дня 7-му танковому корпусу, совместно с 258-й и 4-й гвардейской стрелковыми дивизиями, удалось сбросить вражеские силы с рычковского плацдарма и закрепить его за собой. На следующий день 4-й мехкорпус В. Т. Вольского, в котором оставалось всего до 70 танков, совместно с подошедшей из фронтового резерва 87-й стрелковой дивизией, выбил противника из Верхне-Кумского и приостановил дальнейшее его продвижение на северо-восток. До войск Паулюса передовым отрядам Манштейна оставалось в тот момент пройти километров пятьдесят. 16 декабря в 1 час 50 минут М. М. Попов радиограммой сообщил мне: «Восточный берег р. Дон полностью очищен. Переправы исправные. Уточняю грузоподъемность наших монопонтонов. На рассвете 16.XII буду лично в Верхне-Чирской и все доложу».

Здесь шли ожесточенные бои. Центром их по-прежнему был район Верхне-Кумского. Этот населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки. Наши войска, несмотря на большие потери, проявляли исключительную стойкость и героизм. Особую роль сыграли внезапные контрудары 4-го механизированного и

13-го танкового корпусов. С утра 17 декабря противник с еще большей настойчивостью возобновил наступление. 18 декабря две стрелковые дивизии 2-й гвардейской армии развернулись по реке Мышкове, а 2-й гвардейский мехкорпус сосредоточился у совхоза «Крепь». Для удобства управления войсками Малиновскому переподчинили вступившие в бой южнее 4-й кавалерийский, 4-й механизированный корпуса и 87-ю стрелковую дивизию. Бои между реками Аксай и Мышкова и южнее продолжали развертываться с нарастающей силой.

18 декабря я направил Верховному Главнокомандующему донесение, в котором сообщал об обстановке на котельниковском и нижнечирском направлениях и излагал предложения по использованию 2-й гвардейской армии против котельниковской группировки врага. Над этими предложениями вместе со мной работал Р. Я. Малиновский. Согласовали мы их и с командующим Сталинградским фронтом А. И. Еременко. Приведу часть второго пункта донесения, так как мне придется на него ссылаться:

> «Прошу утвердить следующий план дальнейшего планирования и действия Яковлева[36]. В ночь на 21-е и 21-го развернуть гвардейские стрелковые корпуса Яковлева по реке Мышкова на фронте Нияше-Кумский – Капкинский и 2-й гвардейский мехкорпус сосредоточить в районе Перегрузный, Аксай, Шелестов, и с утра 22.XII перейти к активным действиям. 22.XII гвардейские стрелковые корпуса, нанося главный удар в направлении Громославка, Шестаков и далее, вдоль железной дороги на Котельниково, вместе с корпусом Вольского должны будут окончательно разгромить противника в районе Верхне-Кумский, очистить северный берег реки Аксай и выходом на южный берег реки Аксай закрепить его за собой. 2-й гвардейский мехкорпус из района Аксай, действиями по флангу и тылу противника через Дарганов, к вечеру 22.XII должен будет, захватив сильным передовым отрядом Котельниково, главными силами выйти в район Пимен-Черни, Гремячая и. тем самым, прочно сесть на тылы группировки противника, действующей к северу от Котельниково. 23.XII – ликвидация противника к северо-востоку от Котельниково, с сильным заслоном от 2-го гвардейского мехкорпуса в сторону Дубовское и с выходом гвардейских стрелковых корпусов к вечеру на линию Верхне-яблочный – Пимен-Черни – Дарганов.
>
> 24. XII – выход гвардейских стрелковых корпусов на

линию Майорский – Котельниково – Поперечный с выброской 2-го гвардейского мехкорпуса и корпуса Вольского на реку Сал, седлая железную дорогу. Обеспечение указанных действий Яковлева с востока возложить на армию Труфанова в составе 38-й, 302-й, 126-й и 91-й стрелковых дивизий, 2 танковых бригад, а в дальнейшем и кавкорпуса Шапкина[37], который в ближайшие дни начал выходить в район Плодовитое. Попова обязать 20.XII ударом с северо-запада овладеть Нижне-Чирская и в дальнейшем совместными действиями с Романенко в направлении на Тормосин к вечеру 24.XII выйти на реку Цымла…»[38].

19 декабря в 0 час. 50 мин. был получен ответ Верховного Главнокомандующего. Он утвердил наши предложения. Утром противник ввел против 4-го механизированного корпуса, преобразованного 18 декабря в 3-й гвардейский механизированный корпус, свежую 17-ю танковую дивизию и, сосредоточив здесь до 300 танков, местами смял нашу слабую оборону и прорвался к реке Мышкове. Обстановка на поле боя достигла наивысшего напряжения. Соединения и части 2-й гвардейской армии, подходившие к линии фронта, с ходу вступали в бой. Все усилия врага были направлены к тому, чтобы прорвать нашу оборону на Мышкове. 19 декабря немецко-фашистским войскам местами удалось выйти на северный берег реки и даже занять там некоторые населенные пункты. Но их попытки расширить плацдарм успеха не имели. 20 декабря главные силы 2-й гвардейской заканчивали свое сосредоточение и развертывание по северному берегу Мышковы. В течение двух дней ни на минуту не стихали бои за каждую пядь степи. Населенный пункт Васильевна и другие неоднократно переходили из рук в руки. И все же атаки врага были отбиты с огромными для него потерями. Сражавшиеся у Громославки наши 98-я стрелковая, а у Васильевки 3-я гвардейская стрелковая дивизии потеряли свыше половины личного состава, но выстояли. В те дни и часы здесь, на изрезанных балками Ергеньских буграх, решалась судьба Сталинградской битвы.

23 декабря группировка Манштейна находилась от окруженных войск Паулюса всего в 35–40 км. Однако дальше продвинуться оказалась неспособной. 51-я армия, вместе с войсками 2-й гвардейской армии, при авиаподдержке со стороны отлично работавшей 8-й воздушной армии генерал-майора Т. Т. Хрюкина, остановили врага. Время, необходимое для окончательного развертывания 2-й гвардейской армии генерал-

лейтенанта Р. Я. Малиновского, было выиграно. План гитлеровского командования по освобождению войск Паулюса провалился. Создались благоприятные условия для перехода здесь наших войск в наступление. Основная роль при выполнении этой, еще более ответственной задачи, имевшей целью окончательный разгром группировки Манштейна, в основном возлагалась на ту же 2-ю гвардейскую армию. Одновременно левее готовились к наступлению 51-я армия с 3-м гвардейским механизированным и 13-м танковым корпусами, а правее – 5-я ударная армия. Ожесточенные бои с наседавшим врагом на берегах Мышковы вынудили перенести наступление с 22 на 24 декабря. Пришлось дополнительно усилить 2-ю гвардейскую армию прибывшим из резерва Ставки 6-м мехкорпусом и передать ей же из 5-й ударной армии 7-й танковый корпус; 3-й гвардейский мех-корпус, который предполагалось использовать, 22 декабря был выведен для срочного доукомплектования танками, после чего он в первые же дни операции был передан на усиление 51-й армии.

В течение всего периода подготовки операции я находился в Верхне-Царицынском, на КП 2-й гвардейской армии. Вместе с командармом Малиновским мы внимательно следили за обстановкой, часто бывали в войсках. Анализируя события, мы полагали, что, как только яростные атаки врага будут приостановлены, гвардейские стрелковые корпуса армии в соответствии с утвержденным Ставкой планом с рубежа Шабалинский – Громославка – Капкинский нанесут удар и, совместно с правофланговыми войсками 51-й армии, разгромят основные силы врага между реками Мышковой и Аксаем. Главная роль отводилась 1-му гвардейскому стрелковому и 7-му танковому корпусам на правом фланге армии. 2-й гвардейский и 6-й механизированный корпуса намечалось вывести не позднее вечера 24 декабря в район Аксай – Перегрузный, чтобы нанести удар по слабо прикрытому румынскими войсками флангу 57-го танкового корпуса немцев, а затем, развивая успех в юго-западном направлении, перекрыть пути отхода противника.

Все наши предположения и намерения своевременно докладывались Ставке. Никаких существенных поправок или, тем более, изменений в утвержденный Ставкой 19 декабря замысел операции и в план ввода в сражение 2-й гвардейской армии для разгрома войск Манштейна они не вносили, и предусматривали лишь усиление охватывающего удара по флангу врага с востока, с выходом на его коммуникации в районе Котельникова.

23 декабря в Верхне-Царицынский прибыл командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко. Мы обсудили с ним

план наступления. Сведения, полученные от пленных, свидетельствовали, что с утра 24 декабря можно было ожидать возобновления ожесточенных боев за северный берег Мышковы. Однако наши планы уже ничто не могло изменить: завершение сосредоточения 2-й гвардейской армии на этом направлении и прибытие сюда же 7-го танкового и дополнительно 6-го механизированного корпусов резко меняли соотношение сил в нашу пользу. Это, а также выгодное для нас развитие военных событий на среднем течении Дона, создавало благоприятные условия для перехода 2-й гвардейской и 51-й армий в немедленное наступление. Разгром 8-й итальянской армии на Юго-Западном фронте и глубокое выдвижение его танковых корпусов в сторону Морозовска и Тацинской говорили о том, что в ближайшие же дни противник вынужден будет не только прекратить попытки освободить окруженные войска Паулюса, но и под угрозой собственного окружения начнет отвод своей группировки.

При обсуждении вопроса о порядке ввода в сражение 2-й гвардейской армии А. И. Еременко настаивал на том, чтобы встречный удар гвардейских стрелковых корпусов с севера усилить не только 7-м танковым, но и 2-м гвардейским механизированным корпусом и сосредоточить здесь же, в районе Зеты, 6-й мехкорпус, изготовив его для контрудара. Нанесение же флангового удара в тыл 57-му танковому корпусу немцев с востока он предложил возложить лишь на 13-й танковый и 3-й гвардейский мехкорпуса 51-й армии. Я доложил Верховному Главнокомандующему эти предложения. Он порекомендовал нам особенно не настаивать на своем, и мы согласились с настойчивыми требованиями комфронта. Здесь я вновь вынужден сделать отступление, чтобы внести ясность в вопрос, который, по непонятным для меня причинам, получил искаженное освещение в книге А. И. Еременко «Сталинград». Вот как излагается в ней оперативная обстановка на фронте ко второй половине декабря 1942 года:

> «Противник осуществляет удар из района Котельниково, с целью освободить окруженных. В первом его эшелоне наступают 17-я, 6-я и 23-я танковые дивизии противника, их фланги уступом назад обеспечивают пехотная и кавалерийская дивизии. Во втором эшелоне следует не менее 2 моторизованных дивизий. Все эти силы входят в 4-ю танковую армию, которая, по данным разведки, через один-два дня должна нанести окончательный удар с целью соединиться с

окруженными. По приказу Гитлера они должны соединиться к 25 декабря, то есть к рождеству. Главное направление удара противника – Крепь, Зеты. По первоначальному плану предполагалось осуществить прорыв 12–20 декабря, но благодаря героическим действиям войск фронта упорнейшие девятидневные бои не принесли немецко-фашистским войскам желаемого успеха. Обе стороны понесли большие потери. В результате выиграно время, необходимое для сосредоточения 2-й гвардейской армии. Задача армии по приказу Ставки – окончательный разгром котельниковской группировки противника. Это также единственное условие разгрома всех немецко-фашистских войск в районе Сталинграда. Во исполнение этого замысла решаю: не теряя времени, чтобы не дать противнику передышки, 24 декабря нанести силами 4 корпусов удар по левому флангу врага, который он вынужден был подставить нам в результате действий 51-й армии. Котельниковская группировка немецко-фашистских войск должна быть разгромлена в два этапа: 1-й этап – силами 2-й гвардейской армии во взаимодействии с правым флангом 51-й армии прижать врага к реке Аксай, уничтожить танковые дивизии противника и успешно переправиться через реку; 2-й этап – удар по Котельниково; главный удар справа с охватом Котельниково с запада и юго-запада. 51-я армия наносит частный вспомогательный удар на Котельпиково с востока, выдвигая свои, хотя и слабые, механизированные корпуса глубоко на коммуникацию Дубовское – Зимовники. Приказываю 2-й гвардейской армии начать наступление в 10 часов 24 декабря с ближайшей задачей уничтожить 17-ю, 6-ю и 23-ю танковые дивизии противника в районе Капкинский, Громославка, Верхне-Кумский, Кругляков; в дальнейшем главный удар правым флангом на Котельниково. На первом этапе наиболее сильный удар наносят 1-й гвардейский стрелковый, 7-й танковый и 2-й механизированный корпуса – с фронта Шабалинский – Громославка с охватом противника с запада на Бирюков. Операцию с запада на рубеже от Верхне-Рубежного до реки Аксай обеспечивает 300-я стрелковая дивизия. 13-й гвардейский стрелковый корпус наносит удар с фронта (искл.) Громославка – Капкинский на Шестаков и далее, вдоль железной дороги на Котельниково. 6-му

механизированному корпусу продолжать ускоренным темпом сосредоточиваться в районе Зеты и быть в готовности для контрудара к исходу 24 декабря»[39].

Для воссоздания подлинной исторической картины рассмотрю далее некоторые факты, содержащиеся в книге А. И. Еременко.

«22 декабря, – утверждает он, – от представителя Ставки Верховного Главнокомандования товарища Василевского нам был доставлен план операции 2-й гвардейской армии, графически изображенной на карте… Изучая план, я пришел к заключению, что он, к глубокому сожалению, не соответствовал оперативной обстановке момента и ни в какой степени не увязывался со временем, которое предоставлялось нам этой обстановкой». Затем в деталях показывается разница между замыслом командования Сталинградского фронта и «предложением ттоварища Василевского». «По плану, полученному нами, – продолжает Еременко, – 2-я гвардейская армия должна была нанести свой главный удар в направлении Абганерово, Аксай, Дарганов и далее на Котельниково (схема 20). Такое направление удара вело к сложной перегруппировке войск, которую мы должны были произвести перед фронтом противника… Так, при реализации этого замысла, 7-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпуса, а также стрелковый корпус, должны были вначале передвинуться к востоку до линии железной дороги в районе Абганерово, а затем направиться к югу на Шелестов, Аксай, Перегрузный и далее, на Дарганов, и лишь после этого повернуть на запад – на Котельниково. В соответствии с таким планом механизированные части при споем передвижении должны были описать дугу, чтобы выйти к слабому флангу противника… При этом оставлялось выгодное направление для удара тоже по уязвимому и притом близкому левому флангу противника. Я уже не говорю о том, что в значительной степени нарушалась почти сосредоточенная группировка, нацеленная для удара с рубежа Черноморов – Громославка в общем направлении на Котельниково. Для перегруппировки войск 2-й гвардейской армии в этих условиях потребовалось бы дополнительно минимум двое-трое суток, то есть мы смогли бы осуществить удар не ранее 27, а возможно, и

28 декабря. Но, как знать, может быть, этого времени и было бы достаточно противнику, чтобы подтянуть резервы, привести в порядок свои войска, сделать еще один нажим и соединиться с войсками 6-й армии». И далее: «Кроме того, рокировка 2-й гвардейской армии влево привела бы к перемешиванию войск 2-й гвардейской и 51-й армий, что стеснило бы действия войск этой последней… Все эти соображения были мной изложены ттоварищу Василевскому… по прибытии в район сосредоточения 2-й гвардейской армии»[40].

А. И. Еременко замечает, что Василевский «воспринял критику, как подобает коммунисту», отказался от своего ошибочного предложения и одобрил план, выработанный командующим фронтом. После этого он якобы пригласил Р. Я. Малиновского, командиров корпусов и других руководящих лиц армии, и поставил задачу в соответствии с принятым им решением, назначив наступление на 24 декабря, вопреки предложению командования 2-й гвардейской армии начать его 25 декабря.

Что следует сказать по поводу всех этих, более чем удивительных, утверждений? Мне трудно предположить, чем руководствовался А. И. Еременко, приписывая мне некий мифический план операции, противопоставляя ему столь же мифический свой. Ведь документы убедительно свидетельствуют, что никаких соображений об использовании 2-й гвардейской армии против войск Манштейна, не говоря уже о столь некомпетентном по своему содержанию плане, я командующему Сталинградским фронтом не посылал. Все мои соображения по этому вопросу, которые намечались совместно с Р. Я. Малиновским, изложены в моем донесении Верховному Главнокомандующему от 18 декабря, о чем уже известно читателю. В нем не говорится ни о 7-м танковом, ни о 6-м механизированном корпусах и говориться не могло, так как первый вел 17 декабря серьезные бои в составе 5-й ударной армии в районе Рычковского и прибыл во 2-ю гвардейскую армию только 22–23 декабря. К тому же времени в нее прибыл из резерва Ставки и 6-й мехкорпус. 4-й мехкорпус, о котором идет речь в моем донесении, вел тогда успешные бои в составе 5-й ударной армии перед ее фронтом и на ее фланге и лишь 22 декабря с моего ведома был выведен на доукомплектование в резерв фронта, а затем, вместе с 13-м танковым корпусом, передан в состав 51-й армии.

План операции, который был представлен мною в Ставку 18

декабря и которого я придерживался до конца, ничего общего не имеет с тем, что приписывается мне в книге «Сталинград». Других же, каких-либо принципиальных предложений по этому вопросу, от меня не исходило, да и исходить без ведома Ставки, после утверждения ею принятого плана, не могло. Взять хотя бы основной вопрос – о направлении главного удара 2-й гвардейской армии в предстоявшем наступлении. Разве направление этого удара, изложенное А. И. Еременко при постановке задачи и выдаваемое им за какой-то особый замысел командующего фронтом, не совпадает с направлением того же удара по плану, утвержденному Ставкой 19 декабря? Точно так же, примерно, обстоит дело и с другими задачами, связанными с данным наступлением. Они, как это видно из элементарного сравнения приведенных документов, принципиально почти не отличаются от тех соображений, которые докладывались Ставке 1–8 декабря, если не говорить, конечно, о задачах подвижным войскам.

Непонятно также, откуда могла появиться у А. И. Еременко приложенная к его книге «схема 20», с изображением приписываемого мне плана, именуемая как «План операции 2-й гвардейской армии по разгрому котельниковской группировки противника, предложенный начальником Генерального штаба». Неизвестно мне, и кто является ее истинным творцом. Что касается вопроса об использовании в этой операции мощных 2-го гвардейского и 6-го механизированных корпусов, то я доныне уверен, что принятие командующим фронтом предложения Малиновского и представителя Ставки направить эти корпуса к началу операции в район Аксай – Перегрузный для удара против слабых румынских войск в юго-западном направлении и в тыл танковой группировки противника могло бы поставить 57-й танковый корпус врага в исключительно тяжелое положение, и он едва ли смог бы проскочить при своем отходе через Котельниково. Следовательно, и без того удачно проведенная нами операция на котельниковском направлении приобрела бы еще больший эффект.

Такова истина в вопросе об использовании 2-й гвардейской армии в нанесении контрудара по войскам Манштейна на котельниковском направлении. Разумеется, я был удивлен неточностью, допущенной в книге А. И. Еременко, и написал обо всем этом в статье «Незабываемые дни», опубликованной в «Военно-историческом журнале» (1966 г., № 3). С рукописью статьи я ознакомил Р. Я. Малиновского, попросив его, как бывшего командующего 2-й гвардейской армии и непосредственного участника событий, высказать свое отношение к этому вопросу.

Ознакомившись со статьей, Р. Я. Малиновский, в соответствующем ее месте, сделал следующее примечание, которое привожу дословно и которое было опубликовано в указанном номере журнала. Р. Я. Малиновский писал:

> «Как командующий войсками 2-й гвардейской армии, могу полностью подтвердить замечания товарища Василевского А. М. Прочтя освещение действий этой армии в книге товарища Еременко А. И., я был немало удивлен столь неправильным толкованием событий, но в силу занятости не мог это письменно опровергнуть, а оставил за собой право высказаться по данным утверждениям автора книги «Сталинград» в будущем, как и по другим вопросам, неправильно изложенным в ней».

Возвращаюсь к основному повествованию. После того, как войска Манштейна были остановлены, 2-я гвардейская и 51-я армии перешли в наступление. Иногда пишут, что оно совпало с преднамеренным отходом войск Манштейна с реки Мышковы за реку Аксай и далее на юг. Я придерживаюсь по этому вопросу другого мнения. В этом меня убеждают, прежде всего, те напряженнейшие бои, которые вынуждены были вести войска 2-й гвардейской армии в течение 24 и 25 декабря между Мышковой и Аксаем с 23-й и 17-й танковыми дивизиями противника. То был не «отход» его за Аксай и, в дальнейшем, на Котельниково, а вынужденный переход к жесткой обороне, вызванный огромными потерями, а также осложнившейся для врага обстановкой на нижнечирском направлении в результате оголения фланга 57-го танкового корпуса. Небезынтересны воспоминания самого Манштейна, которые мы находим в его книге «Утерянные победы»: «Итак, теперь и на фронте восточнее реки Дон пробил час, когда инициатива перешла в руки противника. 25 декабря противник, силы которого продолжали расти, атаковал 57-й танковый корпус на реке Мышкова и оттеснил его на р. Аксай. В последующие дни стало ясно, что противник стремится охватить фланги корпуса с востока и запада… Обладая теперь силами, превосходящими наши в несколько раз, противник принудил 4-ю танковую армию в ближайшие дни отойти еще дальше вплоть до Котельниково, откуда она начала свое наступление 12 декабря… Начатая 12 декабря попытка выручить 6-ю армию потерпела неудачу, по крайней мере временную. Имелась ли при сложившейся в то время обстановке еще какая-нибудь надежда на повторение этой попытки? Ныне, когда есть возможность проследить весь ход событий на фронте группы армий «Б», на

этот вопрос придется, пожалуй, ответить отрицательно. Но тогда нельзя было предвидеть, что уже в январе за катастрофой итальянской армии последует еще более серьезная катастрофа венгерской армии на Дону. Командование группы армий «Дон» в те дни не считало себя вправе отказаться от надежды все же выручить 6-ю армию, несмотря на все связанные с этим трудности».

Итак, 24 декабря 2-я гвардейская и 51-я армии перешли в решительное наступление, тесня противника на Котельниково, и развивая удар с севера и северо-востока. В оперативной глубине на этом направлении наиболее успешно действовали 7-й танковый, а затем 6-й механизированный корпуса. Перешедшие в наступление 27 декабря 13-й танковый и 3-й гвардейский механизированный корпуса 51-й армии от Садового и Уманцева, прорвав боевые порядки 4-й румынской армии, угрожали глубоким охватом котельниковской группировке с юга. Тогда же началась борьба непосредственно за Котельниково. Противник укрепил оборону города. Но утром 29 декабря, в результате упорных уличных боев, 7-й танковый корпус полностью очистил город и железнодорожную станцию от врага.

Остатки немецко-фашистских войск, оказывая сопротивление, отходили через Калмыцкую степь и Придонье в западном и юго-западном направлениях. В результате наступления Сталинградского фронта с 24 по 31 декабря была окончательно разгромлена 4-я румынская армия, а 57-й танковый корпус 4-й танковой армии противника с большими потерями отброшен на 150 км. Несколько слов о событиях на Среднем Дону, сыгравших исключительно важную роль в срыве наступления Манштейна и разгроме его войск. Здесь наступление Юго-Западного и Воронежского фронтов началось 16 декабря. Главный удар наносился 6-й и 1-й гвардейской армиями на их стыке. Встречный удар наносила 3-я гвардейская армия Юго-Западного фронта. Ближайшей целью являлся разгром 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холлидт». После этого в результате нового удара подвижных корпусов по сходящимся направлениям (на Тацинскую и Морозовск) 1-й и 3-й гвардейским армиям предстояло выйти в тыл фашистским войскам, предназначавшимся для участия в освобождении окруженной группировки Паулюса. Уже на пятый день операции весь фронт итальянцев был взломан. Управление войсками у врага быстро нарушилось. Началось беспорядочное отступление. Активную роль сыграли наши танковые и механизированные корпуса, смело вклинившиеся глубоко в тыл противника и с ходу ликвидировавшие его отходившие колонны.

Действенную помощь наземным войскам оказывала авиация 17-й (генерал-лейтенанта С. А. Красовского) и 2-й (генерал-майора К. Н. Смирнова) воздушных армий. Из подвижных войск необходимо особо отметить 24-й танковый корпус генерал-майора В. М. Баданова, ставшего у нас первым кавалером ордена Суворова II степени. Оторвавшись от своих войск, этот корпус 24 декабря неожиданно атаковал и захватил станцию Тацинская с огромным количеством трофеев. Успешное развитие наступления войск Юго-Западного фронта вынудило немецко-фашистское командование бросить против них все войска, которые предназначались для создания ударной группировки в районе Тормосина с целью нанесения второго деблокирующего удара. Чтобы ликвидировать угрозу, нависшую над группой армий «Дон», в район Миллерово, Тацинской и Морозовска были направлены и находившиеся на подходе четыре танковые, и четыре пехотные дивизии, предназначавшиеся ранее для усиления удара на Сталинград со стороны Нижне-Чирской. Гитлеровцам удалось создать оборону севернее Тацинской и Морозовска. 24-й танковый корпус оказался отрезанным от остальных наших войск и четыре дня вел бой в окружении. Получив разрешение на выход, он протаранил боевые порядки противника и без особых потерь вернулся к своим.

Упорное сопротивление оказывал враг в районе Тормосина, создавая угрозу правому флангу ударной группировки 2-й гвардейской армии. В переговорах с Верховным Главнокомандующим я предложил передать 5-ю ударную армию с 3-м гвардейским кавкорпусом из Сталинградского фронта Юго-Западному. Силами 5-й ударной и 5-й танковой армий, включив в состав последней 23-й танковый корпус, Юго-Западный фронт должен ликвидировать противника южнее Суровикина, чтобы спрямить линию фронта и отбросить вражеские войска от Чира к реке Россошь. 26 декабря Ставка дала соответствующее разрешение на эти действия. Руководство ими возлагалось на генерал-лейтенанта М. М. Попова, ставшего заместителем командующего Юго-Западным фронтом, а командующим 5-й ударной армией был назначен генерал-лейтенант В. Д. Цветаев. Сложная обстановка у Тормосина заставила нас направить усилие 2-го гвардейского мехкорпуса, 33-й гвардейской и 387-й стрелковой дивизий на то, чтобы не позднее 29 декабря переправиться через Дон и нанести удар на Тормосин. Руководство этими войсками командующий 2-й гвардейской возложил на своего заместителя генерал-майора Я. Г. Крейзера.

Утром 29 декабря, получив донесение о том, что 7-й танковый корпус полностью очистил от фашистов Котельниково,

я тотчас выехал в Верхне-Курмоярскую, чтобы помочь войскам выполнить задание на тормосинском направлении. В Верхне-Курмоярской уже были Я. Г. Крейзер и командир 2-го гвардейского мехкорпуса генерал-майор К. В. Свиридов. Они руководили переправой корпуса через Дон, а 33-я гвардейская дивизия, захватив плацдарм на западном берегу реки, обеспечивала переправу. Двумя днями позже эти соединения, во взаимодействии с частями 5-й ударной армии, наступавшими с северо-востока, овладели Тормосином и прилегающим районом.

В ночь под новый год И. В. Сталин поручил мне передать войскам 7-го танкового корпуса благодарность Верховного Главнокомандующего за отличную работу и поздравление с одержанной очень важной победой над врагом. Поручение было приятным, и я с удовольствием выполнил его, пожелав командованию счастливого нового года. Стояла прекрасная, звездная ночь. Над скованной морозом степью лился чистый лунный свет. В затемненных домах Котельникова кое-где поблескивали искорки от самокруток и зажигалок. Порою издали доносились короткие автоматные трели. И я вдыхал полной грудью зимний воздух Родины. Победа заполняла сердце радостью, и ветерок Прикаспия, обжигая щеки, казался предвестником наших скорых новых больших удач. Вспомнилась новогодняя ночь 1942 года. Тогда мы одержали первую победу над врагом под Москвой.

Утром 1 января 1943 года я вернулся на свой КП в Верхне-Царицынское. Здесь меня ожидали переданное из Москвы указание связаться по телефону со Сталиным и директива Ставки, подписанная в ночь под новый год Сталиным и Жуковым, и адресованная мне и Еременко. В директиве сообщалось, что представленный нами план дальнейших действий фронта утвержден. Вместе с тем дополнительно предписывалось овладеть силами подвижных частей Цимлянской – 2 января; Константиновской – к исходу 4, и, ни в коем случае, не позже 5 января; городами Шахты и Новочеркасском – 7 января; Сальском – 5 января; Тихорецкой – 15–16 января. Организацию взаимодействия Южного (бывшего Сталинградского) и Юго-Западного фронтов приказывалось осуществлять мне. Операции присваивалось кодовое наименование «Дон».

В последовавшем вскоре разговоре Сталин сообщил мне, что Ставка пересмотрела вопрос о моем дальнейшем использовании и предлагает мне немедленно отправиться на Воронежский фронт, чтобы там, в качестве представителя Ставки, принять участие в подготовке и проведении запланированных на Верхнем Дону наступательных операций, взяв на себя при этом организацию

взаимодействия Воронежского фронта с Брянским и Юго-Западным. 1 января, проезжая через Заварыгин, по пути на Воронежский фронт, я навестил К. К. Рокоссовского, поздравил его с нашим общим успехом и познакомился у него с писателями Вандой Василевской и Александром Корнейчуком. Среди высшего комсостава Красной Армии тогда пользовалась большим успехом пьеса Корнейчука «Фронт». Побеседовав часа два, я направился в путь и утром 2 января был уже в штабе Воронежского фронта.

Победа под Сталинградом коренным образом изменила обстановку на всем советско-германском фронте. Наше Верховное Главнокомандование получило возможность развернуть стратегическое наступление на огромном участке фронта в целом и, прежде всего, на южном его крыле и воронежском направлении. Выдвижение войск Южного фронта на линию Зимовников в Сальские степи, с одновременным развитием наступления Юго-Западного фронта на ворошиловградском направлении, создавало серьезную угрозу всей кавказской группировке врага. Чтобы показать, как Верховное Главнокомандование оценивало создавшуюся на Кавказе обстановку и куда оно стремилось направить дальнейшие усилия наших войск на этом участке фронта, сошлюсь на телеграмму Сталина, продиктованную им 4 января Генштабу для командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева. Привожу ее еще и потому, что нахожу ее полезной в смысле оценки Сталина как военного деятеля, как Верховного Главнокомандующего, руководившего грандиозной по масштабам борьбой Советских Вооруженных Сил. Подобных документов, исходивших непосредственно от Сталина и касавшихся решения самых важных оперативно-стратегических вопросов, было за время войны немало.

Вот его текст:

> «Первое. Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова[41] превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования противника. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров[42]. Второе. Немедленно погрузите 3-й стрелковый корпус из района Северной

группы и ускоренным темпом двигайте в район Черноморской группы. Масленников может пустить в дело 58-ю армию, которая болтается у него в резерве и которая, в обстановке нашего успешного наступления, могла бы принести большую пользу. Первая задача Черноморской группы – выйти на Тихорецкую и помешать, таким образом, противнику вывезти свою технику на запад. В этом деле Вам будет помогать 51-я армия и, возможно, 28-я армия. Вторая и главная задача Ваша состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить, таким образом, северокавказскую группу противника с целью взять ее в плен или уничтожить. В этом деле Вам будет помогать левый фланг Южного фронта – Еременко, который имеет задачей выйти севернее Ростова. Третье. Прикажите Петрову, чтобы он начал свое наступление в срок, не оттягивая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода всех резервов. Петров все время оборонялся, и у него нет большого опыта по наступлению. Растолкуйте ему, что он должен дорожить каждым днем, каждым часом. Четвертое. Немедленно выезжайте… в район Черноморской группы и обеспечьте выполнение настоящей директивы»[43].

Каждому было понятно, что все это означало. Загородить немцам выход с Кавказа и отсечь их соединения, еще вчера нагло лезшие на юг, к Эльбрусу, в Грузию и Азербайджан. Вот вопрос, вставший на повестку дня!

Такую стратегию диктовала военная обстановка после успешного контрнаступления советских войск под Сталинградом. В то же время и, прежде всего, разгром противника на Среднем Дону, особенно в районе Котельникова, создал благоприятные условия для окончательной ликвидации немецкой группировки, окруженной под Сталинградом. Этим заключительным актом Сталинградской эпопеи, ее победным финалом, явилась наступательная операция Донского фронта в междуречье Волги и Дона. Она была подготовлена и успешно проведена в январе 1943 года под руководством командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского и представителя Ставки Н. Н. Воронова.

Хочу сказать здесь несколько слов о Главном маршале артиллерии II. Н. Воронове. Мое знакомство с ним произошло в Москве в начале 30-х годов, когда он был командиром артиллерийского полка Московской Пролетарской дивизии, а я

работал в штабе боевой подготовки РККА. Управление боевой подготовки проводило учения с войсками Московской дивизии по отработке тех или иных тактических или специальных вопросов. На этих учениях мне очень часто приходилось не только встречаться, но и работать с Н. Н. Вороновым. Николай Николаевич часто заглядывал в инспекцию артиллерии, входившую в состав нашего управления, и почти всегда заходил к нам в штаб побеседовать по тем или иным вопросам. Все мы видели в Н. Н. Воронове отличного специалиста, практика-артиллериста, прекрасно разбиравшегося и в общевойсковых вопросах. Затем он был командирован в Испанию, а по возвращении оттуда был назначен командующим артиллерией Красной Армии.

Особенно близко я познакомился с ним в годы войны. Оставаясь командующим артиллерии, Н. Н. Воронов часто направлялся на различные фронты в качестве представителя Ставки. Верховный Главнокомандующий не без основания доверял ему, считая его крупным военным специалистом, обладающим серьезным боевым опытом. Николай Николаевич внес немалый вклад в разработку и проведение ряда ответственнейших операций. Большую роль сыграл он и в подготовке кадров командного состава советской артиллерии, в совершенствовании и создании новых образцов артиллерийского вооружения, и боевой техники, а также в развитии тактики боевого применения этого могучего рода войск, сыгравшего неоценимую роль в годы Великой Отечественной войны. Н. Н. Воронов пользовался заслуженным авторитетом в Вооруженных Силах. Все, знавшие его, относились к нему с огромным уважением…

Операция началась 10 января, после того как противник отверг наше предложение о прекращении сопротивления. С этого времени настроение врага и его надежда на деблокаду значительно снизились. Это проявлялось в апатии и постепенном разложении. Все в большей степени усталые и измотанные солдаты искали себе убежище в подвалах Сталинграда. Все чаще слышались высказывания о бессмысленности сопротивления.

14 дней спустя Паулюс сообщил германскому верховному командованию: «Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию». Его просьба была отклонена.

2 февраля 1943 года прозвучали последние залпы битвы на Волге. Она дала Родине тысячи и тысячи героев – рядовых бойцов, командиров, политработников. Их подвиги – символ нашей воинской славы. Большое количество соединений и частей

было удостоено почетных наименований, награждено орденами, преобразовано в гвардейские. Более 700 тыс. участников обороны города-героя и разгрома вражеских полчищ награждены медалью «За оборону Сталинграда». Признанием особых заслуг героев-сталинградцев явилось сооружение на легендарном Мамаевом кургане величественного памятника-ансамбля.

Душой обороны Сталинграда была Коммунистическая партия. Это она, партия, направляла все усилия народа и армии на защиту волжских рубежей, вдохновляла воинов на героические подвиги. Вспоминается встреча с директором столичного автозавода И. А. Лихачевым. Это было сразу же после окончательной ликвидации немецко-фашистской группировки под Сталинградом. Я только что вернулся в Москву, случайно увиделся с Иваном Алексеевичем и в восторженном тоне рассказал ему о нашей победе. Помню, он с укором посмотрел на меня:

– Что же так плохо хвастаешься! Мы… Мы… Мы!.. А мы что, не участвовали в достижении этой победы? Не забывай, у нас воюет вся страна. У нас что ни завод – фронт, что ни колхоз – фронт. Этой победой гордится каждый советский труженик.

Ставка и Генштаб, как никогда, умело и целеустремленно провели все сражение. Тщательно разработанный план битвы отличают оригинальность замысла и глубина оперативно-стратегического содержания. В нем просматривался почерк зрелой и талантливой полководческой школы. Ставка и Генштаб проделали огромную работу по подготовке и осуществлению операции: доведение задач до исполнителей и конкретизация их с командующими фронтами и армиями, решение вопросов взаимодействия на всех уровнях командования, материально-техническое обеспечение войск. В общем, они сделали максимум возможного, чтобы успешно выиграть сражение.

Великолепно справились в Сталинградской битве со своими сложными задачами и командующие войсками фронтов – Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко и К. К. Рокоссовский, их военные советы и штабы, проявив при этом возросшее искусство в управлении войсками. Вопросы использования в этой сложной операции крупных подвижных войск, тесное, четкое и своевременное взаимодействие всех родов войск и на всех стадиях операции, организация окружения, создания внешнего фронта, изолировавшего столь крупную вражескую группировку от подходящих резервов, вопросы противовоздушной обороны и материального обеспечения войск были решены с большим знанием дела. Битва показала высокий уровень советского военного искусства и, по существу, стала достойным,

поучительным уроком истории. В то же время победа под Сталинградом явилась и неопровержимым свидетельством огромной мощи, роста военного мастерства Советских Вооруженных Сил в целом. Она послужила отличным примером и толчком для проведения в 1943 году целой серии новых наступательных операций, важнейшим этапом на пути к нашей полной победе в Великой Отечественной войне.

Деятельность командующих фронтов и армий неотделима от деятельности их штабов. Возглавляли штабы на Юго-Западном – С. П. Иванов, на Сталинградском – И. С. Варенников и на Донском – М. С. Малинин. Их организаторский талант и мастерство во многом способствовали успешному решению всех задач стратегического, оперативного, тактического и чисто организационного порядка на протяжении всей операции, и особенно в период ее подготовки.

Книжные магазины буржуазного Запада продолжают наводняться самыми разномастными «исследованиями», в которых предвзято, тенденциозно освещаются события, происходившие и на Волге, и на других участках советско-германского фронта. Некоторые из авторов таких «исследований», как, например, американский генерал Уокер, договариваются до того, что Сталинградской битвы вообще не было. Сей генерал заявил, что битва на Волге – это всего-навсего пропагандистская выдумка коммунистов. Думается, что такое заявление может сделать лишь человек, страдающий психической неуравновешенностью. Давайте обратимся к тексту одного документа. Он хранится, среди других реликвий, в музее города-героя, именем которого названа битва на Волге. Это грамота президента США Франклина Рузвельта. Вот ее текст: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

Искать в «исследованиях», подобных тому, которое принадлежит упомянутому Уокеру, объективный анализ хода и исхода Второй мировой войны, элементарную научную добросовестность – это все равно, что раздувать погасший пепел в надежде извлечь из него огонь. Ведь их авторы – это верные слуги международной реакции, избравшие своим ремеслом грязную клевету на советский народ и его Вооруженные Силы. Они лезут из кожи вон, чтобы принизить наши боевые успехи. Те самые

успехи, которые во всех оккупированных гитлеровцами странах побуждали сотни тысяч людей переходить от пассивного сопротивления к активной борьбе. Те самые успехи, которые оказались роковыми для фашистской Германии.

Буржуазные фальсификаторы тщатся доказать, будто «решающие битвы» Второй мировой войны происходили там, где действовали англо-американские войска. Называется, в частности, район Эль-Аламейна. Еще раз напомним: в октябре 1942 года на сталинградском направлении насчитывалось свыше 50 немецких дивизий, а в районе Эль-Аламейна всего лишь 12. Разница, как видим, весьма существенная. Напомним также, что в то время немецкое командование держало под Сталинградом основные силы танков и авиации. Далее. Буржуазные фальсификаторы, потеряв всякое чувство меры, ставят Сталинградскую битву в один ряд с высадкой американских войск на остров Гуадалканал. Но известно, что численность японского гарнизона, оборонявшего этот остров, не превышала 2 тыс. человек.

В «исследованиях», принадлежащих буржуазным фальсификаторам, ничего не говорится о достижениях советского военного искусства в Сталинградской битве. Зато на все лады перепевается утверждение нацистских генералов о якобы нашем подавляющем превосходстве в силах и средствах.

В военном деле принято различать два вида превосходства в силах и средствах: общее превосходство и превосходство на главных направлениях. Всегда, конечно, желательно иметь общее превосходство, являющееся важнейшим фактором достижения победы. Однако общего превосходства у нас под Сталинградом не было. Вот как выглядело соотношение сил и средств к 19 ноября 1942 года. Советские войска: люди – 1106,1 тыс., орудия и минометы – 15 501, танки и САУ – 1463, боевые самолеты – 1350. Войска противника – соответственно 1011,5 тыс., 10290, 675, 1216. Стало быть, к началу контрнаступления мы располагали только незначительным превосходством в артиллерии и танках.

Суть дела в том, что советское командование, при отсутствии общего превосходства в силах и средствах, сумело искусно создать мощные ударные группировки на направлениях главных ударов. В качестве примера можно привести Юго-Западный фронт, ширина полосы которого составляла 170 км. На участке прорыва шириной в 22 км (около 9 % общей протяженности фронта) было сосредоточено до 50 % стрелковых дивизий, все танковые и кавалерийские корпуса, 85 % артиллерии усиления. В интересах этой группировки действовала и вся авиация фронта. Аналогичным образом создавались ударные группировки на

Донском и Сталинградском фронтах. Добавим к этому – правильный выбор направлений, выводивших ударные группировки в тыл врага; точное определение момента перехода в контрнаступление; одновременное образование внешнего и внутреннего фронтов окружения; надежную организацию воздушной блокады войск противника, попавших в гигантский «котел».

Сколько бы ни усердствовали современные буржуазные фальсификаторы в злонамеренном искажении истории, им не удастся вытравить из сознания человечества величия Сталинградской победы. И для нашего, и для будущих поколений навсегда остается и останется бесспорным то, что после поражения под Сталинградом гитлеровская клика, несмотря на все усилия, не смогла восстановить былую, боеспособность своей армии, очутилась в полосе глубокого военно-политического кризиса. Сталинградскую битву по праву определяют как крупнейшее военно-политическое событие всей Второй мировой войны. Именно Сталинградская победа предопределила начало распада фашистского блока, увеличила размах освободительного движения в странах, подпавших под ярмо нацистской оккупации, воочию показала, что на страже социализма не только правда, но и жизненная сила, что фашизм обречен на неминуемую гибель.

На Верхнем Дону

Мощь Красной Армии растет. – Вторая половина второй военной зимы. – Новый год – новые задания. – Острогожско-Россошанская операция. – А. И. Антонов, К. С. Москаленко, П. С. Рыбалко. – Воронежский выступ. – Встреча с Н. П. Пуховым. – Мы в Харькове. – Очередные планы. – 25-летие Красной Армии

Зимой 1942/43 года Красная Армия наступала на значительной части фронта от Ленинграда до Кавказа. В те дни, оглядываясь на пройденные страной полтора военных года и ведя бои глубоко в пределах родной земли, мы твердо верили, что главные трудности позади. Победа в Сталинграде, ясная цель, все возрастающая помощь тыла – все это вдохновляло и звало вперед, к окончательной победе. И мы уже были не теми, кого в июне 1941 года война взяла в суровые тиски, иной была и Красная Армия. Совершенствовалось ее воинское искусство, крепла боевая мощь. В ходе войны вырос отряд опытных, закаленных в сражениях командиров. В октябре 1942 года в Советских Вооруженных Силах было введено полное единоначалие. Качественно выросли и политработники. В декабре свыше 140 политработников получили генеральские звания. Многие из них были переведены и назначены на должности командиров-единоначальников. В начале 1943 года личный состав сухопутных сил, ВВС и Флота впервые надел погоны, ставшие символом почетного солдатского и матросского долга советских воинов перед Родиной.

Погоны ввели по предложению И. В. Сталина. Когда принималось решение о введении погон, он попросил начальника тыла генерала А. В. Хрулева показать погоны старой русской армии. Разглядывая их, Сталин, помню, обратился ко мне:

– Товарищ Василевский, покажите, какие погоны вы носили в старое время.

Должен, к слову, заметить, что и ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Нахимова были учреждены также по предложению Верховного Главнокомандующего. В его кабинете в годы войны висели портреты прославленных русских полководцев Суворова и Кутузова.

Достижения Красной Армии на полях сражений нашли отражение в новых воинских уставах. Боевой устав пехоты 1942 года, а за ним и проект Полевого устава 1943 года обобщали передовой опыт армии и способствовали широкому внедрению

его в практику. Так, с учетом опыта, устав ввел новые рекомендации командирам. До того времени командиры стрелковых подразделений при наступлении, как правило, шли впереди своих подчиненных.

В результате армия несла большие потери среди среднего командного состава. К тому же стремление командиров быть обязательно впереди крайне затрудняло управление боем. «Боевой устав – 42» предписывал командирам (за исключением командиров отделений) избирать себе место в бою там, откуда, прежде всего, удобнее организовать управление, наблюдать за полем боя и поддерживать связь с начальником и соседями. По уставу, при наступлении на обороняющегося противника полагалось отказаться от шаблонного эшелонирования атакующих пехотных подразделений в глубину, и, наоборот, требовалось максимально массировать силы и средства частей, и подразделений, используемых на направлении главного удара, сужать ширину полос для их прорыва и наступления, и увеличивать тактические плотности на единицу занимаемой ими площади.

Численность личного состава стрелковых подразделений и частей уменьшалась, а огневая мощь их значительно возрастала. Так, за время Сталинградской битвы ручных пулеметов в штатной стрелковой дивизии стало больше на 150, 45-миллиметровок – на 18. Заметно прибавилось автоматов. Вскоре войска перешли к использованию автомата системы Судаева и станкового пулемета системы Горюнова, больше отвечавшего требованиям современного боя.

Количество образцов артсистем сократилось с 21 до 8, так что оборонной промышленности стало легче выполнять фронтовые заказы, используя стандартные заготовки. Резко поднялось производство кумулятивных и подкалиберных снарядов, обладавших высокой способностью бронепробивания и бронепрожигания. Было покончено с голодом на зенитные снаряды. Из бригад М-30 формировались тяжелые дивизии реактивной артиллерии; дивизионный залп 864 рам обрушивал на врага сразу 3840 снарядов общим весом в 320 т. Вместо многочисленных мелких артгрупп Резерва Верховного Главнокомандования, распыленных по отдельным полкам и дивизионам, создавались крупные артсоединения с большой массированностыо огня. Появились полки самоходно-артиллерийских установок, вооруженные пушками калибра 76 и 122 мм. За фронтом были закреплены минометная и истребительно-противотанковая артбригады, а за общевойсковой армией – зенитный, минометный, истребительно-

противотанковый и пушечный полки армейской артиллерии.

Теперь на поле боя трудно было встретить одиночные танки. Они применялись уже целыми подразделениями, затем частями, а потом и соединениями. Формировались и успешно использовались полки прорыва с тяжелыми танками. К концу 1942 года в Действующей армии было 7350 танков (в 3 с лишним раза больше, чем за год до этого). Авиация менялась буквально на глазах. Скорость, огневая и бомбовая мощь, высота и дальность полета быстро нарастали. Резко улучшились и средства управления боевой авиацией. К весне 1943 года только ночные, скромные, но незаменимые труженики По-2, еще не имели новых приемо-передающих раций. Вместо отдельных полетов малыми группами практиковалось авиационное наступление из серии сплошных авиаударов крупными массами боевых машин. Постоянно действующими артериями стали военные дороги: автомобильная и дорожная службы, выделенные в самостоятельные управления, заняли важное место в общей системе вооруженных сил. До конца 1942 года в армию влились 822 тыс. офицеров. На 22 июня 1941 года в Действующей армии было менее 3 млн военнослужащих, а к декабрю 1942 года около 6,6 млн. Пополнялись стратегические резервы. Перед зимою 1942–43 года Ставка имела в своем резерве 1,6 тыс. боевых самолетов, более 1 тыс. танков и примерно четверть миллиона обученных бойцов. Вот как выросли наши возможности. Следовало лишь разумно распорядиться всем тем, что дал советский народ своей Красной Армии.

Пока Донской фронт в январе – феврале 1943 года ликвидировал окруженную группировку Паулюса, на разных участках советско-германского фронта осуществлялся ряд операций, входивших составной частью в общий замысел Верховного Главнокомандования по развитию завоеванной Красной Армией стратегической инициативы. Ответственную роль в этом замысле играли наступательные операции, проведенные на Верхнем Дону. Мне довелось находиться здесь почти всю зиму 1943 года, помогая командованию Воронежского, а затем и Брянского фронтов претворять в жизнь разработанные Верховным Главнокомандованием и Генштабом планы.

Чтобы читателю легче было ориентироваться в событиях, развернувшихся тогда на Верхнем и Среднем Дону, несколько слов об общей обстановке на советско-германском фронте в то время. Освобождение родной земли шло через серию наступательных операций, перекрывавших во времени одна другую. На юге к ним относятся: Ростовская операция с 1 января по 14 февраля (освобождение Ростова-на-Дону); Нальчикско-

Ставропольская с 3 января по 4 февраля (освобождение Ставрополя); ликвидация сталинградской группировки фашистов с 10 января по 2 февраля; Краснодарско-Новороссийская операция с 11 января (закончилась она уже в мае очищением от врага почти всего Прикубанья). В центре: Острогожско-Россошанская операция с 13 по 27 января (продвижение на запад в районе донских притоков Потудань, Тихая Сосна и Черная Калитва); Воронежско-Касторненская с 24 января по 2 февраля (освобождение Воронежской области); Харьковская со 2 по 26 февраля (изгнание врага из района Харькова). На севере: прорыв блокады Ленинграда с 12 по 18 января; ликвидация Демянского плацдарма фашистов с 15 по 28 февраля. Таким образом, все эти операции на трех основных направлениях были осуществлены советскими войсками с максимальным успехом во второй половине зимней военной кампании 1942–43 года.

На воронежском направлении, о котором пойдет речь, обстановка была такова. Войска Воронежского фронта (с октября 1942 года им командовал генерал-лейтенант, затем генерал-полковник Ф. И. Голиков, член военного совета генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов, начальник штаба генерал-майор М. И. Казаков) и Брянского фронта (командующий генерал-лейтенант, затем генерал-полковник М. А. Рейтер, член военного совета генерал-лейтенант И. З. Сусайков, начальник штаба генерал-майор Л. М. Сандалов) летом и осенью 1942 года вели активные боевые действия, не позволявшие врагу снимать с этого направления силы для переброски их под Сталинград. За это время они неоднократно предпринимали наступательные действия отдельными армиями или войсковыми соединениями. Частная наступательная операция 60-й армии генерал-майора И. Д. Черняховского по освобождению Воронежа успеха не имела. Удалось очистить от немцев небольшой район в северной части города. Не принесла успеха, хотя она и сковывала силы врага, совместная операция, проведенная с той же целью в середине июля 38-й армией Брянского и 60-й армией Воронежского фронтов. Основной причиной неудачи явилось отсутствие у войск достаточного опыта в подготовке и ведении наступления. и недооценка сил противника.

В результате наступательной операции, которая была проведена в конце июля 6-й армией генерал-майора Ф. М. Харитонова, удалось захватить на правом берегу Дона, в районе Первого Сторожевого, плацдарм размером 10 км по фронту и 8 км в глубину, который имел для нас исключительно важное значение. В середине сентября 1942 года по инициативе командующего Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутина была

проведена наступательная операция с целью освобождения Воронежа. В ней участвовали 60-я и 40-я армии, а также переданная из Брянского фронта 38-я армия. 40-я армия генерал-лейтенанта М. М. Попова овладела пригородом Чижовка и южной частью Воронежа; 38-я армия имела незначительный успех; 60-я армия успеха не достигла. Задача, поставленная перед войсками фронта, из-за недостатка сил, а также вследствие упорного сопротивления 2-й немецкой армии, опиравшейся на хорошо подготовленные оборонительные позиции, не была выполнена. Поэтому Ставка приказала Воронежскому фронту прекратить наступательные действия и перейти к жесткой обороне. В октябре Н. Ф. Ватутин вступил в командование вновь образованным Юго-Западным фронтом.

До конца декабря Воронежский фронт совершенствовал свою оборону, протянувшуюся от железной дороги Елец – Касторное к Воронежу, далее, по левому берегу Дона до Новой Калитвы, на юго-запад до Кантемировки (с плацдармами на правом берегу Дона у Первого Сторожевого и у Щучья). В состав фронта входили тогда 38-я армия генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова, 60-я – генерал-майора И. Д. Черняховского, 40-я – генерал-лейтенанта К. С. Москаленко, 18-й отдельный стрелковый корпус генерал-майора П. М. Зыкова. Против них стояли на севере 7 пехотных дивизий 2-й немецкой армии генерал-полковника Г. Зальмута; южнее оборонялась 2-я венгерская армия генерал-полковника Г. Яни; еще южнее – итальянский альпийский корпус; наконец, в районе Россоши находились несколько немецких и итальянских дивизий. За стыком немецкой и венгерской армий фашистское командование держало в резерве танковую бригаду, а возле Каменки – пехотную дивизию.

В дни, когда успешно развивались действия наших войск на Среднем Дону и на котельниковском направлении, мы с командованием Воронежского фронта по приказу Ставки приступили к подготовке наступательной операции, с целью окружения и разгрома войск врага в районе Острогожска и Россоши. Ставка предусматривала в результате этой операции, прежде всего, освободить в интересах Юго-Западного и Сталинградского фронтов железную дорогу Лиски – Кантемировка. Это облегчило бы их наступление на Ростов и Северный Кавказ и, кроме того, приблизило бы советские войска к угольным районам Ворошиловградской области. Войска Воронежского фронта должны были нанести главный удар по центру венгерской армии, чтобы создать благоприятные условия для дальнейших действий против немецкой армии, оборонявшейся непосредственно на воронежском направлении. С

этой целью Ставка передала Ф. И. Голикову из своего резерва 3-ю танковую армию, некоторые войсковые соединения и средства усиления. К началу операции мы превосходили здесь врага лишь в танках и артиллерии, но в личном составе и в авиации соотношение сил было не в нашу пользу. Ставка придавала этой операции большое значение. Поэтому послала в начале января 1943 года на Воронежский фронт еще одного своего представителя. К нам в штаб фронта, находившийся в поселке Анна, прибыл Г. К. Жуков. Я приехал сюда 2 января из-под Сталинграда. Затем все мы перебрались в город Бобров, знаменитый некогда конными заводами.

Он стоит на реке Битюг, давшей название породе тяжелых ломовых лошадей, которые перед войной составляли значительную часть тягловой силы в нашей артиллерии. Несмотря на трудности военного времени, воронежская порода лошадей сохранилась, хотя и резко сократилась.

Вместе с командованием фронта мы разработали план Острогожско-Россошанской операции, который был утвержден Ставкой. По плану главный удар наносился по самому уязвимому звену – центру группы армий «Б». Предусматривалось создать три ударные группировки. Северная группировка главными силами 40-й армии, с плацдарма от Первого Сторожевого до Урыва, ударяла по дуге на Болдыревку, Красное и Алексеевку, поворачивая с западного направления на южное, чтобы соединиться у Алексеевки с южной группировкой фронта и завершить окружение острогожско-россошанских войск врага. Частью сил командующий 40-й армией К. С. Москаленко, прорвав вражескую оборону, должен был нанести удар на Острогожск, соединиться там с правым флангом 18-го стрелкового корпуса. Наступление главных сил обеспечивал действиями в направлении Болдыревки, Репьевки 4-й танковый корпус генерал-майора танковых войск А. Г. Кравченко, который должен был прибыть к началу операции. Южная группировка – 3-я танковая армия генерал-майора П. С. Рыбалко и 7-й кавкорпус генерал-майора С. В. Соколова – танковыми частями наносила глубоко охватывающий удар от Кантемировки в северо-западном, а частью сил – в северном направлении, навстречу 40-й армии. Тем временем кавалерия, наступая на Валуйки, обеспечивала фронтовую операцию с юга. Центральная группировка (18-й отдельный стрелковый корпус), действуя со щучьенского плацдарма, наносила расходящиеся удары навстречу войскам северной и южной группировок и соединялась с ними у Острогожска и Карпенкова. В плане намечалось, что с воздуха наши действия прикроет 2-я воздушная армия генерал-майора К.

Н. Смирнова.

Как видим, основная роль возлагалась на «северян» и «южан», а центр должен был сковывать врага, притягивая к себе его оперативные резервы и тем самым давая нашим фланговым группировкам фронта возможность завершить окружение противника. В последующем центральная группировка должна была принять участие в расчленении и уничтожении окруженных частей. Для содействия войскам Воронежского фронта, обеспечения его левого крыла, привлекалась правофланговая, 6-я армия Юго-Западного фронта, которая должна была наступать из района южнее Кантемировки на Каменку и Покровское. Предполагалось, что в результате наших концентрических ударов будет окружено и уничтожено до 15 фашистских дивизий.

В течение первой декады января командование с участием представителей Ставки провело огромную работу по всесторонней подготовке операции. Для создания ударных группировок пришлось идти на риск, как и под Сталинградом, и снять немало войск и средств усиления с второстепенных участков фронта. Мы разработали и провели в жизнь целую систему мероприятий по маскировке, и сохранению в тайне всех перегруппировок войск и подготовительных работ. Уделено было также большое внимание мероприятиям по дезинформации противника. Большое значение придавали мы отработке управления войсками и их взаимодействия. Основным методом управления даже со стороны представителей Ставки и командующего фронтом являлось личное общение с подчиненными. Начать операцию по согласованию со Ставкой Верховного Главнокомандования решено было 14 января.

Тщательная проверка перед наступлением показала, что в результате всех мероприятий и огромной партийно-политической работы, проведенной командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями, войска Воронежского фронта готовы выполнить приказ Родины. Так мы и доложили Верховному Главнокомандующему. Г. К. Жуков и я ежедневно информировали И. В. Сталина о проделанном нами за день. Наши ежедневные, в течение долгих месяцев, доклады Верховному хранятся в архивах. По ним легко проследить, что делали представители Ставки на фронте, как менялась обстановка, какие, в зависимости от этого, принимались меры, и даже лаконичные характеристики людям. Вот, к примеру, наша с Г. К. Жуковым телеграмма от 6 января 1943 года:

«1. Все вопросы оперативно-тактических решений по армии Москаленко отработаны лично с командующим

армией, командирами дивизий и бригад. Сейчас находимся у Рыбалко. 6.1.43 провели совещание и инструктаж с командирами соединений. По армии Рыбалко и кавгруппе плохо дело обстоит с подходом по железной дороге транспортов с боеприпасами, горючим, а также и подходом войск. После выгрузки войскам нужно пройти походом от 4 до 6 суток. Боимся, что железная дорога может подвести. Лично о Рыбалко можно сказать следующее: человек он подготовленный и в обстановке разбирается неплохо. 2. Сейчас прорабатываем взаимодействие фронтов и армий на стыках лично с товарищами Харитоновым, Рыбалко, Федоровым (Ватутин. – Авт.) и Филипповым (Голиков. – Авт.). Федоров находится у нас, через два часа выедет в штаб фронта. Сегодня с Филипповым выезжаем в центральную группу.

Константинов (Жуков. – Авт.).

Михайлов (Василевский. – Авт.).

6.1.43. 20.00».

В телеграмме от 9 января 1943 года я докладывал:

«9 января работал в армии Москаленко. Проверял ход подготовки к наступлению в дивизиях, изучал на месте противника. Подготовка идет нормально. К назначенному сроку войска армии будут готовы. 11 января Москаленко проведет сильную разведку боем, чтобы окончательно проверить имеющиеся данные о противнике. В случае успеха это может явиться началом большого наступления на этом участке. 10 января вместе с Филипповым отправимся к Зыкову, чтобы проверить, что сделано там, и помочь. Подготовка 3-й танковой армии Рыбалко проходит нормально. Подход войск во фронт из резерва Ставки по желдороге за последние дни значительно улучшился. К началу операции Ее прибудут лишь 4-й танковый корпус, лыжные бригады и зенитная дивизия. Затруднения вызывает подвоз огнеприпасов и горючего. Меры принимаю, думаю, что справимся. Об окончательной готовности донесу 11 января.

Михайлов».

По окончании подготовки Г. К. Жуков уехал, я оставался в войсках Воронежского фронта до конца февраля.

Наступление главных сил северной группировки со сторожевского плацдарма началось 13 января, за сутки до

намеченного срока, так как успешные действия передовых отрядов выявили слабые места противника. Для развития их успеха после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление главные силы 40-й армии. К исходу второго дня операции фашисты перебросили в полосу нашей северной группировки новые подкрепления. К этому времени их оборона была прорвана на 50 км по фронту и 17 км в глубину. 40-я армия должна была не только завершить прорыв тактической глубины обороны, но и быстрее перерезать пути отхода врагу, чтобы вместе с войсками нашей южной группировки создать предусмотренный планом внутренний фронт окружения основных сил противника. Но для этого требовалось ускорить темпы наступления. В результате к 15 января удалось решить первую часть задачи: фронт прорыва был расширен до 100 км, в глубину – на правом фланге до 20, в центре – до 35, на левом фланге – до 16 км. Южная группировка перешла в наступление 14 января и за 3 часа напряженного боя вклинилась в глубину обороны противника только на 1–3 км. Чтобы ускорить прорыв, были введены в бой 12-й и 15-й танковые корпуса. Это помогло резко изменить обстановку в нашу пользу. К исходу 14 января танкисты продвинулись на 12–23 км, разгромив в районе Жилина штаб 24-го немецкого танкового корпуса, и с утра 15 января развернули наступление в северном и северо-западном направлениях. Тем временем, 7-й кавалерийский корпус прочно прикрывал наступление с юга.

С 14 января стала наступать и центральная группировка. За несколько дней до начала операции я решил послать в помощь командованию 18-го отдельного стрелкового корпуса генерал-лейтенанта А. И. Антонова. В декабре 1942 года он по моей просьбе был назначен начальником Оперативного управления и первым заместителем начальника Генерального штаба. Я был тогда на сталинградском направлении и представить Алексея Иннокентьевича Сталину не смог. В начале января А. И. Антонов сообщил мне на Воронежский фронт, что приступил к работе в Оперативном управлении. Но, видимо, деятельность эта не принесла ему удовлетворения, в Ставке он не бывал, так как все дела Генштаба там докладывал заместитель начальника Генштаба по оргвопросам Ф. Е. Боков. Естественно, А. И. Антонов чувствовал себя в такой обстановке неопределенно и просил меня сделать все возможное, чтобы вернуть его на фронт. Я позвонил И. В. Сталину и, вновь охарактеризовав А. И. Антонова как исключительно ценного для Генштаба и Ставки работника, попросил допустить его к работе, непосредственно связанной с обслуживанием Ставки в оперативном отношении.

И. В. Сталин, будучи по характеру крайне недоверчивым и осторожным человеком, особенно по отношению к новым, незнакомым ему лицам, никаких обещаний мне не дал и порекомендовал использовать Антонова в качестве моего заместителя на Воронежском фронте.

– Судя по вашим характеристикам, – заметил он, – Антонов на фронте будет куда полезнее в данный период, чем здесь, в наших канцелярских делах.

Так Алексей Иннокентьевич оказался на Воронежском фронте, где и оставался до конца марта 1943 года с большой пользой для дела. В Генштабе же очень чувствовалось его отсутствие. 18-й отдельный стрелковый корпус, поддержанный хорошо организованным огнем артиллерии и авиации, сломил сопротивление врага и к исходу 15 января, после ночного боя при 25-градусном морозе, выполнил свою задачу.

В то время, как 40-я и 3-я танковая армии развивали наступление, охватывая острогожско-россошанскую группировку противника с севера и юга, 18-й отдельный стрелковый корпус дробил ее на разрозненные части. К 16 января на крайних флангах Воронежского фронта была полностью преодолена тактическая глубина обороны врага. Теперь встала новая задача – стремительным маневром окружить и расчленить острогожско-россошанскую группировку, изолировав ее от других фашистских войск.

18-й отдельный стрелковый корпус энергичными действиями развивал прорыв в глубину и в стороны, не позволяя находившимся между Острогожском и Сагунами вражеским частям уйти и избежать окружения. На создание внутреннего и внешнего фронтов окружения нашим войскам потребовалось трое суток. В Острогожске попали в кольцо три вражеские дивизии. Выскользнувшие из окружения отошли к Карпенкову. А у поселков Иловского и Алексеевки установилась огневая связь «северян» с «южанами», так что армии Москаленко и Рыбалко били фашистов с двух сторон, все теснее сжимая 10-километровый немецкий коридор.

Южная группировка, нанеся серьезное поражение противнику еще при прорыве его главной оборонительной полосы, получила возможность почти беспрепятственно продвигаться в тыл острогожско-россошанским силам врага. Уже с утра 16 января 12-й танковый корпус вел уличные бои в Россоши, а с подходом сюда стрелковых дивизий 3-й танковой армии над Россошью взвилось Красное знамя. 12-й танковый корпус, получив свободу маневра, вышел в глубокий тыл итальянского альпийского корпуса и остатков немецких дивизий, отходивших за реку Черная Калитва.

15-й танковый стремительным броском овладел Ольховаткой и к 18 января подошел к Алексеевке с юга. Наконец, успешно наступавший на левом крыле фронта 7-й кавалерийский корпус 19 января захватил Валуйки, пленив свыше 3 тыс. немцев и итальянцев, и овладев крупными складами продовольствия, и другими военными трофеями. Большую роль при освобождении Валуек сыграли местные партизаны, которые по заданию командира кавалерийского корпуса С. В. Соколова взорвали железнодорожное полотно на участках Валуйки – Уразово и Валуйки – Волоконовка. Фашистам ничего не удалось вывезти из города. За отличные боевые действия в условиях суровой снежной зимы, за умелое маневрирование в глубоком оперативном тылу врага, за смелость и доблесть личного состава, проявленные в боях с 15 по 19 января, 7-й кавкорпус приказом Народного комиссара обороны был переименован в 6-й гвардейский кавалерийский корпус.

Таким образом, 18 января войска Воронежского фронта успешно завершили окружение и расчленение острогожско-россошанской группировки противника. Внутренний фронт окружения был создан по линии Острогожск – Верхний и Нижний Ольшан – Алексеевка – Карпенково – Старая Калитва – Архангельское – Сагуны. Общая площадь окружения составляла примерно 2,5 тыс. кв. км, на которых находилось около 13 немецких, венгерских и итальянских дивизий. Далее, ударами 18-го отдельного стрелкового корпуса на Каменку и 12-го танкового корпуса на Карпенково окруженные силы были расчленены надвое. К этому моменту Воронежский фронт захватил в плен 52 тыс. вражеских солдат и офицеров. Его трофеи составляли 170 танков, 1,7 тыс. орудий, 2,8 тыс. пулеметов, 4 тыс. минометов, 6 тыс. автоматов, 1,5 тыс. лошадей, 55 тыс. винтовок, 600 тыс. снарядов и свыше 150 различных складов.

С 19 по 24 января шли бои внутри кольца окружения. А для обеспечения левого фланга 6-го гвардейского кавалерийского корпуса и 3-й танковой армии вечером 19 января я направил командующему Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутину телеграмму, с требованием как можно быстрее выдвинуть 6-ю армию Ф. М. Харитонова на рубеж Покровского и далее, на юг, как это было предусмотрено ранее разработанным планом.

Вначале от окруженной россошанской группировки противника была отсечена ее южная часть – около четырех дивизий. К 20 января они были в основном уничтожены в районе Подгорного. До 23 января происходила ликвидация остальных сил этой группы, а к 27 января было завершено уничтожение вырвавшихся из «котла» и вышедших восточнее Валуек остатков

россошанской группировки. Ожесточенный характер носило сражение за Острогожск. После упорных уличных боев большая часть вражеского гарнизона была пленена либо просто погибла. Яростно сопротивлялись окруженные и у Алексеевки. Тем не менее, к 24 января бои завершились. В плен попало около 9 тыс. вражеских солдат и офицеров. Задачи, поставленные войскам Воронежского фронта Верховным Главнокомандованием по Острогожско-Россошанской операции, были выполнены в намеченный срок.

Так мы начали первый месяц 1943 года. Наш успех был возможен благодаря всемерной поддержке населения районов, на территории которых велись бои. Ничего не жалели для нас советские люди: ни продовольствия, ни теплых вещей, ни заботы и внимания. Жители городов и сел участвовали в укреплении оборонительных рубежей и дорожных работах, ухаживали за ранеными, вносили в фонд обороны свои средства. Освобождая города и поселки, наши воины в свою очередь помогали восстанавливать разрушенное хозяйство, щедро делились с колхозами, совхозами, МТС и промышленными предприятиями трофейным имуществом, ремонтировали школы, учреждения культуры, больницы.

Каковы же вкратце итоги Острогожско-Россошанской операции? Она длилась всего 15 дней. За эти полмесяца была прорвана оборона на 250-километровом участке фронта. Советские войска продвинулись в глубину до 140 км, освободив от врага территорию в 22,5 тыс. кв. км с такими городами и железнодорожными узлами, как Острогожск, Россошь, Коротояк, Алексеевка, Валуйки и другие; полностью разгромили 2-ю венгерскую армию, итальянский альпийский корпус, 24-й немецкий танковый корпус и основные силы немецкого корпуса особого назначения. Всего было уничтожено более 15 дивизий противника и еще 6 дивизиям нанесено тяжелое поражение; взяли в плен свыше 86 тыс. солдат и офицеров, много вооружения и боевой техники, огромное количество военного имущества и снаряжения.

Успешное выполнение этой операции создало благоприятные условия для нанесения удара по флангу и в тыл 2-й немецкой армии, оборонявшейся севернее, в районе Воронежа. Эта армия оказалась в выступе, глубоко вдававшемся в расположение советских войск. Теперь это положение, казавшееся раньше выгодным, рассматривалось иначе: фашисты стали бояться окружения. Вершина их выступа упиралась в Дон у самого Воронежа. Здесь насчитывалось 10 немецких и 2 венгерские дивизии, общей численностью 125 тыс. человек с большим

количеством артиллерии и танков. Зато сколько-нибудь существенными резервами немецкое командование не располагало. На северном и северо-восточном фасах воронежского выступа, перед фронтом 13-й армии Брянского, а также 38-й и 60-й армий Воронежского фронтов, оборона врага была сильно развита, а на вновь образовавшемся южном фасе выступа она в инженерном отношении была значительно слабее.

Хочу сказать здесь несколько слов о заслуге в этой операции двух командармов – К. С. Москаленко и П. С. Рыбалко. Кирилл Семенович Москаленко, впоследствии Маршал Советского Союза, был участником гражданской войны. Артиллерист по основной профессии, он окончил 3 военных учебных заведения. Великую Отечественную войну начал командиром артиллерийской бригады противотанковой обороны, затем командовал корпусами (стрелковым и кавалерийским), конно-механизированной группой, общевойсковыми и танковой армиями. С самого начала войны на фронте, в боях за Украину, Дон и Нижнюю Волгу он приобрел богатый опыт и заметно вырос как полководец. Это положительно сказалось на наступательных боях.

Павел Семенович Рыбалко, впоследствии маршал бронетанковых войск, прошел чрезвычайно интересный жизненный путь. Сын рабочего, он участвовал в первой мировой и в гражданской войнах, сражался против интервентов, а также петлюровцев, деникинцев, бандитов. Был комиссаром бригады. Разносторонне образованный в военном отношении, он сразу же выдвинулся как незаурядный военачальник. Был военным атташе СССР в ряде стран, читал лекции в военных учебных заведениях. С весны 1942 года он стал командующим танковыми армиями, с триумфом освобождавшими Украину, Польшу, Чехословакию и участвовавшими в Берлинской операции. После Великой Отечественной войны до самой смерти в 1948 году он руководил бронетанковыми и механизированными войсками Советских Вооруженных Сил.

Уже вечером 18 января вместе с командованием Воронежского фронта мы направили Верховному Главнокомандующему план новой, Воронежско-Касторненской наступательной операции[44]. Он предусматривал: ударами по сходящимся направлениям с севера и юга по флангам 2-й немецкой армии окружить и уничтожить ее основные силы, освободить район Воронежа, Касторной и открыть важные железнодорожные участки Воронеж – Касторное и Елец – Касторное. Основные удары при этом предлагалось нанести на Касторное: с юга, из района Роговатое – Погорелое в междуречье Потудани, Оскола и Девицы, 40-й армией Воронежского фронта,

усиленной 4-м танковым корпусом; с севера, из района юго-восточнее Ливен в междуречье Кшени и Олыма, 13-й армией Брянского фронта. Обе армии, соединившись у Касторного, должны были завершить окружение 2-й немецкой армии, ликвидировать Воронежский выступ и одновременным выдвижением части сил на реку Тим обеспечить успех операции с запада. 38-я и 60-я армии Воронежского фронта, стоявшие прямо перед фронтом, ударами с востока должны были расчленить окруженную группировку врага на отдельные части. Успешное завершение этой операции позволило бы в дальнейшем нанести удары на курском направлении по стыку центральной и южной стратегических группировок противника, и на харьковском направлении, прежде чем гитлеровцы сумели бы сосредоточить в районе Харькова резервы. Из сил, предназначавшихся для проведения Острогожско-Россошанской операции, у нас оказались неиспользованными 3 стрелковые дивизии, 3 лыжные бригады и 4-й танковый корпус. Для проведения Воронежско-Касторненской операции мы просили Ставку усилить Воронежский фронт одной артдивизией, двумя полками М-13, двумя танковыми полками КВ для 38-й армии и 90 танками для восстановления танковых бригад (в том числе 40 Т-34). Мы докладывали Верховному, что мы уже приступили к подготовке операции и намечаем ее на 23 января. 19 января Ставка утвердила наш план.

20 января в штабе Воронежского фронта, в Боброве, мы все обстоятельно обсудили с командующим войсками Брянского фронта генерал-полковником М. А. Рейтером и командующим 13-й армией генерал-майором Н. П. Пуховым.

Николая Павловича Пухова я знал давно, по совместной учебе в 1926 году в Высшей стрелковой школе. Мы учились в одной группе на отделении командиров полков и даже жили в одной комнате. Пухов прибыл в школу с должности командира Омского стрелкового полка. В нем сразу чувствовался хорошо образованный, культурный человек. Он оказался прекрасной души человеком, и мы очень быстро подружились. Превосходный полковой командир, учитель до военной службы, Пухов и в армии очень серьезно занимался проблемой воспитания, прекрасно знал методику педагогики. Не забывал он об этом искусстве и в суровые годы войны.

Некоторый боевой опыт, приобретенный еще в годы Первой мировой войны, командование полком и работа в военно-учебных заведениях Красной Армии выработали из Пухова, при его исключительных индивидуальных способностях, отменного военачальника, великолепно справлявшегося с командованием армией на протяжении всей Великой Отечественной войны и в

любой боевой обстановке. Помню, как-то Н. Ф. Ватутин (довольно сдержанный в оценках своих подчиненных) на мой вопрос (если не ошибаюсь, в январе 1944 года), как идут дела в армии Н. П. Пухова, ответил: «Армии, возглавляемой генералом Пуховым, даже под 13-м номером везет. Правда, постоянный успех этой армии говорит о том, что, кроме «везения», у руководящего состава армии, и, прежде всего, у ее командарма, есть еще и немалое умение бить врага в любых условиях. Хотелось бы иметь побольше таких командармов…»

На встрече в штабе Воронежского фронта 20 января я дал М. А. Рейтеру и Н. П. Пухову задания по участию их войск в Воронежеко-Касторненской операции. 21 января мы представили в Ставку последние уточнения по операции. В них предусматривалось по завершении операции к 30 января развернуть на реке Оскол, от Старого Оскола до Уразово, основные силы фронта и нанести ими 3 удара по сходящимся направлениям на Харьков. Армии правого крыла фронта с реки Тим должны были нанести удар на Курск, обеспечивая проведение Харьковской операции с севера. Ставка согласилась с нами. 40-я армия с 21 января, одновременно с ликвидацией врага, окруженного в районе Острогожска и Алексеевки, начала производить перегруппировку войск для проведения новой операции. 3-я танковая армия, занятая в то время ликвидацией россошанской группировки противника, также приступила к перегруппировке.

Воронежско-Касторненская операция началась 24 января переходом в наступление 40-й армии К. С. Москаленко. На следующий день 60-я армия И. Д. Черняховского выбила фашистов из правобережных кварталов Воронежа и полностью освободила город.

За действиями этой армии я следил с повышенным интересом. И. Д. Черняховский только что был не без моего участия назначен на должность командарма, и я, естественно, хотел знать, как он себя чувствует в этой роли. И. Д. Черняховский был вполне подготовленным военачальником, с развитой военной смекалкой и, командуя дивизией, показал себя с самой лучшей стороны. Но армия есть армия, и требования к ее командующему неизмеримо выше, чем к командиру дивизии. Заехав на командный пункт армии, я, к удивлению, застал его в необычном состоянии. Я знал его всегда энергичным, подвижным, волевым, а изредка даже немного заносчивым, а тут увидел его как-то растерянно сидевшим за столом над картой и, мне показалось, даже вспотевшим. Он обрадовался, увидев меня, быстро встал и пошел навстречу со словами:

– Товарищ генерал армии! Это вы во всем виноваты. У меня здесь ничего не получается. Верните меня обратно в дивизию!

И. Д. Черняховскому не хватало опыта для руководства войсками такого крупного объединения, как армия, и на первых порах он подрастерялся. Пришлось побыть с ним, практически помочь ему; он успокоился, обрел уверенность, в его действиях появилась четкость и твердость. А затем он поразительно быстро освоил все основные «секреты» руководства армией; его военный талант не мог долго оставаться скованным…

25 января перешла в наступление 38-я армия Н. Е. Чибисова и 26–13-я Н. П. Пухова. Несмотря на сильный мороз и метель, наступавшие, хотя и с некоторыми задержками, стремительно продвигались вперед. Вечером 26 января в очередном телефонном разговоре с Верховным Главнокомандующим, в связи с успешным развитием операции, было принято решение о ходе наступления после взятия Касторного, по которому левое крыло Брянского фронта ударом на Колпны, Малоархангельск и далее, на Фатеж должно было не позволить противнику закрепиться на реке Тим, и, тем самым, обеспечить с севера успешное выполнение задач Воронежским фронтом. Правое крыло Воронежского фронта после взятия Касторного должно развивать наступление на Курск и овладеть им.

В ходе разговора мы обменялись мнениями и об обстановке в целом, которая складывалась для нас к тому времени в результате зимних событий на юге советско-германского фронта благоприятно, и позволила приступить к освобождению Донбасса и Украинской ССР. Речь шла о том, как целесообразнее использовать в дальнейшем армии Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов. Условились, что, развивая успех на Верхнем Дону, мы в то же время будем готовить Воронежский фронт к освобождению им Харьковского промышленного района. Оценка Советским Верховным Главнокомандованием стратегической обстановки на южном крыле советско-германского фронта хорошо видна из следующей директивы Ставки, направленной в те дни в адрес командующего Южным фронтом А. И. Еременко:

> «Сопротивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском и Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает врага вводить подходящие соединения разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются отдельными небольшими отрядами.

> Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции закавказской группировки противника. Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям донбасской, закавказской и черноморской группировок противника»[45].

Ставка вновь, в который уже раз, подталкивала командование Южного фронта к более решительным действиям, а управление тремя танковыми и механизированными корпусами во фронте передала непосредственно командарму Р. Я. Малиновскому, со 2 февраля возглавившему этот фронт.

Обсуждая обстановку на юге и учитывая, что полный разгром группировки Паулюса является делом ближайших дней, Ставка Верховного Главнокомандования думала о дальнейшем использовании освобождающихся под Сталинградом войск Донского фронта. В конце января и начале февраля, после многократных переговоров Верховного Главнокомандующего с руководящими лицами в центре и на фронтах, созрело еще одно решение: помимо операций на юге, провести ряд крупных наступательных операций, связанных единым стратегическим замыслом и планом, с целью разгрома основных сил немецкой группы армий «Центр». Замыслом предусматривалось, прежде всего, Брянским и левым крылом Западного фронта разгромить 2-ю немецкую танковую армию в районе Орла, а затем, перебросив сюда войска бывшего Донского фронта и переименовав его в Центральный, ударом через Брянск на Смоленск развить наступление, и выходом в тыл ржевско-вяземской группировке врага, во взаимодействии с войсками Калининского и Западного фронтов, решить намеченную задачу. Был разработан конкретный план, а в первых числах февраля Ставка дала соответствующим фронтам директивы.

28 января, после решительного штурма, наши войска овладели железнодорожным узлом и городом Касторное, отрезав пути отхода немецко-фашистской группировке, находившейся восточнее. К моменту выхода в район Касторного оперативная обстановка для нас складывалась довольно благоприятно, так как в обороне врага на участке от железной дороги Касторное – Курск до Купянска образовалась примерно 300-километровая брешь, слабо прикрытая войсками. Правда, нам было известно, что враг в спешном порядке перебрасывает сюда значительные силы. В частности, из Западной Европы в район Харькова прибывал 2-й танковый корпус СС (танковые дивизии «Рейх», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова»). Передовые части корпуса были уже

зафиксированы на реке Оскол. Это обстоятельство, безусловно, обязывало нас спешить с развитием наступления на Курск и Харьков. Но из-за невероятно тяжелых зимних условий завершение Воронежско-Касторненской операции несколько затянулось. Преследуя и уничтожая остатки вражеской группы «Зиберт», советские войска за 15 дней наступления продвинулись с боями на 130 км. В ходе операции были разгромлены основные силы 2-й немецкой армии, 3-й армейский корпус 2-й венгерской армии.

2 февраля Воронежский фронт приступил к проведению Харьковской наступательной операции в условиях, когда войска его правого крыла еще продолжали вести бои, уничтожая остатки фашистской группировки в междуречье верховьев Сейма, Псела и Оскола, пытавшейся через Обоянь уйти на запад, к городу Сумы. При подготовке и проведении этой операции я уделил основное внимание оказанию помощи руководству и войскам на харьковском направлении, а А. И. Антонов на курском направлении, особенно 60-й армии, которая должна была нанести главный удар с востока на Курск, через Щигры. Общими усилиями, несмотря на исключительные трудности, нам удалось добиться того, что с первых же дней операции в ней приняли участие все основные намечавшиеся силы. Гитлеровцы не имели на курском и харьковском направлениях такого количества войск, чтобы оказать нам серьезное сопротивление, и принимали меры, прежде всего, к тому, чтобы прочно прикрыть пути подхода к Харькову и Белгороду с востока, от Валуек; направление же с севера, со стороны Старого Оскола и далее на Белгород и Сумы, было обеспечено ими слабее. По замыслу советского командования, который лег в основу операции, группировка войск в составе 3-й танковой армии П. С. Рыбалко, усиленной 6-м гвардейским кавкорпусом, от Валуек наносила удар на Великий Бурлук, Печенеги, Чугуев, Мерефу, обходя Харьков с юга и юго-запада. Городом танковые соединения должны были овладеть с ходу. Другая группировка в составе усиленной 40-й армии К. С. Москаленко от Старого Оскола наносила удар через Корочу, Белгород и Золочев, то есть, обходя Харьков с севера и северо-запада.

Эти два удара, охватив все войска врага, находившиеся у Харькова и к западу от него, способствовали бы возникновению кольца, и тогда внутренний фронт окружения замкнулся бы в районе Богодухова и Люботина. Группировку из войск 69-й армии, созданную на базе 18-го отдельного стрелкового корпуса, под командованием М. И. Казакова (в штабе фронта его заменил генерал-майор А. П. Пилипенко) намечалось развернуть между

40-й и 3-й танковой армиями. Ее цель – наступать прямо на Харьков через Волчанск с северо-востока и при подходе к городу помочь 3-й танковой армии овладеть им. Основной удар на Курск наносила по плану 60-я армия И. Д. Черняховского. Между 60-й и 40-й армиями в направлении на Обоянь действовала 38-я армия Н. Е. Чибисова, а севернее 60-й, в общем направлении на Фатеж и далее на Дмитриев – Льговский, находилась в тесном взаимодействии с войсками Воронежского фронта 13-я армия (Брянский фронт) [135 Ошибочная ссылка на примечание – Xitsa] Н. П. Пухова.

Харьковская операция началась 2 февраля действиями 3-й танковой и 69-й армий. В этот же день перешла в наступление и 6-я армия Ф. М. Харитонова (Юго-Западный фронт), имевшая задачу ударом на Купянск, Балаклею, Змиев обеспечить левое крыло Воронежского фронта. 40-я и 60-я армии включились в операцию 3 февраля. Наступление развертывалось успешно. 7 февраля 40-я армия Москаленко овладела Корочей, а 9 февраля освободила Белгород. Успешно развивались действия и у Рыбалко. 5 февраля его войска достигли рубежа реки Северский Донец и приступили к ее форсированию, а 13 февраля уже вели напряженные бои на южных подступах к Харькову. 60-я армия Черняховского 8 февраля овладела Курском, а 7 февраля 13-я армия взяла Фатеж. Утром 10 февраля мы встретились в освобожденном от врага Курске с И. Д. Черняховским и А. И. Антоновым. Они подробно рассказали о жестоких боях, которые шли 7–8 февраля на подступах к городу и в самом городе. В тот момент 60-я армия сражалась километрах в 20 западнее Курска, стремясь пробиться ко Льгову. 12 февраля я обратился к Верховному Главнокомандующему с ходатайством: за отличное выполнение заданий Ставки, и за активную и успешную помощь в организации управления, и боев в период операций Воронежского и Брянского фронтов, наградить начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта А. И. Антонова орденом Суворова I степени.

16 февраля, обойдя Харьков, советские войска усилиями 40-й армии с севера, 3-й танковой с юга и 69-й с востока овладели городом. Во время моего доклада об этом по телефону Верховному Главнокомандующему мы условились, что Воронежский фронт продолжит наступление с тем, чтобы к 21 февраля выйти на линию Рыльск (60-я армия) – Лебедин (38-я через Сумы) – Зеньков (40-я через Ахтырку) – Полтава (69-я и 3-я танковая через Артемовну и Карловку). Выход войск фронта на этот рубеж должен был обеспечить устойчивость левого крыла развертывавшегося северо-западнее Курска и уже

освободившегося под Сталинградом Центрального (бывшего Донского) фронта в предстоявшем его наступлении через Брянск на Смоленск, а также правого крыла Юго-Западного фронта, наступавшего с севера на Донбасс.

И. В. Сталин рассказал мне, что в тот день от имени Советского правительства было направлено послание президенту США Ф. Рузвельту и премьер-министру Великобритании У. Черчиллю. В нем говорилось, что вместо обещанной Советскому Союзу помощи путем отвлечения немецких сил с советско-германского фронта получилось обратное: в связи с ослаблением англо-американских операций в Тунисе Гитлер получил возможность перебросить дополнительные силы на Восточный фронт. В послании указывалось также, что, по имеющимся достоверным данным, немцы с конца декабря 1942 года до конца января 1943 года перебросили на советско-германский фронт из Франции, Бельгии, Голландии и самой Германии 27 дивизий, в том числе пять танковых. Поэтому Советское правительство настаивало, чтобы открытие второго фронта в Европе, в частности во Франции, не откладывалось на вторую половину 1943 года, а было бы осуществлено весной или в начале лета.

18 января стал Маршалом Советского Союза Г. К. Жуков. А 16 февраля 1943 года был опубликован крайне неожиданный для меня Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении и мне воинского звания «Маршал Советского Союза». Он был внезапен для меня хотя бы уже потому, что звание генерала армии я получил лишь месяцем ранее. Откровенно говоря, такую оценку моего труда по линии ГКО, Президиума Верховного Совета и Верховного Главнокомандования я считал чрезмерно высокой.

17 февраля я посетил Харьков, где встретился с заместителем командующего войсками фронта Д. Т. Козловым, затем побывал в 3-й танковой армии. На следующий день И. В. Сталин дал мне по телефону указание срочно прилететь в Москву, оставив временно в Курске в роли представителя Ставки А. И. Антонова, возложив на него в качестве основного задания помощь в быстрейшем восстановлении железных дорог на освобожденной территории Воронежской, Курской и Харьковской областей и предоставив ему право непосредственно обращаться в Ставку.

19 февраля я был в Москве. При встрече Верховный объявил мне решение Ставки возложить на меня координацию боевых действий левого крыла Западного, а также Брянского, Центрального и Воронежского фронтов при проведении операций, связанных с разгромом основных сил вражеской группы армий «Центр». 22 февраля это решение было доведено до сведения

упомянутых фронтов.

Что же намечалось? Еще 3 февраля в 2 часа 20 минут, то есть немедленно вслед за ликвидацией под Сталинградом группировки Паулюса, командованию Донского фронта была дана директива Генерального штаба о том, чтобы погрузить управление фронтовых частей и учреждений с 18 часов 4 февраля и отправить железной дорогой в район Брянского фронта с разгрузкой в районе Ельца – ст. Измалково. Переброске туда подлежали 24-я, 57-я, 21-я и 65-я армии.

Командующему Донским фронтом 5 февраля 1943 года Ставкой была передана следующая директива:

> «1. К 15 февраля 43 г. образовать Центральный фронт. 2. Полевое управление Донского фронта переименовать в полевое управление Центрального фронта. Штаб фронта дислоцировать в районе Ольшанец, 10 км восточнее Елец. 3. Назначить: командующим Центральным фронтом генерал-полковника Рокоссовского К. К., членом военного совета фронта генерал-майора К. Ф. Телегина, начальником штаба генерал-лейтенанта Малинина М. С. 4. В состав Центрального фронта включить полевые управления 21-й, 65-й и 70-й армий, 16-ю воздушную армию, 2-ю танковую армию, 2-й гвардейский кавалерийский корпус, дивизии… 7. В районе Сталинграда оставить своего заместителя генерал-лейтенанта Трубникова К. П. с группой командиров.
>
> И. Сталин, Г. Жуков».

Затем директивами 6 февраля командующим Западным, Брянским и Центральным фронтами ставились конкретные задания по предстоявшим наступательным операциям. Командующий Западным фронтом генерал-полковник И. С. Конев обязан был передать свою левофланговую 61-ю армию генерал-лейтенанта П. А. Белова в состав Брянского фронта и к 12 февраля 1943 года подготовить, во взаимодействии с последним, наступление 16-й армии, усиленной 9-м танковым корпусом, в общем направлении через Жиздру на Брянск. Кроме того, от Конева требовалось подготовить к 25 февраля наступление 50-й и 10-й армий, усиленных двумя танковыми корпусами, в общем направлении на Рославль, а частью этих сил – на Ельню. Командующему Брянским фронтом генерал-полковнику М. А. Рейтеру приказывалось с целью быстрейшего окружения и разгрома орловско-брянской группировки противника, по выходе 48-й и 13-й армий на линию Дросково – Малоархангельск –

Фатеж, наступать 48-й армией на Орел, охватывая его с юго-запада. Одновременно из района Белева фронт должен был подготовить наступление 61-й армии через Волхов тоже на Орел, но уже с севера, навстречу 48-й армии. С выходом 48-й армии к Змиевке в наступление должна была перейти и 3-я армия, нанося удар тоже на Орел, но с востока. 13-я армия продолжала наступление на Карачев и Брянск. Окружение и разгром орловской группировки противника планировалось завершить к 15–17 февраля. 13-я армия, во взаимодействии с 16-й армией Западного фронта, к 23–25 февраля должна была захватить Брянск.

В ту же ночь 6 февраля 1943 года в 1 час 40 минут Ставка передала следующую директиву в адрес командующего войсками Центрального фронта генерал-полковника Рокоссовского:

> «С целью дальнейшего развития успеха Брянского и Воронежского фронтов и выхода в тыл ржевско-вяземско-брянской группировке противника Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. К 12.2.43 сосредоточить: а) 2-ю танковую армию в районе Долгое; б) 2-й кавкорпус с тремя лыжными бригадами, двумя танковыми полками в районе Черемисиново; в) 65-ю армию в районе севернее Долгое, южнее Ливны. Из района сосредоточения к исходу 14.2.43 – 2-ю танковую армию, 65-ю армию, 2-й кк вывести на рубеж развертывания Фатеж, Курск. Остальные части 21-й и 70-й армий по мере их прибытия сосредоточивать в районе Волово, Долгоруково, Ливны и направлять их вслед за наступающими войсками первого эшелона фронта. 2. С утра 15.2.43 2-й та, 65-й а, 16-й воздушной армиям перейти в наступление в общем направлении Севск, ст. Унеча с ближайшей задачей перерезать железную дорогу Брянск – Гомель. Конно-стрелковую группу Крюкова развернуть на левом крыле и направиться через Новгород-Северский, Старый Быхов, Могилев, где переправиться на западный берег Днепра и обеспечить за собой переправы и выйти в район Орша. Иметь в виду, что правее вас на Брянск будет наступать 13-я армия Брянского фронта и через Жиздра на Брянск перейдет в наступление 16-я армия Западного фронта. 3. По выходе армий фронта на линию Брянск, Гомель главный удар нанести через Климовичи, Хисловичи на Смоленск с задачей захвата района Смоленск и отрезания путей отхода вяземско-ржевской группировке противника. С

выходом главных сил в район ст. Унеча захватить Гомель силами двух стр. дивизий и западный берег Днепра на участке Речица, Жлобин. Одновременно с переходом в наступление ваших войск с линии Брянск, Гомель на Смоленск перейдет в наступление: Западный фронт – на Рославль и далее на Смоленск, Калининский фронт – на Витебск, Орша, частью сил на Смоленск, навстречу вашему главному удару. 4. Разграничительные линии фронта будут указаны дополнительно. Иметь в виду, что левее фронта будет наступать 60-я армия Воронежского фронта в общем направлении Льгов, Глухов, Чернигов. Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин, Г. Жуков».

Так планировало Верховное Главнокомандование в начале февраля 1943 года наступательные операции против группы армий «Центр». Идея в целом была понятна: целых полтора года эта территория находилась под фашистским игом; хотелось как можно быстрее освободить ее.

21 февраля ЦК ВКП(б) опубликовал лозунги к 25-й годовщине Красной Армии, а 23 февраля, в день самого праздника, который с такой любовью и с такой надеждой, обращенной к советским воинам, отмечала вся страна, был издан приказ Верховного Главнокомандующего, подводивший некоторые итоги героической борьбы советского народа против вражеских орд, обрушившихся на СССР. Приведу некоторые выдержки из этого исторического приказа: «…Прошло 20 месяцев, как Красная Армия ведет беспримерную в истории героическую борьбу против нашествия немецко-фашистских полчищ. Ввиду отсутствия второго фронта в Европе Красная Армия несет одна всю тяжесть войны. Тем не менее, Красная Армия не только устояла против натиска немецко-фашистских полчищ, но и стала в ходе войны грозой для фашистских армий.

В тяжелых боях летом и осенью 1942 года Красная Армия преградила путь фашистскому зверью. Навсегда сохранит наш народ память о героической обороне Севастополя и Одессы, об упорных боях под Москвой, и в предгорьях Кавказа, в районе Ржева и под Ленинградом, о величайшем в истории войн сражении у стен Сталинграда. В этих великих сражениях наши доблестные бойцы, командиры и политработники покрыли неувядаемой славой боевые знамена Красной Армии и заложили прочный фундамент для победы над немецко-фашистскими армиями.

Три месяца назад войска Красной Армии начали наступление

на подступах Сталинграда. С тех пор инициатива военных действий находится в наших руках, а темпы и ударная сила наступательных операций Красной Армии не ослабевают…

Гитлеровская Германия, заставившая работать на себя военную промышленность Европы, до последнего времени имела превосходство против Советского Союза в технике и прежде всего в танках и самолетах. В этом было ее преимущество. Но за двадцать месяцев войны положение изменилось. Благодаря самоотверженному труду рабочих, работниц, инженеров и техников военной промышленности СССР, за время войны возросло производство танков, самолетов, орудий. За это же время враг понес на советско-германском фронте огромные потери в боевой технике, в особенности в танках, самолетах и орудиях…

Гитлеровская Германия вступила в войну против Советского Союза, имея почти двухлетний опыт ведения крупных военных операций в Европе с применением новейших средств войны, Красная Армия в первый период войны, естественно, не имела еще и не могла иметь такого военного опыта. В этом состояло преимущество немецко-фашистской армии. За двадцать месяцев положение, однако, изменилось и в этой области. В ходе войны Красная Армия стала кадровой армией. Она научилась бить врага наверняка, с учетом его слабых и сильных сторон, как этого требует современная военная наука…

Из этого, однако, не следует, что с гитлеровской армией покончено и Красной Армии остается лишь преследовать ее до западных границ нашей страны. Думать так – значит предаться неумному и вредному самообольщению. Думать так – значит переоценить свои силы, недооценить силы противника и впасть в авантюризм. Враг потерпел поражение, но он еще не побежден. Немецко-фашистская армия переживает кризис ввиду полученных от Красной Армии ударов, но это еще не значит, что она не может оправиться. Борьба с немецкими захватчиками еще не кончена, – она только развертывается и разгорается. Глупо было бы полагать, что немцы покинут без боя хотя бы километр нашей земли.

Красной Армии предстоит суровая борьба против коварного, жестокого и пока еще сильного врага. Эта борьба потребует времени, жертв, напряжения наших сил и мобилизации всех наших возможностей… Немецкие захватчики яростно сопротивляются, переходят в контратаки, пытаются задержаться на оборонительных рубежах и могут пуститься на новые авантюры. Вот почему в наших рядах не должно быть места благодушию, беспечности, зазнайству.

Весь советский народ радуется победам Красной Армии. Но бойцы, командиры и политработники Красной Армии должны твердо помнить заветы нашего учителя Ленина: «Первое дело – не увлекаться победой и не кичиться, второе дело – закрепить за собой победу, третье – добить противника».

В заключительной части приказ призывал советских воинов к еще более решительной борьбе с врагом, требовал совершенствовать боевое мастерство, крепить дисциплину и порядок в войсках и усилить удары по фашистам. Этот приказ был тщательно изучен всеми военнослужащими Советских Вооруженных Сил и стал программой наших действий на много месяцев вперед.

23 февраля я находился в войсках Брянского фронта. Позвонил в Ставку, поздравил И. В. Сталина с 25-летием Красной Армии. Он также поздравил меня. Затем я доложил о положении на фронте. В заключение Верховный спросил, знаю ли я о поздравительной телеграмме президента США Ф. Рузвельта. Я не знал об этой телеграмме, и Сталин обещал сообщить мне ее текст. Вскоре мне позвонил А. И. Антонов, который и зачитал телеграмму. В ней говорилось: «От имени народа Соединенных Штатов я хочу выразить Красной Армии, по случаю ее 25-й годовщины, наше глубокое восхищение ее великолепными, непревзойденными в истории победами. В течение многих месяцев, несмотря на громадные потери материалов, транспортных средств и территории, Красная Армия не давала возможности самому могущественному врагу достичь победы. Она остановила его под Ленинградом, под Москвой, под Воронежем, на Кавказе, и, наконец, в бессмертном Сталинградском сражении Красная Армия не только нанесла поражение противнику, но и перешла в великое наступление, которое по-прежнему успешно развивается вдоль всего фронта, от Балтики до Черного моря…».

Дела на фронте шли хорошо, и по вызову Сталина я выехал с фронта в Москву. Здесь, как и всегда, я прежде всего явился в Ставку и доложил И. В. Сталину некоторые подробности о ходе операции и свою оценку общей обстановки на фронтах. В заключение беседы он сказал:

– Отдохните несколько дней. Наверное, устали.

Отдых мой протекал в Генеральном штабе за обычными делами, с ежедневным посещением Ставки. Как-то под вечер позвонил М. И. Калинин и пригласил приехать в Президиум Верховного Совета СССР для вручения мне награды. Узнав, что при вручении будут присутствовать М. И. Калинин, А. Ф. Горкин и фотограф, я попросил разрешения приехать вместе с

восьмилетним сыном Игорем.

Я с волнением и интересом ожидал этой новой встречи. Обычно Михаил Иванович любил поговорить о Калининской, бывшей Тверской, области, о своих родных местах. Он знал, что я прослужил девять лет в Калинине, и нам было о чем вспомнить.

Впервые мы встретились еще в 1923 году, зимой, во время его приезда в Тверь.

Дело было так. В Тверь ожидали приезда Председателя Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета. Мне как начальнику гарнизона было поручено подготовить почетный караул. В день прибытия М. И. Калинина мороз стоял трескучий, носа не высунешь. Но встречающих на перроне вокзала собралось много. Когда поезд остановился, Михаил Иванович вышел из вагона, поздоровался со встречавшими его представителями губернии, осмотрелся, увидел почетный караул и спрашивает:

– А это зачем привели?

Быстрой походкой он подошел к нам и сказал:

– Марш немедленно в казармы.

Михаил Иванович, видимо, не запомнил той встречи.

В Президиуме М. И. Калинин принял нас просто, с улыбкой. Процедура вручения награды была недолгой. А затем состоялась беседа. Михаил Иванович подробно расспрашивал о положении на фронтах, о работе Генерального штаба. Говорил он медленно, как бы обдумывая каждое слово, движения его были также неторопливы. Но он поражал ясностью мысли, умением умно и откровенно вести разговор с собеседником. Если учесть, что он был уже немолодым, не очень здоровым человеком, можно только поражаться, как он находил время, силы и возможности для огромной, безукоризненно выполняемой им государственной работы и для того, чтобы быть в курсе дел на фронтах, и в стране в целом.

Когда беседа закончилась, Михаил Иванович занялся с моим сыном. Поговорив с ним, он затем обвел его вокруг стенда, на котором в его кабинете стояли макеты советских военных кораблей, сообщая при этом краткие сведения о каждом из них.

Сын был в восторге и сейчас, будучи взрослым человеком, архитектором, всегда с не меньшим восторгом вспоминает эту встречу.

Михаилу Ивановичу Калинину очень подходит теплое, хотя несколько старомодное звание «всесоюзный староста». Оказавшись по воле партии и народа на высоком государственном посту, он всегда жил думами и заботами о благе своего Советского государства, о счастье советских людей…

Наши успехи на фронте давали основание надеяться, что

недалек час, когда нам придется планировать боевые действия на территории Белоруссии. Однако внезапно изменившаяся обстановка на южном крыле советско-германского фронта вынудила Верховное Главнокомандование отказаться от выполнения этого замысла, и вновь сосредоточить основное внимание на Юго-Западном направлении. Там постепенно зрели предпосылки гигантской битвы, вошедшей в историю под названием Курской.

На Курской дуге

Главная забота Ставки. – Преднамеренная оборона. – Ее организация. – Роль советских резервов. – Замысел операции «Кутузов». – Разведка и жизнь. – Провал «Цитадели»

События ранней весны 1943 года мне особенно памятны. Это и понятно. Курская битва, к которой мы готовились продолжительное время, во многом определила дальнейший ход второй мировой войны. Весной 1943 года нацистское руководство Германии предприняло последнюю крупную попытку повернуть войну вспять, добиться былого преимущества, взять реванш за поражения под Сталинградом, на Северном Кавказе, Верхнем Дону и под Ленинградом, в результате которых фашисты потеряли на советско-германском фронте все, что захватили в летне-осеннем наступлении 1942 года. Теперь, планируя большое наступление на лето, гитлеровское руководство надеялось доказать, что война не проиграна, что все еще можно изменить.

В феврале – марте 1943 года один из наиболее опытных военачальников немецко-фашистской армии генерал-фельдмаршал Манштейн возглавил контрнаступление группы армий «Юг» в районе Донбасса и Харькова. Причем Гитлер, как верховный главнокомандующий, непосредственно участвовал в разработке плана контрнаступления. Надеясь на крупную военную победу на Восточном фронте, он рассчитывал, тем самым, поднять моральный дух немецкой армии и народа, предотвратить начавшийся распад фашистского блока и восстановить военно-политический престиж Германии. Стратегические задачи противника сводились к тому, чтобы ударами танкового корпуса СС из района Красноград, а 48-го и 40-го танковых корпусов – от Красноармейского по сходящимся направлениям на Павлоград и Барвенково разгромить выдвинувшиеся на подступы к Днепропетровску войска правого крыла нашего Юго-Западного фронта, отбросить их на Северский Донец и восстановить прерванные коммуникации группы армий «Юг», ведшие к переправам через Днепровскую излучину. В последующем, перегруппировав силы в район юго-западнее Харькова, враг намеревался нанести мощный удар по войскам Воронежского фронта, вновь захватить Харьков и Белгород и, восстановив оборону своих войск по рубежу Северского Донца, продолжать наступление в сторону Курска. Предусматривалось также, что встречный удар нанесет на Курск 2-я танковая армия группы «Центр» из района южнее Орла.

Последовавший 19 февраля удар для советских войск Юго-Западного фронта, продвинувшихся в ходе зимнего наступления к Днепру и стоявших недалеко от Запорожья, был крайне неожиданным. К концу февраля в ходе ожесточенных сражений врагу удалось оттеснить наши войска за Северский Донец. Как же это произошло? Поскольку эти события мало освещены, остановлюсь на них несколько подробнее. Командующие Юго-Западным и Воронежским фронтами неправильно оценивали сложившуюся к середине февраля стратегическую обстановку на этом крыле советско-германского фронта. Начавшуюся в десятых числах февраля перегруппировку войск врага, в частности переброску танкового корпуса СС из-под Харькова в район Красноград, а 48-го и 40-го танковых корпусов – с левого фланга Юго-Западного фронта в район Красноармейского, они восприняли как начало отвода врагом его донбасской группировки за Днепр. Исходя из этой неправильной оценки, командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин просил у Ставки разрешения на стремительное наступление всеми силами фронта, чтобы окончательно разгромить противника между Северским Донцом и Днепром и выйти на Днепр еще до начала весенней распутицы.

В ответ на это И. В. Сталин в переговорах с Н. Ф. Ватутиным. в ночь на 11 февраля, сказал следующее: пока Харьков не взят нашими войсками, вместо предлагаемой фронтом операции «Скачок» лучше было бы принять другой план – с ограниченными задачами, но более реальными на данный момент. Общая задача фронта на ближайшее время – не допускать отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья и силами всего фронта принять меры к тому, чтобы зажать донецкую группу противника, оттеснив ее в Крым, затем закупорить проходы через Перекоп и Сиваш, и изолировать ее таким образом от остальных вражеских войск на Украине. Операцию необходимо начать возможно скорее, а решение прислать в Генеральный штаб[46].

17 февраля, после освобождения Харькова, И. В. Сталин лично передал по телефону Н. Ф. Ватутину, что представленный им новый план фронтовой операции утвержден. Но Верховный просил учесть его замечания о задачах 6-й армии, сделанные еще при переговорах об операции «Скачок». Речь шла о том, чтобы эта армия заняла Синельниково, а потом Запорожье и не дала войскам противника возможности отойти на западный берег Днепра через Днепропетровск и Запорожье. «Других задач, вроде выдвижения на Кременчуг, пока не давать шестой армии»[47]. Таким образом, и Ставка, и Генеральный штаб допускали ту же ошибку, что и командующие Юго-Западным и Воронежским

фронтами: не ожидали наступательных операций врага, считая его здесь разбитым. Ставка не только согласилась с предложениями командующих по развитию дальнейшего наступления, но в своих директивах даже расширила планы фронтов. При этом Ставка никаких мероприятий по усилению их войск не предпринимала. В результате Юго-Западный фронт продолжал с боями продвигаться в западном и юго-западном направлениях, с каждым днем увеличивая ширину фронта наступления, к началу контрнаступления врага достигшую уже более 400 км. К тому же наши войска в результате непрерывных и длительных наступательных боев несли большие потери в живой силе и технике и из-за чрезмерной удаленности от баз снабжения испытывали острый недостаток в боеприпасах.

Вражеское контрнаступление и быстрый отход войск правого крыла Юго-Западного фронта создали серьезную угрозу левому крылу Воронежского фронта, войска которого тоже были крайне ослаблены в наступательных боях, но все еще продолжали продвигаться в западном направлении.

В первых числах марта Верховный Главнокомандующий дал мне указание вернуться на Воронежский фронт. Командование и штаб фронта находились тогда в Белгороде. Посетив войска и штаб 3-й танковой армии, я убедился, сколь серьезна сложившаяся обстановка, и подробно доложил о ней Верховному. Он распорядился передать Воронежскому фронту группу войск П. С. Рыбалко из Юго-Западного фронта. Но этого оказалось недостаточно.

4 марта противник начал второй этап контрнаступления, нанеся мощный танковый удар сосредоточенными силами по Воронежскому фронту из района юго-западнее Харькова. Используя значительное превосходство, особенно в танках и в авиации, враг после кровопролитных боев 7 марта сломил сопротивление героических войск левого крыла Воронежского фронта и вынудил их начать отход к Харькову. Здесь-то и получил свое боевое крещение сформированный на территории СССР чехословацкий батальон под командованием Людвика Свободы. Военный совет фронта и я, как представитель Ставки, – от имени советского народа, командования и от себя лично – направили чехословацким воинам, показавшим образцы мужества и отваги и проявившим себя достойными боевыми соратниками советских братьев по оружию, сердечную благодарность и пожелания дальнейших боевых успехов в нашей общей борьбе с оккупантами. В ответ на это, как пишет Л. Свобода в своей книге «От Бузулука до Праги», «бойцы поклялись продолжать решительную борьбу с фашистскими захватчиками и довести до

победного конца дело, за которое пали их товарищи»…

После 7 марта обстановка на левом крыле Воронежского фронта продолжала ухудшаться. В ночь на 10 марта у меня состоялся обстоятельный разговор по телефону с Верховным Главнокомандующим. Мы обсудили, что должна предпринять Ставка, чтобы немедленно и серьезно усилить курско-белгородско-харьковское направление. Решили срочно перебросить сюда две общевойсковые и одну танковую армии. В директиве Ставки, адресованной командующему Центральным фронтом К. К. Рокоссовскому, мне и командующему Воронежским фронтом Ф. И. Голикову, говорилось:

> «Выход южной группы противника севернее Харькова в район Казачья Лопань создает тяжелое положение для Воронежского фронта и несет угрозу разрушения тылов всего Центрального фронта. Противник имеет намерения выйти в сторону Белгорода, прорваться к Курску и соединиться с орловской группой немецких войск для выхода в тыл Центральному фронту. Ставка решила выдвинуть танковую армию Катукова[48] навстречу подымающемуся на север противнику, с задачей совместно с 21-й армией разгромить южную группу противника, и ликвидировать создавшуюся угрозу для Центрального и Воронежского фронтов. Ставка приказывает: 1. Немедля выдвинуть 21-ю армию в сторону Курска с тем, чтобы не позднее 13 марта армия выдвинулась южнее Курска, перехватила магистральное шоссе и начала ускоренное движение в сторону Обояни. 2. Оказать всяческое содействие танковой армии Катукова в деле выгрузки и быстрейшего продвижения вперед бок о бок с 21-й армией. Ставка доводит до вашего сведения, что как 21-я армия, так и танковая армия Катукова передаются с 13 марта сего года в подчинение командующего Воронежским фронтом»[49].

Находившемуся в то время в Курске в качестве представителя Ставки заместителю начальника Генерального штаба А. И. Антонову было приказано принять все меры для быстрейшего выдвижения на реку Псел 21-й армии генерал-лейтенанта И. М. Чистякова. Армия должна была прочно держать этот рубеж, прикрыть Курск с юга и обеспечить развертывание прибывавшей сюда из резерва Ставки 1-й танковой армии. Ставкой дано также указание срочно перебросить в распоряжение командования Воронежским фронтом 64-ю армию генерал-лейтенанта М. С. Шумилова, находившуюся в ее резерве в районе Сталинграда.

Войска Воронежского фронта продолжали упорно отстаивать подступы к Харькову, но сами своими сравнительно слабыми силами не смогли сдержать танковый напор фашистов и вынуждены были 15 марта оставить город. Под Белгородом основной удар врага пришелся по крайне ослабленной 69-й армии генерал-лейтенанта М. И. Казакова. С юга наступал танковый корпус СС, с запада – армейский корпус. Фашисты непрерывно бомбили Белгород. 18 марта враг, прорвавшись с юга, овладел городом. Командование Воронежского фронта и я покинули его ранним утром и переехали в район Обояни.

Хотелось бы заметить, что даже при всей неожиданности вражеского контрнаступления, наш отход не носил на себе следов растерянности и сумятицы. Ни порядок, ни руководство войсками не нарушались, хотя все тяжело расставались со столь дорогими нашему сердцу городами и районами. Мы верили, что скоро они вновь станут свободными. На это была направлена напряженная работа Ставки и Генштаба. По распоряжению Верховного Главнокомандующего к нам прибыл Г. К. Жуков, которому поручалось вместе со мной и командующими фронтами разработать и представить в Ставку соображения по плану дальнейших действий на этом направлении.

19 марта мы с Георгием Константиновичем докладывали Верховному Главнокомандующему о том, что все наше внимание нацелено на то, чтобы остановить продвижение противника из Белгорода на север и северо-восток. Для этой цели мы организовали прочную оборону по Северскому Донцу и далее через Гостищево, Быковку, Дмитриевку, Красную Яругу и Краснополье, прикрывая преимущественно направления на Обоянь и Корочу. 69-ю армию М. И. Казакова с танковым корпусом В. М. Баданова мы отводили на восточный берег Северского Донца; 21-ю армию И. М. Чистякова усиливали прибывавшими полками самоходной артиллерии; танковый корпус И. А. Вовченко выводили непосредственно севернее и северо-западнее Белгорода, чтобы прикрыть дорогу на Обоянь и Тамаровку; 40-ю армию К. С. Москаленко отводили на рубеж Дмитриевки, Красной Яруги в стык 21-й армии И. М. Чистякова и 38-й Н. Е. Чибисова, а сами выехали в войска, чтобы уточнить положение в районе Белгорода и помочь организовать там оборону.

От А. И. Антонова, находившегося в Курске, мне было известно, что 21-я армия 17 марта вышла к Ольховатке, а в Курске 18 марта уже находилась 1-я танковая армия. К 23 марта после того, как 64-я (7-я гв.) армия вышла к Северскому Донцу, встав между 69-й и 3-й танковой армиями, а 21-я армия

организовала прочную оборону на рубеже 25–30 км севернее Белгорода, линия фронта в районе Обояни стабилизировалась. Попытки немцев развить здесь наступление успеха не имели, и Воронежский фронт перешел к жесткой обороне. 22 марта я получил разрешение вернуться в Москву. Вслед за мною и по моей просьбе было разрешено прибыть в Москву А. И. Антонову. Вскоре мне довелось представить Алексея Иннокентьевича Верховному Главнокомандующему. Теперь мы почти ежедневно вместе посещали Ставку.

На фронте в те дни произошло некоторое перемещение: Н. Ф. Ватутин был назначен командующим Воронежским фронтом вместо Ф. И. Голикова, отозванного в распоряжение Ставки. Командующим Юго-Западным фронтом вместо Н. Ф. Ватутина стал Р. Я. Малиновский, а вместо него на Южный фронт был выдвинут командарм-57 Ф. И. Толбухин. Забегая вперед, скажу, что последний вполне оправдал оказанное ему доверие. Он отлично командовал позднее 3-м Украинским фронтом во время освобождения Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. После войны Маршал Советского Союза Толбухин руководил ответственными участками обороны страны, чуть ли не до своей безвременной кончины внося заметную лепту в наше общее дело…

Красная Армия, временно перейдя к обороне, сохранила за собой инициативу. На советско-германском фронте наступило весеннее затишье. Лишь на Кубани продолжались ожесточенные сражения за завоевание господства в воздухе. В центре же, вокруг Курска, образовалась своеобразная дуга, обращенная в сторону противника. С севера над ней нависал находившийся в руках противника Орловский выступ. С юга линия фронта тянулась примерно по белгородской параллели. А западный конец дуги шел чуть восточнее Севска, Рыльска и города Сумы. Внутри огромной дуги и близ нее стояли в напряженном ожидании наши десять общевойсковых, две танковые и две воздушные армии Центрального и Воронежского фронтов.

Стратегическая пауза в течение апреля – июня 1943 года была использована обеими воюющими сторонами для выработки новых стратегических решений и подготовки к летним активным действиям. Неудача весеннего контрнаступления, в ходе которого немцы добились ограниченных успехов, не отрезвила руководителей вермахта. Жажда реванша, стремление во что бы то ни стало восстановить пошатнувшийся престиж немецко-фашистской армии. толкали гитлеровцев на очередные авантюры. Они не хотели считаться с тем, что обстановка на фронтах Второй мировой войны складывается для Германии все более

неблагоприятно. Крупные поражения на востоке ускоряли начавшийся процесс распада фашистской коалиции. Во время наступления наших войск зимой 1943 года было разгромлено 100 вражеских дивизий (около 40 % всех их соединений). Только по сухопутным войскам с июля 1942 года по июнь 1943 года, по данным генштаба сухопутных сил Германии, враг потерял 1 млн 135 тыс. человек. Кроме того, события на советско-германском фронте способствовали тому, что англо-американские войска повели в Тунисе активные действия.

По-прежнему главную тяжесть борьбы несли на себе Вооруженные Силы СССР. В марте 1943 года на востоке находилось более 70 % всех войск вермахта (194 дивизии из 273), совместно с немецко-фашистскими войсками действовали 19 дивизий и 2 бригады союзников Германии. Характерно, что в состав сухопутных войск гитлеровское командование вынуждено было включить значительную часть авиаполевых, охранных, резервных и «иностранных» дивизий, боеспособность которых резко снизилась. Упали боевой дух и выучка даже танковых дивизий, о чем довольно выразительно писал в своем докладе от 9 марта 1943 года генерал-инспектор бронетанковых войск Германии Гудериан: «К сожалению, в настоящее время у нас нет уже ни одной полностью боеспособной дивизии». Однако имевшихся у фашистов сил было достаточно, чтобы продолжать войну и осуществить крупные наступательные операции. И когда перед гитлеровцами встала задача выработать дальнейшую стратегическую линию ведения войны и конкретный план военных действий на лето 1943 года, решить этот сложный вопрос они смогли не сразу. Среди генералитета вермахта не было не только единства мнений, но и вообще возникли серьезные разногласия.

Какие же варианты действий предлагались и каким оказался окончательный стратегический план дальнейшего ведения войны Германией на Восточном фронте? Не зная в то время, конечно, всего этого в деталях, мы все же многое предвидели и о многом догадывались, опираясь как на сведения, поступавшие от разведорганов, так и на анализ происходивших событий. Имеющиеся в нашем распоряжении документы раскрывают полностью механизм подготовки нового наступления немецкой армии на советско-германском фронте. При всех разноречиях и спорах планы немецкого командования сводились к тому, чтобы решительно ослабить ударную силу ожидавшегося ими летом наступления советских войск, после чего развернуть победное наступление на востоке, вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования и добиться перелома в войне в свою

пользу.

Хотя относительно путей достижения этой цели среди нацистских руководителей не было единой точки зрения, принятое решение предусматривало провести летом крупную наступательную операцию против группировки советских войск, располагавшейся внутри Курской дуги, и попытаться повторить стратегический замысел, который не удалось осуществить ранней весной 1943 года.

13 марта командование сухопутных войск отдало за подписью Гитлера оперативный приказ № 5, в котором излагались директивные указания на ведение боевых действий на Восточном фронте в ближайшие месяцы. В нем ставилась задача после весенней распутицы упредить советские войска в наступлении на отдельных участках фронта и навязать, тем самым, Красной Армии свою волю. В соответствии с этим приказом группе армий «Юг», которой командовал Манштейн, надлежало к середине апреля создать сильную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий «Центр», командующим которой стал генерал-полковник Клюге, – сосредоточить ударную группировку южнее Орла. Обе группировки должны были встречным ударом сторон в общем направлении на Курск окружить и уничтожить наши войска внутри Курской дуги.

Задачи войск и мероприятия по их обеспечению в новой наступательной операции, получившей условное наименование «Цитадель», были изложены в оперативном приказе № 6. Гитлер подписал его 15 апреля 1943 года. В нем, в частности, говорилось: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» – первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и полным успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года… Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления».

Основная проблема для фашистского командования состояла в восполнении потерь в людях и вооружении и создании надлежащих наступательных группировок. Усиленно проводилась начатая еще в январе 1943 года тотальная мобилизация с призывом в армию даже 50-летних. Тем не менее, мобилизация пополнила сильно потрепанные войска на Восточном фронте, численность которых к лету 1943 года была доведена до 4,8 млн (более 71 % личного состава всей действующей армии). Кроме того, 525 тыс. насчитывали войска сателлитов Германии.

Противник имел тогда на советско-германском фронте 232 дивизии, 5850 танков и штурмовых орудий, 54,3 тыс. орудий и минометов, 2980 боевых самолетов, на море – 69 боевых кораблей основных классов. Таким образом, несмотря на принятые меры и возможность переброски дивизий с Запада, где по-прежнему не было второго фронта, врагу не удалось восполнить все свои потери и довести численность войск на Восточном фронте до уровня осени 1942 года, когда она была наибольшей за все время войны (около 6,2 млн человек). Особое внимание Берлин уделил восстановлению мощи бронетанковых войск, для чего форсированными темпами развивалась танковая промышленность, которая увеличила производство танков в 1943 году по сравнению с 1942 годом в два раза. На вооружение немецко-фашистской армии к началу летнего наступления поступили более совершенные тяжелые танки «Пантера» и «Тигр», самоходная артиллерийская установка «Фердинанд». Авиация получила новые самолеты – «Фокке-Вульф-190А» и «Хешпель-129».

Ставка на массовое применение новых образцов боевой техники – одна из характерных черт гитлеровского плана операции «Цитадель». Для ее осуществления были привлечены наиболее боеспособные соединения – 50 отборных дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, а также 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов штурмовых орудий, – сосредоточенные в компактных ударных группировках севернее и южнее Курска. Созданная на курском направлении группировка составляла к числу дивизий противника на советско-германском фронте более 20 % пехотных, около 70 % танковых и до 30 % моторизованных вражеских дивизий. Численность немецко-фашистских группировок достигала свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов и до 2,7 тыс. танков и штурмовых орудий. Все эти силы были развернуты на 600-километровом участке, равнявшемся лишь 14 % всего советско-германского фронта. Здесь же действовало более 2 тыс. фашистских самолетов, или свыше 65 % всех боевых самолетов, находившихся на востоке. Сосредоточив столь мощные силы, противник был уверен в успехе наступления. Однако враг и на этот раз переоценил наступательные возможности своей армии и недооценил неизмеримо возросшую боевую мощь Красной Армии и военно-экономический потенциал Советского Союза.

Советские Вооруженные Силы окрепли организационно. Повысилось их боевое мастерство. Возрос моральный дух воинов. К лету 1943 года в составе нашей Действующей армии было 6,6 млн. человек, а на ее вооружении – 105 тыс. орудий и

минометов, около 2,2 тыс. боевых установок реактивной артиллерии, 10,2 тыс. танков и САУ, свыше 10,2 тыс. боевых самолетов.

Наличие таких крупных сил и средств позволяло советским войскам, сохранявшим стратегическую инициативу, начать крупное наступление.

Еще накануне первомайского праздника ЦК партии обратился к Вооруженным Силам с призывом: «Воины Красной Армии! Вас ждут, как освободителей, миллионы советских людей, изнывающих под немецко-фашистским игом. Вперед на Запад, за освобождение советской земли!».

Цель нового наступления состояла в том, чтобы завершить наметившийся перелом в войне, разгромить вражеские группы армий «Центр» и «Юг», освободить Левобережную Украину с угольно-металлургической базой Донбассом и восточные районы Белоруссии, изгнав гитлеровские войска за линию реки Сож, среднего и нижнего течения Днепра.

К выработке плана предстоявших действий и всестороннему их обеспечению советское командование приступило сразу же после завершения зимней кампании – в конце марта 1943 года. Уже в начале апреля Генеральный штаб по поручению Ставки дает фронтам указания о том, чтобы использовать время весенней распутицы для лучшей организации обороны занимаемых рубежей, особенно противотанковой, для развития оборонительных сооружений и создания резервов на основных направлениях, а также для боевой подготовки войск, в основу которой положить отработку наступательного боя и наступательной операции. Как всегда, а тогда особенно, главной заботой Центрального Комитета Коммунистической партии, Государственного Комитета Обороны, Ставки, Генерального штаба, Главных управлений Наркомата обороны и других соответствующих союзных наркоматов было создание мощных резервов, и накопление танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов, горючего и прочих материальных ресурсов, необходимых войскам для проведения крупных наступательных операций. Не проходило дня, чтобы Ставка не занималась этими вопросами. Ответственные работники Генштаба при своих ежедневных докладах Верховному Главнокомандующему об оперативной обстановке на фронте обязаны были более подробно, чем обычно, сообщать о ходе создания резервов и накопления вооружения, боевой техники, боеприпасов и горючего. По всем затруднениям ГКО немедленно принимал действенные меры.

Ставка утвердила предложение Генштаба вывести к апрелю на наиболее ответственных для того периода направлениях –

орловском, курском, харьковском и донбасском на укомплектование следующие войсковые объединения и соединения: 2-ю резервную армию – в районе станции Лев Толстой; 24-ю армию – в районе Воронежа; 66-ю армию – в районе Бобровка; 46-ю армию и 1-й гвардейский танковый корпус – в районе Миллерово; 53-ю армию, 1-й механизированный и 4-й гвардейский танковый корпуса – в районе Касторного; 5-ю гвардейскую танковую армию – в районе Острогожска; 3-й танковый корпус – в районе Алексеевки; 5-й механизированный корпус – в районе Мичуринска; 18-й танковый корпус – в районе Россоши. К 30 апреля они должны находиться в полной боевой готовности.

На 1 апреля в резерве Ставки было до девяти армий. 6 апреля Ставка дала директиву создать к 30 апреля Резервный фронт (переименованный сначала в Степной округ, а затем в Степной фронт). Командующим этим фронтом был назначен генерал-лейтенант М. М. Попов, начальником штаба генерал-лейтенант М. В. Захаров.

В состав Резервного фронта были включены: 2-я резервная армия, 24-я, 53-я, 66-я, 47-я и 46-я армии, 5-я гвардейская танковая армия, 1-й, 3-й и 4-й гвардейские танковые корпуса, 3-й, 10-й и 18-й танковые корпуса, 1-й и 5-й механизированные корпуса. Все эти войска дислоцировались в районах Касторного, Воронежа, Боброва, Миллерова, Россоши и Острогожска. Полевое управление фронта разместилось неподалеку от Воронежа.

Казалось, для организации нашего наступления мы сделали все. Однако вскоре в намеченный Ставкой план летнего наступления, предусматривавший нанесение главного удара на Юго-Западном направлении, были внесены существенные поправки. Советской военной разведке удалось своевременно вскрыть подготовку гитлеровской армии к крупному наступлению на Курской дуге и даже установить его дату.

Советское командование оказалось перед дилеммой: наступать или обороняться? Были внимательнейшим образом проанализированы все возможности, изучены все варианты действий. Принять единственно правильное решение помог коллективный разум, творческий труд опытных, умудренных двумя годами войны военачальников и штабов, от фронтовой ступени до Верховного Главнокомандования. Анализируя разведывательные данные о подготовке врага к наступлению, фронты, Генеральный штаб и Ставка постепенно склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. Этот вопрос в конце марта – начале апреля многократно обсуждался в ГКО и Ставке. Тщательно, со всех сторон, обсуждали мы этот вопрос по

телефону с заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым, который находился на Курской дуге, в войсках Воронежского фронта. В результате 8 апреля Г. К. Жуков направил Верховному Главнокомандующему обстоятельный доклад с оценкой обстановки, в котором изложил соображения о плане действий в районе Курской дуги. Там, в частности, отмечалось: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»[50].

Я как раз находился у И. В. Сталина, когда он получил этот доклад. Верховному было известно, что Генеральный штаб придерживается точки зрения Жукова. Прочитав доклад Жукова, Сталин сказал:

– Надо посоветоваться с командующими войсками фронтов, – и распорядился запросить мнение фронтов. Генштабу он поручил подготовить специальное совещание для обсуждения плана летней кампании 1943 года. Н. Ф. Ватутину и К. К. Рокоссовскому он позвонил сам, просив их к 12 апреля представить соображения по оценке фронтовой обстановки и по плану предстоящих действий фронтов. В своих донесениях командующие сообщали, что в отношении сил противника и его намерений их мнение совпадает с мнением Г. К. Жукова и Генерального штаба. Что касается плана действий войск, командование и штаб Центрального фронта высказывались за то, чтобы объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку врага, пока она еще не подготовилась к наступлению, и тем самым лишить противника возможности использовать ее для нанесения удара через Ливны на Касторное одновременно с ударом от Белгорода[51]. Руководство Воронежского фронта высказалось только по поводу намерений врага[52].

12 апреля вечером в Ставке состоялось совещание, на котором присутствовали И. В. Сталин, прибывший с Воронежского фронта Г. К. Жуков, я и заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов. Было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Сталина беспокоило, и он не скрывал этого, выдержат ли наши войска удар крупных масс фашистских танков.

Однако шел уже не 1941 год. Красная Армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт, имела отличное вооружение и прекрасную боевую технику. Теперь уже фашисты

боялись нас. И колебания были отброшены. Тщательный анализ обстановки и предвидение развития событий позволили сделать правильный вывод: главные усилия надо сосредоточить к северу и югу от Курска, обескровить здесь противника в оборонительном сражении, а затем перейти в контрнаступление и осуществить его разгром. В дальнейшем имелось в виду развернуть общее наступление Красной Армии, нанося главный удар в направлении на Харьков, Полтаву и Киев. Между прочим, на совещании был предусмотрен и другой вариант действий: переход советских войск к активным действиям в случае, если фашистское командование не предпримет наступления под Курском в ближайшее время и оттянет его на длительный срок.

После принятия решения о преднамеренной обороне с последующим переходом в контрнаступление развернулась всесторонняя и тщательная подготовка к предстоящим действиям. Одновременно продолжалась разведка сил и намерений противника, в результате чего советскому командованию стали достаточно точно известны сроки начала вражеского наступления, которое трижды переносилось Гитлером. Рассказывая здесь о плане Курской битвы, мне хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, то, что этот план являлся центральной частью общего стратегического плана, принятого Ставкой на летне-осеннюю кампанию 1943 года; во-вторых, что решающую роль в разработке плана сыграли высшие органы стратегического руководства – Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб. До недавнего времени вопрос о планировании и подготовке Курской битвы в военно-исторической литературе, как научной, так и, особенно, мемуарной, освещался не совсем точно, – вольно или невольно принижалась большая творческая и организационная деятельность Ставки и ее рабочего органа – Генерального штаба, преувеличивалась роль фронтовых инстанций, и прежде всего военного совета Воронежского фронта. Эти искажения, на мой взгляд, явились результатом того, что в распоряжении авторов, выступавших по этой проблеме, долгое время не было документов, которые всесторонне освещают ход планирования Курской битвы. К тому же ряд важных деталей вообще не нашел отражения ни в каких документах, так как обсуждались они в самой высокой инстанции в узком кругу лиц, руководивших подготовкой Курской битвы. Это относится, помимо И. В. Сталина, к Г. К. Жукову, А. И. Антонову, к автору этих строк и некоторым другим товарищам, работавшим в годы войны в ГКО, Ставке и Генштабе.

Трудно описать весь круг крупных мероприятий, которые

были проведены ГКО, Ставкой, Генеральным штабом и управлениями Наркомата обороны в ходе подготовки к битве на Курской дуге. Для этого потребовался бы специальный труд. Это была поистине титаническая государственная работа. Она, в частности, включала в себя такие мероприятия, как создание многополосной обороны на курском направлении общей глубиной в 250–300 км; выдвижение в район восточнее Курска мощного стратегического резерва Ставки – Степного фронта; осуществление крупнейшего за все время войны сосредоточения у Курска материальных средств и войск; организация специальных воздушных операций по нарушению вражеских коммуникаций и завоеванию господства в воздухе; активизация действий партизан с целью осуществления массовых диверсий в тылу врага и получения важнейших разведывательных данных; проведение большого комплекса мероприятий по политическому обеспечению предстоявших действий Красной Армии.

В середине апреля Ставка через Генеральный штаб и руководящий состав Наркомата обороны проверила на местах подготовку к летней кампании на фронтах курского направления. К тому времени, по имевшимся у нас данным, враг сосредоточил против войск Центрального и Воронежского фронтов до 16 танковых дивизий, хорошо укомплектованных боевыми машинами. Наиболее мощная группировка фиксировалась перед Воронежским фронтом. Здесь, по данным разведки, насчитывалось 11 танковых и до 20 пехотных фашистских дивизий. Это особенно беспокоило Верховного Главнокомандующего, и он решил заслушать отчет непосредственно командующего Воронежским фронтом о том, как идет подготовка войск и в чем фронт нуждается. Мне было приказано предупредить об этом военный совет фронта, а затем вызвать командующего в Ставку.

Как же выглядела вся наша полоса преднамеренной обороны? Накануне вражеского наступления картина была следующей. По Дону, от Лебедяни через Задонск, Хлевное, Семилуки, Лиски и Павловск к Верхнему Мамону, шла линия укреплений «государственного рубежа обороны» (ГРО). Перед ней располагались стратегические резервы советских войск. Севернее, в тылу левого крыла Западного, а также Брянского фронта, они охватывали 11-ю (у Калуги), 4-ю гвардейскую (у Тулы) и 3-ю гвардейскую танковую (у Верхоупья) армии и, помимо того, ряд соединений возле Мосальска, Мещовска, Плавска и Ефремова. Западнее ГРО находился Степной фронт (между Красной Зарей и Ливнами – 27-я армия, у Касторного – 53-я армия, между Средней Апочкой и Гнилым – 5-я гвардейская армия, а также ряд

соединений западнее Воронежа и у Старого Оскола).

Южнее расположились стратегические резервы в тылу Юго-Западного фронта: 47-я армия между Лимаревом и Кривоносовкой, 5-я гвардейская танковая армия между Острогожском и Россошью, ряд соединений у Павловска, Новой Калитвы, Марковки и Валуек. От Ливен по реке Кшень и далее к верховьям Сейма тянулся оборонительный рубеж Степного фронта. По линии Верховье – Ливны – Евланова – Долгая – Тим – Скородное – Чернянка – Буденное проходил третий фронтовой рубеж обороны, почти стягивавший собою Курскую дугу. Второй фронтовой рубеж шел западнее, от Евлановой поворачивая к 1-й Воробьевке, затем, огибая с запада полукругом Курск, через Солнцево к Мантурову, оттуда к Гнилому, Волоконовке и Валуйкам. Первый фронтовой рубеж пересекал Ольховатку, Фатеж, Любимовку, Марьино, Корочу, Шебекино и Купянск. Еще ближе к линии фронта, примерно повторяя ее очертания, тянулись третья, вторая армейская и главная полосы обороны. Во втором эшелоне фронтов находились 1-я и 2-я танковые, 69-я армии. Резервы фронтов составляли 2-й, 5-й гвардейские, 9-й, 19-й танковые, 35-й гвардейский стрелковый корпуса, артиллерийские части и соединения у Понырей, Ольховатки, Курска, Белого, Ивни, Обояни, Ржавы, Прохоровки, Александровского, Скородного и Корочи.

Из одного этого перечисления видно, сколь серьезно относилось руководство страны к проблеме планирования и обеспечения преднамеренной обороны. Даже если бы враг прорвался (что ему не удалось), он встретил бы на своем пути не оперативный простор, а труднопреодолимые преграды и крупные войсковые заслоны.

Принимая непрерывное и самое активное участие в подготовке войск фронтов курского направления к отражению удара врага и к переходу их в контрнаступление, Генеральный штаб продолжал заниматься одновременно разработкой другой операции, тесно связанной с планом действий на курском направлении, и получившей условное наименование «Кутузов». Ее цель заключалась в том, чтобы усилиями левого крыла Западного и всего Брянского фронтов (50-я, 11-я гвардейская, 61-я, 3-я, 63-я армии) в тесной увязке с действиями Центрального фронта, в наиболее выгодный для нас момент, нанести удар по орловской группировке противника, овладеть городом Орел.

Верховный Главнокомандующий придавал операции «Кутузов» важное значение. В середине мая он дал мне указание выехать на Брянский и левое крыло Западного фронта, чтобы на месте проверить, правильно ли понимают войска поставленные

перед ними задачи, и как идет подготовка к их выполнению. Начал я с левого крыла Западного фронта и вот что докладывал Верховному в донесении от 21 мая из штаба 61-й армии (генерал-лейтенанта П. А. Белова) Брянского фронта, куда я только что прибыл из 11-й гвардейской армии (генерал-лейтенанта И. Х. Баграмяна) Западного фронта:

«1. В течение 19 и 20. V совместно с товарищами Соколовским и Булганиным проверили подготовку к операции 11-й гвардейской армии товарища Баграмяна. По сравнению с Брянским фронтом здесь проделана большая работа, как по подготовке комсостава, так и войск в целом, остается лишь отработать отдельные детали и, по получении распоряжения, вывести войска в исходное положение. Слабо с танками и авиацией. Командованием фронта выделены для Баграмяна имеющиеся два танковых полка прорыва и четыре отдельные танковые бригады. На восстановление 1-го и 5-го танковых корпусов получено всего лишь 100 танков. Было бы крайне желательно к началу операции подкрепить еще двумя танковыми полками прорыва. В отношении авиации товарищ Новиков сообщил, что решением Ставки последняя усиливается, но, к сожалению, лишь к 15. VI, то есть, по-видимому, после начала операции.

2. Вечером 20. V. вернулся к Белову. Здесь, а также у Колпакчи[53] идет отработка задач и взаимодействия с командирами полков, и батальонов на местности. Готовность войск фронта задерживают слабое поступление боеприпасов и еще не прибывший к Белову 7-й артиллерийский корпус.

3. Считаю, что войска в целом будут готовы к занятию исходного положения 28 мая. На занятие исходного положения и на развертывание артиллерии потребуется до пяти суток.

4. Одновременно с подготовкой операции, уделено исключительное внимание готовности нашей обороны и особенно на направлениях спас-деменском, жиздринском и белевском». Далее я сообщал, что, по показаниям авиационной, военной и партизанской разведки, противник продолжает подтягивать на первые два направления пехоту и особенно танки. Партизаны видели на спас-деменском направлении прибывшую с запада одну танковую дивизию. Хотя наличие ударных

группировок позволяло более или менее надежно обеспечить как калужское, так и тульское направления, все же я считал целесообразным переместить 19-й стрелковый корпус из района Гжатска в Юхнов, оставив его в составе 10-й гвардейской армии. С этой же целью 4-ю стрелковую дивизию МВО я предлагал перевести из Загорска в Малоярославец»[54].

В ту же ночь Верховный вызвал меня в Москву. В Ставке и Генштабе продолжалась напряженная работа. В первых числах июня на должность командующего войсками Брянского фронта вместо М. А. Рейтера был назначен генерал-полковник М. М. Попов.

Маркиан Михайлович Попов был человеком большого военного дарования, умел хорошо разбираться в оперативно-стратегических вопросах. Много мне приходилось с ним встречаться на фронте при проведении серьезных стратегических операций. Война застала его в должности командующего Северным, а затем Ленинградским фронтом, потом его служебная карьера оказалась изменчивой, как ни у кого. Приняв командование войсками Брянского фронта, он показал себя с лучшей стороны и вскоре был назначен командующим войсками 2-го Прибалтийского фронта. Известно и о том, что М. М. Попов являлся командующим двумя армиями и заместителем командующих Сталинградского и Юго-Западного фронтов.

Как видно, М. М. Попов во время войны то повышался по служебной должности, то спускался ниже. Начав войну командующим войсками Ленинградского фронта, заканчивает ее начальником штаба того же фронта. То же самое происходило и с его воинскими званиями. В войну вступил в чине генерал-лейтенанта, в 1944 году получает звание генерала армии, а заканчивает войну генерал-полковником. И все это при его исключительных способностях, при том, что он был разносторонне образованным военачальником, интересным собеседником и к тому же очень добрым человеком. Но его беда и горе – склонность к выпивке. Просто было больно смотреть, как он, волевой командир, так бесконтрольно вел себя. М. М. Попова ценило Верховное Главнокомандование, с ним не раз вели серьезный разговор в Политбюро ЦК партии. Но строгие внушения и обещания исправиться помогали лишь на какое-то время.

Думаю, что не допущу ошибки, если скажу, что только этот недостаток помешал М. М. Попову в полной мере раскрыть свой военный талант.

Я отправился на Брянский фронт, чтобы на месте ознакомить М. М. Попова с задачами, стоявшими перед войсками фронта. В течение четырех дней я побывал в войсках 61-й, 63-й и 3-й армий. Вместе с новым командующим мы еще раз проверили состояние обороны и ход подготовки к предстоящим действиям. Противник по-прежнему никак себя не проявлял.

В ночь на 10 июня я опять вернулся в Москву, чтобы, после короткой паузы, по указанию Ставки в ближайшие же дни снова отправиться на Воронежский фронт. На меня была возложена координация действий войск Воронежского и Юго-Западного фронтов, а на Г. К. Жукова – Центрального, Брянского и Западного фронтов. Все это еще раз свидетельствовало о том, как обеспечивало Верховное Главнокомандование четкость проведения операции. Через своих представителей Ставка осуществляла руководство войсками на главных участках.

В этот ответственный момент советское командование предъявляло особые требования к органам разведки. И, нужно сказать, она была на высоте и неплохо помогала нам. В первые два года войны мы, руководители Генштаба, не раз выслушивали справедливые упреки Верховного Главнокомандующего в адрес Разведывательного управления. В 1943 году таких замечаний почти не было. Как ни стремился враг держать в тайне планы своего наступления, как ни старался отвлечь внимание советской разведки от районов сосредоточения своих ударных группировок, нашей разведке удалось определить не только общий замысел врага на летний период 1943 года, направление ударов, состав ударных группировок и резервов, но и установить время начала фашистского наступления. Правда, в течение мая, по инициативе Генштаба фронты курского направления дважды предупреждались о возможном наступлении врага в ближайшие дни. Между тем, ни в том, ни в другом случае наступления противника не последовало. Но это произошло, как выяснилось в дальнейшем, не по вине нашей разведки, а в результате того, что Гитлер, стремясь еще более усилить сосредоточенные под Кромами и Борисовкой войска, переносил сроки начала наступления.

8 мая в адрес командующих Брянским, Центральным, Воронежским и Юго-Западным фронтами Ставка направила следующую директиву: «По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10–12 мая на орловско-курском или на белгородско-обоянском направлении, либо на обоих направлениях вместе. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает к утру 10 мая иметь все войска, как первой линии обороны, так и резервов, в полной боевой готовности встретить

возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации, с тем, чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе». В директиве, направленной Ставкой в ту же ночь командующему Степным военным округом, требовалось «всемерно ускорить доукомплектование войск округа и к утру 10. V все наличные войска округа иметь в полной боевой готовности, как для обороны, так и для активных действий по приказу Ставки. Особенное внимание уделить готовности авиации встретить возможные удары авиации противника по нашим аэродромам и по войскам»[55].

20 мая Генштаб, на основе вновь полученных данных о противнике, направил с разрешения Верховного Главнокомандующего фронтам предупреждение о том, что фашистское наступление ожидается не позднее 26 мая. После первого предупреждения, когда оно не подтвердилось, военный совет Воронежского фронта усмотрел в этом колебания, а быть может, и отказ врага от перехода в наступление и просил Верховного Главнокомандующего решить вопрос о целесообразности нанести противнику упреждающий удар. И. В. Сталин очень серьезно заинтересовался этим предложением, и нам – Жукову, мне и Антонову – стоило некоторых усилий, чтобы убедить его не делать этого.

В середине июня Жуков, будучи первым заместителем наркома обороны[56], вновь находился в войсках на Курской дуге. В результате непрерывного и самого тщательного войскового наблюдения за противником, как на Воронежском, так и на Центральном фронтах, а также по данным, поступавшим от всех видов разведки, нам уже точно было известно, что фашисты полностью изготовились к наступлению. Но наступления почему-то не начинали. Вот это «почему-то» немало беспокоило нас, а некоторых даже выводило из равновесия. Особую нетерпеливость начал проявлять командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин. Николай Федорович неоднократно ставил передо мной вопрос о необходимости начать самим наступление, чтобы не упустить летнее время. Мои доводы, что переход врага в наступление против нас является вопросом ближайших дней и что наше наступление будет, безусловно, выгодно лишь противнику, его не убеждали.

– Александр Михайлович! Проспим мы, упустим момент, – взволнованно убеждал он меня. – Противник не наступает, скоро осень и все наши планы сорвутся. Давайте бросим окапываться и начнем первыми. Сил у нас для этого достаточно.

Из ежедневных переговоров с Верховным Главнокомандующим я видел, что неспокоен и он. Один раз он сообщил мне, что ему позвонил Ватутин и настаивает, чтобы не позднее первых чисел июля начать наше наступление; далее Сталин сказал, что считает это предложение заслуживающим самого серьезного внимания; что он приказал Ватутину подготовить и доложить свои соображения по Воронежскому фронту в Ставку. Мне же Верховный дал указание, во-первых, помочь Ватутину и, во-вторых, вызвать к себе командующего Юго-Западным фронтом Р. Я. Малиновского, чтобы тот, в свою очередь, разработал и представил в Ставку предложения по своему фронту. Сталин добавил, что собирается говорить по этому вопросу с Жуковым в отношении Центрального фронта К. К. Рокоссовского. Я ответил, что указания будут выполнены, и заметил, что для нас было бы гораздо выгоднее, если бы враг предупредил нас своим наступлением, которого, по всем данным, следует ожидать в ближайшее же время. В конце разговора Сталин сказал, чтобы я не позднее 22 июня прибыл в Москву.

На следующий день я передал распоряжение Верховного прибывшим ко мне Р. Я. Малиновскому и члену военного совета Юго-Западного фронта А. С. Желтову. Из состоявшегося затем разговора с Г. К. Жуковым я узнал, что с ним И. В. Сталин на эту тему пока еще не беседовал. Оба мы были убеждены, что первым в течение ближайшей недели удар нанесет противник. С такими мыслями я и покинул 22 июня Воронежский фронт. К тому времени в итоге всех мероприятий и общих усилий на хорошо подготовленных рубежах развернулась сильная группировка войск Воронежского и Центрального фронтов. В ее составе было свыше 1336 тыс. человек, 19,1 тыс. орудий и минометов, 3444 танка и САУ и 2172 самолета (а с учетом самолетов дальней авиации 17 В А, Юго-Западного фронта и ночных бомбардировщиков По-2 – 2900). Позади сосредоточился Степной военный округ, насчитывавший 573 тыс. человек, 7401 орудие и миномет и 1551 танк и САУ. Обе воюющие стороны замерли в ожидании надвигавшихся больших событий.

В ночь на 2 июля поступившие в Генштаб от разведывательного управления данные говорили о том, что в ближайшие дни, во всяком случае, не позднее 6 июля, переход врага в наступление на курском направлении неизбежен. Я тотчас доложил об этом Сталину и испросил разрешения немедленно предупредить фронты. Затем зачитал ему заранее заготовленный мною проект следующей директивы Ставки: «По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3–6 июля. Ставка Верховного Главнокомандования

приказывает: 1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений. 2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника, 3. Об отданных распоряжениях донести»[57]. Ночью 2 июля Сталин утвердил текст директивы, и она была направлена командующим Западным, Брянским, Центральным, Воронежским, Юго-Западным и Южным фронтами. В тот же день я отправился на Воронежский фронт. Вечером был на КП у «Николаева» (псевдоним Ватутина. В целях маскировки с 15 мая 1943 года по 1 июня 1944 года для руководящего состава Красной Армии псевдонимы были вновь изменены. Сталин стал Ивановым, Жуков – Юрьевым, я – Александровым; командующие фронтами: В. А. Фролов – Валериановым, Л. А. Говоров – Леоновым, К. А. Мерецков – Кирилловым, П. А. Курочкин – Птициным, С. К. Тимошенко – Тимофеевым на севере и Федоровым на юге, А. И. Еременко – Иваненко, В. Д. Соколовский – Василенко, М. А. Рейтер – Максимовым, М. М. Попов – Марковым, К. К. Рокоссовский – Костиным, Р. Я. Малиновский – Родионовым, И. Е. Петров – Ефимовым, И. С. Конев – Степиным, Ф. И. Толбухин – сначала Федоровым, потом Обуховым).

3 июля на Воронежском и на Центральном фронтах прошло, как и все последние дни, спокойно. А с 16 часов 4 июля противник предпринял на широком участке Воронежского фронта боевую разведку примерно четырьмя батальонами, поддержанными 20 танками, артиллерией и авиацией (около 150 самолетовылетов). Все попытки врага вклиниться в наш передний край были отбиты. Захваченный в бою пленный, немец из 168-й пехотной дивизии, показал, что войскам розданы на руки сухой паек, порции водки и что 5 июля они должны перейти в наступление. Из телефонного разговора с Жуковым я узнал, что то же самое подтверждают немецкие перебежчики, перешедшие к нам 4 июля на Центральном фронте. Посоветовавшись с Ватутиным, мы решили в ночь на 5 июля провести предусмотренную планом артиллерийско-авиационную контрподготовку, которая, как выяснилось позднее, дала исключительный эффект. Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с нею у общевойскового командования также нарушилась. Многими фашистскими командирами сильная контрподготовка была принята за начало нашего наступления. Даже не зная деталей результатов контрподготовки, мы испытывали чувство большого

удовлетворения ее общими итогами. Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже.

Так развернулось великое сражение на Курской дуге. В этот день, одновременно с севера и юга, перешли в наступление на Курск обе вражеские группировки. Советские войска вступили в тяжелую борьбу с врагом. Общий ее ход достаточно освещен в литературе, и я напомню лишь отдельные ее моменты.

Решением Ставки от 23 июня командующим войсками Степного военного округа был назначен генерал-полковник И. С. Конев, с освобождением его от должности командующего Северо-Западным фронтом. Начальником штаба Степного военного округа стал генерал-лейтенант М. В. Захаров, членом военного совета – генерал-лейтенант И. З. Сусайков. Приказом Ставки от 9 июля Степной военный округ был переименован в Степной фронт. В разное время в него входили армии: 27-я генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко, 47-я генерал-майора П. М. Козлова, 53-я генерал-майора И. М. Манагарова, 4-я гвардейская генерал-лейтенанта Г. И. Кулика, 5-я гвардейская генерал-лейтенанта А. С. Жадова, 69-я генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина, 57-я генерал-лейтенанта Н. А. Гагена, 5-я гвардейская танковая генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова, 5-я воздушная генерал-лейтенанта С. К. Горюнова; корпуса: 4-й гвардейский и 10-й танковые, 1-й гвардейский механизированный, 3-й, 5-й и 7-й гвардейские кавалерийские.

Оборонительная операция Воронежского и Центрального фронтов продолжалась с 5 по 23 июля. С 12 июля в нее включились 5-я гвардейская танковая и 5-я общевойсковая армии Степного фронта, переданные Воронежскому фронту.

В целом вражеское наступление продолжалось менее недели и 12 июля кончилось провалом. В итоге беспримерного сопротивления советских войск противник, понеся огромные потери и продвинувшись до 12 км на северном фасе Курской дуги и до 35 км на южном, был вынужден прекратить наступление, а затем начать отвод своих войск. Окружить наши войска (на четвертый день наступления, как это предусматривалось планом операции «Цитадель») фашистам не удалось. Советская оборона оказалась сильнее. И тогда же нами были созданы необходимые предпосылки для перехода в запланированное контрнаступление. Главным итогом оборонительного сражения следует, на мой взгляд, считать поражение танковых соединений врага, в результате чего возникло особо благоприятное для нас соотношение сил по этому важному роду войск. В значительной степени способствовал тому выигрыш нами крупного встречного танкового сражения южнее Прохоровки в 30 км от Белгорода. Мне

довелось быть свидетелем этого поистине титанического поединка двух стальных армад (до 1200 танков и САУ), который произошел на южном фасе Курской дуги 12 июля. Сохранился документ, который был направлен мною 14 июля из этого района боев Верховному Главнокомандующему, он по-своему может свидетельствовать о происходившем:

> «Согласно Вашим личным указаниям с вечера 9.VII.43 г. беспрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массовые танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая Н.УН серьезную угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова в район Шахово, Авдеевка, Александровская. Ликвидация же прорыва армии Жадова в районах Веселый, Васильевна, Петровка 12.VII.43 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го механизированного корпуса. То и другое в значительной мере ослабило силы основного удара Ротмистрова со стороны Прохоровка в юго-западном направлении. По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери, как в людских силах, так и, особенно, в танках и в авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее, на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов, с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате, все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками. В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 % и 18-й корпус – до 30 % танков. Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны. Назавтра угроза прорыва танков противника с юга в район Шахово, Авдеевка, Александровна продолжает

оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести сюда весь 5-й механизированный корпус, 32-ю мотобригаду и четыре полка ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова, совместно со стрелковым корпусом Жадова, поставлена ограниченная задача – разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевое, совхоз «Комсомолец», выйти на линию Грязное – Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление. Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия «Райх» до 100 танков, хотя последняя после 5.VII.43 уже дважды пополнялась. Донесение задержал в связи с поздним прибытием с фронта. 2 ч. 47 м. 14. VII.43. Из 5-й гвардейской танковой армии».

Весь период оборонительных боев, как и последовавшие вслед за ним наступательные операции, изобиловал примерами массового героизма и боевого мастерства наших славных воинов.

Второй этап Курской битвы начался 12 июля и длился до 23 августа. Первыми перешли в наступление против орловской группировки врага Брянский и Западный фронты генерал-полковников М. М. Попова и В. Д. Соколовского. 15 июля включился в контрнаступление Центральный фронт генерала армии К. К. Рокоссовского. В итоге совместной операции трех фронтов, носившей вышеупомянутое наименование «Кутузов», орловский плацдарм противника к 18 августа был ликвидирован, а действовавшие там силы фашистов разгромлены.

Контрнаступление на белгородско-харьковском направлении началось 3 августа. Оно было проведено совместно силами Воронежского и Степного фронтов при содействии Юго-Западного фронта в рамках операции «Полководец Румянцев». В связи с успешным развитием наступления на харьковском направлении Ставка директивой от 6 августа обязала Юго-Западный фронт нанести главный удар на юг, во взаимодействии с Южным фронтом разгромить донбасскую группировку противника и овладеть Горловкой и Сталино (Донецк). Основная задача Южного фронта – нанести главный удар на Сталино и там

сомкнуться с ударной группой Юго-Западного фронта. Готовность к наступлению устанавливалась 13–14 августа. Координация действий возлагалась: между Воронежским и Степным фронтами – на Г. К. Жукова, между Юго-Западным и Южным фронтами – на меня[58]. 10 августа я представил план действий двух фронтов на утверждение. Тем временем, операция на белгородско-харьковском направлении продолжалась. Закончилась она полным разгромом врага и освобождением Харькова.

Мы тогда не имели возможности тщательно анализировать итоги Курской битвы. Но одно было ясно: мы не только выиграли великую битву, но и выросли в ней. Оправдались наши замыслы при разработке плана летней кампании, мы научились лучше разгадывать намерения врага. У нас хватило воли, характера, просто выдержки и нервов, чтобы не совершить просчета, не начать преждевременно боевые действия, не дать врагу лишний шанс. Разработка оперативно-стратегических задач была осуществлена удачно. Возросло и мастерство управления войсками на всех уровнях. Словом, наше полководческое искусство продемонстрировало и творческий характер, и превосходство над воинским мастерством фашистского командования.

В результате Курской битвы Советские Вооруженные Силы нанесли врагу такое поражение, от которого фашистская Германия уже никогда не смогла оправиться. Были разгромлены 30 ее дивизий, в том числе 7 танковых. Потери немецких сухопутных войск составили более 500 тыс. человек, 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий, свыше 3,7 тыс. боевых самолетов. Эти потери и провал широко разрекламированного нацистской пропагандой наступления вынудили гитлеровцев окончательно перейти к стратегической обороне на всем советско-германском фронте. Крупное поражение на Курской дуге явилось для немецкой армии началом смертельного кризиса.

Москва, Сталинград и Курск стали тремя важными этапами в борьбе с врагом, тремя историческими рубежами на пути к победе над фашистской Германией. Инициатива действий на советско-германском фронте – главном и решающем фронте всей второй мировой войны – была прочно закреплена в руках Красной Армии. Последующие операции велись уже в условиях нашего безраздельного владения этой инициативой, что явилось важным фактором в достижении новых крупных военных побед над врагом.

Таким образом, почти двухмесячная Курская битва завершилась убедительной победой Советских Вооруженных Сил, а ее итоги приобрели несравненное международное значение.

Стало очевидным, что мощью советского оружия и самоотверженной борьбой советского народа гитлеровская Германия поставлена перед грядущей катастрофой. Победа под Курском еще более расширила и активизировала фронт национально-освободительной борьбы народов, порабощенных фашизмом. Она укрепила симпатии всех трудящихся земного шара к первой стране социализма, несущей освобождение от коричневой чумы.

Читая работы ряда буржуазных авторов о Второй мировой войне, я не раз подмечал их стремление всячески умалить значение победы Красной Армии летом 1943 года. Они пытаются внушить читателям мысль, что Курская битва – обычный и незначительный эпизод Второй мировой войны, и с этой целью либо замалчивают Курскую битву, либо говорят о ней весьма кратко. Крайне редко встречал я в таких книгах подлинную оценку гитлеровского плана реванша летом 1943 года как авантюристического или констатацию банкротства стратегии фашистских генералов. Но, как гласит народная поговорка, дела сильнее слов. Напомню хотя бы о таком элементарном факте: в разгар Курской битвы наши союзники высадились в Сицилии, а 17 августа переправились оттуда в Италию. Сумели бы они сделать это, имея против себя хотя бы половину тех сил, с которыми мы столкнулись у себя летом 1943 года? Думается, что ответ на этот вопрос ясен.

Помня о битве на Курской дуге, советские люди отдают дань уважения и признательности своей героической армии, совершившей великий патриотический и интернациональный подвиг. И никаким исказителям истории не удастся вычеркнуть его из памяти народов мира.

Освобождение Донбасса

Планы сторон. – Подготовка Юго-Западным и Южным фронтами Донбасской операции. – Борьба за Харьков. – Успех «южан». – Шахтерский край освобожден. – На горизонте Днепр

Сокрушительное поражение немецко-фашистских войск на Курской дуге обусловило крах всех замыслов гитлеровского командования, положенных им в основу летней кампании 1943 года.

Стратегический фронт врага на орловском и харьковском направлениях рухнул. Естественно, в Берлине думали о том, чтобы стабилизировать линию фронта, остановить победное продвижение советских войск и удержать в своих руках угольно-металлургические базы Донбасса и Криворожья и плодородные земли Украины. Но для этого врагу нужна была передышка, чтобы создать и подтянуть резервы.

Советское Верховное Главнокомандование, претворяя в жизнь разработанный ранее и принятый на летне-осеннюю кампанию 1943 года стратегический план, используя благоприятную обстановку, сложившуюся под Курском, решило незамедлительно расширить фронт наступления наших войск на Юго-Западном направлении. Перед Центральным, Воронежским, Степным, Юго-Западным и Южным фронтами были поставлены задачи – разгромить главные силы врага на одном из центральных участков и на всем южном крыле советско-германского фронта, освободить Донбасс, Левобережную Украину и Крым, выйти на Днепр и захватить плацдармы на его правом берегу. Предусматривалось, что Центральный, Воронежский и Степной фронты выйдут на среднее течение Днепра, а Юго-Западный и Южный – на нижнее. Одновременно готовились операции севернее и южнее: основным силам Западного и левого крыла Калининского фронтов планировалось нанести поражение 3-й танковой и 4-й полевой армиям немецкой группы армий «Центр», выйти к Духовщине, Смоленску и Рославлю, чтобы отодвинуть подальше от Москвы линию фронта, создать благоприятные условия для освобождения Белоруссии и лишить фашистов возможности перебрасывать отсюда силы на юг, где решалась основная задача кампании. Северо-Кавказский фронт во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской флотилией, должны были очистить Таманский полуостров и захватить плацдарм у Керчи. Таким образом, Ставка планировала провести общее наступление на фронте от Великих Лук до Черного моря.

Этот крупный по замыслу и участвовавшим в его выполнении силам план осуществлялся в ходе следующих операций: Смоленская – с 7 августа по 2 октября (со взятием Смоленска и Рославля, начало освобождения Белоруссии); Донбасская – с 13 августа по 22 сентября (освобождение Донбасса); операция по освобождению Левобережной Украины – с 25 августа по 30 сентября (прорыв к Днепру); Черниговско-Припятьская – с 26 августа по 1 октября (освобождение Черниговской области); Брянская – с 1 сентября по 3 октября (продвижение от Среднерусской возвышенности к бассейну Десны); Новороссийско-Таманская – с 9 сентября по 9 октября (завершено освобождение Кавказа); Мелитопольская – с 26 сентября по 5 ноября (выход к Крымскому перешейку); Керченско-Эльтигенская десантная (захват плацдарма в Восточном Крыму). Как видим, ни одна из этих операций не начиналась и не заканчивалась в одно и то же время. Они как бы перекрывали по времени друг друга, являясь последовательными лишь в самом общем смысле. Это вынуждало врага дробить свои резервы, перебрасывая их с участка на участок, пытаясь закрыть на фронте то там, то тут гигантские бреши, проделываемые в его обороне советскими войсками.

6 августа, то есть буквально на второй день после того, как Родина отпраздновала освобождение Орла и Белгорода, мы с Г. К. Жуковым, на которого была возложена координация действий войск Воронежского и Степного фронтов, получили из Ставки директиву, в которой говорилось, что представленный Г. К. Жуковым план действий Воронежского и Степного фронтов по разгрому врага в районе Харькова утвержден. При этом правофланговая 57-я армия Юго-Западного фронта передавалась Степному фронту, чтобы ударом в обход Харькова с юга помочь главной группировке овладеть Харьковом. Тем временем, Юго-Западный и Южный фронты обязаны были подготовить, а затем и провести операции по освобождению Донбасса. Первый из них должен был нанести удар в направлении Горловки и Сталиное от берегов Северского Донца на юг, второй – от Ворошиловграда и реки Миус на запад, соединяясь в районе Сталино (Донецка) с соседом. Готовность этих двух фронтов к выполнению задачи устанавливалась 13–14 августа. Я должен был 10 августа дать Ставке на утверждение план их действий. На меня же возлагалась и дальнейшая их координация[59].

Мы встретились с Г. К. Жуковым возле старинного городка Корочи и договорились о том, как будем увязывать работу Степного и Юго-Западного фронтов. На следующий день мы с Р. Я. Малиновским обсуждали задачи войск Юго-Западного фронта

по освобождению Донбасса действиями с севера.

Донбасс фашисты стремились удержать в своих руках во что бы то ни стало, а потому, делали все возможное, чтобы превратить его в хорошо укрепленный оборонительный район. Фашистское руководство считало, что оставление Донбасса и Центральной Украины повлечет за собой утрату важнейших аэродромов, большие потери в продуктах питания, угле, энергетических ресурсах, сырье. Передний край главной оборонительной полосы немцев, прикрытый рядами проволочных заграждений и минными полями, проходил по Северскому Донцу и Миусу. В глубине противник имел оборонительные рубежи по рекам Крынка, Мокрый Еланчик, Конка, Берда, Кальмиус, Волчья и Самара. На переднем крае и в глубине укрепленного района было построено много деревоземляных и железобетонных сооружений. 11 августа 1943 года Гитлер отдал дополнительный приказ о строительстве стратегического рубежа обороны, который стал известен у немцев под названием Восточного вала, от Утлюкского лимана через горько-соленое Молочное озеро и далее, по линии реки Молочной, среднего течения Днепра, реки Сож, через Оршу, Витебск, Псков и по реке Нарве.

Оборону Донбасского района гитлеровское командование возложило на 1-ю танковую и 6-ю полевую армии, входившие в группу армий «Юг» и насчитывавшие до 22 дивизий. Ими командовали опытные военачальники, генерал-полковники Макензен и Холлидт. Первый был родственником генерал-фельдмаршала Августа Макензена, известного еще по Первой мировой войне. Отпрыск потомственных немецких генералов успел «отличиться» не только на полях сражений. Зимой 1943 года он ограбил в Пятигорске эвакуированный туда Ростовский музей изобразительных искусств, присвоив полотна и скульптуры великих мастеров кисти и резца. Что касается Холлидта, то его армии мы уже били на Дону. Теперь предстояло встретиться с ними вновь.

Приступая к разработке плана наступательной операции, мы с генералом армии Малиновским отлично сознавали, что войска встретят серьезное сопротивление. Предельно сжатые сроки подготовки операции обязывали нас считаться с уже сложившейся к тому времени группировкой войск на фронте. К моему приезду у Малиновского был проект решения. Его-то после рассмотрения мы и положили в основу дальнейшего обсуждения. В результате многочасовой работы, в которой приняли участие член военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов и руководящие работники штаба фронта, было принято окончательное решение нанести главный удар южнее города Изюм через Барвенково на Лозовую,

Павлоград и Синельниково, используя в качестве исходного положения захваченные ранее плацдармы на западном берегу Северского Донца. К участию в операции привлекались армии: 6-я генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина, 12-я генерал-майора А. И. Данилова, 8-я гвардейская генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, 23-й танковый, 1-й гвардейский механизированный и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса, а также вся фронтовая авиация 17-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант В. А. Судец. Совместно с концентрическим ударом главных сил Южного фронта эти армии должны были отрезать донбасской группировке врага путь отхода на запад, к Нижнему Днепру. Правофланговую на этом фронте 46-ю армию генерал-майора В. В. Глаголева, занимавшую фронт южнее Харькова, мы намеревались вывести к началу операции в район Сватова, чтобы использовать ее в ходе операции под городом Сталине (Донецком) для завершения разгрома донбасской группировки противника. Но по требованию Ставки мы вынуждены были использовать ее вместе с войсками 1-й гвардейской армии генерал-полковника В. И. Кузнецова и во взаимодействии с войсками 57-й армии генерал-лейтенанта Н. А. Гагена (Степного фронта) для удара на Змиев, чтобы обеспечить фронту маневр по обходу Харькова с юга и юго-запада.

8 августа принятое нами решение с указанием конкретных задач армиям, танковому, механизированному и кавалерийскому корпусам было направлено на рассмотрение Ставки. Одновременно я доложил общие соображения и об операции Южного фронта, согласовав их предварительно с комфронта генерал-полковником Ф. И. Толбухиным. В ходе операции для наступления с востока на Сталине (Донецк) имелось в виду привлечь 5-ю ударную, 2-ю гвардейскую и 28-ю армии, 2-й и 4-й гвардейский мехкорпуса, 4-й гвардейский кавкорпус и всю авиацию Южного фронта. Прорыв обороны врага намечалось осуществить к северу от селения Куйбышево в полосе 10–12 км, обеспечив здесь плотность артогня не менее чем 120 стволов на километр. Удар намечалось нанести через Донецко-Амвросиевку и Старо-Бешево в обход города Сталине (Донецк) с юга, выходя навстречу Юго-Западному фронту[60]. Учитывая слабый состав сил Южного фронта, я просил разрешить начать операцию здесь двумя сутками позже Юго-Западного фронта.

В связи с тем, что мне казалось более целесообразным сосредоточить основное внимание в подготовительный к операции период на помощи командованию Южного фронта, я поручил Р. Я. Малиновскому взять всецело на себя работу по подготовке Юго-Западного фронта, а сам отправился на Южный

фронт и, в ночь на 9 августа, был на фронтовом КП Ф. И. Толбухина, расположившемся в селении Грибоваха, неподалеку от города Шахты, а также от Краснодона, где в те дни стала раскрываться в деталях трагедия нашей подпольной организации «Молодая гвардия». В работе над планом операции принимали участие генерал-полковник Ф. И. Толбухин (это была первая его операция, которую он должен был проводить в роли комфронта) и хорошо известные мне начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. С. Бирюзов, и член военного совета генерал-лейтенант К. А. Гуров. Проблема, которая тогда занимала нас, заключалась в том, что предстояло, прежде всего, прорвать создававшийся гитлеровцами в течение длительного времени и очень сложный для нас так называемый «миусский фронт обороны». В результате обсуждения было признано наиболее целесообразно осуществить прорыв на самом предельно узком участке силами 5-й ударной армии генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева и 2-й гвардейской армии Г. Ф. Захарова, создав здесь высокую плотность огня. В дальнейшем эти армии должны были развивать наступление на Волноваху и Пологи, проходя степными просторами, где когда-то буйствовали банды Махно. 51-я армия генерал-лейтенанта Я. К. Крейзера должна была одновременно прорывать фронт севернее на смежном участке в направлении на Снежное, Иловайск и Сталино (Донецк).

В ночь на 10 августа Ставка ответила, что предложения о действиях фронтов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина утверждаются. Разрешалось также, в случае необходимости, прибавить к намечаемым нами срокам наступления два дня[61]. Мы с Толбухиным провели рекогносцировку на участках 5-й ударной и 2-й гвардейской армий, с участием их командующих. В тот же день мой заместитель по Генштабу А. И. Антонов доложил мне по телефону, что командующему Центральным фронтом К. К. Рокоссовскому Ставка, исходя из ранее принятых и известных мне решений, дала указание подготовить и нанести удар на Унечу, и отрезать брянскую группировку противника от Гомеля, содействуя Западному и Брянскому фронтам в разгроме ими брянско-рославльских сил противника.

Какая же вырисовывалась картина в целом? В ночь на 11 августа в разговоре по телефону Верховный Главнокомандующий сказал о ней примерно следующее: есть все основания полагать, что задача разгрома харьковской группировки противника, и овладения Харьковом войсками Воронежского и Степного фронтов в ближайшее время будет решена. Но при этом им необходима будет серьезная помощь со стороны Юго-Западного фронта. Фронт Малиновского (особенно его правое крыло) обязан

будет не только прочно обеспечить удар войск Конева по Харькову с юга и юго-востока, но и своими до предела активными действиями способствовать тому.

Верховный потребовал от меня, чтобы вплоть до решения этой задачи, являвшейся на ближайшее время для Юго-Западного направления основной, я все свое внимание сосредоточил опять на Юго-Западном фронте. Мне было разрешено провести вместе с командующим Южным фронтом уже назначенное на 11 августа инструктивное совещание с командованием армий, корпусов и начальниками родов войск. Однако, не позднее 12 августа я должен был явиться на Юго-Западный фронт, И тогда же войскам Южного фронта было разрешено начать операцию по прорыву обороны врага на реке Миус 18 августа.

Совещание руководящего состава Южного фронта состоялось на участке за стыком 5-й ударной и 2-й гвардейской армий, в том месте, где степь прорезал пересыхающий летом донской рукав Тузлов. Ф. И. Толбухин сообщил собравшимся о предстоящей задаче и поставил конкретные задания каждой армии. Затем я вкратце ознакомил присутствующих с ходом событий на советско-германском фронте, более подробно информировал о событиях на его южном крыле и подчеркнул то огромное военное, политическое и экономическое значение, которое имеет операция по освобождению Донбасса, и о надеждах, которые возлагают ГКО и Ставка на войска Южного фронта. Долго и детально обсуждали мы пути проведения операции. Анализировали характер вражеской обороны; особенности реки Миус, которую предстояло форсировать; степень ожидаемого сопротивления противника; состав и местопребывание вражеских резервов. Договорившись по всем важнейшим пунктам организации прорыва и дальнейшего развития операции, я распрощался с командованием, обязал его закончить всю подготовительную работу к утру 18 августа и уехал к Малиновскому.

Интенсивную подготовку войск и их штабов к предстоящей операции, наряду с другими членами фронтового руководства, осуществлял и начальник штаба Южного фронта С. С. Бирюзов. Он волновался не менее Толбухина, ибо тоже впервые участвовал в проведении фронтовой операции.

Сергей Семенович Бирюзов, впоследствии начальник Генерального штаба и Маршал Советского Союза, принадлежал к тем нашим военачальникам, кто проявил себя сразу с началом Великой Отечественной войны. В июне 1941 года он был командиром дивизии, а в Сталинградской битве стал уже начальником штаба армии. Показателен его дальнейший путь: Бирюзов умело руководил фронтовыми штабами в ходе

освобождения Донбасса, Таврии, Крыма, Молдавии и Болгарии. Однако сам Сергей Семенович считал себя, прежде всего, строевым начальником, умел и любил командовать воинскими соединениями и постоянно стремился к этому. Его мечта сбылась осенью 1944 года, когда он стал командующим 37-й армией, участвовавшей в освобождении Болгарии. После войны С. С. Бирюзов замещал главнокомандующего Южной группой советских войск и председателя Союзной контрольной комиссии в Болгарии, затем руководил противовоздушной обороной страны, ракетными войсками стратегического назначения и позднее стал начальником Генштаба, и первым заместителем министра обороны СССР. Если бы не трагическая гибель в результате аварии самолета, на котором он летел, Бирюзов успел бы сделать еще много для укрепления мощи наших Вооруженных Сил. Решительный и волевой, требовательный и. при необходимости, суровый военачальник, он хорошо дополнял мягкого и сдержанного Ф. И. Толбухина, командовавшего Южным, 4-м и 3-м Украинскими фронтами. На мой взгляд, их боевое содружество и совместная деятельность во фронтовом руководстве являются примером едва ли не идеально удачного сочетания качеств двух крупных военачальников.

Поздним вечером 11 августа я нашел Р. Я. Малиновского на КП его фронта, организованном как раз на направлении главного удара (участок 12-й армии), и узнал, что на правом крыле фронта, в армиях В. В. Глаголева и В. И. Кузнецова, делается все, чтобы начать форсирование Северского Донца не позже чем через двое суток, и что подготовка к переходу 16 августа в наступление главной группировки фронта к югу от Изюма тоже идет полным ходом. Решили, немного отдохнув, на рассвете отправиться на правое крыло фронта и 13 августа провести там, понаблюдать за тем, как наши войска будут выходить на железную дорогу Харьков – Лозовая и к истокам Орели. Затем командующий фронтом должен был вернуться на главное направление, а я остаться на правом крыле и поддерживать контакт со Степным фронтом.

Из телефонных разговоров с Г. К. Жуковым я узнал об успешном наступлении Воронежского и Степного фронтов. Войска Воронежского фронта выдвинулись к Боромле, Ахтырке, Котельве и перерезали железную дорогу Харьков – Полтава. Войска же Степного фронта подошли к харьковскому внешнему оборонительному обводу. Тогда же А. И. Антонов согласовал со мной подготовленные Генеральным штабом для доклада Ставке проекты директив Воронежскому и Степному фронтам по дальнейшим действиям на этом направлении. Уточнили мы

задачи и Юго-Западного фронта. Антонов подтвердил уже имевшиеся у нас сведения о прибытии на харьковское направление южнее Богодухова трех немецких танковых дивизий СС и подчеркнул, что Верховный Главнокомандующий придает исключительное значение скорейшему началу активных действий Юго-Западным фронтом. Следовало торопиться.

Рано утром 12 августа мы с Г. К. Жуковым получили директиву Ставки, в которой излагались уже известные нам задачи фронтов. Воронежскому фронту предписывалось, отрезав пути отступления харьковской группировке врага, овладеть далее Полтавой и форсировать Днепр у Кременчуга. Степному фронту после овладения Харьковом – взять Красноград (Харьковской области) и в дальнейшем форсировать Днепр севернее Днепропетровска. Юго-Западному фронту – пробиться к Днепру у Запорожья и пересечь маршруты отхода донбасской группировке фашистов. Нам поручалось ознакомить с директивой командующих фронтами Ватутина, Конева и Малиновского[62]. Для усиления войск Воронежского фронта почти тогда же Ватутину передали 4-ю гвардейскую армию Г. И. Кулика. С горьким чувством вспоминаю я этого человека. В начале войны он неудачно выполнял задания Ставки на Западном направлении, потом так же плохо командовал одной из армий под Ленинградом. В силу своих отрицательных личных качеств он не пользовался уважением в войсках и не умел организованно руководить действиями войск…

Директиву Ставки, соответствующую вышеупомянутому стратегическому плану, получили командующие Западным (В. Д. Соколовский), Брянским (М. М. Попов) и Центральным (К. К. Рокоссовский) фронтами.

Усиленно работая вместе с Р. Я. Малиновским в войсках правого крыла Юго-Западного фронта, я тогда вплотную познакомился со стилем руководства командующего 46-й армией В. В. Глаголева. Опытный военачальник, он тщательно готовил свои соединения к выполнению поставленной перед ними задачи. Малиновский сообщил мне, что в 1-й гвардейской армии – тоже все в порядке. Я доложил Верховному о возможности начать операцию в установленный срок.

С первого же дня наступления бои приняли напряженный, кровопролитный характер. Форсировав Северский Донец, войска Юго-Западного фронта завязали упорные бои за город Змиев, установив локтевую связь с 57-й армией Степного фронта. Затяжные и упорные бои вели в те дни войска И. С. Конева за Харьков. 16 августа, как намечалось планом, перешла в наступление главная группировка Юго-Западного фронта. Но она

встретила ожесточенное сопротивление врага. Противник сосредоточил здесь значительное количество танков, артиллерии и авиации, и хотя советские войска вклинились в фашистскую оборону, прорвать ее они сразу не смогли.

Прежде чем продолжить рассказ о ходе проведения операций на харьковском направлении и по освобождению Донбасса, сделаю небольшое отступление, связанное с одним неприятным для меня эпизодом.

Рано утром 17 августа, находясь на передовом КП 46-й армии, я получил от И. В. Сталина следующий документ:

> «Маршалу Василевскому.
>
> Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки. Я давно уже обязал Вас как уполномоченного Ставки обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений. 16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. И вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой, и не присылаете в Ставку донесений. Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта…
>
> И. Сталин».

Эта телеграмма потрясла меня. За все годы своей военной службы я не получил ни одного даже мелкого замечания или упрека в свой адрес. Вся моя вина в данном случае состояла в том, что 16 августа, находясь в войсках армии В. В. Глаголева в качестве представителя Ставки, я действительно на несколько часов задержал очередное донесение. На протяжении всей своей работы с И. В. Сталиным, особенно в период Великой Отечественной войны, я неизменно чувствовал его внимание, я бы даже сказал, чрезмерную заботу, как мне казалось, далеко мной не заслуженные. Что же произошло? По возвращении на КП фронта я тотчас связался по телефону со своим первым заместителем по Генштабу А. И. Антоновым. Чувствовалось, что тот был тоже взволнован происшедшим и стремился всячески успокоить меня. Он сказал, что мое донесение, за которое на меня обрушился Сталин, было Генштабом получено и доложено в

Ставку. Однако это было уже после того, как мне направили послание Сталина. Антонов, успокаивая меня, добавил, что получил указание Сталина никого с этим письмом не знакомить и хранить его у себя. Доложил он мне также и то, что слабое развертывание наступления на Воронежском, Степном и Юго-Западном фронтах очень беспокоило Верховного. Не получив донесения, Сталин попытался связаться со мной по телефону, но и это не удалось сделать. И тогда он продиктовал Антонову процитированный выше документ.

Добавлю лишь, что Сталин был так категоричен не только в отношении меня. Подобную дисциплину он требовал от каждого представителя Ставки. Нам было разрешено передвигаться по своему усмотрению только в пределах фронтов, координировать действия которых мы были обязаны. Для выезда на другие нужна была специальная санкция Верховного. Считаю, что отсутствие какой-либо снисходительности к представителю Ставки было оправдано интересами оперативного руководства вооруженной борьбой. Верховный Главнокомандующий очень внимательно следил за ходом фронтовых событий, быстро реагировал на все изменения в них и твердо держал управление войсками в своих руках. В ночь на 22 августа А. И. Антонов ознакомил меня с директивой, отправленной командующему Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутину:

> «События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки, как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха, и прочного обеспечения флангов ударных группировок, является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств, и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед, и не обеспеченным с флангов группировкам, и бить их по частям. При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеева, Ковячи, затем он ударил по открытому флангу соединений 6-й гвардейской армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка, и, наконец, противник 20 августа нанес удар из района Ахтырка на юго-восток, по тылам 27-й армии, 4-й и 5-й гвардейских танковых корпусов. В результате этих действий противника наши войска

понесли значительные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника. Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций, и требую, чтобы ликвидация ахтырской группировки противника как наиболее важная задача была выполнена в ближайшие дни. Это Вы можете сделать, так как у Вас есть достаточно средств. Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата Харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче – ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без ликвидации этой группы противника серьезные успехи Воронежского фронта стали неосуществимыми.

И. Сталин»[63].

В тот вечер я получил директиву Ставки на имя Г. К. Жукова. В ней говорилось:

«План наступления Воронежского фронта с целью к 20.VIII овладеть Ахтырка явным образом не удался. Операция по разгрому харьковской группировки противника также затянулась. Ставке Верховного Главнокомандования неизвестно, но какому плану действуют сейчас Воронежский и Степной фронты. Ставка требует, чтобы Вы представили план операции по ликвидации ахтырской группировки противника и овладению плацдармом Ахтырка, Котельва, Колонтаев, Пархомовка. Для этого недостаточно вовлечь в дело отдельные армии и танковые корпуса. Для этого необходимо организовать прорыв фронта противника с привлечением основных сил артиллерии и авиации подобно тому, как это было организовано севернее Белгорода. Эта операция по времени должна быть согласована с прорывом обороны противника на стыке Степного и Юго-Западного фронтов. Руководство организацией прорыва на правом крыле Юго-Западного фронта и взаимодействие его со Степным фронтом возложено на товарища Александрова (Василевский. – Ред.), который должен поддерживать с товарищем Юрьевым (Жуков. – Ред.) прочную связь. Правое крыло Юго-Западного фронта может начать наступление 26–27.VIII. План операции представьте к исходу дня 22.VIII, с тем, чтобы начать переселение Воронежского и

Степного фронтов не позже 27.VIII. Ставка Верховного Главнокомандования»[64] …

Вернусь к Донбасской операции. 18 августа я прибыл на КП Юго-Западного фронта, расположенный непосредственно на западном берегу Северского Донца. Обсудив с Малиновским создавшуюся обстановку, мы решили подготовить 19 августа повторную атаку, усилив ударную группировку фронта всем, чем только можно было, за счет второстепенных участков и сократив до минимума ширину прорыва вражеской обороны. Но и эта атака желаемого успеха не принесла. Нам было известно, что противник, в свою очередь, тоже подтянул к атакуемому участку все, что мог, до предела оголив соседние зоны. Поэтому мы приняли решение использовать это, прекратить здесь бесполезные атаки и скрытно перегруппировать необходимые силы несколько южнее. Правда, здесь нам предстояло форсировать Северский Донец. Основную роль мы отводили при этом 8-й гвардейской армии.

По нашим подсчетам, на перегруппировку войск и на подготовку нового удара требовалось пять-шесть суток. С таким предложением от себя лично и командования фронта я обратился к И. В. Сталину во время доклада по телефону о сложившейся обстановке. А она снова не радовала: Степной фронт все еще вел затяжные бои за Харьков, а Воронежский, действовавший севернее, не только не добился успеха, но и подвергся довольно чувствительным контрударам в районе Ахтырки. Сталин был неудовлетворен, разговаривал весьма нелюбезно, сделал ряд справедливых, а отчасти и не совсем обоснованных упреков и мне, и в адрес фронтового командования. Все же наше предложение было принято, и мы получили разрешение начать операцию на новом участке 27 августа.

Затем речь перешла к событиям на Южном фронте. Здесь дела были куда успешнее. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки 5-я ударная армия генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева в первый же день наступления сломила сопротивление противника, прорвала его оборону и продвинулась на 10 км. В ночь на 19 августа в прорыв был введен 4-й гвардейский мех-корпус Т. И. Танасчишина, который за сутки продвинулся на 20 км, вышел на реку Крынка, захватил там плацдарм и создал угрозу перехвата железной дороги Амвросиевка – Сталино (Донецк). В течение двух следующих дней ударная группировка фронта не только успешно отражала многократные контратаки фашистов, но и продолжала развивать наступление, расширяя прорыв. В результате силы противника,

действовавшие против Южного фронта, уже в первые дни операции оказались расчлененными на две части с обнаженными флангами в месте прорыва. Я доложил Сталину, что считаю обстановку на Южном фронте многообещающей. Он согласился на мое возвращение к Толбухину, но лишь после успешного решения харьковской задачи.

22 августа я посетил командующего Степным фронтом генерал-полковника И. С. Конева. К тому времени его войска охватили Харьков с нескольких сторон. Конев, получивший сведения о попытках противника уйти из Харькова, отдавал последние указания по штурму города и окончательному перехвату остававшихся в руках врага путей отхода. Согласовав с ним и, главным образом, с Г. К. Жуковым общие вопросы дальнейших действий войск, и поговорив более конкретно о Степном и Юго-Западном фронтах, я вернулся к Малиновскому. А в ночь на 23 августа Харьков был полностью освобожден. Теперь войска Воронежского и Степного фронтов нависли над южным крылом фашистской обороны, создав серьезную угрозу вражеским силам в Донбассе. И все же, в последующие дни наступление левого крыла Воронежского и всего Степного фронта в районе Харькова и к юго-востоку от него развивалось крайне медленно. Противник, стремясь спасти от флангового удара свои силы в Донбассе, оказывал ожесточенное сопротивление, хотя и нес большие потери. Эти неудачи отчасти компенсировал Южный фронт, армии которого в день освобождения Харькова вышли своими механизированными войсками в район Амвросиевки и овладели ею.

Прошло еще 3 дня яростных схваток. В донесении Верховному Главнокомандующему о событиях 26 августа я докладывал, что усилия 46-й армии В. В. Глаголева, направленные на то, чтобы ударом с юга помочь 57-й армии Н. А. Гагена опрокинуть оборону врага, несмотря на отличные действия войск и ввод трех свежих дивизий, кроме захвата отдельных населенных пунктов, ничего существенного не дали. В результате задержки в наступлении левого крыла Степного фронта на северном берегу реки Мжа обнажилось правое крыло Юго-Западного фронта. Поэтому основные усилия армия Глаголева вынуждена будет 27 августа вновь направить на оказание всемерной помощи северному соседу. На Южном фронте – 4-й гвардейский кавкорпус и 4-й гвардейский механизированный корпус с частью сил 2-й гвардейской армии Г. Ф. Захарова и 28-й армии В. Ф. Герасименко приступили к нанесению удара на юг, чтобы смять фронт обороны врага перед 44-й армией В. А. Хоменко и овладеть Таганрогом. Одновременно

5-я ударная армия В. Д. Цветаева начала активные действия с тем, чтобы свернуть оборону противника перед 51-й армией Я. Г. Крейзера. Все это давало возможность организовать удар на Сталине (Донецк), увязав его с дальнейшими действиями Юго-Западного фронта.

В ночь на 28 августа я был на фронте у Ф. И. Толбухина. Со стороны моря войскам его фронта хорошо помогала Азовская военная флотилия контр-адмирала С. Г. Горшкова. Сергей Георгиевич служил прежде на эсминцах и сторожевых кораблях, окончил три военно-морских учебных заведения, черноморец и тихоокеанец, он очень вырос за годы войны. В 1941–1942 годах он был активным участником обороны Одессы и Новороссийска. Успешному взаимодействию его кораблей с сухопутными войсками немало способствовало то обстоятельство, что он обладал опытом боевого руководства как на море, так и на суше. Позднее С. Г. Горшков командовал Дунайской военной флотилией, Черноморским флотом, а сейчас, как известно, командует Военно-Морскими Силами страны, заместитель министра обороны, Адмирал флота Советского Союза.

В результате совместных действий 44-й армии В. А. Хоменко, наступавшей прямо на Таганрог, при помощи 4-го гвардейского механизированного корпуса и 4-го гвардейского кавкорпуса, обходивших город с севера и северо-запада, и при участии авиации 8-й воздушной армии Т. Т. Хрюкина и кораблей, высадивших десант, 30 августа наши войска взяли Таганрог, окружили к северо-западу от него остатки вражеских войск, оборонявшихся на реке Миус, и 31 августа ликвидировали их. 5-я ударная армия В. Д. Цветаева в начале сентября, возобновив наступление, нанесла удар в направлении на Дебальцево. Фашисты стали отступать и здесь. Собирались с силами для новых атак гвардейцы-пехотинцы и танкисты армии Г. Ф. Захарова и корпусов Н. Я. Кириченко и Т. И. Танасчишина. Впереди нас ждали Иловайск и Мариуполь.

Улучшилась обстановка на Юго-Западном и Степном фронтах. Войска первого освободили Лисичанск, второго – овладели железнодорожным узлом Люботин и вели упорные бои за Мерефу. 2 сентября воины Воронежского фронта ворвались в Сумы. Центральный фронт наносил удар в те дни на новгород-северском направлении. Но когда выявилось, что наибольший успех достигнут на вспомогательном, конотопском направлении, К. К. Рокоссовский тотчас перегруппировал основные силы фронта и, невзирая на болота Клевеня, Сейма, Убеди и Дочери, решительно двинул свои соединения в бассейн Средней Десны, на Бахмач. Этот двойной прорыв фашистского фронта обороны по

реке Миус и на севере Украины резко осложнил положение немецкой группы армий «Юг». Вспоминая ожесточенные августовские бои в районе Харькова и в Донбассе, ее бывший командующий Манштейн писал: «Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявляла в этом деле, а также в развертывании своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые… К концу августа только наша группа потеряла 7 командиров дивизий, 38 командиров полков и 252 командира батальонов… Наши ресурсы иссякли…».

Катастрофически осложнившаяся к концу августа стратегическая обстановка на фронте группы фашистских армий «Юг» вынудила Гитлера 27 августа прибыть из Восточной Пруссии в Винницу, где находилась его полевая ставка. Манштейн пишет, что там, на совещании руководящего состава его группы, он «поставил перед Гитлером ясную альтернативу: или быстро выделить нам новые силы, не менее 12 дивизий, а также заменить наши ослабленные части частями с других, спокойных участков фронта; или отдать Донбасс, чтобы высвободить силы на фронте группы. Гитлер… обещал, что даст нам с фронтов групп «Север» и «Центр» все соединения, какие можно только оттуда взять. Он обещал также выяснить в ближайшие дни возможность смены, ослабленных в боях, дивизий дивизиями с более спокойных участков фронта.

Уже в ближайшие дни нам стало ясно, что дальше этих обещаний дело не пойдет. Советы атаковали левый фланг группы «Центр» (2-ю армию) и осуществили частный прорыв, в результате которого эта армия была вынуждена отойти на запад. В полосе 4-й армии этой группы в результате успешного наступления противника также возникло критическое положение. 28 августа фельдмаршал фон Клюге прибыл в ставку фюрера и доложил, что не может быть и речи о снятии сил с его участка фронта. Группа «Север» также не могла выделить ни одной дивизии».

В то же время Советское Верховное Главнокомандование продолжало наращивать силу наших ударов по врагу. В частности, 2 сентября И. В. Сталин сообщил мне по телефону, что в связи с крупным успехом войск Южного фронта он дал указание направить туда 20-й танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск И. Г. Лазарева и 11-й танковый корпус генерал-майора танковых войск Н. Н. Радкевича. Мы договорились использовать танки Лазарева вместе с 5-м гвардейским кавалерийским корпусом А. Г. Селиванова, а в дальнейшем и Радкевича, для удара через Волноваху в обход города Сталино

(Донецка) с юго-запада, навстречу Юго-Западному фронту. Появления войск последнего на реке Волчьей мы ждали в те дни с большим нетерпением, но так и не дождались. Начатое 3 сентября 6-й и 8-й гвардейскими армиями наступление, в связи с сильной огневой насыщенностью обороны противника, использованием им в обороне танков, успеха не имело. Мы с Р. Я. Малиновским наблюдали в течение дня ход боев на участке фронта между Изюмом и Славянском и пришли к выводу, что в ближайшее время рассчитывать на успех здесь не приходится. Между тем левофланговая на этом фронте 3-я гвардейская армия Д. Д. Лелюшенко добилась значительного успеха, продвинувшись только на 3 сентября на 20–30 км, и захватила Пролетарск, Камышеваху, Попасную, Первомайск и через истоки Лугани продвигалась к Артемовску.

Большого успеха добился и Южный фронт. Его 51-я, 5-я ударная при содействии 2-й гвардейской армии, освободив Дебальцево, Орджоникидзе, вышли к Харцызску и Иловайску. 28-я и 44-я армии, вклинившись в оборону противника на западном берегу реки Еланчик, расширяли прорыв с тем, чтобы пропустить 4-й гвардейский кавалерийский и 4-й гвардейский механизированный корпуса. Сюда же решением Ф. И. Толбухина выдвигалась прибывшая к нему во фронт 26-я артиллерийская дивизия. Чтобы не нести напрасных потерь, мы с Малиновским решили дальнейшее наступление центральной группировки Юго-Западного фронта прекратить, а для развития наступления использовать успех армии Лелюшенко, усилив ее немедленной переброской к нему 1-го гвардейского механизированного, 23-го танкового и 33-го стрелкового корпусов из армии И. Т. Шлемина. Армию же Чуйкова предполагали вывести в резерв фронта, чтобы использовать ее в дальнейшем, смотря по обстановке. По нашим подсчетам, 1-й гвардейский механизированный и 23-й танковый корпуса должны были прибыть к Лелюшенко не позже 6 сентября, и мы полагали, что удар этих корпусов от Артемовска через Константиновну, Красноармейское в обход города Сталино (Донецка) с северо-запада будет оперативно увязан с действиями тех 11-го и 20-го танковых и 5-го гвардейского кавалерийского корпусов, которые нанесут одновременный удар от Амвросиевки, тоже в обход Сталино, но уже с юго-запада.

Верховный Главнокомандующий одобрил наши предложения, кроме вывода в резерв 8-й гвардейской армии Чуйкова[65]. 4 сентября я отправился в 3-ю гвардейскую армию. Выяснилось, что вот уже сутки, как начальник штаба армии генерал-майор Г. И. Хетагуров не знал, где находится командарм. Лишь в ночь на 5 сентября Дмитрий Данилович появился на своем командном

пункте в Мирной Долине. Оказалось, он сформировал подвижной отряд, используя для него трофейные автомашины, часть танков 243-го танкового полка и 293-й стрелковый полк, успешно наступавшей 259-й стрелковой дивизии, и лично повел его в бой. Не без участия передовых частей 51-й армии соседнего Южного фронта отряд разгромил гитлеровцев возле Никитовки, захватив город, большие трофеи, Лелюшенко затем оказал помощь войскам Южного фронта в борьбе за Горловку, расположенную далеко за, пределами полосы, установленной для его армии, причем Горловка, по-видимому, и без того была бы взята войсками 51-й армии. Его же собственная армия сумела решить задачу по взятию Артемовска вместо 4-го лишь 5 сентября. Пришлось указать Д. Д. Лелюшенко, что инициатива – дело похвальное, когда она не в ущерб организованности при выполнении собственной задачи.

От пленных нам стало известно, что фашистское командование стремится остановить наступление советских войск на рубеже Славянск, Краматорск, Константиновна и далее, по реке Кальмиус, прикрывая подступы к центру Донбасса. Но уже 6 сентября Юго-Западный и Южный фронты, успешно развивая наступление, сорвали этот план, освободив от захватчиков свыше 100 населенных пунктов, в том числе Макеевку, Константиновку, Краматорск, Славянск, Дружковку. 7 сентября начался заключительный этап боев за освобождение Донбасса, а через день 5-я ударная армия при содействии войск 2-й гвардейской армии овладела городом Сталине (Донецком). 10 сентября войска Юго-Западного фронта освободили железнодорожный узел Барвенково, а Южного – Волноваху и во взаимодействии с десантом Азовской военной флотилии – важный центр металлургической промышленности Мариуполь.

Гитлеровцы не хотели примириться с утратой Донбасса. 11 и 12 сентября они не раз переходили в сильные контратаки и на некоторое время вновь захватывали отдельные населенные пункты. Для отражения контратак Р. Я. Малиновский вынужден был передать в 3-ю гвардейскую армию свой последний фронтовой резерв – 33-й стрелковый корпус. Полностью израсходовал фронтовые резервы и Ф. И. Толбухин. Теперь поневоле пришлось вернуться к мысли о временном резервировании 8-й гвардейской армии Чуйкова, а также 44-й армии Хоменко. И все же, к 15 сентября мы вышли на линию Лозовая – Чаплино – Гуляй-Поле – Урзуф. Только после этого враг убедился, что не удержит Донбасс, и начал отводить свои войска к Мелитополю, Пологам и Синельниково. Важно было не дать фашистам оторваться. Дело было теперь за нашими подвижными

соединениями. 15 сентября я побывал в группе войск Н. Я. Кириченко, в которую кроме его 4-го гвардейского кавкорпуса входил 4-й гвардейский механизированный корпус Т. И. Танасчишина. Группа должна была через Верхнетокмак быстро выдвинуться к Мелитополю на реку Молочную. Генерала Кириченко я встретил на восточной окраине поселка Куйбышево, в 30 км юго-восточнее Пологи. Здесь я узнал, что войска группы остановились, и хотя сплошного фронта обороны у противника не было, они вели бои за отдельные пункты и высоты. Я приказал прекратить эти ненужные бои, оставить узлы сопротивления врага, минуя их, рвануться к реке Молочной и, если удастся, захватить Мелитополь с ходу. В результате посещения группы подтвердилось мнение Т. И. Танасчишина о том, что 4-й гвардейский кавалерийский мог бы активнее помогать его корпусу. Я вынужден был в связи с этим сделать соответствующее внушение Н. Я. Кириченко.

В борьбе за Днепр

Третья военная осень. – Бои на Молочной. Никополь. – На Крымских перешейках. – Федор Иванович Толбухин. – От Перекопа к Каховке. – Выход на Днепр и освобождение Киева

Подступала осень 1943 года. Завершался коренной перелом в Великой Отечественной войне. Вал войны катился на Запад. Остались позади битвы на больших водных преградах – на Волге, на Дону, сражения на десятках рек, превращенных гитлеровцами в составную часть оборонительных рубежей, – Руза, Москва, Нара, Протва, Ока, Жиздра, Упа, Зуша, Воронеж, Сосна, Тим, Сейм, Нерусса, Десна, Судость, Псел, Хорол, Оскол, Короча, Черная Калитва, Северский Донец, Миус, Крынка, Кальмиус, Волчья и многие другие.

Советские войска, прочно захватив в свои руки стратегическую инициативу, встали на прямой путь, ведущий к победе. Путь этот был нелегок. Однако все мы сознавали, что уже сделан решающий шаг в освобождении Родины. Стала заметной растущая уверенность в наших действиях, в характере оперативно-стратегических планов и замыслов командующих фронтами. Наши военачальники все лучше овладевали сложным искусством маневренных наступательных операций, не забывая, в то же время, и о необходимости умело держать оборону.

Отходя к Днепру, фашисты стремились занять оборону на его берегу. Наша задача состояла в том, чтобы не позволить им организовать оборону на подступах к Днепру, не дать им превратить украинские земли в выжженные пустыни, как можно быстрее пробиться к Среднему и Нижнему Днепру, и захватить плацдармы на противоположном берегу. Верховный Главнокомандующий неоднократно подчеркивал, как важно форсировать Днепр с ходу. Учитывая огромное значение, которое приобретала в создавшихся условиях борьба за Днепр, Ставка 9 сентября дала войскам директиву, требовавшую за успешное форсирование крупных рек и за закрепление плацдармов на их берегах представлять к высшим правительственным наградам, а за преодоление таких рек, как Днепр ниже Смоленска, или равных Днепру по трудности форсирования, – к присвоению звания Героя Советского Союза.

Вечером 18 сентября у меня состоялся обстоятельный разговор с Верховным Главнокомандующим о ходе дальнейшего развития операций. В результате было принято следующее решение. Войска Юго-Западного фронта должны были

направляться на освобождение Днепропетровска и Запорожья с тем, чтобы в ближайшее же время переправиться на западный берег Днепра и закрепить там за собой плацдарм. Войска Южного фронта нацеливались на прорыв и ликвидацию обороны врага по реке Молочной, а затем, прочно заперев фашистов в Крыму, должны были выйти на нижнее течение Днепра и форсировать его здесь. Усилия Центрального и Воронежского фронтов сосредоточивались на киевском, а Степного – на полтавско-кременчугском направлениях.

Работая с командующими Юго-Западного и Южного фронтов над реализацией намеченных задач, мы пришли к выводу, что целесообразно провести некоторую перегруппировку. В результате на Юго-Западном фронте 51-ю армию Южного фронта, действовавшую на запорожском направлении, сменить 3-й гвардейской и вывести в резерв фронта к Орехову; 8-ю гвардейскую армию немедленно вывести в район южнее Павлограда и использовать для усиления днепропетровского или запорожского направлений; 44-ю армию, 20-й танковый корпус и 26-ю артиллерийскую дивизию Южного фронта не позднее 23 сентября развернуть в стыке между 5-й ударной и 2-й гвардейской армиями для усиления удара в юго-западном направлении. Не дожидаясь подхода 44-й армии, сделать все возможное для прорыва оборонительного рубежа противника по реке Молочной с ходу имевшимися силами и средствами. В ближайшие дни мы наметили овладеть и Мелитополем. С этой целью с выходом 28-й армии к озеру Молочному, после того как резко должна была сократиться ширина ее фронта, наметили создать ударную группировку. Прибывавший 19-й танковый корпус мы предусматривали использовать на левом крыле Южного фронта.

Развивая наступление, войска Юго-Западного фронта к 22 сентября отбросили врага за Днепр на участке от Днепропетровска до Запорожья, а войска Южного фронта подошли к правому фасу Восточного вала – рубежу на реке Молочной, завершив тем самым наступательную операцию по освобождению Донбасса. Войска Центрального фронта освободили 21 сентября Чернигов, 22 сентября вышли на Днепр, с ходу форсировали его и захватили плацдарм в междуречье Днепра и Припяти. Это вынудило гитлеровское командование перебросить сюда часть своих сил с гомельского и других направлений. Используя успех войск Центрального фронта, перешел в наступление Воронежский фронт на киевском направлении. 22 сентября его войска вышли к Днепру в излучине у Переяславля-Хмельницкого, форсировали реку и захватили

здесь плацдарм. Войска Степного фронта во взаимодействии с Воронежским 23 сентября освободили Полтаву и вышли к Днепру у Черкасс, а затем юго-восточнее Кременчуга. Таким образом, войска четырех фронтов в последних числах сентября вышли на Днепр на пространстве протяжением около 700 км и овладели на его правом берегу рядом важных плацдармов. Тем временем войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом 16 сентября освободили Новороссийск, а вслед за тем была разгромлена вся таманская группировка противника.

Гитлеровское командование принимало все меры к тому, чтобы удержаться на Днепре. Немецко-фашистские войска ожесточенно пытались сбросить нас с занимаемых плацдармов. Ставка требовала от командующих фронтами и от нас, представителей Ставки, расширить площадь этих плацдармов и сосредоточить на них силы для ведения дальнейшего наступления, уже на территории Правобережной Украины. Не менее важно было покончить с обороной врага на Молочной и выйти здесь на нижнее течение Днепра, прочно заперев фашистские войска в Крыму, если не удастся с ходу ворваться в центр полуострова. Для ознакомления с обстановкой на месте 23 сентября я вместе с Ф. И. Толбухиным побывал в 5-й ударной армии В. Д. Цветаева и во 2-й гвардейской армии Г. Ф. Захарова. Их попытки в течение последних суток преодолеть с ходу оборонительный рубеж по западному берегу Молочной не имели успеха. Мы понимали, что считать этот неуспех результатом неумелого руководства командармов нельзя, так как оба они были опытными военачальниками. В. Д. Цветаев был известен как теоретически отлично подготовленный командир, имеющий богатый практический опыт, войска его армии в условиях сложной боевой обстановки не раз били фашистов. Еще большим опытом обладал Георгий Федорович Захаров. Получив боевое крещение на полях Первой мировой и Гражданской войн и солидное военное образование, он в годы Великой Отечественной войны неплохо показал себя как начальник штаба армии и фронта, заместитель командующего фронтом.

Основная оборонительная полоса противника проходила по резко возвышающейся над долиной реки Молочной гряде высот западных отрогов Приазовской возвышенности. По данным всех видов разведки, они были серьезно оборудованы в инженерном отношении, имели развитую сеть противотанковых рвов, две-три линии траншей на глубину от 3 до 6 км, с добротными, для оборонявшихся, убежищами. По показаниям пленных, на строительство этого рубежа гитлеровцы сгоняли местных

жителей. Обороняла его, помимо отступавших с востока и сильно потрепанных немецких войск, 4-я горнострелковая дивизия немцев. Продолжали поступать сюда свежие силы.

Гитлеровское командование, как стало известно по данным разведки и из радиоперехватов, отдало приказ драться на этом рубеже до последнего солдата.

После детального обсуждения с командующими армиями создавшейся обстановки стало ясно: наши силы очень растянуты, войска 5-й ударной, 2-й гвардейской и других армий слабо обеспечены боеприпасами и нуждаются в пополнении личным составом. Все это подсказывало необходимость организовать прорыв оборонительного рубежа противника силами левого фланга 5-й ударной армии генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева (4 стрелковые дивизии), 44-й армии генерал-лейтенанта В. А. Хоменко (6 стрелковых дивизий) и правого фланга 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Г. Ф. Захарова (5 стрелковых дивизий) на участке Гендельберг – Альт-мунталь, с привлечением 26-й и 2-й артиллерийских дивизий, 13-й гвардейской минометной бригады М-31, восьми гвардейских полков минометов М-13 и всей авиации Южного фронта.

Начать прорыв было решено 26 сентября. Вспомогательный удар должна была нанести 28-я армия генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко южнее Мелитополя. Подвижные группы предусматривалось ввести в прорыв после выхода 5-й ударной, 44-й и 2-й гвардейской армий на линию Орлянск – Михайловна – Новая Богдановка (ориентировочно к вечеру второго дня операции); группу А. Г. Селиванова – к Каховке и Цюрупинску; группу Я. Я. Кириченко – к Аскании-Нова, Армянску и Ишуни, чтобы перерезать железную дорогу из Крыма на Херсон и закрыть противнику выход через Перекоп; 11-й танковый корпус, оставленный в непосредственном подчинении командующего фронтом, ввести в прорыв одновременно с группой Кириченко, с задачей выйти к станции Сальково и далее, на Сиваш, закрывая врагу путь отступления из Крыма через Сиваш.

Основные задачи после прорыва оборонительного рубежа сводились к следующему: изолировать фашистские войска в Крыму, при малейшей возможности сразу же ворваться на полуостров; очистить от противника левый берег нижнего течения Днепра и выйти к его устью; главные силы Южного фронта вывести к Каховке и Херсону, форсировать здесь Днепр и захватить плацдарм на его правом берегу, предусматривая нанесение дальнейшего удара во взаимодействии с другими фронтами на северо-запад, через Николаев к Южному Бугу. Исходя из этого, мы с Ф. И. Толбухиным намеревались направить

5-ю ударную армию на Большую Лепетиху, чтобы захватить там плацдарм. Участок по берегу Днепра от Васильевки до Большой Знаменки я считал целесообразным передать Юго-Западному фронту, с вводом сюда из резерва 8-й гвардейской армии и с использованием ее на левом фланге, у Никополя; 44-я армия должна была нанести удар южнее Михайловки, вслед за группой Селиванова, в общем направлении на Каховку. 2-я гвардейская армия выйдет на Днепр юго-западнее. 28-я армия после захвата Мелитополя предназначалась нами для действий вместе с группой Кириченко и 11-м танковым корпусом в Крыму. Выводимую в резерв фронта 51-ю армию мы считали необходимым использовать потом в стыке 2-й гвардейской и 28-й армий для захвата Скадовска и Тендровской косы, чтобы обеспечить кораблям Черноморского флота перебазирование поближе к Днепровскому лиману. Фронтовую авиацию в первые два дня операции мы собирались направить на обеспечение прорыва, а затем – на помощь подвижным группам и нашим войскам в Крыму.

Эти наши планы я доложил Верховному Главнокомандующему в ночь на 24 сентября. Сказал и о том, что, на мой взгляд, часть сил Северо-Кавказского фронта, находившихся на Таманском полуострове, целесообразно начать перебрасывать в район к востоку от Мелитополя для использования их при освобождении Крыма с севера. Это позволило бы нам войска Южного фронта, освободившиеся в связи с этим, направить на Николаев и Кривой Рог, чтобы отрезать врага, находившегося в излучине Днепра между Днепропетровском и Запорожьем. Я просил также рассмотреть вопрос о высадке, за счет сил Северо-Кавказского фронта при помощи Азовской военной флотилии, морского десанта для перехвата железной дороги в Крыму, от Джанкоя на Мелитополь, а для поддержки войск, наступающих через Сиваш, выбросить у Джанкоя воздушный десант[66].

Представленный мною план операции Южного фронта был утвержден. При этом, было указано, что вместо переброски под Мелитополь войск с Северного Кавказа будет произведена заблаговременная высадка войск Северо-Кавказского фронта с Таманского на Керченский полуостров через Керченский пролив. Относительно же морского десанта мне было рекомендовано предусмотреть его на второй или третий день после начала Южным фронтом Крымской операции, и не в Крыму, как предлагалось, а в районе Геническа, перерезать железную дорогу Мелитополь – Джанкой, с тем, чтобы лишить противника возможности какого бы то ни было подвоза средств из Крыма к

своей мелитопольской группировке. Воздушный десант предлагалось использовать на втором этапе операции для захвата Крымских перешейков во взаимодействии с подвижными группами Южного фронта. Все это заставляло нас срочно внести необходимые корректировки в разработанный план проведения операции и в план подготовки войск.

26 сентября после часовой артиллерийской подготовки Южный фронт перешел в наступление. Началась Мелитопольская чрезвычайно трудная операция, длившаяся до 5 ноября. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, проводил многократные контратаки пехоты и танков при поддержке значительных сил авиации. Наиболее ощутимых результатов (но и они были далеки от конечных целей) в первый день наступления добились 2-я гвардейская и 44-я армии. На Юго-Западном фронте 1-я гвардейская армия генерал-полковника В. И. Кузнецова вышла на левый берег Днепра; однако ее попытки переправиться на правый берег не имели успеха. 6-я армия генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина южнее Днепропетровска к 28 сентября переправила через Днепр четыре стрелковые дивизии, а 12-я армия генерал-майора А. И. Данилова – две стрелковые дивизии.

Итак, дело шло, хотя и медленнее, чем хотелось бы. В течение всего сентября гитлеровское командование для укрепления Восточного вала беспрестанно подбрасывало сюда войска. Но и мы не медлили. 28 сентября мы получили директиву Ставки. Она была адресована Г. К. Жукову, мне, командующим Центральным, Воронежским, Степным, Юго-Западным и (в копии) Южным фронтами. В ней говорилось:

> «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. В ближайшее время ликвидировать все плацдармы, находящиеся в руках противника на левом берегу реки Днепр. В первую очередь командующему Юго-Западным фронтом полностью очистить от немцев запорожский плацдарм. Иметь в виду, что до тех пор, пока не будет очищен от противника левый берег Днепра, немцы, используя занимаемые ими плацдармы, будут иметь возможность наносить удары во фланг и в тыл нашим войскам, как находящимся на левом берегу Днепра, так и переправившимся на его правый берег. 2. Немедленно подтягивать к переправам зенитные средства и надежно обеспечивать как боевые порядки переправившихся войск, так и сами переправы от ударов авиации противника, вне зависимости от количества

переправившихся войск»[67].

Вечером 28 сентября мы обсудили с Верховным Главнокомандующим планы дальнейшего развертывания операций Воронежского, Степного, Юго-Западного фронтов. Верховный сообщил мне, что он только что советовался по этому поводу с Жуковым и хочет знать мое мнение. Видимо, он беседовал не только с нами, но и с командующими фронтами. В результате было принято решение основные усилия Воронежского фронта по-прежнему направлять на освобождение Киева, а затем наступать на Бердичев, Винницу, Жмеринку, Могилев-Подольский и выйти к Молдавии. Степной фронт обязан был нанести главный удар в общем направлении от Черкасс на Ново-Украинку и Вознесенск, разбить кировоградскую группировку врага и отрезать ей пути отхода на запад. Своим левым крылом фронт должен был наступать на Пятихатку и Кривой Рог, выходя в тыл днепропетровской группировке противника. Юго-Западному фронту предписывалось ликвидировать запорожский плацдарм противника, одновременно правым крылом продолжая форсировать Днепр и расширяя плацдарм на его западном берегу, наступать главными силами на Кривой Рог с востока. В результате реализации этих задач криворожская группировка фашистов должна была оказаться в полукольце. Было обусловлено, что для этой цели Юго-Западному фронту будет передана из состава Степного фронта 46-я армия генерал-лейтенанта В. В. Глаголева, а в Степной фронт поступят из Воронежского фронта две армии – 4-я гвардейская генерал-лейтенанта И. В. Галанина и 52-я – генерал-лейтенанта К. А. Коротеева. Предусматривалось также, что Воронежский фронт получит от Центрального 13-ю армию генерал-лейтенанта Н. П. Пухова и 60-ю армию генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского, а Центральный от Брянского – 50-ю армию генерал-лейтенанта И. В. Болдина, 3-ю генерал-лейтенанта А. В. Горбатова и 63-ю генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи. Тогда же было решено упразднить Брянский фронт, перебросив его управление в район Торопца и реорганизовав его в Прибалтийский фронт.

В течение 29 сентября на Южном фронте войска 5-й ударной армии В. Д. Цветаева, 44-й армии В. А. Хоменко и 2-й гвардейской Г. Ф. Захарова, отбивая контратаки противника, готовились к переходу 30 сентября в наступление, с использованием 4-го гвардейского механизированного корпуса Т. И. Танасчишина и 20-го танкового корпуса И. Г. Лазарева. 51-я армия Я. Г. Крейзера в ночь на 30 сентября заканчивала выход к Большому Токмак, у истоков реки Молочной. Сюда же начал выдвижение

заканчивавший выгрузку 19-й танковый корпус. Весь день мы с представителями Ставки (по артиллерии – М. Н. Чистяковым, по ВВС – Ф. Я. Фалалеевым) проверяли готовность войск Танасчишина и Лазарева и организацию помощи им со стороны артиллерии и авиации.

1 октября командующий Юго-Западным фронтом, я и (в копии) Г. К. Жуков получили директиву Ставки от 28 сентября, в которой излагались задачи этого фронта. Директива требовала представить в Ставку план реализации этих задач не позже 3 октября[68].

2 октября мы с Р. Я. Малиновским побывали в 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова. Здесь, как и в 3-й гвардейской армии Д. Д. Лелюшенко, оставалось менее половины боевого комплекта боеприпасов. Зная о сильной инженерной и огневой обороне противника, его активности, выражавшейся в постоянных и сильных контратаках, мы пришли к выводу, что при таком наличии боеприпасов продолжать дальнейшее наступление на запорожском направлении невозможно. Приняли решение приостановить наступление дней на 5–6, пока в ударной группировке будет не менее 1–1,5 боекомплекта. Было решено также усилить ударную группировку пехотой и артиллерией за счет 12-й армии А. И. Данилова; от форсирования Днепра 1-й гвардейской армией В. И. Кузнецова на ближайшее время отказаться и взять у нее две стрелковые дивизии в резерв фронта для усиления запорожского направления. На западном берегу Днепра, впредь до ликвидации фашистского запорожского плацдарма, решили оставить лишь четыре стрелковые дивизии 6-й армии И. Т. Шлемина, перейдя ими на время к обороне. В ночь на 3 октября Ставка утвердила наши соображения. После этого я срочно перелетел к Ф. И. Толбухину.

3 октября мы с Ф. И. Толбухиным осматривали позиции противника, захваченные на Молочной. Фронт прорыва был тогда шириной около 18 и глубиной около 10 км. В наших руках оказалась, как и предполагалось, отлично оборудованная основная оборонительная полоса врага. Возобновив наступление 9 октября, войска Южного фронта, утопая в осенней грязи, начали борьбу за овладение Мелитополем, прикрывавшим подходы к Крыму и нижнему течению Днепра. Враг предпринимал непрерывные и настойчивые контратаки. Многие населенные пункты неоднократно переходили из рук в руки. Наконец, введенная из резерва в бой 51-я армия Я. Г. Крейзера 13 октября ворвалась в Мелитополь с юга. Начались затяжные уличные бои. Штурмовые группы, переходя от здания к зданию, осаждали и ломали один за другим узлы сопротивления и

опорные пункты фашистов, гарнизонам которых за успешную оборону города Гитлер пообещал тройной оклад.

Будучи 12 октября в 28-й армии В. Ф. Герасименко, я допрашивал пленных 186-го пехотного полка немецкой 73-й пехотной дивизии. Они показали, что их дивизия 5 октября прибыла из Крыма и до 10 октября находилась в резерве, в 20 км юго-западнее Мелитополя. Вечером 10 октября, после прорыва нашими войсками фронта южнее Мелитополя, ее бросили в бой с целью восстановить положение на Молочной. Дивизию усилили самоходными орудиями «Фердинанд», но и это не помогло. Враг нес огромные потери. В частности, батальон, которым командовал один из допрашиваемых мною пленных офицеров, к моменту его пленения из 340 человек потерял от огня нашей артиллерии 280 человек убитыми и ранеными. По показаниям других пленных, потери 336-й пехотной дивизии были еще больше, а 11-я пехотная дивизия лишь за 12 октября потеряла до 4/5 своего личного состава.

В то время, как войска Южного фронта атаковали Мелитополь, войска Юго-Западного, возобновив наступление, освободили Запорожье и плацдарм, занятый врагом на левом берегу Днепра к востоку и северо-востоку от этого города. В связи с тем, что левофланговая 3-я гвардейская армия Юго-Западного фронта, наступавшая вдоль левого берега Днепра, и по задачам и территориально вынуждена была непосредственно взаимодействовать с войсками Южного фронта, я 16 октября, с разрешения Верховного Главнокомандующего, дал указания передать ее Южному фронту. Д. Д. Лелюшенко была поставлена задача, пробившись через плавни, захватить Васильевку. Южный фронт рассчитывал также на то, что ему помогут черноморские моряки. Но 6 октября их операция, которая должна была оттянуть на себя часть немецких и румынских резервов, закончилась неудачей и потерей трех крупных боевых кораблей. Произошло это вследствие того, что Черноморский флот не согласовал своих действий с войсками Северо-Кавказского фронта, в результате чего оторвался от сухопутных войск. Пришлось прочнее «привязать» моряков к «северокавказцам», разрешив им проводить дальние операции на море только с позволения Ставки.

20 октября 1943 года решением ГКО фронты были переименованы: Центральный – в Белорусский, Калининский – в 1-й Прибалтийский, Прибалтийский – во 2-й Прибалтийский, Воронежский – в 1-й Украинский, Степной – во 2-й Украинский, Юго-Западный – в 3-й Украинский, Южный – в 4-й Украинский. Эти наименования в основном сохранились и после того, как наши войска изгнали фашистов с территории СССР.

В новых названиях фронтов тоже отразились наши успехи. Как ни огрызался враг, он уже не мог остановить катящейся лавины советских войск. От Ленинграда и до Крыма развертывалось наступление Красной Армии.

Осенью 1943 года я особенно часто общался с Ф. И. Толбухиным. Хочется сказать несколько теплых слов об этом человеке. Наше знакомство, состоявшееся еще до войны, переросло затем в дружбу. Федор Иванович Толбухин начал свою службу солдатом царской армии. Как и я, он в первую мировую войну дошел до должности командира батальона. А накануне Великой Отечественной войны был начальником штаба военного округа. В годы войны особенно ярко выявились такие качества Толбухина, как безупречное выполнение служебного долга, личное мужество, полководческий талант, душевное отношение к подчиненным. Говорю об этом не с чужих слов, а из личного общения с ним во время пребывания в его войсках под Сталинградом, в Донбассе, на Левобережной Украине и в Крыму.

О способностях Толбухина как выдающегося военачальника говорят операции, осуществленные, полностью или частично, Южным, 3-м и 4-м Украинскими фронтами, которыми он командовал: Донбасская, Мелитопольская, Никопольско-Криворожская, Крымская, Ясско-Кишиневская, Белградская, Будапештская, Балатонская, Венская. Толбухин показал себя как настоящий стратег. Руководимые им войска освобождали от врага территорию и народы Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии, крушили гитлеровский порядок в Австрии, он снискал себе известность во многих странах Европы. После войны Ф. И. Толбухин, занимая ответственные посты и будучи очень больным, продолжал успешно выполнять свои обязанности. Никогда не забуду, как Федор, лежа на больничной койке, буквально за несколько минут до своей кончины, уверял, что завтра он выйдет на работу.

36 раз салютовала Москва в годы Великой Отечественной войны войскам, которыми победно командовал Ф. И. Толбухин. 19 октября 1949 года раздался прощальный салют: Родина провожала своего прославленного сына в последний путь. В 1960 году на Самотечном бульваре столицы возведен памятник полководцу. В канун 20-летия победы над фашистской Германией Ф. И. Толбухину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза…

До ноября 1943 года 3-й и 4-й Украинские фронты под командованием Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина продолжали отвоевывать, пядь за пядью, советскую землю. 23 октября был, наконец, полностью очищен от врага Мелитополь.

25 октября наши войска овладели Днепропетровском и Днепродзержинском. В той части Причерноморской низменности, которая прилегает к Крыму, от Мелитополя до Ягорлыцкого лимана, замыкающего Северную Таврию на западе, – более 200 км. Вплотную к устью Днепра подходят Алешковские пески. Противник мог воспользоваться этим выходом из Крыма, сковав действия наших войск. Задача, следовательно, здесь заключалась, прежде всего, в том, чтобы как можно быстрее и достаточно прочно закрыть врагу выходы из крымского мешка. Я постоянно обращал на это внимание руководства 4-го Украинского фронта. Да оно и само отлично понимало это и всячески поторапливало своих командармов. Быстрее всех двигалась 2-я гвардейская армия Г. Ф. Захарова. Путь от Молочной до устья Днепра она прошла, преодолевая отчаянное сопротивление врага, за месяц с небольшим. Южнее нее от Мелитополя к Каховке шла 44-я армия В. А. Хоменко. Вместе с ней продвигалась и оседлала врага непосредственно в самом Перекопе 51-я армия Я. Г. Крейзера, разбившая по дороге фашистский танково-пехотный кулак в районе всемирно известного заповедника животных Аскания-Нова. У Турецкого вала ей проложил дорогу вперед 19-й танковый корпус. Его храбрый командир генерал-лейтенант И. Д. Васильев был там ранен, и его пришлось эвакуировать в тыл. Но свое дело он успел выполнить отлично. По нашему с Ф. И. Толбухиным ходатайству ему присвоили за это звание Героя Советского Союза.

Запаздывал с продвижением 4-й гвардейский кавалерийский корпус Н. Я. Кириченко. Чтобы разобраться в причинах этой медлительности, туда выехал посетивший фронт лучший знаток кавалерии в СССР, Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Выводы, сделанные Семеном Михайловичем, были для комкора неутешительными. Новым командиром казаков с 4 ноября стал И. А. Плиев. Сын бедного крестьянина из Осетии, Исса Александрович еще до войны выдвинулся в РККА как один из самых умелых кавалеристов, а затем на полях сражений с успехом командовал дивизией и первыми гвардейскими кавалерийскими корпусами. Вершиной его деятельности стало руководство конномеханизированной группой в войне с империалистической Японией. А пока что он повел вперед кубанцев.

Восточнее войск Я. Г. Крейзера выходила к Геническу 28-я армия В. Ф. Герасименко, но вскоре она переместилась к Днепру севернее Каховки, прикрывая тылы войск Захарова, Хоменко и Крейзера. Еще севернее вели упорные бои 5-я ударная армия В. Д. Цветаева и у Запорожья 3-я гвардейская армия Д. Д. Лелюшенко. Труднее всего в те дни приходилось армии Цветаева. У Никополя,

между Каменкой и Большой Лепетихой, гитлеровцы сумели удержать на левом берегу Днепра плацдарм. Попытки ликвидировать его никак не удавались. Существенно усилить чем-либо войска Цветаева мы силами 4-го Украинского фронта не могли. А резервы Ставки были более нужны тогда в иных местах.

Обстоятельства складывались так, что в первых числах ноября основное внимание Ставка вынуждена была уделить киевскому направлению. Выход наших войск в район Киева создавал угрозу с севера всей южной группировке противника на советско-германском фронте. Но попытки командования 1-го Украинского фронта овладеть городом в октябре, нанося главный удар южнее Киева, с букринского плацдарма, а вспомогательный удар севернее – с лютежского плацдарма, – успеха не принесли, так как гитлеровцы стянули сюда свои основные силы. Ставка вынуждена была 25 октября поправить это решение и приказала фронту перегруппировать основные силы к Лютежу, чтобы нанести главный удар отсюда. В результате задача была решена, и 6 ноября Киев был взят. Только теперь обстановка для дальнейшего наступления советских войск на запад и юго-запад стала более благоприятной. Преследуя врага, 1-й Украинский фронт 7 ноября с боем овладел важным железнодорожным узлом Фастов, а 13 ноября освободил Житомир.

Гитлеровское командование, перебрасывая в срочном порядке войска из Западной Европы, принимало все меры к тому, чтобы снова взять Киев. Не отказалось оно и от мысли восстановить оборону по Днепру в целом. Подтверждением тому явилась упорная борьба за Днепр, которую продолжали вести остальные Украинские фронты южнее Киева. Касалось это и упомянутого плацдарма у Никополя. Не менее важно было создать советский плацдарм возле Каховки или, хотя бы, поскорее овладеть ею. 2 ноября при встрече с Цветаевым и Хоменко я передал им указания Ставки: первому – в ближайшее же время ликвидировать плацдарм врага на левом берегу Днепра и форсировать его в районе Большой Лепетихи, второму – форсировать реку возле Каховки. Хоменко уже в ночь на 3 ноября сумел переправить на правый берег 417-ю дивизию. Но упорство врага возрастало здесь с каждым днем. Разведка установила резкое усиление фашистов под Никополем за счет частей, перебрасываемых из Кривого Рога и Кировограда. Пленные подтвердили также, что немецко-фашистские войска усиливаются на севере Крымского полуострова. Не оставалось никаких сомнений, что противник намерен в ближайшее же время нанести встречные удары с никопольского плацдарма и из Крыма, чтобы развязать крымский мешок и ударить в тыл 4-му Украинскому фронту, главные силы

которого находились уже западнее.

В течение 3 и 4 ноября мы обсудили с Верховным Главнокомандующим по телефону обстановку, складывавшуюся на 4-м Украинском фронте. В результате 5 ноября была получена директива Ставки, которая требовала в первую очередь разгромить криворожско-никопольскую группировку противника. Поэтому наступление 2-го Украинского фронта на Кировоград временно откладывалось. Войска 2-го Украинского фронта должны были нанести удар в обход Кривого Рога с запада и во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разгромить криворожскую группировку противника, выходя на тылы его войск на никопольском плацдарме. В свою очередь, 3-й Украинский фронт продолжал наступление правым крылом севернее Днепропетровска, на никопольскую фашистскую группировку с севера, прижимая немцев к правому крылу войск 4-го Украинского фронта, которые, продолжая операцию по вторжению в Крым, главные усилия направляли теперь тоже в сторону Никополя.

Еще до получения нами этой директивы Верховный Главнокомандующий обязал меня немедленно дать конкретные и крайне жесткие сроки Ф. И. Толбухину для реализации требований Ставки, взять ход дела под свой личный контроль, а копии всех моих распоряжений направлять в Москву. Суть моих распоряжений, отданных 5 ноября, сводилась, прежде всего, к резкому уплотнению боевых порядков всех соединений, нацеленных на никопольский плацдарм. Ряд соединений выводился во фронтовой резерв, которого нам так недоставало. Туда же, под Никополь, была направлена основная масса фронтовой артиллерии и авиации[69]. Я просил Ставку ускорить начало наступления войск 2-го Украинского фронта, создать резерв Ставки в районе Мелитополя и подбросить 3-му и 4-му Украинским фронтам танки для доукомплектования танковых и механизированных корпусов[70].

Между тем гитлеровцы, как мы и думали, повели наступление на 5-ю ударную армию Цветаева. Они вышли танковыми частями в тыл трем ее стрелковым дивизиям. В результате огня нашей артиллерии и удачных действий штурмовой авиации в течение одного дня было уничтожено до 40 танков противника. Учитывая исключительно невыгодное расположение упомянутых дивизий, решено было ночью отвести их, а также существенно усилить здесь оборону наших войск. Благодаря принятым нами мерам врагу не удалось прорваться к Крыму, его контратакующий удар был отбит.

Наступательные операции 3-го и 4-го Украинских фронтов с

целью ликвидации никопольского плацдарма пришлось отложить до накопления боеприпасов и подхода полков самоходной артиллерии, танковых полков «КВ», противотанковых истребительных артбригад и прочих сил, а наступательную операцию 4-го Украинского фронта по вторжению в Крым провести лишь после ликвидации никопольского плацдарма, чтобы не распылять усилия авиации и войск 4-го Украинского фронта Толбухина в целом.

Каковы же, вкратце, итоги осеннего наступления советских войск в 1943 году? К концу сентября была освобождена почти вся Левобережная Украина. 16–25 сентября врага выбили из Новороссийска, Брянска и Смоленска. В начале ноября мы вышли к Крымскому перешейку, а возле Керчи создали плацдарм. До 20 декабря не затухали бои на подступах к Кировограду и Кривому Рогу. К концу ноября был освобожден Гомель. Наконец, незадолго до Нового года началась Житомирско-Бердичевская наступательная операция, в ходе которой складывались предпосылки освобождения Правобережной Украины. Фактически битва за Днепр была завершена, и увенчалась она нашей большой победой. Форсирование, практически с ходу, на огромном фронте такой широкой и глубокой реки, как Днепр, и захват плацдармов на противоположном его берегу при яростном сопротивлении фашистов стали возможны только благодаря высоким моральным качествам Красной Армии, массовому героизму ее воинов и мастерству военачальников. За форсирование Днепра и проявленное при этом мужество и самоотверженность 2438 представителей всех родов войск (47 генералов, 1123 офицера, 1268 сержантов и солдат) были удостоены звания Героя Советского Союза. За пять месяцев почти непрерывного наступления были разбиты 118 вражеских дивизий. Советские войска прочно удерживали стратегическую инициативу. Военная обстановка для Германии продолжала ухудшаться нарастающими темпами. Фашистский блок начал распадаться.

На Правобережье Днепра

Год великих побед. – Советский стратегический план на зимнюю кампанию 1943–44 года. – Между нижними течениями Днепра и Южного Буга. – Все ближе к государственной границе. – Николай Федорович Ватутин. – Орден Победы. – Мы в Одессе

К концу 1943 года перед руководством страны и Вооруженными Силами вплотную встал вопрос о третьей военной зимней кампании. Военно-политическое положение Советского Союза к тому времени значительно упрочилось. Успешное завершение советскими войсками летне-осенней кампании 1943 года, закончившейся освобождением Левобережной Украины и Донбасса, изоляцией вражеских войск в Крыму, взломом их обороны на Днепре и захватом крупных стратегических плацдармов на его правом берегу, а также широко развернувшееся партизанское движение в тылу оккупантов и наличие в распоряжении Ставки мощных стратегических резервов, создали благоприятные условия для проведения новых крупных наступательных операций. Освобождение Кременчуга, Днепропетровска, Запорожья, Черкасс и Киева резко ухудшило положение противника. Была освобождена половина всей советской территории, захваченной врагом. Красная Армия сломила наступательную мощь гитлеровского вермахта, заставила врага на всем советско-германском фронте перейти к обороне. Война вступила в ту стадию, когда непосредственно решалась задача полностью завершить освобождение советской земли.

В ноябре – декабре, повседневно руководя наступательными действиями наших войск на фронте, Ставка Верховного Главнокомандования и Генштаб одновременно были заняты выработкой плана операций на ближайшую зиму. И. В. Сталин неоднократно беседовал на эту тему по телефону с Г. К. Жуковым, находившимся в войсках 1-го и 2-го Украинских фронтов, и со мною (я координировал действия 3-го и 4-го Украинских фронтов). Обсуждал он эту проблему и с командующими фронтами. Каждодневно занимался этими вопросами Генштаб. В середине декабря 1943 года Г. К. Жукова и меня вызвали в Москву для принятия окончательного решения по зимней кампании. По прибытии в Москву мы предварительно обсудили все основные вопросы в Генштабе, после чего несколько дней над ними работали в Ставке, а затем все наши предложения были

всесторонне рассмотрены на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки.

За год, начиная с контрнаступления под Сталинградом, советские войска полностью уничтожили или пленили 56 дивизий врага, 162 дивизиям нанесли тяжелое поражение. Враг был вынужден перебросить к концу 1943 года с Запада 75 дивизий, много техники и вооружения. Мощь Советских Вооруженных Сил неуклонно возрастала. За 1943 год было создано 78 новых дивизий. Войска, действовавшие на фронте, в то время насчитывали уже более 6 млн. солдат и офицеров, 91 тыс. орудий и минометов, 4,9 тыс. танков и самоходных орудий, 8,5 тыс. самолетов. К тому же Ставка насчитывала в своем составе значительные резервы солдат и офицеров. По всем данным, которыми располагал Генеральный штаб, Красная Армия превосходила гитлеровскую армию по численности, по боевой технике и по вооружению.

Значительно выросли за это время наши советские военные кадры. Они обогатились новым опытом стратегического и оперативно-тактического искусства и научились более эффективным способом бить врага с наименьшими потерями. Все это не только предоставляло нам возможность, но и обязывало нас развернуть на всем фронте от Ленинграда до Черного моря широкие наступательные операции, с целью скорейшего освобождения от врага всей советской земли, уделив основное внимание флангам советско-германского фронта. Наступление мыслилось как ряд последовательных стратегических операций, проводимых в разное время на удаленных друг от друга участках.

Глубокое и всестороннее рассмотрение на совместном заседании Политбюро ЦК партии, ГКО и Ставки военно-политического положения страны, тщательный анализ соотношения сил, перспектив войны позволили определить наиболее целесообразный план дальнейших действий.

Начать в 1944 году стратегические операции было решено на Северо-Западном направлении силами Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, при поддержке Балтийского флота, с тем чтобы, разгромив группу немецких армий «Север», полностью снять блокаду с Ленинграда и выйти к границам Прибалтики. На Юго-Западном направлении советско-германского фронта предусматривалось в течение зимы освободить Правобережную Украину и Крым и выйти здесь весною к нашей государственной границе.

Освобождение Правобережной Украины осуществлялось в ходе семи операций, первые шесть из которых были связаны единым стратегическим замыслом и с военными действиями на

других фронтах: Житомирско-Бердичевская (с 24 декабря 1943 года по 15 января 1944 года), Кировоградская (с 5 по 10 января), Корсунь-Шевченковская (с 24 января по 17 февраля 1944 года), Ровно-Луцкая (с 27 января по 11 февраля), Никопольско-Криворожская (с 30 января по 29 февраля), Проскуровско-Черновицкая (с 4 марта по 17 апреля), Уманско-Ботошанская (с 5 марта по 17 апреля) и Березнеговато-Снигиревская (с 6 по 18 марта). Так слагалась, в целом, стратегическая операция при разгроме вражеских войск на всем южном крыле советско-германского фронта, при создании условий для полного изгнания оккупантов из Украины. Дополняла их Одесская наступательная операция (с 26 марта по 14 апреля), практически совпадавшая с ними по времени, но достаточно самостоятельная по своей организации и проведению в жизнь. Наконец, когда все они уже были завершены либо близились к этому, началась Крымская операция (с 8 апреля по 12 мая). Крупнейшими из указанных операций зимой и весной 1944 года были Корсунь-Шевченковская и Крымская; превосходить их могла лишь только Ленинградско-Новгородская операция, вошедшая в историю под названием «Первый удар».

Сделаю одну оговорку. В свое время было принято называть главные наши операции 1944 года на советско-германском фронте «десятью ударами». Соответственно, освобождение Правобережной Украины в феврале – марте 1944 года именовалось «Вторым ударом», Крымская – «Третьим». И хотя позже эти названия вышли из употребления, и помнит их лишь старшее поколение советских граждан, я считаю возможным напомнить о старой терминологии.

После упомянутого совместного заседания Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки Г. К. Жуков и я еще несколько дней работали в Генштабе. Ежедневно бывали у Сталина, уточняли детали утвержденного плана и директивы фронтам.

Как только Верховный Главнокомандующий утвердил директивы, мы вернулись по его указанию на те же фронты, откуда прибыли. И. В. Сталин не любил, когда мы «засиживались» в столице. Он полагал, что для руководства повседневной работой в Генштабе и Наркомате обороны людей достаточно. А место его заместителей и начальника Генштаба – в войсках, чтобы там, прямо на месте, претворять в жизнь замыслы Ставки, согласовывать боевую работу фронтов и помогать им. Стоило мне или Г. К. Жукову ненадолго задержаться в Москве, как он спрашивал:

– Куда поедете теперь? – и добавлял: – Выбирайте сами, на какой фронт отправитесь. – Иногда сразу давал соответствующее

указание.

Директивами Ставки предусматривалось вначале разгромить противника в восточных районах украинского Правобережья, окончательно отбросить его от Днепра и выйти на рубеж Южного Буга (до Первомайска) и реки Ингулец (от Кривого Рога до устья). В дальнейшем, развивая наступление, выйти на линию Луцк – Могилев-Подольский – Днестр; одновременно ликвидировать крымскую группировку врага и освободить Крым.

Конкретно фронтам приказывалось: 1-му Украинскому (Н. Ф. Ватутин) – нанести главный удар на Винницу и Могилев-Подольский, частью сил на правом крыле фронта – на Луцк, а на левом – на Христиновку, чтобы совместно с войсками 2-го Украинского фронта окружить и уничтожить сильную корсунь-шевченковскую фашистскую группировку, удерживавшую каневский выступ; 2-му Украинскому (И. С. Конев) главный удар намечалось нанести на Кировоград, Первомайск и частью сил на Христиновку. Ближайшая задача – совместно с войсками левого крыла 1-го Украинского фронта разгромить врага, оборонявшего каневский выступ. Не снималась с него и поставленная ранее Ставкой задача – содействовать 3-му Украинскому фронту в разгроме противника у Кривого Рога. Решению этой задачи Верховный Главнокомандующий придавал важное значение в связи с огромной экономической ролью Криворожского промышленного района. 3-й (Р. Я. Малиновский) и 4-й (Ф. И. Толбухин) Украинские фронты должны были, действуя по сходящимся направлениям, ликвидировать никопольско-криворожскую группировку врага, в дальнейшем развивая наступление на Первомайск, Николаев и Одессу, освободить все наше Черноморское побережье. Одновременно 4-му Украинскому фронту предстояло освободить Крым. С этой целью привлекались также Отдельная Приморская армия, сформированная 15 ноября 1943 года из соединений Северо-Кавказского фронта, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и партизанские отряды Крыма.

Эти планы опирались на прочную реальную основу. Крупные победы, одержанные осенью 1943 года, ярко демонстрировали возросшую мощь Советских Вооруженных Сил. Повысилась маневренность войск, улучшилось управление ими, выросла ударная и огневая сила. То, чем мы располагали в третью военную зиму, стояло качественно несравнимо выше того, что мы имели в начале войны. Огромный боевой опыт накопил Генеральный штаб. В начале 1944 года отдел по использованию опыта войны был преобразован в управление. Непрестанно разрабатывались пособия для офицеров, памятки воину,

выпускались сборники теоретических статей по отдельным проблемам, в которых анализировалось все лучшее, достигнутое советскими войсками, становясь затем общим достоянием. 4,2 млн человек – такова цифра пополнения, пришедшего в Действующую армию в 1944 году.

Крепли авиационные соединения. Авиакорпуса из смешанных превращались в однородные и переводились на новую, все более могучую боевую технику: в штурмовые авиакорпуса начали поступать «Ил-10», лучшие в мире «летающие танки»; в истребительные – самый надежный самолет второй мировой войны «Ла-7» и наиболее маневренный «Як-3». С весны 1944 года каждый фронт получил по инженерной мотобригаде, а три Белорусских и два Украинских еще по моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригаде. Формировались тяжелые минометные бригады, вооруженные 160-миллиметровыми минометами, а также гвардейские тяжелые минометные бригады реактивной артиллерии с мощными установками БМ-31-12. Войска начали получать новые противотанковые орудия (85– и 100-мм), самоходно-артиллерийские установки с орудиями 100-, 122– и 152-миллиметрового калибра. У танка Т-34 пушку в 76 мм заменили 85-миллиметровой, нарастили броню и подняли скорость. Появился тяжелый танк ИС-2, прозванный немцами «русским тигром». Общевойсковые армии состояли теперь преимущественно из двух четырехдивизионных либо трех трехдивизионных корпусов и были хорошо обеспечены боевой техникой и разнообразными современными средствами ведения войны.

Немецко-фашистское командование понимало, что с потерей Украины рухнет Восточный фронт на юге нашей страны. Однако, преувеличивая потери и усталость Красной Армии и надеясь на сильную распутицу, оно полагало, что до лета крупные наступательные операции с нашей стороны на южном крыле фронта исключены и что это позволит собрать необходимые силы, восстановить оборону по Днепру и связь со своими войсками, запертыми в Крыму. Контрнаступление, предпринятое Манштейном еще в ноябре 1943 года на Юго-Западном направлении, не принесло успеха. В результате тяжелых боев враг смог лишь временно прикрыть образовавшуюся на фронте брешь, но вырвать инициативу у Красной Армии и вернуть Киев ему не удалось.

В то же время, несмотря на понесенные жестокие поражения, немецко-фашистская армия к началу 1944 года была еще довольно сильной и могла вести серьезную оборонительную

войну. Отсутствие же второго фронта в Европе во многом содействовало этому, ибо военные события, происходившие в Центральной Италии, по своему значению и размаху именоваться настоящим вторым фронтом, конечно, не могли. По данным Генерального штаба, на советско-германском фронте действовали тогда 198 немецких дивизий и шесть бригад, три немецких воздушных флота, а также 38 дивизий и 18 бригад союзников Германии. Эти войска насчитывали 4,9 млн человек, имели на вооружении более 54,6 тыс. орудий и минометов, 5,4 тыс. танков и штурмовых орудий, 3,1 тыс. самолетов. В наших действующих войсках насчитывалось более 6,3 млн. человек, 33,6 тыс. орудий и минометов, 5254 танка и САУ, 10 200 самолетов. Несомненно, обращает на себя внимание то обстоятельство, что у нас, хотя и временно, было меньше, чем у противника, танков.

Это объясняется, прежде всего, немалыми потерями нашей армии в гигантских наступательных операциях 1943 года. Пять наших танковых армий (а зимою 1944 года к ним добавилась шестая) позволяли сосредоточивать на направлении главного удара серьезные танковые силы. Огнем и гусеницами они давили врага, прокладывая путь советской пехоте и взламывая фашистскую оборону. Но и сами при этом, являясь передовым тараном войск, несли заметный урон. Кроме того, не нужно недооценивать экономический потенциал гитлеровской Германии. Эксплуатируя труд сотен тысяч угнанных в фашистскую неволю иноземных рабочих, подчинив все свои оборонные предприятия служению нуждам фронта, фашистская Германия сумела наладить военное производство. Вот почему на рубеже 1943–1944 годов борьба с немецкими танковыми соединениями оставалась далеко не простым делом. И когда наши войска становились порою в оборону, она строилась обязательно глубокой, противовоздушной, противотанковой и с серьезным инженерным оборудованием местности.

На южном крыле советско-германского фронта гитлеровцы имели в начале 1944 года одну из своих наиболее крупных стратегических группировок. Против четырех советских Украинских фронтов на участке от реки Припять до берегов Черного моря действовали: группа армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна (4-я и 1-я танковые, 8-я и 6-я полевые армии) и группа армий «А» генерал-фельдмаршала Клейста (3-я румынская и 17-я немецкая армии, 44-й немецкий отдельный армейский корпус; в первых числах февраля в последнюю из группы «Юг» была передана 6-я полевая армия). Эти войска поддерживались авиацией 4-го воздушного флота. Всего в обеих группах было 1,76 млн солдат и офицеров, 16,8 тыс. орудий и

минометов, 2,2 тыс. танков и штурмовых орудий, 1460 самолетов. По строжайшему приказу Гитлера, они любой ценой должны были удержать за собой богатейшие хлебные районы Правобережной и западных областей Украины, Никополь с его предприятиями по добыче и переработке марганца, Криворожский бассейн, богатый железной рудой, и Крым, прочно прикрывая коммуникации южного крыла германо-советского фронта. Гитлеровское командование еще надеялось на восстановление своей обороны и по Днепру. Вот почему оно с таким упорством стремилось удержать за собой корсунь-шевченковский плацдарм, выгодный для нанесения флангового удара как по левому крылу 1-го Украинского, так и по правому крылу 2-го Украинского фронтов, а также плацдарм южнее Никополя, который прикрывал Криворожский бассейн и позволял нанести удар на Мелитополь по тылу 4-го Украинского фронта и пробиться к крымской немецко-румынской группировке.

Нельзя не сказать о том, что наши войска, сражавшиеся на Украине, столкнулись с деятельностью буржуазных националистов, возглавлявшихся Мельником и Бандерой. Особенно они активизировались на Правобережье и в западных областях Украины. Бандеровцы пытались влиять на настроения не только гражданского населения, но и на военных. Их террористические банды осуществляли диверсии и убийства, иногда серьезно угрожая нашим войсковым тылам, и активно сотрудничали с оккупантами во фронтовой полосе. Одна из таких банд организовала в конце февраля 1944 года засаду, в которую попал и был там тяжело ранен Н. Ф. Ватутин. Эти тревожные сигналы также напоминали нам, что недалеко советская государственная граница, что Красной Армии, несущей освобождение от гитлеризма многим народам, придется все чаще и чаще ощущать за рубежами Родины существование всяческих антисоветских буржуазных и мелкобуржуазных группировок.

Смысл нашей зимней кампании на Юге в целом, если подытожить вышесказанное, заключался в том, чтобы на первом этапе действий срезать немецкие выступы, вдававшиеся в сторону Днепра, а затем, на втором этапе, рассечь оборону противника и уничтожить группы армий «Юг» и «А» по частям.

Решением командования 1-го Украинского фронта предусматривалось нанести главный удар с киевского плацдарма силами пяти армий: 1-й гвардейской (генерал-полковника А. А. Гречко), 18-й (генерал-полковника К. Н. Леселидзе, а затем генерал-лейтенанта Е. П. Журавлева), 38-й (генерал-полковника К. С. Москаленко), 3-й гвардейской танковой (генерал-полковника П. С. Рыбалко) и 1-й танковой (генерал-лейтенанта танковых

войск М. Е. Катукова); разгромить противника в районе Радомышль, Брусилов и выйти на рубеж Любар – Винница – Липовец. Вспомогательные удары фронта намечалось нанести 13-й (генерал-лейтенанта Н. П. Пухова) и 60-й (генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского) армиями на сарненском и шепетовском направлениях, 40-й (генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко) и 27-й (генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко) армиями на белоцерковском направлении. 13-й армии с 1-м гвардейским кавалерийским и 25-м танковым корпусами было дано задание наступать на Коростень, Новоград-Волынский и овладеть рубежом Тонеж – Олевск – Рогачев. 60-я армия с 4-м гвардейским танковым корпусом получила задачу разгромить противника в районе Радомышль и выйти на реку Случь на участке Рогачев – Новоград-Волынский – Любар. 40-я и 27-я армии, наступая на белоцерковском направлении, в дальнейшем должны были повернуть на Христиновку, соединиться с войсками 2-го Украинского фронта и замкнуть кольцо вокруг корсунь-шевченковской группировки противника с северо-запада. Боевые действия 1-го Украинского фронта должна была поддержать авиация 2-й воздушной армии генерал-лейтенанта авиации С. А. Красовского.

24 декабря 1943 года ударная группировка 1-го Украинского фронта перешла в наступление и, в первые же три дня, овладела на главном направлении сильным опорным пунктом врага Радомышлем. Успешно развивая наступление, войска фронта при активной помощи партизан в первых числах января 1944 года освободили от фашистских захватчиков Новоград-Волынский, Бердичев и Белую Церковь. В районе Белой Церкви вместе с советскими войсками храбро сражалась 1-я Отдельная чехословацкая бригада под командованием генерала Л. Свободы. За успешное решение задачи она была награждена орденом Богдана Хмельницкого. В результате Житомирско-Бердичевской операции, завершившейся 15 января, 1-й Украинский фронт нанес 1-й и 4-й танковым армиям врага чувствительный удар и продвинулся за три недели на запад от 80 до 200 км. Но его левый фланг по-прежнему оставался на Днепре, в районе Ржищева.

В связи с успешным наступлением войск 1-го Украинского фронта Ставка Верховного Главнокомандования, требовавшая ранее от 2-го и 3-го Украинских фронтов разгромить в первую очередь криворожскую группировку врага, 29 декабря приказала: «2-му Украинскому фронту, прочно удерживая занимаемый рубеж на своем левом фланге, не позднее 5 января 1944 года возобновить наступление, нанося главный удар на Кировоград

силами не менее четырех армий, из которых одна танковая армия.

Ближайшая задача – разбить кировоградскую группировку противника и занять Кировоград, охватывая его с севера и юга. В дальнейшем овладеть районом Ново-Украинка, Помошная и наступать на Первомайск с целью выхода на реку Южный Буг, где и закрепиться. Одновременно нанести вспомогательный удар силами двух армий в общем направлении Шпола, ст. Христиновка»[71]. Таким образом, 2-й Украинский фронт, ранее нацелившийся на то, чтобы выйти в тыл никопольскому плацдарму, помогая своим южным соседям, теперь должен был, окружая каневский выступ врага с юга, помочь своим северным соседям.

Успех 1-го Украинского фронта, поражение основной группировки противника на том направлении и решение Ставки направить основные усилия 2-го Украинского фронта на разгром кировоградской группировки врага с дальнейшим выходом на Южный Буг в районе Первомайска заставили и нас пересмотреть план действий 3-го и особенно 4-го Украинских фронтов. 29 декабря, обсудив вопрос с командующими этих фронтов, мы пришли к выводу, что в условиях сложившейся обстановки маловероятно, чтобы противник продолжал серьезно сопротивляться в излучине Днепра и на никопольском плацдарме. Мы полагали, что враг, оставив территорию между Никополем и Кривым Рогом и отведя свои войска за реку Ингулец, а затем и за Южный Буг, и резко сократив фронт обороны, постарается высвободить часть своих войск, прежде всего танковые дивизии, чтобы немедленно перебросить их на наиболее опасные для него направления – к Жмеринке, Гайсину и Первомайску, для действий против войск Ватутина и Конева.

Чтобы не допустить планомерного отхода фашистских войск, мы с Малиновским и Толбухиным решили, невзирая на скверную погоду, немедленно начать активные действия войск 3-го Украинского фронта в направлении Шолохово, Апостолово, а силами 3-й гвардейской, 5-й ударной и 28-й (в командование которой вступил генерал-лейтенант А. А. Гречкин) армий 4-го Украинского фронта – в направлении Большая Лепетиха и далее также на Апостолово, с ближайшей задачей общими усилиями двух фронтов разгромить никопольскую группировку противника. Имелось в виду в дальнейшем после овладения Никополем и Кривым Рогом силами 3-го Украинского фронта развивать наступление на Первомайск и Вознесенск, а войсками 4-го Украинского фронта из района Каховка, Цюрупинск нанести удар на Николаев и вверх по западному берегу Южного Буга на

Вознесенск, навстречу войскам 3-го Украинского фронта. После захвата Никополя мы считали целесообразным 3-ю гвардейскую армию передать из 4-го Украинского фронта в 3-й, направив ее удар через Николаевку на Новый Буг. Со стороны Крыма проведение этой операции должны были прикрыть войска 51-й армии.

Докладывая эти соображения Ставке, я просил разрешения для усиления основной группировки 4-го Украинского фронта использовать располагавшуюся за войсками этого фронта в резерве Ставки 69-ю армию.

Когда в Ставке обсуждались эти предложения, было принято решение, по которому Малиновский должен был развернуть наступление 3-го Украинского фронта, нанося главный удар на Апостолово, Новый Буг, Вознесенск, выйти на Южный Буг и там закрепиться. 4-й Украинский фронт наносил, по этому решению, главный удар от Каховки, Цюрупинска на Снигиревку, Березнеговатое и Новый Буг, обеспечивая себя со стороны Николаева. После ликвидации никопольского плацдарма фронту следовало силою двух армий (51-й и еще одной, по нашему усмотрению) начать наступление на Крым и овладеть им во взаимодействии с Отдельной Приморской армией. 69-ю армию было решено оставить по-прежнему в резерве Ставки. В соответствии с этим решением я должен был представить в Ставку план действий 4-го Украинского фронта не позже 1 января. Таким образом, временно отказавшись от удара на Николаев, Ставка стремилась и здесь, так же как в районе Корсунь-Шевченковский, зажать войска криворожской группировки противника в клещи.

Разгром кировоградской группировки противника осуществлялся двумя ударными группировками 2-го Украинского фронта – 5-й гвардейской армией с 7-м механизированным корпусом в обход Кировограда с северо-запада и другой группировкой в составе 7-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий в обход Кировограда с юго-запада. После упорных боев Кировоград 8 января 1944 года был освобожден.

9 января Г. К. Жуков, как представитель Ставки, совместно с командованием 1-го Украинского фронта направил в Ставку соображения по дальнейшему ведению операции. На правом крыле фронт должен был за 10–12 дней выйти на реки Горынь и Случь; в центре и на левом крыле разгромить жмеринскую и уманскую группировки врага, овладеть Винницей, Жмеринкой, Уманью и выйти на линию Любар – Хмельники – Тульчин – Умань. В дальнейшем, не давая противнику закрепиться, с 20 января продолжить операцию и к 5–10 февраля выйти главными

силами на рубеж Ожеховский канал – Ковель – Луцк – Дубно – Кременец – Волочиск – Каменец-Подольский и р. Днестр на участке Хотин, Могилев-Подольский, Сороки, при этом на правом крыле разгромить ровенско-шепетовскую группировку врага, а на левом обеспечивать стык со 2-м Украинским фронтом.

Ставка утвердила эти предложения.

Между тем войска левого крыла 1-го Украинского и правого крыла 2-го Украинского фронтов, которым предписывалось совместными действиями ликвидировать группировку врага в каневском выступе, успеха не достигли. По полученным нами данным, эта группировка состояла из девяти пехотных, одной танковой и одной моторизованной дивизий. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования 12 января поставила перед 1-м и 2-м Украинскими фронтами следующую задачу: в ближайшие дни окружить и уничтожить группировки противника в звенигородкинско-мироновском выступе, сомкнув левофланговые части 1-го Украинского и правофланговые части 2-го Украинского фронтов. Но начавшееся 14–15 января наступление 2-го Украинского фронта к северу от Кировограда против корсунь-шевченковской группировки врага, несмотря на некоторый успех, из-за сильных контратак фашистских танковых и пехотных частей не получило развития. Ставка вынуждена была 16 января вновь указать командующему 2-м Украинским фронтом И. С. Коневу на исключительно важное значение решительного наступления. Только таким путем можно было решить задачи, поставленные в директиве от 12 января. Вскоре (16 января) было подчеркнуто, что в войсках фронта наблюдается недостаточная организованность, а у командующего нет должной настойчивости и требовательности[72].

В ночь на 20 января Ставка утвердила план операции, 24 января она началась. Нет необходимости останавливаться здесь на деталях развития и хода этой исторической операции, так как подробное описание ее мы находим в ряде трудов. Скажу лишь, что 10 февраля наши войска предприняли решительное наступление. Враг, в свою очередь, подведя к району окружения с других направлений ряд танковых дивизий, переходил в яростные контратаки, особенно с юго-запада (между Ерками и Златопольем) и из кольца окружения, по реке Россь, но прорваться не смог. 12 февраля, в разгар сражения, Ставка дала командующим 1-м и 2-м Украинскими фронтами и Г. К. Жукову директиву, согласно которой руководство всеми войсками, действовавшими против корсунь-шевченковской группировки противника, возлагалось на И. С. Конева. Ему передавалась для этой цели 27-я армия 1-го Украинского фронта. Координация

действий 1-го и 2-го Украинских фронтов, чтобы не допустить фашистского прорыва со стороны Звенигородки, возлагалась непосредственно на Г. К. Жукова[73]. Ожесточенные бои по ликвидации корсунь-шевченковской группировки продолжались до 18 февраля. В ходе этих боев 55 тыс. вражеских солдат и офицеров было убито, более 18 тыс. взято в плен. Противник потерял здесь все свое вооружение и боевую технику. После завершения этой блестящей операции обстановка на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов коренным образом изменилась. Создались благоприятные условия для наступления наших войск к Южному Бугу и Днестру. Одновременно с проведением этой операции войска правого крыла 1-го Украинского фронта 27 января предприняли наступление из района западнее Сарн через труднопроходимый лесисто-болотистый район и освободили города Ровно и Луцк. Была очищена от врага и Шепетовка. В результате правое крыло 1-го Украинского фронта нависло над проскурово-каменецкой группировкой противника.

Теми же январскими неделями 3-й и 4-й Украинские фронты предпринимали неоднократные попытки разбить никопольско-криворожскую вражескую группировку, но успеха не имели: недоставало живой силы и техники, остро не хватало боеприпасов. Гитлеровцы, вопреки нашим ожиданиям, не только не хотели оставлять этот район, но делали все для того, чтобы превратить его почти в сплошные, хорошо подготовленные в инженерном отношении и искусно связанные между собою огнем опорные пункты. В середине января, с разрешения Ставки, мы прекратили атаки.

Однако было ясно, что собственными силами мы не могли захватить никопольский плацдарм. Если мы будем продолжать боевые действия таким же образом, понесем неоправданные потери, а задачу все же не решим. Нужно было подключить 2-й Украинский фронт, провести перегруппировку войск, пополнить войска Ф. И. Толбухина резервами. Посоветовался с Федором Ивановичем, он поддержал меня, и я решил позвонить в Ставку с его КП. И. В. Сталин не соглашался со мной, упрекая нас в неумении организовать действия войск и управление боевыми действиями. Мне не оставалось ничего, как резко настаивать на своем мнении. Повышенный тон И. В. Сталина непроизвольно толкал на такой же ответный. Сталин бросил трубку.

Стоявший рядом со мной и все слышавший Федор Иванович сказал, улыбаясь:

– Ну, знаешь, Александр Михайлович, я от страху чуть под лавку не залез!

Все же после этих переговоров 3-й Украинский фронт,

игравший при проведении Никопольско-Криворожской операции основную роль, получил от 2-го Украинского фронта 37-ю армию генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина и из резерва Ставки – 31-й гвардейский стрелковый корпус, а от 4-го Украинского фронта – 4-й гвардейский механизированный корпус.

Наступление войск 3-го и 4-го Украинских фронтов на никопольско-криворожском направлении возобновилось в последних числах января. Как и планировалось ранее, войска 3-го Украинского фронта главный удар наносили из района северо-восточнее Кривого Рога на Апостолово. Сюда же стремились войска правого крыла 4-го Украинского фронта, чтобы сходящимися ударами охватить оборонявшиеся в районе Никополя войска 6-й немецкой армии и лишить их возможности отойти на запад. За двое суток боев оборона врага была прорвана. В прорыв вошли подвижные войска. 5 февраля в результате обходного маневра было освобождено Апостолово. Здесь были разгромлены три фашистские танковые и четыре пехотные дивизии, пытавшиеся отходить вдоль железной дороги на Николаев. Тем временем войска правого крыла 4-го Украинского фронта прорвали оборону южнее Никополя и вышли к Днепру. Сильная распутица не позволила перехватить все пути отхода врага, однако его тяжелое вооружение и боевая техника стали достоянием наших войск.

Много я повидал на своем веку распутиц. Но такой грязи и такого бездорожья, как зимой и весной 1944 года, не встречал ни раньше, ни позже. Буксовали даже тракторы и тягачи. Артиллеристы тащили пушки на себе. Бойцы с помощью местного населения переносили на руках снаряды и патроны от позиции к позиции за десятки километров. Основное внимание пришлось сосредоточить на разгроме криворожской группировки противника и на выходе наших войск к реке Ингулец. Для этого, как и предусматривалось ранее, войска 3-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта после переправы ее на северный берег Днепра пришлось передать 6-й армии 3-го Украинского фронта, а управление армии вывести в резерв фронта; на усиление 46-й армии 3-го Украинского фронта передали 7-ю артдивизию (6-я и 17-я пушечные бригады) 4-го Украинского фронта. Планировалось, что на 3-м Украинском фронте 37-я армия поведет наступление на станцию Чейковка и частью сил на Кривой Рог с запада, прикрывая правое крыло фронта обороной к северо-западу от Гуровки; 46-я армия будет наступать в обход Кривого Рога с юга в общем направлении на Казанку и Николаевку, с выделением части сил для непосредственного удара на Кривой Рог с юго-запада; 8-я гвардейская армия с 9-й

артдивизией нанесет удар в направлении на Широкое и Владимировку, а 6-я армия – шестью дивизиями в общем направлении на Снигиревку и остальными силами в междуречье Ингульца и Днепра; 4-й гвардейский механизированный корпус предполагалось ввести в прорыв, в зависимости от обстановки, на участке 46-й или 8-й гвардейской армий.

На 4-м Украинском фронте было решено две дивизии из 28-й армии передать 2-й гвардейской, а остальные три – 5-й ударной армии, после чего управление 28-й армии также вывести в резерв фронта. 5-ю ударную армию – продолжать ускоренными темпами переправлять на западный берег Днепра, чтобы с захватом Ново-Воронцовки и Нововознесенского нанести удар между реками Ингулец и Днепр на север для свертывания фашистской обороны по Днепру. Там армия должна была соединиться с 8-й гвардейской 3-го Украинского фронта. На 2-ю гвардейскую армию возлагалась оборона по нижнему течению Днепра, причем с началом операции 5-й ударной армии предусматривались демонстративные действия частью сил этой армии с форсированием Днепра у Херсона. В дальнейшем имелось в виду использовать эту армию для участия в Крымской операции от Перекопа. Крымскую же операцию было решено начать после того, как будет освобождено все Правобережье Нижнего Днепра и закончено сосредоточение необходимых сил и средств.

Размышляя над планом Крымской операции, мы невольно вспоминали 1920 год. Тогда Красная Армия, сражаясь с белопольскими интервентами, получила удар через Таврию от засевшего в Крыму Врангеля, и В. И. Ленин справедливо упрекал руководителей Реввоенсовета за недостаточно решительные действия по овладению Крымом. Тогда мы не имели на море почти ничего, ибо Черноморский флот был потоплен в 1918 году. Иными были наши возможности теперь. Изолируя вражеские войска в Крыму и отрезая их от криворожской группировки фашистов, мы практически облегчали себе задачу овладения Крымом.

8 февраля соединения 3-го и 4-го Украинских фронтов освободили Никополь. Одновременно войска Толбухина, ликвидировав последний вражеский плацдарм на левом берегу, на всем своем фронте вышли на Днепр и закрепили за собой плацдарм на его правом берегу. В результате ливня дороги еще более развезло.

3-й Украинский фронт испытывал острый недостаток в боеприпасах. Помогали самолеты ПО-2 и частично тягачи. Положение было не из легких. В связи с задержкой Крымской операции 13 февраля Верховный Главнокомандующий разрешил

мне перебросить 4-й гвардейский кавкорпус И. А. Плиева из района Аскапия-Нова к Апостолову, в состав 3-го Украинского фронта, который в те дни вместе с войсками правого крыла 4-го Украинского фронта готовился перейти в наступление для захвата Кривого Рога и ликвидации вражеского выступа к востоку и юго-востоку от него.

К 16 февраля погода в районе боевых действий несколько улучшилась, и мы смогли подтянуть артиллерию и необходимые, хотя бы на первых порах, боеприпасы. 17 февраля 3-й Украинский фронт, преодолевая сильное сопротивление и непрерывные контратаки фашистов, перешел в наступление. Начался сильный буран. Мост через Днепр у Никополя был сорван. При видимости 20 шагов 5-я ударная армия Цветаева переправлялась на правый берег Днепра, отражая контратаки на занятом ею плацдарме. 18 февраля буран усилился. Из-за гололеда и снежных заносов движение автотранспорта почти прекратилось, а маневр войск стал до невероятности трудным. От штаба фронта, находившегося в Акимовке, до Цветаева езды было на автомобиле по открытой степи напрямик часа полтора. Добирались же мы чуть ли не сутки. Затем внезапно начавшийся на Днепре ледоход и значительный подъем воды сделали невозможной в ближайшие два-три дня переправу корпуса Плиева, сосредоточившегося к югу от Никополя. Усложнилась доставка всего необходимого войскам Цветаева, находившимся на правом берегу. Но 3-й Украинский фронт, несмотря на неимоверные трудности, продолжал, хотя и меньшими темпами, продвигаться вперед. Ничто – ни стихия, ни отчаянное сопротивление немцев – не могло остановить воинов. 22 февраля 46-я армия Глаголева при содействии 37-й армии Шарохина овладела Кривым Рогом с прилегающими к нему рудниками и вышла на реки Саксагань и Ингулец. Выдвинулись к Ингульцу и другие войска Малиновского.

Ужас и мерзость сеяли отступавшие фашисты. Все было разорено, разграблено. Сколько всего надо восстанавливать, возводить, строить, создавать заново!.. И уже через несколько дней мы увидели отряды заводских рабочих и горняков, которые расчищали места вчерашних боев от хлама.

В результате Никонольско-Криворожской операции линия фронта на Юге заметно сократилась, а разгром здесь врага позволил направить войска 4-го Украинского фронта на освобождение Крыма. Ликвидация никопольского плацдарма и разгром криворожской группировки противника сняли угрозу удара врага с севера по флангу и тылу 4-го Украинского фронта и оттянули на себя значительную часть немецких сил, что, безусловно, способствовало успеху и Корсунь-Шевченковской

операции.

Завершением Украинскими фронтами Корсунь-Шевченковской, Кировоградской, Ровенско-Луцкой и Никопольско-Криворожской операций закончился первый этап освобождения Правобережной Украины. Советские войска заняли выгодное положение для нанесения новых сокрушительных ударов по врагу, изгнания его из Крыма и выхода к западной государственной границе СССР. Вскоре могла пойти речь о боевых действиях против гитлеровцев на территории Румынии.

После февральского поражения 1944 года немецко-фашистское командование вынуждено было отказаться от попыток восстановить на Правобережной Украине хотя бы то положение, которое было осенью 1943 года. Однако оно возлагало большие надежды на то, что наступившая распутица не позволит Красной Армии продолжать наступление, и рассчитывало на длительную паузу в боевых действиях, дабы использовать ее для восстановления сил своих войск. Враг стремился закрепиться на занимаемых рубежах, чтобы удержать за собой хотя бы немногие, но очень важные в экономическом и военном отношении районы Правобережной Украины. Но и эти расчеты были обречены на провал.

Еще в первой половине февраля Генеральный штаб, в связи с выходом наших войск на юге советско-германского фронта к рубежу Луцк – Дубно – Шепетовка – Звенигородка – Кировоград – Кривой Рог – Каховка – нижнее течение Днепра и исходя из ранее принятого Верховным Главнокомандованием замысла, приступил к разработке дальнейших наступательных операций. Мы запрашивали мнения командующих фронтами, тщательно анализировали их, неоднократно беседовали по основным вопросам будущих операций с И. В. Сталиным, Г. К. Жуковым. Еще и еще раз обсуждали все с моим заместителем по Генштабу А. И. Антоновым, фактически возглавлявшим тогда разработку предстоявших операций.

Анализ стратегической обстановки на фронте, состояния войск врага, непрерывно возраставшие ресурсы страны дали Верховному Главнокомандованию основания сделать вывод о том, что возможно и целесообразно продолжать наступление Украинских фронтов без всякой передышки, чтобы одновременными мощными ударами на широком фронте от Полесья до устья Днепра расчленить немецко-фашистские войска и, уничтожив их по частям, завершить освобождение Правобережной Украины.

1-й Украинский фронт должен был нанести главный удар через Чортков на Черновицы, то есть из Подолии на Буковину; 2-й

– через Умань и Рудницу на Бельцы и Яссы; 3-й – через Николаев на Одессу. В результате немецкая группа армий «Юг» отрезалась от группы армий «Центр» и отбрасывалась в Румынию. Ставка и командование фронтов создали на направлениях главных ударов мощные группировки. В состав 1-го Украинского фронта из резерва Ставки передавалась 4-я танковая армия. Значительно усиливался (в основном за счет войск 4-го Украинского фронта) и 3-й Украинский. Тогда же было решено создать на стыке Белорусского и 1-го Украинского новый, 2-й Белорусский фронт, используя для этого управление бывшего Северо-Западного фронта, находившееся в резерве Ставки. После расформирования Волховского и Северо-Западного фронтов управление первого перебазировали на север, усилив Карельский фронт и готовя освобождение Южной Карелии. Созданному на основе управления Северо-Западного фронта 2-му Белорусскому поставили задачу нанести удар на Ковель.

В соответствии с принятым решением Ставка дала необходимые директивы. Украинские фронты получили их: 1-й и 2-й – 18 февраля, 3-й – 28 февраля.

Именно в эти дни и произошло несчастье, о котором я упоминал выше: на дороге из 13-й в 60-ю армию бандиты ранила Н. Ф. Ватутина, 15 апреля 1944 года он скончался. Но даже находясь в тяжелом состоянии, он следил за тем, как развертываются события на фронте. 19 марта я получил от него из Киевского госпиталя телеграмму, в которой он поздравлял командование 3-го Украинского фронта и меня как представителя Ставки с успехами. Я тогда ответил Николаю Федоровичу: «Благодарю за поздравление и пожелания. От души, дорогой Николай Федорович, желаю тебе скорее поправиться, чтобы вновь вполне здоровым быть во главе своих войск на этом решающем направлении. Примем все меры, чтобы осуществить твои пожелания»[74].

Имя талантливого советского полководца, генерала армии Николая Федоровича Ватутина тесно связано с деятельностью Генерального штаба Советских Вооруженных Сил. В августе 1940 года он был назначен на должность начальника Оперативного управления, потом первым заместителем начальника Генерального штаба. На этом высоком посту Николай Федорович проявил широту стратегического мышления, свои оперативно-стратегические познания и опыт и своим неустанным трудом внес достойный вклад в подготовку наших Вооруженных Сил. Полководческий талант Ватутина особенно ярко проявился в годы Великой Отечественной войны. Никогда не забыть мне встреч с Николаем Федоровичем на фронте, где ему пришлось столь

много и с такой огромной пользой для дела потрудиться, находясь на посту начальника штаба Северо-Западного фронта, а затем командующего войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. Хочется особо отметить, что важнейшие задания, которые возлагали на генерала Ватутина ГКО и Верховное Главнокомандование при подготовке и проведении крупнейших военных операций, как правило, выполнялись отлично. Он умел решительно сосредоточивать силы и средства на главном направлении, наращивать усилия и внезапно наносить мощные удары во фланг и в тыл вражеским группировкам, искусно применять крупные массы танков для развития наступления в оперативную глубину, организовывать прочное взаимодействие родов войск и видов вооруженных сил, надежно поддерживать непрерывное и твердое управление войсками. Генерал Ватутин по заслугам снискал себе общее признание и всенародную любовь. Его имя – имя выдающегося мастера вождения войск, пламенного патриота Отечества, коммуниста, любимца солдат, навсегда связано с нашими победами под Сталинградом и Курском, при форсировании Днепра и освобождении Киева, на Правобережной Украине. Советские люди свято чтят его память…

К началу марта Украинские фронты закончили перегруппировку сил, были пополнены людьми и боевой техникой. Они получили дополнительно более 750 танков, после чего стали превосходить врага по танкам и САУ в 2,5 раза. В тяжелых условиях распутицы тыловые части и подразделения сумели подвезти войскам боеприпасы, горючее, продовольствие и другие материальные средства, что потребовало огромной организаторской работы командования, политорганов, штабов и тяжелого солдатского труда. К весне перед тремя Украинскими фронтами, обращенными на запад, оборонялись группа армий «Юг» (1-я и 4-я танковые и 8-я румынская армии) и группа армий «А» (6-я немецкая и 3-я румынская армии), в которых насчитывалось 83 дивизии, в том числе восемнадцать танковых, четыре моторизованные, одна артиллерийская (в качестве пехотной), две охранные и моторизованная бригада. Немецко-фашистские войска понесли серьезный урон, но получили значительное пополнение.

4 марта 1-й Украинский фронт, которым после ранения Н. Ф. Ватутина стал командовать, оставаясь заместителем Верховного, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начал наступление. Действовавшие в составе ударной группировки к юго-западу и к юго-востоку от Шепетовки 60-я армия генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского и 1-я гвардейская армия генерал-полковника А. А.

Гречко уже в первый день прорвали оборону противника.

Андрея Антоновича я знал с первых дней войны. В ту трудную пору 1941 года он работал в Оперативном управлении Генерального штаба. Уже тогда его отличало стремление к самостоятельной работе в войсках. Андрей Антонович настойчиво просился на фронт и вскоре уехал на Северный Кавказ в командировку и там по представлению командарма был назначен командиром кавалерийской дивизии. В войну нам не часто приходилось встречаться, но я хорошо знал отзывы о нем, и они были самые положительные. Вскоре А. А. Гречко стал командующим армией, затем заместителем командующего фронтом и закончил войну, снова по его же просьбе, командующим 1-й гвардейской армией. А. А. Гречко имеет большой боевой опыт и уже в войну получил признание как талантливый полководец. Его замечательные качества военачальника крупного масштаба особенно ярко проявились в послевоенные годы в должности первого заместителя министра, ныне Министра обороны Союза ССР[75]…

4-го же марта распоряжением командующего фронтом были введены в сражение 4-я танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск В. М. Баданова и 3-я гвардейская танковая генерал-полковника П. С. Рыбалко.

В течение первых двух суток наступления наши войска, преодолевая сопротивление врага, расширили прорыв до 180 км и продвинулись на 50 км, освободив Изяславль и Ямполь. 7 марта они ворвались в Волочиск и перерезали железную дорогу Львов – Одесса. В результате фашистские части, действовавшие в районе Проскурова и Винницы, оказались отрезанными от тарнопольской группировки. В тот же день главная советская группировка фронта вышла на подступы к Тарнополю, 10 марта – к Проскурову, а 18-я армия генерал-лейтенанта Е. П. Журавлева, перешедшая в наступление 5 марта, – к Хмельникам. 11 марта приступила к выполнению поставленных задач 38-я армия генерал-полковника К. С. Москаленко, руководившего ею до конца войны. Практический опыт, знания, решительность и настойчивость, свойственные Кириллу Семеновичу, как правило, приводили к успешному выполнению заданий, ставившихся перед его войсками. Его полководческое дарование наиболее полно проявилось как раз во время командования 38-й армией, которая победно сражалась за освобождение Украины, Польши и Чехословакии. Вот почему не случаен дальнейший служебный путь этого командующего, руководившего после войны войсками столичного округа ПВО, затем МВО, ракетными войсками стратегического назначения и ставшего заместителем министра

обороны СССР…

Противник контрударами созданной им у Проскурова (Хмельницка), Каменец-Подольского и Винницы группировки из девяти танковых и шести пехотных дивизий (несколько танковых дивизий было переброшено из-под Умани) стремился, во что бы то ни стало, остановить дальнейшее продвижение советских войск, вернуть потерянный под Волочиском участок железной дороги. На рубеже Тарнополь – Волочиск – Проскуров между 11 и 19 марта развернулись ожесточенные бои. Но эти контратаки задержали развитие нашего наступления лишь на несколько дней. Для усиления ударной группировки 1-го Украинского фронта к Волочиску была переброшена 1-я танковая армия генерал-лейтенанта М. Е. Катукова, а 60-я и 1-я гвардейская армии получили несколько стрелковых дивизий из фронтового резерва. 21 марта ударная группировка фронта возобновила наступление.

5 марта начал наступление 2-й Украинский фронт. Имея перед собой до 20 вражеских дивизий, его ударная группировка (27-я, 52-я, 4-я гвардейская общевойсковые, 2-я, 5-я гвардейская, 6-я танковые армии и часть сил 40-й и 53-й армий при успешном содействии авиации 5-й воздушной армии) в первый же день прорвала оборону противника на уманском направлении. 10 марта танкисты освободили Умань и крупный железнодорожный узел Христиновку. Левофланговые 5-я и 7-я гвардейские армии, начавшие наступление 8 марта, действовали так же успешно и устремились на Новоукраинку и Первомайск. 2-й Украинский фронт спешил как можно быстрее выйти к Южному Бугу. По имевшимся у нас сведениям, фашисты надеялись остановиться там, но это им не удалось. Внезапным стремительным ударом, пройдя 11 марта свыше 30 км в условиях бездорожья, танкисты и пехотинцы штурмом овладели Джулинкой и Гайвороном на левом берегу Южного Буга.

3-й Украинский фронт перешел в наступление 6 марта против 6-й немецкой и 3-й румынской армий, имевших 34 дивизии, в том числе четыре танковые и одну моторизованную. Главный удар наносился южнее Кривого Рога на Новый Буг с задачей прорвать фронт 6-й немецкой армии, а затем, повернув подвижные войска на юг, выйти в тыл войскам, действовавшим восточнее Николаева. Основную роль при нанесении удара играли 46-я и 8-я гвардейская армии и конно-механизированная группа Плиева. Остальные армии фронта наносили вспомогательные удары, каждая на своем участке. Фронт обороны противника на направлении главного удара был прорван в первый же день наступления, К вечеру в прорыв вошла конно-

механизированная группа Плиева, которая благодаря своим смелым и активным действиям уже 8 марта заняла Новый Буг, перехватив железную дорогу Долинская – Николаев. Отсюда она нанесла удар по тылам врага, отошедшего к Березнеговатому и Снигиревке.

В те же дни в своих донесениях на имя Верховного Главнокомандующего я отмечал успешные действия этой группы, 8-й гвардейской армии Чуйкова, 46-й армии Глаголева[76]. В донесениях о войсках 4-го Украинского фронта отмечались подготовка и проведение им переправы через Сиваш. Вскоре действия войск группы Плиева были направлены на юг, чтобы не допустить отхода противника на Николаев. Вслед, туда же через Малеевку, устремились гвардейцы 8-й, нанося удар на Березнеговатое.

Теперь важно было, правильно оценив ситуацию, сложившуюся на Украине, срочно внести коррективы в первоначальный план. И Ставка, умело и гибко реагируя на изменения фронтовой обстановки, приняла необходимые меры. Им было отведено немало времени в переговорах между И. В. Сталиным, Г. К. Жуковым, И. С. Коневым, Р. Я. Малиновским и мною 9 и 10 марта.

Было решено: 1-му Украинскому фронту наступать на Львов, Перемышль и выйти своим правым крылом к советской государственной границе у Западного Буга. Тем самым, юго-западное направление сменялось для этого фронта на строго западное, и он нацеливался на освобождение Западных областей Украины; в перспективе боевые действия должны были перейти на территорию Южной Польши. Чтобы усилить львовское направление, срочно доукомплектовывалась 3-я гвардейская танковая армия. Начало общего наступления 1-го Украинского фронта планировалось на 20–21 марта. Левое его крыло должно было тем временем освободить Буковину. 2-й Украинский фронт получил задачу, не позволяя врагу организовать оборону, продвигаться в Северную Молдавию, то есть по-прежнему на юго-запад. При этом ударная группировка выходила к Днестру справа, через Могилев-Подольский и Ямполь, а левое крыло – вдоль железной дороги Кировоград – Рыбница, откуда резко поворачивало на юг, к Кишиневу. В целом 2-й Украинский фронт выходил к государственной границе по реке Прут, 3-й обязывался с ходу освободить Николаев и Херсон, а потом, двигаясь параллельно Черноморскому побережью, – Тирасполь и Одессу, с выходом к нашей государственной границе, через Южную Молдавию, у Нижнего Дуная. Чтобы не позволить немецкой группе армий «Центр» помочь своему южному соседу, 2-й

Белорусский фронт в ближайшие же дни начинал наступление на Ковель и Брест.

Войска 1-го Украинского фронта возобновили наступление в назначенный срок. Уже 24 марта 20-я гвардейская механизированная бригада полковника А. Х. Бабаджаняна вышла у Залещиков к Днестру, за что ее командиру было присвоено звание Героя Советского Союза. Войска фронта приступили к форсированию реки. 29 марта были освобождены Черновицы, где большую роль сыграли инициатива и смелость танкистов 64-й гвардейской бригады подполковника И. Н. Бойко, вторично удостоенного звания Героя Советского Союза. Войска фронта действовали в местах, хорошо знакомых мне по 1916 году, по службе в 103-й пехотной дивизии. Как много переменилось за эти четверть века! Другими стали войска, иными – темпы наступления и самая его общеполитическая цель.

Так стремительно продвигались вперед войска центра и левого крыла 1-го Украинского фронта, выходя через Жмеринку и Каменец-Подольский к Днестру. Бок о бок с ними сражались войска 2-го Украинского фронта. Овладев Могилевом-Подольским, они переправились через Днестр и достигли государственной границы у Прута. Тщетно пытались немецкие войска уйти в Румынию. Только переброска фашистами к Станиславу (Ивано-Франковску) 1-й венгерской армии и немецких войск из Франции, Голландии и Дании спасла их здесь от полного разгрома.

Тем временем 2-й Украинский вышел к Яссам. Темпы его продвижения в те дни были, пожалуй, непревзойденными. Казалось, что от Южного Буга к Днестру и Пруту безудержно катилась лавина, не знающая преград. Наращивал темпы и 3-й Украинский фронт. 13 марта войска его левого крыла ворвались в Херсон, устремились к Николаеву и стали заворачивать на север, закрывая 6-й немецкой армии отход к морю. Войска его правого крыла шли навстречу, смыкая кольцо. Берега Нижнего Ингула стали свидетелями еще одного поражения гитлеровцев, оставивших на поло боя 25 тыс. трупов и много боевой техники; 7,5 тыс. человек было взято в плен. Особенно отличился в ходе Березнеговато-Снигиревской операции 2-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта К. В. Свиридова. 18 марта я направил ему телеграмму, в которой говорилось: «Благодарю за отличную работу. Свое слово сдержали и себя оправдали. Желаю дальнейших успехов. Вместе с военным советом фронта входим с ходатайством о награждении Вас высокой правительственной наградой. Гоните скорее проклятых фашистов из Николаева».

Текст телеграммы требует некоторого пояснения. 21 декабря 1943 года военный совет 2-й гвардейской армии, в состав которой входил этот механизированный корпус, отстранил Свиридова от должности комкора и направил его вместе с приказом в военный совет 4-го Украинского фронта. К. В. Свиридова я знал ранее по фронтовой работе, особенно по участию в Сталинградской битве и борьбе за Донбасс. Мы с Толбухиным разъяснили командарму Г. Ф. Захарову, что право назначения и смещения командиров корпусов предоставлено лишь наркому обороны и что, отстранив К. В. Свиридова от должности, военный совет армии превысил свои полномочия. Прежде чем поставить этот вопрос перед наркомом, мы направили в армию и в корпус своих представителей для тщательной проверки на месте сути дела, изложенного в приказе. А пока К. В. Свиридов был возвращен в корпус. Проверка показала, что серьезных оснований для снятия его с должности не было. Мы сочли возможным ограничиться тогда беседой со Свиридовым, во время которой он заверил нас, что отдаст все силы, знания и опыт, чтобы оправдать оказываемое ему доверие. И вот теперь он сдержал свое слово. Мы с Толбухиным радовались этому, наверное, не менее, чем сам Свиридов.

19 марта мы с Малиновским направили в Ставку Верховного Главнокомандования подробный доклад с нашими соображениями по дальнейшему ходу операций войск 3-го Украинского фронта. Мы намечали нанести главный удар четырьмя правофланговыми армиями (38 стрелковых и две артиллерийские дивизии, группа Плиева и 23-й танковый корпус) на Вознесенск, Новую Одессу, Тирасполь, Раздельную, в охват с северо-запада города Одессы. При этом группу Плиева, с имевшимися у него 200 танками, ввести в прорыв для развития успеха через Раздельную на Одессу во взаимодействии с 46-й и 8-й гвардейской армиями. 23-й же танковый корпус, усиленный мотоциклетной группой (при условии, что к тому времени фронтом будут получены все 360 танков, уже отправленные Ставкой), в тесном взаимодействии с 37-й армией нацеливался на Вознесенск, Цебриково, Тирасполь. Вспомогательный удар наносили 6-я и 5-я ударная армии в общем направлении на Николаев, Нечаянное, Одессу. Одновременно мы просили Ставку помочь фронту артиллерийскими тягачами, танками и истребительной авиацией и ускорить прибытие личного состава на пополнение частей.

В ночь на 20 марта Верховный Главнокомандующий по телефону сообщил мне, что представленные нами соображения Ставкой утверждены и что танки и тягачи будут понемногу

поступать. Но выделить пополнение личного состава, сказал он, сейчас нет возможности. Между тем непрерывные дожди вновь окончательно вывели из строя и без того неважные грунтовые дороги. Опять подвоз всего необходимого войскам стал возможен лишь при помощи тракторов и вездеходов. В связи с этим фронт вынужден был начать наступление только 26 марта. С севера, загоняя вражеские части на территорию между Днестром и одесскими лиманами, двигались войска 2-го Украинского фронта. Теперь важно было побыстрее взять Николаев и пройти 120 км до Одессы. В течение 26–27 марта 3-й Украинский фронт вел напряженнейшие бои за город и порт Николаев, форсируя Южный Буг и захватывая плацдармы на его правом берегу. Целые три наши армии (генерал-полковника В. Д. Цветаева, генерал-лейтенанта А. А. Гречкина и генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина) с разных сторон атаковали вражескую оборону, пока ночным штурмом не очистили от противника весь Николаев.

Войска армий генерал-лейтенанта Н. А. Гагена и генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина продвигались к реке Большой Куяльник. 23-й танковый корпус и конно-механизированная группа И. А. Плиева занимали исходное положение, готовясь к броску через Раздельную на Тирасполь. Чтобы не дать противнику отойти от Южного Буга за Днестр, мы направили сюда от 3-го Украинского фронта вместе с Кубанским кавалерийским корпусом до 430 танков и самоходных орудий.

Под ногами была та же липкая, чуть ли не до колен грязь. Не хватало людей, кончались боеприпасы. Однако наступление шло теперь безостановочно. 30 марта 5-я ударная армия овладела Очаковом и фортом Красный маяк в устье Днепровско-Бугского лимана. Возобновившиеся ливневые дожди не могли помешать успешным действиям наших подвижных войск. Действовавший впереди общевойсковых армий 23-й танковый корпус А. О. Ахманова 31 марта вел бой с вражескими танками уже у Жовтня и Цебриково. Южнее войска группы И. А. Плиева, захватив Березовку, продолжали движение на Раздельную и к долине Кучургана. Там они понесли тяжелую утрату: погиб храбрейший и опытнейший командир 4-го гвардейского механизированного корпуса, один из активных участников освобождения Дона и Украины генерал-лейтенант танковых войск Т. И. Танасчишин. Гвардейцы ответили на это захватом Раздельной. С севера и востока наносили удар на Одессу войска армий Глаголева, Чуйкова, Шлемина и Цветаева. С воздуха прикрывали их и помогали им самолеты 17-й воздушной армии, которой командовал генерал-полковник В. А. Судец. Практически почти весь 3-й Украинский фронт нацеливался на освобождение Одессы.

Первыми в город ворвались 9 апреля войска 5-й ударной армии. Нам достались в районе Одессы огромнейшие трофеи. Весь железнодорожный участок от ст. Выгоды до города был забит эшелонами с военной техникой и всевозможным имуществом. Следующие три дня ушли на полное освобождение Одессы и Тирасполя, причем мы сумели овладеть переправой и некоторыми дамбами на Днестре. Страна торжественно отметила успех 3-го Украинского фронта. Тысячи его воинов были удостоены высоких правительственных наград.

День 10 апреля, когда Одесса праздновала изгнание немецко-румынских фашистов, памятен мне вдвойне. В этот день мне стало известно, что я награжден высшим военным орденом «Победа». Я получил этот орден за № 2, а № 1 стоял на врученном Георгию Константиновичу Жукову. Наградная формулировка гласила: «За умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских захватчиков».

Первым меня поздравил по телефону, еще до опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР, Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я награждаюсь не только за освобождение Донбасса и Украины, а и за предстоящее освобождение Крыма, на который мне следует переключить теперь свое внимание, не забывая одновременно о 3-м Украинском фронте. Очень тронула меня телеграмма от Б. М. Шапошникова, который тогда сильно болел. «Дорогой Борис Михайлович! Благодарю Вас за поздравление, – писал я ему в ответ. – Успешное выполнение мною заданий Верховного Главнокомандования, а следовательно, и мое исключительно высокое награждение являются в значительной мере результатом долголетней работы под Вашим непосредственным руководством. От души желаю Вам здоровья. Благодарный Вам А. Василевский»[77].

В ночь на 11 апреля вместе с командованием 3-го Украинского фронта (Р. Я. Малиновский, А. С. Желтов, Ф. К. Корженевич) мы обдумывали план выполнения последующей задачи, поставленной Ставкой перед фронтом – операции по выходу войск к государственной границе по рекам Прут и Дунай. Мы приняли решение нанести главный удар правофланговыми армиями – 57-й, 37-й, 6-й, 5-й ударной и 46-й (41 дивизия, усиленная двумя артиллерийскими дивизиями, а также имеющимися во фронте отдельными пушечными и гаубичными артиллерийскими полками РГК, истребительно-

противотанковыми, минометными и инженерными бригадами и авиацией) в общем направлении от Тирасполя на Кагул. Группу Плиева намечали ввести для развития успеха в направлении главного удара на Комрат и далее к югу и юго-западу, на основных путях отхода противника. 8-й гвардейской армией, форсировав Днестр у Беляевки и-Аккермана, нанести вспомогательный удар вдоль Черноморского побережья на Татарбунары с выходом на Дунай у Вилкова. Начало форсирования Днестра всем фронтом намечалось на 18–20 апреля. Тем временем силами 57-й, 37-й и 46-й армий расширять плацдарм на правом берегу реки.

Рано утром 11 апреля я вылетел на 4-й Украинский фронт. 8 апреля он начал Крымскую наступательную операцию, о которой мне предстоит рассказать в следующей главе. В ночь на 13 апреля из штаба Толбухина я доложил Верховному Главнокомандующему об успешном начале Крымской операции. Он обратил мое внимание на недопустимую со стороны Малиновского задержку при ликвидации противника на левом берегу Днестра и его группировки, прижатой 8-й гвардейской армией к Днестровскому лиману у Овидиополя, и приказал принять меры. Р. Я. Малиновский обещал мне быстро выполнить переданные ему мной указания Верховного. Мы договорились привлечь для усиления 8-й гвардейской армии часть сил 5-й ударной, а 9-ю и 30-ю кавалерийские дивизии 4-го гвардейского корпуса, использованные фронтом в ходе затянувшихся боев в качестве пехоты, немедленно вывести из боя и предоставить им ближайшие дни на отдых.

В ту же ночь генерал А. И. Антонов доложил мне, что Ставка получила от военного совета 3-го Украинского фронта предложения по дальнейшему ведению операций, целью которых является выход на Прут и Дунай, и что Верховный Главнокомандующий просил немедленно сообщить мое мнение о них. Я ответил, что принимал непосредственное участие в разработке этих предложений. Сроки начала операции 18–20 апреля определены от момента ввода в дело на новых направлениях главных сил 6-й и 5-й ударной армий. До этого операция будет проводиться наличными силами. Я просил рассмотреть и утвердить этот план. План был утвержден. В эти дни по согласованию с командованием 3-го Украинского фронта я направил в Ставку представление, в котором просил за отличную работу по управлению войсками подвижной группы при проведении Одесской операции присвоить звание Героя Советского Союза командиру 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту Иссе

Александровичу Плиеву. 16 апреля это высокое звание было присвоено И. А. Плиеву, с чем я его искренне поздравил, пожелав работать так же и в дальнейшем.

Грандиозное наступление 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов, начавшееся в конце декабря 1943 года, закончилось в середине апреля 1944 года не только освобождением Правобережной Украины, но и перенесением боевых действий на ряде участков советско-германского фронта за пределы СССР. Войска Г. К. Жукова, разбив 4-ю танковую немецкую армию, а вместе с 2-м Украинским фронтом – и 1-ю танковую армию, закреплялись восточнее Ковеля и Брод, к западу от Тарнополя и Коломыи, имея левый фланг западнее Серета. В процессе боев за Правобережную Украину 1-я и 4-я танковые армии врага понесли огромные потери: не менее 200 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, свыше 2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 4,5 тыс. артиллерийских стволов, свыше 53 тыс. автомашин и тягачей, до 1 тыс. бронемашин и бронетранспортеров. Войска И. С. Конева, разгромив основные силы 8-й немецкой армии и уничтожив при этом свыше 60 тыс. солдат, и офицеров, и около 20 тыс. взяв в плен, а также захватив большое количество боевой техники, имущества, еще в конце марта вышли на государственную границу по Пруту, а затем, форсировав его, вступили на территорию Румынии и овладели городами Ботошани, Рэдэуци, Пашкани, и многими другими населенными пунктами. Вступление наших войск в Румынию резко усилило борьбу румынского народа против гитлеровцев и режима Антонеску и способствовало упадку морального состояния румынских войск. Румынский народ встречал советские войска как своих освободителей. Большую роль сыграло заявление Советского правительства от 2 апреля 1944 года о том, что СССР не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника.

Войска 3-го Украинского фронта нанесли тяжелое поражение 6-й немецкой и 3-й румынской армиям. Только в междуречье Днепра и Южного Буга были разгромлены девять пехотных и танковая дивизия врага. Понесли серьезные потери и утратили боеспособность еще двадцать пехотных, танковых и моторизованных дивизий врага. По показаниям пленных и по данным немецких архивов, противник потерял здесь 51 тыс. солдат и офицеров убитыми и пленными. К 14 апреля войска 3-го Украинского фронта освободили весь левый берег Днестра от

Тирасполя до Черного моря. С ходу форсировав Днестр, наши войска захватили плацдарм на его западном берегу. Огромную помощь в борьбе с фашистскими полчищами при освобождении Правобережья и Западных областей Украины оказали Красной Армии партизаны. В их отрядах насчитывалось здесь свыше 70 тыс. человек. Взаимодействуя с войсками, они взрывали железнодорожные составы; наносили удары по врагу с тыла; захватывали и удерживали до подхода регулярных соединений отдельные населенные пункты, мосты, речные переправы, линии и узлы связи; затрудняли вражескому командованию управление войсками; предотвратили угон в фашистское рабство многих тысяч советских людей.

В результате этих знаменательных побед, дополнявшихся нашими успехами в центре и на северо-западе советско-германского фронта, стратегическая обстановка продолжала изменяться в нашу пользу. В частности, выход советских войск на государственную границу и перенос боевых действий на территорию Румынии создавали благоприятные условия для ликвидации фашистских соединений 17-й армии, изолированных в Крыму. Эта задача в качестве основной была поставлена Верховным Главнокомандованием на весну 1944 года перед 4-м Украинским фронтом, Отдельной Приморской армией и Черноморским флотом. Кроме того, разгром фланговых стратегических группировок врага на советско-германском фронте в начале 1944 года вывел наши войска на рубежи, обеспечивавшие им более выгодные условия для нанесения ударов по самой сильной группировке противника, действовавшей в центре и прикрывавшей основные пути к Германии. Эта задача ставилась перед Вооруженными Силами уже во второй половине 1944 года с тем, чтобы, развивая в дальнейшем боевые действия за пределами СССР, завершить разгром немецко-фашистских сил. Сложившаяся тогда в результате наших побед военно-политическая и стратегическая обстановка не оставляла никаких сомнений в том, что гитлеровская Германия идет к неизбежному краху и что Советский Союз в состоянии один, собственными силами, завершить ее разгром и освободить всю Европу. Это-то и вынудило наших союзников в июне 1944 года наконец-то «поспешить» с открытием в Европе второго фронта.

Разгром крымской группировки врага

Подготовка к операции в Крыму. – «Приходится штурмовать каждую высоту». – Встречи с К. Е. Ворошиловым. – Быстрый прорыв. – Мы под Севастополем. – Генеральный штурм. – Крым свободен

На очередь встало, как практическая задача, освобождение Крыма. Я на протяжении этой операции, оставаясь начальником Генерального штаба, одновременно координировал действия войск 3-го и 4-го Украинских фронтов. Каждый представитель Ставки обычно ведал двумя-тремя фронтами. Эта форма управления войсками через представителей Ставки, находившихся непосредственно в зоне боевых действий, оправдала себя. Случалось, конечно, что иногда они выполняли свои обязанности неудачно. Уже упоминалось, сколь сурово расценил Верховный Главнокомандующий работу Л. З. Мехлиса в Крыму двумя годами раньше, когда нас постигла неудача под Керчью. Но, как правило, представители Ставки действовали с максимальной пользой. Так что в целесообразности самого института представителей сомнений у ГКО и Ставки не было: речь шла о подготовленности того или иного лица для выполнения задания Ставки.

На Крымской операции мне хочется остановиться особо, ибо она, по моему мнению, освещена недостаточно. К тому же в живых нет уже многих ответственных военных руководителей, кто мог бы рассказать о ней подробнее. Ушли из жизни командующий 4-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин, чьи войска сыграли основную роль в освобождении Крыма; его начальник штаба генерал-лейтенант С. С. Бирюзов; начальник фронтового политуправления генерал-лейтенант М. М. Пронин, командующий артиллерией генерал-майор С. А. Краснопевцев, постоянно находившийся в боевых порядках артиллерийских частей, командующие армиями, участвовавшими в этой операции: Отдельной Приморской Маршал Советского Союза А. И. Еременко, 2-й гвардейской генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров, 51-й генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер, 8-й воздушной Т. Т. Хрюкин; командующий Черноморским флотом Филипп Сергеевич Иванов, прошедший путь от пароходного кочегара до адмирала, известный под фамилией Октябрьский и как один из руководителей славной обороны Одессы и Севастополя в 1941–

1942 годах. Нет среди нас представителя Ставки в период Крымской операции 1944 года незабвенного Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова…

Огромное военно-политическое и стратегическое значение Крыма объясняет ожесточенный характер борьбы за него на протяжении почти всей Великой Отечественной войны. Враг цеплялся за Крым до последней возможности. Владея им, гитлеровцы могли держать под постоянной угрозой все Черноморское побережье и оказывать давление на политику Румынии, Болгарии и Турции. Крым служил фашистам также плацдармом для вторжения на территорию советского Кавказа и стабилизации южного крыла всего фронта. Как известно, в ноябре 1941 года мы вынуждены были оставить большую часть Крыма. Но сражение за главную военно-морскую базу Черноморского военного флота Севастополь продолжалось. Верный боевым традициям, Севастополь, с именем которого тесно связаны многие славные страницы исторического прошлого Родины, отрезанный врагом от суши и в значительной степени блокированный с моря, в течение восьми месяцев героически боролся с многократно превосходящими силами противника. И только в июле 1942 года по приказу Верховного Главнокомандующего войска Приморской армии и корабли Черноморского флота оставили Севастополь.

Наши воины с честью выполнили возложенную на них задачу. За время напряженнейших боев за Севастополь фашисты потеряли убитыми и ранеными около 300 тыс. человек, много вооружения и боевой техники. В результате войска 11-й немецкой армии оказались настолько ослабленными, что до осени 1942 года вражеское командование не могло использовать их на других участках фронта.

С потерей Севастополя и всего Крыма резко ухудшилась стратегическая обстановка для наших войск на юге советско-германского фронта и в бассейне Черного моря. Враг угрожал теперь захватом Кавказа, мог развивать наступательные действия с ближайшей целью выйти на нижнее течение Волги.

Все это не могло не сказаться на настроениях правящих кругов Турции, королевской Румынии и царской Болгарии. Но прошел еще год, и положение в корне изменилось. В октябре 1943 года, когда Южный фронт готовился к прорыву Восточного вала на реке Молочной, прикрывавшего подступы к Крыму с севера, а Северо-Кавказский фронт генерал-полковника И. Е. Петрова во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией очистили от противника Таманский полуостров и вновь вышли к Керченскому проливу, Ставка Верховного

Главнокомандующего приказала военным советам этих фронтов провести десантную операцию по захвату плацдарма на Керченском полуострове. В то время гитлеровское командование возложило оборону Крыма на 17-ю немецкую армию, которая, потерпев ранее тяжелые поражения от советских войск под Новороссийском и на Таманском полуострове, вынуждена была эвакуироваться в Крым.

Начав десантную операцию 1 ноября, корабли Черноморского флота через два дня высадили на Керченском полуострове первый эшелон 56-й армии генерал-лейтенанта К. С. Мельника. Преодолев упорное сопротивление врага, десантники сумели овладеть несколькими опорными пунктами и создать северо-восточнее Керчи плацдарм 10 км по фронту и 6 км в глубину. Начались упорные бои за его расширение.

15 ноября 1943 года решением Ставки Северо-Кавказский фронт был реорганизован в Отдельную Приморскую армию. Для действий на этом направлении была оставлена 4-я воздушная армия генерал-полковника авиации К. А. Вершинина. И. Е. Петрова на посту командарма Отдельной Приморской армии сменил позднее А. И. Еременко, в свою очередь замененный, уже в ходе Крымской операции, К. С. Мельником. Управление этой армии, с 18 апреля вошедшей в состав 4-го Украинского фронта, формировалось на базе 56-й армии и усиливалось за счет бывшего Северо-Кавказского фронта, 18-я армия которого в составе двух стрелковых корпусов была выведена в резерв Ставки, на пополнение. Для помощи командованию Отдельной Приморской армии Ставка направила Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова. От Генерального штаба был послан начальник Оперативного управления генерал-полковник С. М. Штеменко.

Уже с зимы шли ожесточенные бои за плацдармы на Керченском полуострове. Так, в донесении командования Отдельной Приморской армии от 15 января 1944 года говорилось:

> «1. Сегодня войска армии продолжали наступление на правом фланге двумя дивизиями и в центре одной дивизией. Задача состояла в том, чтобы овладеть тремя сильными опорными узлами сопротивления противника, высотами 136,0, 92,7 и Безымянной в 1,5 км северо-восточнее Булганак. 128-я гвардейская стрелковая дивизия после упорного боя, доходившего до рукопашных схваток, сломила сопротивление противника и полностью овладела высотой 92,7. В траншеях на высоте захвачено 20 пленных. Противник,

не имея крупных резервов, упорно сопротивляется, опираясь на высоты, превращенные им в мощные узлы сопротивления. Бои носят ожесточенный характер, войскам приходится штурмовать каждую высоту, так как обходить их невозможно, в силу того, что глубокого маневра при таком узком фронте осуществить нельзя, а обход высот по близлежащим лощинам и оврагам невозможен из-за сильного огня с соседних высот. 2. Завтра наступление будет продолжаться с целью последовательного захвата опорных пунктов противника перед правым флангом и центром армии…»[78]

Чтобы сковать противника по всему фронту и измотать его силы, командование армии активизировало действия войск и на левом фланге. С этой целью оно предлагало высадить десант непосредственно в Керченском порту и просило разрешения Ставки использовать батальон морской пехоты Черноморского флота, дислоцированный в Новороссийске. Ставка согласилась с этими предложениями. Однако, несмотря на настойчивость и упорство Приморской армии, действия ее войск не только не дали желаемых результатов, но привели к значительным и неоправданным потерям, а потому вызвали беспокойство в Ставке. Верховный Главнокомандующий в разговоре со мной по телефону неоднократно выражал недовольство руководством боевыми действиями Приморской армии. 27 января в адрес Петрова и Ворошилова последовала директива, в которой говорилось:

«Из действий Приморской армии видно, что главные усилия армии направлены сейчас на овладение г. Керчь путем уличных тяжелых боев. Бои в городе приводят к большим потерям в живой силе и затрудняют использование имеющихся в армии средств усиления – артиллерии, РС, танков, авиации. Ставка Верховного Главнокомандования указывает на разницу между Приморской армией и противником, состоящую в том, что Приморская армия имеет значительное преимущество перед противником в численности войск, в артиллерии, в танках и в авиации. Эти преимущества армия теряет, ввязавшись в уличные бои в городе, где противник укрепился, где приходится вести затяжные наступательные бои за каждую улицу и за каждый дом и где нет условий для эффективного использования всех имеющихся средств подавления. Такую тактику командования армии Ставка считает в корне

неправильной, выгодной для противника и совершенно невыгодной для нас. Ставка считает, что главные усилия армии должны быть направлены для действий против противника в открытом поле, где имеется полная возможность эффективно использовать все армейские средства усиления. Разговоры о том, что невозможно прорвать сильную оборону противника в открытом поле, лишены всяких оснований, ибо даже такая оборона, какую имели немцы под Ленинградом, втрое сильнейшую, чем оборона немцев под Керчью, оказалась прорванной благодаря умелому руководству. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. Перенести основные боевые действия войск армии в открытое поле. 2. Действия в городе ограничить операциями, имеющими вспомогательную роль в отношении действий главных сил армии в открытом поле. 3. Исходя из этих указаний, перегруппировать силы и представить свои соображения о плане дальнейших действий в Генеральный штаб не позже 28.1.44 г.»[79].

Учтя критику, руководство Отдельной Приморской армии предложило новую операцию, обязавшись начать ее через 10–12 дней. 31 января Ставка утвердила этот план. Однако и эта операция, равно как и последующие попытки армии очистить от врага Керченский полуостров до начала основной операции по освобождению Крыма с участием войск 4-го Украинского фронта, существенных успехов не принесла. Занятый нами плацдарм к северо-востоку от Керчи был использован в апреле в качестве исходного положения для основных сил Отдельной Приморской армии при проведении главной операции.

Вернемся теперь к войскам 4-го Украинского фронта. Когда в ноябре 1943 года они частью сил с ходу ворвались на Перекопский перешеек, форсировали Сиваш и овладели плацдармом на его южном берегу, 19-му танковому корпусу генерал-лейтенанта танковых войск И. Д. Васильева удалось с боями пробиться через укрепления врага на Турецком валу и выйти к Армянску. Правда, вслед за этим гитлеровцы, используя отрыв танкистов от пехоты и кавалерии, сумели закрыть брешь в своей обороне и временно блокировать танковый корпус. Вскоре основные войска 51-й армии Я. Г. Крейзера перевалили через Перекоп и соединились с мужественно сражавшимися танкистами. Затем бои здесь временно заглохли.

С выходом наших войск в низовья Днепра, к Перекопскому перешейку, на Сиваш и с одновременным захватом плацдарма на

Керченском полуострове группировка врага (17-я немецкая армия и ряд румынских соединений), оборонявшаяся в Крыму, оказалась блокированной и отрезанной от остальных наземных сил противника.

Планирование наступательной операции по освобождению Крыма претерпело несколько стадий. После того как войскам 4-го Украинского фронта не удалось с ходу ворваться в глубь Крымского полуострова, Ставка считала решающим моментом для начала наступательной операции этого фронта разгром никопольской группировки противника и ликвидацию его плацдарма на левом берегу Днепра у Большой Лепетихи. В первых числах января 1944 года, исходя из выгодной стратегической обстановки, сложившейся на территории Правобережной Украины, мы с командующими 3-м и 4-м Украинскими фронтами рассчитывали, что враг, во избежание полного разгрома на южном крыле советско-германского фронта, вынужден будет начать немедленный отвод войск из Днепровской дуги и с никопольского плацдарма, а также приступить к эвакуации войск из Крыма. Я внес в Ставку предложения: начать в январе или в первых числах февраля, параллельно с разгромом войск к западу от нижнего течения Днепра, наступательную операцию войск 4-го Украинского фронта по освобождению Крыма. Однако последующие дни показали, что наши прогнозы не оправдались: враг не только не начал отвод войск, а усилил свое сопротивление в районе Никополя и Кривого Рога.

После детального обсуждения этого вопроса в Ставке пришли к следующему выводу. Учитывая, что борьба за Крым будет носить крайне упорный характер и потребует от командования и войск больших усилий и настойчивости, возложить главную ответственность за проведение Крымской операции на командование 4-го Украинского фронта, освободив его на это время от каких-либо других задач. Было решено также оставить во фронте для этой цели две армии соответствующего состава (одну для действий с Перекопа, а другую – с Сиваша) и 19-й танковый корпус. По-прежнему имелось в виду, что совместно с войсками 4-го Украинского фронта в этой операции примут участие войска Отдельной Приморской армии, Черноморского флота, Азовской флотилии и партизаны Крыма.

Первоначально планировалось начать операцию в марте, однако крайне неблагоприятная погода в районе Крыма и сильные штормы на Азовском море не позволили осуществить это. Решили начать ее после выхода советских войск к Одессе, что должно было облегчить проведение операции по освобождению Крыма.

В конце февраля, после освобождения советскими войсками Кривого Рога и выхода их на реку Ингулец, командование 4-го Украинского фронта получило возможность заняться подготовкой к проведению Крымской операции и переместилось со своим управлением на крымское направление в селение Отрада, известное еще по гражданской войне.

К началу Крымской операции блокированная в Крыму 17-я немецкая армия имела в своем составе 5 немецких пехотных дивизий – 50-ю, 73-ю (переброшенную в Крым морем и по воздуху в начале февраля), 98-ю, 111-ю (прибывшую в начале марта с юга Украины) и 336-ю; 7 румынских дивизий – 10-ю и 19-ю пехотные, 1-ю, 2-ю и 3-ю горнострелковые, 6-ю и 9-ю кавалерийские; 191-ю, 279-ю бригады штурмовых орудий, большое количество артиллерийских, инженерных, строительных, охранных и полицейских частей[80].

Вражеская группировка в Крыму насчитывала примерно 200 тыс. солдат и офицеров, имела около 3,6 тыс. орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий и 148 самолетов, базировавшихся в Крыму; кроме того, фашисты могли использовать здесь части авиации, находившейся на аэродромах в Румынии и Молдавии.

На Черном море, в портах Румынии и в Крыму противник имел семь эсминцев и миноносцев, 14 подводных лодок, три сторожевых корабля, три канонерские лодки, 28 торпедных катеров и большое количество катеров-тральщиков, сторожевых катеров, самоходных барж, вспомогательных и транспортных судов.

Основные силы 17-й немецкой армии оборонялись в северной части Крыма. На Керченском полуострове находились 5-й армейский корпус (73-я и 98-я пехотные дивизии и 191-я бригада штурмовых орудий немцев), 6-я кавалерийская и 3-я горнострелковая дивизии румын. На побережье Крыма были дислоцированы 1-я и 2-я горнострелковые и 9-я кавалерийская дивизии румын. На Перекопском перешейке на глубину до 35 км были оборудованы три сильные оборонительные полосы, первые две из них – по линии Ишуньского рубежа и по реке Чатырлык. Перед нашими войсками на южном берегу Сиваша были созданы две, а местами и три оборонительные полосы. На Керченском полуострове на всю его глубину были построены четыре оборонительные полосы.

По решению, принятому Ставкой, замысел Крымской операции заключался в том, чтобы одновременно ударами войск 4-го Украинского фронта с севера – от Перекопа и Сиваша – и Отдельной Приморской армии с востока – из района Керчи – в

общем направлении на Симферополь – Севастополь при содействии Черноморского флота, соединений Авиации дальнего действия и партизан расчленить вражеские войска, не допустить их эвакуации из Крыма.

Еще в феврале мы с командованием 4-го Украинского фронта приняли решение, одобренное в дальнейшем Ставкой, главный удар нанести с плацдармов на южном берегу Сиваша силами 51-й армии (командующий генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер, член военного совета генерал-майор В. И. Уранов, начальник штаба генерал-майор Я. С. Дашевский) в направлении Симферополь – Севастополь, а вспомогательный удар – на Перекопском перешейке силами 2-й гвардейской армии (командующий генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров, член военного совета генерал-майор В. И. Черешнюк, начальник штаба генерал-майор П. И. Левин).

Почему же мы приняли решение нанести главный удар с плацдармов за Сивашом, а не с Перекопа? Ведь здесь наши войска ожидали наибольшие трудности и неудобства. Исходили мы из того, что именно здесь главный удар окажется для противника более неожиданным. К тому же удар со стороны Сиваша, в случае его удачи, выводил наши войска в тыл всем укреплениям врага на Перекопе, а, следовательно, позволял нам гораздо быстрее вырваться на просторы Крыма. Мы решили ввести здесь в бой 19-й танковый корпус, чтобы как можно быстрее развить успех по прорыву оборонительной полосы врага в направлении Джанкоя и Симферополя. И Ставка Верховного Главнокомандования согласилась с нами. К концу февраля была закончена перегруппировка войск на Сиваш и Перекоп, и командование 51-й и 2-й гвардейской армий приступило к руководству войсками на этих направлениях.

На основе принятого и утвержденного Ставкой решения военный совет фронта 22 февраля отдал армиям боевые распоряжения, которые и легли в основу всей дальнейшей работы по подготовке Крымской наступательной операции.

Возвращаюсь несколько назад в своем рассказе. В связи с серьезными наступательными операциями, проводимыми 3-м Украинским фронтом, всю вторую половину февраля я пробыл в его войсках и лишь 2 марта перелетел на крымское направление, в штаб 4-го Украинского фронта. С утра 3 марта мы с Ф. И. Толбухиным отправились на Сиваш. Вместе с вызванными мною руководящими лицами фронта, командованием 2-й гвардейской и 51-й армий мы провели рекогносцировку и рассмотрели основные вопросы, связанные с первым этапом Крымской операции, уделив особое внимание организации переправ через Сиваш, переброске

по ним 19-го танкового корпуса, а также созданию надежного прикрытия переправ и быстрому их восстановлению в случае разрушения. Вся эта работа проходила в очень трудных условиях. Штормы, налеты вражеской авиации и артиллерийский обстрел разрушали мосты. К началу операции было создано две переправы – мост на рамных опорах длиною 1865 м и две земляные дамбы длиной 600–700 м, и понтонный мост между ними длиной 1350 м. Грузоподъемность этих переправ усилиями инженерных войск фронта была доведена до 30 т, что обеспечивало переправу танков Т-34 и тяжелой артиллерии. С целью маскировки в километре от этих переправ был сооружен ложный мост.

В ночь на 4 марта я доложил Верховному Главнокомандующему:

> «Сегодня вместе с товарищем Обуховым[81] был на Сиваше у Крейзера, туда же вызвал с Перекопа Захарова и на месте ознакомился с условиями подготовки Крымской операции. Прошедший вчера и сегодня дождь окончательно вывел из рабочего состояния дороги. Весь автотранспорт стоит на дорогах в грязи. С трудом кое-как работают лишь тракторами. От попытки пробраться к Крейзеру на машинах пришлось отказаться, летели на У-2. При таком состоянии дорог начинать операцию нельзя, не сумеем за продвигающимися войсками подать не только пушки и снаряды, но даже продовольствие и кухни. К тому же переправы на Сиваше, разрушенные штормом в последних числах февраля, восстановлением из-за подвоза лесоматериалов задерживаются. На основе всего виденного лично и на основе докладов непосредственных участников в подготовке операции считаю, что Крымскую операцию можно будет начать лишь в период между 15–20 марта. Только к этому времени сумеем иметь на Сиваше две серьезные переправы и сумеем подвезти как на Перекоп, так и на Сиваш все необходимое. Прошу Вас утвердить указанные сроки. Все указания по подготовке операции дал, и к отработке всех вопросов в армиях с учетом моих указаний приступят немедленно. 4 марта вновь вылетаю к Родионову[82] с тем, чтобы вернуться к Обухову дней за пять до начала операции. Александров»[83].

28 марта во время телефонного разговора Верховный Главнокомандующий обязал меня встретиться с К. Е. Ворошиловым и согласовать с ним вопросы, касающиеся

взаимодействия войск 4-го Украинского фронта и Приморской армии на первых этапах Крымской операции. Он сообщил, что Ворошилов прибудет к 10 часам 29 марта в Кривой Рог. Я тоже прилетел туда из штаба 3-го Украинского фронта, где размещалась моя группа офицеров. Климент Ефремович принял меня в своем вагоне. Память об этой очередной встрече храню до сих пор. Радушие и гостеприимство всегда были свойственны Клименту Ефремовичу. Большие победы советских войск над фашистскими захватчиками делали эту встречу особенно приятной. Ворошилов детально проинформировал меня также о ходе недавно закончившейся Тегеранской конференции. Обсудив в принципе вопросы, относящиеся к Крымской операции, мы решили привлечь к дальнейшей работе командование 4-го Украинского фронта. Для этой цели мы должны были переехать в Мелитополь к 10.30 30 марта.

В следующей нашей встрече на станции Мелитополь приняли участие Ф. И. Толбухин, член военного совета 4-го Украинского фронта Н. Е. Субботин, начальник штаба С. С. Бирюзов и командующий 8-й воздушной армией Т. Т. Хрюкин. Мы подробно ознакомили К. Е. Ворошилова с планом проведения операции войсками 4-го Украинского фронта, а он нас – с планом действий Приморской армии. Она готовилась прорвать оборону противника севернее Керчи, уничтожить по частям керченскую группировку врага, не позволив ему отойти на Ак-Монайские позиции, и развивать в дальнейшем удар на Симферополь – Севастополь, а частью сил – вдоль южного берега Крымского полуострова. Мы познакомились и с задачами, поставленными в связи с этим 11-му, 3-му гвардейскому и 16-му стрелковым корпусам Приморской армии (они были изложены затем в приказе по армии за подписями ее командующего генерала армии А. И. Еременко, члена военного совета генерал-майора П. М. Соломко и начальника штаба генерал-майора С. И. Любарского) [84].

Обсудив основные вопросы, касавшиеся взаимодействия войск в начальный период Крымской операции, мы направили Верховному Главнокомандующему 31 марта следующий доклад:

> «30 марта в Мелитополе совместно с военсоветом 4-го Украинского фронта обсудили вопросы, связанные с проведением Крымской операции. 1. Считаем необходимым принятие решительных мер по организации настоящей блокады Крыма, которая воспрепятствовала бы переброске войск и материальных ресурсов, как в Крым, так и обратно. Для этой цели

необходимо немедленно усилить авиагруппу Черноморского флота в Скадовске, которая в данный момент вместе с авиацией прикрытия составляет меньше 100 самолетов и при этом слабо обеспеченных транспортными средствами и горючим. Блокаду Крыма в настоящее время считать важнейшей задачей для Черноморского флота. Поэтому из имеющихся в распоряжении Черноморского флота более 500 самолетов необходимо довести авиацию Скадовска до 250–300 самолетов. Кроме того, для этой же цели следовало бы теперь перебросить до 10 подлодок в город Николаев. По этим вопросам просим указаний наркому Кузнецову. 2. 4-й Украинский фронт полностью подготовлен к выполнению задачи. Выпал глубокий снег, который вывел аэродромы из строя, а частые метели и туманы исключают возможность проведения нормальной работы артиллерии. Если погода позволит, то 4-й Украинский фронт начнет операцию не позднее 5 апреля 1944 года. На керченском направлении предлагаем начать через 2–3 дня после начала Перекопской операции. Просим утверждения.

К. Ворошилов. А. Василевский»[85].

В ночь на 31 марта самолетом под управлением опытнейшего пилота Афанасьева и не менее опытного штурмана Шехмана, с которыми я благополучно летал всю войну даже в неблагоприятных погодных условиях, я вернулся из Мелитополя на 3-й Украинский фронт.

Войска 4-го Украинского фронта начали Крымскую наступательную операцию 8 апреля. Утром в частях и подразделениях фронта был зачитан приказ военного совета о переходе в наступление: «Мы бьемся на земле, политой кровью наших отцов и братьев в 1920 году… Пусть же наш героизм нарастит мировую славу воинов Фрунзе, славу русского оружия».

Войска Приморской армии пошли в наступление 11 апреля. К этому времени советские войска, привлеченные к участию в этой операции, насчитывали около 470 тыс. человек, имели 5982 орудия и миномета, 559 танков и САУ, 1250 самолетов. В войсках было до четырех боекомплектов боеприпасов основных калибров, около пяти заправок горюче-смазочных материалов и более чем на 18 суток продовольствия. Огромную и активную помощь советским войскам на протяжении всей операции оказывали крымские партизаны.

С разрешения Верховного Главнокомандующего я вернулся в

штаб 4-го Украинского фронта 11 апреля после освобождения Одессы. В тот же день из Ставки была получена директива. В ней были изложены задачи Черноморского флота:

> «1. Систематически нарушать коммуникации противника в Черном море, а в ближайший период нарушение коммуникаций с Крымом считать главной задачей. Для действия на коммуникациях использовать подводные лодки, бомбардировочную и минно-торпедную авиацию, а на ближних коммуникациях – бомбардировочно-штурмовую авиацию и торпедные катера. 2. Быть готовыми к высадке в тыл противника тактических десантов силой батальон – стрелковый полк. 3. Охранять побережье и приморские фланги армий, содействовать фланговым частям армий при их продвижении огнем береговой и корабельной артиллерии мелких кораблей. 4. Повседневно расширять и закреплять операционную зону флота в Черном море путем уничтожения минных полей, открытия и поддержания своих фарватеров и маневренных районов, безопасных от мин. 5. Обеспечивать свои коммуникации от воздействия противника, в частности организовав надежную противолодочную оборону. 6. Путем систематического траления, в первую очередь создать возможность плавания по фарватерам, с дальнейшим переходом к сплошному тралению загражденных минами районов. 7. Крупные надводные корабли тщательно готовить к морским операциям, которые будут, при изменении обстановки, указаны Ставкой. 8. Быть готовым к перебазированию флота в Севастополь и к организации обороны Крыма. 9. Быть готовым к формированию и перебазированию Дунайской военной флотилии»[86].

По данным авиационной разведки нам стало известно, что противник в результате успешных действий 51-й армии Крейзера на джанкойском направлении начинает отвод своих войск с Керченского полуострова. Ф. И. Толбухин просил меня ускорить переход в наступление Приморской армии. Я поддержал его просьбу и немедленно передал ее К. Е. Ворошилову.

10 апреля войска 51-й армии прорвали оборону противника, и с утра 11 апреля в прорыв был введен 19-й танковый корпус. Стремительным ударом он овладел Джанкоем и успешно продолжал развивать наступление крымскими степями на Симферополь. Под Перекопом враг оказывал 2-й гвардейской

армии Г. Ф. Захарова упорное сопротивление. Посоветовавшись с Ф. И. Толбухиным, мы решили для быстрейшего захвата Симферополя создать подвижную группу в составе 19-го танкового корпуса, усиленного 279-й стрелковой дивизией на автомашинах и 21-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой, поставив во главе группы заместителя командующего 51-й армией генерал-майора В. Н. Разуваева, с основной задачей – 13 апреля захватить Симферополь. Нами было принято также решение боковым отрядом 51-й армии не позднее 12 апреля во взаимодействии с основными силами армии разгромить Ишуньскую группировку врага, зайдя в тыл его войскам, оборонявшимся на Перекопе.

Вечером 11 апреля столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта, прорвавшим оборону противника на Перекопе и на Сиваше, и овладевшим городом Джанкой.

Из телефонных переговоров с К. Е. Ворошиловым мне было известно, что войска Отдельной Приморской армии, начав с 22 часов 10 апреля боевые действия, заняли передовые траншеи противника. Главные ее силы, перейдя в наступление ночью, к утру 11 апреля полностью освободили Керчь и стали выдвигаться к промежуточным рубежам обороны фашистов между Арабатским и Феодосийским заливами.

В ночь на 12 апреля я послал донесение Верховному Главнокомандующему о ходе боевых действий на 4-м Украинском фронте и о наших намерениях по дальнейшему развитию операции, и отправился на правое крыло 51-й армии Я. Г. Крейзера, чтобы помочь его войскам побыстрее пробиться навстречу войскам 2-й гвардейской армии Г. Ф. Захарова.

В течение 12 апреля 4-й Украинский фронт освободил 314 населенных пунктов. Были прорваны Ишуньские позиции восточнее Каркинитского залива, Ак-Монайские позиции у основания Арабатской Стрелки и Биюк-Онларские позиции в центре Крыма. Теперь наступление пошло развернутым фронтом: 2-я гвардейская армия шла западным берегом полуострова, на Евпаторию; 51-я армия – через степи прямо на Симферополь; Приморская армия – через Феодосию южным берегом Крыма, где в горах открыто перешли к активным действиям наши партизанские соединения. Черноморский флот с морской авиацией наносили удары по морским коммуникациям противника и скоплениям его войск и кораблей в Судаке, Алуште и Балаклаве.

13 апреля вновь взвилось наше знамя над Симферополем, Евпаторией и Феодосией. Последовало стремительное

передвижение советских войск во всех направлениях на юге полуострова. Враг в панике бежал. Уже 14 и 15 апреля были освобождены Бахчисарай, Судак и Алушта; 15 апреля подвижные части 51-й армии вышли к внешнему оборонительному обводу Севастополя, последней надежде врага, создавшего здесь мощный оборонительный район. За отличные боевые действия Верховный Главнокомандующий объявил освободителям Симферополя благодарность, а Москва торжественно салютовала им.

В стане врага резче наметилось разложение. Румыны предпочитали сдаваться в плен. Немцы стягивались к Севастополю. Гитлер объявил его «городом-крепостью». Это означало, что войска должны были защищать его до последнего солдата. Гитлер призывал их оборонять Крым «как последнюю крепость готов». Уж и историю он обратил себе в помощницы. Но тщетны были призывы фюрера. На взятие Севастополя нашим воинам понадобилось лишь несколько дней. А от заклинаний и призывов фашистского командования остались лишь валявшиеся повсюду листовки, которые гнал морской ветер.

Непрерывное отступление немцев по всему полуострову заставило Гитлера искать «козла отпущения». В начале мая генерал-полковника Енеке заменил на посту командующего 17-й армией генерал пехоты К. Альмендингер.

Фашисты, отступая, взрывали и сжигали все, что только успевали. Пострадали, в частности, многие дворцы на южном берегу Крыма. Уцелело лишь здание неподалеку от Ялты: его Гитлер «подарил» в 1942 году Манштейну, командовавшему тогда войсками, захватившими Севастополь. К 14 апреля 4-й Украинский фронт захватил уже до 20 тыс. пленных. Войска фронта успешно очищали тылы от мелких групп противника, а его основные силы стягивались к дуге немецких укреплений, прикрывавших Севастополь.

Вместе с Толбухиным я побывал в войсках 2-й гвардейской армии, продвигавшейся с севера от города Саки к реке Булганак, затем 51-й армии, ведшей бои восточнее, в междуречье Альмы и Качи, а потом вернулся в штаб фронта, переместившийся уже в Сарабуз Болгарский.

Войска Отдельной Приморской армии должны были выйти с юга к Балаклаве. До ее подхода мы решили начать атаку Севастопольского оборонительного района врага в 14 часов 16 апреля, поддержав ее всей фронтовой артиллерией. В Сарабуз приехал К. Е. Ворошилов. Договариваясь с ним о согласовании действий 4-го Украинского фронта и Приморской армии, я поставил вопрос о подчинении ее Толбухину. Это мнение разделял и Сталин. Еще 11 апреля, после освобождения Джанкоя,

он сообщил мне по телефону о своем намерении перевести в этом случае командарма А. И. Еременко на 2-й Прибалтийский фронт вместо М. М. Попова (он направлялся в Ленинград начальником штаба к Л. А. Говорову). К. Е. Ворошилов не возражал против этого предложения, о чем я и сообщил Верховному. В ночь на 16 апреля был получен соответствующий приказ. Приморская армия переставала считаться отдельной и включилась в состав 4-го Украинского фронта. Командующим ее стал К. С. Мельник.

16 апреля из Крыма был отозван Климент Ефремович. Мне же было приказано оставаться в 4-м Украинском вплоть до полного очищения Крыма от врага и одновременно не забывать о войсках 3-го Украинского фронта, ведших бои в Молдавии. К исходу 16 апреля Приморская армия подтягивалась на линию армии Крейзера: ее 11-й гвардейский корпус был на марше из Симферополя в Бахчисарай; 16-й стрелковый корпус находился в районе Алушты; 3-й горнострелковый корпус пока что вступал в горы между Карасубазаром (Белогорском) и Старым Крымом. 20-й стрелковый корпус по-прежнему оставался на Таманском полуострове. Разбросаны были и бронетанковые силы этой армии. Нас это не устраивало, и мы беспрестанно поторапливали армейское командование, особенно потому, что соединения Г. Ф. Захарова и Я. Г. Крейзера сражались уже южнее речки Качи.

С утра 17 апреля мы с Ф. И. Толбухиным вновь были в войсках Захарова и Крейзера. Из личных наблюдений, опроса пленных, данных воздушной разведки и донесений от партизан мы вынесли заключение, что противник, занимая по южному берегу реки Бельбек исключительно сильные позиции, прикрывающие подступы к Севастополю и его Северной бухте, намерен упорно обороняться, чтобы выиграть время для эвакуации морем войск и техники. Эти позиции имели шесть линий траншей, усиленных проволокой, минными полями и, отчасти, дотами. Заметно активизировался огонь вражеской наземной и зенитной артиллерии.

Частые атаки войск армии Захарова существенных результатов не дали. Войскам Крейзера, совместно с подошедшими передовыми частями Приморской армии, удалось овладеть несколькими высотами в 8 км восточнее Севастополя, а также населенными пунктами Верхняя и Нижняя Чоргунь и Камары. После обсуждения с командармами сложившейся обстановки мы решили немедленно атаковать, противника, чтобы попытаться захватить Севастополь с ходу и сорвать начавшуюся эвакуацию немецких войск. С этого момента по существу начался последний этап операции по освобождению Крыма.

Вечером 17 апреля, на основе принятого нами решения, Ф. И.

Толбухин поставил Приморской армии следующие задачи: 18 апреля действиями передовых отрядов продолжать очищение от противника лесных массивов северо-восточнее и восточнее Черной реки; 19 апреля главными силами 11-го гвардейского и 16-го стрелкового корпусов прорвать вражеские оборонительные рубежи и овладеть Сапун-горой и Балаклавой, а в дальнейшем, во взаимодействии с 51-й армией, захватить западную часть Севастополя. Одну стрелковую дивизию оставить для обороны южного побережья Крыма в полосе Тессели, Алушты. Для участия в прорыве привлечь всю артиллерию усиления армии, обеспечив плотность огня не менее 150 стволов на 1 км фронта.

Ставка постоянно интересовалась ходом операции. Поэтому мои донесения были подробны. 18 апреля я сообщал Верховному Главнокомандующему; в частности, следующее:

> «По показанию пленных, эвакуация живой силы противника из Севастополя планируется в первую очередь, после чего, если обстановка позволит, приступят к эвакуации техники. Пленные румынские офицеры говорят, что в вопросах последовательной эвакуации между румынскими и немецкими частями происходят большие недоразумения, сопровождающиеся в последние дни огнем. В течение ночи и утра 19.IV принимаем все меры к тому, чтобы подвезти 51-й и Приморской армиям до 1 боекомплекта снарядов и мин. Главные усилия по-прежнему сосредоточиваем на юге со стороны Балаклавы с тем, чтобы отрезать Севастополь от моря с юга и юго-запада. Кроме того, ударом Крейзера на гору Сахарная Головка и Гайтани, стремимся выйти в Инкерманскую долину с тем, чтобы взять под огонь орудий прямой наводки Северную бухту и изолировать войска противника, обороняющиеся к северу от нее. Главные усилия штурмовой авиации сосредоточиваются на балаклавском направлении, сюда же подтягивается и 19-й танковый корпус, имеющий к вечеру 18. IV сто машин на ходу. «Бостоны» и пикировщики будут использованы для ударов по севастопольским портам и по транспортам, выходящим из них. Для борьбы с транспортами в открытом море привлечена Скадовская авиационная группа, по докладу которой за сегодняшний день потоплен транспорт водоизмещением в 5000 т и один транспорт поврежден»[87].

Во второй половине дня 19 апреля 51-я и Приморская армии перешли в наступление на заданных направлениях. Но, встретив

упорное сопротивление врага, переходившего в яростные контратаки, существенного успеха не добились. Требовалась более серьезная помощь войскам со стороны артиллерии и авиации, а также обеспечение войск хотя бы 1,5 комплекта боеприпасов. Чтобы избежать напрасных потерь, мы приняли решение, правда, не совсем охотно утвержденное Верховным Главнокомандующим, перенести генеральную атаку севастопольской обороны врага на 23 апреля.

В эти же дни приступили к отправке из Приморской армии на центральный участок советско-германского фронта в состав вновь создаваемого 2-го Белорусского фронта 55-й гвардейской стрелковой и 20-й горнострелковой дивизий, управления 4-й воздушной армии генерал-полковника К. А. Вершинина с частями обеспечения и обслуживания. Ее самолеты остались в Крыму и были переданы 8-й воздушной армии. Эти переброски осуществлялись в связи с ранее принятым решением Ставки направить основные усилия летом 1944 года на разгром немецко-фашистской группы армий «Центр» с целью освобождения Белоруссии.

23 апреля войска фронта перешли в наступление, нанося основной удар со стороны Балаклавы на мыс Херсонес. В результате ожесточеннейших боев, отличных действий нашей авиации и артиллерии войска Приморской армии продвинулись за день на 3 км. Ввести здесь в тот день 19-й танковый корпус из-за сплошных минных полей не удалось. Войска 2-й гвардейской армии Захарова овладели железнодорожной станцией Мекензиевы горы. Войскам 51-й армии Крейзера удалось на отдельных направлениях ворваться в оборону противника и занять в ней две-три траншеи. С некоторых наблюдательных пунктов можно было видеть продолжавшуюся эвакуацию войск противника из Северной бухты, хотя мы принимали все меры к тому, чтобы огнем дальнобойной артиллерии, флотом и авиацией всемерно препятствовать этому. За сутки Черноморский флот потопил три вражеских транспорта общим водоизмещением в 6500 т и сторожевой корабль[88].

И. В. Сталин неоднократно напоминал нам о необходимости поспешить с ликвидацией крымской группировки врага, да и сами мы отлично понимали всю важность этого, как с военной, так и с политической точек зрения. Однако, и это наше наступление должного успеха не принесло. Потребовались новая перегруппировка и подготовка войск, дополнительная отработка взаимодействия между ними, подвоз боеприпасов и горючего.

Решили: 30 апреля нанести удар на вспомогательном направлении силами 2-й гвардейской армии с вводом в бой 13-го

гвардейского стрелкового корпуса через Мекензиевы горы, выйти к Северной бухте и отвлечь сюда часть вражеских сил, действовавших в южном секторе. Удар этой армии поддержать всей авиацией фронта. Во всех пехотных соединениях на направлениях главного удара армии создать и подготовить штурмовые блокирующие группы в составе пехоты, саперов, огнеметных танков и орудий сопровождения. В течение 29 и в ночь на 30 апреля артиллерия большой мощности и 152-мм пушки-гаубицы огнем на разрушение вскрытых оборонительных сооружений противника будут готовить этот штурм пехоты и танков. Перед рассветом 30 апреля Авиация дальнего действия ударом крупнокалиберными бомбами по боевым порядкам противника усилит эту подготовку. С утра 1 мая войсками Приморской и левого фланга 51-й армий нанести основной удар в общем направлении на поселок 6-я Верста и мыс Херсонес, обходя Севастополь с юга. В этот день все основные средства усиления фронта и всю авиацию использовать на данном направлении. 2-я же гвардейская армия продолжит наступление, используя преимущественно собственные средства усиления.

В ночь на 29 апреля по всем этим планам у меня состоялся длительный разговор с Верховным Главнокомандующим. Намечаемый оперативный замысел и группировка сил никаких сомнений у него не вызвали, и существенных поправок не потребовали. Но зато, когда речь зашла о новой отсрочке наступления, Верховный вышел из равновесия. Разговор приобрел довольно острый характер. Но я не отступал от своего и в результате получил разрешение, если потребуется, 5 мая начать наступательные действия 2-й гвардейской армии на вспомогательном направлении, а 7 мая – генеральный штурм Севастопольского укрепрайона усилиями всех войск фронта, Черноморского флота и партизан.

Исходя из этого, командование 4-го Украинского фронта уточнило задачи своим армиям. До 5 мая войска фронта разрушали артогнем укрепления врага, осуществляли перегруппировку и подготовку соединений и частей и пополняли боеприпасы с тем, чтобы к началу наступления иметь по войскам 2-й гвардейской не менее 1,5 боевого комплекта снарядов и мин, и по остальным армиям 1,5 боекомплекта снарядов и до 2,5 мины. За эти же дни со всем командным составом были неоднократно проведены на их участках наступления рекогносцировки с детальным изучением местности, противника и тщательной обработкой планов выполнения ближайших задач. В тылу расположения наших войск были созданы учебные штурмовые городки для отработки элементов боя в условиях,

максимально приближенных к боевой обстановке. Особенно внимательно отрабатывалось взаимодействие пехоты с артиллерией, танками и авиацией. Во все: воинских частях проводилась напряженная партийно-политическая работа, направленная на обеспечение успешного выполнения предстоявших боевых задач. Партийные организации включили в состав штурмовых групп наиболее опытных в военном деле коммунистов. В подразделениях и частях проводились партийные и общие собрания, семинары агитаторов и митинги.

Нам стало известно, что некоторые румынские войсковые части, как явно ненадежные, снимаются с фронта и сосредоточиваются для эвакуации в районе мыса Херсонес. Одновременно с эвакуацией войск из Крыма на пополнение остающихся в Крыму войск 17-й немецкой армии для прикрытия эвакуации перебрасываются морем и по воздуху свежие маршевые батальоны; чтобы поднять настроение солдат и офицеров, указанием высшего фашистского командования в Крыму были установлены двойные оклады, а за активное участие в оборонительных боях обещались здесь земельные наделы. Для устрашения войск гитлеровцы довольно часто практиковали публичный расстрел дезертиров.

Учитывая ту огромную роль, которую сыграли на протяжении всей Крымской операции 1944 года советские партизаны, 3 мая мы, по согласованию с Крымским обкомом партии, направили в Государственный Комитет Обороны подготовленное при активном участии командования и Политуправления 4-го Украинского фронта представление к правительственным наградам участников партизанского движения: шесть человек к званию Героя Советского Союза, 14 – к награждению орденом Ленина, 17 – орденом Красного Знамени, 23 – Отечественной войны I степени, 63 – II степени и т. д.

5 мая 2-я гвардейская армия, после двухчасовой артиллерийской подготовки и ударов авиации, перешла в наступление.

Артиллерия большой мощности накануне атаки и с утра в день наступления вела огонь на разрушение долговременных оборонительных сооружений. Вся авиация фронта бомбила и обстреливала боевые порядки, и артиллерию врага, особенно мешавшую продвижению нашей пехоты и танков. Бои носили исключительно упорный характер и на ряде участков переходили в горячие рукопашные схватки. За первый день гвардейцы продвинулись на 1000 м. В их руки попали три-четыре линии траншей с дзотами и дотами. Но показаниям пленных, противник со второй половины дня начал, как нам того и хотелось,

усиливать свой северный сектор за счет войск с внутреннего обвода Севастопольского укрепленного района. 6 мая гвардейцы возобновили атаку. И вновь бои развертывались с небывалым ожесточением.

7 мая в 10 часов 30 минут утра после полуторачасовой артиллерийской подготовки и при массированной поддержке всей авиацией фронта наши войска начали генеральный штурм Севастопольского укрепленного района. Оборона фашистов была прорвана на 9-километровом участке. Удалось овладеть Сапун-горой, на склонах которой располагалась многоярусная линия вражеских укреплений со сплошными траншеями, 36 дотами и 27 дзотами. Падение Сапун-горы, ключевого пункта фашистской обороны, предрешило взятие Севастополя. С ее вершины, а также с горы Кая-Баш (306,3 м), мы получили возможность просматривать весь город и равнину до мыса Херсонес.

Мы с Ф. И. Толбухиным почти не уходили с командного пункта Приморской армии севернее Балаклавы. Туда же прибыло к нам сообщение, что войска 2-й гвардейской пробились к Северной бухте и держат ее акваторию под огнем своих орудий прямой наводкой. Теперь следовало добиться успеха в стыке 51-й и Приморской армий. Воины 51-й армии уже овладели Английским кладбищем, бойцы Приморской сражались у Мраморной горы.

Если взглянуть на карты боевых действий 1855, 1920, 1942 и 1944 годов, легко заметить, что во всех четырех случаях оборона Севастополя строилась примерно одинаково. Это объясняется важнейшей ролью, которую играл тут природный фактор: расположение гор, наличие моря, характер местности. И теперь враг цеплялся за выгодные с точки зрения защиты города пункты. Новый командующий Альмендингер разразился особым обращением к поискам: «Фюрер поручил мне командование 17-й армией… Я получил приказ защищать каждую пядь Севастопольского плацдарма. Я требую, чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова; чтобы никто не отходил и удерживал бы каждую траншею, каждую воронку и каждый окоп. В случае прорыва танков противника, пехота должна оставаться на своих позициях и уничтожать танки, как на переднем крае, так и в глубине обороны мощным противотанковым оружием… Честь армии зависит от защиты каждого метра вверенной нам территории. Германия ожидает, что мы выполним свой долг. Да здравствует фюрер!»[89]

Но уже в первый день штурма Севастопольского укрепленного района враг потерпел крупное поражение, вынужден был оставить основной оборонительный рубеж и

отвести войска на внутренний обвод. Ликвидировать оборону на нем и окончательно освободить Севастополь – такова была наша задача на 9 мая. Борьба не прекращалась и ночью. Особенно активно действовала наша бомбардировочная авиация. Общую атаку мы решили возобновить в 8 утра 9 мая. От командующего 2-й гвардейской Захарова мы потребовали за день ликвидировать противника на северной стороне города и выйти к побережью Северной бухты на всем ее протяжении; левофланговым корпусом нанести удар по Корабельной стороне и овладеть ею. Командующему Приморской армией Мельнику было приказано ночными действиями пехоты овладеть Безымянной высотой юго-западнее совхоза № 10 и обеспечить ввод в бой 19-го танкового корпуса.

Ровно в 8 часов 4-й Украинский возобновил общий штурм Севастополя. Бои за город продолжались весь день, а к его исходу наши войска вышли к заранее подготовленному врагом оборонительному рубежу от бухты Стрелецкой к морю. Впереди лежала последняя полоска Крыма, еще принадлежавшая фашистам, – от Омеги до мыса Херсонес.

Утром 10 мая последовал приказ Верховного Главнокомандующего: «Маршалу Советского Союза Василевскому. Генералу армии Толбухину. Войска 4-го Украинского фронта, при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии, в результате трехдневных наступательных боев прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев, состоящую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море – городом Севастополем. Тем самым ликвидирован последний очаг сопротивления немцев в Крыму и Крым полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков»[90]. Далее перечислялись все отличившиеся в боях за Севастополь войска, которые представлялись к присвоению наименования Севастопольских и к награждению орденами.

10 мая столица Родины салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта, освободившим Севастополь.

В ночь на 12 мая Приморская и 51-я армии, прорвав оборону врага на оборонительном рубеже, прикрывавшем мыс Херсонес, полностью ликвидировали остатки севастопольской группировки противника и через сутки вышли к побережью Черного моря по всей линии фронта.

Остатки вражеских дивизий бежали к Херсонесскому мысу, надеясь на эвакуацию. Но надеяться им было не на кого. За три дня штурма Севастополя и за два дня боев на мысе Херсонес мы

взяли в плен 21 тыс. немецких и румынских солдат, и офицеров, захватили множество всевозможной боевой техники, имущества и снаряжения.

Крымская наступательная операция советских войск закончилась 12 мая 1944 года сокрушительным разгромом 200-тысячной 17-й немецкой армии. Вся ее боевая техника и припасы оказались в руках советских войск. 250 дней осаждали немецко-румынские войска Севастополь в 1941–1942 годах. Нам же потребовалось лишь 35 дней, чтобы взломать мощные укрепления врага в Крыму; из них ушло только 3 дня, чтобы сокрушить куда более сильно развитую, чем у нас в 1942 году, долговременную оборону под Севастополем и освободить главную базу Черноморского флота.

Пять раз салютовала Москва воинам армии и флота, освобождавшим Крым от немецко-фашистских захватчиков. Многим соединениям и частям были присвоены почетные наименования Перекопских, Сивашских, Керченских, Феодосийских, Симферопольских и Севастопольских. 126 воинов получили звание Героя Советского Союза, командир воздушной эскадрильи В. Д. Лавриненков был награжден второй медалью «Золотая Звезда», тысячи удостоились других правительственных наград…

Мне очень хотелось посмотреть Севастополь в первый же день его освобождения. Переезжая через одну из фашистских траншей в районе Мекензиевых гор, наша автомашина наскочила на мину. Каким образом там уцелела мина, невозможно понять: за двое суток по этой дороге прошла не одна сотня машин. Произошел невероятный случай: мотор и передние колеса взрывной волной были отброшены от кузова на несколько метров в сторону, шоферу лейтенанту В. Б. Смирнову повредило левую ногу. Я сидел рядом с ним в кабине и получил весьма ощутимый ушиб головы. Мелкие осколки стекла поранили мне лицо. Сопровождавшие меня А. А. Кияницкий, А. И. Гриненко и П. Г. Копылов, сидевшие сзади, не пострадали. После перевязки нас отправили в тыловой эшелон штаба армии, затем в штаб фронта. Оттуда я, по настоянию медиков, самолетом был эвакуирован в Москву.

Перед Белорусской операцией

Как рождался план операции «Багратион». – Подготовка фронтов и армий. – Роль Ставки. – И. Д. Черняховский и В. В. Курасов. – Между Ставкой и фронтами. – Несколько слов о прошлом в послевоенном освещении

Некоторое время врачи удерживали меня в постели. У меня появилась, таким образом, возможность еще раз вникнуть в детали подготавливаемой Генштабом Белорусской операции. Разрабатывая ее план, мы исходили из благоприятной обстановки, складывающейся к тому времени для нас на фронте.

Четвертое военное лето было для советского народа многообещающим. Позади были удачно проведенные крупные операции по освобождению десятков наших городов и сотен деревень. Теперь Красная Армия «по своему усмотрению» определяла темп и характер борьбы на фронтах.

К лету 1944 года фашистские войска были отброшены на линию Нарва – Псков – Витебск – Кричев – Мозырь – Пинск – Камень-Каширский – Броды – Коломыя – Яссы – Дубоссары – Днестровский лиман. Красная Армия освободила Ленинградскую и Калининскую области, часть Белоруссии, почти всю Украину, часть Молдавии и Крым. На южном участке фронта боевые действия были перенесены уже за пределы СССР и велись на территории Румынии.

Наш тыл все обильнее снабжал фронт вооружением, техникой, боеприпасами, снаряжением, материальными ресурсами. Были проведены очередные мероприятия по усовершенствованию организационной структуры войск, формированию новых танковых объединений и соединений, авиационных частей и соединений Резерва Верховного Главнокомандования. К началу летней кампании 1944 года в резерве Ставки находились две общевойсковые, одна танковая и одна воздушная армии, а на доукомплектовании – ряд стрелковых, кавалерийских, танковых, механизированных, артиллерийских и авиационных соединений. Советские Вооруженные Силы все более крепли организационно, неуклонно повышались боевое мастерство и моральный дух воинов. На 1 июня в Действующей армии было 1 617 408 членов и кандидатов в члены ВКП(б).

Еще при планировании операций на зимний период 1944 года Советское Верховное Главнокомандование приняло решение провести летом основные операции по разгрому центральной

группировки фашистских войск и освобождению Белоруссии. Собственно, с апреля фактически и должно было начаться материальное обеспечение предстоящей летней кампании. Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны принимали все меры к своевременному созданию для этого всех предпосылок.

Генеральный штаб представил в ГКО все расчеты на требовавшиеся для этой операции воинские силы, запасы боевой техники, сооружения, боеприпасы, горючее, снаряжение, продовольствие и другие материальные ресурсы. Генштаб считал при этом возможным привлечь к участию в Белорусской операции некоторую часть войск за счет тех, которые освободятся в результате наступательных операций на юге. Разрабатывался и проводился в жизнь также ряд других крупных организационных мероприятий. В частности, в целях улучшения управления войсками на территории Белоруссии, 24 апреля 1944 года Западный фронт был переименован в 3-й Белорусский, а из армий его левого крыла, действовавших на могилевском направлении, был создан 2-й Белорусский фронт. Последовали меры по укомплектованию и обеспечению новых фронтов.

Больших трудов и внимания Центрального Комитета партии, Генерального штаба и центральных управлений Наркоматов обороны, путей сообщения потребовали меры, связанные с предстоявшей перегруппировкой войск и с переброской всего необходимого для Белорусской операции из глубины страны. Вся эта колоссальная работа должна была проводиться в обстановке строгой секретности, чтобы скрыть от врага огромный комплекс подготовительных работ для предстоявшей летней операции. Поэтому к руководству подготовительными мероприятиями привлекался крайне ограниченный круг лиц.

Готовясь к летней кампании 1944 года, фашистское командование считало наиболее вероятным, что Красная Армия нанесет главный удар на юге. В Белоруссии же они предполагали местные операции сковывающего характера, надеясь отразить их силами группы армий «Центр». Гитлеровская клика не допускала мысли, что советские войска смогут наступать по всему фронту. Поэтому свои основные силы враг держал не в Белоруссии, а на юге. Чтобы укрепить фашистов в этом мнении, мы демонстративно «оставляли на юге» большинство своих танковых армий. Все светлое время суток в войсках центрального участка советско-германского фронта велись лихорадочные «оборонительные» работы (на южном участке оборонительные работы велись ночью) и т. д. Вот лишь небольшая часть вопросов, над которыми трудились тогда Генеральный штаб и

соответствующие управления Наркомата обороны.

К разработке конкретного оперативного плана проведения Белорусской операции и плана летней кампании 1944 года в целом Генеральный штаб вплотную приступил с апреля. В основу плана был положен замысел Верховного Главнокомандования, которым предусматривалось мощными сходящимися ударами по флангам белорусского выступа – с севера от Витебска через Борисов на Минск и с юга через Бобруйск также на Минск – разгромить главные силы немецкой группы армий «Центр», находившиеся в середине выступа, восточнее Минска. Предполагалось, что успешное выполнение замысла позволит полностью освободить всю территорию Белоруссии, отбросить все еще нависавший над Москвой вражеский фронт западнее Смоленска, далее, выходом на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии рассечь стратегический фронт врага, поставив в опасное положение действовавшую в Прибалтике группу армий «Север», создать выгодные предпосылки для нанесения последующих ударов по врагу как в Прибалтике, так и в западных районах Украины, и для развития новых, решающих операций на наиболее уязвимых для немцев восточнопрусском и варшавском направлениях.

Для разгрома группы армий «Центр» Ставка считала необходимым привлечь войска 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал армии И. Х. Баграмян, член военного совета генерал-лейтенант Д. С. Леонов, начальник штаба генерал-лейтенант, затем генерал-полковник В. В. Курасов), стоявшие западнее Невеля по Невельской гряде до Западной Двины; 3-го Белорусского фронта (командующий генерал-полковник, затем генерал армии И. Д. Черняховский, член военного совета генерал-лейтенант В. Е. Макаров, начальник штаба генерал-лейтенант, затем генерал-полковник А. П. Покровский) – от Западной Двины по Витебской гряде до западных отрогов Смоленской возвышенности; 2-го Белорусского фронта (командующий генерал-полковник, а с 28 июля 1944 года генерал армии Г. Ф. Захаров, член военного совета генерал-лейтенант Л. З. Мехлис, затем генерал-лейтенант Н. Е. Субботин, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов) – от восточной границы между Витебской и Могилевской областями до северной границы Гомельской области; 1-го Белорусского фронта (командующий генерал армии, затем Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, член военного совета генерал-лейтенант Н. А. Булганин, начальник штаба генерал-полковник М. С. Малинин) – от Нового Быхова через Жлобин к устью Птичи, затем вдоль Припяти на запад до Ратно и оттуда к Ковелю; Днепровскую

военную флотилию (командующий капитан 1-го ранга, затем контр-адмирал В. В. Григорьев, член военного совета капитан 1-го ранга П. В. Боярченко, начальник штаба капитан 2-го ранга К. М. Балакирев), корабли которой находились на Днепре, Березине и Припяти; наконец, крупные силы партизан, активно действовавших на территории Белоруссии.

Замыслом предусматривался одновременный переход в наступление на лепельском, витебском, богушевском, оршанском, могилевском, свислочском и бобруйском направлениях с тем, чтобы мощными и неожиданными для врага ударами раздробить его стратегический фронт обороны, окружить и уничтожить немецкие группировки в районе Витебска и Бобруйска, после чего, стремительно развивая наступление в глубину, окружить, и затем разгромить войска 4-й немецкой армии восточнее Минска, что создало бы благоприятные условия для развития операций всех четырех фронтов.

Одновременно с подготовкой Белорусской операции Генеральный штаб совместно с командованием Ленинградского и Карельского фронтов разрабатывали наступательные операции на Карельском перешейке и в Южной Карелии. Они должны были отвлечь силы и внимание врага от центрального участка фронта. Успех советских войск в этих операциях, которые планировалось провести раньше, мог резко повлиять на правящие круги Финляндии, вынудить их к разрыву с Германией и скорейшему выходу из войны.

В течение марта и апреля замысел летней кампании неоднократно обсуждался и уточнялся у Верховного Главнокомандующего.

Г. К. Жукова и меня несколько раз вызывали в Москву. Много раз Верховный Главнокомандующий говорил с нами об отдельных деталях и по телефону. При этом Сталин нередко ссылался на свои переговоры по этим вопросам с командующими войсками фронтов, особенно с К. К. Рокоссовским. Когда шли операции по освобождению Правобережной Украины и Крыма, Сталин напоминал мне о необходимости во что бы то ни стало закончить их в апреле, чтобы в мае полностью переключиться на подготовку Белорусской операции. В начале апреля в одном из разговоров он сообщил мне, что склонен, вопреки возражениям командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова, снова разделить этот фронт на два, оставить за Ленинградским фронтом к югу от Финского залива нарвское направление (примерно до Гдова), а южнее, на псковско-валгском направлении, создать 3-й Прибалтийский фронт, передав ему из Ленинградского 3 армии. Тогда же он поставил мне и другой вопрос, который обсуждался в

Ставке, – о разделении Западного фронта, о чем я уже говорил выше. Словом, Верховный постоянно обращал наше внимание на подготовку этой операции. Заранее был решен вопрос и о назначении командующих Белорусскими фронтами.

Помню, Сталин спросил меня, кого бы я мог рекомендовать на должность командующего 3-м Белорусским фронтом. Я сказал, что по всем вопросам, связанным с Белорусской операцией, мы неоднократно говорили с Антоновым. В качестве командующего 3-м Белорусским я порекомендовал кандидатуру генерал-полковника И. Д. Черняховского. Помню и другую беседу того времени.

4-й Украинский фронт готовился тогда к штурму Сапун-горы и взятию Севастополя. Сталин поинтересовался, какие войска этого фронта можно будет взять после освобождения Севастополя на усиление фронтов белорусского направления. По нашему с А. И. Антоновым мнению, фронтовое управление и 2 армии (2-ю гвардейскую и 51-ю) можно было вывести в резерв Ставки, причем обязательно на территорию Белоруссии. Из них одну разместить восточнее Витебска, для усиления правого крыла создаваемой там группировки.

Сталин не возражал и приказал мне еще раз обсудить эти вопросы с Антоновым, после чего окончательно согласовать со Ставкой предложения Генерального штаба. Попросил также сообщить свои предложения о начальниках штабов создаваемых на белорусском направлении фронтов, и наметить из состава войск 4-го Украинского фронта известный мне и наиболее опытный высший командный состав, который полезно будет использовать при проведении Белорусской операции. Обдумав это, я несколько позднее назвал двух командармов – Г. Ф. Захарова и Я. Г. Крейзера, а из командиров корпусов – А. А. Лучинского, П. К. Кошевого и ряд других командиров. Данные рекомендации тоже не пропали даром. Захаров стал командовать после И. Е. Петрова 2-м Белорусским фронтом; Крейзер – опять 51-й армией, во главе которой он с июля участвовал в развитии Белорусской операции; Лучинский с 28-й армией участвовал в развитии Бобруйской операции; Кошевой командовал во время освобождения Белоруссии 71-м стрелковым корпусом и т. д.

В первой половине апреля 1944 года Генеральный штаб с разрешения Верховного Главнокомандующего запросил мнение командующих соответствующими фронтами о летней кампании и проведении Белорусской операции. С 17 по 19 апреля Ставка дала фронтам Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений директивы перейти к местной обороне и созданию оборонительных рубежей. В директивах указывалось, что

мероприятие это временное, направленное на подготовку войск к последующим активным действиям. 2-й и 3-й Украинские фронты получили аналогичные директивы 6 мая.

20 мая разработанный Генштабом план Белорусской операции был представлен Верховному Главнокомандующему. Вскоре он был рассмотрен в Ставке с участием некоторых командующих и членов военных советов фронтов. В ближайшие же дни Генштаб должен был представить уточненный план на окончательное утверждение в Ставку. Вместе с Г. К. Жуковым и А. И. Антоновым я неоднократно бывал в те дни у Верховного Главнокомандующего. Каждый раз во время этих встреч мы возвращались к обсуждению деталей плана и проведения Белорусской операции, получившей наименование «Багратион». Тогда же всесторонне был рассмотрен вопрос о готовности Ленинградского фронта к проведению в начале июня наступательной операции на Карельском перешейке и план операции Карельского фронта в Южной Карелии, которая должна была начаться через несколько дней после операции Ленинградского фронта.

30 мая Ставка окончательно утвердила план операции «Багратион». Он был прост и, в то же время, смел и грандиозен. Простота его заключалась в том, что в его основу было положено решение использовать выгодную для нас конфигурацию советско-германского фронта на белорусском театре военных действий, причем мы заведомо знали, что эти фланговые направления являются наиболее опасными для врага, следовательно, и наиболее защищенными. Смелость замысла вытекала из стремления, не боясь контрпланов противника, нанести решающий для всей летней кампании удар в одном стратегическом направлении. О грандиозности замысла свидетельствует его исключительно важное военно-политическое значение для дальнейшего хода Второй мировой войны, невиданный размах, а также количество одновременно или последовательно предусмотренных планом и, казалось бы, самостоятельных, но вместе с тем тесно связанных между собой фронтовых операций, направленных к достижению общих военно-стратегических задач и политических целей.

Конфигурация фронта в Белоруссии представляла собой к тому времени огромный выступ на восток площадью около 250 тыс. кв. км, огромной дугой огибавший Минск. Северный его фас был обращен к Великим Лукам; восточный смотрел с немецкой стороны на Смоленскую и Гомельскую области; южный тянулся вдоль Припяти. Нависая над правым крылом 1-го Украинского фронта, выступ создавал с севера угрозу

коммуникациям этого фронта и способствовал обороне фашистских подступов к границам Польши и Восточной Пруссии. Поэтому немецкое командование стремилось удержать выступ во что бы то ни стало и уделяло его обороне исключительное внимание.

Главная полоса вражеской обороны проходила по линии Витебск – Орша – Могилев – Рогачев – Жлобин – Бобруйск. Особенно сильно были укреплены районы Витебска и Бобруйска, то есть фланги группы армий «Центр». Мощную оборону она имела также на оршанском и могилевском направлениях. Были построены оборонительные рубежи и в оперативной глубине – по берегам Днепра, Друти и Березины. Все инженерные оборонительные сооружения довольно удачно увязывались с естественными, очень выгодными для обороны условиями местности – реками, озерами, болотами, лесами. Крупные города гитлеровцы превратили в сильные узлы сопротивления, укрепленные системой хорошо развитых траншей, дотов и дзотов, а такие города, как Витебск, Орша, Могилев, Бобруйск, Борисов и Минск, приказом Гитлера были объявлены «укрепленными районами». Это, как обычно, означало, что их следовало удерживать любой ценой.

В немецкую группу армий «Центр» входили 3-я танковая, 4-я, 9-я и 2-я армии. В первой полосе обороны находилось 38 дивизий, во втором эшелоне и в резерве – 14 дивизий с большим количеством спецподразделений и команд, а всего, с учетом фланговых соединений соседних групп армий, немцы имели в Белоруссии 63 дивизии и три бригады. Руководил центральной группой вражеских войск до 28 июня 1944 года генерал-фельдмаршал Буш. Его армиями командовали генерал-полковник Рейнгардт, генерал пехоты Типпельскирх, генерал танковых войск Форман и генерал-полковник Вейхс. Несколько позже к участию в боях здесь подключилась 4-я танковая армия генерала танковых войск Неринга. На этом направлении было сосредоточено 1200 тыс. солдат и офицеров, имевших 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, 1,3 тыс. боевых самолетов.

По утвержденному Ставкой плану, операцию «Багратион» решено было начать 19–20 июня. На вторую половину 1944 года руководящий состав Вооруженных Сил получил новые условные фамилии. Сталин теперь именовался Семеновым, Жуков – Жаровым, я – Владимировым; командующие фронтами: Говоров – Гавриловым, Масленников – Мироновым, Еременко – Егоровым, Баграмян – Батуриным, Черняховский – Черновым, Захаров – Зориным, Рокоссовский – Румянцевым, Конев – Киевским,

Малиновский – Морозовым.

Утверждая 30 мая план Белорусской операции, Сталин, как это было уже не раз, заявил, что ближайшая задача Ставки – помочь командованию и войскам фронтов получше подготовить, и провести задуманную операцию, а ГКО и Генштаб обязаны принять меры к тому, чтобы своевременно, и полностью обеспечить войска всем необходимым. Он предложил направить Г. К. Жукова и меня в Белоруссию в качестве представителей Ставки и спросил, на какие фронты мы хотели бы поехать. Мы оба ответили, что готовы работать там, где будет указано. Было принято решение послать Жукова для координации действий 1-го и 2-го Белорусских, а меня – 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов.

В ночь на 31 мая Сталин, Жуков, я и Антонов отработали в Ставке частные директивы фронтам белорусского направления, указания немедленно приступить к подготовке операции «Багратион» и конкретные задачи на первый этап ее проведения. 31 мая директивы за подписью Сталина и Жукова были направлены фронтам. Г. К. Жуков подписал распоряжение Захарову и Рокоссовскому определить срок готовности и начало наступления. Аналогичное распоряжение за моей подписью посылалось Баграмяну и Черняховскому[91].

Ставка Верховного Главнокомандования намечала следующий план дальнейшего развития операции. Усилия 1-го Прибалтийского фронта направить через Полоцк, Глубокое, Швенченис (Свенцяны) – на Шяуляй, отсекая немецкую группу армий «Север» от группы «Центр» и выходя на Балтику в районе Клайпеды; войска 3-го Белорусского фронта, после разгрома врага в районе Витебска и Орши, и удара на Борисов, направить через Минск, Молодечно, Вильнюс, Каунас, Лиду и Гродно и вывести к границам Восточной Пруссии: 2-м Белорусским фронтом, сковывая немецкую группу армий «Центр» с востока, наносить удар на Могилев, затем через Столбцы и Новогрудок выходить в район Волковыск, Белосток. 1-й Белорусский фронт, после выполнения Белорусской операции и окружения вместе с войсками 3-го Белорусского фронта минской группировки противника, должен будет направить войска своего правого крыла на Слуцк, Барановичи, Слоним и Пружаны, а левого – через Пинск, Кобрин, Брест, Ковель и Хелм на Седлец и Люблин.

31 мая я встретился в Генштабе с командующим 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховским, которому из-за болезни не удалось принять участие в совещании у Верховного Главнокомандующего при рассмотрении плана операции. Иван Данилович искренне обрадовался встрече и выразил

удовлетворение, что мы с ним вместе будем осуществлять операцию, в которой он впервые будет выступать в качестве командующего фронтом. В нашей беседе о замысле операции «Багратион» и о задачах 3-го Белорусского фронта принимали участие Г. К. Жуков и А. И. Антонов.

В те же дни фронтам был дан ряд конкретных указаний, имевших отношение к летним наступательным операциям. Так, 27 мая директивой Ставки участок правофланговой 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта передавался 2-му Прибалтийскому, а 6-я гвардейская должна была бы использоваться в ударной группировке своего фронта.

29 мая всем командующим фронтами направили подробную директиву Генштаба, в которой перечислялись все основные мероприятия, обеспечивающие скрытность работ при подготовке летних операций.

Перед нашим отъездом Верховный Главнокомандующий дал нам с Жуковым последние указания относительно нашей деятельности на фронтах, просил постоянно держать его в курсе происходящих событий и пожелал войскам, и нам лично, успеха.

Выезжал я, как обычно, в сопровождении группы офицеров и генералов. В ее состав впервые был включен старший лейтенант М. И. Сорокин. Судьбе было дано так распорядиться, что с тех пор уже тридцать лет он неизменно находится со мной. Вначале он решал задачи обеспечения безопасности начальника Генерального штаба, а сейчас – для поручений при мне.

Помнится, когда в мае 1944 года М. И. Сорокин представился мне, он сразу же произвел благоприятное впечатление: крепкого телосложения, стройный, высокий, серьезный. Правда, показался несколько хмурым, но, как стало потом понятно, эта хмурость являлась своеобразным отражением его сдержанности, внутренней собранности. Пришел М. И. Сорокин ко мне обстрелянным офицером – в составе советских войск с боями отходил от границы, а потом выполнял ряд важных специальных заданий.

Много верст я проехал с Михаилом Ивановичем. Он сопровождал меня при проведении Белорусской операции, разгроме немецко-фашистских войск в Прибалтике и Пруссии, колесил по дорогам Дальнего Востока во время войны против милитаристской Японии. В послевоенные годы, когда я работал в Министерстве обороны, он также был непременным моим спутником.

Должность адъютанта или офицера для поручений имеет ряд специфических особенностей. В ней много мелких забот и хлопот. Но специфика спецификой, а он, прежде всего, должен быть

всегда примерным военнослужащим.

Могу сказать только положительное о полковнике М. И. Сорокине. Он экстерном сдал экзамены за курс Высшего военного училища имени Верховного Совета РСФСР. М. И. Сорокин с душой относится к делу, энергичный, дисциплинированный. Спасибо ему за честное выполнение своего служебного долга, за умение всегда быть полезным и крайне нужным человеком.

4 июня в 16 часов я прибыл в штаб 3-го Белорусского фронта, располагавшийся в лесу вблизи городка Красное Смоленской области. Там заранее был подготовлен пункт управления с соответствующими средствами связи, обеспечивавший мне постоянную и надежную телефонную, телеграфную и радиосвязь со Ставкой, Генеральным штабом и всеми командующими фронтами и армиями.

Вместе со мной прибыли: заместитель командующего артиллерией Красной Армии генерал-полковник М. Н. Чистяков, который должен был координировать действия артиллерии двух фронтов; заместитель командующего ВВС генерал-полковник авиации Ф. Я. Фалалеев (с той же целью по авиации) и группа офицеров Генерального штаба, возглавлявшаяся состоявшим при мне генералом для поручений генерал-лейтенантом М. М. Потаповым.

Вечером И. Д. Черняховский ознакомил нас с окончательно отработанным командованием фронта планом операции, с задачами армий и доложил о проделанной работе по подготовке операции.

Согласно директиве Ставки от 31 мая 1944 года этот фронт был обязан, проведя операцию во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского и войсками 2-го Белорусского фронтов, разгромить витебско-оршанскую группировку врага. Для этой цели предусматривалось нанести два удара: один 39-й и 5-й армиями на севере фронта, причем 39-я, обходя Витебск с юго-запада, во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта, должна была разгромить витебскую группировку врага и овладеть Витебском, а 5-я через Богушевск, Сенно и Лукомль пробиваться к верхнему течению реки Березины; другой удар – 11-й гвардейской и 31-й армиями, разгромив оршанскую группировку врага, развивать наступление вдоль Минской автострады на Борисов. Подвижные войска (конницу и танки) предлагалось использовать для развития успеха в общем направлении на Борисов. К началу операции фронт имел 6445 стволов артиллерии и минометов (от 76-мм и выше), 689 установок реактивной артиллерии, 1810 танков и самоходных орудий (с учетом стоявшей в резерве 5-й гвардейской танковой

армии) и 1864 боевых самолета.

По решению командующего фронтом для выполнения этих задач создавались ударные группы в 39-й армии (командующий генерал-лейтенант И. И. Людников, член военного совета генерал-майор В. Р. Бойко, начальник штаба генерал-майор М. И. Симиновский) – 84-й и 5-й гвардейский стрелковые корпуса в составе 5 стрелковых дивизий и 28-я танковая бригада; в 5-й армии (командующий генерал-лейтенант Н. И. Крылов, член военного совета генерал-майор И. М. Пономарев, начальник штаба генерал-майор Н. Я. Прихидько) – 72-й и 65-й стрелковые корпуса в составе 6 стрелковых дивизий, 153-я и 2-я гвардейская танковые бригады; в 11-й гвардейской армии (командующий генерал-лейтенант К. Н. Галицкий, член военного совета генерал-майор П. Н. Куликов, начальник штаба генерал-майор И. И. Семенов) – 8-й и 36-й гвардейский стрелковые корпуса в составе 5 стрелковых дивизий и 120-я танковая бригада; в 31-й армии (командующий генерал-лейтенант В. В. Глаголев, член военного совета генерал-майор Д. А. Карпенков, начальник штаба генерал-майор М. И. Щедрин) – 71-й и 36-й стрелковые корпуса в составе 5 стрелковых дивизий и 213-я танковая бригада.

Второй эшелон фронта составляли подвижные соединения: 3-й гвардейский механизированный корпус, 3-й гвардейский кавалерийский корпус, а в последующем и 5-я гвардейская танковая армия; в 11-й гвардейской армии – 2-й гвардейский танковый Тацинский корпус.

По плану, утвержденному командующим фронтом, из артиллерийских и танковых средств фронта, для обеспечения успеха на армейских участках прорыва фронта обороны врага, привлекались 5764 орудия и миномета, или 80,1 % общего количества стволов, что составляло в среднем на 1 км фронта прорыва до 175 стволов; 1466 танков и САУ, или 80,9 % от общего количества, что составляло общую плотность на 1 км участка прорыва до 44 единиц. Это позволяло рассчитывать на успех предстоящей операции.

Проверкой было установлено, что командование, штаб и политуправление фронта уделяют серьезное внимание маскировке прибывавших на фронт общевойсковых, танковых, артиллерийских соединений и других специальных войсковых частей и всевозможных воинских грузов. Офицеры штаба фронта встречали на станциях выгрузки войска и сопровождали их в указанные для них районы сосредоточения, строжайше требуя мер маскировки. Категорически запрещалось производить днем перегруппировки и крупные передвижения войск; осуществлять рекогносцировки большими группами командного состава;

нарушать существовавший ранее режим огня; производить ознакомительные облеты занятых противником территорий. Маскировка районов сосредоточения повседневно проверялась с воздуха офицерами штаба фронта. Одновременно проводился ряд хорошо продуманных и умело организованных мероприятий с целью дезориентации противника. Серьезно была организована и боевая подготовка войск на хорошо оборудованных полигонах и учебных полях в тылу, куда дивизии и специальные части, предназначенные для прорыва, последовательно и скрытно выводились во вторые эшелоны.

Во всем чувствовался мудрый опыт командования и штабов всех степеней фронта, накопленный на протяжении войны.

5 июня командование фронта рассматривало планы армий по проведению операции. Докладывали командармы И. И. Людников (39-я армия) и В. В. Глаголев (31-я армия). Особых замечаний их планы не вызвали и были одобрены.

6 июня с утра мы с И. Д. Черняховским побывали в 5-й армии Н. И. Крылова, на участке прорыва детально проанализировали планы командующего и начальников родов войск армии.

Особое внимание было уделено вопросам использования артиллерии и увязке действий пехоты, танков, артиллерии и авиации. По всем вопросам была достигнута полная договоренность, и мы покинули армию вполне уверенными в том, что она находится в твердых, умелых и надежных руках.

В ночь на 7 июня я доложил Верховному, что на 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах за эти дни никаких изменений в оперативной обстановке не произошло, подготовка войск в 3-м Белорусском проходит в сроки, установленные планом. 7 июня вместе с Черняховским, Фалалеевым и командованием 1-й воздушной армии мы обсуждали задачи, стоявшие перед авиацией. На рассвете 8 июня я, вместе с М. Н. Чистяковым и Ф. Я. Фалалеевым, перелетели на 1-й Прибалтийский фронт.

Командующего фронтом Ивана Христофоровича Баграмяна я знал еще до Великой Отечественной войны по учебе в Академии Генерального штаба, а начальника штаба Владимира Васильевича Курасова – еще раньше, до совместной учебы в этой академии. Наше первое знакомство с ним состоялось в 1935–1936 годах во время оперативно-стратегических полевых поездок, проводившихся командующим Белорусским военным округом И. П. Уборевичем. Я тогда работал начальником отдела боевой подготовки в штабе Приволжского военного округа, командование которого привлекалось на эти поездки в роли одного из армейских управлений. В. В. Курасов служил тогда в

Белорусском военном округе. В 1940 году, после того как я был назначен на должность заместителя начальника Оперативного управления Генштаба, по моему предложению на мою прежнюю должность – начальника отдела оперативной подготовки Генштаба был переведен старший преподаватель Академии Генштаба В. В. Курасов. В первых числах августа 1941 года я стал начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба, а В. В. Курасов – заместителем начальника Оперативного управления. Он много помогал Б. М. Шапошникову и мне в те тяжелые месяцы войны. На протяжении последующих лет возглавлявшиеся Владимиром Васильевичем штабы армий и фронтов всегда получали высокую оценку Ставки Верховного Главнокомандования и руководства Генерального штаба. Установившимися между нами в те годы дружественными отношениями мы оба очень дорожили.

Итак, военная служба снова, в третий раз привела меня туда, где мне довелось быть во время Гражданской войны и в 30-е годы. Естественно, нахлынули воспоминания. Но действительность быстро вернула меня к напряженным повседневным делам. Весь день 8 июня мы пробыли на КП И. Х. Баграмяна. Заслушали доклады командующего, начальника штаба, начальников родов войск и члена военного совета фронта о ходе подготовки к операции, ее материальном обеспечении. Согласно директиве Ставки от 31 мая, командованию 1-го Прибалтийского фронта на первом этапе стратегической Белорусской операции приказывалось во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку противника и выйти на южный берег Западной Двины в районе Чашники, Лепель, для чего силами 6-й гвардейской и 43-й армий предусматривалось прорвать оборону противника юго-западнее Городка (в 35 км северо-западнее Витебска).

Решая задачу, войска фронта обязаны были форсировать Западную Двину и овладеть Бешенковичами, а частью сил во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта разгромить витебскую группировку противника и освободить Витебск, чтобы в дальнейшем, развивая наступление на Лепель, прочно обеспечивать главную группировку фронта с севера на полоцком направлении.

В состав 1-го Прибалтийского фронта к началу Белорусской операции входили: 4-я ударная армия (командующий генерал-лейтенант П. Ф. Малышев, член военного совета генерал-майор Т. Я. Велик, начальник штаба генерал-майор А. И. Кудряшов) – 14-й, 83-й и 100-й стрелковые корпуса; 6-я гвардейская армия (командующий генерал-лейтенант, вскоре генерал-полковник И.

М. Чистяков, член военного совета генерал-майор К. К. Абрамов, начальник штаба генерал-майор В. А. Пеньковский) – 22-й и 23-й, 103-й и 2-й гвардейский стрелковые корпуса; 43-я армия (командующий генерал-лейтенант А. П. Белобородое, член военного совета генерал-майор С. И. Шабалов, начальник штаба генерал-майор Ф. Ф. Масленников) – 1-й, 60-й и 92-й стрелковые корпуса; 3-я воздушная армия (командующий генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Папивин, начальник штаба генерал-майор авиации Н. П. Дагаев); 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск В. В. Будкова; ряд других стрелковых, танковых, самоходно-артиллерийских, артиллерийских и инженерных соединений и частей, подчиненных непосредственно командованию фронта.

Согласно указаниям Ставки взлом тактической обороны врага решено было осуществить на 25-километровом фронте, на стыке 16-й немецкой армии группы армий «Север» с 3-й танковой армией группы армий «Центр». К месту прорыва сосредоточивались две армии фронта – 6-я гвардейская и главные силы 43-й, а также основные фронтовые резервы и 1-й танковый корпус. Главный удар предусматривалось нанести смежными флангами армий в общем направлении на Бешенковичи, Лепель, имея ближайшей задачей прорыв тактической зоны обороны врага, чтобы затем во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта окружить и разгромить витебскую группировку врага, а главными силами с ходу форсировать Западную Двину и овладеть плацдармом на ее левом берегу.

В дальнейшем намечалось главными силами фронта развивать наступление на запад, чтобы, разгромив лепельскую группировку, с ходу овладеть Лепелем, а ударом частью сил вдоль правого берега Западной Двины отсечь войска 16-й армии от войск 3-й немецкой танковой армии.

Для осуществления этой и последующих задач командование фронта решило развернуть силы в одном оперативном эшелоне, используя танковый корпус в качестве подвижной группы. Операция предусматривала три этапа. Основным содержанием первого являлся взлом обороны противника на всю глубину тактической зоны. На втором этапе намечалось ввести в прорыв танковый корпус в направлении на Бешенковичи, форсирование Западной Двины и захват плацдарма на ее левом берегу. Одновременно 43-я армия во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта должна была окружить и уничтожить витебскую группировку противника. На третьем этапе планировалось форсировать реку Уллу и овладеть городами Камень и Лепель. Дальнейшие действия зависели от хода развития стратегической операции. К участку прорыва

привлекалось до 75 % всех находившихся в составе фронта стрелковых войск, 3760 орудий и минометов, 535 танков и САУ.

Командование фронта определило и состав армейских ударных группировок. В 6-й гвардейской армии для прорыва предназначались 2 стрелковых корпуса – 22-й и 23-й в первом эшелоне и 2 – 103-й и 2-й гвардейский – во втором. 43-я армия имела в ударной группировке 3 стрелковых корпуса – 1-й и 60-й в первом эшелоне и 92-й – во втором. После такого распределения сил и средств в резерве фронта, кроме танкового корпуса, оставалась одна стрелковая дивизия на правом крыле ударной группировки. Здесь, как и на 3-м Белорусском фронте, командованием и штабами всех степеней и войсками в целом была развернута огромная подготовительная работа.

Никаких существенных замечаний или поправок принятые командованием фронта решения по проведению операции у нас не вызвали. Были рассмотрены и одобрены решения командующих армиями фронта.

В ночь на 9 июня в очередном донесении Верховному Главнокомандующему я сообщил, что подготовка к операции в 1-м Прибалтийском фронте идет успешно; доложил и о том, что прибытие войск на 3-й Белорусский фронт из-за неудовлетворительной работы железных дорог задерживается и что утвержденный план перевозок срывается. Так, к 9 июня из 3-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта танковых войск В. Т. Обухова прибыло всего лишь 50 % состава, тогда как по плану корпус должен был прибыть полностью еще 5 июня. Добавлю, что вообще в те месяцы работа железных дорог не раз вызывала у нас нарекания, их отставание от фронтовых нужд чрезвычайно осложняло выполнение боевых заданий.

В ту же ночь мы вернулись на 3-й Белорусский фронт и весь день 9 июня вместе с И. Д. Черняховским знакомились с 11-й гвардейской армией К. Н. Галицкого. Армия в целом производила отличное впечатление, хотя, в связи с ее перегруппировкой на новое направление, подготовительная работа к операции в ней несколько отставала. Заслушав решение и основные соображения Галицкого и командиров корпусов по проведению операции, мы внесли некоторые коррективы и дали дополнительные указания.

Озабоченный задержкой с подвозом войск, я предложил начальнику Главного организационного управления Генерального штаба, моему заместителю генерал-лейтенанту А. Г. Карпоносову прибыть ко мне на фронт. В первом часу ночи на 10 июня, докладывая Сталину о проделанной за день работе, я вновь высказал беспокойство по поводу несвоевременного прибытия на фронт войск. Поделился также и тем, что первое впечатление о И.

Д. Черняховском как о командующем фронтом очень хорошее: трудится он много, умело и уверенно

Пока Черняховский продолжал свою работу в 11-й гвардейской армии, я занялся подготовкой к операции 3-го гвардейского механизированного Сталинградского и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов. Познакомился с их командирами, детально ознакомил их с обстановкой, задачами и с той спецификой, при которой корпусам, объединенным в конно-механизированную группу, придется выполнять ответственные задачи в значительном отрыве от основных сил фронта.

Пользуясь приездом А. Г. Карпоносова, 11 июня я занимался также вопросами железнодорожных перевозок. Подготовив письмо в Наркомат путей сообщения с просьбой – во что бы то ни стало улучшить дело и закончить перевозки (с учетом прибытия войск 5-й гвардейской танковой армии) не позднее 18 июня, – отправил его с А. Г. Карпоносовым.

12 июня вместе с Черняховским мы проверяли окончательную готовность 5-й армии Крылова и 39-й армии Людникова. Как раз в этот день прибыл на фронт командующий 5-й гвардейской танковой армией маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров. Мы тщательно отработали с ним вопросы о месте и сроках сосредоточения войск армии, рекогносцировке возможных направлений ее действий. Решили, что основным направлением будет оршанско-борисовское. 13 июня я продолжал работу в армиях Крылова и Людникова. Уже этот краткий перечень моей работы до некоторой степени показывает, чем у меня были заполнены эти предоперационные дни. Я всячески старался помочь Черняховскому, чтобы его 3-й Белорусский фронт, игравший наряду с 1-м Белорусским фронтом Рокоссовского главную роль при осуществлении операции «Багратион», оказался на высоте. В ночь на 14 июня я писал в докладе Верховному: «Подготовка к выполнению Вашего задания идет полным ходом, с отработкой мельчайших деталей. Наличные войска к указанному Вами сроку, безусловно, будут готовы. Уверенность в успехе у всех полная. По-прежнему опасения за своевременный подход по железной дороге 4-й и 15-й артиллерийских бригад, кавалерийского корпуса Осликовского, боеприпасов, горючего и соединений Ротмистрова… Еще раз докладываю, что окончательный срок начала всецело зависит от работы железных дорог, мы, со своей стороны, сделали и делаем все, чтобы выдержать установленные Вами сроки».

Утром 14 июня И. В. Сталин сообщил мне, что из-за задержки в железнодорожных перевозках начало операции переносится на 23 июня.

В полной уверенности за готовность войск И. Д. Черняховского во второй половине дня вместе с М. Н. Чистяковым и Ф. Я. Фалалеевым я перелетел снова на 1-й Прибалтийский фронт И. Х. Баграмяна. Здесь в течение 15 и 16 июня мы детально проверили ход подготовки и материальное обеспечение 6-й гвардейской, 43-й и 3-й воздушной армий.

6-ю гвардейскую армию я отлично знал еще по Сталинградской и Курской битвам. С 43-й непосредственно знакомился впервые. Хорошее впечатление произвел на меня ее новый командующий генерал-лейтенант А. П. Белобородов, при моем участии сменивший на этом посту К. Д. Голубева. Большим боевым опытом обладали и командиры корпусов в его армии. Афанасий Павлантьевич Белобородов прошел славный боевой путь, был известен как смелый и решительный военачальник. Успешно воевал в Белоруссии в последующих операциях и позднее, в Восточной Маньчжурии. Последний крупный пост, который он занимал, – командующий войсками Московского военного округа. В автомобильной катастрофе он серьезно повредил свое здоровье, что и вынудило его оставить столь кипучую и плодотворную деятельность. В ходе Белорусской операции, несмотря на всю сложность боевой обстановки, молодой командарм А. П. Белобородов очень умело руководил войсками армии. Принятое им и доложенное нам решение на прорыв, проверенное нами на местности, было совершенно правильным и никаких серьезных поправок не потребовало. Вспоминая эти дни, А. П. Белобородов писал об этом: «В середине июня в армию вместе с командующим фронтом прибыли представитель Ставки Маршал Советского Союза А. М. Василевский, маршал артиллерии М. Н. Чистяков и генерал-полковник авиации Ф. Я. Фалалеев. Представитель Ставки в деталях ознакомился с ходом перегруппировки, сосредоточения войск и их боевой подготовки, с обеспечением частей боеприпасами, с оценкой обстановки в полосе армии и нашим решением на наступление. Его особенно интересовали вопросы использования танков, артиллерии и их инженерного обеспечения, организации взаимодействия с соседними армиями и авиацией фронта. Товарищ Василевский выразил удовлетворение подготовкой войск к операции и дал ряд указаний»[92].

Продуманной выглядела подготовка прорыва обороны врага и в 6-й гвардейской армии. Мы ограничились там лишь незначительными замечаниями, несколькими советами и с удовлетворением утвердили решения командарма.

В донесении Верховному Главнокомандующему вечером 16

июня я писал:

> «Хорошее впечатление производит новый командарм 43-й Белобородов. Отлично работают присланные с юга на фронт командиры корпусов Васильев и Ручкин. Дал указание сохранить за Васильевым, переведенным с гвардейского на негвардейский корпус, гвардейский оклад. Прошу санкционировать мое распоряжение и дать соответствующие указания товарищу Хрулеву. Подготовка войск обоих фронтов идет вполне нормально, и, если погода позволит, к выполнению задания приступим строго в намеченный Вами срок. По-прежнему несколько нервирует работа железных дорог и вызывает опасения в своевременном сосредоточении некоторых из предназначенных фронтам войск, а также в подаче некоторых видов снабжения, хотя все необходимое для начала операции будем иметь на месте»[93].

В ту же ночь в разговоре по телефону И. В. Сталин спросил меня, как он часто это делал, не смогу ли я без особого ущерба для выполняемого задания прибыть на два-три дня в Москву. Я согласился и уже днем был в столице, а вечером 17 июня, вместе с А. И. Антоновым, встретился с И. В. Сталиным. Как выяснилось, основным вопросом, ради которого меня вызвали в Ставку, явились события на Севере. Войска Ленинградского фронта после ожесточенных боев на Карельском перешейке, нанеся серьезное поражение финским войскам, готовились к штурму последнего оборонительного рубежа. Как стало известно, финское командование уже перебросило часть своих сил из Южной Карелии на Карельский перешеек. Не сомневались мы и в том, что немецкое командование, чтобы спасти Финляндию от поражения и обеспечить ее дальнейшее участие в войне на своей стороне, вынуждено будет, несмотря на все трудности, усилить этот участок фронта. Поэтому фактор времени при решении задач, поставленных перед войсками Ленинградского фронта, играл теперь исключительно важную роль.

Связавшись по телефону с командующим Ленинградским фронтом Л. А. Говоровым, И. В. Сталин заслушал его детальный доклад о ходе событий и подготовке к штурму, и дал ему ряд советов и указаний. Удовлетворенный заверениями Говорова в том, что задача ускорить наступление будет решена его войсками в течение ближайшей недели, он пожелал Леониду Александровичу успеха. Тогда же было решено, что после взятия Выборга необходимо будет продолжать наступление и с выходом

войск на рубеж Элисенваара – Иматра – Виройоки и освобождением при помощи Балтийского флота Большого Березового и других островов Выборгского залива прочно закрепиться на Карельском перешейке и, перейдя там к обороне, сосредоточить основное внимание Ленинградского фронта на участии в боях по освобождению Эстонии.

В тот же вечер в Ставке был рассмотрен вопрос о проведении Карельским фронтом, с участием Онежской и Ладожской военных флотилий, Свирско-Петрозаводской операции в Южной Карелии. Сталин по телефону заслушал доклад командующего фронтом К. А. Мерецкова о готовности войск и подчеркнул, что благодаря успешным действиям войск Ленинградского фронта у Карельского фронта создались более благоприятные условия для выполнения задачи, и потребовал начать операцию не позже 21 июня.

Затем он попросил Антонова доложить о последних событиях в Нормандии. Войска союзников после высадки продвигались крайне медленно. Им удалось объединить в один лишь три небольших плацдарма и несколько расширить его в сторону полуострова Котантен. Обсуждая вопрос о том, как может отразиться высадка англо-американских войск в Нормандии на советско-германском фронте, мы приходили к выводу, что когда Красная Армия начнет Белорусскую операцию и продолжит успешное наступление против Финляндии, гитлеровское командование перебросит часть войск с Западного фронта на Восточный.

После обмена мнениями, Верховный назначил мне на следующий вечер встречу для доклада по всем имеющимся у меня вопросам в связи с Белорусской операцией.

Заслушав мой краткий доклад о ходе подготовки 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов к выполнению поставленных перед нами задач, Сталин остался доволен и особенно остановился на использовании 5-й гвардейской танковой армии на фронте у Черняховского. Я сообщил, что на оршанско-борисовском направлении против 11-й гвардейской армии оборона врага в инженерном отношении развита гораздо сильнее, чем на участке 5-й армии, да и группировка войск противника там значительно плотнее. Поэтому оршанское направление для ввода танковой армии в прорыв на борисовское направление я считал менее перспективным, чем богушевско-борисовское. Договорились, что временно основным направлением ввода танковой армии в прорыв будем считать оршанско-борисовское, как кратчайшее и по характеру местности наиболее удобное для маневра. Окончательное же решение

отложили до первых дней операции. Поэтому условились, что 5-я гвардейская танковая армия пока остается в резерве Ставки, а в нужный момент я, как представитель Ставки, дам указание передать ее фронту. При этом Ставкой предусматривалось, что во всех случаях основная задача танковой армии – быстрый выход на реку Березину, захват переправ и освобождение города Борисова. Как всегда, Верховный Главнокомандующий особенно интересовался настроением, подготовленностью и материальной обеспеченностью войск, а также работой командно-политического и, прежде всего, руководящего состава фронтов.

В дни моего пребывания в Москве Г. К. Жуков попросил у Ставки разрешения начать операцию 1-го Белорусского фронта не 23, а 24 июня. Сталин спросил о моем мнении. Посоветовавшись по телефону с И. Д. Черняховским и И. Х. Баграмяном, я сказал, что считаю такое предложение для фронтов нашего направления целесообразным, поскольку оно позволяет в ночь на 23 июня, перед началом операции 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, использовать здесь Авиацию дальнего действия, направленную к Рокоссовскому. Сталин согласился с этим и добавил, что мы с Черняховским упускаем из виду еще одну выгодную для нас деталь: 3-й Белорусский фронт выигрывает в этом случае лишние сутки. Он обещал сообщить мне окончательное решение после разговора с Жуковым.

17, 18 и 19 июня я занимался в Генеральном штабе главным образом вопросами связи Генштаба с фронтами, доставки всего необходимого войскам для предстоявших операций, восстановлением и развитием железных дорог.

20 июня я вернулся на КП Черняховского. 21 июня вместе с Иваном Даниловичем и командованием 1-й воздушной армии мы проверяли готовность авиации, провели совещание с командирами авиакорпусов, дивизий и начальников политотделов соединений. Я в своем выступлении счел необходимым подчеркнуть, что Белорусская операция по своему замыслу превосходит все ранее проводившиеся. Она будет осуществляться на широком фронте и на большую глубину. Страна, партия дали нам все, чтобы мы сумели выполнить поставленную перед нами задачу. Задача авиации – сделать все, чтобы успешно помочь нашей пехоте прорвать оборонительный рубеж противника, изолировать поле боя от вражеских истребителей и бомбардировщиков, надежно прикрыть наземные войска, особенно подвижные, дав им возможность работать нормально. Удары с воздуха должны быть эффективными, действия истребителей – дерзкими, направленными на то, чтобы искать и уничтожать врага.

По телефону я обговорил с Г. К. Жуковым порядок привлечения в ночь на 23 июня основной массы Авиации дальнего действия в полосе 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Вечером от Рокоссовского ко мне прибыл заместитель командующего Авиацией дальнего действия Н. С. Скрипко, находившийся на 1-м Белорусском фронте. Я согласовал с ним задачи, которые должна будет выполнить авиация в интересах 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

В донесениях Верховному Главнокомандующему, отправленных в последние дни перед началом этой исторической операции, я писал, что подготовка войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов заканчивается. В ночь на 22 июня войска будут выведены в исходное для операции положение, В течение суток на всех участках будет проведена разведка боем. В ночь на 23 июня разведку повторим. При благоприятной погоде наступление начнем в строго назначенный срок. Использование Авиации дальнего действия в ночь на 23 июня спланировано. Неясен лишь вопрос о дивизии бомбардировщиков ТУ-2, ибо, как сообщил командующий ВВС маршал авиации А. А. Новиков, она прибывает на фронт лишь 23 июня, причем поступает в его распоряжение, тогда как я, согласно решению Ставки, на первые дни операции планировал использовать ее для помощи войскам Баграмяна, которые не имеют ни одного бомбардировщика. Сказал, что буду договариваться по этому вопросу лично с Новиковым.

Через сутки я доложил Ставке о полной готовности 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов начать операцию 23 июня и сообщил, что 22 июня войска этих фронтов действиями усиленных батальонов вели разведку переднего края обороны противника и проверяли его огневую систему. Каких-либо изменений не было установлено. Большинству передовых батальонов удалось ворваться в первую, а местами даже во вторую траншею врага. Наибольших успехов добился 22-й гвардейский стрелковый корпус 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта, которому удалось вклиниться в фашистскую оборону на 6 км и расширить фронт прорыва до 9 км. Ночью 23 июня здесь будет введен весь 22-й и дополнительно 103-й стрелковые корпуса. На остальных участках 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов артподготовка начнется строго по плану, между 6 и 7 часами, атака – между 9 и 10 часами утра.

Так протекала общая работа на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах при подготовке их к Белорусской операции.

Накануне наступления войска получили боевые приказы и обращения военных советов, с содержанием которых ознакомили весь личный состав. В подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания, совещания, беседы с коммунистами и комсомольцами.

Основное внимание я уделял в те дни 3-му Белорусскому фронту, так как этот фронт, как и 1-й Прибалтийский, должен был играть в операции ведущую роль. К тому же эта очень серьезная во всех отношениях операция являлась первой фронтовой для И. Д. Черняховского. Поэтому Верховный Главнокомандующий обращал особое внимание именно на 3-й Белорусский фронт.

На 1-м Прибалтийском фронте я побывал дважды: 8 июня, когда одобрил решение командующего фронтом И. Х. Баграмяна о проведении первого этапа операции и соответствующие решения командармов; 15 и 16 июня, когда проверял ход подготовки к операции в 6-й гвардейской и в 43-й армиях, наносивших главный удар во фронте. Я вынужден упомянуть об этом в связи с неточностями в статье И. Х. Баграмяна «Наступление войск 1-го Прибалтийского фронта в Белорусской операции» («Военно-исторический журнал», 1961, № 4).

Приведу выдержки из этой статьи, относящиеся к моему посещению 1-го Прибалтийского фронта.

> «Дня за три до начала наступления мне доложили, что к нам вылетел представитель Ставки Маршал Советского Союза товарищ Василевский А. М. Я поспешил на аэродром… Я хорошо знал Александра Михайловича… У меня о нем создалось впечатление как об очень талантливом и весьма расчетливом, но осторожном военачальнике. Поэтому, по пути на аэродром я думал, что для меня осложнения начнутся не через три дня, а через каких-нибудь пару часов. Я был уверен, что нам придется отстаивать каждое, кажущееся с первого взгляда рискованным, положение нашего решения на наступление. А. М. Василевский внимательно выслушал мой подробный доклад о ходе подготовки операции. В первую очередь он был изумлен столь «необоснованной», по его мнению, шириной участка прорыва. Как уже упоминалось, ширина участка прорыва была действительно для того времени сравнительно большой – 25 км на две общевойсковые армии ударной группировки фронта… Все мои попытки доказать, что сужение участка прорыва на болотистой

> местности ведет к явному уменьшению силы первоначального удара, успеха не имели… К счастью, представитель Ставки в конечном счете трезво оценил создавшееся положение. Он понял, что изменение решения потребовало бы новой подготовки, для которой у нас уже не оставалось времени. «Если бы я приехал к вам несколько раньше, хотя бы на неделю, – сказал он в заключение, – то заставил бы пересмотреть принятое решение и все переделать заново…» Признаюсь, в моей груди невольно шевельнулось чувство искренней признательности командующему войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковнику Ивану Даниловичу Черняховскому, по вине которого представитель Ставки Верховного Главнокомандования задержался прибытием к нам… Можно себе представить, с каким внутренним волнением после этого стали ожидать мы наступления решительного дня».

В этих строках И. Х. Баграмян допустил ряд неточностей.

Встреча состоялась не за три дня и не за неделю, а за 16 дней до начала операции. Вспоминая о ней, я должен сказать, что не обошлось, конечно, без обсуждения основных вопросов принимаемого решения и тем более вопроса о том, как лучше организовать прорыв обороны противника. Но никаких серьезных разногласий, о которых пишет автор статьи, у меня с командующим фронтом не было. Их и не могло быть: ведь решение прорвать фронт обороны врага на отдельных направлениях, используя для этой цели междуозерные и междуболотные участки местности к северо-западу от Витебска, предписывалось фронту директивой Ставки. Решением же командования фронта обеспечивалось создание на этих участках необходимой артиллерийской плотности, гарантирующей успех прорыва.

А что касается моей «расчетливости» и «осторожности», о которых пишет Иван Христофорович, то, по моему мнению, в них нет ничего плохого, если соблюдено чувство меры. Думаю, что каждый военачальник, будь то командир части или дивизии, командующий армией или фронтом, должен быть в меру расчетливым и осторожным. У него такая работа, что он несет ответственность за жизнь тысяч и десятков тысяч воинов, и его долг – каждое свое решение взвешивать, продумывать, искать наиболее оптимальные пути к выполнению боевой задачи. Расчетливость и осторожность в рамках необходимости, по моему мнению, являются не отрицательным, а положительным

качеством военачальника. Если же автор считает меня «расчетливым» и «осторожным» в том смысле, что я устранялся от принятия решений, то, полагаю, для этого у него нет оснований. Как известно, И. В. Сталин был очень и очень требовательным к работникам Наркомата обороны, и вряд ли бы мне пришлось быть долгое время в должности начальника Генерального штаба и представителя Ставки на фронтах, если бы я связывал их инициативу, не брал на себя ответственности при принятии решения, боялся идти на риск.

Это отступление я сделал для внесения необходимых уточнений в воспоминания И. Х. Баграмяна. К самому Ивану Христофоровичу я по-прежнему отношусь с глубоким уважением.

За землю Белорусскую

Начало операции «Багратион». – Фашистский фронт прорван. – Витебский, Белорусский и Минский «котлы». – Столица Белорусии свободна! – Второй этап борьбы за Белоруссию

22 июня 1944 года исполнилось три года, как началась Великая Отечественная война. Войска наших западных фронтов готовились перейти в ближайшие дни в решительное наступление. Каждый из нас ждал его с нетерпением. В те дни особенно активно действовали белорусские партизаны. Они выводили из строя железные дороги в тылу врага; за одну ночь на 20 июня было подорвано более 40 тыс. рельсов.

Итак, все было готово к решительному наступлению. Однако на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах операция «Багратион» началась не совсем так, как нам хотелось бы. Погода не считалась с нашими планами. Небо затянули сплошные облака, и Авиацию дальнего действия нам удалось использовать лишь частично. Накануне мы условились с И. Д. Черняховским, что первый день операции – 23 июня – он проведет на своем основном фронтовом командном пункте, оборудованном на участке прорыва 11-й гвардейской армии К. Н. Галицкого, на оршанском направлении, а я, в зависимости от обстановки, буду находиться либо на КП командующего 5-й армией Н. И. Крылова, на богушевском направлении, либо на КП И. И. Людникова, командующего 39-й армией, – юго-восточнее Витебска.

С волнением ожидали мы первых вестей с поля боя. Внимательно следила за ходом событий и Ставка. Верховный Главнокомандующий в тот день неоднократно вызывал меня по телефону. Знаю, что звонил он и другим руководящим военачальникам на этих фронтах.

Что же принес нам первый день операции, названной именем героя Бородина Петра Ивановича Багратиона? Из-за погоды мы не смогли использовать на полную мощность и фронтовую авиацию. Основную помощь наступавшая пехота получила от превосходно поработавшей артиллерии. Положение войск в армиях было далеко не одинаковым. 4-я ударная армия, действовавшая севернее Полоцка, почти не продвинулась. 6-я гвардейская и 43-я армии, обходившие Витебск с северо-запада, решительной атакой прорвали фронт обороны противника и, сопровождаемые танками непосредственной поддержки пехоты и самоходными орудиями, за день продвинулись в глубину на 16 км. Вот-вот они должны

были выйти на железную дорогу Полоцк – Витебск и к Западной Двине. 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В. В. Будкова только ждал момента, когда его введут в образовавшийся прорыв.

39-я и 5-я армии, действовавшие южнее Витебска, перерезали меридиональную железную дорогу, форсировали реку Лучесу и продвигались примерно теми же темпами, что и их соседи на Прибалтийском фронте. Теперь юго-западнее Витебска у немцев оставался коридор шириною всего около 20 км. Нашей первоочередной задачей было быстрее соединить левый фланг 43-й и правый фланг 39-й армий в районе селения Островно. Мы – Баграмян, Черняховский и я – считали, что добиться этого нужно в ближайшие же сутки. Под Витебском, как и намечалось планом, назревал «котел», в котором должна была оказаться крупная вражеская группировка. Юго-западнее находились немецкие резервы. Не допустить их к Витебску можно было при условии быстрейшего продвижения наших войск в район Сенно. Мы решили ускорить наступление 5-й армии, чтобы не позднее вечера 24 июня ввести у Богушевска в прорыв конно-механизированную группу генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского.

Когда она войдет в район Сенно, ее, в зависимости от обстановки, можно будет бросить на перехват шоссейной дороги Витебск – Лепель и в глубокий обход Орши с запада.

На оршанском направлении 11-я гвардейская и 31-я армии натолкнулись на исключительно развитую в инженерном и огневом отношении оборону сильной группировки противника. Здесь уже потерпели зимой неудачу войска Западного фронта. Теперь армии Галицкого и Глаголева, захватив 4–6 вражеских траншей, медленно продвигались вперед, стремясь добраться до второй полосы фашистской обороны. Между тем 5-я гвардейская танковая армия П. А. Ротмистрова резерва Ставки находилась в одном переходе как от 5-й армии Н. И. Крылова, так и от 11-й гвардейской К. Н. Галицкого. Ее следовало использовать там, где откроется оперативный простор, для широкого маневра. Где же он мог возникнуть? Мы с Черняховским полагали, что успешно продвигающиеся войска Крылова и группа Осликовского в ближайшие же дни сломят сопротивление немцев под Оршей. В этих условиях станет целесообразней ввести танковую армию в прорыв на участке именно 5-й армии. Затем ее следовало направить на Борисов, как и предусматривалось планом.

С утра 24 июня 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты продолжали развивать наступление. Наибольшего успеха снова добились войска, сражавшиеся на витебском и богушевском направлениях. 6-я гвардейская и 43-я армии, отбивая во

встречном бою яростные атаки противника, вышли к Западной Двине, с ходу форсировали ее и повели борьбу за плацдармы на южном берегу реки. С юга в немецкий коридор у Витебска прорвались войска 39-й армии И. И. Людникова. Стремительно продвигалась вперед и 5-я армия Н. И. Крылова. В полдень я позвонил И. Х. Баграмяну. Выяснилось, что бойцы 67-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии на лодках, плотах, бочках и других подручных материалах переплывают через Западную Двину. Из-за сильного сопротивления врага несколько снизился темп наступления 43-й армии. Между тем, от нее зависел успех окружения витебской группировки, тем более, что соединения 39-й армии с южной стороны уже выполнили свою задачу, захлестнув кольцо. Пленные сообщали, что немецкое командование якобы просит у Гитлера разрешения отвести войска из Витебска на запад. Договорились с командующим 1-м Прибалтийским фронтом, что он сделает все, чтобы не позже чем через день войска 43-й армии соединились с войсками 39-й армии в районе Гнездиловичей, на шоссе, ведущем из Витебска.

Поздравив через И. И. Людникова воинов его армии с успехом, я переключился на 3-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус В. Т. Обухова. Мы с И. Д. Черняховским и с командиром корпуса обсудили положение, проверили готовность танкистов, входивших в группу Осликовского. К вечеру танки начали движение, обогнали ушедшую далеко вперед пехоту, а на следующий день с десантом автоматчиков ворвались в Сенно. Хуже обстояло дело на левом крыле 3-го Белорусского фронта. Поскольку 11-я гвардейская армия застряла между Днепром и болотами, которые тянулись от Осинторфа к железной дороге, перспектива на ввод здесь в бой армии Ротмистрова отпала. Поэтому пришлось принять решение ввести 5-ю гвардейскую танковую армию в район Богушевска и оттуда, использовав прорыв 5-й армии Крылова, направить ее, обходя Оршу с тыла, на Толочин и Борисов. В связи с этим войскам конно-механизированной группы Осликовского мы поставили задачу развивать наступление от Сенно на запад с тем, чтобы, обойдя с обеих сторон Лукомльское озеро, одним флангом помочь 1-му Прибалтийскому фронту взять Лепель, а другим – форсировать Березину и продвигаться на Плещеницы.

Верховный Главнокомандующий одобрил эти соображения и разрешил мне с 20 часов 24 июня передать 5-ю гвардейскую танковую армию из резерва Ставки в состав 3-го Белорусского фронта. Я немедленно сообщил об этом и командующему фронтом, и П. А. Ротмистрову[94].

Должен заметить, что Павел Алексеевич Ротмистров отнесся к решению Ставки (как о передаче его армии из Ставки фронту, так и об изменении направления ее ввода в прорыв) без особого энтузиазма. Не ускользнуло это от внимания и командующего фронтом И. Д. Черняховского. Истинные причины этого мне неизвестны, да и придавать этому особое значение вряд ли было бы правильно, если бы не тот факт, что 5-я гвардейская танковая армия, всегда блестяще проявлявшая себя, в данном случае действовала хуже, чем прежде.

Ставка была крайне ею недовольна, и не без оснований. 28 июня Верховный Главнокомандующий в директивном письме мне, И. Д. Черняховскому и члену военного совета фронта В. Е. Макарову отметил: «Ставка требует от 5-й гвардейской танковой армии стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке»[95]. Командование армии приняло это указание к неукоснительному исполнению.

Хочу упомянуть об отличной работе авиации 1-й воздушной армии генерала Т. Т. Хрюкина, в значительной мере проходившей на моих глазах. Ее усилия, согласно фронтовому плану операции, были сосредоточены в первый день на главном фронтовом направлении – оршанском. Невзирая на плохую погоду, за четверть часа до начала атаки самолеты нанесли массированный бомбовый удар по переднему краю обороны противника на участке 11-й гвардейской армии. С началом атаки бомбардировщики и штурмовики перенесли удары в глубину вражеской обороны. Штурмовики удачно сопровождали продвижение пехоты и танков, поражая огневые средства и живую силу фашистов. А когда 5-я армия встретила серьезное сопротивление у Богушевска и я потребовал от командования воздушной армии (через командующего фронтом) помочь ей, ни дождь, ни низкие облака, стлавшиеся над нами на высоте 100 м, не помешали массированному бомбовому удару по опорному пункту противника. Во время моего телефонного разговора с Т. Т. Хрюкиным самолеты находились уже в воздухе, направляясь к Орше. Командующий армией срочно перенацелил их. 90 Пе-2 и 180 Ил-2, изменив маршрут, повернули к Богушевску и отлично выполнили задание, облегчив наземным войскам овладение районом.

25 и 26 июня войска 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов продолжали наступать. После того, как западнее Витебска сомкнулось кольцо окружения, в городе и возле него оказалось в «котле» свыше 5 дивизий гитлеровцев. Положение их было явно безнадежным. Поэтому Баграмян, Черняховский и я решили, оставив для ликвидации окруженной

группировки лишь часть войск, главными силами как можно быстрее продвигаться на запад. 26 июня Витебск был очищен от фашистов. Войска 39-й и (частично) 43-й армий продолжали ликвидировать витебскую группировку врага в лесах юго-восточнее города. Танки корпуса Будкова и конно-механизированная группа Осликовского успешно продвигались на запад.

Основное внимание командование 1-го Прибалтийского фронта уделяло в те дни скорейшей ликвидации очень серьезного узла вражеской обороны в районе Полоцка, прикрывавшего подходы к границам Южной Прибалтики.

5-я гвардейская танковая армия, опрокидывая врага, при активной помощи штурмовой и бомбардировочной авиации фронта к вечеру 26 июня овладела районным центром Толочин, выйдя в 50 км западнее Орши на Минскую автостраду. При дальнейшем выдвижении на Борисов армия встретила упорное сопротивление прибывшей из-под Ковеля 5-й танковой дивизии противника. Войска 11-й гвардейской и 31-й армий заканчивали преодоление обороны противника в районе Орши. К вечеру же 26 июня 2-й гвардейский танковый корпус также вышел на Минскую автомагистраль в 15 км западнее Орши.

26 июня запомнилось мне тремя событиями. Как нам сообщили, в ночь на 26 июня 126 немецких бомбардировщиков совершили налет на Смоленск. Около 450 фугасных бомб упали в разных местах, причинив немалые разрушения. Некоторые из них были замедленного действия, и это осложняло восстановительные работы. Тем не менее, в 1 час дня железнодорожные составы с войсками, оружием, снаряжением, боеприпасами и продовольствием вновь пошли через станцию, питая тылы 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. В тот же день пришла новая и приятная для меня весть. Накануне я обратился к Верховному Главнокомандующему по телефону с ходатайством о присвоении И. Д. Черняховскому за отличную работу на посту комфронта звания генерала армии. Сталин посоветовал направить представление. И вот на второй день решение состоялось, и я с удовольствием приветствовал Ивана Даниловича в новом звании. 26-го же вечером все фронтовые радиостанции передавали поздравление столицы войскам, освободившим Витебск, сообщали о торжественном салюте 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий. Верховный Главнокомандующий объявил в приказе благодарность войсковым соединениям и частям, принимавшим участие в освобождении города, а наиболее отличившимся присваивалось наименование Витебских.

Новое воинское звание присвоили тогда же или немного позднее многим офицерам и генералам этого направления. Среди них были четыре генерал-лейтенанта: начальник штаба 1-го Прибалтийского фронта Владимир Васильевич Курасов; командующий артиллерией того же фронта Николай Михайлович Хлебников; командующий 6-й гвардейской армией Иван Михайлович Чистяков; командующий 5-й армией Николай Иванович Крылов. Все они, воюя с первых дней войны, показали себя с наилучшей стороны, проявили способности крупных организаторов и умелых руководителей больших войсковых объединений в самых сложных условиях боевой обстановки. Я с полной ответственностью ходатайствовал о присвоении им звания генерал-полковника, что и было вскоре сделано.

Генштаб вообще систематически следил за тем, чтобы отличившиеся командиры не забывались. Так, добавлю, что за время Белорусской операции в разное время на тех двух фронтах, за которые я непосредственно отвечал, были повышены в звании, помимо вышеупомянутых, начальник штаба 3-го Белорусского фронта бывший генерал-лейтенант А. П. Покровский, командующий артиллерией того же фронта бывший генерал-лейтенант артиллерии М. М. Барсуков и командующий бронетанковыми и механизированными войсками бывший генерал-лейтенант танковых войск А. Г. Родин, командующий 11-й гвардейской армией бывший генерал-лейтенант К. Н. Галицкий, командующий 31-й армией бывший генерал-лейтенант В. В. Глаголев, командующий 3-й воздушной армией бывший генерал-лейтенант Н. Ф. Папивин, ряд командиров корпусов, дивизий, бригад и начальников штабов в соединениях.

Ставка не забывала ни одного фронта – присвоение более высоких званий проводилось во всей Красной Армии. В те дни стал Маршалом Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский. Войска его фронта как раз в тот день освободили Бобруйск, а затем ликвидировали в «Бобруйском котле» окруженную группировку врага.

Иного рода события происходили в неприятельском стане. На терпевшего неудачи командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Буша обрушился гнев фашистского фюрера, и новым командующим группы стал генерал-фельдмаршал Модель. 16 августа и он был сменен генерал-полковником Рейнгардтом.

Вспоминаются эпизоды, связанные с событиями в «Витебском котле». Окруженным фашистским войскам был предъявлен ультиматум о сдаче. Они попросили дать им на размышление несколько часов. На глазах наших воинов они устроили в своих

подразделениях собрания, но решения так и не приняли. Когда время истекло, а ответа о сдаче не последовало, советские войска перешли в атаку. И только тогда фашисты начали сдаваться в плен, почти не оказывая сопротивления. Среди пленных оказалось, в частности, 4 генерала. Их допросили Черняховский, член военного совета 3-го Белорусского фронта В. Е. Макаров, координировавший деятельность авиации заместитель командующего ВВС Ф. Я. Фалалеев и я. До этого они содержались порознь и не знали о пленении других генералов. Командир 53-го армейского корпуса Гольвитцер считал плен случайностью, результатом личной неосторожности и полагал, что войска его корпуса все еще дерутся под Витебском. Он просил, если возможно, проинформировать его о ходе боев за Витебск и был потрясен, когда мы предложили ему навести эти справки у подчиненных ему лиц, и приказали привести командира 206-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Хиттера, начальника штаба его корпуса полковника Шмидта и других…

В эти дни была окончательно смята упиравшаяся флангами в болота оршанская оборонительная система врага. 27 июня Орша была очищена от фашистов. Армии Чистякова и Белобородова взяли 28 июня Лепель. Конно-механизированная группа Осликовского форсировала Березину севернее Борисова, вслед за нею сюда вышли главные силы 3-го Белорусского фронта, наступавшие на этом направлении, а 1 июля в Борисов ворвались войска 11-й гвардейской, 31-й и 5-й гвардейской танковых армий.

В своих воспоминаниях я не имею возможности приводить много примеров героизма советских воинов. Но об одном случае удивительного мужества, который тогда потряс нас, я все же хочу рассказать.

В боях за Оршу участник танкового десанта гвардии рядовой Ю. В. Смирнов был тяжело ранен и попал в плен. О дальнейшем мы узнали, когда наши вошли в город. В одном из блиндажей нашли прибитое к кресту тело юноши. В блиндаже валялись брошенные фашистами штабные документы и протокол допроса. Здесь же были солдатская книжка и комсомольский билет гвардейца Юрия Васильевича Смирнова. Он не ответил ни на один вопрос врага и погиб как герой. Гражданин Советского Союза комсомолец Смирнов не выдал военной тайны и остался верен Отчизне до последнего вздоха. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Имя его с благоговением будут вспоминать потомки…

В масштабах фронтовой операции меня волновали в те дни главным образом три вопроса. Первый состоял в том, что успешный ход наступления наших войск и разрушения,

оставленные войной на железных дорогах, с каждым новым днем все более осложняли снабжение наступавших. Вместе с начальником Центрального управления военных сообщений генерал-лейтенантом технических войск И. В. Ковалевым мы подготовили 27 июня и направили в Ставку следующее письмо:

> «Москва. Товарищу Семенову. 1. Железнодорожное направление Смоленс – Минск является единственной магистралью базирования 3-го Белорусского фронта. Установленная НКПС пропускная способность линии Смоленск – Минск (12 пар поездов в сутки) потребностей фронта удовлетворить не может. Минимальная потребность фронта в железнодорожных поездах в период наступательных операций будет составлять 24 пары поездов в сутки, а полная – 36 пар. Считаю необходимым пропускную способность линии довести до 18 пар – через 5 суток после открытия движения, установленного приказом НКПС; до 24 пар – через 10 суток; до 36 пар – через 45 суток. Пропускная способность – 24 пары поездов в сутки может быть обеспечена за счет постройки дополнительных разъездов по земляному полотну второго, невосстановленного пути. Для обеспечения пропускной способности – 36 пар поездов необходимо уложить вторые пути на протяжений 350 км от ст. Смоленск до ст. Минск с использованием существующего земляного полотна. Это потребует дополнительного выделения: рельсов со скреплениями – 400 км, шпал – 640 тыс. штук, стрелочных переводов – 150 комплектов. Для нормальной эксплуатации линии потребуется дополнительно выделить 100 паровозов и 3000 квалифицированных эксплуатационников основных профессий. 2. Железнодорожное направление Смоленск – Минск – Витебск – Полоцк имеет большое значение в обеспечении воинских перевозок при наступательных операциях Прибалтийских фронтов, а в дальнейшем оно будет одним из основных выходов к Балтийскому морю. Считаю необходимым пропускную способность этого направления довести до 18 пар поездов на 5-е сутки после открытия движения, установленного приказом НКПС. Прошу Ваших указаний Наркомату путей сообщения.
>
> Владимиров»[96].

Второй вопрос, сильно тревоживший меня тогда, – по-прежнему сравнительно невысокие темпы продвижения 5-й

гвардейской танковой армии. При форсировании Березины на борисовском направлении эта армия оказалась на линии или даже позади не только 2-го гвардейского танкового корпуса, но и целого ряда соединений общевойсковых армий. 1 июля, чтобы разобраться в положении вещей на месте, мы с командующим фронтом выехали на Березину. Беглый осмотр местности между реками Бобр и Березина свидетельствовал о напряженнейших боях, которые пришлось выдержать здесь танковой армии с 5-й танковой дивизией противника. Мосты у Борисова были разрушены. Но некоторые уже восстанавливались и позволяли переправлять даже тяжелые танки. Стрелковые дивизии 11-й гвардейской армии К. Н. Галицкого уже форсировали реку и вели бои километрах в 15-ти западнее. А 5-я гвардейская танковая армия, имея значительную часть танков на западном берегу, рассчитывала закончить переправу лишь в ночь на 2 июля и к исходу дня выйти к Острошицкому городку (18 км северо-восточнее Минска). Я поставил Ротмистрову задачу к исходу 2 июля освободить Минск, а Черняховский тут же организовал пропуск через мост танков и самоходных орудий танковой армии вне всякой очереди. Действительно, первыми в столицу Белоруссии 3 июля ворвались танкисты. Но то были воины не 5-й гвардейской танковой армии, а 2-го гвардейского танкового корпуса А. С. Бурдейного.

Третий вопрос, вплотную вставший передо мною к концу июня, касался дальнейшего развития Белорусской операции в целом. Еще 29 июня во время беседы с Верховным Главнокомандующим по телефону я высказал уверенность в том, что в ближайшие дни Баграмян освободит Полоцк и Лепель, а Черняховский – Борисов и затем Минск; значительная часть 4-й немецкой армии неминуемо должна попасть в окружение. В связи с этим необходимо немедленно приступить к подготовке нового этапа операции с тем, чтобы, исходя из ранее намечавшегося Ставкой плана, не допустить образования в Белоруссии вновь сплошного фронта врага, незамедлительно разливать дальнейшее наступление войск 1-го Прибалтийского и Белорусских фронтов, окончательно очистить территорию Белоруссии от фашистов; приступить к освобождению Прибалтики и выходом войск на побережье Балтийского моря поставить под угрозу полной изоляции и окружения фашистскую группу армий «Север», и вывести наши войска к границам Восточной Пруссии и Польши. При этом значение 1-го Прибалтийского фронта в операции резко возрастало, а потому настало время передать ему из резерва Ставки 2-ю гвардейскую и 51-ю армии.

В том же разговоре я высказал предложение немедленно

начать активные действия стоявших в обороне к востоку от Опочки и Себежа войск 2-го Прибалтийского фронта. Иначе разрыв между Прибалтийскими фронтами с каждым днем резко увеличивался. Я предложил передать действовавшую на северном берегу Западной Двины 4-ю ударную армию из 1-го Прибалтийского во 2-й. Верховный согласился. Около 24 часов 27 июня Генеральный штаб поставил командующего 1-м Прибалтийским фронтом Баграмяна в известность о том, что решением Ставки 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта П. Г. Чанчибадзе с 7 июля в районе Витебска поступит в его распоряжение. 1-му Прибалтийскому были переданы также 51-я армия генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера и из 3-го Белорусского фронта 39-я армия генерал-лейтенанта И. И. Людникова. Эта сдвижка армий с юга на север затронула все фронты данного направления. 1-й Белорусский передавал 2-му Белорусскому 3-ю армию генерал-полковника А., В. Горбатова, а 2-й Белорусский 3-му Белорусскому – 33-ю армию генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина (с 9 июля 1944 года – генерал-лейтенанта С. И. Морозова). Соответственно из 1-го Прибалтийского во 2-й Прибалтийский уходила 4-я ударная армия генерал-лейтенанта П. Ф. Малышева, а из 2-го в 3-й Прибалтийский – 1-я ударная генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева…

После того как гитлеровские войска генерал-фельдмаршала Модели не сумели задержать наши войска на Березине, он попытался организовать оборону восточнее белорусской столицы на линии Долгиново – Логойск – Смолевичи – Червень. Сюда, как и на Березину, фашистское командование перебрасывало войсковые соединения с других участков советско-германского фронта и из оккупированных стран Европы, а также охранные и специальные части группы армий «Центр». Однако затормозить продвижение наших армий они не смогли. Обходя опорные пункты противника лесами и болотами с помощью проводников из партизан, войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов все ближе подступали к Минску. 3-й гвардейский механизированный корпус, форсировав реку Вилию, вместе с партизанами захватил Вилейку и отрезал врагу пути отступления на северо-запад. Танкисты 5-й гвардейской армии вышли к истокам Свислочи, закрывая пути на север. Войска 11-й гвардейской и 31-й армий ворвались с востока в Смолевичи.

С юга стремительно продвигались войска 1-го Белорусского фронта. Они захватили Столбцы, Несвиж и перерезали железную дорогу на Барановичи. 3 июля войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов встретились в центре Минска. Восточнее, теснимые войсками 2-го Белорусского фронта, оказались в очередном

«котле» основные силы группы армий «Центр». Там находились отступившие от Могилева войска 4-й немецкой армии, остатки разбитых под Витебском, Оршей и под Бобруйском 3-й танковой и 9-й армий. Яростные попытки неприятельских войск вырваться из окружения в юго-западном, южном и северном направлениях стоили им огромных жертв, но были безуспешными. Первоначально задача ликвидации этой группировки врага была возложена Ставкой на войска 2-го Белорусского и 31-й армии 3-го Белорусского фронтов, а в дальнейшем – на 33-ю и 31-ю армии, с передачей 33-й армии из 2-го в 3-й Белорусский фронт. В результате 12 июля враг полностью капитулировал. Около 35 тыс. человек было взято в плен, а с ними – вся техника, снаряжение и тылы 4-й немецкой армии. В плен попали двенадцать генералов – командиров корпусов и дивизий, а также большая группа офицеров.

5 июля я посетил Минск. Впечатление у меня осталось крайне тяжелым. Город был сильно разрушен фашистами. Из крупных зданий враг не успел взорвать только дом белорусского правительства, новое здание ЦК КПБ, радиозавод и Дом Красной Армии. Электростанция, железнодорожный вокзал, большинство промышленных предприятий и учреждений были взорваны. Я внимательно, насколько позволяло время, ознакомился с работой инженерных войск. Они стремились как можно быстрее разминировать город. Железные, шоссейные и значительная часть грунтовых дорог, а особенно дороги от Минска на Раков и далее, на Воложин, были забиты брошенной врагом техникой.

16 июля через Минск, под восторженные возгласы горожан, прошли победным маршем партизаны. Обросшие бородами, счастливые от встреч с родным городом партизаны гордо печатали шаг.

Столица Белоруссии снова стала свободной. Это был праздник не только советского народа, но и всех борцов против фашизма.

Освобождением Минска и Полоцка завершился первый этап борьбы за Белоруссию. Стремясь использовать выгодно сложившуюся для нас обстановку, 4 июля 1944 года Верховное Главнокомандование в директиве командующим 1-го и 2-го Прибалтийских и всех Белорусских фронтов уточняло их дальнейшие задачи.

1-му Прибалтийскому фронту (6-я гвардейская, 43-я, 39-я и 2-я гвардейская и 51-я армии) надлежало развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Свенцяпы, Каунас, имея ближайшей задачей не позднее 10–12 июля овладеть рубежом Двинск – Новые Свенцяны – Подбродзе; в дальнейшем,

прочно обеспечивая себя с севера, наступать на Каунас и частью сил – на Паневежис, Шяуляй. В директиве Ставки предусматривалось передать 4-ю ударную армию из 1-го в состав 2-го Прибалтийского фронта с 24 часов 4 июля, хотя срок для перехода в наступление остальных войск фронта А. И. Еременко в директиве Ставки указан не был. Войска 3-го Белорусского фронта должны были развить наступление, нанося главный удар на Молодечно, Вильно и не позже 10–12 июля освободить Вильнюс, Лиду и, выйдя на Неман, захватить плацдармы на его западном берегу. Войскам 2-го Белорусского фронта была поставлена задача не позже 12–15 июля овладеть районом Новогрудок, выйти на реки Неман и Молчадь. В дальнейшем овладеть Волковыском и наступать в направлении Белосток. На войска правого крыла 1-го Белорусского фронта возлагалась задача овладеть городами Барановичи и Лунинец и к 10–12 июля выйти на линию Слоним – р. Шара – Пинск. В дальнейшем войска фронта должны были наступать на Брест, захватить его и выйти на Западный Буг, обеспечив плацдарм на его западном берегу.

Итак, проводимая войсками фронтов операция получала еще более широкие масштабы. Фронты центрального стратегического направления еще в процессе завершения Белорусской операции приступили к очищению от врага Латвийской и Литовской союзных республик. В ходе этой операции советские войска вышли на Вислу и Нарев. Красная Армия начала изгнание фашистов с территории Польши. Советские воины до наступления осени перешагнули границу и с Восточной Пруссией. 30 лет прошло после того, как русские солдаты проходили здесь под огнем тяжелых немецких орудий. И вот Восточная Пруссия снова услышала русскую речь. Однако теперь на запад шли не бесправные и малограмотные крестьяне, погибавшие на полях сражений за чуждые им цели. На запад шли бойцы великой Страны Советов, воины-освободители, борцы с фашизмом, несшие свободу народам Европы.

На первом этапе Белорусской операции решались задачи взламывания стратегического фронта вражеской обороны. Тогда необходимо было добиться окружения и скорейшей ликвидации основных группировок противника в районах Витебска, Орши, Бобруйска и Минска. Поэтому Ставка, организуя взаимодействие фронтов, направляла их удары главным образом по сходящимся направлениям. После осуществления этих задач встала проблема организации немедленного преследования неприятеля и еще большего расширения гигантского прорыва. Теперь Ставка потребовала от фронтов нанесения ударов уже по расходящимся направлениям. 2-й и 3-й Белорусские фронты, сражавшиеся в

центре, получили приказ наступать на запад. Фланговые же фронты как бы разворачивали стратегический веер: 1-й Прибалтийский наступал на северо-запад, а в дальнейшем и на север; 1-й Белорусский – на юго-запад.

В начале июля 1944 года положение на фронтах было таким. 4-я ударная армия, освободив Полоцк, продвигалась вдоль железной дороги на Двинск (Даугавпилс). Там она и перешла в состав 2-го Прибалтийского фронта. Я настойчиво просил Верховного Главнокомандующего тогда же указать этому фронту сроки перехода его в наступление. Но этого сделано не было. Полагаю, что данное обстоятельство позволило руководству 2-го Прибалтийского фронта действовать с некоторой прохладцей. А ведь обстановка для наступления была весьма благоприятной. 6-я гвардейская, 43-я и 39-я армии 1-го Прибалтийского фронта продвигались на Двинск и от озера Нарочь – на Свенцяны. Здесь же позднее были введены 2-я гвардейская и 51-я армии. На северо-запад был повернут и 1-й танковый корпус. Южнее Нарочи действовали 5-я, 11-я гвардейская, 31-я (частично), 33-я (позднее), 5-я гвардейская танковая армии, 3-й гвардейский механизированный, 2-й гвардейский танковый и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса 3-го Белорусского фронта. Через Сморгонь, Ошмяны и по верхним притокам Немана они наступали на Вильнюс и Лиду.

Поддерживая самую тесную личную телефонную связь с И. Х. Баграмяном и И. Д. Черняховским, я продолжал координировать действия их войск, когда получил от Верховного Главнокомандующего указание в ближайшее время принять на фронте, в удобном для меня месте, главу военной миссии Великобритании в СССР генерала Бэрроуза и главу военной миссии США генерала Дина. Цель их прибытия ко мне как к начальнику Генерального штаба Красной Армии состояла в том, чтобы подробно информировать меня о ходе операции американо-английских войск в Нормандии и непосредственно на фронте ознакомиться с развитием наступления советских войск в Белоруссии. Моя встреча с ними состоялась в штабе 3-го Белорусского фронта, в лесу, вблизи станции Красная: с Бэрроузом 6 июля, с Дином – несколькими днями позже. По договоренности с И. Д. Черняховским, для них были организованы выезд на один из участков фронта и встреча с находившимися в распоряжении фронта немецкими генералами, захваченными в плен. В честь глав военной миссии Великобритании и США командующий фронтом дал обед. Во время бесед мы обменялись мнениями о боевых действиях.

6 июля я вновь просил Верховного Главнокомандующего в

разговоре по телефону об ускорении начала активных действий 2-го Прибалтийского фронта. Выдвижение правого крыла 1-го Прибалтийского фронта вдоль южного берега Западной Двины с каждым днем все более увеличивало и без того уже значительный его отрыв от левого крыла и тем более от главных сил 2-го Прибалтийского фронта. Это вызывало необходимость привлекать дополнительные силы для обеспечения 1-го Прибалтийского фронта с севера и в то же время не снимало угрозы для основной части его войск, наносивших удары в шяуляйском и каунасском направлениях, тем более, что немцы все время усиливали свою группировку в районе Двинска, нависавшую с севера над армиями 1-го Прибалтийского фронта, снимая для этого войска, стоявшие против 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов. В тот момент правофланговая 6-я гвардейская армия 1-го Прибалтийского фронта вела упорные бои перед Друей. Местные селения в этом районе неоднократно переходили из рук в руки. Я доложил Сталину также и о том, что, для усиления правого фланга войск Баграмяна, мы к 8 июля выводим на двинское направление 22-й стрелковый корпус и постараемся успеть к тому же сроку привести в порядок после трудных боев 1-й танковый корпус. Очередное наступление мы намечали начать 9 июля.

Верховный Главнокомандующий согласился с моими доводами и обещал определить сроки перехода 2-го Прибалтийского фронта в наступление после переговоров с командующим этим фронтом А. И. Еременко.

В эти же дни был решен вопрос о подключении к операции на севере войск не только 2-го, но и 3-го Прибалтийских фронтов, а на юге – 1-го Украинского фронта. По решению Ставки 2-й Прибалтийский фронт должен был перейти в наступление с рубежа Новоржев – Пустошка 10 июля, нанося удары на Резекне и совместно с войсками 1-го Прибалтийского фронта на Двинск; 3-му Прибалтийскому фронту предписывалось перейти в наступление 17 июля, прорвать оборону врага и овладеть Псковом. Переход 1-го Украинского фронта в наступление было решено начать 13 июля с тем, чтобы, используя успех 1-го Белорусского фронта, нанести решительный удар по немецко-венгерским войскам, входившим в группу «Северная Украина», освободить от оккупантов западные районы Украины. Предусматривалось, что 1-й Украинский фронт, взаимодействуя с левым крылом 1-го Белорусского фронта, нанесет два одновременных удара: один – из района Луцка на Раву-Русскую, второй – из района Тарнополя на Золочев, Львов, Перемышль. Тогда же было принято решение, что на севере 26 июля возобновит наступление Ленинградский фронт на нарвском

направлении. Совместно с 3-м Прибалтийским фронтом он будет развивать наступление на территории Эстонии.

В ночь на 10 июля во время телефонного разговора И. В. Сталин подтвердил мне, что с утра войска Еременко, выполняя указание Ставки, перейдут в наступление, а так как при этом они неизбежно должны будут тесно взаимодействовать с войсками Баграмяна, то в связи с этим, сообщил он, Ставка решила координацию действий войск 2-го Прибалтийского фронта возложить также на меня. Действия войск 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов координировал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Таким образом, советские войска в середине июля 1944 года развернули наступление на фронте от Балтики до Карпат. Успех в Белоруссии перерастал постепенно в успех всей нашей летней кампании, тем более, что наступление в Финляндии, открывшее собой эту кампанию, близилось к победному финалу.

Борьба за Прибалтику

«Начать не позднее 20 июля». – Новые задачи. – Необходимые коррективы. – Итоги летней операции. – Ставка – фронтам. – Курземская ловушка

Хотя возложенные на меня летом 1944 года функции координировать действия еще и 2-го Прибалтийского фронта прибавили мне забот, я мог теперь больше бывать на 1-м Прибалтийском фронте, так как согласовывал его действия с работой его правого соседа, с войсками 2-го Прибалтийского фронта.

На первых порах выполнения новых задач основное внимание командующего 1-м Прибалтийский фронтом И. Х. Баграмяна было приковано к двинской группировке противника. Под Двинском разгорелись кровопролитные бои. Взятие 4-й ударной армией 12 июля 1944 года Дриссы сразу же облегчило нам борьбу за Двинск. Сосредоточившийся там враг уже думал не о том, чтобы ударить с севера по флангу 1-го Прибалтийского фронта, а об обороне города. Но взять Двинск и выполнить поставленные перед фронтом задачи мы сумели бы только в том случае, если бы его войска не были обязаны наступать одновременно в западном, северо-западном и северном направлениях.

Посоветовавшись с И. Х. Баграмяном, я обратился в Ставку с просьбой освободить 1-й Прибалтийский фронт от нанесения главного удара левым крылом на Каунас и разрешить нам сосредоточить усилия на правом крыле, против Двинска, нацелив уже подходившие во фронт 51-ю и 2-ю гвардейскую армии в центр, на Паневежис и Шяуляй. Я выразил уверенность, что, развивая в дальнейшем этот удар на Ригу, можно быстрее и с меньшим риском расколоть здесь немецкую оборону, выйти к Балтийскому побережью, перерезать коммуникации из Прибалтики в Восточную Пруссию и отсечь группу армий «Север» от Германии. Кроме того, это неизбежно должно было сказаться на сопротивлении немецких 16-й и 18-й армий в целом, и тогда 2-му и 3-му Прибалтийским фронтам легче будет наступать из Псковской области в направлении Рижского залива.

Разговор состоялся в ночь на 12 июля перед тем, как я собирался перелететь на 2-й Прибалтийский фронт. Выслушав меня, Верховный Главнокомандующий согласился с нашими предложениями, спросил, сколько нужно времени фронту для подготовки удара, и потребовал ни в коем случае не прекращать наступления наличными силами. Удар с вводом новых сил

договорились организовать не позднее 20 июля. Условились также, что левофланговая во фронте 39-я армия, нацеленная на Каунас, вернется в состав 3-го Белорусского фронта. В связи с этим разграничительная линия между фронтами от Пабраде пройдет через Кедайняй в долину Шушве и к Жмудской возвышенности. Тем самым Южная Литва (Вильнюс, Каунас, Принеманье) поступала «в распоряжение» Черняховского как опорная территория для действий против Восточной Пруссии. 1-й Прибалтийский фронт окончательно поворачивался на северо-запад, к Курляндии, и на север к Риге.

В том же донесении Верховному я предложил передать от Черняховского Баграмяну 5-ю гвардейскую танковую армию и 3-й гвардейский механизированный корпус. Ответ был получен через два дня. Сталин сказал, что 1-й Прибалтийский фронт усилен двумя хорошо пополненными и вооруженными 2-й гвардейской и 51-й армиями и 3-м гвардейским механизированным корпусом, в который по моей просьбе срочно направляются танки. Если учесть, добавил он, что в наступление перейдут 2-й, а затем и 3-й Прибалтийские фронты, то у войск фронта Баграмяна есть все условия для успешного выполнения поставленных ему, хотя и сложных, задач. Поэтому танковую армию Верховный предлагал оставить у Черняховского. Таким образом, моя попытка доказать всю выгодность перехвата коммуникаций группы армий «Север» на шяуляйско-рижском или шяуляйско-лиепайском направлениях 1-м Прибалтийским фронтом, усиленным 5-й гвардейской танковой армией, ни к чему не привела.

И. В. Сталин сказал в заключение, что, при необходимости, это можно будет сделать и позднее, а пока требуется выполнить поставленные задачи имеющимися силами. В соответствии с прежде принятым решением Баграмян передавал Черняховскому левофланговую 39-ю армию. В свою очередь 3-й Белорусский обязан был передать во 2-й Белорусский фронт свой левофланговый 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Предусматривалось, что Черняховский будет наступать на Восточную Пруссию только с востока, а с юга пойдут войска Захарова.

Перелетев в войска 2-го Прибалтийского фронта, я два дня знакомился с положением на месте. Они сражались на промежуточном оборонительном рубеже противника, прикрывавшем Опочку, Себеж и Освею. Прорывая хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону врага, 10-я гвардейская армия генерал-лейтенанта М. И. Казакова и 3-я ударная армия генерал-лейтенанта В. А. Юшкевича, сосредоточив свои основные силы на внутренних флангах, развивали

наступление на Резекне. 22-я армия генерал-лейтенанта Г. П. Короткова от Освейского озера продвигалась к озеру Рушоны, чтобы вместе со своими левыми соседями – 4-й ударной и 6-й гвардейской армиями овладеть городом-крепостью (как его называли фашисты) Двинском. Пока я находился у Еременко, армии Казакова и Юшкевича успели выйти на реку Великую к северу и югу от Опочки, форсировали ее и перерезали шоссейную дорогу на Себеж. Тем не менее, в ночь на 14 июля Верховный упрекнул меня за медленные темпы наступления войск 2-го Прибалтийского фронта. Передав А. И. Еременко этот упрек и обсудив с ним меры, направленные на выполнение указаний Верховного, я возвратился на 1-й Прибалтийский фронт, чтобы помочь Баграмяну осуществить перегруппировку войск и с 20 июля перейти в наступление. В частности, отдал 90 танков из числа направленных в мое распоряжение на пополнение 3-го гвардейского механизированного корпуса, который должен был нанести удар на Паневежис.

Однако фронтовая обстановка вынудила меня основное внимание направить на 3-й Белорусский фронт, осуществлявший тогда Вильнюсскую операцию. Столица Советской Литвы Вильнюс являлась крупным укрепленным узлом немцев на подступах к Восточной Пруссии. Сюда, к железной дороге Вильнюс – Лида, отошла 3-я танковая армия генерал-полковника Рейнгардта, потрепанная под Витебском, а затем пополненная войсками, переброшенными с других участков фронта. 7 июля 5-я армия 3-го Белорусского фронта обошла Вильнюс с севера, через Шегалу пробилась к реке Вилии, перерезала у Евье (Вевис) железную дорогу на Каунас и, отразив танковые контратаки противника, продолжила свой рывок к устью реки Швентойи. 5-я гвардейская танковая армия сковала вильнюсскую фашистскую группировку с фронта. 11-я гвардейская армия обошла Вильнюс с юга, прорвалась к Лентварису и Тракай и у Вилии соединилась с 5-й армией. 15-тысячная группировка врага оказалась в окружении. Наши войска немедля рванулись к Каунасу и Сувалкам. Все попытки гитлеровцев деблокировать окруженных успеха не имели. Тем временем 31-я армия взяла Лиду.

13 июля 1944 года старый Вильнюс встретил советские войска. Передовые соединения ушли на 90 км западнее, приближались к Неману. Армия Галицкого вела бои за Алитус, армия Глаголева долиной реки Меркис пробилась к Друскининкай, кавалерийский корпус Осликовского прощупывал позиции врага на окраине Гродно. Две 5-е армии – общевойсковая и гвардейская танковая – совместными усилиями ликвидировали запоздалую попытку фашистов спасти от капитуляции

вильнюсский гарнизон. После этого войска 5-й армии Крылова устремились к Кошейдарам (Кайшядорис), а 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова я решил пополнить 100 танками Т-34, надеясь использовать ее в действиях войск 1-го Прибалтийского фронта.

До конца июля войска 3-го Белорусского фронта вели бои за упрочение плацдармов на западном берегу Немана. Их поддерживала с воздуха авиация 1-й воздушной армии. Отлично проявил себя здесь 1-й отдельный истребительный авиаполк «Нормандия» под командованием майора Луи Дельфино, сформированный из французских патриотов и получивший наименование Неманский.

Последняя декада июля ознаменовалась рядом крупных успехов Красной Армии. Войска 1-го Украинского фронта разгромили фашистскую группировку под Бродами, освободили Львов, Перемышль, Станислав, форсировали Вислу и захватили Сандомирский плацдарм. Армии 1-го Белорусского фронта форсировали Западный Буг, освободили Брест, Хелм и Люблин, затем вышли к Варшаве, форсировали Вислу и захватили магнушевский и пулавский плацдармы. Войска 2-го Белорусского фронта освободили Белосток.

3-й Белорусский фронт подступил к Каунасу. Войска 1-го Прибалтийского фронта овладели Паневежисом, Шяуляем, Митавой (Елгавой) и, совместно со 2-м Прибалтийским фронтом – Двинском. (Даугавпилсом). 3-й гвардейский мехкорпус сумел даже, хотя и ненадолго, прорваться долиной Лиелупе к Рижскому заливу. Войска 2-го Прибалтийского взяли Резекне и подступили к Лубанской низменности. Здесь отличился 130-й латышский стрелковый корпус генерал-майора Д. К. Бранткална. Армии 3-го Прибалтийского фронта овладели Островом, Псковом и приступили к освобождению южной Эстонии; войска Ленинградского фронта взяли Нарву. В условиях широчайшего наступления перед фронтами вставали новые задачи. После неоднократных бесед с представителями Ставки и командующими фронтами Верховное Главнокомандование издало фронтам частные директивы. Заложенная в них идея заключалась в том, чтобы еще до осени создать предпосылки окончательного освобождения Прибалтики и удара по Восточной Пруссии, упрочить положение в Польше и подготовиться к освобождению Закарпатской Украины. С этой целью 27 июля 1944 года, то есть в разгар нашего продвижения, были даны следующие указания. Прибалтийские фронты обязывались нанести решающие удары по немецкой группе армий «Север». Армии Ленинградского фронта должны были наступать через

северную Эстонию, громя фашистскую опергруппу «Нарва», на Таллин, Тарту и Пярну; армии 3-го Прибалтийского фронта – через южную Эстонию и северную Латвию на Валгу и Валмиеру; армии 2-го Прибалтийского., фронта – через Видземскую возвышенность на Ригу с востока; армии 1-го Прибалтийского фронта – от Шяуляя на Ригу с юга и левым крылом на Мемель (Клайпеду). Белорусские и 1-й Украинский фронты должны были идти на Восточную Пруссию и продолжать освобождать Польшу. При этом имелось в виду, что армии 3-го Белорусского фронта, взяв Каунас, выйдут к рубежу Расейняй – Сувалки и там надежно закрепятся для подготовки к вступлению на территорию Восточной Пруссии с востока, а армии 2-го Белорусского, нанеся основной удар на Ломжу, Остроленку, левым крылом продолжат наступление по Великопольской низменности на Млаву, главными же силами прочно закрепятся, чтобы затем ударить по Восточной Пруссии с юга, через Мазурское поозерье. Армиям 1-го Белорусского фронта предписывалось, подойдя к Варшаве и форсировав Вислу, нанести удар в северозападном направлении, парализовать вражескую оборону по Нареву и Висле и планировать наступление на Торн (Торунь) и Лодзь. Армии 2-го Украинского фронта после форсирования Вислы должны были овладеть Долиной, Дрогобычем и Саноком и, захватив перевалы в Восточных Карпатах, удерживать их, чтобы через Закарпатье выйти в Венгрию, предусматривая наступление на Ченстохов и Краков.

В связи с тем, что к наступлению подключались новые фронты, 29 июля директивой Ставки Г. К. Жукову было поручено не только координировать действия, но и руководить операциями 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов; я должен был не только координировать действия, но и руководить операциями, проводимыми 2-м и 1-м Прибалтийскими и 3-м Белорусским фронтами. Это была новая форма управления фронтами со стороны Ставки. Она осуществлялась ряд месяцев, и использование ее говорило о гибкости Верховного Главнокомандования. Мне этот опыт весьма пригодился, когда я был назначен Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

В то же время появились и другие директивы Ставки, направленные на совершенствование форм управления фронтами. 30 июля в Восточных Карпатах был образован 4-й Украинский фронт, ликвидированный после освобождения Крыма. В его задачу входило овладение Ужгородом, Мукачево и выход на стык Венгрии и Словакии. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник И. Е. Петров. Теперь войска 1-го Украинского

фронта могли все внимание уделить освобождению Польши, направляясь затем на Моравию или Силезию. 2 августа 2-й и 3-й Украинские фронты получили указания ускорить подготовку Ясско-Кишиневской операции. Таким образом, Красная Армия готовилась к наступлению от Балтики до Черного моря на всех направлениях и почти одновременно. Такого история Второй мировой войны еще не знала.

Как же сложилась обстановка на руководимых мною фронтах? К концу июля 1944 года передний край проходил (с севера на юг) в Латвии от озера Лубана к Екабпилсу на Западной Двине (Даугаве); оттуда поворачивал на запад к реке Мемеле; затем резко изгибался к северо-западу и, охватывая Митаву (Елгаву), выходил к Рижскому заливу возле Кемери; там, не достигнув Тукумса, сворачивал на юг и через Латвию и Северную Литву шел мимо Добеле, Жагаре, Шяуляя к реке Шешувис; оттуда на восток к реке Невежис; далее вел на юго-запад через Неман к железной дороге из Каунаса в Вирбалис, спускался на юг восточнее Сувалок и достигал реки Бебжа западнее Гродно. Такая извилистая линия фронта сама по себе таила возможности для взаимного нанесения фланговых ударов. Наиболее сложное положение создалось в том месте, где наши механизированные соединения прорвались к Рижскому заливу. Группа армий «Север» утратила сухопутные коммуникации, связывавшие ее с Германией. Северо-восточнее района прорыва оказались немецкие опергруппа «Нарва», 18-я и частично 16-я армии; западнее – другая часть 16-й армии, южнее – 3-я танковая и прочие армии группы «Центр». Между этими двумя группами армий находились теперь войска 1-го Прибалтийского фронта.

Гитлеровское командование начало лихорадочно подтягивать соединения к левому фасу войск 1-го Прибалтийского фронта, причем особенно к Тукумсу, Добеле и Шяуляю. 2 августа вечером я доложил Верховному Главнокомандующему, что для дальнейшего выполнения поставленных задач 1-й Прибалтийский фронт нуждается в дополнительном и срочном усилении, и вновь напомнил о 5-й гвардейской танковой армии. Кроме того, я просил перебросить сюда хотя бы один корпус из 4-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, компенсировав последнюю двумя стрелковыми корпусами из резерва Ставки. И. В. Сталин обещал выполнить эти просьбы, и на следующий день А. И. Антонов сообщил, что соответствующее решение принято. При этом танковую армию предусматривалось вывести к Расейняй и ударом на северо-запад, к Кельме, разбить немецкую группировку, сосредоточенную западнее Шяуляя. Еще через два дня Ставка разрешила вернуть на 1-й Прибалтийский фронт со 2-

го Прибалтийского 4-ю ударную армию в составе двух корпусов. Третий корпус был направлен на усиление 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта.

Армии 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов наступали на Ригу по сходящимся направлениям. Первый начал на своем правом крыле Тартускую операцию, продвигаясь левым крылом вдоль эстонско-латвийской республиканской границы. Второй 13 августа занял Мадону; до Риги по прямой ему осталось менее 150 км. В тот же день я направил в Ставку доклад, согласованный с военным советом 1-го Прибалтийского фронта, в котором обобщил данные нашей разведки, итоги последних боев и сообщил о создании врагом оборонительного рубежа по реке Мемеле. Нам было известно, что там развернуто до 7 пехотных немецких дивизий, а в лесах южнее Риги сосредоточивается группировка войск для наступления с севера на Митаву (Елгаву). В то же время западнее Шяуляя было зафиксировано другое скопление противника. Не исключено, что враг попытается рассечь с двух сторон клин, вбитый нами в сторону Рижского залива. Чтобы помешать этому, мы предложили усилить 4-ю ударную армию, которая должна наступать от Крустпилса вдоль Даугавы на Ригу, а также 6-ю гвардейскую армию, направив ее наперерез вражеской группировке; 43-ю армию мы предложили развернуть правее 51-й армии, организовав прочную оборону по реке Мемеле; уплотнить боевые порядки 51-й армии в районе Митавы, создав там недоступную для танков и пехоты оборону по реке Лиелупе и превратив этот район в мощный укрепленный узел; 3-й гвардейский механизированный корпус мы намеревались держать наготове для нанесения контрударов в направлении всех трех железных дорог, идущих из Митавы в Лиепайскую область; силами 2-й гвардейской армии и 1-го танкового корпуса прикрывать Шяуляй, превратив его в сильный укрепленный район. Все наши предложения Верховный утвердил.

16 августа противник нанес по нашим войскам удар 6 танковыми, 1 моторизованной дивизиями и 2 танковыми бригадами из Курляндии и из Жмуди. Последний удар, под Шяуляем, мы отразили, под Тукумсом врагу удалось оттеснить войска 1-го Прибалтийского фронта от Рижского залива и восстановить сухопутную связь с группой армий «Север». Там образовался шедший через Ригу вражеский коридор шириною до 50 км. Возник почти 1000-километровый оборонительный рубеж фашистов, протянувшийся от Нарвского залива к Чудскому озеру, от Тарту к озеру Выртс-ярве, оттуда на юг до реки Гауя, по ее верхнему течению через Видземскую возвышенность мимо Плявиняса к реке Мемеле, далее следовал изгиб на северо-запад к

Митаве и Добеле, откуда линия фронта спускалась на юг через Жмудь к восточнопрусской границе. Вот максимум того, чего добился здесь противник во второй половине августа.

В начале осени 1944 года мы могли подытожить наши летние достижения. Фашистскую коалицию постигли новые серьезные неудачи. В результате поражения финских войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии Финляндия 5 сентября вышла из войны. Поражение румынских войск и вспыхнувшее затем в Румынии восстание заставили румынских правителей заявить 23 августа о выходе из войны и через два дня объявить войну Германии. 8 сентября вышла из войны Болгария, в тот же день объявившая войну Германии. В центре советско-германского фронта наши войска стояли перед Восточной Пруссией, на Висле и в Карпатах. Вооруженные силы Германии несли невосполнимые потери.

Летняя кампания 1944 года явилась ярким примером суммы стратегических операций, сильнейшей из которых была Белорусская.

Победа в Белоруссии была победой не одной Красной Армии, а всего советского народа. Снабдив Красную Армию первоклассной боевой техникой, боеприпасами, снаряжением, горючим, продовольствием, труженики советского тыла, тем самым, обеспечили исторический успех и самой операции. Вдохновителем же и организатором этой победы была, как и прежде, Коммунистическая партия. Политико-воспитательное значение партийной агитации и пропаганды, нацеленность коммунистических лозунгов и призывов, авангардная роль коммунистов в бою – все это пронизывало фронтовую жизнь, воинские будни. Ни на один день не терялась также связь фронтов со Ставкой. Она тщательно вникала в ход событий и, если в том была необходимость, тотчас реагировала на принципиальные изменения в обстановке, а промахи фронтового руководства, своих представителей немедленно фиксировала и исправляла. Чтобы не быть голословным, приведу несколько документов, относящихся ко второй половине 1944 года.

6 июля Ставка направила командующим 1-го Прибалтийского и Белорусских фронтов (в копии – Жукову, мне и командующим остальных фронтов) директивное письмо, содержащее анализ недостатков в управлении войсками.

Прежде всего, отмечалось, что вследствие нарушения порядка передислокации штабов и командных пунктов, заключающегося в том, что они не организуют предварительно связи с подчиненными и высшими штабами на новом месте, теряется управление войсками, штабы в течение длительного времени не

знают обстановки.

Отсутствие организованного руководства и комендантской службы при прохождении войсками дефиле и переправ, говорилось далее, приводит к перемешиванию частей, скоплению войск и к потере времени.

Как крупный недостаток отмечалось отвлечение главных сил для решения второстепенных задач, что приводит к замедлению темпа наступления. В ряде случаев наблюдается беспечность со стороны командиров соединений и штабов, которые, продвигаясь вперед, не заботятся о разведке и охранении.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывала командующим войсками фронтов и армий принять решительные меры к устранению отмеченных ошибок и о принятых мерах донести в Генштаб[97]. 10 июля в письме Ставки командующему 2-м Прибалтийским фронтом говорилось о недочетах в его боевом приказе от 6 июля 1944 года: «а) 22-я армия вместо свертывания обороны к своему левому флангу и взаимодействия с 4-й ударной армией наносит изолированный удар на Освея. б) Артиллерийские дивизии не используются на одном участке прорыва, как это Вам было указано Ставкой, в) Задачи, поставленные войскам на первый день операции, не реальны, пехота должна в первый же день пройти от 50 до 80 км, что невыполнимо». Затем следовали заново сформулированные задачи по 22-й армии: нанести удар в общем направлении на Клястицы, Кохановичи, разрушить оборону противника в районе озера Нещердо и содействовать продвижению 4-й ударной армии. Обе артиллерийские дивизии должны были использоваться на участке прорыва 10-й гвардейской и 3-й ударной армий. Всем войскам ставились выполнимые задачи[98].

В тот же день Ставка направила письмо командующему 1-м Украинским фронтом, в котором также уточнялись некоторые пункты:

> «1. Танковые армии и конно-механизированные группы использовать не для прорыва, а для развития успеха после прорыва. Танковые армии, в случае успешного прорыва, ввести через день после начала операции, а конно-механизированные группы через два дня после начала операции, вслед за танковыми армиями. 2. На первый день операции поставить пехоте посильные задачи, так как поставленные Вами задачи, безусловно, завышены»[99].

Изучив решение руководства 1-го Украинского фронта в связи с форсированием реки Сан и продвижением к Висле и в

западных областях Украины, Ставка 24 июля 1944 года дала следующее указание:

> «Ставка Верховного Главнокомандования считает Ваш план использования танковых армий и кав. корпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена, и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок. Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор».

Далее шли конкретные рекомендации по использованию 1-й и 3-й гвардейских и 4-й танковых армий, 3-й гвардейской и 60-й общевойсковых армий, 1-го и 6-го гвардейских кавалерийских корпусов[100].

Хочется привести еще несколько документов, убедительно показывающих активное вмешательство Ставки в распоряжения командующих фронтов.

10 сентября командующий Ленинградским фронтом получил следующее указание:

> «Ставка считает неосновательным Ваш доклад как о резком ухудшении обстановки в районе Тарту, так и о нарушении, в связи с этим, плана предстоящей операции. Противник имеет на всем фронте в 70 км от Чудского озера до озера Выртс-ярве всего 2 пехотные дивизии, 8–9 отдельных потрепанных полков и боевых групп и 50–60 танков… Силы Ленинградского фронта в районе Тарту, не считая 3 слабых дивизий, указанных Вами, составляют 11 стрелковых дивизий, и, кроме того, Вы можете использовать на этом направлении еще 3 дивизии, перебрасываемые с Карельского перешейка… Ставка приказывает: 1. Прекратить ненужную переписку и заняться подготовкой войск к предстоящей операции». Далее давались советы о порядке действий[101].

В каждой директиве фронтам Ставка точно фиксировала положение дел, обосновывая свое согласие или несогласие с решением командования.

> «Перегруппировка и действия войск фронта ведутся крайне медленно; ни на одном из направлений не

созданы ударные группы для разгрома немецких войск, уже начавших на некоторых участках отход, – говорилось в директивном письме командующему Карельским фронтом от 10 сентября 1944 года. – На кандалакшском и кестеньгском направлениях наши войска втягиваются во фронтальные бои с частями прикрытия противника и позволяют ему планомерно отходить, вместо того чтобы отрезать пути отхода и разбить его… Прошу 10 сентября донести конкретный план действий войск, правого крыла фронта с указанием группировок, порядка действий, рубежей и сроков их достижения по каждому направлению в отдельности»[102].

Контролируя действия 4-го Украинского фронта, развернувшегося в Карпатах, Ставка писала его командующему 17 сентября:

«1. Направление наступления главной группировки фронта Вами значительно отклоняется к востоку, в результате чего теряется взаимодействие с 38-й армией 1-го Украинского фронта. Основным направлением наступления иметь Команьча, Гуменне, Михальовце. 2. Взаимодействие с 38-й армией 1-го Украинского фронта осуществлять постоянно, а не относить его на период после преодоления главного хребта. Возможности для такого взаимодействия имеются и отказываться от него неправильно»[103].

11 ноября, рассматривая положение в Закарпатье и Словакии, Генеральный штаб писал командующему 4-м Украинским фронтом (в копии – представителю Ставки С. К. Тимошенко):

«В связи с тем, что Вами выведено в резерв армий и фронта уже более половины всех имеющихся у Вас стрелковых дивизий, становится непонятным, как Вами мыслится проведение утвержденной Ставкой операции. Даже до вывода этих дивизий из первой боевой линии поставленная Вами задача выполнена не была. Прошу срочно сообщить, как Вы рассчитываете выполнить задачу при существующем положении[104]. А через 3 дня в тот же адрес шла новая директива: «Количество дивизий, используемых Вами для наступления, недостаточно для решения задачи выхода на рубеж Медзилабарце – Гуменне – Михальовце. Ставка… расценивает вывод Вами почти половины дивизий в

резерв фронта и армий как стремление считаться только с интересами своего фронта, не заботясь о положении соседа и общих интересах». После изложения этих фактов в директиве перечислялись меры, которые надлежало принять командованию для исправления положения»[105].

Такой стиль руководства фронтами был характерен и для Генштаба. Так, подводя итоги, доложив их в Ставку и получив ответы на свои выводы, Генеральный штаб направил 30 ноября командующим Белорусскими и 1-м Украинским фронтами (копии – командующим бронетанковыми и механизированными войсками, военно-воздушными силами, кавалерией Красной Армии) следующее письмо:

«В летних операциях 1944 года отмечены следующие основные недочеты в организации взаимодействия подвижных войск (танковых, механизированных и кавалерийских соединений) с авиацией при действиях их в оперативной глубине:

1. Несогласованность во времени ударов по противнику подвижных войск и авиации.

2. Запаздывание вылетов авиации по вызову командиров подвижных соединений.

3. Недостаточное прикрытие недвижных соединений с воздуха (на месте и в движении) средствами авиации.

В целях устранения недочетов в организации взаимодействия подвижных войск с авиацией Верховный Главнокомандующий приказал:

1. Проработать вопросы взаимодействия подвижных соединений с авиацией по опыту операций, проведенных войсками фронта.

2. Под руководством начальника штаба фронта провести командно-штабное учение командиров и штабов подвижных и авиационных соединений по отработке практических вопросов взаимодействия между ними.

3. О времени проведения учений и об итогах их донести в Генштаб»[106].

Ставка особенно обстоятельно излагала свои доводы, когда ее предложения не совпадали с решениями командующих фронтами. Вот один из примеров.

Руководство 2-го Украинского фронта в связи с перевооружением истребительно-противотанковых артбригад

высказалось за то, чтобы рассредоточить батареи 100-мм пушек по полкам. 29 декабря 1944 года Ставка в письме командующему фронтом (копия – Главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову) отмечала:

> «Считаем неправильным Ваше предложение о том, чтобы не иметь полковой организации 100-мм пушек внутри противотанковой артиллерийской бригады, а иметь лишь отдельные батареи этих пушек, разбросанные по полкам бригады. Во-первых, Ваше предложение учитывает лишь условия ведения оборонительного боя при отсутствии у противника большого количества тяжелых танков и самоходок, что бывает довольно редко; но оно совершенно не учитывает танковых контратак противника при наступлении, наших войск и танковых атак противника при его наступлении, когда нам выгоднее массированное использование 100-мм пушек, собранных в кулак в виде полка. Во-вторых, в организационном отношении, в интересах учебы и материального обеспечения также выгоднее 100-мм пушки иметь в одном полку бригады, а не распылять их побатарейно во все полки бригады. В-третьих, в случае необходимости, батареи 100-мм пушек могут временно выделяться на усиление других полков бригады с тем, однако, чтобы у них был готовый хозяин в виде командира полка и его штаба, способного, в случае необходимости, вновь собрать батареи в полк и массированно использовать их. В силу этого Ставка отклоняет Ваше предложение»[107].

Я мог бы привести здесь много других таких же документов, свидетельствующих о роли Ставки и Верховного Главнокомандующего в руководстве фронтами. Все это также говорит о том, что Верховный Главнокомандующий как организатор и руководитель действий наших войск был на высоте.

Я несколько забежал вперед, цитируя документы осени 1944 года. Вернусь к событиям, происходившим тогда в Прибалтике.

Прибалтийская стратегическая операция включала в себя четыре фронтовые. Рижскую (с 14 по 27 сентября), Таллинскую (с 17 по 26 сентября), Моонзундскую (с 30 сентября по 24 ноября) и Мемельскую (с 5 по 22 октября). 29 августа меня освободили от руководства операциями 3-го Белорусского фронта и поручили мне все три Прибалтийских фронта. Но с 30 сентября мне снова было поручено руководство 3-м Белорусским и 1-м

Прибалтийским фронтами, а руководство 2-м и 3-м Прибалтийскими возложили на командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова. 16 октября мне добавили 2-й Прибалтийский, вобравший в себя войска из расформированного 3-го. За Говоровым был оставлен только Ленинградский фронт. 8 ноября, чтобы я мог сосредоточить все внимание на Прибалтике, командующий 3-м Белорусским фронтом был непосредственно подчинен Ставке. А зимой 1944–45 года Прибалтийские фронты снова были отданы Говорову, и т. д. Практически же до самого нового года я почти не покидал Прибалтику, всецело занятый ее делами. Отлучался только для участия в разработке новых стратегических операций.

Осенью наши войска в Прибалтике, перегруппировываясь и пополняясь, готовились к разгрому немецкой группы армий «Север». 26, 29 августа и 2 сентября Ставка направила фронтам директивы. Карельскому, Ленинградскому, всем Белорусским, 1-му и 4-му Украинским предписывалось перейти к жесткой обороне. На севере и в центре мы, перед очередным рывком вперед, решили переждать. Наступательные задачи ставились Прибалтийским, 2-му и 3-му Украинским фронтам. Войска 3-го Украинского фронта через Плоешти и Бухарест выходили к Дунаю, а правым крылом через Трансильванию к Восточным Карпатам. Войска 4-го Украинского должны были развить наступление в Словакию. Спустя несколько дней войска 2-го и 4-го Украинских фронтов получили частные задачи продвинуться через Команьчу и Прешов, соединиться со словацкими повстанцами и помочь антифашистскому восстанию в Баньской Бистрице.

Боевые действия в Прибалтике почти не затихали. Ленинградский фронт пока не мог сломить лобовым ударом фашистскую оборону на реке Нарве. Поэтому Говоров, получив для усиления 2 стрелковых корпуса и укрепленный район из 3-го Прибалтийского, должен был перебросить 1 армию через чудско-псковскую озерную горловину и от Тарту ударить на север, в ракверском направлении, чтобы угрожать с тыла нарвской группировке врага.

2-й Прибалтийский, во взаимодействии с 3-м и 1-м, наносил главный удар на Ригу, а правым крылом – на Дзербене, навстречу

3-му Прибалтийскому фронту. Таким образом, войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов должны были рассечь группу армий «Север». Им удалось сделать это частично. Основную массу своих сил немцы, откатываясь под ударами Ленинградского и двух северных Прибалтийских фронтов, увели в район Риги и на Курземский полуостров.

1-й Прибалтийский фронт, которому я по-прежнему уделял главное внимание, получил задание в течение двух недель измотать в оборонительных боях фашистскую танковую группировку, не позволить ей прорваться у Митавы и Шяуляя и помешать врагу расширить прибрежный коридор из Курляндии в Лифляндию. Правое крыло войск 1-го Прибалтийского фронта должно было, взаимодействуя с армиями двух остальных фронтов, разгромить группировку противника севернее Западной Двины и помешать ее отходу в Лиепайскую область. Для каждой армии были предусмотрены оперативные направления и сформирован танково-механизированный кулак – «рижский экспресс».

Общее наступление должно было начаться 14 сентября. Четырем нашим фронтам противостояли на участке от Немана до эстонского побережья свыше 700 тыс. вражеских солдат и офицеров (56 дивизий и 3 бригады), 7 тыс. орудий и минометов, 1216 танков и штурмовых орудий, 400 боевых самолетов. С нашей стороны действовали 900 тыс. человек, до 17,5 тыс. орудий и минометов, более 3 тыс. танков и САУ, свыше 2,6 тыс. самолетов (вместе с Авиацией дальнего действия и морской – около 3,5 тыс. самолетов). С моря операцию поддерживал и участвовал в ней Краснознаменный Балтийский флот.

Перед началом боевых действий я побывал в войсках, убедился в их готовности и отличном настроении.

В середине сентября забушевала с нарастающей силой стальная метель. 18-го я докладывал в Ставку:

> «На фронте 6-й гвардейской армии Чистякова к юго-западу от Добеле противник с утра 17.IX повел наступление в восточном направлении силами 5-й, 4-й танковых дивизий и моторизованной дивизии «Великая Германия». Всего в бою принимало участие около 200 танков и самоходных орудий. До подхода к району действий с нашей стороны необходимых танковых и противотанковых средств, противнику удалось вклиниться в нашу оборону от 4 до 5 км. Дальнейшее продвижение противника приостановлено. За день боя подбито и сожжено до 60 танков и самоходных орудий противника… С 10.00 18.IX противник возобновил наступление. До 13.00 все его атаки отбиты»[108].

Мы бросили навстречу врагу 1-й и 19-й танковые корпуса генерал-лейтенантов танковых войск В. В. Будкова и И. Д. Васильева и на, всякий случай, приготовили еще 5-ю гвардейскую танковую армию. Ее прежний командующий П. А. Ротмистров был

назначен заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии, и теперь армию вел в бой генерал-лейтенант танковых войск В. Т. Вольский, мой давний знакомые по Сталинградской битве. Прибалтика явилась новой ступенью его военной карьеры, и в октябре того же года он получил звание генерал-полковника танковых войск.

Отражая яростный штурм врага, мы на 2 дня задержали удар 51-й армии Я. Г. Крейзера на Тукумс. Тем временем войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов очищали от фашистов Рижскую область. Но продвигались они очень медленно. Мы решили дать им в помощь для действия вдоль Рижского шоссе 61-ю армию генерал-полковника П. А. Белова. Войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов приближались к Сигулде – вражескому оборонительному рубежу в 70 км от Риги. Между тем на участке немецкой 3-й танковой армии в Клайпедской области, как установила разведка, находилось не более 8 фашистских дивизий. Остальные были направлены под Митаву, на выручку группы армий «Север», в состав которой 3-я танковая армия вошла незадолго до этого.

Получив соответствующее донесение, Ставка приняла решение перенести главный удар на мемельское направление. 24 сентября мы немедленно начали перегруппировку войск, в результате которой резко усиливалось левое крыло 1-го Прибалтийского фронта.

Под Шяуляй были собраны крепкие танковые и общевойсковые силы для удара на Палангу, Мемель (Клайпеду) и устье Немана. Вместе с военным советом 1-го Прибалтийского фронта мы разработали план этой операции: она должна была осуществляться на глубине в 130 км с прорывом 6 оборонительных рубежей противника. Войска фронта выходили к Восточной Пруссии с севера.

30 октября Ставка, опираясь на наш план, приказала командующим 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов готовить наступательную операцию по овладению северной частью Восточной Пруссии. 5 октября началась Мемельская операция. Таким образом, мы опередили врага, который намечал в середине октября организовать контрнаступление под Ригой.

Через 5 дней, ломая отчаянное сопротивление гитлеровцев, общевойсковые и танковые объединения и соединения 1-го Прибалтийского фронта вышли к Балтике севернее и южнее Мемеля. Группа армий «Север» вторично, и на этот раз окончательно, была отрезана от Германии.

15 октября вновь стала свободной советская Рига. Избежавшие разгрома 38 вражеских дивизий оказались в

«курземской изоляции», прижатые к морю в районе от р. Барта до Тукумса, и еще 3 дивизии – в Мемеле. В распоряжении группировки были такие порты, как Мемель (Клайпеда), Либава (Лиепая), Павилоста, Виндава (Вентспилс), Мазирбе и Мерсраг. Но после Моонзундской операции мы с острова Эзель (Сааремаа) контролировали движение с Мазирбе и Мерсрага. Под ударами кораблей Балтийского флота и его морской авиации находились коммуникации и к остальным портам. Активно действовали с суши самолеты 13-й, 14-й, 15-й и 3-й воздушных армий (командующие генерал-лейтенанты С. Д. Рыбальченко и И. П. Журавлев, генерал-полковники Н. Ф. Науменко и Н. Ф. Папивин), а также Авиация дальнего действия. Немногим удалось выбраться с Курземского полуострова. Надежно заблокировав вражеские войска, мы не тратили на них порох, не несли жертв: предоставили их самим себе, пока группировка не капитулировала.

После 16 октября расформировали 3-й Прибалтийский фронт. Его войска частично передавались 2-му Прибалтийскому, частично выводились в резерв Ставки. Одновременно мне пришлось планировать вместе с командованием двух других Прибалтийских фронтов и Балтийского флота частные операции против изолированного противника. Начиная с декабря 1-й Прибалтийский стал активно помогать 3-му Белорусскому фронту в боях на Немане. 13 января 1945 года оба Прибалтийских фронта перешли к жесткой обороне.

Во время боев за Прибалтику со мной приключилось не совсем приятное происшествие. Как-то под вечер я ехал с КП от Еременко к Баграмяну. Навстречу нам с огромной скоростью мчался «виллис». За рулем сидел офицер. Мы не успели ни отвернуть, ни остановиться, как он врезался в нашу машину. Я и находившиеся со мной офицеры вылетели из машины. Я с трудом встал, сильно болели голова и бок. Смотрю, подходит ко мне бледный, как полотно, старший лейтенант и протягивает свой пистолет.

– Товарищ маршал, – срывающимся голосом проговорил он, – расстреляйте меня, я этого заслуживаю.

Он был или пьян, или казался таким от потрясения. Я приказал ему убрать оружие, отправиться в часть и доложить там о случившемся. Десять дней провалялся я у себя в управлении группы, не вставая с постели. Потом постепенно включился в работу с выездами в войска. Но историей этого офицера, к сожалению, не помню его фамилии, пришлось еще заниматься. Как мне доложили, командование решило отдать его под суд военного трибунала. Я поинтересовался, кто этот офицер, и

узнал, что он является командиром фронтовой роты разведки, отличался в боях, дисциплинарных нарушений не имел. Пришлось заступиться. Как только он приступил к исполнению служебных обязанностей, в ту же ночь блестяще выполнил боевое задание. А через некоторое время, как мне говорили, был удостоен звания Героя Советского Союза.

Когда примерно через месяц я приехал в Москву и пошел на рентген, врачи установили, что у меня были следы перелома двух ребер.

Весной 45-го в Восточной Пруссии

Разработка плана. – Два этапа операции. – Памяти Ивана Черняховского. – Развернутая подготовка. – Перед Кенигсбергом. – Наше решение. – Штурм. – Исторический финал. – Имени героев. – Несколько слов о Берлинской операции

Восточная Пруссия давно была превращена Германией в главнейший стратегический плацдарм для нападения на Россию и Польшу. С этого плацдарма было совершено нападение на Россию в 1914 году. Отсюда кайзеровские войска пытались нанести удар по Петрограду в 1918 году. Отсюда двинулись фашистские полчища в 1941-м.

На протяжении 1941–1945 годов Восточная Пруссия имела важное экономическое, политическое и стратегическое значение для немецкого верховного командования. Здесь, в глубоких подземных убежищах под Растенбургом, вплоть до 1944 года, располагалась ставка Гитлера, прозванная самими фашистами Wolfsschanze («Волчья яма»). Овладение Восточной Пруссией – цитаделью германского милитаризма – составило важную страницу завершающего этапа войны в Европе. Фашистское командование придавало большое значение удержанию Пруссии. Она должна была прочно прикрыть подступы к центральным районам Германии. На ее территории и в прилегающих к ней районах северной части Польши был возведен ряд укреплений, сильных в инженерном отношении фронтальных и отсечных позиций, а также крупных узлов обороны, насыщенных долговременными сооружениями. Старые крепости в значительной мере модернизировали; все сооружения были прочно связаны между собой в фортификационном и огневом отношении. Общая глубина инженерного оборудования достигла здесь 150–200 км. Особенности рельефа Восточной Пруссии – озера, реки, болота и каналы, развитая сеть железных и шоссейных дорог, крепкие каменные постройки – в значительной степени способствовали обороне. К 1945 году восточнопрусские укрепленные районы и полосы обороны, с включенными в них крепостями, сочетавшимися с естественными препятствиями, не уступали по своей мощи западногерманской «линии Зигфрида», а на отдельных участках превосходили ее. Особенно сильно была развита в инженерном отношении оборона на основном для нас направлении – Гумбиннен, Инстербург, Кенигсберг.

Фашистское командование, опираясь на столь мощные укрепления, рассчитывало, во что бы то ни стало остановить

продвижение наших войск. Здесь была сосредоточена крупная группировка войск воссозданной после разгрома в Белоруссии группы армий «Центр» (с 26 января 1945 года группа армий «Север») (3-я танковая, 4-я и 2-я армии). К середине января 1945 года в группу армий входили 43 дивизии (35 пехотных, 4 танковые, 4 моторизованные) и 1 бригада общей численностью в 580 тыс. солдат и офицеров и 200 тыс. фольксштурмовцев. Они имели 8,2 тыс. орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 775 самолетов 6-го воздушного флота. Возглавляли группу армий «Север» генерал-полковник Рендулич, а затем генерал-полковник Вейхс.

Началась Восточнопрусская операция 13 января 1945 года войсками 3-го Белорусского фронта (командующий генерал армии И. Д. Черняховский, член военного совета генерал-лейтенант В. Е. Макаров, начальник штаба генерал-полковник А. П. Покровский) и 14 января – 2-го Белорусского фронта (командующий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, член военного совета генерал-лейтенант Н. Е. Субботин, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов). Войска 3-го Белорусского фронта занимали к тому времени исходное положение по линии Сударги – Нилькаллен – Голдап – Августов; 2-го Белорусского – по рекам Бобр (Бебжа) и Нарев до Сероцка на Буге включительно, с плацдармами на западном берегу Нарева у Рожан и Сероцка. В состав обоих фронтов входили 14 общевойсковых, 1 танковая, 2 воздушные армии, 8 танковых, механизированных и 1 кавалерийский корпус. Общая численность участвовавших в операции войск к тому времени составляла более 1 млн. 600 тыс. человек, имевших на вооружении 25 426 орудий и минометов, более 3,8 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок и свыше 3 тыс. самолетов. Таким образом, на восточнопрусском направлении и в Северной Польше наши войска превосходили противника в живой силе в 2,1 раза, в артиллерии – в 3,1, в танках – в 5,5, в самолетах – в 4 раза.

Как же планировалась эта операция? В первых числах ноября 1944 года Г. К. Жукова и меня вызвали в Москву. 5 ноября войска 3-го Белорусского фронта, в связи с неудачными попытками ворваться в пределы Восточной Пруссии, получили приказ перейти к жесткой обороне в южной Литве. За мной Ставка директивой от 8 ноября оставила руководство операциями 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, действовавших в северной Литве и в Латвии. В ноябре 1944 года в Генштабе и в Ставке шла разработка плана на зимне-весеннюю кампанию 1945 года.

Восточнопрусскую группировку гитлеровцев нужно было разгромить, во что бы то ни стало, ибо это освобождало армии 2-

го Белорусского фронта для действий на основном направлении и снимало угрозу флангового удара из Восточной Пруссии по прорвавшимся на этом направлении советским войскам.

Согласно замыслу общая цель операции заключалась в том, чтобы отсечь армии группы «Центр», оборонявшиеся в Восточной Пруссии, от остальных фашистских сил, прижать их к морю, расчленить и уничтожить по частям, полностью очистив от врага территорию Восточной Пруссии и Северной Польши. Успех такой операции в стратегическом отношении был исключительно важен и имел значение не только для общего наступления советских войск зимою 1945 года, но и для исхода Великой Отечественной войны в целом.

Сначала войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов должны были согласованными концентрическими ударами отсечь восточнопрусскую группировку врага от его основных сил и прижать к морю.

Затем войска 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов должны были окружить вражеские войска и уничтожить их по частям. При этом из 3-го Белорусского в 1-й Прибалтийский фронт, а из 2-го Белорусского в 3-й Белорусский передавалась часть войск. Ставка посылала на эти фронты дополнительные войсковые усиления из своего резерва. Предполагалось, что в ходе операции 2-й Белорусский фронт в тесном взаимодействии с 1-м Белорусским будет перенацелен для действий на основном направлении – через Восточную Померанию на Штеттин. В соответствии с произведенными Генеральным штабом расчетами, операция должна была начаться в середине января 1945 года.

12 ноября 1944 года Г. К. Жукова назначили командующим 1-м Белорусским фронтом, К. К. Рокоссовского – 2-м Белорусским. Руководство операциями всех Белорусских фронтов, а, следовательно, руководство подготовкой и проведением Восточно-прусской операции, перешло непосредственно к Верховному Главнокомандующему. Поэтому командующие войсками фронтов для согласования принятого Ставкой плана операций вызывались непосредственно к Верховному. Мне не пришлось быть участником этих встреч, так как я находился в Прибалтике. О ходе подготовки операции и руководстве фронтами со стороны Ставки рассказывают следующие директивы командующим. Директивой командующему 3-м Белорусским фронтом от 3 декабря приказывалось: провести наступательную операцию с целью разгрома тильзитско-инстербургской группировки противника и через 10–12 дней овладеть рубежом Немониен, Жаргиллен, Норкиттен, Даркемен, Голдап. Затем, прочно обеспечивая главную группировку фронта с юга, развивать

наступление на Кенигсберг по обоим берегам реки Прегель, имея главные силы на ее южном берегу.

Главный удар силами четырех общевойсковых армий и двух танковых корпусов фронт, согласно директиве, должен был нанести из района севернее Шталлупенен, Гумбиннен в общем направлении на Маллвишкен, Ауловенен, Велау.

Во втором эшелоне фронт должен иметь одну армию (2-ю гвардейскую) с танковым корпусом и использовать ее после прорыва для наращивания удара на главном направлении.

Действия главной группировки войск Ставка предписывала обеспечить с севера со стороны Немана – обороной одного стрелкового корпуса 39-й армии и наступлением ее главных сил в направлении Тильзит; с юга – обороной 28-й армии южнее Вальтеркемен и наступлением части ее сил из-за левого фланга участка прорыва в общем направлении на Даркемен. 31-я армия должна была прочно оборонять занимаемый ею фронт к югу от Голдап. Танковые корпуса приказывалось использовать для развития успеха после прорыва на главном направлении[109].

Командующий 2-м Белорусским фронтом директивой Ставки от 28 ноября обязывался подготовить и провести операцию по разгрому пшаснышско-млавской группировки противника и, не позднее 10–11 дня наступления, овладеть рубежами Мышинец – Вилленберг – М. Бежунь – Плоцк, в дальнейшем наступать в направлении на Ново-Място, Мариенбург. Главный удар наносили 3 общевойсковые, 1 танковая армии и 3 корпуса от Ружан через Млаву в направлении на Лидзбарк; во втором эшелоне фронта находилась одна армия, которая вводилась после прорыва с ружанского плацдарма. Она должна была свернуть оборону противника перед правым крылом фронта и обезопасить главную группировку от удара врага с севера. Второй удар 2 общевойсковые армии и 1 танковый корпус наносили южнее с сероцкого плацдарма, в направлении на Плоньск и Бельск. Кроме того, содействуя 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника, часть сил левого крыла 2-го Белорусского фронта должна была наступать в обход Модлина с запада, чтобы не допустить отхода варшавской группировки на Вислу, и форсировать Вислу западнее Модлина. Краснознаменному Балтийскому флоту (командующий адмирал В. Ф. Трибуц, член военного совета вице-адмирал Н. К. Смирнов, начальник штаба контр-адмирал А. Н. Петров) Ставка приказывала всемерно содействовать войскам фронтов, наступавшим вдоль морского побережья.

Командующий 3-м Белорусским фронтом Черняховский решил нанести главный удар на Инстербург, Велау (ударная

группировка: 39-я армия генерал-лейтенанта И. И. Людникова, 5-я – генерал-полковника Н. И. Крылова, 28-я – генерал-лейтенанта А. А. Лучинского, 11-я гвардейская – генерал-полковника К. Н. Галицкого, 1-й и 2-й гвардейские танковые корпуса). 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта П. Г. Чанчибадзе наносила вспомогательный удар на Даркмен. 31-я армия генерал-полковника В. В. Глаголева (с 17 января ею командовал генерал-лейтенант П. Г. Шафранов) должна была обороной на широком фронте обеспечить левое крыло и быть готовой перейти в наступление в направлении от Сувалок на Летцен. Действовавшая севернее всех, на левом крыле 1-го Прибалтийского фронта, 43-я армия генерал-полковника А. П. Белобородова ударом на Тильзит помогала наступлению 3-го Белорусского фронта. С воздуха наземные войска поддерживала 1-я воздушная армия генерал-полковника Т. Т. Хрюкина и 3-я воздушная армия генерал-полковника Н. Ф. Папивина.

Во 2-м Белорусском фронте главный удар наносили 3-я армия генерал-полковника А. В. Горбатова, 48-я – генерал-полковника Н. И. Гусева, 2-я ударная – генерал-полковника И. И. Федюнинского и 5-я гвардейская танковая армия – генерал-полковника танковых войск В. Т. Вольского. С севера их удар обеспечивался наступлением на Ортельсбург 49-й армии генерал-лейтенанта И. Т. Гришина и обороной на широком фронте самой правофланговой, 50-й армии генерал-лейтенанта И. В. Болдина (затем ею командовал генерал-лейтенант Ф. П. Озеров). Второй удар наносили на левом крыле фронта в направлении на Грауденц (Грудзендз); и Торн. (Торунь) 65-я армия генерал-полковника П. И. Батова и 70-я – генерал-полковника В. С. Попова. Они должны были прикрыть наступление наших войск на варшавско-берлинском направлении. 4-я воздушная армия генерал-полковника авиации К. А. Вершинина поддерживала сухопутные войска с воздуха.

Начали наступление фронты успешно (3-й Белорусский – 13 января, 2-й Белорусский – 14 января). Этому во многом содействовала сильнейшая артподготовка. Замечу попутно, что Восточнопрусская операция по расходу боеприпасов вообще не имела себе равных среди всех операций в истории войн. Два фронта получили 13,3 млн. снарядов и мин, 620 млн. патронов, 2,2 млн. ручных гранат. Только за 13–14 января войска 3-го Белорусского фронта израсходовали более 1 тыс. вагонов основных номенклатур боеприпасов, а войска 2-го Белорусского лишь за 14 января – свыше 950 вагонов. Всего же оба фронта израсходовали более 15 тыс. вагонов боеприпасов. Для перегрузки их из вагонов и подачи в войска потребовалось (в

перерасчете на 2,5-тонные автомашины) около 100 тыс. автомобилей.

К 18 января немецкие войска, несмотря на отчаянное сопротивление, потерпели тяжелое поражение в местах главных ударов наших армий и начали отступать от рубежа к рубежу, постоянно вводя в бой свежие силы. 21 января 1945 года К. К. Рокоссовский получил директиву Ставки о продолжении наступления на Дейч-Эйлау и Мариенбург с тем, чтобы не позднее 2–4 февраля овладеть Эльбингом, Торном и отрезать противнику все пути отхода из Восточной Пруссии к Одеру. В дальнейшем следовало действовать основными силами в полосе между Данцигом и Штеттином.

До конца января, ведя упорнейшие бои, 2-й и 3-й Белорусские фронты все же не сумели выполнить все задачи, поставленные Верховным Главнокомандованием. Но они нанесли врагу серьезный урон, потеснили его и овладели значительной частью Восточной Пруссии. Войска 2-го Белорусского фронта, выйдя к заливу Фришес-Хафф, отделенному косой от Данцигской бухты, и войска 3-го Белорусского, выйдя к морю севернее и южнее Кенигсберга, отрезали восточнопрусскую группировку от остальных немецко-фашистских сил и расчленили уцелевшие от разгрома войска группы армий «Север» на три части. 4 дивизии противника были прижаты к морю на Земландском полуострове; 5 дивизий с крепостными частями заблокированы в Кенигсберге; до 20 дивизий окружены юго-западнее Кенигсберга. Одновременно 1-й Прибалтийский фронт, обеспечивавший с севера действия 3-го Белорусского фронта, овладел 28 января крупным морским портом Мемель (Клайпеда). Таким образом, немецко-фашистское командование почти полностью лишилось возможности наносить удары из Восточной Пруссии по советским войскам, наступавшим на берлинском направлении. Противник нес тяжелые потери. На первом этапе Восточнопрусской операции в плен было взято до 52 тыс. солдат и офицеров, захвачено много вооружения и боевой техники. Красная Армия освободила из восточнопрусских концентрационных лагерей до 68 тыс. граждан стран Европы. Таковы итоги первого этапа Восточнопрусской операции.

Мне приходилось читать в некоторых книгах упреки в адрес Ставки и Генерального штаба по поводу недостаточных темпов реализации замыслов оперативного плана. Было бы неверно утверждать, что Ставка и Генеральный штаб не допускали ошибок. Были они и при проведении Восточнопрусской операции. Допустим, нам не удалось предотвратить отход главных сил 2-й немецкой армии за Вислу, в Восточную Померанию. Этот упрек в

адрес тогдашних работников Ставки и Генштаба справедлив. Но не следует приписывать Ставке и Генштабу то, что они не принимали мер к ускорению темпов проведения операции. Это противоречит истине. Необоснованным является обвинение Ставки и Генерального штаба также в том, что они, планируя Восточнопрусскую операцию, с самого начала всецело возлагали задачу ликвидации восточнопрусской группировки немцев лишь на 3-й Белорусский фронт, а основные усилия 2-го Белорусского направляли не против этой группировки и на взаимодействие не с 3-м, а с 1-м Белорусским фронтом, решавшим задачи на варшавско-берлинском направлении. Несправедливо также упрекать Ставку и в том, что только в ходе операции, когда выявилось, что 3-й Белорусский фронт не сможет справиться с возложенной на него задачей, она была вынуждена в начале 20-х чисел января повернуть основные силы 2-го Белорусского фронта на север, или даже на северо-восток. Это решение, как утверждают некоторые, явилось для 2-го Белорусского фронта не только крайне неожиданным, но и поставило его в исключительно трудное положение. Архивные документы – директивы Ставки, которые легли в основу проведения данной операции, убедительно доказывают несостоятельность таких обвинений.

В связи с тем, что Ставка в начале февраля приняла решение о переходе Прибалтийских фронтов к временной обороне, а И. В. Сталин и А. И. Антонов отбыли на Ялтинскую конференцию глав великих держав, мне было приказано возвратиться к выполнению обязанностей начальника Генерального штаба и заместителя наркома обороны. Руководство операциями Прибалтийских фронтов было возложено на командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова.

По решению Ставки 6 февраля 2-й Прибалтийский фронт вобрал в себя войска 1-го Прибалтийского, управление которого в свою очередь приняло 43-ю, 39-ю и 11-ю гвардейскую армии из 3-го Белорусского фронта, получившего 50-ю, 3-ю, 48-ю, 5-ю гвардейскую танковую армии и 8-й гвардейский танковый корпус 2-го Белорусского фронта. Суть этих перестановок, которыми мне пришлось заниматься, заключалась в том, чтобы армии 2-го Белорусского фронта могли уделить основное внимание Северной Германии. Теперь армии 2-го Белорусского фронта, выйдя на Вислу к югу от Мариенбурга, как и намечалось первоначальным планом, перенацеливались Ставкой для действий непосредственно в Померании.

8 февраля с согласия Сталина (полученного из Ялты по телефону) я дал К. К. Рокоссовскому следующую директиву:

«1. Центром и левым крылом фронта (2-я ударная армия, 65-я, 49-я, 70-я армии, 1-й гвардейский танковый корпус, 8-й механизированный корпус, 3-й гвардейский кавалерийский корпус и не менее четырех артдивизий прорыва) 10 февраля перейти в наступление к западу от реки Висла и не позже 20.II овладеть рубежом устье р. Вислы – Диршау – Берент – Руммельсбург – Нойштеттин. 2. В дальнейшем, с подходом 19-й армии, развивать наступление в общем направлении на Штеттин, овладеть районом Данциг, Гдыня и очистить от противника побережье вплоть до Померанской бухты»[110].

10 февраля начался второй этап боевых действий советских войск в Восточной Пруссии – ликвидация изолированных группировок немецко-фашистских войск. Выполнение этих задач Верховное Главнокомандование возложило на 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронты. Наряду с вышеупомянутыми перемещениями, кроме того, из Прибалтики к Инстербургу перебрасывалось управление 3-й воздушной армии. Туда же, поближе к району боевых действий, переезжало и управление 1-го Прибалтийского фронта. По директиве Ставки от 9 февраля, войска 3-го Белорусского фронта должны были закончить ликвидацию хейльсбергской группировки противника, оборонявшейся к югу от Кенигсберга, к 20–25 февраля. Балтийский флот, активными действиями обязан был сорвать снабжение Курляндских и восточнопрусских войск врага, цеплявшегося за каждый метр земли. Нам стало известно, что немецкие войска, действовавшие в Восточной Пруссии, получили задачу упорно оборонять занимаемые ими районы, чтобы как можно дольше сковывать здесь советские войска и не допустить их переброски на берлинское направление. Особое внимание при этом фашистское командование уделяло обороне хейльсбергского укрепленного района, крепости Кенигсберг и военно-морской базы Пиллау (Балтийск).

Ликвидация хейльсбергской группировки началась 10 февраля и проходила в исключительно тяжелых условиях. Хейльсбергский укрепленный район имел свыше 900 железобетонных и множество деревоземляных оборонительных сооружений, а также противотанковые и противопехотные заграждения. С упорством обреченных цепляясь за каждый рубеж, за каждое укрепление, гитлеровцы стремились задержать наше продвижение вперед. Войска 3-го Белорусского фронта были утомлены ожесточенными боями, несли большие потери. Это снижало их ударную силу. 15 февраля в докладе на мое имя об

этом сообщал К. К. Рокоссовский. Восполнить потери к началу второго этапа операции не удалось, так как основное внимание советское командование уделяло, естественно, берлинскому направлению. Обстановку осложняла резко ухудшившаяся погода. Действия наших войск приняли весьма напряженный и довольно затяжной характер. Преодолевая одну оборонительную позицию за другой, они медленно продвигались вперед, стремясь расколоть хейльсбергскую группировку на части, но желаемого успеха не имели.

В ночь на 18 февраля Верховный Главнокомандующий, после моего сообщения о положении дел в Восточной Пруссии, порекомендовал мне выехать туда для помощи войскам и командованию, подчеркнув, что быстрейшая ликвидация врага в Восточной Пруссии позволила бы нам за счет войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, во-первых, усилить основное, берлинское, направление и, во-вторых, освободить необходимую часть войск для подготовки их к переброске на Дальний Восток. Он посоветовал мне заранее наметить для этой цели две-три лучшие армии и предупредил, что через 2–3 месяца после капитуляции Германии я могу быть послан для руководства боевыми действиями на Дальнем Востоке. (Забегая вперед, скажу, что действительно две из трех общевойсковых армий, направленных в мае – июне 1945 года с запада на восток (5-я и 39-я), были взяты из состава войск, действовавших в Восточной Пруссии.)

Приняв рекомендацию отправиться на работу в Восточную Пруссию, я попросил освободить меня от должности начальника Генерального штаба, мотивируя это тем, что сейчас большую часть времени я стал находиться непосредственно на фронте, выполняя задания Ставки, а в Москве бываю лишь по вызовам. Я предложил утвердить в этой должности фактически исполнявшего ее А. И. Антонова, оставив за мной лишь должность заместителя наркома обороны. Помню, Сталин с удивлением спросил:

– А разве вас не обидит такое решение?

Услышав мой ответ, он обратился к находившемуся здесь же Антонову и поинтересовался, как он относится к моему предложению. Алексей Иннокентьевич сказал, что не разделяет его. Сталин пообещал подумать, а пока подписал директиву Ставки, согласно которой я, как ее представитель, обязан был взять на себя с 22 февраля руководство боевыми действиями 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов[111]. В заключение Сталин спросил, когда я смогу отправиться на фронт. Я назвал следующий день. Верховный разрешил мне дня два побыть с

семьей, сходить в театр, а 19-го вечером накануне отъезда просил вновь зайти к нему.

Разговор происходил ночью. А днем 18 февраля пришло известие, что в районе города Мельзак смертельно ранен И. Д. Черняховский. В правительственном извещении говорилось: «18 февраля скончался от тяжелого ранения, полученного на поле боя в Восточной Пруссии, командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский Иван Данилович – верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии. В лице товарища Черняховского государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Великой Отечественной войны…»

Я узнал о смерти Ивана Даниловича, находясь в Большом театре. Во время спектакля ко мне тихо подошел мой адъютант П. Г. Копылов и сказал, что меня просит к телефону Верховный Главнокомандующий. Он-то и сообщил мне эту горестную весть и сказал, что Ставка намерена поставить меня во главе 3-го Белорусского фронта.

Утрату Ивана Даниловича я переживал очень тяжело. Я близко и хорошо знал его, ценил в нем отличного полководца, беспредельной честности коммуниста, исключительной души человека. Наше первое знакомство состоялось в январе 1943 года, при подготовке и проведении Воронежско-Касторненской операции. И. Д. Черняховский командовал тогда 60-й армией. Начав довольно робко свою первую наступательную армейскую операцию, причем в крайне неблагоприятных погодных условиях, он, быстро овладев собой и, взяв в руки армию, блестяще выполнил поставленную задачу, освободив в первый же день Воронеж. Еще более блистательным результатом оперативного руководства со стороны молодого командарма явились боевые действия его армии при взятии Курска: город был взят в течение суток.

Особенно сблизила нас с Иваном Даниловичем общая работа в Белоруссии. Она протекала в атмосфере взаимного доверия, уважения и желания помочь друг другу. Черняховский возглавлял один из ведущих фронтов – 3-й Белорусский. То была первая фронтовая операция, которую проводил самый молодой в Красной Армии, исключительно талантливый и энергичный командующий фронтом.

Хорошее знание войск, многообразной и сложной боевой техники, умелое использование опыта других, глубокие теоретические знания позволяли Черняховскому отлично управлять войсками, входившими в состав его фронта, решать сложнейшие задачи, которые ставило перед ним Верховное

Главнокомандование. В бою Черняховский находился на наиболее ответственных участках, внимательно следя за действиями своих войск и противником. Он чутко прислушивался к мнению подчиненных. Смело использовал все новое и полезное в обучении войск и организации боя. Солдаты, офицеры и генералы любили своего командующего, прежде всего за человечность и заботу о них, за отвагу и бесстрашие, за твердость и настойчивость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении, за гуманность и выдержку, за требовательность к себе и к подчиненным. Да, он был строг и требователен. Но никогда не позволял себе унижать достоинство человека…

Вечером 19 февраля перед отъездом на фронт я был у Верховного Главнокомандующего. Он дал мне ряд советов и указаний, касающихся предстоявшей работы. Прощаясь, пожелал мне и войскам победы и успехов. В приемной А. Н. Поскребышев вручил мне два пакета. В одном из них лежал приказ Ставки от 18 февраля. В нем говорилось:

> «1. Ввиду смерти командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии Черняховского И. Д., последовавшей от тяжелого ранения, назначить командующим войсками 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Василевского А. М. Маршалу Василевскому вступить в командование войсками фронта не позже 21 февраля с. г. 2. До прибытия на фронт Маршала Василевского исполнение обязанностей командующего войсками фронта возложить на начальника штаба фронта генерал-полковника Покровского. 3. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 17.II о возложении на Маршала Советского Союза Василевского руководства действиями 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов отменить»[112].

Во втором пакете я обнаружил документ, который был для меня неожиданным, – постановление ГКО о том, что во изменение постановления ГКО от 10 июля 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил утверждается в следующем составе: Верховный Главнокомандующий и нарком обороны Маршал Советского Союза Сталин И. В., заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Жуков Г. К., заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Василевский А. М., заместитель наркома обороны генерал армии Булганин Н. А., начальник Генерального штаба генерал армии

Антонов А. И., главком Военно-Морского Флота адмирал флота Кузнецов Н. Г. Недоумевая, я спросил Поскребышева, чем вызвано это постановление? Ведь на протяжении почти всей войны я, будучи начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны, членом Ставки официально не состоял. Не были членами Ставки ни один из командующих фронтами, за исключением Г. К. Жукова. Поскребышев, улыбнувшись, ответил, что он знает об этом ровно столько же, сколько и я.

20 февраля я прибыл в Восточную Пруссию в штаб 3-го Белорусского фронта и 21 февраля вступил в командование. Моя непосредственная работа в войсках этого фронта на протяжении почти всей Белорусской операции летом 1944 года позволила мне быстро освоиться на новом поприще, так как я отлично знал не только руководящий состав фронтового управления, но также армейское и корпусное командование большинства армий, входивших во фронт.

С членом военного совета генералом В. Е. Макаровым у меня сразу же установился хороший деловой контакт. Мы понимали друг друга и свои действия согласовывали без осложнений. Насколько позволяло время, я старался быть в курсе всей партийно-политической работы в войсках. Должен сказать, что я и до этого не имел ни трений, и ни, тем более, конфликтов с членами военных советов, на каком бы фронте я ни находился. Напротив, у меня были с ними хорошие отношения. В связи с этим хочу отметить особенно теплые отношения между мною и начальником Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербаковым. Он всегда согласовывал со мной принципиальные вопросы, требующие мнения Генерального штаба. Почти каждое утро Александр Сергеевич звонил мне в Генеральный штаб, а если я находился на фронте, – туда, и спрашивал, какова обстановка, что нового в развитии военных действий. Как-то Александр Сергеевич сказал мне:

– Вы берете трубку, и я уже по вашему голосу догадываюсь, каковы дела на фронтах.

И. В. Сталин очень доверял А. С. Щербакову. Материалы, согласованные с Александром Сергеевичем или завизированные им, он подписывал без задержки. Бывало, позвонит А. С. Щербаков и скажет:

– Александр Михайлович, товарищ Сталин занят по горло делами и вряд ли я попаду к нему. Поэтому я пришлю вам папку со срочными делами, будьте добры – доложите.

Когда я начинал докладывать главпуровские документы, Сталин иногда спрашивал меня:

– Вы, товарищ Василевский, переговорили с Щербаковым и

знакомы с этими документами?

– Я не открывал папку, – как правило, отвечал я.

Но Сталин уже подписывал со словами:

– Ему можно верить.

Так случалось, в основном, лишь с материалами начальника Главного политического управления Красной Армии, в отличие от документов, которые мне приходилось докладывать Сталину по просьбе начальников тех или иных управлений Наркомата обороны…

Обстановка под Кенигсбергом была тогда достаточно сложной. Пока 3-й Белорусский вел затяжные бои по уничтожению хейльсбергской группировки противника, 1-й Прибалтийский действовал на Земландском полуострове и под самим Кенигсбергом. Чтобы не распылять наших сил, Верховное Главнокомандование 17 февраля приказало командующему 1-м Прибалтийским фронтом И. Х. Баграмяну организовать прочную оборону вокруг Кенигсберга, сосредоточив основные усилия на ликвидации с 20 по 27 февраля земландской группировки противника. Но фашисты упредили наступление наших войск. Пополнив оперативную группу «Земланд» войсками, переброшенными по морю из Курляндии, 19 февраля гитлеровцы с целью деблокирования кенигсбергской группировки нанесли два внезапных встречных удара: из Кенигсберга и с Земландского полуострова. После трехдневных ожесточенных боев им удалось оттеснить войска фронта и создать коридор, соединивший кенигсбергскую группировку с земландской.

Учитывая это, а также и то, что операции по ликвидации здесь вражеских группировок требовали единого руководства, Ставка Верховного Главнокомандования приняла 21 февраля решение передать войска, действовавшие в Восточной Пруссии, 3-му Белорусскому фронту, возложив на него в дальнейшем ответственность за ликвидацию всех находившихся там соединений противника. В соответствии с этим решением 1-й Прибалтийский фронт с 24 часов 24 февраля 1945 года упразднялся, а его войска, переименованные в Земландскую группу, включались в состав 3-го Белорусского фронта. Генерал армии И. Х. Баграмян был назначен командующим Земландской группой войск и одновременно заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом. Начальник штаба 1-го Прибалтийского фронта генерал-полковник В. В. Курасов стал начальником штаба Земландской группы, член военного совета фронта генерал-лейтенант М. В. Рудаков – соответственно членом военного совета этой группы войск. Таким образом, в состав объединенного 3-го Белорусского фронта теперь вошли 2-я гвардейская, 43-я, 39-я, 5-

я, 50-я, 11-я гвардейская, 31-я, 28-я, 3-я и 48-я общевойсковые армии, 1-я и 3-я воздушные армии.

До конца февраля шли напряженные бои. Гитлеровские войска и с ними отряды СД (служба безопасности при рейхсфюрере СС), СА (штурмовики), СС ФТ (военные группы охранников), молодежные спортгруппы «Сила через радость», ФС (добровольные стражники), подразделения НСНКК (фашистские моторизованные группы), ЗИПО (полиция безопасности) и ГФП (тайная полевая полиция) ожесточенно сопротивлялись.

Советские войска несли серьезные потери. Резко сократился боевой состав частей, снизилась ударная сила фронта. Пополнение почти не поступало, так как Советское Верховное Главнокомандование по-прежнему все усилия направляло на берлинское направление. Большие затруднения испытывали мы и с материальным обеспечением войск, особенно со снабжением горючим. Тылы значительно отстали и были не в состоянии своевременно обеспечивать войска. Между тем, в составе группы армий «Север», оборонявшей Восточную Пруссию, все еще насчитывалось около 30 дивизий, из них 11 оборонялись на Земландском полуострове и в Кенигсберге, а 19 – южнее и юго-западнее Кенигсберга.

Эти обстоятельства вынудили нас временно прекратить активные бои на Земландском полуострове с тем, чтобы начать последовательную ликвидацию других группировок врага: сначала разгромить наиболее крупную, хейльсбергскую группировку; затем, перестроив войска, нанести последовательные, хорошо подготовленные удары по кенигсбергской и, наконец, по земландской группировке. Операция затягивалась. Но другого выхода у командования фронта не было. Чтобы расчленить и затем уничтожить хейльсбергскую группировку, решено было нанести два одновременных рассекающих удара в общем направлении на Хейлигенбейль с востока и юго-востока. Наши воздушные армии должны были помочь наземным войскам решить эту нелегкую задачу. Двадцать дней, с 22 февраля по 12 марта, войска готовились к наступлению. Принимались все меры к тому, чтобы пополнить боевой состав частей и соединений, накопить боеприпасы; велась тщательная разведка.

Во второй половине марта, действуя в условиях весенней распутицы и сплошных туманов, наши войска сумели реализовать свой замысел, расчленив и разгромив гитлеровцев, занимавших хейльсбергский укрепленный район. В ходе двухнедельных ожесточенных боев было уничтожено более 93 тыс. и взято в плен 46 тыс. немецких солдат и офицеров, захвачено 600 танков и

штурмовых орудий, 3560 полевых орудий, 1440 минометов, 128 самолетов[113].

На очередь дня стала задача разгрома кенигсбергской группировки врага.

Никогда не забыть сражения на южном берегу залива Фришес-Хафф. Весеннее половодье вывело реки из берегов и превратило всю местность в болото. По колено в грязи советские воины, сквозь огонь и дым, пробивались в середину фашистской группировки. Пытаясь оторваться от наших войск, противник в панике бросился к баржам, лодкам, пароходам и потом взорвал дамбу. Под хлынувшими на равнину волнами остались тысячи гитлеровских солдат. А те, что уцелели, попали под огонь советских войск. Наши летчики обстреливали уходящие в море суда и баржи с фашистами…

В гарнизон Кенигсберга входили тогда 4 пехотные дивизии, ряд отдельных полков, крепостные части, охранные подразделения, отряды фольксштурмовцев – около 130 тыс. солдат, почти 4 тыс. орудий и минометов, более 100 танков и штурмовых орудий. На аэродромах Земландского полуострова базировались 170 самолетов. По распоряжению коменданта крепости был построен аэродром прямо в городе.

Помимо внешнего оборонительного обвода, преодоленного нашими войсками еще во время январских боев, гитлеровцы создали еще три оборонительные позиции с долговременными сооружениями и противотанковыми препятствиями. Первая, оборудованная в 6–8 км от центра города, состояла из нескольких линий сплошных заграждений и минных полей. На ней находилось полтора десятка старых, но еще очень прочных фортов, в каждом из которых размещался солидный гарнизон. По городским окраинам проходила вторая позиция, включавшая в себя каменные здания, баррикады и железобетонные огневые точки. Третью позицию, опоясывавшую центральную часть города, составляли главным образом бастионы, равелины, башни и крепкие постройки. В самом центре Кенигсберга находилась старинная цитадель, вмещавшая несколько тысяч человек. Этот внутренний гарнизон был укомплектован наиболее оголтелыми фашистами.

План разгрома кенигсбергской группировки состоял в том, чтобы мощными ударами с севера и юга по сходящимся направлениям рассечь силы гарнизона и штурмом овладеть городом. Для сковывания земландской группировки врага из района Кенигсберга планировался вспомогательный удар в западном направлении, в сторону Пиллау (Балтийск). Для проведения штурмовой операции привлекались войска,

входившие в Земландскую группу: 43-я, 50-я, 11-я гвардейская и 39-я армии. Основная роль при штурме города отводилась огню артиллерии всех калибров, включая орудия особой мощности, а также действиям авиации, которые должны были сопровождать войска и полностью деморализовать обороняющегося противника.

Ставка предоставила фронту дополнительные, наиболее мощные средства подавления из Резерва Верховного Главнокомандования. К началу штурма фронт имел 5 тыс. орудий и минометов, 47 % из них составляли орудия тяжелые, затем большой и особой мощности – калибром от 203 до 305 мм. Для обстрела наиболее важных целей, а также для того, чтобы не дать противнику эвакуировать войска и технику по Кенигсбергскому морскому каналу, предназначались 5 морских железнодорожных батарей (11 – 130-мм и 4 – 180-мм орудия, последние – с дальностью стрельбы до 34 км). Наступавшим на город наземным войскам помогали выделенные в подчинение командирам стрелковых дивизий орудия крупных калибров (152– и 203-мм) и 160-мм минометы. Для разрушения особо прочных зданий, построек и инженерных сооружений создавались корпусные и дивизионные группы, которым была придана особой мощности реактивная артиллерия. Штурмовые войсковые группы также до предела насыщались артиллерией: у них имелось до 70 % дивизионной артиллерии, а в ряде случаев и тяжелые орудия.

К операции привлекались 2 воздушные армии 3-го Белорусского фронта, часть сил авиации Ленинградского, 2-го Белорусского фронтов и Краснознаменного Балтийского флота и тяжелые бомбардировщики 18-й воздушной армии Авиации дальнего действия под руководством Главного маршала авиации А. Е. Голованова. В штурме Кенигсберга участвовало 2,5 тыс. самолетов. Ни днем, ни ночью не прекращали они своих действий. И тогда трудно было представить, что на свете бывает тишина. Общее руководство авиацией осуществлял командующий Военно-Воздушными Силами Красной Армии Главный маршал авиации А. А. Новиков.

Подготовка к штурму Кенигсберга велась одновременно с ликвидацией хейльсбергской группировки врага. Руководили подготовкой войск к штурму командование и штаб Земландской группы войск во главе с командующим группой генералом армии И. Х. Баграмяном. В середине марта командование 3-го Белорусского фронта совместно с командованием Земландской группы войск тщательно проанализировали и приняли за основу разработанный командованием группы план штурма Кенигсберга. 16 марта 1945 года Верховному Главнокомандующему было направлено донесение, в котором подробно излагалась

обстановка в Восточной Пруссии. Мы еще раз подчеркнули, что с потерей этого укрепленного района дальнейшее упорное сопротивление противника на Земландском полуострове теряет смысл или, по крайней мере, свое значение.

В донесении детально перечислялись все пункты плана предстоящего штурма, задачи 2-й гвардейской, 43-й, 39-й, 5-й, 50-й, 11-й гвардейской армий, назывались все основные средства усиления, направляемые к участию в штурме. Затем излагался план самой операции.

> «…Всю операцию… провести в три следующих этапа: первый этап – подготовительный. В ходе этого этапа провести мероприятия: а) всесторонне и наиболее полно вскрыть группировку и систему обороны противника, точно определив места огневых точек, фортификационных сооружений и заграждений противника; б) частичными активными действиями подготовить и улучшить исходное положение для войск в предстоящей операции; в) подготовить аэродромы для авиации; г) скрытно вывести и сосредоточить войска 50-й, 5-й и 2-й гвардейской армий; д) доукомплектовать стрелковые дивизии, назначенные для наступления, и довести их численность до 3000–3600 человек; е) накопить боеприпасы и довести их до установленных норм; ж) тщательно и всесторонне подготовить весь офицерский состав и войска к выполнению задач в предстоящей операции; з) провести ряд мероприятий по дезориентированию противника; и) в течение последних четырех дней перед началом операции провести авиационное и артиллерийское наступление с целью предварительного разрушения важнейших фортификационных сооружений Кенигсбергского укрепрайона. К этому наступлению привлечь авиационный корпус Ту-2, всю авиацию 3-й и 1-й воздушных армий и артиллерию большой мощности; к) иметь войска в полной готовности для перехода в немедленное наступление на тот случай, если противник в период нашей подготовки начнет эвакуацию своих войск из Кенигсбергского района. Второй этап – прорыв оборонительной полосы противника, его внешнего обвода и выход войск на рубеж: северной группы – Поерштитен – Моссеннен – ст. Повайен – Клайн Хайдекруг – Наутцвинкель – Иудиттен – Лавскен – Трагхаймер – Ротенштайн – Кведнау; южной группы (11-я

гвардейская армия) – Шернфлис – Шпайхерсдорф – Понарт – Хавштром. Продолжительность этапа – одни сутки. Третий этап – развитие прорыва, штурм города Кенигсберг, овладение городом и выход войск на рубеж: Мюле-Тиренберг – платф. Компенен – Коббельбуде – Гросс Хайдекруг и далее, северный берег залива Фришес-Хафф. Продолжительность этапа – четыре дня. 5. Считаю возможным операцию начать через 8–10 дней после ликвидации восточнопрусской группировки противника, если он до начала этого срока не начнет эвакуацию своих войск из района Кенигсберга. В последнем случае наступление начнется немедленно всеми наличными силами. 6. Вся группировка войск в предстоящей операции на Земландском полуострове создается за счет дополнительного выделения сил и средств 3-го Белорусского фронта…»[114]

Далее перечислялся состав этих сил, и давалась заявка на вооружение, боевую технику, боеприпасы и горюче-смазочные материалы. Подписали донесения я, Макаров и Покровский.

На следующий день Ставка сообщила, что наши соображения утверждены. Разгром восточнопрусской группировки противника юго-западнее Кенигсберга предлагалось закончить не позднее 22 марта; операцию по разгрому кенигсбергской группировки противника начать не позднее 28 марта. В ночь на 18 марта во время телефонного разговора с Верховным Главнокомандующим я доложил ему, что эти сроки нереальны. Ликвидация хейльсбергской группировки будет закончена 25–28 марта. На перегруппировку войск потребуется около 3–4 дней. Поэтому я просил разрешения начать артиллерийское и авиационное наступление в первых числах апреля. Верховный согласился, порекомендовал мне привлечь к участию в операции авиацию 2-го Белорусского фронта, Балтийского флота и 18-й воздушной армии (Авиация дальнего действия) и обещал прислать мне на помощь Главных маршалов авиации А. А. Новикова и А. Е. Голованова.

25 марта войска 3-го Белорусского фронта овладели городом Хайлингенбайль – последним опорным пунктом обороны фашистов на побережье залива Фришес-Хафф, а к 29 марта закончили ликвидацию хейльсбергской группировки. После этого все наше внимание было переключено на кенигсбергскую группировку. В конце марта, в интересах единоначалия при управлении войсками фронта, Ставка приняла решение упразднить Земландскую группу войск. Управление группы

(бывшее управление 1-го Прибалтийского фронта) с незадействованными частями связи, частями охраны и тылами не позже 15 апреля должно было быть выведено в резерв Ставки в район Инстербурга. Генерал армии Баграмян оставался заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом.

Перед началом штурма наша артиллерия и авиация в течение четырех дней разрушали долговременные оборонительные сооружения крепости. Нам были известны все детали обороны. На абсолютно точном макете города командиры всех степеней отработали шаг за шагом план штурма. Исключительно большую работу провел штаб фронта во главе с генерал-полковником А. П. Покровским. Войска тренировались в отбитых у врага дотах, рвах и траншеях, изучая тактику уличных боев.

6 апреля установилась ясная погода. После мощной артиллерийской подготовки начался штурм. Пехота и танки под прикрытием сокрушительного огневого вала атаковали противника. Во второй половине дня во всю силу начала действовать и наша авиация. С юга летели самолеты 1-й, с востока – 3-й, с севера – 15-й воздушных армий, с запада – авиации Краснознаменного Балтийского флота и со всех сторон – Авиация дальнего действия. Я побывал за эти дни в войсках 43-й, 39-й и 11-й гвардейской армий. Всюду советские воины смело и без малейших колебаний шли на штурм вражеской твердыни. Опергруппу «Земланд» сковала 2-я гвардейская. 5-ю армию мы перебросили из южных пригородов к северо-западной части города, где находились 39-я армия, отрезавшая Кенигсберг от Земландского полуострова ударом с севера на юг, и 43-я, прорывавшаяся с северо-запада к центру города. С севера действовали два корпуса 50-й армии, а третий перекрыл подступы к городу с востока. С юга наносила удар 11-я гвардейская армия.

Враг упорно сопротивлялся, перебрасывая к Кенигсбергу с Земландского полуострова резервные пехотные и противотанковые части. Однако уже в течение первого дня боев наши войска, продвинувшись на 3–4 км, заняли и блокировали несколько фортов, очистили от врага до полутора десятков прилегавших к городу населенных пунктов и перерезали железную дорогу Кенигсберг – Пиллау. К вечеру единой оборонительной системы Кенигсберга фактически уже не существовало. Немцы лихорадочно возводили новые укрепления, баррикадировали улицы, взрывали мосты. Гарнизону крепости было приказано держаться любой ценой. В ночь на 7 апреля фашистское командование попыталось наладить нарушенное управление и привести в порядок свои потрепанные части. С утра

7 апреля развернулись жаркие бои в пригородах и в самом Кенигсберге. Отчаявшийся враг предпринимал яростные контратаки, бросая в бой наскоро сколоченные отряды фольксштурма. Гитлеровцы проводили спешную перегруппировку сил и вводили в бой последние резервы, перебрасывая их с участка на участок. Но все попытки остановить штурмующих терпели неудачи. Второй день борьбы за город был решающим. Мы продвинулись еще на 3–4 км, овладели тремя мощными фортами и заняли 130 кварталов.

Активно действовали наша авиация и артиллерия. Только за один день 7 апреля наша авиация произвела более 4,7 тыс. самолетовылетов и сбросила на укрепления противника свыше 1,6 тыс. т бомб. Сражение не утихало ни на час. Под прикрытием темноты наши части атаковали заранее разведанные объекты. Дорогу открывали саперы. Одновременно осуществляла бомбардировку наша авиация, совершившая в ночь на 8 апреля до 1,8 тыс. самолетовылетов. С грохотом рушились железобетонные укрепления, вспыхивали пожары. Обреченный враг бешено сопротивлялся, переходил в контратаки. Но в пламени, дыму и пыли советские солдаты шли напролом. Преодолев упорное сопротивление врага на внутреннем оборонительном обводе крепости, 43-я армия очистила северо-западную часть города. Одновременно 11-я гвардейская, наступая с юга, форсировала реку Прегель. Теперь вести артиллерийско-минометный огонь было опасно: можно было ударить по своим. Пришлось артиллерии замолчать, и воины-герои весь последний день штурма стреляли практически лишь из личного оружия, бросаясь в рукопашные схватки. И вот кольцо окружения сомкнулось в западной части города. Остатки гарнизона были отрезаны от опергруппы «Земланд». К концу третьего дня штурма было занято 300 кварталов старой крепости.

8 апреля, стремясь избежать бесцельных жертв, я, как командующий фронтом, обратился к немецким генералам, офицерам и солдатам кенигсбергской группы войск, с предложением сложить оружие. Однако фашисты решили сопротивляться. С утра 9 апреля бои разгорелись с новой силой. 5 тыс. наших орудий и минометов, 1,5 тыс. самолетов обрушили сокрушительный удар по крепости. Гитлеровцы начали сдаваться в плен целыми подразделениями. К исходу четвертых суток непрерывных боев Кенигсберг пал:

На допросе в штабе фронта комендант Кенигсберга генерал Лаш говорил:

«Солдаты и офицеры крепости в первые два дня

держались стойко, но русские превосходили нас силами и брали верх. Они сумели скрытно сосредоточить такое количество артиллерии и самолетов, массированное применение которых разрушило укрепление крепости и деморализовало солдат и офицеров. Мы полностью потеряли управление войсками. Выходя из укрепления на улицу, чтобы связаться со штабами частей, мы не знали, куда идти, совершенно теряя ориентировку, настолько разрушенный и пылающий город изменил свой вид. Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, столь быстро падет. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию. Под Кенигсбергом мы потеряли всю 100-тысячную армию. Потеря Кенигсберга – это утрата крупнейшей крепости и немецкого оплота на Востоке».

Гитлер не мог примириться с потерей города, объявленного им лучшей немецкой крепостью за всю историю Германии и «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа», и в бессильной ярости приговорил Лаша заочно к смертной казни.

В городе и пригородах советскими войсками было захвачено около 92 тыс. пленных (в том числе 1,8 тыс. офицеров и генералов), свыше 3,5 тыс. орудий и минометов, около 130 самолетов и 90 танков, множество автомашин, тягачей и тракторов, большое количество различных складов со всевозможным имуществом.

Пока подсчитывались трофеи, в Москву полетело радостное донесение. И в ночь на 10 апреля 1945 года столица салютовала доблести, отваге и мастерству героев штурма Кенигсберга 24-мя артиллерийскими залпами из 324-х орудий.

В боях за Кенигсберг советские воины вновь проявили изумительную стойкость, бесстрашие, массовый героизм. За беспримерные подвиги около 200 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Назову некоторых из них: рядовые А. Н. Бордунов, А. А. Людвиченко, В. П. Миронов, П. Е. Павлов, сержанты Ф. С. Игнаткин, И. В. Кутурга, Н. М. Королев, И. Н. Федосов, старшины А. Т. Сучков, А. Е, Черемухин, И. П. Чиликин, лейтенанты И. П. Сидоров, парторг роты Г. Ф. Молочинский, командир батареи А. П. Шубин, командир взвода С. А. Мельников, комсорг батальона А. М. Яналов, командир пулеметной роты Н. А. Катин, командиры стрелковых дивизий генерал-майоры И. Д. Бурмаков и М. А. Пронин, командующий артиллерией 11-й гвардейской армии генерал-лейтенант П. С.

Семенов, командиры корпусов генерал-лейтенант М. Н. Завадовский, генерал-майор С. С. Гурьев и многие другие. Командующий 43-й армией генерал-лейтенант А. П. Белобородов и летчик гвардии старший лейтенант П. Я. Головачев были награждены второй медалью «Золотая Звезда», Тысячи воинов получили ордена, десятки тысяч – медали. Правительственных наград были удостоены многие полки и дивизии, а 97 частям и соединениям присвоено почетное звание Кенигсбергских. Учрежденная в июне 1945 года медаль «За взятие Кенигсберга» была вручена всем участникам борьбы за столицу Восточной Пруссии.

После взятия Кенигсберга в Восточной Пруссии оставалась только земландская группировка врага, имевшая в своем составе 8 пехотных и одну танковую дивизии. 11 апреля я вновь обратился к вражеским войскам с предложением прекратить безнадежное сопротивление. Вот текст этого обращения:

> «К немецким генералам, офицерам и солдатам, оставшимся на Земланде! От командующего советскими войсками 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Василевского. Вам хорошо известно, что вся немецкая армия потерпела полный разгром. Русские – под Берлином и в Вене. Союзные войска – в 300 км восточнее Рейна. Союзники – уже в Бремене, Ганновере, Брауншвейге, подошли к Лейпцигу и Мюнхену. Половина Германии – в руках русских и союзных войск. Одна из сильнейших крепостей Германии, Кенигсберг, пала в три дня. Комендант крепости генерал пехоты Лаш принял предложенные мною условия капитуляции и сдался с большей частью гарнизона. Всего сдались в плен 92 тыс. немецких солдат, 1819 офицеров и 4 генерала. Немецкие офицеры и солдаты, оставшиеся на Земланде! Сейчас, после Кенигсберга, последнего оплота немецких войск в Восточной Пруссии, ваше положение совершенно безнадежно. Помощи вам никто не пришлет. 450 км отделяют вас от линии фронта, проходящей у Штеттина. Морские пути на запад перерезаны русскими подводными лодками. Вы – в глубоком тылу русских войск. Положение ваше безвыходное. Против вас – многократно превосходящие силы Красной Армии. Сила – на нашей стороне, и ваше сопротивление не имеет никакого смысла. Оно приведет только к вашей гибели и к многочисленным жертвам среди скопившегося в районе Пиллау гражданского населения. Чтобы избежать

ненужного кровопролития, я требую от вас: в течение 24 часов сложить оружие, прекратить сопротивление и сдаться в плен. Всем генералам, офицерам и солдатам, которые прекратят сопротивление, гарантируются жизнь, достаточное питание и возвращение на родину после войны. Всем раненым и больным будет немедленно оказана медицинская помощь. Я обещаю всем сдавшимся достойное солдат обращение. Мирным жителям будет разрешено вернуться в свои города и села, к мирному труду. Эти условия одинаково действительны для соединений, полков, подразделений, групп и одиночек. Если мое требование сдаться не будет выполнено в срок 24 часа, вы рискуете быть уничтоженными. Немецкие офицеры и солдаты! Если ваше командование не примет мой ультиматум, действуйте самостоятельно. Спасайте свою жизнь, сдавайтесь в плен.

Командующий советскими войсками
3-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза Василевский.
24 часа по московскому времени.
11 апреля 1945 года»[115].

Ответа на это обращение не последовало. И утром 13 апреля наши войска возобновили наступление. Сосредоточив вдвое превосходящие силы, фронт наносил главный удар в центре, в общем направлении на Фишгаузен, с целью расчленения немецкой группировки и последующего уничтожения ее по частям. С севера на юг, плечом к плечу, стояли 2-я и 11-я гвардейские, 5-я, 39-я и 43-я армии. В первый же день наступления оборона противника была прорвана. Не выдержав удара, гитлеровцы 14 апреля начали отход. 17 апреля войска 3-го Белорусского фронта после очередного ожесточенного боя овладели Фишгаузеном. Задача по очищению от противника Земландского полуострова была в основном решена. Личный представитель Гитлера гаулейтер Кох на ледоколе, всю зиму простоявшем наготове, удрал с Земланда в Данию, приказав солдатам биться до последнего. 25 апреля войска 3-го Белорусского фронта при активном участии Балтийского флота овладели крепостью и портом Пиллау (Балтийск) – последним опорным пунктом врага на Земландском полуострове.

Восточнопрусская операция, проведенная в исключительно сложных условиях, явилась одним из показателей огромной боевой мощи Советских Вооруженных Сил и зрелости военного искусства. Она обогатила Красную Армию новым опытом борьбы

с сильным врагом, опиравшимся на отлично подготовленную, и глубоко развитую в инженерном и огневом отношении оборону в крайне выгодной для него местности. Советским войскам приходилось решать задачу ликвидации неприятеля на большой площади, прижимая его одновременно к Балтийскому морю и к заливам в районе Кенигсберга. Такая обстановка вынуждала нас прибегать, в основном, к фронтальным ударам и, как правило, лишала возможности вести действия только на окружение. Это порождало многие трудности, с которыми приходилось считаться при организации и осуществлении операции. Ведущую роль в ней сыграли мощная артиллерия и сильная бомбардировочная авиация. Опыт их применения во взаимодействии с наступающими войсками интересен и поучителен.

Полезен также опыт, который извлекли наземные войска и Балтийский флот из совместных действий на протяжении всей операции. Блокируя побережье Восточной Пруссии, флот наносил удары по важнейшим морским коммуникациям. Особенно активную помощь оказал он наземным войскам в борьбе за Кенигсберг и военно-морскую базу Пиллау (Балтийск). Следует особо отметить напряженный труд работников войскового, армейского и фронтового тыла. Большая удаленность района боевых действий от основных экономических центров СССР, разрушенные врагом железные дороги, недостаток в вагонах и средствах тяги, неизбежность перегрузки всех эшелонов, направлявшихся в войска, потребовали от работников тыла и железнодорожников предельной мобилизации сил, подлинной самоотверженности. С началом Восточнопрусской операции перед железнодорожными войсками были поставлены три задачи: восстановить железнодорожный путь и все объекты на направлении Гумбиннен – Инстербург – Кенигсберг; перевести участок Шталлупенен – Гумбиннен на нашу колею с организацией здесь перегрузочного района; срочно восстановить трофейный железнодорожный транспорт и организовать правильную и мобильную его эксплуатацию. Темпы выполнения этих работ играли для фронта исключительную роль.

При подготовке штурма Кенигсберга поток воинских эшелонов значительно возрос, западноевропейского подвижного состава было явно недостаточно. Железнодорожники в срочном порядке переводили на широкую колею весь путь до Кенигсберга. Настоящий трудовой героизм проявили они в ходе боев за Кенигсберг. Уже на третий день после овладения городом наши войска приняли эшелоны, пришедшие сюда по союзной колее. Выполняя задания партии и правительства, железнодорожные войска трудились под прямым огнем врага, а иногда принимали

участие и в отражении его контратак. Вот несколько цифр. Во время боевых действий в Восточной Пруссии на направлении 3-го Белорусского фронта было уложено, восстановлено и перешито 552 км главных и станционных путей, восстановлено и введено в действие 64 моста, 5 железнодорожных узлов и 6 пунктов водоснабжения. За этими цифрами – напряженнейший, полный риска труд…

Итак, восточнопрусская цитадель германского империализма пала! Решением Потсдамской конференции глав союзных держав по антигитлеровской коалиции Кенигсберг и прилегающие к нему районы переданы Советскому Союзу. 25 февраля 1947 года Контрольный совет в Германии, учрежденный державами-победительницами как орган верховной власти в этой стране, единогласно от имени США, Англии, Франции и СССР принял закон о ликвидации Прусского государства. Так было покончено с форпостом германской агрессии. А город Кенигсберг – бывшая столица прусских королей – носит теперь имя славного ветерана ленинской гвардии Михаила Ивановича Калинина.

На восточнопрусской границе встретил 22 июня 1941 года войну командир 28-й танковой дивизии полковник И. Д. Черняховский. Здесь после трех с половиной лет борьбы за освобождение Родины от фашистского агрессора он отдал свою жизнь. Ныне имя дважды Героя Советского Союза Черняховского носит бывший Инстербург, над которым 22 января 1945 года взвилось красное знамя черняховцев.

Блестяще сражался при штурме Кенигсберга 16-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора С. С. Гурьева, ставшего под стенами древней рыцарской крепости Героем Советского Союза. Следующий шаг гвардейцы его корпуса сделали к морской цитадели Пиллау, и на подступах к ней оборвалась жизнь Степана Савельевича. В память о нем прежний Нойхаузен переименован в Гурьевск.

Именем заместителя командира краснознаменного корпуса С. К. Нестерова, погибшего в Восточной Пруссии, назван бывший Шталлупенен.

В январе 1945 года под Гумбинненом немецкая пехота, артиллерия и танки попытались отбросить наступавшие советские войска назад, к Литве. Здесь героически сражалась группа бойцов во главе с капитаном С. И. Гусевым. В жестоком рукопашном бою на подступах к Гумбиннену Сергей Иванович погиб. А через три дня его батальон первым ворвался в Гумбиннен, ставший ныне городом Гусев.

Из Калининграда вдоль Вислинского залива тянется железная дорога. В одном месте она подступает к берегу совсем близко.

Когда-то немецкие военные колонисты, изгнав отсюда славян-вармиев, переделали Вармию в Эрменланд и основали возле восточных дюн залива селение Людвигсорт. В марте 1945 года, за двое суток до взятия его нашей танковой ротой, от прямого попадания вражеского снаряда здесь погиб ее командир Иван Мартынович Ладушкин. Его имя и носит теперь это селение, на краю которого находится могила славного воина Ладушкина.

Именем капитана П. И. Романова назван Побеттен. Здесь сражался до последней капли крови Петр Ильич Романов, командир батальона 182-й стрелковой дивизии.

А бывший город Хейлигенбейль носит имя Н. В. Мамонова; Возглавляемый им 331-й стрелковый полк, наряду с другими нашими частями, взломал у этого города мощный узел вражеского сопротивления. Николай Васильевич погиб смертью героя, спасая жизнь своего подчиненного. Прах гвардии полковника Мамонова перевезен в город его имени.

Ушли в прошлое годы войны. А подвиги героев живут. Живут в памяти людей, в названиях улиц, городов, пароходов…

Занятый делами и заботами 3-го Белорусского фронта, я лишь издали имел возможность следить за тем, как развертывалась Берлинская операция. О ней написано немало исследований и мемуарных книг. Но и до сих пор это крупнейшее явление Второй мировой войны привлекает к себе внимание, как военных историков, так и читателей. В результате Берлинской операции была разгромлена немецко-фашистская группировка, насчитывавшая около 1 млн. солдат и офицеров. Столица гитлеровской Германии пала, и через несколько дней был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Размышляя над ходом Берлинской операции, я отмечаю в ней ряд характерных особенностей. Прежде всего, краткий срок подготовки – всего две недели. Вспомним, что такие операции, как Сталинградская, Белорусская, Ясско-Кишиневская, Висло-Одерская; готовились не менее одного-двух месяцев. Темпы подготовки и осуществления завершающих операций свидетельствуют о том, что советская военная экономика и Вооруженные Силы достигли к 1945 году такого уровня, который и позволил сделать то, что ранее показалось бы чудом.

Второй особенностью этой операции является оригинальность положенного в ее основу стратегического замысла. Войска трех фронтов – 2-го Белорусского (К. К. Рокоссовский), 1-го Белорусского (Г. К. Жуков) и 1-го Украинского (И. С. Конев) наносили одновременно шесть ударов на 300-километровом фронте. Гитлеровские армии были скованы сразу на всем одерско-нейссенском оборонительном рубеже. В начале операции

немецкие войска не были охвачены со всех сторон. И, тем не менее, маневр на окружение был проведен и доведен до конца. Это явилось новым шагом в развитии военного искусства.

Создавая наступательные группировки, способные быстро взламывать сильную и глубоко эшелонированную оборону неприятеля, наше Верховное Главнокомандование привлекло к участию в них весьма крупные бронетанковые силы. На различных этапах Берлинской операции с нашей стороны в сражениях участвовали 4 танковые армии, 10 отдельных танковых и механизированных корпусов, 16 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских бригад, свыше 80 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков.

Несколько слов об использовании в Берлинской операции танковых армий. В тесном взаимодействии с общевойсковыми, эти армии прорывали все 3 оборонительные полосы одерско-нейссенского рубежа; действовали самостоятельно при осуществлении маневра на окружение берлинской группировки с севера и юга; участвовали в штурме Берлина, сохраняя собственные полосы действий. Опыт этой операции еще раз убедительно показал нецелесообразность применения крупных танковых соединений в сражении за большой населенный пункт: они теряют здесь свои главные преимущества – ударную силу и маневренность.

Много интересного для военного искусства дала битва за Берлин и в использовании артиллерии, авиации, радиолокационных средств, в организации материально-технического обеспечения войск и работы тыла.

Несмотря на огромный размах Берлинской операции, стратегическое руководство и координация действий трех фронтов (19 общевойсковых, 4 воздушные и 4 танковые армии) осуществлялись на высоком уровне. Ставка и Генеральный штаб умело спланировали операцию и уверенно руководили войсками в ходе битвы. Верховное Главнокомандование взяло управление фронтами целиком на себя, непосредственно из Москвы…

В Генеральном штабе

Особенности работы начальника Генерального штаба во время войны. – Представители Ставки и Генштаб. – Вопросы организационной структуры. – Наша «внутренняя жизнь». – Доклады начальника Генштаба в ЦК партии. – Проблема материального обеспечения операций. – Несколько слов о И. В. Сталине

С Генеральным штабом у меня связаны самые лучшие годы моей жизни. Переход мой со штабной на командную работу в феврале 1945 года, как я уже отмечал, был обусловлен гибелью И. Д. Черняховского, хотя освобождение меня от обязанностей начальника Генерального штаба произошло не без моей просьбы.

Верховный Главнокомандующий легко дал согласие на это, по-видимому, потому, что Генеральный штаб к тому времени уже имел у себя, в лице А. И. Антонова, кандидата на эту должность, вполне подготовленного, прошедшего хорошую штабную школу и заслужившего за последние полтора года своей работы в должности первого заместителя начальника Генерального штаба высокий авторитет не только в Вооруженных Силах, но и в Центральном Комитете партии, в ГКО и Ставке. Это во-первых. Во-вторых, по-видимому, потому, что война уже приближалась к своему победному концу. Успех же на завершающем ее этапе, прежде всего, зависел от выполнения запланированных и уже разрабатываемых в Ставке и Генштабе операций, особенно Берлинской, с целью разгрома здесь главной группировки войск врага.

Немаловажную роль в создании благоприятных условий для успешного проведения Берлинской операции должен был сыграть 3-й Белорусский фронт. Перед ним, как известно, стояла задача завершить разгром восточнопрусской группировки немецко-фашистских войск и тем самым высвободить часть сил для использования в Берлинской операции. Когда И. В. Сталин предложил мне принять командование войсками этого фронта, я охотно согласился. Главным в этом, конечно, являлись интересы успешного окончания войны. Вместе с тем, сознаюсь, я имел в виду и возможность проверить себя на непосредственном командовании войсками фронта при решении столь серьезных задач. Склонен думать, что И. В. Сталин также предполагал нечто подобное, поскольку еще предстояла война против милитаристской Японии.

С большим сожалением я расстался тогда с замечательным

коллективом Генерального штаба после почти восьмилетней непрерывной работы в нем. С этим коллективом я встретил и войну, с ним я пережил самые ее трудные и тревожные для страны дни, с ним я радовался и нашим первым победам, которые для нас, генштабистов, имели еще и особый смысл.

Мой уход из Генерального штаба заставляет меня специально остановиться на отдельных сторонах его работы в ту пору, которые не нашли должного освещения в предшествующих главах книги.

Некоторые любители исторической статистики подсчитали, сколько времени я на протяжении войны находился в Генеральном штабе и сколько на фронтах как представитель Ставки. Лично я не делал таких подсчетов. Так вот, оказывается, из 34 месяцев войны 12 месяцев я работал непосредственно в Генеральном штабе и 22 – на фронтах, выполняя задания Ставки.

Отсюда можно сделать два вывода. Кое-кто скажет, что хорошо, когда начальник Генерального штаба бывает много времени в Действующей армии. Другие, напротив, могут заметить: хорошо-то хорошо, но, видно, и спрос с него за работу Генштаба был помягче. А некоторые прямо бросают упрек Ставке, утверждая, что было бы больше пользы, если бы начальник Генштаба находился, как правило, в Генштабе, чем на фронтах, и что это позволило бы ему лучше обеспечивать такую работоспособность Генштаба, которая требовалась от основного оперативного рабочего органа Ставки Верховного Главнокомандующего.

Действительно, в период войны я часто и подолгу бывал на фронтах, выполняя задания Ставки в качестве ее представителя. Бывало это и тогда, когда на том или другом направлении фронта неожиданно создавалась крайне неприятная для нас, опасная в стратегическом отношении обстановка, и Ставка, прежде чем принять соответствующее решение, для уточнения истинного положения и выработки более конкретных и правильных предложений срочно направляла на фронт своих ответственных представителей. Еще чаще она прибегала к использованию своих представителей при проведении наступательных операций. Как только задумывалась Ставкой где-либо крупная наступательная операция, мы с Г. К. Жуковым, а иногда и другие военачальники, как правило, отправлялись на фронт, сначала для ознакомления с обстановкой, детального изучения противника и данного направления, уточнения замысла, затем возвращались в Ставку для участия в принятии окончательного решения на операцию и для разработки в Генштабе плана, а затем, после утверждения Ставкой директив фронтам, летели на фронт с целью оказания

фронтам помощи в ее проведении.

В тех конкретных условиях ведения вооруженной борьбы такая практика являлась, я бы сказал, не только правильной, но и необходимой для Ставки и Генерального штаба, так как она позволяла при принятии окончательных решений и при разработке планов проведения операций исходить не только из данных, которые имеются в Центре, но уже в значительной мере учитывать особенности обстановки непосредственно на месте и производить на этой основе более обоснованные расчеты.

Безусловно, нельзя отрицать при этом того, что, часто выезжая на фронт и находясь там, я, как начальник Генерального штаба, не мог принимать непосредственного участия в решении всех вопросов, над которыми обязан был работать аппарат Генштаба, и лишался возможности повседневного общения с его коллективом, а, следовательно, и возможности оказывать постоянную, практическую помощь в работе его управлениям и отделам. И это немало беспокоило меня, беспокоило и потому, что я остро чувствовал и воспринимал ту довольно жесткую, не дававшую каких-либо скидок требовательность, которую предъявлял ко мне Верховный Главнокомандующий почти каждый раз за те или иные упущения или промахи в работе Генерального штаба. Поэтому я, будучи в отрыве от Генерального штаба, принимал все меры к тому, чтобы обеспечить себе возможность для более эффективного руководства его работой. Учитывая порою крайне слабую укомплектованность его руководящими кадрами, вынужден был неоднократно докладывать о своем беспокойстве за Генштаб Ставке Верховного Главнокомандования. Однако И. В. Сталин несколько проще относился к этому моему беспокойству.

Вспоминается хотя бы такой мой разговор с ним на эту тему. Он произошел в декабре 1942 года, когда с руководящими кадрами в Генштабе было особенно плохо. Назначенные, по моей просьбе, в том году моими заместителями Н. Ф. Ватутин, а затем и П. И. Бодин, проработав лишь несколько месяцев, решением Ставки были направлены: первый – командовать войсками Воронежского фронта, а второй начальником штаба Сталинградского, а затем Закавказского фронтов, то есть, в обоих случаях туда, где обстановка была наиболее острой.

Перед тем, как выехать на фронт под Сталинград, я вновь обратился к Сталину с просьбой усилить Генштаб руководящими кадрами. В данном случае я просил назначить начальником Оперативного управления и моим первым заместителем по Генштабу поступавшего в мое распоряжение бывшего начальника штаба Закавказского фронта генерал-лейтенанта А. И. Антонова.

Ответ Сталина был характерен и запомнился мне:

– Напрасно вы так озабочены работой Генштаба. Главное сейчас для Ставки, для Генштаба, да и для всех – это успешное выполнение проводимых и намеченных нами операций, на них и должно быть сосредоточено все ваше внимание, сюда должно быть направлено и основное внимание Генштаба, к тому же все важнейшее по ним Генштабом уже сделано, а с остальными канцелярскими делами мы как-нибудь справимся и без вас, а когда вы будете необходимы здесь, как начальник Генерального штаба, при решении новых задач, то не беспокойтесь, мы вас не забудем и пригласим. Если же у Генерального штаба в процессе его работы встанут какие-либо серьезные затруднения и появится необходимость помочь ему, то думаю, что вы сможете это сделать и находясь на фронте. А в основном сейчас не вы должны помогать Генштабу, а Генштаб вам.

Но я все же получил тогда согласие Сталина о назначении в Генштаб А. И. Антонова, хотя Сталин лично его не знал.

В условиях столь сложной войны с сильным, первоклассно вооруженным и столь опытным врагом, при крайне быстро меняющейся на фронте стратегической обстановке, начальник Генерального штаба при помощи аппарата Генштаба прежде всего был обязан:

– непрерывно держать Верховное Главнокомандование не только полностью в курсе всех основных фронтовых событий, но и, располагая данными всех видов разведки, своевременно предупреждать Ставку о возможных замыслах коварного врага и тем самым оберегать фронт от всяких неприятных и неожиданных осложнений;

– всячески обеспечивать Ставке принятие своевременных и правильных стратегических решений, наиболее отвечавших на данном этапе военно-политическим целям войны, сложившейся фронтовой обстановке и вполне осуществимым по силам и средствам; организовать прочное, непрерывное управление войсками со стороны Ставки и всемерно помогать ей успешно и своевременно влиять на ход и развитие стратегической обстановки на фронтах и резко менять ее в свою пользу путем неожиданного для врага ввода в действие крупных стратегических резервов или подключением к операции соседних фронтов, а порою и организации новых мощных фронтовых ударов на других стратегических направлениях, приводивших в конечном результате к достижению единой военно-политической цели.

Полагаю, что широко применявшаяся Ставкой в период войны практика посылки начальника Генерального штаба на

главные фронтовые направления, где решались основные оперативно-стратегические задачи войны, не только не мешала выполнению им этих основных обязанностей, но, как показал опыт и как я убедился в этом лично, при соответствующей организации его работы на фронте помогала ему в этом, способствовала его более конкретному руководству Генштабом.

Некоторые авторы, критически относящиеся к подобной практике, ссылаются при этом на такой крупнейший авторитет в штабной службе, как Б. М. Шапошников. Да, Борис Михайлович, образно называя Генеральный штаб «мозгом армии», вполне резонно и научно обоснованно говорил, что начальник Генерального штаба должен постоянно быть в центре военных событий, во главе его работы, его проблем, чувствовать пульс борьбы с врагом на всех фронтах и оказывать на нее влияние.

Но вряд ли справедливо усматривать в этих ценнейших советах Б. М. Шапошникова как бы его рекомендации, что наиболее выгодным, целесообразным и постоянным местом для работы начальника Генерального штаба для успешного выполнения им и Генштабом в целом возлагаемых на них ответственнейших задач в период войны могут быть лишь стены Генштаба и Ставки.

Я считаю, в этом вопросе Борис Михайлович полностью разделял линию Ставки. Работая под его непосредственным руководством в течение последних месяцев 1941-го и первой половины 1942 года, и имея с ним в дальнейшем до 1945 года постоянную телефонную связь, которая позволяла мне нередко вести разговоры с ним и получать от него необходимые советы, я не мог не убедиться в этом.

По-видимому, существо вопроса, поставленного любителями такой статистики, целесообразно рассматривать не с точки зрения того, мог ли начальник Генерального штаба, находясь на фронтах, выполняя ответственные обязанности представителя Ставки на подготовке и проведению той или иной крупной стратегической операции, одновременно выполнять свои основные обязанности – по руководству Генеральным штабом. Исчерпывающий, утвердительный ответ на этот вопрос дает ход военных событий, при которых Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была прибегать к этой практике.

Наиболее правильно, на мой взгляд, рассматривать этот вопрос так: каким образом начальник Генерального штаба, выполняя задания Ставки на фронте, находясь зачастую вдали от Генштаба, не оставлял его без своего руководства, без своей помощи.

Вот на этом вопросе я и позволю себе остановиться

поподробнее и, прежде всего, напомню о том, что значительная и притом наиболее ответственная часть поручений, которые приходилось выполнять начальнику Генерального штаба в роли представителя Ставки, в то же время являлась и его прямыми обязанностями, независимо от того, где бы он ни находился. К тому же надо сказать, что во всех случаях такие важнейшие вопросы, связанные с предстоящей крупной операцией, как то: выработка и подготовка стратегического решения, окончательное рассмотрение и утверждение его Ставкой, а затем и разработка основного плана проведения этой операции, вплоть до оформления соответствующих директив по ней фронтам, проводилась всегда при обязательном и непосредственном участии начальника Генерального штаба.

Хотелось бы, в то же время, подчеркнуть, что выезд начальника Генштаба на фронт хотя и являлся временным территориальным отрывом его от Генштаба, но такой отрыв благодаря ряду мероприятий, проводимых при этом, не лишал его возможности повседневно и, по оценке Ставки, довольно неплохо руководить деятельностью Генштаба, и особенно при отработке им наиболее важных вопросов. Приведу некоторые факты.

Всякий раз, когда по решению Ставки начальник Генерального штаба отправлялся на фронт для участия в подготовке, а в дальнейшем и в проведении операции, для него на одном из фронтов, действия которых он обязан был координировать, организовывался командный пункт. Пункт всегда имел мощный узел связи, обеспечивающий устойчивую постоянную линейную и радиосвязь с Москвой – Ставкой, Генштабом, органами Наркомата обороны, с правительством и другими наркоматами, а через узел связи Генштаба и со всеми другими фронтами и армиями и со штабами военных округов на территории страны. Этот узел связи в период Сталинградской битвы, в сражениях на Верхнем Дону, на Курской дуге, при освобождении Донбасса, во время действия советских войск по освобождению Левобережной и Правобережной Украины, Крыма, Белоруссии и Прибалтики да и в других операциях, как правило, обслуживался хорошо подготовленными и богато оснащенными частями связи.

Наряду с вполне достаточными для выполнения указанных задач средствами проводной связи, хорошо были представлены в этих частях и средства радиосвязи, к которым в нужных случаях не пренебрегали прибегать Генштаб и Ставка Верховного Главнокомандования.

Сошлюсь хотя бы на уже упоминавшийся факт. В ночь на 24

августа 1942 года я имел разговор с Верховным Главнокомандующим по радио и доложил ему о крайне серьезном положении, создавшемся у стен Сталинграда, о мерах, которые предпринимались нами и фронтом на месте для спасения города, и о том, что необходимо было срочно получить для этого от Ставки. И это было в тот период войны, когда Генштаб и Ставка вынуждены были вести борьбу с так называемой «радиоболезнью», которой еще страдало немало командиров войсковых частей, соединений и даже армий. Приблизительно к этому периоду относится решение Ставки Верховного Главнокомандования, обязывающее ввести личные радиостанции командиров корпусов и дивизий, и командующих фронтов, и армий, по которому, где бы ни был командующий или командир, личная радиостанция всегда должна была находиться при нем, а вместе с радистами на радиостанции обязательно должны были быть офицер оперативного отдела и шифровальщик.

Прочная техническая связь с Генштабом обеспечивала мне, как начальнику Генштаба, возможность неоднократно в сутки заслушивать доклады руководящих его лиц – о всех важнейших событиях, происходящих на фронтах, о постоянной деятельности Ставки, о важнейших донесениях и просьбах, поступающих от фронтов в адрес Ставки и Генштаба, о ходе выполнения тех или иных заданий Ставки, о ходе формирований, о состоянии стратегических резервов и обо всех основных затруднениях, с которыми сталкивался Генштаб в процессе своей работы. Тут же давались мною Генштабу все необходимые указания по обсуждаемым вопросам.

Большую помощь в деле руководства работой Генштаба в мою бытность на фронте оказывали мне систематические приезды ответственных работников Генштаба. Эти их выезды на фронт, практиковавшиеся до февраля 1945 года, проводились по их инициативе с моего разрешения или по моему вызову, а иногда и по указаниям Ставки Верховного Главнокомандования. Как правило, основными причинами таких посещений являлись доклады о разрабатываемых Генеральным штабом проектах или указаниях, подлежащих утверждению Ставкой, или проектах руководящих директив или указаний, исходящих от Генерального штаба в войска, а также рассмотрение и других вопросов работы Генерального штаба, в том числе укомплектования или перемещения кадров в нем.

Одновременно при отъезде на фронт в помощь мне направлялась от Генерального штаба группа хорошо подготовленных офицеров. Состав этой группы подбирался в зависимости от характера и задач проводимой операции, а

главным образом от важности того направления, на котором запланирована данная операция. Эта группа оказывала мне огромную помощь. Особенно памятна отличная работа при проведении Сталинградской битвы А. А. Грызлова, К. Ф. Васильченко, С. М. Енюкова, а при проведении в последующем других операций, под руководством состоявшего при мне для поручений генерала М. М. Потапова, группы офицеров – А. С. Беляцкого, К. И. Храмцовского, А. Н. Орехова, А. М. Хромова, А. С. Орлова, С. А. Лялина и других.

Немалую помощь мне и другим представителям Ставки оказывали работавшие при штабах фронтов, армий, отдельных корпусов, а иногда и дивизий постоянные представители Генерального штаба. Эти командиры так называемого «корпуса офицеров Генерального штаба» давали нам, представителям Ставки, а одновременно и Генеральному штабу немало дополнительных, очень ценных и наиболее объективных сведений о ходе боевой обстановки, о противнике, о положении и состоянии своих войск, об их обеспеченности всем необходимым для выполнения поставленных перед ними задач.

Большую пользу нам, ответственным представителям Ставки, оказывали назначаемые каждый раз Ставкой представители от родов войск. Вместе со мной в большинстве случаев работали: от ВВС – начальник штаба и заместитель Главкома ВВС Ф. Я. Фалалеев, заместитель командующего артиллерией Красной Армии М. Н. Чистяков, командующий БТ и МВ Я. Н. Федоренко или его заместитель.

Рассматривая роль представителей Ставки при проведении той или иной операции, должен отметить ту огромную помощь, которую мы получали, работая на фронте, от Верховного Главнокомандования. Уже одно то, что Ставка требовала от нас ежесуточно к 24 часам телеграфных отчетов о своей деятельности на фронте, обязывало нас иметь с ней самую прочную и непрерывную связь. Но этими донесениями наша связь с Верховным Главнокомандованием, особенно у Г. К. Жукова и у меня, далеко не исчерпывалась. Лично я телефонные разговоры со Сталиным часто вел по нескольку раз в сутки. Их содержанием было обсуждение хода выполнения заданий Ставки на тех фронтах, на которых в данный момент мы ее представляли, рассмотрение военных действий на остальных фронтах, целесообразности подключения к проводимой операции соседних фронтов или организации новых мощных ударов по врагу на других стратегических направлениях; обсуждались также вопросы состояния и использования имеющихся резервов Верховного Главнокомандования, создания новых крупных резервов, боевого

и материального обеспечения войск, назначения или перемещения руководящих кадров в Вооруженных Силах и другие.

Касаясь вопросов связи со Сталиным, не преувеличу, если скажу, что, начиная с весны 1942 года и в последующее время войны, я не имел с ним телефонных разговоров лишь в дни выезда его в первых числах августа 1943 года на встречи с командующими войсками Западного и Калининского фронтов, и в дни его пребывания на Тегеранской конференции глав правительств трех держав (с последних чисел ноября по 2 декабря 1943 года).

Поскольку я затронул вопрос о работе представителей Ставки, будет уместно, хотя бы коротко, остановиться на их взаимоотношениях с Генеральным штабом.

Ответственный представитель Ставки всегда назначался Верховным Главнокомандующим и подчинялся лично ему. Но, как только он получал указания и задачу на выезд в войска, он, как правило, отправлялся в Генштаб, чтобы ознакомиться со всеми сведениями, необходимыми для успешной работы. В Генеральном штабе он детально изучал замысел операции, план проведения ее по этапам, задачи, которые предстояло решать тем фронтам, на которые он направлялся, знакомился с задачами соседних фронтов. Немало внимания представитель Ставки уделял вопросам материального обеспечения операции и особенно резервам, на которые эти фронты могли рассчитывать в ходе операции, так как знал, что командующие фронтами всегда проявляли к ним повышенный интерес, да и сам он отлично сознавал их значение в успешном решении задач операции.

От Генерального штаба представитель Ставки получал все необходимое для организации его командного пункта (обеспечение его средствами связи, подбор рабочего аппарата), то есть все то, от чего во многом зависела его плодотворная работа в войсках.

Для изучения этих вопросов в Генштаб приходили почти все представители Ставки, но, пожалуй, наиболее активным в этом был Г. К. Жуков. Он, не считаясь с тем, что являлся заместителем Верховного Главнокомандующего, не уходил от нас, пока не ознакомится с планом операции, не получит всего того, что ему требовалось от Генштаба. Много работали в Генштабе перед выездом в войска С. К. Тимошенко, Н. Н. Воронов и другие. От К. Е. Ворошилова по его указанию обычно работали в Генштабе его помощники, к тому же почти во всех случаях его сопровождал при выездах в войска ответственный представитель Генерального штаба.

Представители Ставки, располагая всеми данными о возможностях, замысле и планах Верховного Главнокомандования, оказывали существенную помощь командующим фронтами в выработке и принятии наиболее правильных оперативных решений, вытекающих из общего плана стратегической операции. Большую работу они проводили по разрешению на месте сложных вопросов стратегического взаимодействия между фронтами, видами Вооруженных Сил и родами войск, исходя из общего замысла Ставки на операцию. И конечно, командующие войсками фронтов получали от них помощь в обеспечении войск всем необходимым для выполнения задач. При подготовке и при проведении операции у командования фронтов возникало немало вопросов, требующих компетенции Верховного Главнокомандования и Наркомата обороны. При участии представителя Ставки они решались значительно быстрее.

В ходе осуществления операции представители Ставки также обращались в Генштаб. Вопросы были разные, но чаще всего интересовались, как обстоит дело с ходом выполнения задач соседними фронтами, с резервами, с поступлением в распоряжение командующих фронтами боевой техники, и, особенно, боеприпасов и горючего.

Все доклады представителей Ставки Верховному Главнокомандующему обязательно поступали в Генеральный штаб и докладывались И. В. Сталину. В свою очередь, Генеральный штаб считал своим долгом и обязанностью оказывать представителям Ставки постоянную практическую помощь в их работе.

Кроме ежедневных докладов Ставка не требовала от своих представителей в войсках никакой отчетности. Но ежедневные доклады о проделанной работе за сутки и с предложениями по ходу военных действий являлись обязательными. И. В. Сталин, как я уже отмечал, строго взыскивал за то, если представитель Ставки задержится с присылкой доклада хотя бы на несколько часов.

Итоговые доклады по операции, как правило, с участием представителей Ставки и командующих фронтами, готовились Генеральным штабом.

Функции представителя Ставки не были неизменными. До июля 1944 года на нем, как уже говорилось ранее, лежала обязанность оказывать помощь командованию фронтов в подготовке и проведении операции, а также в налаживании четкого и постоянного взаимодействия фронтов и видов войск. Ни Г. К. Жуков, как заместитель Верховного

Главнокомандующего, ни я, как начальник Генерального штаба и заместитель наркома обороны, ни тем более другие представители Ставки не имели права принимать в ходе операции какое-либо новое принципиальное решение, проводить его в жизнь без санкции Верховного Главнокомандующего. И, более того, если представитель Ставки видел необходимость усилить войсками один фронт за счет другого, даже в том случае, когда речь шла всего лишь об одной дивизии или о каком-либо специальном соединении, он не мог этого сделать без разрешения Верховного Главнокомандующего. А если такие попытки и были, то, как правило, командующий фронтом, у которого намеревались взять войска, сейчас же звонил Сталину, возражал и жаловался, что его «грабят». Не мог представитель Ставки самостоятельно изменить в интересах проводимой операции и установленные Ставкой разграничительные линии между фронтами.

Изменения в функциях представителей Ставки произошли в период Белорусской операции, когда Ставка поручила Г. К. Жукову не только координировать действия 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, но и руководить ими, а мне то же самое было поручено в отношении войск 3-го Белорусского, 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов. В связи с этим объем наших обязанностей, как представителей Ставки, а вместе с тем и ответственность, значительно возросли.

После расширения прав представитель Ставки просто приказывал провести необходимую переброску войск, и приказ выполнялся. Так же просто решались и другие вопросы в интересах проводимой операции.

Расширение функций представителей Ставки позволило повысить конкретность и оперативность стратегического руководства войсками.

В оценках деятельности представителей Ставки имеются и отрицательные. Некоторые из командующих войсками фронтов говорили, правда, уже после войны, что представители Ставки являлись чуть ли не лишним звеном в системе стратегического руководства вооруженной борьбой и будто бы лишь усложняли их работу. В таких утверждениях, по моему мнению, отсутствует должная объективность.

Значение института представителей Ставки определяется не только тем, что они оказывали помощь в проведении стратегических операций на решающих направлениях, хотя это само по себе очень важно и вряд ли можно всерьез не соглашаться с таким мнением. Представители Ставки играли также большую роль в неуклонном претворении замысла и всего плана операции,

в подчинении интересов того или иного фронта общим интересам успешного проведения операции, задачам Верховного Главнокомандования.

Начиналось, в данном случае, все с точных и объективных докладов представителей Ставки Верховному Главнокомандующему об обстановке на фронте, практических выводах командования по оценке врага, по осуществлению плана операции, вопросах взаимодействия фронта с соседними фронтами и внутри фронта между различными видами войск, об использовании резервов и т. д.

Основываясь на докладах и представителей Ставки, и командующих фронтами, Верховное Главнокомандование получало более точные сведения обо всех событиях на фронте, о ходе операции и могло принимать правильные решения.

Когда нужно, представители Ставки активно вмешивались в процесс фронтового планирования и выступали против того, чтобы просить от Ставки дополнительных резервов и другую помощь при осуществлении замысла Ставки. Приведу хотя бы один, довольно характерный, пример этого из своей практики. Это было весной 1944 года во время борьбы за Правобережную Украину и при подготовке операции по освобождению Крыма. Я в то время, будучи начальником Генштаба, являлся представителем Ставки по координации боевых действий 3-го и 4-го Украинских фронтов. Как уже сказано в книге, задача по освобождению Крыма была возложена Ставкой на войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии, Черноморский флот, Азовскую флотилию и партизан Крыма. На основе, казалось бы, тщательного изучения сил, группировки и состояния обороны противника в Крыму решение по использованию необходимых сил и средств 4-го Украинского фронта для этой цели было принято командованием фронта и мною в феврале 1944 года и тогда же было утверждено Ставкой. В марте командование фронта и армий приступило к практической подготовке войск к проведению этой операции. В конце марта Верховный Главнокомандующий обязал меня встретиться с маршалом К. Е. Ворошиловым, являвшимся представителем Ставки при Отдельной Приморской армии, действовавшей на керченском направлении, с тем, чтобы детально отработать с ним все вопросы, касающиеся взаимодействия в операции войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии. Я в то время находился в войсках 3-го Украинского фронта, проводившего Одесскую наступательную операцию. Наша встреча состоялась 29 марта в Кривом Роге, куда по указанию Верховного Климент Ефремович прибыл из Тамани поездом.

После ознакомления с составом сил и средств 4-го Украинского фронта и с теми задачами, которые предстояло ему решать, К. Е. Ворошилов усомнился в реальности успешного выполнения имевшимися силами спланированной фронтом, и утвержденной Ставкой, операции. Дальнейшее обсуждение плана операции в целом и увязку действий фронта с Отдельной Приморской армией мы, по предложению Климента Ефремовича, решили продолжить на следующий день в Мелитополе с привлечением командования 4-го Украинского фронта.

При этой встрече, после подробного доклада командующего фронтом Ф. И. Толбухина о плане проведения операции, К. Е. Ворошилов сразу же поставил перед ним вопрос, достаточно ли хорошо знает он и его штаб противника, с которым придется иметь дело, и уверен ли он, что имеющимися силами фронт сможет выполнить поставленные задачи. При этом он сослался на то, что он с войсками Отдельной Приморской армии на керченском направлении, имевшими значительное превосходство в силах над противником, многократно пытались прорвать оборону врага, но успеха не имели.

– Уверен, что и вам, – закончил Климент Ефремович, – с вашими силами не удастся это, и вы подведете Ставку.

После такого выступления авторитетнейшего маршала Ф. И. Толбухин заколебался, заколебался и его начальник штаба С. С. Бирюзов, заявляя, что, конечно, силенок маловато и было бы куда лучше, если бы их добавили. Меня это встревожило, и я напомнил командованию фронта, что все расчеты, на которых строился утвержденный Ставкой план операции, исходили не только от меня, но и, прежде всего, от них, и что при представлении этого плана в Ставку, да и по сей день, уверенность в успехе операции была полная.

– Чем же объяснить изменение вашего отношения к плану операции?

В ответ К. Е. Ворошилов заявил, что вводить в заблуждение Ставку он не позволит, и считает своим долгом доложить Ставке о своих сомнениях и сомнениях командования фронтом. После этого он предложил мне присоединиться к его мнению. Я заявил, что сомнения в успехе операции считаю совершенно необоснованными и напрасными, и ставить о них в известность Ставку и просить у нее дополнительные силы не буду. Заявил и о том, что если Ф. И. Толбухин отказывается от ранее принятого нами решения на проведение операции, то я готов прямо отсюда доложить Ставке об этом, и просить не изменять утвержденного плана операции и сроков для ее проведения, и возложить на меня непосредственное ее проведение, и командование войсками 4-го

Украинского фронта. Такое заявление подействовало не только на Ф. И. Толбухина, но и на К. Е. Ворошилова. Он сказал, что не будет вмешиваться в действия 4-го Украинского фронта, а выскажет свои опасения в примечании к нашему донесению в Ставку, хотя и от этого потом отказался.

Что касается сроков проведения операции по освобождению Крыма, то решили просить разрешения Ставки начать ее войсками 4-го Украинского фронта на Перекопе и Сиваше 5 апреля, а на керченском направлении, по настойчивой просьбе Климента Ефремовича, через 2–3 дня после этого, то есть после того, как войска 51-й армии возьмут Джанкой и будут развивать наступление на Симферополь.

Операция по освобождению Крыма, как известно, была осуществлена успешно.

Еще раз считаю возможным заметить, что подобная практика, когда начальник Генерального штаба значительную часть времени находился на фронте в роли представителя Ставки, может, и не является лучшей формой его деятельности, но я не решусь ее осуждать. В тех конкретных условиях, как я уже и говорил, это, видимо, было неизбежно и способствовало конкретному оперативному руководству военными действиями со стороны Верховного Главнокомандования.

Генеральный штаб за годы войны проделал огромную работу, причем особенно она была плодотворной в период наступательных действий Вооруженных Сил СССР. Но прежде чем стать эффективным оперативным органом Верховного Главнокомандования, он прошел путь поисков своего места в стратегическом руководстве, своей организационной структуры, методов своей работы.

Мне приходилось слышать, что эти вопросы в предвоенные годы не были достаточно глубоко решены, а потому-де, как только страна вступила в войну, Генштаб был вынужден перестраиваться.

В принципе, полагаю, нет ничего необычного в том, что с началом войны Генеральный штаб, в какой-то мере, перестраивается, ищет более совершенные структуру и методы своей деятельности, Как бы ни была глубоко продумана его работа в мирное время, война неизбежно заставляет вносить те или другие изменения. Это объективно необходимые изменения, идущие на пользу делу.

Как только началась война, существовавшие в Генеральном штабе отделы Северо-Западный, Западный, Юго-Западный, Ближневосточный и Дальневосточный были упразднены и взамен них созданы направления по числу фронтов. Этой реорганизации

требовали интересы руководства вооруженной борьбой.

Принес также пользу созданный, хотя и временно, институт представителей Генерального штаба на фронтах, в армиях, отдельных корпусах и дивизиях.

Но поскольку война вначале пошла не так, как хотелось бы, поиски лучшей организационной структуры иногда велись поспешно и были не совсем оправданы. Опыт показал, что можно было бы не идти на создание, с независимыми от Генштаба функциями, Главного управления формирования и укомплектования войск, а также, на передачу Управления военных сообщений в Главное управление тыла Вооруженных Сил. Генштаб после этих введений смог больше времени уделять решению оперативно-стратегических вопросов. Но сразу же возникли организационные трудности. То, что за Генштабом были оставлены функции контроля за этими управлениями, оказалось недостаточным для решения по существу задач формирования и укомплектования войск и организации перевозов.

Дело в том, что план организационных мероприятий и укомплектования непременно должен быть увязан с оперативными задачами Вооруженных Сил и удовлетворять тем требованиям, которые предъявляет к организации и вооружению войск современный бой, а так как всеми этими данными в полной мере мог располагать только Генеральный штаб, следовательно, и разрабатываться этот план мог не где-либо, а только в Генштабе. Еще сложнее обстояло с военными сообщениями, потому что план объема и направления перевозок, и особенно оперативных, мог готовиться только в Генеральном штабе. Перед Московской битвой начальник тыла А. В. Хрулев с работниками Наркомата путей сообщения сидели у меня в кабинете, и, вместе с работниками Генштаба, составляли план перевозок резервов оружия, боевой техники, боеприпасов, и т. д. И так случалось каждый раз, когда приступали к подготовке очередной операции.

В годы войны трудно и практически неоправданно отделять от Генштаба как организационно-мобилизационную работу, так и военные сообщения. Поэтому уже в 1943–1944 годах, когда был накоплен достаточный опыт стратегического руководства, они вновь стали составными частями аппарата Генерального штаба. И. В. Сталин легко дал согласие на возвращение к той структуре Генерального штаба, которая в принципе была разработана в предвоенные годы и с которой мы встретили войну.

Бывало и так, что ненужность новых введений становилась очевидной почти сразу же. В первые дни войны по указанию Сталина был образован институт советников начальника Генерального штаба на положении его внештатных заместителей.

Их было шесть. Для такой роли подобрали подготовленных и авторитетных военачальников. Они самым серьезным образом отнеслись к своему назначению и горели искренним желанием помочь Генеральному штабу. Но на практике получалось так, что приходит тот или другой советник к начальнику Генштаба, усядется и начинает высказывать, что, по его мнению, делается неверно и что нужно делать, как организовать работу Генштаба и управление войсками. Советники не несли ответственности ни за работу Генштаба, ни за деятельность командования фронтов, ни за состояние войск. Пришлось отказаться от такого института.

Не принесли желаемых результатов, как уже об этом говорилось ранее, главные командования направлений, созданные в начале июля 1941 года.

Несмотря на то, что главкомами направлений были назначены наиболее опытные и авторитетные военачальники – К. Е. Ворошилов, С. М, Буденный и С. К. Тимошенко, наладить более конкретное и оперативное руководство через них не удалось, и не удалось, главным образом, потому, что они не были наделены соответствующими полномочиями, и у них не было для этого ни сильных, работоспособных штабов, ни резервов, чтобы активно воздействовать на военную обстановку. А так как события на фронтах менялись быстро, то Ставка, как правило, не имела возможности давать директивы фронтам через промежуточное звено, а вынуждена была обращаться непосредственно к исполнителям – командующим фронтами. Поэтому к лету 1942 года, как я отмечал, главные командования стратегических направлений были расформированы, и Ставка взяла на себя непосредственное руководство фронтами.

Несколько иначе произошло с управлением войсками на Дальнем Востоке. Здесь, при чрезмерной удаленности командования фронтов от Ставки, при крайне ограниченных по тому времени надежных средствах связи Москвы с Дальним Востоком, при единой стратегической цели, которую решали войска фронтов, Главное командование советских войск Дальнего Востока, по оценке Ставки и ГКО, полностью себя оправдало.

Затрону еще один вопрос, хотя он и не прямо связан с организационной структурой. Осенью 1941 года решением Ставки были расширены права и обязанности главнокомандующих и командующих родами войск Вооруженных Сил и некоторых начальников главных управлений Наркомата обороны, а сами они возведены в ранг заместителей наркома обороны.

Такая мера, в принципе, казалось бы, давно назревала, и мы не возражали против нее. Но очень скоро почувствовали, что в ней не все продумано до конца. Когда каждый

главнокомандующий войсками Вооруженных Сил и начальники многих Главных управлений стали заместителями наркома, в их действиях временами проглядывалась склонность к автономным решениям. Каждый из главнокомандующих и начальников главных управлений был, как и начальник Генштаба, в ранге заместителя наркома обороны и не всегда считался с указаниями начальника Генерального штаба, даже санкционированными Ставкой.

Подобные ненормальные отношения тормозили руководство Вооруженными Силами. Пришлось доложить И. В. Сталину. В результате последовало новое решение. Как только было сокращено количество заместителей наркома обороны до двух, все встало на свое место.

Вряд ли нужны какие-то советы или выводы по поводу организационной структуры Генштаба в годы войны. Структура Генштаба – величина не неизменная. Все объективно необходимые изменения в ней обусловливались интересами повышения роли Генштаба в руководстве вооруженной борьбой. Свое слово в этом сказали и трудное начало войны, и огромный размах военных действий – от моря и до моря.

При всем этом ясно одно. Пусть иногда у нас принимались не совсем удачные организационные решения, но структура Генштаба, как и Наркомата обороны в целом, обеспечивали Верховному Главнокомандованию оперативное и весьма эффективное руководство вооруженной борьбой.

Правда, поначалу нашу работу осложняла некоторая недооценка И. В. Сталиным значения и места аппарата Генштаба в руководстве фронтами, да и в деятельности самого Верховного Главнокомандования. Как только страна вступила в войну, начальник Генштаба Г. К. Жуков был направлен на Юго-Западный фронт для помощи командованию фронтом в организации отпора врагу. Бывший до осени 1940 года начальником Генштаба Б. М. Шапошников отбыл на Западный фронт представителем Главного командования. Народный комиссар обороны С. К. Тимошенко был назначен главнокомандующим Западным стратегическим направлением. Первого заместителя начальника Генерального штаба генерала Н. Ф. Ватутина откомандировали на Северо-Западный фронт, где он через некоторое время был назначен начальником штаба этого фронта. Заместитель начальника Генштаба В. Д. Соколовский и начальник Оперативного управления Г. К. Маландин с группой работников этого управления отбыли на Западный фронт. Из Генерального штаба также был откомандирован на фронты ряд квалифицированных работников.

Конечно, фронту нужно было дать самые подготовленные и сильные кадры. ЦК партии неуклонно проводил линию подбора на должности командующих, членов военных советов и начальников штабов фронтов и армий, хорошо зарекомендовавших себя на практической работе военачальников. Командующие войсками фронтов нуждались в советах, помощи, в налаживании связи с Верховным Главнокомандованием, и эта задача возлагалась на посылаемых в первые дни войны представителей Наркомата обороны и Генерального штаба.

Но Генеральный штаб также являлся исключительно важным звеном стратегического руководства. Оставлять его хотя бы на несколько дней совершенно без руководящих работников было неправильно. Его роль как оперативного органа Верховного Главнокомандования была очень велика. Нужно иметь в виду, что Вторая мировая война предъявила невиданно высокие требования к штабам, особенно высшим. Возросла не только потребность в централизованном, едином руководстве военными действиями. Неизмеримо поднялось значение Генерального штаба в разработке планов кампаний и операций, в обобщении и распространении опыта войны. В гигантских размерах увеличился и объем его организаторской работы. Не ошибусь, если скажу, что ни в одной войне прошлого не предъявлялись столь высокие требования к генштабам, как в минувшей. Вторая мировая война, в определенном роде, являлась и войной штабов.

На практике же, к сожалению, наш Генштаб, оставшись в первые дни войны без своих ответственных руководителей, которые могли бы с успехом представлять его в Верховном Главнокомандовании, работал далеко не так, как требовалось.

В июньские и июльские дни 1941 года мне, как первому заместителю начальника Оперативного управления, приходилось не раз за сутки бывать у нового начальника Оперативного управления В. М. Злобина. Я его хорошо знал по учебе в Академии Генерального штаба и по совместной поездке в Германию в 1940 году. Это был очень способный, подготовленный, опытный и трудолюбивый, судя по прежней и последующей работе, командир, отличный штабник и хороший товарищ, пользовавшийся авторитетом в коллективе наркомата. Но когда я докладывал ему сведения, получаемые с фронта, и проекты предложений по ним от себя и работников управления, меня каждый раз поражало его спокойствие, казавшееся равнодушием ко всему происходящему. Правда, он внимательно выслушивал, обсуждал доклад, соглашался с ним, делал иногда довольно дельные замечания, но почти всегда кончал одним и тем же:

– Ну хорошо, а что же дальше? Что я буду делать с этими нашими предложениями, если меня никто слушать не хочет, если все решается без нас, наверху? Мы, по существу, превратились в простых технических передатчиков, не только принимаемых, но и уже оформленных там решений.

Убежден, что активное использование В. М. Злобина, а через него и всего коллектива Оперативного управления, равно как и коллективов других управлений Генштаба, принесло бы значительную пользу и, быть может, избавило бы Верховное Главнокомандование от некоторых просчетов и ошибок в первые месяцы войны.

Несколько слов о внутренней жизни Генерального штаба.

Коллектив Генштаба являлся сплоченным и дружным. Многое для этого делали его политотдел и партийные организации управлений и отделов. Но поскольку генштабисты представляли живой, растущий коллектив, у него постоянно возникали свои проблемы.

На первых порах работу аппарата осложняли так называемые «фронтовые настроения». Я не рассматриваю их в отрицательном плане, они являлись выражением высоких патриотических чувств генералов и офицеров Генштаба. Но они создавали не совсем рабочую атмосферу в тех управлениях и отделах, куда пришли в начале войны выпускники Академии Генерального штаба. Многие из них считали свое пребывание в Генштабе временным и настойчиво добивались откомандирования на фронт. Они, конечно, сознавали, что служить в Генштабе – высокая честь, но фронт все же тянул их больше. Они, как советские патриоты, хотели скорее включиться в непосредственную борьбу с врагом. Мотивом у таких генералов и офицеров являлось: на фронте идет борьба, там больше нужны кадры, знания, а мы тут сидим с бумагами. Руководство Генштаба, политотдел были вынуждены провести работу, чтобы изжить фронтовые настроения. Мне пришлось выступить на общем партийном собрании со специальным докладом о роли генштабиста в ходе войны, показать смысл и назначение его работы в руководстве вооруженной борьбой. А ряд молодых офицеров, которые очень рвались на фронт, все же пришлось откомандировать, и они в своем подавляющем большинстве показали себя там с самой лучшей стороны, отдельные из них снискали известность и признание как полководцы. Основная же масса молодых офицеров и генералов закрепилась в аппарате, и из них выросли квалифицированные работники Генштаба. Они также заслужили всеобщее признание, а некоторые стали в дальнейшем видными советскими военачальниками.

Возникали в ходе войны и другие вопросы нашей внутренней жизни. Не раз приходилось заниматься тем, чтобы повышать четкость и дисциплину в действиях каждого работника Генштаба, которые имели исключительно важное значение при большом потоке информации, поступавшей в Генштаб, и при высочайшей требовательности Ставки к каждому докладу об обстановке на фронте и каждому документу, представляемому Верховному Главнокомандующему. Мы уделяли внимание и тому, насколько умело и с какой пользой работали генштабисты в войсках, воспитанию у них качеств профессиональной деловитости. Эти и подобные им вопросы разрешались в интересах всемерного улучшения работы Генерального штаба.

Генеральный штаб постоянно ощущал заботу и внимание Центрального Комитета партии, но руководство ЦК ВКП(б) Генеральным штабом в годы войны несколько отличалось от довоенного. Генеральный секретарь ЦК партии стал Верховным Главнокомандующим и наркомом обороны. Генеральный штаб, являясь основным рабочим органом Ставки по руководству вооруженной борьбой, получил возможность решать все вопросы, требующие рассмотрения и санкции Центрального Комитета партии, непосредственно у Сталина, в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) и членов ГКО. Рабочая связь Генштаба с ЦК партии, таким образом, поддерживалась постоянно и являлась более многообразной. Несмотря на огромную сложность проблем, вставших перед Генштабом, под руководством ЦК партии, ГКО и Ставки они решались успешно.

Особое внимание уделялось рассмотрению всех основных вопросов, связанных с проведением крупных стратегических операций. Обсуждение и решение этих вопросов в Ставке с участием членов Политбюро ЦК партии и ГКО, как правило, происходили с вызовом или, во всяком случае, при участии соответствующих командующих войсками фронтов. Утвержденные Ставкой и ЦК партии, решение и план операции становились законом, и Генштабу было сравнительно легко вести всю организационную работу по подготовке и проведению операции.

Нередко бывало, что решение на крупную операцию, а в дальнейшем и ход ее, по нескольку раз рассматривались на Политбюро и в Ставке. Так происходило при проведении Сталинградской операции, Курской битвы, при освобождении Украины, Белоруссии и т. д. А ход Берлинской операции рассматривался Политбюро ЦК и Ставкой почти ежедневно.

Важное значение имело обсуждение в ЦК ВКП(б) итогов проведенной той или иной крупной операции или итогов военных

действий за ту или иную кампанию войны.

Так, в марте 1942 года с докладом выступил начальник Генштаба Б. М. Шапошников. Политбюро и ГКО, рассмотрев представленные Ставкой итоги борьбы за зимнюю кампанию 1941–42 года, приняли решение перейти к обороне, накопить силы и, уже затем, возобновить наступление.

13 ноября 1942 года на заседании Политбюро ЦК партии и Ставки после подведения итогов оборонительным сражениям под Сталинградом был заслушан и утвержден доклад Г. К. Жукова и мой по проведению контрнаступления советских войск с целью окружения и ликвидации основной группировки немецких войск под Сталинградом.

В декабре 1943 года на совместном заседании Политбюро ЦК партии, ГКО и Ставки глубоко и всесторонне были рассмотрены итоги вооруженной борьбы за 1943 год, вопросы военно-политического положения страны, произведен тщательный анализ соотношения сил и перспектив войны, что позволило определить наиболее целесообразный плав дальнейших военных действий. С докладами о ходе борьбы на фронтах и ее перспективах выступили от Генштаба я и А. И. Антонов, по вопросам военной экономики – Н. А. Вознесенский. Принятое решение помогло Ставке и Генеральному штабу тщательно спланировать предстоящую операцию; ее замысел точно отражал наши политические цели в войне на данном ее этапе и возможности нашего народного хозяйства дать фронту материально-технические средства. План операции исходил из правильной оценки намерений и сил противника.

Центральный Комитет партии также рассматривал наиболее важные вопросы военного строительства, развития и укрепления Вооруженных Сил. В числе других обсуждались вопросы введения института военных комиссаров и отмены его, установления полного единоначалия в Вооруженных Силах, введения новых знаков различия – погон. Постоянно в поле зрения Политбюро ЦК партии находились и основные аспекты организационной структуры Генштаба, всего Наркомата обороны, Вооруженных Сил в целом, назначения и перемещения кадров.

С докладом на Политбюро ЦК партии выступали члены Политбюро, Г. К. Жуков, А. И. Антонов, я и другие военачальники Наркомата обороны.

Большое внимание ЦК партии уделял материально-техническому обеспечению операций. Начальник Генштаба докладывал расчеты, называл цифры, сколько требуется для ее успешного проведения оружия, боевой техники, боеприпасов, горючего и прочего, а также соображения об оперативных

перевозках. Вопрос материально-технического обеспечения являлся одним из самых сложных и трудных, и был связан с работой народного хозяйства, его возможностями произвести требуемое количество продукции.

Должен отметить, что ЦК партии предпринимал большие усилия для развертывания военного производства. И все же, в первый год войны, когда наше хозяйство переходило на военные рельсы и налаживалась работа перебазированных в глубь страны предприятий, фронт получал значительно меньше того, что было необходимо для наращивания ударов по врагу. Приходилось весьма тщательно распределять материально-технические средства ведения военных действий. Причем такая тщательность была необходима и в то время, когда военное производство давало максимальное количество продукции, ибо тогда и у нас появлялось оправданное стремление планировать более мощные действия против врага.

Стратегическая операция минувшей войны являлась крупным организационным и материально-техническим мероприятием. Успех такой операции обеспечивался в том случае, если ее замысел и способы действия войск в полной мере подкреплялись резервами и материальными средствами ведения вооруженной борьбы. Благоприятные условия решения военных задач, конечно, должны были сочетать с умелой и искусной работой командования фронтов и армий, командиров соединений и частей.

Как только народное хозяйство увеличило выпуск военной продукции, Ставка и Генштаб планировали операции только на основе строгого учета реальных возможностей производства.

А наши запросы при рассмотрении операции являлись просто колоссальными. Известно, что на решение задачи освобождения Белоруссии потребовалось войскам 1,5 млн тонн грузов. В Берлинской операции их нужно было еще больше. Исключительно сложным делом являлась их перевозка.

Естественно, что на Политбюро высказывались различные мнения о возможности производства удовлетворить запросы Генштаба. Вносились различные предложения. Но самым авторитетным являлось слово члена ГКО, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского. Он нередко не соглашался с мнением И. В. Сталина, других членов Политбюро и точно называл количество материально-технических средств, которые может дать промышленность для рассматриваемой операции. Его мнение являлось решающим. Н. А. Вознесенский прекрасно знал народное хозяйство, имел точные сведения о его работе и в своих суждениях, оценках почти никогда не ошибался.

Я сохранил о Н. А. Вознесенском самые лучшие воспоминания. Его отличало не только глубокое знание народного хозяйства, но и постоянная целеустремленность, заряженность на работу. Он любил работать много и не уставал от дела. Николай Алексеевич обладал колоссальной энергией. Когда ни позвонишь, неизменно найдешь работающим. Н. А. Вознесенский являлся и сильным организатором: если поручалась какая-то задача, можно было быть уверенным в том, что она будет решена. И еще запомнился он как человек – обаятельный, доступный, благожелательный. Он был цельной и яркой натурой, прекрасным представителем государственных и хозяйственных кадров ленинской школы.

Лично я считаю, что важным фактором партийного влияния на деятельность Генштаба являются ежедневные доклады его начальника в Ставке. Эти доклады, на мой взгляд, не в меньшей мере являлись и докладами в ЦК партии, поскольку делались в присутствии Генерального секретаря ЦК партии и ряда членов Политбюро и ГКО, которых всегда было больше, чем членов Ставки.

Я думаю, что, безусловно, будет правильным, говоря о докладах начальника Генерального штаба или его заместителя на рабочих заседаниях Ставки, говорить о них как о докладах Ставке, Политбюро ЦК партии и ГКО. В пользу такой точки зрения свидетельствует, на мой взгляд, сам порядок рассмотрения этих докладов и характер принимаемых по ним решений. Я лично считал и считаю такие свои доклады как доклады ЦК партии и Ставке.

Обычно вечером, если я находился в Москве, звонил И. В. Сталин (или его секретарь А. Н. Поскребышев) и приглашал прибыть в Центральный Комитет часам к 20–21. У Верховного Главнокомандующего не существовало особого рабочего кабинета. Кабинет Генсека ЦК партии являлся и кабинетом Ставки. Повестка доклада предварительно не называлась. Приходилось самому определять, какие вопросы, кроме общей обстановки на фронтах, будут интересовать И. В. Сталина и присутствующих у него членов Политбюро и ГКО. Просматриваю материалы, готовлюсь. Когда приходил в Центральный Комитет, случалось, что И. В. Сталина интересовал какой-то другой вопрос. Но чаще всего обсуждались положение на фронтах и вопросы материального обеспечения действующей армии.

Доклады приходилось делать очень быстро. В них говорилось не только о положении на фронтах, но давалась и оценка их действиям, вносились предложения, докладывались просьбы военных советов фронтов и предложения Генштаба. Протоколов

этих заседаний никогда не велось. Но по обсуждаемым вопросам, если требовалось, тут же готовились решения, причем оформлялись они, в зависимости от содержания рассматриваемого вопроса, постановлением ЦК партии или ГКО, директивами Ставки Верховного Главнокомандования.

Генштаб повседневно держал связь с Политбюро ЦК ВКП(б). Большой круг вопросов в работе Генерального штаба, требующих санкции ЦК ВКП(б), решался при участии специально прикрепленного к Генштабу члена Политбюро. Я повседневно держал с ним связь, обращался к нему за помощью при решении тех вопросов, которые не мог решить сам, а также тех, которые не требовали внимания и без того чрезмерно перегруженного И. В. Сталина.

И надо сказать, что эту помощь Генштаб почти всегда получал, особенно часто это касалось укомплектования Генштаба соответствующими кадрами, перевод и назначение которых требовали санкции ЦК ВКП(б).

Существенна была помощь Генштабу со стороны Политбюро в скорейшем разрешении тех вопросов, с которыми Генштаб вынужден был обращаться, выполняя решения Ставки, в соответствующие наркоматы и, конечно, прежде всего, в наркоматы, ведающие оборонной промышленностью.

Политбюро было в курсе всех дел Генштаба. Представитель Политбюро принимал участие почти во всех заседаниях, проводимых в Генштабе с целью реализации принятых Ставкой и ЦК решений, на которые приглашались представители наркоматов. Наиболее трудные вопросы выносились на решение Ставки, ЦК ВКП(б). Прикрепление Политбюро ЦК одного из членов в помощь Генеральному штабу в период Великой Отечественной войны вполне себя оправдало. Значительно упростилась наша повседневная связь с ЦК ВКП(б), с правительством и наркоматами.

Практиковались выезды отдельных членов Политбюро на фронт. Обычно они ехали туда, где было особенно трудно, где складывалась сложная военная обстановка. Эти поездки приносили бесспорную пользу.

Хочу дополнительно сказать несколько слов о И. В. Сталине, как Верховном Главнокомандующем.

Полагаю, что мое служебное положение в годы войны, моя постоянная, чуть ли не повседневная связь со Сталиным и, наконец, мое участие в заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны, на которых рассматривались те или иные принципиальные вопросы вооруженной борьбы, дает мне право сказать о нем. При этом, я

не буду в полной мере касаться его партийной, политической и государственной деятельности во время войны, поскольку не считаю себя достаточно компетентным в этом вопросе.

Оправданно ли было то, что Сталин возглавил Верховное Главнокомандование? Ведь он не был профессионально военным деятелем.

Безусловно, оправданно.

В тот предельно трудный период наилучшим решением, учитывая величайший ленинский опыт периода Гражданской войны, являлось объединение в одном лице функции партийного, государственного, экономического и военного руководства. У нас была только одна возможность: немедленно превратить страну в военный лагерь, сделать тыл и фронт единым целым, подчинить все наши силы задаче разгрома немецко-фашистских захватчиков. И когда Сталин, как Генеральный секретарь, Председатель Совета Народных Комиссаров, Председатель ГКО, стал еще и Верховным Главнокомандующим, наркомом обороны, открылись более благоприятные возможности для успешной борьбы за победу.

Такое объединение в лице И. В. Сталина функции партийного, государственного и военного руководства не означало, что он в годы войны единолично решал все вопросы.

В Постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» справедливо говорится:

> «Нельзя сказать, что не было противодействия тем отрицательным явлениям, которые были связаны с культом личности и тормозили движение социализма вперед. Более того, были определенные периоды, например, в годы войны, когда единоличные действия Сталина резко ограничивались, когда существенно ослаблялись отрицательные последствия беззаконий, произвола и т. д. Известно, что именно в период войны члены ЦК, а также выдающиеся советские военачальники, взяли в свои руки определенные участки деятельности в тылу и на фронте, самостоятельно принимали решения и своей организаторской, политической, хозяйственной и военной работой, вместе с местными партийными и советскими организациями, обеспечивали победу советского народа в войне. После победы отрицательные последствия культа личности вновь стали сказываться с большой силой»[116].

Конечно, Сталин, принимая руководство сражающимися с врагом Вооруженными Силами, не обладал в полной мере военными знаниями, какие требовались в области современного

оперативного искусства. Но у него был опыт Гражданской войны, он знал процесс советского военного строительства и развития военного дела. Однако решающим, полагаю, являлся громадный политический авторитет Сталина, доверие к нему народа, Вооруженных Сил.

По моему глубокому убеждению, И. В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и, вместе с тем, неимоверно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем, не лишенным и личного обаяния.

И. В. Сталин обладал не только огромным природным умом, но и удивительно большими познаниями. Его способность аналитически мыслить приходилось наблюдать во время заседаний Политбюро ЦК партии, Государственного Комитета Обороны и при постоянной работе в Ставке. Он неторопливо, чуть сутулясь, прохаживается, внимательно слушает выступающих, иногда задает вопросы, подает реплики. А когда кончится обсуждение, четко сформулирует выводы, подведет итог. Его заключения являлись немногословными, но глубокими по содержанию и, как правило, ложились в основу постановлений ЦК партии или ГКО, а также директив или приказов Верховного Главнокомандующего. Но бывало, что кто-то по указанию Сталина прямо на заседании готовит проект. Сталин подойдет, прочитает написанное, иногда внесет поправки, а если проект не удовлетворяет, сам продиктует его новый вариант.

Подобная практика существовала и в Ставке. Если во время обсуждения вопроса возникала необходимость, Сталин предлагал кому-либо, в том числе и мне, готовить директиву. Написанная от руки, она тут же подписывалась Сталиным или как Верховным Главнокомандующим, или как наркомом обороны, и ее немедленно несли на шифр и телеграф для передачи в войска. Однако такая практика работы над документами не снижала требовательности Сталина к их содержанию и литературным качествам.

Я уже отмечал, что в первые месяцы сказывалась недостаточность оперативно-стратегической подготовки Сталина. Он мало советовался тогда с работниками Генштаба, командующими фронтов. Даже руководящие работники

Оперативного управления Генштаба не всегда приглашались для отработки наиболее ответственнейших, оперативных директив Ставки. В то время решения, как правило, принимались им единолично и, нередко, не совсем удачные. Так было с постановкой задачи Юго-Западному фронту в начале войны, с планом зимней кампании 1941–42 года, с планом на весну и лето 1942 года.

Мы это тяжело переживали. Всех опытных работников Генштаба он немедленно отправлял на фронт. Фронту, конечно, были очень нужны кадры. Но я бы сказал, в такой же, если не в большей мере, они требовались и рабочему органу Ставки. На мое очередное возражение против посылки из Генштаба в войска того или иного опытного генерала, он обычно отвечал:

– Там он нужнее.

А когда я весной 1942 года обратился с просьбой вернуть с фронта Н. Ф. Ватутина, ибо мы, что называется, задыхались без квалифицированных штабных работников, он серьезно спросил: «А что, он не годится на фронте?».

Тем не менее, я не хочу, чтобы у читателя сложилось неверное представление, что в начальный период войны со стратегическим руководством обстояло плохо. Такой категорический вывод делать было бы неоправданно. Верховное Главнокомандование осуществляло повседневное руководство действиями фронтов.

Поворотной вехой глубокой перестройки Сталина как Верховного Главнокомандующего явился сентябрь 1942 года, когда создалась очень трудная обстановка и особенно потребовалось гибкое и квалифицированное руководство военными действиями. Именно в это время он стал по-другому относиться к аппарату Генштаба, командующим фронтами, вынужден был постоянно опираться на коллективный опыт военачальников. От него с той поры нередко можно было услышать слова: «Черт возьми, что же вы не сказали!».

С тех пор, прежде чем принять решение по тому или иному важному вопросу ведения вооруженной борьбы, Сталин советуется, обсуждает его при участии своего заместителя, руководящих работников Генерального штаба, Главных управлений Наркомата обороны, командующих фронтами, а также наркомов, ведающих оборонной промышленностью.

Завершился и процесс роста Сталина как военачальника. Я уже писал, что в первые месяцы войны у него порой проскальзывало стремление к фронтальным прямолинейным действиям советских войск. После Сталинградской и, особенно, Курской битв он поднялся до вершин стратегического

руководства. Теперь Сталин мыслит категориями современной войны, хорошо разбирается во всех вопросах подготовки и проведения операций. Он уже требует, чтобы военные действия велись творчески, с полным учетом военной науки, чтобы они были и решительными и маневренными, предполагали расчленение и окружение противника. В его военном мышлении заметно проявляется склонность к массированию сил и средств, разнообразному применению всех возможных вариантов начала операций и ее ведения. И. В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, ибо он превосходно владел искусством политической стратегии, но и в оперативном искусстве.

Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооруженных Сил проявил все основные качества советского полководца. Он умело руководил действиями фронтов, и все советское военное искусство за годы войны показало силу, творческий характер, было значительно выше, чем военное искусство хваленой на Западе немецко-фашистской военной школы.

Большое влияние Сталин оказал на создание делового стиля работы Ставки. Если рассматривать этот стиль начиная с осени 1942 года, то его характеризовали: опора на коллективный опыт при разработке оперативно-стратегических планов, высокая требовательность, оперативность, постоянная связь с войсками, точное знание обстановки на фронтах.

Составной частью стиля работы И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего являлась его высокая требовательность. Причем она была не только суровой, что, собственно, оправданно, особенно в условиях войны. Он никогда не прощал нечеткость в работе, неумение довести дело до конца, пусть даже это допустит и очень нужный и не имевший до того ни одного замечания товарищ.

В подтверждение этого позволю себе привести один пример – о серьезной неприятности, которую пришлось пережить одному из опытнейших работников Оперативного управления Генерального штаба, В. Д. Иванову.

Во время событий на Халхин-голе в 1939 году, как известно, советским командованием из советских и монгольских войск была создана 1-я армейская группа под управлением комкора Г. К. Жукова, а для координации действий этих войск на базе Забайкальского округа была образована фронтовая группа под командованием командарма 2-го ранга Г. М. Штерна. Своевременному прибытию его из Москвы в Монголию – в район боевых действий – правительством и наркомом обороны

придавалось большое значение. Организация перелета была возложена на Генеральный штаб, а непосредственное и ежечасное наблюдение за перелетом было поручено начальником Генштаба временно исполнявшему должность начальника Оперативного управления В. Д. Иванову. Пользуясь информацией Иванова, Б. М. Шапошников периодически докладывал о ходе полета правительству и И. В. Сталину. В назначенный день и час Штерн долетел до Читы, с тем, чтобы сразу же перелететь в конечный пункт, для чего требовалось всего лишь менее часа времени.

На следующее утро Б. М. Шапошников, когда ему позвонил Сталин, доложил, что Штерн уже находится на месте, то есть доложил то, что ему только что было доложено Ивановым. Прошло какое-то время, и снова Сталин звонит Шапошникову и начинает гневно выговаривать:

– Ваши люди лгут. У меня в руках телеграмма от Штерна, он еще в Чите. Разберитесь, и виновного под трибунал.

В. Д. Иванов был уверен, что пустячный по расстоянию перелет от Читы в Монголию совершен, не проверил этого, тогда как разыгравшаяся в Чите и на трассе буря задержала самолет.

В трибунал В. Д. Иванова все же не передали, судили судом чести и отчислили из Генштаба, а в дальнейшем он был назначен начальником штаба одной из дальневосточных армий. С началом войны он сразу же обратился к начальнику Генштаба с настойчивой просьбой перевести его для работы на фронт. В зиму 1941–42 года, когда Генштаб и, особенно, Оперативное управление, испытывали очень острую нужду в опытных штабных работниках, я, посоветовавшись с некоторыми членами Политбюро ЦК партии, возвратил его для работы в Генштаб. Все шло нормально, и работал он хорошо. Но однажды, перед тем как ехать к Сталину, я взял Иванова с собой и, по прибытии в Кремль, сам отправился в кабинет Сталина, а его попросил побыть в комнате телеграфных переговоров Ставки и установить связь с командованием Южного фронта, но никого к аппарату не вызывать до моих указаний. У Сталина я получил, как это и частенько бывало, нагоняй, в данном случае за тяжелое положение на юге и указания немедленно связаться по телеграфу с командующим Южного фронта – генерал-лейтенантом Р. Я. Малиновским, уточнить у него на данный момент фронтовую обстановку и получить ответы на целый ряд вопросов, интересовавших Ставку. Во время моей беседы с Малиновским, при которой тут же присутствовал и В. Д. Иванов, в переговорную вошел Сталин в сопровождении некоторых из членов Политбюро. Послушав мой разговор, Сталин рукой отстранил меня от аппарата и, не говоря о себе, сам повел разговор с Малиновским,

и разговор куда более внушительный и доходчивый, чем мой. Малиновский потом делился со мной, что он сразу не мог понять, что к чему, но очень быстро до него дошло, что отчитывает его не Василевский, а сам Сталин.

Закончив свой разговор с Малиновским, Сталин вернулся в кабинет, а я продолжал говорить с Родионом Яковлевичем. Когда я вошел затем к Сталину, он строго спросил меня:

– Это тот самый Иванов, который солгал нам о Штерне? Он опять на своем тепленьком местечке. Выгнать его немедленно!

Я стал упрашивать оставить его в аппарате Оперуправления, так как работы уйма, а квалифицированных работников мало.

Сталин помолчал-помолчал, потом ответил:

– Ну черт с вами, только чтобы здесь я его больше не видел.

Владимир Дмитриевич хорошо работал и помогал мне. В период Сталинградской операции и операций на Верхнем Дону он был со мной на фронте и в период борьбы за Харьков был тяжело ранен и эвакуирован. По излечении он продолжал отлично нести ответственную работу на фронте, в частности, при проведении Дальневосточной кампании в 1945 году в роли заместителя командующего Забайкальского фронта он выполнил ряд сугубо важных заданий. После войны он до самой смерти также отлично работал на весьма важных постах в Вооруженных Силах – первого заместителя начальника Генерального штаба и затем начальника Академии Генерального штаба.

Я привел этот случай с В. Д. Ивановым, чтобы еще раз показать, насколько был нетерпим Сталин к малейшей неаккуратности при исполнении служебных заданий и как трудно было к нему вновь войти в доверие. Резкость и суровость Сталина в таких случаях не знали пределов.

Сталин как Верховный Главнокомандующий в большинстве случаев требовал справедливо, хотя и жестко. Его директивы и приказы указывали командующим фронтов на ошибки и недостатки, учили умелому руководству всевозможными военными действиями. Получали иногда соответствующие указания и мы, представители Ставки. В книге мною приведено немало тому примеров. Приведу еще один. Во-первых, потому, что он сам по себе достаточно любопытен, а во-вторых, он характеризует в определенной степени военное мышление и оперативность И. В. Сталина при принятии решений.

Это было в 1943 году в боях за Днепр. Когда я, при очередном телефонном докладе Сталину, подчеркнул, что задержка в быстром осуществлении наших планов на Нижнем Днепре вызывается нехваткой сил, которые мы, выполняя утвержденные и продиктованные Ставкой решения, вынуждены дробить здесь

между несколькими направлениями, решая целый ряд задач одновременно, Сталин ответил:

– Если это так, то и не надо наступать сразу всюду. Поставьте Толбухина в оборону, ограбьте его и отдайте все, что можно, Малиновскому, пусть он наступает. Потом, когда основные задачи, стоявшие перед Малиновским, будут решены, поставьте его в оборону, ограбьте его, отдайте максимум возможного Толбухину и толкайте его в наступление. Вот это и будет правильная координация сил двух фронтов.

Я нарочно оставляю без изменения выражения, примененные Верховным, чтобы передать читателю обычный колорит его речи. Он говорил, как правило, точно, скупо и прямо.

Приходилось разное слышать по поводу личного знакомства Сталина с жизнью фронтов. Он действительно, как я уже отмечал, выезжал на Западный и Калининский фронты в августе 1943 года. Поездка на автомашинах протекала два дня и, безусловно, оказала влияние на моральный дух войск.

На мой взгляд, для Сталина, возглавлявшего руководство партией, страной в целом, не было острой необходимости в таких выездах. Наиболее выгодным и для фронта, и для страны являлось его пребывание в ЦК партии и Ставке, куда сходились все нити телефонной и телеграфной связи, и потоком шла разнообразная информация. Верховному Главнокомандующему регулярно докладывали командующие фронтами об обстановке на фронтах и всех существенных изменениях в ней. На фронтах, кроме того, находились представители Генерального штаба и главных управлений Наркомата обороны. Большая информация шла Ставке, также, от политорганов фронтов через Главное политическое управление Красной Армии. Так что у Верховного Главнокомандующего имелась обширная информация на каждый день, а иногда и на каждый час, о ходе военных действий, нуждах и трудностях командования фронтов, и он мог, находясь в Москве, оперативно и правильно принимать решения.

У Сталина была удивительно сильная память. Я не встречал людей, которые бы так много помнили, как он. Сталин знал не только всех командующих фронтами и армиями, а их было свыше ста, но и некоторых командиров корпусов и дивизий, а также руководящих работников Наркомата обороны, не говоря уже о руководящем составе центрального и областного партийного и государственного аппарата. В течение всей войны И. В. Сталин постоянно помнил состав стратегических резервов и мог в любое время назвать то или иное формирование.

Сошлюсь на один небольшой случай, который обескуражил меня, но который в какой-то мере подтверждает сказанное.

В один из ноябрьских вечеров 1941 года в период жесточайших оборонительных боев за Москву Сталин при моем личном докладе ему о положении на фронте, установив, что я в результате напряженнейшей работы чрезмерно переутомился, вызвал в кабинет своего секретаря А. Н. Поскребышева и попросил его немедленно выяснить в санатории Архангельское, можно ли там обеспечить хороший отдых в эту ночь Василевскому. Быстро был получен ответ, что санаторий готов меня принять. Сталин приказал мне немедленно по возвращении к себе отправиться в санаторий и до утра как следует поспать… В Генштабе меня уже ожидал начальник Главного военно-санитарного управления Наркомата обороны Ефим Иванович Смирнов. Выполняя указания Сталина, мы отправились в Архангельское. К нашему приезду был готов ужин, но не успел я сесть за стол, как Сталин позвал меня к телефону. Он попросил меня напомнить, где находится Иваново-Вознесенская ополченческая дивизия. «Я что-то забыл», – добавил он.

Я не жаловался в те времена на свою память, но замешкался – дивизия передислоцировалась, и я не смог сразу назвать точно место ее нахождения на данный момент. Сталин немного подождал, а потом говорит: «Ладно, не надо, я вспомнил», – и повесил трубку. Такая память давала Сталину преимущество как Верховному Главнокомандующему. Он не нуждался в постоянных справках, хорошо знал обстановку на фронтах, положительные стороны и недостатки военачальников, возможности промышленности удовлетворять запросы фронтов, наличие в распоряжении Ставки запасов вооружения, артиллерии, танков, самолетов, боеприпасов, горючего, так необходимых войскам, и сам распределял их по фронтам.

Сталину были присущи большие организаторские способности. Он сам много работал, но и умел заставить работать, в полную меру сил, других, выжать из них все, что они могли дать.

Однако было бы неверно рассматривать Сталина лишь с одной точки зрения. Прямо скажу, что характер у него был на редкость нелегкий, вспыльчивый, непостоянный. Сталин трудно сходился с человеком, долго присматривался к нему. Я уже писал, как не сразу допустил он к работе в Ставке заместителя начальника Генерального штаба А. И. Антонова. Но как только узнал его, проникся к нему уважением, и, когда пришла пора в 1945 году переключить меня для работы в качестве комфронта, он пошел на то, чтобы назначить его начальником Генерального штаба.

Если Сталин был чем-либо недоволен, а в войну, особенно в

ее начале, поводов для этого имелось много, он мог резко и несправедливо отругать. Но в ходе войны он заметно изменился. К нам, работникам Генштаба и главных управлений Наркомата обороны, командующим фронтами, стал относиться сдержаннее, спокойнее, даже тогда, когда на фронте что-то случалось неладное. Встречаться с ним стало гораздо проще, чем ранее. Видимо, война, ее повороты, наши неудачи и успехи оказали влияние на характер Сталина.

Такую же мысль высказал однажды К. Е. Ворошилов.

В последних числах марта 1944 года я встретился с ним, как уже отмечалось, в Мелитополе, чтобы решить вопросы, связанные с взаимодействием войск 4-го Украинского фронта с войсками Отдельной Приморской армии, где К. Е. Ворошилов являлся представителем Ставки. Когда все вопросы были решены, мы остались с Климентом Ефремовичем наедине у него в вагоне и разговорились на разные темы, в том числе о характере Сталина. Вечер был теплый, тихий, и погода, да и обстановка на фронте располагали к «душевной» беседе, и Климент Ефремович довольно охотно отвечал на мои вопросы. Когда я спросил: неужели нельзя было раньше высказывать Сталину в необходимых случаях свои возражения, ведь сейчас, в период войны, на заседаниях Политбюро или ГКО, при обсуждении того или иного принципиального вопроса, касающегося ведения вооруженной борьбы или развития народного хозяйства, вопреки высказанному Сталиным мнению, члены Политбюро довольно смело и настойчиво вносят свои предложения, и они Сталиным не только не отвергаются, но и охотно обсуждаются; и если предложение разумно, оно принимается.

Точно так же и при работе в Ставке мы, военные, имеющие прямое отношение к вооруженной борьбе, вносим свои предложения, и Сталин считается с нами.

Климент Ефремович, подумав, ответил:

– Раньше Сталин был не таким. Наверное, война научила его многому. Он, видимо, понял, что может ошибаться и его решения не всегда могут быть самыми лучшими, и что знания и опыт других могут также быть полезными. Сказались на Сталине и годы: до войны он был моложе и самоувереннее…

О личной жизни Сталина мне писать почти что нечего. Да, видимо, это и не имеет значения. По моим наблюдениям, у Сталина мало оставалось времени для отдыха и культурных развлечений, если не считать эпизодических посещений им театра и просмотра кино. Сталин вел жизнь человека, целиком занятого государственными делами.

После того, как советские войска освободили Минск, Сталин

был в прекрасном, приподнятом настроении. Как-то в один из вечеров он пригласил к себе на квартиру группу военачальников, чтобы отметить такое большое событие. На прием к И. В. Сталину С. М. Буденный пришел с баяном, и это создало непринужденную праздничную обстановку. Сталин первым положил начало откровенности и дружественности в отношениях между присутствующими. Произносились тосты, пели, кое-кто плясал. Сталин с удовольствием смотрел на пляшущих, подбадривал, а потом всех обнимал и некоторых даже целовал. За время неудач советских войск он много выстрадал, сейчас же был глубоко удовлетворен ходом военных действий на фронтах и не хотел скрывать своих чувств.

В ряде книг приведено немало интересных сведений о жизни Сталина. Но в некоторых из них, к сожалению, содержатся не совсем точные данные. Ради истины остановлюсь и на них.

Приходилось читать, что Сталин не был в первые месяцы войны, во время налетов немецко-фашистской авиации на Москву, в особняке на улице Кирова и станции метро «Кировская». Это, конечно, неверно. Сталин многократно бывал и в доме на улице Кирова, и в станции метро «Кировская», где для членов Политбюро ЦК ВКП(б) была оборудована специальная комната.

Не совсем точно показано также рабочее место Сталина. Пишут, что Сталин работал за письменным столом. За все время войны, а я бывал у него в это время часто, да и после войны, ни разу не видел, чтобы он что-то за этим столом писал. Документы и бумаги действительно лежали на этом столе. Но читал ли он документы, писал ли – он всегда сидел за длинным концом стола заседаний. Отработает документы, берет и относит на письменный стол, а оттуда берет новую пачку бумаг.

Полностью согласен с Г. К. Жуковым по поводу злополучного глобуса. Его в рабочем кабинете И. В. Сталина не было, он находился в его комнате отдыха, а туда мало кто приглашался. У Сталина всегда имелись подготовленные Генштабом рабочие карты по всем направлениям и театрам войны, в каких была необходимость.

И еще деталь. Сталин любил пить чай. Обычно во время заседания он нажимает кнопку, Поскребышев приносит стакан чаю и лимон. Сталин берет и выжимает в стакан лимон, затем идет в комнату отдыха, приносит бутылку армянского коньяка, льет из нее в чай ложку или две и тут же уносит бутылку обратно, и потом во время работы пьет чай по глотку…

Сталин прочно вошел в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как

Верховного Главнокомандующего Советские Вооруженные Силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Но он, насколько я мог его наблюдать, никогда не говорил о своих заслугах. Во всяком случае, мне этого не приходилось слышать. Звание Героя Советского Союза и звание Генералиссимуса ему было присвоено по письменному представлению в Политбюро ЦК партии командующих фронтами. И наград у него имелось меньше, чем у командующих фронтами и армиями. О просчетах же, допущенных в годы войны, он сказал народу честно и прямо в своем выступлении на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года:

> «У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом»[117].

На Дальнем Востоке

Постоянная угроза на Дальнем Востоке. – Исполняя союзнический долг. – Квантунская армия. – Наше решение. – Подготовка кампании. – «9 августа начать боевые действия…» – Блестящая победа

Заключительным этапом Второй мировой войны явилась кампания советских войск на Дальнем Востоке. На далекой «нашенской» земле Азиатского континента была поставлена последняя точка в истории крупнейшей войны в защиту Советской Родины. В этой знаменательной кампании Вооруженных Сил пришлось принять участие и мне.

В ходе военных действий против японских милитаристов я впервые близко познакомился с суровым и по-своему прекрасным Дальним Востоком. Моя военная биография складывалась так, что в довоенные годы я не служил в войсках Дальнего Востока. Мне приходилось работать преимущественно в частях, расположенных в центральных областях России. А когда перешел в Генеральный штаб, моей компетенцией стали вопросы безопасности страны на Западном направлении.

Став начальником Генерального штаба, я, естественно, вплотную и практически столкнулся с театром возможной войны на Азиатском континенте, с проблемами укрепления боевой готовности советских войск на рубежах с нашим агрессивным восточным соседом. Но это все же было еще «заочное» знакомство с Дальневосточным краем нашего социалистического Отечества.

То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года. После окончания Белорусской операции И. В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. А о возможности такой войны я был уже осведомлен в конце 1943 года, когда возвратилась советская делегация во главе с И. В. Сталиным с Тегеранской конференции. Мне было тогда сообщено, что наша делегация дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии.

Но для вступления в войну с Японией у нас имелись и свои жизненные интересы. Японские милитаристы многие годы вынашивали планы захвата советского Дальнего Востока. Они почти постоянно устраивали военные провокации на наших границах. На своих стратегических плацдармах в Маньчжурии они держали крупные военные силы, готовые к нападению на Страну Советов. Ситуация особенно обострилась, когда

фашистская Германия развязала разбойничью войну против нашей Родины. Для борьбы с агрессором нам до зарезу нужна была каждая свежая дивизия, а мы держали и не могли не держать на Дальнем Востоке несколько армий в полной боевой готовности. Япония лишь выжидала момента для развязывания войны против Советского Союза.

И. В. Сталин повседневно интересовался всеми сведениями о действиях нашего восточного соседа и требовал от Генерального штаба самых подробных докладов на сей счет. Мы видели, что даже тогда, когда Япония втянулась в войну с США и Англией на Тихом океане и стала терпеть поражения, перешла к оборонительной стратегии, ее руководители не сделали ни единого практического шага к сокращению своих войск в Маньчжурии и Корее.

Ликвидация очага войны на Дальнем Востоке являлась для нас делом государственной и общенациональной важности.

Союзники признавали решающее значение вступления СССР в войну против Японии. Они заявляли, что только Красная Армия способна нанести поражение наземным силам японских милитаристов.

«Победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены японские сухопутные силы» – такого мнения придерживался главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана генерал Макартур. Ссылаясь на то, что США и их западные союзники не располагали возможностями для этого, он требовал в канун Крымской конференции союзников от своего правительства «приложить все усилия к тому, чтобы добиться вступления в войну Советского Союза»[118]. В специальном меморандуме Объединенного комитета начальников штабов от 23 декабря 1944 года отмечалось: «Вступление России в войну как можно скорее… необходимо для оказания максимальной поддержки нашим операциям на Тихом океане».

Принимавший участие в работе Ялтинской конференции, бывший государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: «Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 году или позже, а разгром ее может стоить Америке миллион солдат».

В связи с этим американская и английская делегации прибыли на Крымскую конференцию с твердым намерением добиваться согласия Советского Союза на вступление в войну против Японии. Как сообщил мне потом А. И. Антонов, участвовавший в работе конференции, Рузвельт и Черчилль

настойчиво требовали скорейшего вступления СССР в войну. В итоге обсуждений было подписано 11 февраля 1945 года Соглашение трех держав, в котором говорилось: «Руководители трех великих держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников»[119].

Для нашей делегации такой срок не был неожиданностью. Еще готовясь к поездке в Крым, И. В. Сталин предложил мне и А. И. Антонову подумать о возможности максимального сокращения времени, необходимого для подготовки военной кампании против Японии. Обсудив этот вопрос вместе с начальником тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым, мы пришли к выводу, что срок может быть сокращен до двух-трех месяцев после окончания войны на западе, если отказаться от перевозок по железной дороге войскового автотранспорта. Разрешение проблемы было найдено на самой конференции. Руководители США охотно согласились поставить нам в дальневосточные порты не только потребное для нас количество автотранспорта, но и паровозов.

После Ялтинской конференции подготовка к войне с Японией в Ставке Верховного Главнокомандования и, особенно, в Генеральном штабе заметно активизировалась.

Еще ранее, 25 апреля 1943 года, командующим войсками Дальневосточного фронта был назначен мой хороший товарищ, друг и старый сослуживец по 48-й Тверской стрелковой дивизии генерал-полковник М. А. Пуркаев. Он сменил там генерала армии И. Р. Апанасенко, которого Ставка направила стажироваться на Воронежский фронт в должности заместителя командующего фронтом. Иосиф Родионович Апанасенко, известный как герой Гражданской войны, погиб в 1943 году во время Белгородско-Харьковской операции.

В июне 1943 года заместитель начальника штаба Дальневосточного фронта генерал-майор Н. А. Ломов был переведен в Оперативное управление Генштаба на должность заместителя начальника управления и начальника дальневосточного направления, а на его место был назначен из Генштаба генерал-майор Ф. И. Шевченко.

В марте – апреле 1945 года мы приняли меры к тому, чтобы обновить вооружение и материальную часть в войсках Дальнего Востока. Туда направлялось 670 танков Т-34 и много другой боевой техники.

Как только закончилась Восточнопрусская операция, я был отозван Ставкой с 3-го Белорусского фронта по должности

заместителя народного комиссара обороны. 27 апреля я включился в работу над планом войны с Японией. Правда, первые числа мая и день победы над фашизмом застали меня в Прибалтике, куда я ездил по заданию Ставки. 10 мая я вернулся в Москву. Генеральный штаб в то время вплотную занимался дальневосточным театром войны. А. И. Антонов, С. М. Штеменко и Н. А. Ломов уже многое успели сделать. Первоначальные расчеты сосредоточения наших войск в Приамурье, Приморье и Забайкалье были вчерне сделаны еще осенью 1944 года. Тогда же были произведены примерные расчеты на материальные ресурсы, потребующиеся для ведения войны на Дальнем Востоке. Но до Ялтинской конференции никакой детализации плана войны против империалистической Японии не производилось.

Замысел плана этой крупнейшей по размаху операции был определен с учетом характера театра предстоящих военных действий. Война должна была развернуться на территории площадью около 1,5 млн кв. км и на глубину 200–800 км, а также на акватории Японского и Охотского морей. План заключался в одновременном нанесении со стороны Забайкалья, Приморья и Приамурья главных и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Северо-Восточного Китая направлениям с целью рассечения и разгрома по частям основных сил японской Квантунской армии.

Успешное претворение в жизнь этого замысла в значительной степени зависело от правильного выбора направлений главных ударов и определения количества и состава сил для них. В ходе разработки плана операции был рассмотрен ряд вариантов. Выбор направлений был обусловлен не только принятой формой ведения наступательной стратегической операции, но и своеобразной конфигурацией государственной границы, характером группировки японских войск и системы их обороны.

Мы учитывали, что Квантунская армия за лето 1945 года удвоила свои силы. Японское командование держало в Маньчжурии и Корее две трети своих танков, половину артиллерии и отборные императорские дивизии. Квантунскую армию возглавляли командующий – опытный японский генерал армии О. Ямада – и начальник штаба генерал-лейтенант Х. Хата, который ранее был военным атташе в Советском Союзе. К началу войны против нашей страны японская армия на Дальнем Востоке вместе с марионеточными войсками местных правителей насчитывала свыше 1200 тыс. человек. В ее состав входили три фронта: 1-й Восточно-Маньчжурский фронт, развернутый вдоль границ нашего Приморья (5-я армия генерал-лейтенанта Симидзу и 3-я армия генерал-лейтенанта Суроками – всего десять

пехотных дивизий и одна пехотная бригада); 3-й Западно-Маньчжурский фронт, предназначенный для действий на монголо-маньчжурском направлении (44-я армия генерал-лейтенанта Хонго и 30-я армия генерал-лейтенанта Яда – всего девять пехотных дивизий, три пехотные и две танковые бригады); 17-й (Корейский), располагавшийся в Корее и с 10 августа оперативно подчиненный командующему Квантунской армии (34-я и 58-я армии – всего девять пехотных дивизий и пять пехотных бригад); 4-я отдельная армия генерал-лейтенанта Уэмура, состоявшая из трех пехотных дивизий и четырех пехотных бригад, предназначавшаяся для действий на северо-восточных границах Маньчжурии. На Южном Сахалине и Курильских островах были развернуты части сил 5-го фронта в составе трех пехотных дивизий, одной пехотной бригады и отдельных пехотного и танкового полков. С воздуха Маньчжурию прикрывала 2-я воздушная, а Корею – 5-я воздушная армии.

На территории Маньчжурии в распоряжении японского командования находились армии Маньчжоу-го, Внутренней Монголии и Суйюанская армейская группа, которые насчитывали восемь пехотных и семь кавалерийских дивизий, четырнадцать пехотных и кавалерийских бригад.

Японские военные силы опирались на богатые материальные, продовольственные и сырьевые ресурсы Маньчжурии и Кореи и на маньчжурскую промышленность, производившую в основном все необходимое для их жизни и боевой деятельности. На территории, занимаемой войсками Квантунской армии, находилось 13 700 км железных и 22 тыс. км автомобильных дорог, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок – всего более 400 аэродромных точек, 870 крупных военных складов и хорошо оборудованные военные городки.

В Маньчжурии по границам с нами и Монгольской Народной Республикой японские милитаристы создали 17 укрепленных районов, из них 8 – на востоке против советского Приморья. Каждый укрепленный район занимал 50–100 км по фронту и до 50 км в глубину. Их предназначение – не только усиление обороны, но и создание более выгодных условий для сосредоточения и развертывания войск. Линия пограничных укрепленных районов состояла из трех позиций.

Четыре укрепленных района были построены в Корее и один против Северного Сахалина. Острова Курильской гряды прикрывались береговыми артиллерийскими батареями, укрытыми в железобетонные сооружения, и воинскими гарнизонами, обеспеченными развитыми долговременными оборонительными сооружениями.

Политические и военные руководители, как стало потом известно, в то время считали своей задачей, во-первых, не допустить высадки американских войск на Японские острова и, во-вторых, надежно оборонять свои завоевания в Китае и Корее. Отвергнув Потсдамскую декларацию, Япония решила продолжать войну. В этом решении она опиралась на сильную сухопутную армию и мощную военную промышленность.

Разработанный нами в Генеральном штабе план кампании на Дальнем Востоке был одобрен Ставкой, а затем утвержден ЦК партии и Государственным Комитетом Обороны. В плане предусматривалось нанести основной удар со стороны Забайкалья – территории МНР – в направлении на Чанчунь (Синьцзян) и Шэньян (Мукден). Его цель – вывести главную группировку советских войск в обход с юга Хайларского и Халун-Аршанского укрепленных районов и рассечь 3-й фронт Квантунской армии на две части. Правда, на пути наступления советских войск этой группы до выхода их в центральные районы Северо-Восточного Китая находилась безводная пустынная степь, а также труднодоступный горный хребет Большой Хинган.

Встречный сильный удар предусматривался со стороны Приморья, из района южнее озера Ханка, в направлении на Цзилинь (Гирин) войсками 1-го Дальневосточного фронта. После соединения здесь войска этого и Забайкальского фронтов должны были развивать наступление в направлении на Мукден, Порт-Артур. Им предстояло прорвать полосу японских укрепленных районов; для этого они должны были иметь все необходимые силы и средства. Указанные направления обеспечивали полное окружение главных сил Квантунской армии в кратчайшие сроки.

Одновременно планом было предусмотрено, что силами этих же двух основных группировок советских войск будет нанесено по два вспомогательных удара. Развернутая в Приамурье группировка должна была наступать на ряде направлений с севера, чтобы сковать противостоящего ей врага и тем способствовать успеху нанесения ударов на главных направлениях.

Ставка Верховного Главнокомандования стремилась претворить в жизнь свои замыслы путем последовательного решения следующих задач. Во-первых, быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступную полосу местности, вывести силы трех взаимодействующих фронтов на рубежи, с которых можно было бы развить наступление непосредственно на жизненно важные районы противника. Во-вторых, разгромить резервы Квантунской армии и вывести основные силы наступавших войск на линию Чифын, Шэньян,

Чанчунь, Харбин, Цзилинь, Яньцзи, что должно было привести стратегическую группировку противника к поражению и освобождению советскими войсками всей территории Северо-Восточного Китая.

Принимая такое решение, Ставка и Генеральный штаб знали, что оба Дальневосточных фронта не имели достаточных сил для разгрома японских войск и скорейшего окончания войны. Поэтому в срочном порядке была проведена стратегическая перегруппировка сил и средств с западного театра военных действий на Дальний Восток.

Пришлось много поработать над планом перевозок, который, по своим вырисовавшимся показателям, был поистине грандиозным. Предстояло осуществить эти перевозки по однопутной железнодорожной магистрали в крайне сжатые сроки и на огромные расстояния – от 9 тыс. до 12 тыс. км. В этом отношении они не имели себе равных в истории Второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией.

Конкретизирую свою мысль. Только в составе трех общевойсковых и одной танковой армий, переброшенных с запада на Дальний Восток, насчитывалось 12 корпусов, или 39 дивизий и бригад. Помимо этого был переброшен ряд других соединений и частей разных родов войск и различного назначения. В результате проведенной перегруппировки боевой состав советских войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье к началу боевых действий против Японии возрос почти вдвое.

Но это не было простым количественным увеличением войск. Была осуществлена предусмотренная планом перегруппировка соединений и объединений, наиболее отвечающая решению задач в конкретных условиях дальневосточного театра военных действий. В зависимости от их опыта и качества определялось и их место в оперативном построении фронтов на Дальнем Востоке. Так, 5-я и 39-я армии, равно как и их командный состав, были передислоцированы из Восточной Пруссии, ибо они хорошо умели взламывать оборонительные полосы. 5-я армия предназначалась для действий на главном направлении 1-го Дальневосточного фронта. Вместе с 1-й Краснознаменной армией она должна была штурмовать укрепленную полосу Пограничненского, а затем особо сильного Муданьцзянского укрепленных районов. Задачей 39-й армии, вошедшей в состав Забайкальского фронта, являлся прорыв Халун-Аршанского и – совместно с 34-й армией – Хайларского укрепленных районов.

Что касается 6-й гвардейской танковой и 53-й общевойсковой армий, переброшенных из района Праги на Забайкальский фронт, то им надлежало успешно наступать в горно-степных условиях,

вести бои на широких просторах и на отдельных направлениях.

В этой связи особого внимания заслуживает предусмотренное планом создание конно-механизированной группы советско-монгольских войск, обеспечивавшей правое крыло войск Забайкальского фронта от контрударов японских войск. Она должна была действовать на двух разобщенных направлениях: Калганском (на Чжанзякоу) и Далонорском – по безводным, пустынным степям Гоби и Внутренней Монголии.

Осуществление операции по перегруппировке было сопряжено с большими трудностями. Она проводилась в условиях строгой оперативной маскировки при мобилизации всех сил и средств Наркомата путей сообщения, и, прежде всего, на дорогах Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. Только за четыре весенне-летних месяца (май – август) на Дальний Восток и в Забайкалье поступило около 136 тыс. вагонов с войсками и грузами, а за период с апреля по сентябрь 1945 года включительно – 1692 эшелона. Из них: стрелковых объединений, соединений и частей – 502 эшелона; артиллерийских – 261, бронетанковых войск – 250 и инженерных и других частей и соединений и грузов – 679[120].

Объем воинских железнодорожных перевозок:

Месяцы 1945 г. Характер и объем перевозок в вагонах (оперативные/снабженческие/итого (вагонов)
Май / 14 002 / 9 438 / 23 440
Июнь / 44 668 / 13 462 / 58 130
Июль / 23 943 / 15 892 / 39 835
Август / 2 289 / 12 062 / 14 351
Всего / 84 902 / 50 854 / 135 756

О напряженности в работе железных дорог восточного направления говорят следующие цифры. Ежесуточно на Забайкалье в июне проходило до 30 поездов, в июле – до 22 поездов. Следует учитывать, что помимо этого значительные перевозки велись и по внутренним железнодорожным и водным путям Дальнего Востока. Их протяженность также была относительно большой: из района Благовещенска в Приморье – до 1,5 тыс. км и комбинированные марши – в 250–500 км. Их совершали около 30 стрелковых, кавалерийских и танковых дивизий (включая кавалерию Монгольской народно-революционной армии).

В общей сложности в мае – июле 1945 года на железнодорожных путях Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока и на маршах в районах развертывания находилось до миллиона советских войск[121].

Перевозились и перегружались десятки тысяч тонн артиллерийских орудий, танков, автомашин и многие десятки тысяч тонн боеприпасов, горючего, продовольствия, обмундирования и других грузов.

Основная масса войск, прибывавших с запада в состав Забайкальского фронт, а в том числе 39-я, 53-я общевойсковые и 6-я гвардейская танковая армии, должна была выгружаться в районе города Чойбалсан на территории МНР. Но однопутная железная дорога на участке Карымская – Борзя – Чойбалсан, на которую базировался Забайкальский фронт, имела небольшую пропускную способность и не могла обеспечить необходимого потока эшелонов с войсками и грузами. Это обстоятельство увеличивало сроки сосредоточения и развертывания войск, что не отвечало замыслам Ставки Верховного Главнокомандования.

Поэтому части войск артиллерии на механизированной тяге и моторизованные соединения разгружались на железнодорожных станциях между Читой и Карымской, а далее они следовали своим ходом, совершив марши от 600–700 км до 1000–1200 км. Из района Чойбалсана войска всех трех армий и части усиления выдвигались в районы их развертывания на государственной границе Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-го еще на расстояние до 250–300 км. В целях лучшей организации переброски войск из районов выгрузки в районы сосредоточения и далее в районы развертывания штаб Забайкальского фронта выслал в Иркутск и на станцию Карымская специальные группы офицеров.

В районе Чойбалсана те и другие части соединялись и в полном составе выдвигались на рубежи развертывания. Войскам, следовавшим от Карымской своим ходом, пришлось совершать форсированные марши на расстояние от 600 до 900 км в условиях безводных степей Забайкалья и Монголии. Несмотря на эти трудности, все войска были вовремя сосредоточены и развернуты.

Для обеспечения скрытности массовых железнодорожных воинских перевозок, служба ВОСО проводила следующие меры: было крайне ограничено количество лиц, допущенных к выполнению централизованных военных перевозок, а также к разработке документов, связанных с ними, станции выгрузки и обслуживания эшелонов занумеровывались; передача сводок о движении эшелонов строго контролировалась офицерами ВОСО, а телефонные переговоры по этим вопросам запрещались; на приграничных участках Дальнего Востока отдельные группы воинских эшелонов пропускались в темное время, а на Приморской железной дороге, близко расположенной к границе, ночью проводилась и разгрузка эшелонов; ряд эшелонов

пропускался через узловые станции с ходу; техническое обслуживание некоторой части эшелонов осуществлялось на промежуточных станциях.

Задача обеспечения безопасности сосредоточения и развертывания прибывавших войск была возложена на приграничные укрепленные районы и часть сил полевых войск, выдвинутых к границе на заблаговременно подготовленные рубежи обороны.

Для того, чтобы прикрыть приграничные и тыловые районы с воздуха силами противовоздушной обороны, были развернуты в соответствии с постановлением ГКО от 14 марта 1945 года три армии ПВО – Забайкальская, Приамурская и Приморская.

В Забайкальскую и Приморскую армии ПВО, кроме того, было включено по одной истребительной авиационной дивизии. Армии ПВО являлись средством фронтового командования.

Всего к августу 1945 года Главное командование советских войск на Дальнем Востоке развернуло одиннадцать общевойсковых армий, две оперативные группы, одну танковую армию, три воздушные армии, три армии ПВО, четыре отдельных авиационных корпуса. Кроме того, оно располагало силами Тихоокеанского флота (включая Северную Тихоокеанскую флотилию), Амурской речной флотилией, а также планировало использовать в боях и пограничные отряды НКВД.

Все сосредоточенные на Дальнем Востоке войска решением Ставки были объединены в три фронта: Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные.

Забайкальский фронт – командующий Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, член военного совета генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальник штаба генерал армии М. В. Захаров – состоял из 17-й, 36-й, 39-й и 53-й общевойсковых, 6-й гвардейской танковой, 12-й воздушной армий, армии ПВО и конно-механизированной группы советско-монгольских войск.

1-й Дальневосточный фронт – командующий Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, член военного совета генерал-полковник Т. Ф. Штыков, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Крутиков – имел в своем составе 1-ю Краснознаменную, 5-ю, 25-ю и 35-ю общевойсковые армии, Чугуевскую оперативную группу, 10-й механизированный корпус, 9-ю воздушную армию и армию ПВО.

2-й Дальневосточный фронт – командующий генерал армии М. А. Пуркаев, член военного совета генерал-лейтенант Д. С. Леонов, начальник штаба генерал-лейтенант Ф. И. Шевченко – включал в себя 2-ю Краснознаменную, 15-ю и 16-ю общевойсковые армии, 5-й отдельный стрелковый корпус,

Камчатский оборонительный район (КОР), 10-ю воздушную армию и армию ПВО.

Тихоокеанский флот – командующий адмирал И. С. Юмашев, член военного совета генерал-лейтенант С. Е. Захаров, начальник штаба вице-адмирал А. С. Фролов – к началу боевых действий имел 427 боевых кораблей, в том числе: крейсеров – 2, лидер – 1, эсминцев – 12, сторожевых кораблей – 19, подводных лодок – 78, минных заградителей – 10 и 1549 самолетов. Флот базировался на Владивосток (главная база), Советскую Гавань и Петропавловск-Камчатский. В качестве вспомогательных баз служили порты Находка, Ольга, Де-Кастри, Николаевск-на-Амуре, Посьет и другие пункты морского побережья.

Краснознаменная Амурская флотилия имела в своем составе 169 боевых кораблей и более 70 самолетов. Она базировалась на Хабаровск (главная база), М. Созанку на реке Зея, Сретенск на реке Шилка и озеро Ханка. С началом боевых действий флотилии были подчинены все сторожевые катера пограничной стороны на реках Амур и Уссури и мобилизованные 106 судов гражданского речного пароходства.

Непосредственное руководство Военно-Морскими Силами на Дальнем Востоке Ставка возложила на Главнокомандующего Военно-Морскими Силами СССР адмирала флота Н. Г. Кузнецова. Николай Герасимович – один из видных советских военно-морских деятелей. Он был командиром крейсера, нашим военно-морским атташе в республиканской Испании, командующим Тихоокеанским флотом и в годы Великой Отечественной войны наркомом ВМФ СССР.

Внимательно был рассмотрен вопрос о руководстве войсками Дальнего Востока. Учитывались и большое количество объединений, и удаленность их от столицы, и величина театра военных действий. Для того чтобы четко и бесперебойно руководить в таких условиях фронтами, директивой ГКО от 30 июля 1945 года было создано Главнокомандование советскими войсками на Дальнем Востоке, а директивой от 2 августа – и штаб Главного командования. Главнокомандующим, как было предрешено ранее, приказом Ставки от 30 июля 1945 года был назначен автор этих строк, членом военного совета – генерал-полковник И. В. Шикин, начальником штаба генерал-полковник С. П. Иванов.

В мае, июне и в первых числах июля мы в Генеральном штабе уточняли с командующими фронтами и членами военных советов план Дальневосточной кампании. К 27 июня Генеральный штаб, исходя из принятых Ставкой стратегических решений, полностью завершил отработку директив для фронтов. 28 июня они были

утверждены Ставкой.

В директиве командующему Забайкальским фронтом приказывалось: стремительным вторжением в Центральную Маньчжурию во взаимодействии с войсками Приморской группы (1-й Дальневосточный фронт. – А. В.) и Дальневосточного фронта (2-й Дальневосточный фронт. – А. В.) разгромить Квантунскую армию и овладеть районами Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь; операцию построить на внезапности удара и использовании подвижных соединений фронта, в первую очередь 6-й гвардейской танковой армии[122].

Директива Ставки, адресованная командующему Приморской группы войск, требовала вторжением в Центральную Маньчжурию совместно с войсками Забайкальского и Дальневосточного фронтов разгромить Квантунскую армию и овладеть районами Харбин, Чанчунь, Сейсин.

Командующий 2-м Дальневосточным фронтом М. А. Пуркаев обязывался активно содействовать войскам Забайкальского фронта и войскам 1-го Дальневосточного фронта К. А. Мерецкова в разгроме Квантунской армии и в овладении районом Харбин.

5 июля с документами на имя генерал-полковника Васильева я прибыл специальным поездом в Читу. Одет я был тоже в форму генерал-полковника.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования со мной приехали командующий ВВС Советской Армии Главный маршал авиации А. А. Новиков, заместитель командующего артиллерией Советской Армии маршал артиллерии М. Н. Чистяков, заместитель начальника войск связи Н. Д. Псурцев, заместитель начальника тыла генерал-полковник В. И. Виноградов и некоторые другие ответственные работники Наркомата обороны и Генерального штаба.

Прежде всего, я познакомился с войсками Забайкальского фронта. Вместе с Р. Я. Малиновским побывал на основных участках. Провели ряд рекогносцировок, ознакомились, насколько могли, с войсками, обсудили обстановку и предстоящие боевые задачи с командованием армий, корпусов и командирами основных дивизий.

Должен отметить, что мое временное воинское звание не раз ставило в затруднительное положение офицеров, ранее знавших меня на фронтах в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, к примеру, в 39-й армии, 6-й танковой армии и других. Когда я прибывал в часть или соединение, дежурный подавал команду; подходит для доклада, как ему было сообщено, генерал-полковнику Васильеву, а видит маршала Василевского в форме генерал-полковника. Некоторые из них стояли какое-то

время в недоумении с поднятой рукой у головного убора.

Поездка по войскам Забайкальского фронта оказалась полезной. Были внесены существенные изменения в ранее принятые решения: сокращены сроки выполнения основных задач, предусмотренных директивой. Мы нашли возможным форсировать Большой Хинган войсками 6-й гвардейской танковой армии не на десятый день операции, как это планировалось, а не позднее пятого дня. Были значительно сокращены сроки выхода общевойсковых армий на Маньчжурскую равнину. Овладение укрепленным районом Хайлар 36-й армией наметили не на двенадцатый, а на десятый день операции. В дальнейшем ей предстояло наступать на Цицикар. 53-ю армию поставили несколько правее, чем намечалось ранее, – в затылок 6-й гвардейской танковой армии – и приказали ей неотступно следовать за ней.

На пять дней сократили первоначальные сроки и для войск, действовавших на правом крыле фронта, в частности для 17-й армии, которая должна была, преодолев Большой Хинган, захватить район Дабанынан. Предусматривалось также значительно сократить сроки выхода конно-механизированной группы монгольско-советских войск в районы Калгана и Долоннора. Все эти изменения Ставка охотно утвердила.

Затем я совершил поездку по войскам Дальневосточных фронтов.

Считаю необходимым отметить, что командование, штабы и политорганы этих фронтов также проделали большую работу по уточнению и конкретизации своих задач. Под руководством опытных командиров были проведены общевойсковые учения по тематике, близкой к боевым задачам, которые им предстояло решать. Огромную работу провели командования фронтов по улучшению материально-технического обеспечения операции.

При подготовке операции приходилось считаться и с тем, что после перегруппировки в состав Дальневосточных фронтов вошла значительная часть войск, дислоцировавшихся ранее на Дальнем Востоке и не имевших достаточного или вовсе боевого опыта, выполнявших до этого задачу охраны наших восточных границ, А войска, прибывшие с запада и обладавшие хорошим боевым опытом, не знали дальневосточного театра военных действий, характера и особенностей японской армии. Подготовить воинов к предстоящим боевым действиям, создать высокий порыв для разгрома дальневосточного агрессора нельзя было без всемерного усиления партийно-политической работы. Основными ее задачами в подготовительный период было воспитание советского патриотизма и пролетарского интернационализма,

готовности отстоять интересы Советской Родины на Дальнем Востоке, создание наступательного порыва, основанного на высоком воинском мастерстве и умении воевать в сложных условиях нового театра.

Морально-политическую подготовку войск к военным действиям военные советы, командиры и политорганы вели в тесной связи с партийными организациями Хабаровского и Приморского крайкомов ВКП(б), опираясь на всенародную помощь и поддержку советским войскам со стороны трудящихся Урала, Сибири и Дальнего Востока. Советские люди бесперебойно обеспечивали воинов всем необходимым для предстоящих военных действий. Еще в январе 1945 года в Центральном Комитете партии были заслушаны доклады секретарей крайкомов Г. А. Боркова и Н. М. Пегова о состоянии дел в Хабаровском и Приморском краях в связи с подготовкой к войне. В постановлении, принятом по докладам, были намечены конкретные меры по переключению экономики Дальнего Востока на обеспечение потребностей Дальневосточных фронтов.

В апреле – мае и июле 1945 года Государственный Комитет Обороны принял ряд постановлений о мероприятиях по улучшению работы железных дорог Дальнего Востока, увеличению в 1945 году на 20 % добычи нефти в объединении «Дальнефть», развитию средств проводной связи Москвы с Дальним Востоком и Забайкальем, развитию военно-морских баз и торговых портов во Владивостоке, бухте Находка и Николаевске-на-Амуре.

Партийные организации Восточной Сибири и Дальнего Востока, учитывая пограничное положение своих территорий, воспитывали коммунистов и всех трудящихся в духе высокой бдительности, готовности прийти на помощь советским войскам. Усилились связи местных партийных, советских и комсомольских организаций с политорганами, партийными и комсомольскими организациями армии и флота.

Морально-политическая подготовка личного состава фронтов и флота к войне против Японии проводилась в два этапа. На первом этапе, который начался в апреле 1945 года, главное внимание уделялось работе по разъяснению политического значения заявления Советского правительства от 5 апреля 1945 года о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете, мобилизации личного состава на повышение бдительности и боеготовности частей. Главное политическое управление Красной Армии в своих указаниях поставило задачу усилить разъяснение воинам исторического значения нашей победы над германским фашизмом, источников силы и непобедимости Советского Союза,

уверенности в победоносном завершении второй мировой войны, а также детального разъяснения тех конкретных задач, которые стояли перед частями и соединениями в боевой и политической подготовке.

В соответствии с новыми условиями военные советы фронтов и флота поставили задачи войскам, наметили меры по изменению содержания партийно-политической работы. Так, в директиве войскам Приморской группы от 16 мая 1945 года подробно излагались задачи и содержание партийно-политической работы в частях и соединениях на ближайший период. После денонсации пакта о нейтралитете между СССР и Японией, подчеркивалось в ней, необходимо быть особенно бдительными и настороженными, как никогда поддерживать высокую боеготовность наших войск, все усилия политорганов, партийных и комсомольских организаций направить на повышение боевой выучки войск, на усиление пропаганды боевого опыта Великой Отечественной войны. Военный совет предложил повысить уровень идейно-политического воспитания личного состава, воспитывать воинов в духе любви к Советской Родине и ненависти к японскому империализму, шире пропагандировать героические подвиги советских воинов – участников Великой Отечественной войны Советского Союза, традиции воинов-дальневосточников – героев боев у озера Хасан и на реке Халхин-гол. Директива определяла формы политической учебы солдат, сержантов и офицеров в боевых условиях, меры по усилению роста партийных и комсомольских рядов, и улучшению внутрипартийной и внутрисоюзной работы[123].

Партийно-политическая работа по подготовке личного состава к войне проводилась с учетом конкретных условий, в которых находились различные части и соединения. Так, солдатам, сержантам и офицерам армий, перегруппируемых на Дальний Восток из Восточной Пруссии и района Праги, лишь в самых общих чертах было известно, что им, по-видимому, придется драться против войск японской Квантунской армии. Они не знали и не могли знать конкретных сроков начала кампании, точных пунктов выгрузки и направлений боевых действий. В этих условиях командирами и политорганами, партийными и комсомольскими организациями проводилась большая работа по сохранению государственной и военной тайны на всем пути следования в эшелонах. В памятках солдатам и сержантам, подготовленных политотделом 39-й армии, например, подчеркивалось, что «достаточно случайно оброненного слова, неосторожной фразы, излишней словоохотливости и желания похвастать боевыми подвигами в присутствии посторонних, чтобы

военная тайна была раскрыта и стала достоянием вражеских лазутчиков»[124].

После выгрузки и марша в районы сосредоточения и развертывания, когда части и соединения приступили к напряженной боевой учебе, партийно-политическая работа нацеливалась на быстрейшее овладение личным составом способами и приемами боевых действий на новом театре, на изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев. Большую помощь в этом командованию, политорганам и войскам, прибывшим с запада, оказали воины, длительное время служившие в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Так, командование и политотдел 53-й армии в этой работе умело использовали выступления офицеров 17-й армии, которая дислоцировалась до этого на территории Монгольской Народной Республики[125].

В ходе напряженной боевой учебы основное внимание уделялось изучению опыта боев советских войск против немецко-фашистских захватчиков, которым располагали прибывшие с запада соединения. По инициативе коммунистов командиры, штабы и политорганы создавали специальные группы по передаче воинам-дальневосточникам боевого опыта. Так, в 1-м Дальневосточном фронте из офицеров 5-й армии, прибывшей в июне 1945 года из Восточной Пруссии, по указанию военного совета фронта было создано три группы офицеров, по 12 человек в каждой. В состав таких групп вошли общевойсковые офицеры, танкисты, артиллеристы, саперы. Они проводили лекции, доклады и беседы по специальной тематике в войсках 1-й Краснознаменной, 25-й, 35-й армий[126].

Характерной особенностью предстоящей войны против Японии было совместное выступление двух братских социалистических государств – Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Дружба двух народов, боевое содружество их армий складывались и укреплялись в совместной борьбе против общего врага – милитаристской Японии, не раз покушавшейся на территорию СССР и МНР.

После разгрома советско-монгольскими войсками японских захватчиков в районе реки Халхин-гол по просьбе правительства республики советские части и соединения были оставлены на территории МНР. На базе их в начале Великой Отечественной войны была сформирована 17-я армия, вошедшая в состав Забайкальского фронта. Между воинами этой армии и цириками Монгольской народно-революционной армии установились самые тесные дружественные отношения, шел активный обмен опытом

боевой и политической подготовки и организации партийно-политической работы.

Командиры и политработники двух союзных армий совместно готовили личный состав к проведению предстоящих операций. На совместных учениях отрабатывались боевое взаимодействие войск, управление и связь, способы ведения боя в различных условиях и время суток. Большая работа проводилась по дальнейшему укреплению боевого содружества между ними на славных революционных и боевых традициях борьбы против общего врага. Регулярно устраивались встречи воинов братских армий – участников боев против банд барона Унгерна в 1921 году, на озере Хасан в 1938 году и в районе Халхин-гол в 1939 году против японских войск. Широко практиковались взаимные посещения частей, совместные семинары и т. д.

Много и плодотворно трудился по укреплению боевого содружества между воинами двух братских армий Генеральный секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал, который одновременно был начальником Политического управления МНРА. «В ходе подготовки и проведения наступательной операции, – писал он впоследствии, – потребовавших колоссального напряжения сил личного состава наших войск, между советскими и монгольскими воинами, от солдат до генералов, царила волнующая атмосфера искренней дружбы, подлинного братства и взаимопомощи, что способствовало успешному выполнению поставленных командованием боевых задач».

Сам я лично не был в МНР в период подготовки к военным действиям. Появляться там мне Ставка категорически запретила. С маршалом Чойбалсаном я встретился уже после окончания войны в Чанчуне.

В результате большой подготовительной работы и, особенно, с началом этапа непосредственной подготовки к боям и операциям, за неделю до развертывания боевых действий, личный состав советских войск на Дальнем Востоке был полон стремления выступить против общего врага, уничтожить последний очаг Второй мировой войны. Советские воины горели ненавистью к японским милитаристам.

Я регулярно информировал Верховного Главнокомандующего о ходе подготовки к боевым действиям. Наша телефонная связь работала безотказно. 16 июля ко мне в штаб войск Дальнего Востока, находившийся в 25 км юго-западнее Читы, позвонил из Потсдама И. В. Сталин. Это было накануне открытия Потсдамской конференции трех великих держав. Он спросил, как идет подготовка к операции, и поинтересовался, нельзя ли ее дней на десять ускорить. Я доложил, что сосредоточение войск и подвоз

всего самого необходимого для них не позволяют сделать этого, и просил оставить прежний срок. Сталин дал на это согласие. Почему Сталин накануне этой конференции ставил передо мной этот вопрос – он мне не сказал. Впоследствии нам стало известно, что о соответствии с американскими планами разгрома Японии, разработанными еще до созыва Потсдамской конференции и утвержденными президентом США 29 июня, высадка американских войск на остров Кюсю должна была произойти 1 ноября 1945 года, а высадка на остров Хонсю – не ранее 1 марта 1946 года.

Известно и то, что президент Трумэн 18 июня 1945 года на совещании военных руководителей США заявил, что «одна из целей, которую он ставит перед собой на предстоящей конференции, будет заключаться в том, чтобы добиться от Советского Союза максимальной помощи в войне против Японии». Известно было и другое: накануне Потсдамской конференции американцы провели первое испытание атомной бомбы в США, а через неделю, 24 июля, участник конференции, исполнявший обязанности президента, бывший вице-президент Г. Трумэн, отдал приказ командующему стратегическими военно-воздушными силами США сбросить в начале августа 1945 года атомную бомбу на один из следующих японских городов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки.

Получив в Потсдаме сообщение о результатах испытания бомбы, Трумэн попытался оказать политический нажим на советскую делегацию. Но он встретил с ее стороны спокойную уверенность и сдержанную твердость. 16 июля в момент разговора со мной Сталин, по-видимому, не мог знать о том, что за несколько часов до этого в Лос-Аламосе взорвалась испытываемая американцами атомная бомба. Надо полагать, интересуясь сроками начала операции, он руководствовался не этим фактом, а общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американо-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии.

7 августа поступила директива Ставки. Войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, гласила она, 9 августа начать боевые действия для выполнения задач, поставленных директивами Ставки от 28 июня; боевые действия авиации всех фронтов начать с утра 9 августа; наземным войскам Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов границу Маньчжурии перейти утром 9 августа; 2-му Дальневосточному фронту – по моему указанию. Тихоокеанскому флоту перейти в оперативную готовность номер один, приступить к постановке

минных заграждений, одиночное судоходство прекратить, транспорты направить в пункты сосредоточения, а в дальнейшем организовать судоходство конвоями под охраной военных кораблей, подводные лодки развернуть, боевые действия флота начать с утра 9 августа[127].

Накануне наступления я позвонил Верховному Главнокомандующему, чтобы доложить о готовности советских войск начать боевые действия. А. Н. Поскребышев ответил, что Сталин смотрит кинофильм, и попросил меня перезвонить попозже, что я и сделал. Хочу заметить в связи с этим, что И. В. Сталин любил кинокартины и смотрел их очень часто. Едва ли какая-либо, из вновь появившихся на экранах значительных картин, не говоря уже о военных, проходила мимо его внимания. Он интересовался сценариями кинокартин по наиболее крупным проблемам истории войны. И. В. Сталин, насколько я знаю, также проявлял живой интерес к театру и нередко бывал на спектаклях, а иногда подсказывал для них и тематику, как это было с пьесой А. Корнейчука «Фронт» и с другими. Упомянутый спектакль он смотрел не один раз и мне советовал сходить на него. Но вернусь к теме.

На прошедших 8 августа, после получения боевого приказа, митингах и собраниях воины клялись с честью выполнить стоящие перед ними задачи, чтобы в кратчайшие же сроки и полностью разгромить врага.

В обращении Главкома советскими войсками на Дальнем Востоке к китайскому народу перед началом операции подчеркивалось: «Красная Армия, армия великого советского народа, идет на помощь союзному Китаю и дружественному китайскому народу. Она и здесь, на Востоке, поднимает свои боевые знамена как армия – освободительница народов Китая, Маньчжурии, Кореи от японского гнета и рабства»[128].

8 августа 1945 года главнокомандование Народно-освободительной армии Китая направило Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину приветственную телеграмму, в которой говорилось: «От имени китайского народа мы горячо приветствуем объявление Советским правительством войны Японии. Стомиллионное население и вооруженные силы освобожденных районов Китая будут всемерно координировать свои усилия с Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных захватчиков»[129].

В ночь на 9 августа передовые батальоны и разведывательные отряды трех фронтов в крайне неблагоприятных погодных условиях – летнего муссона, приносящего частые и сильные дожди, – двинулись на территорию противника. С рассветом

главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов перешли в наступление и пересекли государственную границу. В это время я находился в районе штаба 1-го Дальневосточного фронта, который перед открытием военных действий перешел из-под Ворошиловска в тайгу, в специально построенные домики. А штаб Главного командования по-прежнему находился близ Читы.

В дальнейшем, в соответствии с планом, боевые действия развернулись и осуществлялись в следующем оперативном построении.

10 августа в войну вступила Монгольская Народная Республика. Во фронте Р. Я. Малиновского: Монгольская народно-революционная армия маршала Хорлогийна Чойбалсана наносила удар от Сайн-Шанда в пустыне Гоби по войскам князя Де Вана и Суйюаньской армейской группы в направлении Калгана (Чжанцзякоу); смешанная советско-монгольская конно-механизированная группа генерал-полковника И. А. Плиева – из Северной Гоби в направлении города Долоннор (Долунь); 17-я армия генерал-лейтенанта А. И. Данилова – от Югодзирь-Хида на Чифын, с целью разгрома войск левого крыла 44-й японской армии. В результате успешного решения этого замысла Квантунская армия была изолирована от войск японского Северного фронта, действовавшего в районе Бэйпина (Пекина), и потеряла возможность получить помощь с юга. 53-я армия генерал-полковника И. М. Манагарова и 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко от Мамата наступали на Шэньян (Мукден), местопребывание штаба японского 3-го фронта, нанося удар по правому крылу 44-й армии. 39-я армия генерал-полковника И. И. Людникова из Тамцак-Булакского выступа, громя 30-ю и левое крыло 4-й отдельной японских армий, продвигалась вдоль железной дороги на Чанчунь (Синьцзян), где находился штаб Квантунской армии, а ей навстречу с востока выходила 5-я армия 1-го Дальневосточного фронта. 36-я армия генерал-лейтенанта А. А. Лучинского из Даурии через Хайлар наносила удар на Цицикар по центру 4-й отдельной армии. С воздуха Забайкальский фронт поддерживала 12-я воздушная армия С. А. Худякова.

Войска Забайкальского фронта шли по труднопроходимой местности. Даже у самих китайцев и японцев не имелось сколько-нибудь приличных карт, и наша картографическая служба немало потрудилась, чтобы обеспечить командиров необходимыми пособиями. Враг не предполагал, что советские войска сумеют за неделю пройти сотни километров в тяжелейших условиях. Элемент неожиданности был столь велик, а удар, полученный Квантунской армией с северо-запада, так силен, что она после

него уже не смогла оправиться.

На 2-м Дальневосточном фронте Пуркаева 6 небольших войсковых группировок прикрывали железную дорогу в Забайкалье от устья реки Шилки до устья Зеи; 2-я Краснознаменная армия генерал-лейтенанта танковых войск М. Ф. Терехина с Буреинского плато через Малый Хинган продвигалась с севера в направлении Цицикара; 15-я армия генерал-лейтенанта С. К. Мамонова из Биробиджана вдоль течения Сунгари наступала на Харбин; 5-й отдельный стрелковый корпус генерал-майора И. З. Пашкова от Бикина, параллельно войскам Мамонова, шел с боями на Боли; 16-я армия генерал-лейтенанта Л. Г. Черемисова наносила удар из Северного Сахалина по Южному; воинские части Камчатского оборонительного района генерал-майора А. Р. Гнечко овладевали (согласно моему приказу от 15 августа) Курильскими островами. С воздуха войска фронта поддерживала 10-я воздушная армия генерал-полковника авиации П. Ф. Жигарева.

Этот фронт теснейшим образом взаимодействовал с флотом и двумя флотилиями. Моряки и речники участвовали в высадке десантов на Курилах и Южном Сахалине, в форсировании Амура и Уссури, в боевых действиях на реке Сунгари. Интересной страницей сражений на Сахалине является также выброска нашего парашютного десанта в Тайохара (Южно-Сахалинске), чего противник никак не ожидал. Не менее изумительной по быстроте, ловкости и смелости выполнения являлась высадка морских десантов на острова Итуруп, Кунашир и Шикотан.

На 1-м Дальневосточном фронте 35-я армия генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева от Губерова и Лесозаводска наносила удар на Линькоу; 1-я Краснознаменная армия генерал-полковника А. П. Белобородова от озера Ханка через Мулин и Муданьцзян (штаб 1-го фронта) наступала на Харбин, где соединялась с 15-й армией; 5-я армия генерал-полковника Н. И. Крылова прорывалась от Гродекова на Гирин. 25-я армия генерал-полковника И. М. Чистякова продвигалась через Ванцин (штаб 3-й армии) с поворотом на Яньцзи к Корее и затем берегом Японского моря выходила к знаменитой 38-й параллели, ставшей позднее границей между КНДР и Южной Кореей, нанося удар по 17-му фронту. С воздуха войска фронта поддерживала 9-я воздушная армия генерал-полковника авиации И. М. Соколова. 10-й мехкорпус генерал-лейтенанта танковых войск И. Д. Васильева вел бои в полосе 5-й армии.

С этим фронтом взаимодействовала основная часть сил Тихоокеанского флота, базировавшаяся во Владивостоке. Согласованные операции подвижных частей с суши и десантников

с моря по овладению корейскими портами Юки, Расин, Селсин и Гензан были быстрыми и удачными. Отличились парашютисты, высадившиеся в Харбине, Гирине и Хамхынге – в далеком вражеском тылу: царившая в японских войсках растерянность, вызванная поражением Квантунской армии на фронте, облегчила парашютистам выполнение ответственных заданий.

Наше совместное с Монгольской народно-революционной армией наступление развивалось успешно с первых же часов. Внезапность и сила первоначальных ударов позволили советским войскам сразу же захватить инициативу. В правительстве Японии начало военных операций Советским Союзом вызвало панику. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, – заявил 9 августа премьер-министр Судзуки, – ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»[130]. Таким образом, именно действия Советских Вооруженных Сил, по признанию японского руководства, а не атомная бомбардировка городов Японии американскими самолетами, произведенная 6 и 9 августа, решили судьбу Японии и ускорили окончание второй мировой войны.

Массовое уничтожение населения японских городов не диктовалось никакой военной необходимостью. Атомная бомба была для правящих кругов Соединенных Штатов не столько актом конца Второй мировой войны, сколько первым шагом в «холодной войне» против СССР.

Наступление советских войск проходило в условиях упорного сопротивления врага. Тем не менее, на всех основных направлениях советские войска отлично справлялись с выполнением поставленных задач. Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшим себе равных в современной войне. К исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 км, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к ее столице Чанчуню и крупному промышленному центру Мукдену. За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таежной местности, прорвав сильную полосу обороны, напоминавшую «линию Маннергейма», только в больших масштабах, и овладев семью мощными укрепленными районами, продвинулись вглубь Маньчжурии на 120–150 км и завязали бой за город Муданьцзян. Войска 2-го Дальневосточного

фронта вели бои на подступах к Цицикару и Цзямусы. Таким образом, уже к исходу шестых суток нашего наступления Квантунская армия оказалась расчлененной на части.

Столь высокие темпы наступления советских войск, действовавших на отдельных, разобщенных операционных направлениях, стали возможны лишь благодаря тщательно продуманной группировке войск, знанию природных особенностей местности и характера системы обороны врага на каждом операционном направлении, широкому и смелому использованию танковых, механизированных и конных соединений, внезапности нападения, высокому наступательному порыву, решительным до дерзости и исключительно умелым действиям, отваге и массовому героизму воинов Красной Армии и моряков.

Огромную помощь войскам Дальнего Востока на протяжении всей кампании оказывали пограничники. В первые же дни Маньчжурской операции они вместе с полевыми войсками атаковали и ликвидировали многочисленные пограничные опорные пункты врага и его укрепленные районы. В процессе дальнейших боев погранвойска принимали активное участие в преследовании противника, охраняли коммуникации, штабы, важные объекты и тыловые районы полевых войск. В то же время сформированные в первые дни войны на Дальнем Востоке из погранвойск специальные отряды прикрывали, вернее сказать, обороняли по заданию фронтового командования значительные участки фронта, позволяя тем самым высвобождать полевые войска и использовать их на основных операционных направлениях. Неоценимую помощь оказали пограничники и в борьбе с диверсионными и разведывательными группами врага.

Насколько решительно, самоотверженно и умело действовали воины-пограничники на протяжении всей кампании Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, приведу хотя бы такой пример. Только один Джалинский пограничный отряд под командованием Л. К. Попова уже в первом бою уничтожил 50 японцев, из них 13 офицеров, и 150 взял в плен. В последующем джалинцы ликвидировали пограничный полицейский отряд, 2 районных и 11 малых пограничных отрядов, 3 погранпоста, 9 отдельных войсковых групп, 2 парохода. Перед фронтом наступления отряд полностью очистил от противника территорию в 427 км по фронту и 80–90 км в глубину, занял 24 населенных пункта, в том числе один город. При этом, пограничный отряд Попова захватил большие трофеи: вооружение, боеприпасы, боеприказы, 8 продовольственных и вещевых складов, 4 баржи с грузом и 1 пароход. Так же воевали с японскими милитаристами

и другие пограничные отряды Забайкалья и Дальнего Востока под командованием замечательных генералов П. И. Зырянова, А. А. Никифорова, М. И. Шишкарева и других.

Перед лицом неминуемого военного поражения 14 августа правительство Японии приняло решение капитулировать. На следующий день пал кабинет премьера Судзуки. Однако войска Квантунской армии продолжали упорно сопротивляться. В связи с этим после разговора со мной на эту тему И. В. Сталина 16 августа в советской печати было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной Армии, в котором говорилось:

> «1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет. 2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие, и когда этот приказ будет практически выполняться. 3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии»[131].

В последующие дни советские войска, развивая наступление, стремительно наращивали его темпы. На 1000-километровом участке Забайкальского фронта: конно-механизированная группа Плиева выходила к Калгану и Чэндэ (Жэхе); 17-я армия через Чифын рвалась к берегам Ляодунского залива; 6-я гвардейская танковая армия, испытывая большие трудности в связи с перебоями в снабжении, настойчиво решала основную задачу фронта по захвату Мукдена; 39-я армия, восстанавливая разрушенные врагом при отходе мосты и железнодорожные пути, продвигалась через Таоань на Чанчунь. Как раз в те дни в разрыв, образовавшийся между 17-й и 39-й армиями, решением командующего фронтом была введена из второго эшелона 53-я армия для наступления через Кайлу на Фусинь. В результате войска Забайкальского фронта к исходу 19 августа вышли в районы Чифын, Чанчунь, Мукден, Кайтун и Цицикар. Это означало, что в Квантунскую армию вбит с запада гигантский клин наших Вооруженных Сил на площади примерно в 0,6 млн

кв. км. Войска 1-го Дальневосточного фронта также продолжали развивать наступление. 35-я армия 16 августа вышла на железную дорогу Цзямусы – Тумынь в районе Боли и тем самым прочно обеспечила правый фланг главной группировки фронта, отрезав японскую 4-ю отдельную армию, отходившую перед войсками 2-го Дальневосточного фронта на юг, от муданьцзянской группировки. В это время 1-я Краснознаменная и 5-я армии вели ожесточенные бои за крупный узел железных и шоссейных дорог, важный административно-политический центр Муданьцзян. Яростно обороняясь, противник неоднократно переходил в контратаки, но 16 августа город пал. В этих боях Квантунская армия потеряла более 40 тыс. солдат и офицеров. 25-я армия совместно с 10-м механизированным корпусом в тот же день овладела городом Ванцин, прикрывавшим подступы к Гирину и северным районам Кореи. Одновременно ее войска совместно с морским десантом овладели крупной военно-морской базой Сейсин и вышли на коммуникации 3-й японской армии, отсекая войска 17-го фронта от 1-го фронта и от побережья Японского моря. Уже к исходу первой недели войны была полностью разгромлена 5-я японская армия и нанесен большой урон 3-й армии и другим войскам 1-го фронта. Попытка противника любой ценой не допустить выхода наших войск на Центрально-Маньчжурскую равнину и к Северной Корее провалилась.

Успешно развивались военные действия по освобождению Кореи, являвшиеся частью кампании советских войск на Дальнем Востоке. Основную задачу решила 25-я армия при взаимодействии с Тихоокеанским флотом. 12 августа они овладели городами Северной Кореи Юки и Расин (Наджин). С выходом советских войск к Сейсину (Чхонджину) полностью нарушилась оборона Квантунской армии на приморском направлении. Были также осуществлены морские и воздушные десанты в ряде портов и городов Северной Кореи. В начале сентября советские войска вышли на линию 38-й параллели, установленную соглашением союзных держав.

Красная Армия пришла в Корею как освободительница, как друг и союзник корейского народа. И корейский народ по достоинству оценил жертвы, принесенные во имя его свободы и независимости. Свидетельством тому явились массовые демонстрации дружбы и искренней благодарности населения, проходившие в городах и селах, куда вступали части Красной Армии. Символами вечной признательности корейского народа своим освободителям стали монументы в честь советских воинов в Пхеньяне и других городах Кореи.

Нанеся сокрушительное поражение японским войскам в

Корее, Красная Армия создала тем самым благоприятные возможности для деятельности революционных сил, боровшихся за национальное освобождение и социальный прогресс. В северной части страны трудящиеся под руководством коммунистов приступили к строительству первого в истории Кореи подлинно независимого, народно-демократического государства. Но южнее 38-й параллели, где по согласованию между союзниками высадились американские войска (в начале сентября 1945 года), у власти остались капиталисты и помещики, которые превратили Южную Корею в оплот антикоммунизма и реакции.

Освобождение Кореи Красной Армией, помощь ей со стороны Советского Союза, который сам еще не оправился тогда от последствий тяжелой войны, в создании нового государства, в развитии народного хозяйства и культуры – это воплощение на деле ленинских принципов пролетарского интернационализма.

Корейская Народная Демократическая Республика в наши дни – это развитая в экономическом отношении страна, успешно строящая социализм. Она пользуется большим международным авторитетом; всеобщее уважение снискала ее упорная борьба за мирное объединение родины на демократических началах. Советские люди от души радуются достижениям КНДР во всех областях экономики и культуры. Особенно приятно видеть это нам – ветеранам войны, видеть и знать, что кровь, пролитая советскими воинами при освобождении Кореи, скрепила братскую дружбу народов Советского Союза и Кореи.

Войска 2-го Дальневосточного фронта за эти дни овладели городом Цзямусы и во взаимодействии с Краснознаменной Амурской военной флотилией наступали вдоль Сунгари на Харбин. Советская авиация господствовала в воздухе на всем театре военных действий. Тихоокеанский флот прочно закрепил за собой побережье Северной Кореи. Квантунская армия терпела сокрушительное поражение.

17 августа, окончательно потеряв управление разрозненными войсками и сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада отдал приказ начать переговоры с советским Главнокомандованием на Дальнем Востоке.

В 17 часов 17 августа от главнокомандующего Квантунской армией была принята радиограмма о том, что он отдал японским войскам приказ немедленно прекратить военные действия и сдать оружие советским войскам, а в 19 часов в расположение войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета были сброшены два вымпела с обращением штаба 1-го фронта

Квантунской армии о прекращении военных действий. Однако на большинстве участков японские войска продолжали не только оказывать сопротивление, но местами переходили в контратаки. В связи с этим я вынужден был тогда же передать генералу Ямада следующую радиограмму:

> «Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен. Указанный выше срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

Одновременно я приказал командующему 1-м Дальневосточным фронтом выслать офицеров штаба на аэродромы Муданьцзяна и Мулина, уполномочив их сообщить представителям штаба Квантунской армии, что военные действия советских войск будут прекращены лишь тогда, когда японские войска начнут сдаваться в плен. Такая мера была вызвана тем, что многие японские воинские части и гарнизоны из-за потери связи либо не получили приказа Ямада, либо отказались выполнять его. 18 августа в 3 часа 30 минут Ямада ответил по радио советскому Главнокомандованию о готовности выполнить все условия капитуляции. 18 августа на многих участках фронта японские части начали сдаваться в плен.

Чтобы ускорить разоружение капитулировавших японских войск и освобождение захваченных ими территорий, 18 августа я отдал следующий приказ войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов:

> «В связи с тем, что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально

сформированных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил»[132].

Такие отряды создавались во всех армиях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов из танковых частей, стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, и подразделений самоходной и истребительно-противотанковой артиллерии. Для захвата важных военных и промышленных объектов и приема капитуляции их гарнизонов были высажены воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине. Вслед за воздушными десантами в Мукден, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний вступили передовые отряды, а затем части и соединения 6-й гвардейской танковой армии.

Японские военнослужащие, застигнутые врасплох, сдавались в плен. Среди пленных оказался и маньчжурский император Генри Пу И. В 1933 году в возрасте 27 лет этот представитель Цинской династии был произведен японскими хозяевами в императоры Маньчжурии, став на самом деле их марионеткой. Его неотлучным спутником и постоянным советником стал японский генерал Иосиока. При императоре имелось японское посольство, которое возглавлял командующий Квантунской армией. Когда 19 августа 1945 года наше воздушно-десантное подразделение приземлилось на Мукденском аэродроме, Пу И со свитой, включая его японских советников, уже готовился улететь в Японию, но вместо этого вынужден был сдаться в плен советским военнослужащим[133].

18 августа в Харбине воздушный десант под командованием заместителя начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майора Г. А. Шелахова неожиданно встретил на аэродроме начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Х. Хата. При переговорах с ним Шелахов предложил ему для согласования вопросов, связанных с капитуляцией всей Квантунской армии, в сопровождении лиц, выбранных по усмотрению японского командования, на нашем самолете отправиться на КП командующего 1-м Дальневосточным фронтом. Х. Хата принял это предложение, и 19 августа в 15 час. 30 мин. по дальневосточному времени там произошла встреча с ним и японским консулом в Харбине Миякава.

Мы предъявили требования о порядке капитуляции, указали сборные пункты приема военнопленных, маршруты движения и время. Х. Хата принял все условия. Невыполнение некоторыми японскими частями и подразделениями приказа о сдаче оружия

он объяснил тем, что командование Квантунской армии не смогло вовремя довести приказ о капитуляции, так как на второй день наступления Красной Армии штаб Квантунской армии потерял управление войсками. Далее мы предупредили Х. Хата, что японские войска должны сдаваться организованно, вместе со своими офицерами и что в первые дни капитуляции забота о питании пленных ложится на японское руководство. Войска обязаны переходить к нам с кухнями и запасами продовольствия, японские генералы – являться со своими адъютантами и необходимыми личными вещами. Было также заявлено, что мы гарантируем гуманное отношение не только к высшим чипам, но и ко всем военнопленным.

Характерно, что Х. Хата просил разрешить до прихода частей Красной Армии в отдельных районах Маньчжурии и Кореи оставить у японских солдат оружие, поскольку, как объяснил он, «население там ненадежное». Мы ответили, что советское командование обеспечит полный порядок на территории, занятой Красной Армией, и не допустит никаких незаконных эксцессов. Затем мы распорядились о предстоящих встречах советских офицеров с японским командованием, о том, какие самолеты при этом надлежит использовать, и уточнили, кто из штаба Квантунской армии, куда будет направлен. Х. Хата попросил оставить в распоряжении японского командования необходимый транспорт и средства связи, чтобы быстрее передать войскам указание советского командования. Просьба была удовлетворена. После уточнения деталей капитуляции Квантунской армии он и сопровождавшие его лица получили разрешение отбыть на нашем самолете в сопровождении советских офицеров в свой штаб.

В течение всех переговоров Х. Хата и большинство его спутников выглядели довольно уныло. От «самурайской» самоуверенности не осталось и следа. Вчерашние надменные распорядители Маньчжурии держались покорно, даже униженно, при каждой нашей фразе поспешно кивали головами. Видно, они были и психологически надломлены.

С 19 августа японские войска почти повсеместно начали капитулировать. У нас в плену оказалось 148 японских генералов, 594 тыс. офицеров и солдат. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Маньчжурии и Северной Корее. Успешно завершались операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов.

Подошла пора подвести итоги кампании. В связи с этим хочу рассказать об одном курьезном случае, причем я отнюдь не имею целью этим бросить какую-то тень на «виновника» этого курьеза.

Он хорошо воевал и неизменно соблюдал субординацию в служебных отношениях.

Завершив военные действия, мы, прежде всего, занялись организационными вопросами, а дел по налаживанию нормальной жизни на освобожденных территориях было много. И как-то так получилось, что с подготовкой итогового доклада ЦК партии и Ставке о прошедших военных действиях, к тому же все детали их им уже известны были и с отчетом о них нас не торопили, мы несколько задержались.

И вот при одном из телефонных переговоров И. В. Сталин спрашивает меня:

– Товарищ Василевский, кто у нас командует войсками Дальнего Востока?

Я не знал, что отвечать, и несколько замедлил с ответом. Он продолжал:

– Командующий Первым Дальневосточным фронтом Мерецков прислал в Ставку отчет о военных действиях. Вы знаете об этом?

– Нет.

Я хорошо знал К. А. Мерецкова и не придал его докладу Ставке какого-либо значения. Но когда он прибыл ко мне в штаб в Хабаровск, я по его виду понял, что он переживает по поводу своей поспешности с докладом.

Военная кампания Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке увенчалась блестящей победой. Ее итоги трудно переоценить. Официально кампания длилась 24 дня. Были наголову разбиты ударные силы врага. Японские милитаристы лишились плацдармов для агрессии и основных своих баз снабжения сырьем и оружием в Китае, Корее и на Южном Сахалине. Крах Квантунской армии ускорил капитуляцию Японии в целом.

Окончание войны на Дальнем Востоке спасло от гибели сотни тысяч американских и английских солдат, избавило миллионы японских граждан от неисчислимых жертв и страданий и предотвратило дальнейшее истребление и ограбление японскими оккупантами народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

В результате разгрома Японии создались благоприятные условия для победы народных революций в Китае, Северной Корее и во Вьетнаме. Мао Цзэ-дун, когда-то считавшийся с исторической правдой, писал в августе 1945 года: «Красная Армия пришла помочь китайскому народу изгнать агрессоров. Такого примера еще не было в истории Китая. Влияние этого события неоценимо». Народно-освободительная армия получила огромные запасы трофейного оружия. Только два наших фронта

захватили у бывшей Квантунской армии и передали представителям НОА 3,7 тыс. орудий, минометов, гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 1,2 тыс. пулеметов, почти 680 различных воинских складов, а также корабли Сунгарийской военной речной флотилии. Позднее была передана значительная часть советского оружия. Советское командование позаботилось, чтобы все оружие было в порядке и пригодно для боевого применения. Помню, мне докладывали, что представители Китайской народно-освободительной армии высказывали чувства признательности и благодарности Советскому Союзу, его Вооруженным Силам, создавшим важные предпосылки для победы китайской революции. Трофейное и наше, отечественное, оружие и боевая техника помогли перевооружить Народно-освободительную армию и технически оснастить ее новые части и соединения, ставшие потом костяком и ударной силой революционного Китая. Не подлежит сомнению, что без решающей помощи Советского Союза китайский народ не смог бы так быстро сбросить ярмо японских милитаристов и добиться освобождения своей страны.

С разрешения Ставки я совершил поездку по освобожденной Маньчжурии. Прибывший из Москвы А. И. Микоян присоединился ко мне, и мы побывали в ряде городов, ознакомились с состоянием оружия и складского хозяйства Квантунской армии. Судя по тому, что боевая техника, боеприпасы, обмундирование и продовольствие хранились в больших размерах и в хорошем состоянии, Япония намеревалась долго пребывать на китайской земле.

Разгром японского милитаризма способствовал мощному подъему национально-освободительного движения во всей Азии. 17 августа была провозглашена независимая Индонезийская республика. 2 сентября, когда японский министр иностранных дел Сигемицу и начальник генштаба Умедзу подписывали акт о безоговорочной капитуляции, президент Хо Ши Мин провозгласил Демократическую Республику Вьетнам. 12 октября лаосские патриоты провозгласили Патет-Лао (свободную Страну Лао).

Победа, одержанная нашими Вооруженными Силами на Дальнем Востоке, явилась ярким свидетельством могущества социалистического общественного и государственного строя, великой организующей роли Коммунистической партии, новым торжеством советского военного искусства. Родина достойно оценила подвиг своих сынов. 87 воинов стали Героями или дважды Героями Советского Союза. Свыше 300 тыс. человек получили ордена и медали. Многие соединения и части

удостоились почетных наименований Курильских, Сахалинских, Уссурийских, Харбинских, Амурских, Хинганских, Мукденских, Порт-Артурских и др. Всем участникам войны с Японией была вручена медаль «За победу над Японией».

И вот окончилась Вторая мировая война. Более четырех огненных лет шли советские люди к этому моменту, неся при этом на себе самое тяжелое ее бремя. Для военного человека, который являлся непосредственным участником вооруженной борьбы, наступление мира было по-особому приятно. Да, наши воины проделали колоссальную работу, объем и содержание которой вряд ли можно будет с чем-либо сравнить. Но окончание войны сразу же поставило перед партией и правительством новые задачи, и главные из них – это восстановление страны и перевод ее и Вооруженных Сил на условия мирной жизни. К решению этих задач партия и правительство приступили немедленно. Что касается Вооруженных Сил, то сразу же после окончания войны на Дальнем Востоке – 4 сентября 1945 года – Указом Президиума Верховного Совета СССР был упразднен Государственный Комитет Обороны. Прекратила свою деятельность и Ставка Верховного Главнокомандования. Непосредственное руководство Вооруженными Силами было возложено на Наркомат Вооруженных Сил, в который вошел и Военно-Морской Флот. Наркомат вскоре вместе с другими наркоматами Союза был переименован в министерство.

Нужно было по окончании войны срочно провести демобилизацию первой очереди, затем немедля – второй очереди, спланировать все вопросы, касающиеся распределения, дислокации и расквартирования войск, как остающихся за рубежом, так и возвращающихся на родную землю, обеспечить в связи с этим передвижение войск и воинов, увольняемых из армии, а самое главное – определить численность Вооруженных Сил, потребную стране в условиях мирного времени, выработать и придать им организацию, наиболее отвечающую этим условиям и сохраняющую их боеспособность, и устроить их.

Находясь со своим штабом после разгрома Квантунской армии в Хабаровске, я в конце сентября 1945 года получил указание Сталина не позднее 29 сентября быть в Москве. Дальнейшее руководство войсками на Дальнем Востоке и начавшимся за несколько дней до этого частичным выводом советских войск из Маньчжурии, а затем и главных сил, который должен был последовать во второй половине октября, мне было приказано возложить на маршала Малиновского.

29 сентября я прибыл в Москву и вечером был принят И. В. Сталиным в его кремлевском кабинете, в присутствии

большинства членов Политбюро. Из военных присутствовал при этом прибывший со мною в Кремль А. И. Антонов. И. В. Сталин и члены Политбюро задали мне ряд вопросов, относящихся к нашей Дальневосточной кампании, к характеристике боеспособности японских войск и оценке японского командования, а также об отношениях к нам китайского населения и о положении в Китае в целом.

Затем И. В. Сталин, говоря о переходе страны и ее Вооруженных Сил к мирным условиям, подчеркнул, что выработка более приемлемых и правильных направлений дальнейшего строительства, организации и развития Вооруженных Сил, расстановка руководящих кадров являются для ЦК партии и правительства одной из важнейших задач. Поинтересовался при этом И. В. Сталин и моим настроением, планами на дальнейшее. Я ответил, что готов работать там, где укажет партия. Сталин порекомендовал мне, прежде всего, как следует отдохнуть с семьей в одном из санаториев, а по возвращении будет решен вопрос о моей работе. После этого он поздравил меня с наступающим 50-летием и тепло распрощался со мной.

На следующий день рано утром я взял «Правду» и с большим волнением и глубочайшей благодарностью прочитал на первой странице газеты приветствие в мой адрес ЦК ВКП(б) и. Совета Народных Комиссаров и Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем награждении четвертым орденом Ленина.

Через несколько дней я уехал на Кавказ.

В марте 1946 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на котором рассматривался вопрос о расстановке в Вооруженных Силах руководящих кадров, я был вновь назначен начальником Генерального штаба, а Алексей Иннокентьевич Антонов, с его согласия, стал моим первым заместителем. С этого момента началась для меня новая полоса службы в дорогих мне Вооруженных Силах.

Послесловие

В заключение книги мне хотелось бы поделиться мыслями о руководящих советских военачальниках, о специфике и стиле полководческого труда. Думаю, что это оправдано всем ее содержанием. В предшествующих главах я немало говорил о военачальниках фронтового и армейского уровня, их руководстве войсками, но я писал о них больше в связи с проведением тех или иных операций, в которых участвовал вместе с ними, о деятельности Ставки и Генерального штаба. Однако ряд общих вопросов, касающихся советских полководцев, остались неосвещенными, но они, на мой взгляд, представляют определенный интерес.

Прежде всего, несколько слов о самом понятии «полководец». Полагаю, что точка зрения нашей исторической литературы, согласно которой понятие «полководец» связывается с военачальниками оперативно-стратегического уровня, правильна. Верно и то, что к категории полководцев следует относить тех военачальников, которые наиболее ярко проявили на полях сражений свое военное искусство и талант, мужество и волю к победе.

Существует точка зрения, что полководец – это не должность и не чин. Я не сторонник столь категорического обособления этих понятий, хотя несомненно и то, что военачальник удостаивается звания полководца не по служебному приказу или какому-либо постановлению. Звание полководца имеет специфику, но неоправданно отделять его от должности военачальника. Если военачальник не командует крупными оперативными формированиями, он не может рассчитывать на признание как советский полководец. Звание полководца – это своего рода общенациональное признание военных заслуг военачальника, его умения руководить войсками в битвах и сражениях, его выдающихся побед на войне. Тот, кто не исполнял командную должность крупного масштаба, тот не имеет никаких перспектив на честь называться полководцем. В годы войны такие командующие, как Г. К. Жуков, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, уже считались полководцами, находясь при определенных должностях. Для них и должность, и звание полководца представляли одно признание их высоких заслуг перед Родиной, Вооруженными Силами.

Но всему есть логическое развитие. Военачальник, удостоенный признания как полководец, допустим в должности командующего фронтом или армии, будет признаваться

общественным мнением как полководец и тогда, когда кончится война и когда он будет даже на заслуженном отдыхе. Раз военачальник снискал признание за военное искусство, за боевые заслуги в руководстве войсками крупных масштабов, звание полководца ему будет сопутствовать всю жизнь. Но оно будет являться уже производным от его служебной деятельности в прошлом, его высокого авторитета как опытнейшего командующего войсками фронта, армии в годы войны. Но и в этом случае, когда звание полководца приобретает своего рода относительную самостоятельность, оно лишь будет отражать прошлые должностные успехи военачальника.

К числу советских полководцев, видимо, справедливо будет отнести, прежде всего, командующих фронтами и армиями. На их плечи ложилась наибольшая ответственность за успехи войск. Только они, опираясь на военные советы и штабы, умело используя хорошо вооруженные и оснащенные войска, могли успешно решать задачи Ставки Верховного Главнокомандования при проведении стратегических операций. Сомнение в том, следует ли относить к полководцам даже самых талантливых командармов, на мой взгляд, неосновательно. Современная армия представляет крупное и основное общевойсковое или иное объединение во фронте при осуществлении планов стратегических операций. Роль командующих армиями, будь то общевойсковая, танковая или воздушная, велика, и талантливые командармы – а у нас в Вооруженных Силах почти все командующие армиями, особенно к концу Великой Отечественной войны, были таковыми, – безусловно, являлись опытнейшими полководцами.

Может, только следует подчеркнуть, что полководцами могут быть признаны те командующие фронтами и армиями, которые руководили войсками фронта, армии более или менее длительное время и отличились в ходе войны.

Огромная заслуга Коммунистической партии состоит в том, что она сумела в ходе войны выдвинуть и воспитать кадры советских военачальников, которым оказалось по плечу руководство войсками фронтов и армий. В книге я приводил слова И. В. Сталина о том, что «у нас нет в резерве Гинденбургов», то есть полководцев. Эти слова были сказаны в полемике весной 1942 года, когда наши войска потерпели неудачу на юге. И. В. Сталин считал, что у нас есть свои отличные полководцы, и гордился ими. Несомненно и то, что наши командующие решали задачи, куда сложнее и труднее и с большим блеском, чем это делал упомянутый немецкий генерал в Первую мировую войну.

Конечно, не сразу и не везде появилось достаточное число

одаренных и опытных военачальников. В первый год войны мы постоянно испытывали нехватку в генералах на руководящие должности, особенно на должности командующих фронтами и армиями. Они часто менялись, порой даже не успев показать, на что способны. Но уже тогда у нас было немало хорошо подготовленных полководцев, таких, как Г. К. Жуков, Б. М. Шапошников, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, Н. Ф. Ватутин, Р. Я. Малиновский, Л. А. Говоров, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, М. В. Захаров и многие другие.

Думаю, что неправомерно противопоставлять молодые кадры старым. Точка зрения, будто вооруженную борьбу выиграли главным образом молодые кадры, не выдерживает критики. Руководящие должности в Вооруженных Силах, в том числе командующих фронтами и армиями, занимали в большинстве случаев военачальники с опытом гражданской войны. И если кто-то оказался не у дел, то возраст здесь ни при чем. Я уже отмечал, что Маршал Советского Союза Г. И. Кулик не смог ни командовать армией, ни выполнять обязанности представителя Ставки. И определялось это не возрастом, а недостаточной подготовкой, личными качествами. Он просто оказался не на месте.

Я писал, что командующий Южным фронтом Д. Т. Козлов во многом виноват, что операция по освобождению Крыма в 1942 году провалилась, за что он был отстранен от работы. Но Д. Т. Козлов – честный и преданный Родине генерал. Он не справился с возложенными на него обязанностями командующего фронтом лишь потому, что эта должность оказалась ему не под силу. Когда же Д. Т. Козлов был назначен заместителем командующего фронтом, он работал успешно. Подобные факты случались и при назначении на должности командующих армиями. Война – самая суровая проверка умения управлять войсками. Вполне естественно, что не каждый военачальник, назначенный командующим фронтом или армией, с честью выдержал это испытание и стал достоин признания как полководец.

Решающим мерилом успешной полководческой деятельности в годы войны, конечно, являлось искусство выполнять задачи стратегических фронтовых и армейских операций, наносить противнику серьезные поражения. Наши командующие фронтами и армиями в целом с этим успешно справлялись. Об этом говорят все наши наступательные операции, особенно начиная со Сталинградской битвы. Каждую из них можно считать не только свидетельством мужества и несгибаемой воли командно-политического состава, но и блестящим образцом организации и обеспечения этих кампаний, наиболее выгодного сочетания всех

привлекаемых к ним родов войск, искусного управления ими в ходе кампаний, немедленного и правильного реагирования на все сложнейшие изменения в боевой и оперативной обстановке. В результате этих операций мы били врага и били, как правило, по-суворовски – не числом, а умением.

Наши командующие фронтами и армиями располагали знаниями и опытом, они были талантливыми военачальниками, умеющими правильно оценивать оперативно-стратегическую обстановку, принимать более удачное и неожиданное для врага решение по ней, совместно со своим штабом разработать наиболее простой, но не шаблонный и выгодный для войск план проведения операции, быстро и тщательно подготовить войска для выполнения принятого решения. И еще они имели твердый и решительный характер.

У меня самые хорошие воспоминания о работе командующих фронтами и армиями. Конечно, они не были одинаковыми; в стиле полководческой деятельности каждого из них было что-то свое, обусловленное предшествующим опытом военной службы, характером. Различными были и отношения командующих со штабами, роль которых в руководстве войсками очень и очень велика. Полководческий стиль К. А. Мерецкова, которого Сталин шутливо называл «мудрым Ярославцем», на мой взгляд, отличали обстоятельность и предусмотрительность в хорошем понимании этих слов. Кирилл Афанасьевич предпочитал свои решения по фронту предварительно согласовывать с Генеральным штабом, обязательно выяснял мнение «высшей инстанции» по той или иной разрабатываемой проблеме.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что самой яркой фигурой среди полководцев в период Великой Отечественной войны являлся Г. К. Жуков.

Всем сердцем приняв Великую Октябрьскую социалистическую революцию, Г. К. Жуков в августе 1918 года вступил добровольцем в Красную Армию. В качестве рядового, помощника командира взвода, командира взвода и командира эскадрона участвовал в подавлении контрреволюционных банд на Урале, в боях против белогвардейских войск Деникина и Врангеля. В марте 1918 года был принят в партию большевиков.

По завершении гражданской войны Георгий Константинович учился на кавалерийских курсах, а затем командовал эскадроном, кавалерийским полком, кавалерийской бригадой. В феврале 1931 года был назначен на должность помощника инспектора кавалерии, которую в РККА возглавлял С. М. Буденный. Тогда же коммунисты всех инспекций и штаба, в котором я в ту пору работал, Управления боевой подготовки Наркомата по военным и

морским делам избрали его секретарем партийного бюро.

Военный талант Г. К. Жукова все отчетливее проявлялся из года в год. Помню единодушно высокие отзывы товарищей о его способностях, когда он командовал кавалерийской дивизией, кавалерийским корпусом, был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа. Блестяще справился он с обязанностями командующего советскими войсками, которые, выполняя интернациональный долг, вместе с братской армией Монгольской Народной Республики наголову разбили вторгшихся в районе реки Халхин-гол японских милитаристов. За успешное руководство разгромом японского агрессора Г. К. Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза, а впоследствии и звания Героя Монгольской Народной Республики.

Незадолго до Великой Отечественной войны Г. К. Жуков командовал войсками Киевского особого военного округа, а накануне войны, как известно, был назначен начальником Генерального штаба. Будучи членом Ставки Верховного Главнокомандования, а с августа 1942 года заместителем Верховного Главнокомандующего, он внес большой вклад в разработку и осуществление операций по разгрому вражеских войск. Сила полководческого искусства и воля Г. К. Жукова особенно ярко нашли свое проявление в гигантских сражениях 1943–1945 годов.

Мне посчастливилось вместе с Георгием Константиновичем провести немало времени в размышлениях о мероприятиях по организации отпора врагу, выполнять важные поручения Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главнокомандования, помогать фронтовому командованию успешно решать боевые задачи. Я всегда восхищался его неукротимой энергией, широтой и глубиной стратегического мышления. Характерной чертой было его постоянное стремление научить командующих и войска искусству побеждать врага с наименьшими потерями и в короткие сроки. Нельзя не сказать при этом о его блестящем организаторском таланте. Приняв решение, он мобилизовывал все силы для его практического осуществления.

Жуков не выглядел полководцем, стоящим над солдатской массой. При подготовке операций он держал теснейший контакт не только с командирами объединений и соединений, но и с офицерами частей и подразделений, особенно действовавших на главном направлении. И это давало ему возможность глубоко знать настроения подчиненных, управлять их действиями, направлять усилия воинов к победе.

При жизни, как известно, Георгий Константинович был

увенчан высшими знаками отличия. Но лучшей наградой для него было то, что советские люди искренне уважали его как военачальника, столь много сделавшего для разгрома фашизма в годы Второй мировой войны. Георгий Константинович Жуков был маршалом, четырежды Героем Советского Союза, но все же высшим для себя званием он считал звание коммуниста, члена ленинской партии, в которой состоял 55 лет.

Закончить воспоминания о своем друге я хотел бы его собственными словами. Они взяты из книги «Воспоминания и размышления», над которой Г. К. Жуков работал до последних дней своей жизни: «Я всегда чувствовал, что нужен людям, что постоянно им должен. А это, если думать о смысле человеческой жизни, самое главное. Моя судьба лишь маленький пример в общей судьбе советского народа». Человеку, который чувствует вот такую слитность личной доли и личного дела с долей и делом народа, можно только позавидовать. Жизнь и деятельность такого человека достойны подражания.

О Борисе Михайловиче Шапошникове я уже довольно подробно высказал свое мнение в этой книге, как об опытнейшем полководце. К великому сожалению, серьезнейшая болезнь вырвала его из наших рядов 26 марта 1945 года, то есть за сорок четыре дня до нашей великой Победы, ради которой он отдал все, что мог. Крайне болезненно восприняли Вооруженные Силы весть о его смерти, и особенно мы, его близкие ученики.

Пожалуй, близкий к Жукову по настойчивости и силе воли был характер у другого выдающегося полководца Великой Отечественной войны – Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева. Сын бедного крестьянина Вологодской губернии, рядовой солдат первой мировой войны, он юношей вступил в партию большевиков и после победы Великого Октября стал активным защитником Советской власти. В двадцать лет он – военный комиссар Никольского уезда, руководитель сформированного им отряда, подавлявшего контрреволюционное восстание в своих родных местах. С этим же отрядом он выступил на фронт Гражданской войны. Вскоре И. С. Конева назначили комиссаром бронепоезда, оперировавшего в Забайкалье. Затем он комиссар бригады, дивизии, корпуса.

После Гражданской войны И. С. Конев, пройдя обучение на курсах высшего командного состава и в Военной академии имени М. В. Фрунзе, командовал полком, дивизией, корпусом, армией и войсками Забайкальского и Северо-Кавказского военных округов.

Великую Отечественную войну Иван Степанович начал в должности командующего армией. Вступив в командование Калининским фронтом в тяжелые дни обороны Москвы, он на

протяжении всех последующих лет войны возглавлял фронты. Сражения под Москвой, на Курской дуге, форсирование Днепра и жаркие бои за расширение плацдармов на его противоположном берегу, наступление на Правобережной Украине и в западных ее областях, операции гигантского масштаба в Польше, на берлинском направлении, в Чехословакии – таковы этапы боевого пути замечательного полководца, дважды Героя Советского Союза Ивана Степановича Конева. Зная его по работе на фронте, должен, прежде всего, сказать, что он любил много бывать в войсках. Обычно, как только примет решение на проведение операции, тотчас же отправляется в армии, корпуса и дивизии и там, используя свой богатейший опыт, готовит войска к боевым действиям. Все остальные дела по плану операции выполнял у него, как правило, его штаб.

Незабываемый К. К. Рокоссовский был щедро одарен полководческим талантом. Его также отличало особое умение прочно опираться на штаб при решении оперативных вопросов и в управлении войсками. С начальником же штаба генералом М. С. Малининым у Константина Константиновича были самые теплые отношения. Когда в конце войны К. К. Рокоссовскому пришлось отбыть на другой фронт, они расставались, по словам М. С. Малинина, со слезами на глазах. Это была деловая и хорошая дружба.

Безусловно, талантливым полководцем был и Р. Я. Малиновский. Он рос в Одессе. Отсюда 16-летним пареньком бежал от тяжелой работы на местного помещика и в 1914 году начал свой жизненный путь в окопах Первой мировой войны. Здесь он убедился, что заклятым врагом трудового люда является не только германский кайзер и германский империализм, но и прогнивший российский царизм. По возвращении в 1919 году из Франции, где Р. Я. Малиновский находился в составе русских экспедиционных войск, он, не раздумывая, добровольно вступил в ряды Красной Армии и отважно сражался с белогвардейцами.

В 1927 году командир батальона Р. Я. Малиновский поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе, которую окончил по первому разряду. Полученные знания пригодились в первой же схватке с фашизмом, когда Родион Яковлевич под именем «полковника Малино» сражался в рядах добровольцев, защищая республиканскую Испанию. За самоотверженное выполнение интернационального долга он был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны старший преподаватель академии имени М. В. Фрунзе генерал-майор Р. Я. Малиновский был назначен командиром 48-го стрелкового

корпуса, принявшего на себя первые удары немецко-фашистских войск на пограничной реке Прут. Уже тогда отлично проявились высокие организаторские способности комкора, его большое мужество и умение не терять управление войсками в обстановке, какой бы сложной она ни была.

В 1942 году Родион Яковлевич занимал ряд ответственных командных должностей, в том числе командующего 2-й гвардейской армией, которая совместно с другими войсками Сталинградского фронта нанесла сокрушительный удар по группировке Манштейна, пытавшегося разорвать извне кольцо, замкнувшее под Сталинградом 330 тысяч отборных немецко-фашистских войск. Группировка Манштейна была разбита наголову. В начале февраля 1943 года Р. Я. Малиновский был назначен командующим Южным фронтом. С этого времени и до конца войны он возглавлял войска ряда фронтов – Юго-Западного, 2-го и 3-го Украинских, Забайкальского. Его полководческий почерк зримо проступал в операциях по освобождению Ростова-на-Дону, Донбасса, юга Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии, а также в разгроме японской Квантунской армии в Маньчжурии. Все эти операции, безусловно, несли на себе отпечаток подлинного творческого вдохновения, необычайной настойчивости в их осуществлении, составили яркие страницы истории военного искусства.

Требовательным и настойчивым был Л. Л. Говоров. Внешне он казался сухим и даже угрюмым, но на самом деле был добрейшим человеком. Он никогда ни на кого не повысил голоса, и если был чем-то недоволен, то либо смолчит, либо пробурчит что-то про себя. Организованности Леонида Александровича можно было позавидовать. Ни один офицер управления фронта не сидел у него без дела. Он отлично знал работу штаба, но не брал на себя функции, которые надлежало выполнять начальнику штаба. Много положительного было в работе и В. Д. Соколовского, особенно это касалось разработки планов операций. Он успешно справлялся с обязанностями как начальника штаба фронта, так и командующего войсками фронта. Однако наиболее ярко он проявил себя на штабной работе – в качестве начальника штаба фронта, а после войны – начальника Генерального штаба.

Несомненно, одаренным полководцем является И. Х. Баграмян. Он обладает и командным и штабным опытом, что помогало ему успешно решать как вопросы руководства войсками, так и разработки планов операций, при этом он старался изыскать кратчайшие пути к победе. Характер у Ивана

Христофоровича также твердый, непреклонный.

Кое-кто стремится отождествить твердость характера полководца с грубостью. Проявление фактов грубости со стороны отдельных военачальников иногда встречалось, но, думается, нельзя путать эти два понятия. Я не считаю грубость признаком характера полководца, тем более элементом руководства войсками. Все дело, на мой взгляд, в умении военачальника управлять собой.

Как-то я прибыл с фронта в Ставку. Дела на фронте шли хорошо. Верховный Главнокомандующий был доволен представителями Ставки. Помню, обращаясь ко мне, он сказал:

– Товарищ Василевский, вы вот такой массой войск руководите и у вас это неплохо получается, а сами, наверно, и мухи никогда не обидели.

Это была шутка. Но, скажу откровенно, что не всегда легко было оставаться спокойным и не позволить себе повысить голоса. Но… сожмешь, бывало, до боли кулаки и смолчишь, удержишься от ругани и окрика. Умение вести себя в отношении подчиненных с достоинством – непременное качество советского военачальника.

Подходя к каждому военачальнику со знанием его индивидуальных качеств, Ставка Верховного Главнокомандования осуществляла руководство командованием фронтами, вооруженной борьбой в целом не шаблонно, а применяя в каждом отдельном случае наиболее целесообразные формы и методы.

Не лишним будет вновь подчеркнуть, что Ставка Верховного Главнокомандования не только помогала фронтам, но зачастую и учила их искусству побеждать. Подтверждением этому могут служить приведенные мною в ряде глав книги архивные документы. Позволю себе привести здесь еще один документ, свидетельствующий об этом. Он был направлен в адрес командующих фронтами в период подготовки Сталинградского контрнаступления. В нем говорилось:

> «При проведении наступательных операций командующие фронтов и армий иногда смотрят на установленные для них разграничительные линии как на забор и как на перегородку, которые не могут нарушаться, хотя бы этого требовали интересы дела и меняющаяся в ходе операции обстановка. В результате наши армии при наступлении идут вперед прямо перед собой, в пределах своих разграничительных линий, не обращая внимания на своих соседей, без маневра, который вызывается обстановкой, без помощи друг друга

и тем облегчают маневр противнику, и предоставляют ему возможности бить нас по частям. Ставка разъясняет, что разграничительные линии определяют лишь ответственность командиров за определенный участок или полосу местности, в которых выполняется ими полученная боевая задача, но их нельзя рассматривать как неизменные и непереходимые перегородки для армий. В ходе операций обстановка часто меняется. Командующий обязан быстро и правильно реагировать на это изменение, обязан маневрировать своим соединением, или армией, не считаясь с установленными для него разграничительными линиями. Ставка Верховного Главного командования, разъясняя это, разрешает и предоставляет право командующим фронтами менять в ходе операций разграничительные линии между армиями фронта, менять направление удара отдельных армий, в зависимости от обстановки, с тем, чтобы впоследствии сообщить об этом Ставке. Командующим фронтами немедленно разъяснить эти указания всем командующим армиями.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин, А. Василевский»[134].

Ставка неукоснительно требовала от командующих фронтами подчинять интересы своего фронта общей стратегии вооруженной борьбы. И если командующий фронтом, выполняя директивы Ставки, вносил новые предложения, но не выходящие за рамки общего стратегического замысла, то Ставка не только охотно принимала их, но и всячески поощряла таких командующих.

В Ставке определялись первоочередность задач и замысел операции, кампании. Практическая же разработка операций, все расчеты, связанные с этим, осуществлялись в Генеральном штабе. Он вел непрерывный сбор сведений о складывающейся обстановке на всем театре войны. Работники Генерального штаба изо дня в день держали связь с фронтами, обрабатывали поступающую от них информацию, а также все сообщения разведывательных органов. Важнейшие сведения и общие выводы докладывались Верховному Главнокомандующему, и только после этого принимались решения. Важность подобной работы Генштаба очевидна. В войне без знания обстановки на фронтах на каждый день невозможно успешно руководить боевыми действиями.

Деятельность Генерального штаба находила понимание и

поддержку со стороны командующих фронтами. Положительно отозвался о ней Г. К. Жуков. Должен с удовлетворением отметить, пишет он, что наш Генеральный штаб «был на большой высоте в искусстве планирования крупных стратегических и наступательных операций и кампаний».

Мне же особенно хочется отметить работу моих основных и непосредственных помощников – А. И. Антонова, С. М. Штеменко, А. А. Грызлова, Н. А. Ломова. Подлинными мастерами и прекрасными организаторами штабной работы показали себя и другие товарищи.

В успешной деятельности командования фронтов и армий, в решении задач вооруженной борьбы, исключительно важную роль играла партийно-политическая работа. Такая ее роль обусловливалась социальной природой Советских Вооруженных Сил и политическим характером Великой Отечественной войны как справедливой, освободительной войны в защиту социалистического Отечества. Партийно-политическая работа обеспечивала высокие боевые и морально-психологические качества как каждого в отдельности воина, так и частей, соединений, войск армий, фронтов. Наши полководцы знали это и постоянно опирались на политорганы, партийные и комсомольские организации, и сами умели идейно влиять на массы воинов. Они не мыслили проводить операции без партийно-политического обеспечения. Они требовали, чтобы воины знали задачи борьбы и были готовы отдать ей все свои духовные и физические силы. Командующие фронтами и армиями, хотя и не в одинаковой мере, держали связь с политорганами, политработниками, и чем прочнее была эта связь, тем лучше шли боевые дела, да и сама партийно-политическая работа.

Я лично могу сказать только добрые слова о нашей славной когорте политработников. От их плодотворной деятельности во многом зависели моральное состояние, боеготовность и боеспособность наших войск. Политработников касалось буквально все. За все они отвечали, все должны были знать. Правильно ли усвоили бойцы свои боевые задачи, в каком состоянии их оружие и боевая техника, как они накормлены, обуты, одеты и как будут обеспечиваться в ходе боя, выспались ли они, читали ли последние газеты, – да разве перечислишь все, о чем обязан был позаботиться политработник, готовя войска к бою! А в бой он шел вместе с бойцами, ведя за собой коммунистов и показывая личный пример. И если наши войска на протяжении всей войны, даже в самые тяжелые для них моменты, не теряли веры в победу и сохраняли высокие морально-боевые

качества, то в этом была большая заслуга и политработников.

И мне при выполнении заданий Ставки во многом помогали политработники – члены военных советов и начальники политуправлений фронтов и политотделов армий. Тесный контакт я неизменно поддерживал с командирами и политработниками почти на всех командных инстанциях сверху донизу. Все они хорошо знали проблемы управления войсками, их материального обеспечения и, конечно, политической и морально-психологической подготовки воинов. Среди них можно назвать В. Н. Богаткина, Л. И. Брежнева, С. Ф. Галаджева, П. И. Горохова, К. А. Гурова, А. А. Епишева, А. С. Желтова, К. В. Крайнюкова, Д. С. Леонова, М. М. Пронина, Н. К. Смирнова, Н. Е. Субботина, И. З. Сусайкова, М. А. Суслова, А. Н. Тевченкова, К. Ф. Телегина, И. В. Шикина, Т. Ф. Штыкова и других.

Мне пришлось несколько раз не соглашаться с И. В. Сталиным, когда, при вызове в Ставку командующих, не приглашались вместе с ними члены военных советов, наравне с командующими отвечавшие за выполнение решений Ставки. Обычно Сталин говорил в таких случаях, что их не следует отрывать от руководства повседневной партийно-политической работой. За время своей длительной работы на фронтах я непосредственно убедился, какую огромную помощь командующему они оказывали при принятии оперативных решений, при разработке планов и проведении их в жизнь. Участие членов военных советов наряду с командующими фронтов в разработке Ставкой той или иной операции всегда приносило очень большую пользу. Несколько слов об оперативно-стратегическом руководстве вооруженной борьбой в годы войны. В борьбу с Германией мы вступили, имея за плечами опыт гражданской войны и развития военного дела в годы мирного социалистического строительства. Это была солидная школа управления войсками. Но уже первые дни войны показали, что для разгрома врага ее недостаточно. Нужно было решительно перестраиваться, научиться сначала обороняться, а потом вести мощные наступательные действия. Период оборонительных боев был наиболее трудным. Управление войсками осуществлялось под сильным воздействием противника. Естественно, что не все получалось так, как хотелось бы, допускались просчеты. Установка на то, чтобы вести не просто оборонительные действия, а активную оборону, повысила требования к командующим фронтами и армиями.

Коммунистическая партия заботливо направляла усилия наших военачальников на то, чтобы они овладели искусством активной обороны. Уже Смоленское сражение показало

возросший уровень руководства войсками. Наши войска стали ожесточеннее бороться за стратегическую инициативу, стремились сбить наступательный пыл врага, заставить самого его обороняться. Постепенно улучшилась и подготовка оборонительных позиций, занимаемых нашими частями и соединениями. Стали более умело проводить и инженерное оборудование, организацию противотанковой и противовоздушной обороны, эффективнее использовать танки и артиллерию для контратак.

По плечу командующим фронтами и армиями оказалось проведение высшей формы активной обороны – контрударов. В первый период войны их было организовано свыше тридцати. В ходе контрударов противник нес существенные потери, утрачивал ритм в наступательных действиях. Контрудары, осуществленные 1-й ударной и 20-й армиями севернее Москвы, а также действия усиленного кавалерийского корпуса в районе Каширы позволили советским войскам перейти в контрнаступление под Москвой. В активной обороне ярко проявилось полководческое дарование Г. К. Жукова. Успешно руководил войсками командующий Калининским фронтом И. С. Конев. С самой лучшей стороны проявили себя многие командующие армиями.

Сталинградская битва, закончившаяся нашей блистательной победой, продемонстрировала зрелость и силу оперативно-стратегического руководства советскими войсками. Стратегической инициативе противника был нанесен смертельный удар. Настало долгожданное время наступления советских войск. Командующие фронтами и армиями взялись за овладение искусством наступательных операций. Пришлось перестраиваться как в образе мышления, так и в стиле руководства войсками. Нужно было научиться работать более оперативно, привыкнуть к подвижному характеру боевых действий, улучшить работу штабов, служб и особенно тыла. Не всем это удавалось. Помню, как трудно осваивал наступательные действия командующий Северо-Кавказским фронтом И. Е. Петров. Он умело руководил оборонительными действиями Приморской армии под Севастополем, показал знание оперативного искусства и личное мужество. Но, встав во главе наступающего фронта, он подрастерялся, и мы почувствовали перебои в действиях войск, и кое-кто уже внес предложение о его освобождении. Но Верховный Главнокомандующий ответил:

– Петрова нужно не освобождать от работы, а научить вести наступление. Учтите, что он ни разу в жизни не наступал.

Прошло какое-то время, и И. Е. Петров стал неплохо проводить наступательные операции.

Готовить и проводить наступательные операции было отрадно. У командующих фронтами и армиями появилось больше смекалки, инициативы. Каждая из проведенных ими операций отличалась не только оригинальностью замысла, но и методом ее осуществления. Наши командующие умели определить направление главного удара, могли хорошо осуществлять массирование сил и средств на решающих направлениях, организовывать взаимодействие войск, проводить скрытно, втайне от противника, подготовку операций. Они научились мастерски ставить задачи войскам и проводить необходимое оперативное их построение.

Советские войска хорошо освоили и самую решительную форму наступления – окружение с целью уничтожения крупных группировок противника. Такие операции, как Сталинградская, Курская, Белорусская, Корсунь-Шевченковская, Ясско-Кишиневская, Будапештская, Берлинская, Пражская и другие, вошли золотой страницей в летопись советского военного искусства.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне показала, что военная организация социалистического государства, как и весь социалистический строй, оказалась совершеннее, могущественнее военной организации фашистского государства. Победа над гитлеровской армией знаменовала собой превосходство советской науки, военного искусства над буржуазной военной наукой и военным искусством. Советская стратегия была реалистической, основывалась на глубоком и правильном понимании политической обстановки, и общих условий ведения вооруженной борьбы.

Характерна в этом отношении оценка советского военного руководства, которую дал Франц Гальдер, бывший с сентября 1938 по сентябрь 1942 года начальником генерального штаба германских сухопутных войск и считавшийся одним из крупнейших немецких специалистов: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 году, развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время, как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению. Это постепенное изменение немецкой стратегии, в ходе которого отдельные способные военачальники в 1943 году и далее, в 1944 году успешно провели ряд частных

наступательных операций, не может быть рассмотрено детально. Над этим периодом в качестве приговора стоит слово, высказанное русской стороной в процессе резкой критики действий немецкого командования: порочная стратегия. Это нельзя опровергнуть».

Опыт оперативно-стратегического руководства войсками в годы войны во многом стал достоянием истории. Вооруженные Силы сейчас развиваются в условиях мощного научно-технического прогресса. Но это, полагаю, все же не должно служить поводом для принижения роли полководцев в руководстве военными действиями, в подготовке и проведении операций, о чем иногда прямо или косвенно приходится слышать. Научно-техническая революция внесла много нового в военное дело, в формы и методы руководства войсками. Но говорить, что полководца на поле сражений вытеснил инженер с вычислительной машиной, на мой взгляд, неправомерно. Понятие «полководец» является не просто красивым званием для военачальника или данью прошлому. Оно отражает специфику ведения вооруженной борьбы, показывает, что в ее ходе и исходе играют большую роль одаренные и волевые военачальники.

Значение электронной техники и в военном деле огромно. Сейчас военачальник как никогда подготовлен в научном отношении и умеет пользоваться ею в своей работе. Но вряд ли можно ставить вопрос о полном моделировании боевых действий. Вооруженная борьба – это такая форма отношений, где участвуют две враждебные стороны, и где характер усилий противника может быть постоянно меняющейся величиной со многими неизвестными. При этом, что ни военачальник – особые данные знаний, опыта, характера. И в ходе военных действий они могут также изменяться. Этим, конечно, я не отрицаю ни возможности вычислительной техники, ни ее роли в вооруженной борьбе.

Завершая свою книгу, я хочу отдать должное главному герою Великой Отечественной войны – советскому рядовому бойцу и партизану, младшему, среднему и старшему командному и политическому составу наших славных Вооруженных Сил. Это они, воспитанные и взращенные нашей мудрой Коммунистической партией, ведомые ею, сумели отстоять честь и свободу Родины, изгнать с ее земли фашистских захватчиков, помогли освободиться от них народам Европы. Я восхищаюсь стойкостью и мужеством советских воинов, отвагой и героизмом, проявленными ими на полях сражений, их дисциплинированностью, умением переносить любые трудности, их неисчерпаемой верой в победу.

Своей исторической победой советские люди обязаны

Коммунистической партии. Она мудро вела народ и его армию сквозь все испытания и трудности войны, к полному разгрому фашистской Германии и милитаристской Японии. Она сумела подчинить все материальные и духовные силы страны интересам вооруженной борьбы, обеспечить единство политической и военной стратегии, единство политического и военного руководства в войне. Партия выковала несокрушимую монолитность и величайшую моральную стойкость народа, создавшего невиданный экономический и военный потенциалы страны, что позволило нам с таким блеском решить все задачи войны, с честью отстоять завоевания Великого Октября, свою социалистическую Отчизну. Руководство Коммунистической партии – один из решающих, источников нашей победы в Великой Отечественной войне.

Я счастлив, что являюсь свидетелем нового гигантского скачка в развитии военного дела, наших Вооруженных Сил. Да, выросли они, во многом стали выше, заметен прогресс и в подходе к вопросу управления. «И сегодня наши Вооруженные Силы, – говорит Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, – надежный щит социалистической Родины, гарантия мирного труда народа, строящего коммунизм. Советский народ высоко ценит и любит свою армию, понимая, что, пока существуют на земле силы агрессии, без хорошо оснащенной армии не обойтись».

Коммунистическая партия делает все необходимое, чтобы наши Вооруженные Силы всегда и непременно были на уровне задач защиты социалистической Родины.

Хотелось бы от всей души пожелать личному составу наших героических Вооруженных Сил, с которыми так тесно было связано дело всей моей жизни, весь мой труд, всегда быть верными фронтовым традициям героев Великой Отечественной войны, настойчиво совершенствовать боевую выучку, повышать политическую сознательность, как зеницу ока, беречь самое дорогое, что у нас есть, – нашу славную социалистическую Родину.

Приложение

Памяти маршала Василевского *(И. Г. Баграмян)*

Утром 9 февраля 1945 года мы с группой генералов и офицеров под охраной подразделения автоматчиков пересекли границу Восточной Пруссии. Уже через несколько десятков километров у нас создалось впечатление, будто мы попали в обширное военное поселение. Все деревни и хутора выглядели как маленькие опорные пункты с мощными стенами из дикого камня и красного кирпича, поместья же прусских юнкеров были настоящими крепостями. Так обстраивались обычно конкистадоры-разбойники, захватившие чужую землю. А восточнопрусские помещики и были в действительности потомками настоящих разбойников, которых один из величайших сынов немецкого народа Карл Маркс метко окрестил «псами-рыцарями». Это они в XIII веке пришли на землю мирного литовского племени пруссов с мечом и крестом: одной рукой крестили, а другой – убивали. И вскоре от пруссов осталась память лишь в названии страны да некоторых населенных пунктов и рек. Как раковая опухоль, распространялся вширь германский Тевтонский рыцарский орден. Слишком поздно почувствовали смертельную опасность славянские и прибалтийские народы: вскоре орден стал настолько наглым и мощным, что прогнать его обратно за Одер стало уже невозможным. Не раз славянские и прибалтийские народы наносили «псам-рыцарям» смертельные, казалось бы, удары, как было, например, в великой Битве при Грюнвальде, но на место одних разбойников из Германии спешили другие. Если бы недальновидные польские короли могли только представить в начале XVII века, что объединение разбойничьего гнезда – бывшего Тевтонского ордена с таким же разбойничьим германским княжеством – Бранденбургом – породит королевскую Пруссию, будущего могильщика великой Речи Посполитой, то они не отнеслись бы столь спокойно к этому событию. Но в истории часто так случалось: жертва добровольно вскармливала своего будущего палача. Пруссия сначала по кусочку растаскивала Польшу, а во второй половине XVIII века решила проглотить ее целиком, но вынуждена была поделиться с другими хищниками. Ненасытный аппетит юнкеров-пруссаков толкал их от одной авантюры к другой. И они развязывали новые и новые войны, в которые втягивали большинство европейских государств. И каждый раз, когда пруссакам приходилось

сталкиваться в войнах с русскими войсками, они терпели, как правило, на полях сражений полное поражение.

Когда мы перед выездом в Восточную Пруссию изучали по карте положение сражавшихся там войск, то частенько наталкивались на очень знакомые из военной истории названия городов и деревень. Вот, например, деревушка Гросс-Егерсдорф. Около нее в 1757 году русские войска наголову разбили армию прусского короля Фридриха II. В следующем году пруссаки потерпели поражение у деревни Цорндорф. А деревня Кунерсдорф напомнила о самом сокрушительном поражении прусских войск короля Фрица (Фридриха II) в 1759 году. Считавший себя великим полководцем, Фридрих II при первом же успехе в начавшейся битве послал в Берлин гонцов с вестью о «решительном, разгроме» русских. Но он не учел, что в войнах против русских не следует спешить с выводами, даже если ты добился успеха на первых норах. И он поплатился за это. Берлинцы были обмануты: армия их короля оставила на поле битвы 28 боевых знамен, 172 орудия и 10 тысяч ружей» а от 48 тысяч солдат и офицеров у короля не осталось и 3 тысяч.

Восточная Пруссам явилась полем сражения в годы первой мировой войны. Именно отсюда двинулись 1 сентября 1939 года и поджигатели второй мировой войны. А в сорок первом из Восточной Пруссии вторглась на советскую землю мощная группа армий «Север», принесшая столько бед и страданий народам советской Прибалтики, а также населению Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. С первых дней второй мировой войны Восточная Пруссия превратилась в сплошной концлагерь для военнопленных, стала тюрьмой для юношей и девушек, свезенных из многих европейских стран, и в первую очередь из Советского Союза. И вот теперь, зимой 1945 года, советские воины настигли потомков «псов-рыцарей» в их гнусном разбойничьем вертепе. Неудивительно, что для нас было ненавистно само название этого края и мы были готовы на любые жертвы ради уничтожения этого давнего очага агрессии.

…На командный пункт 3-го Белорусского фронта мы прибыли к вечеру 9 февраля. К счастью, генерал армии И. Д. Черняховский не уехал еще на новый командный пункт в район Растенбурга, и мы смогли согласовать с ним порядок приема 11-й гвардейской, 39-й и 43-й армий. Несмотря на занятость, Иван Данилович встретил меня радушно и помог разобраться в очень напряженной обстановке, которая сложилась к тому времени в Восточной Пруссии. Склонившись над картой, на которой было изображено последнее положение фашистских войск и армий 3-го Белорусского, генерал Черняховский своим звучным, приятным

баритоном образно рассказав, каких усилий стоил прорыв мощного Ильменхорстского укрепленного района, сколько героизма проявили советские воины. Заканчивая свой рассказ, Иван Данилович, приглаживая темную густую шевелюру, сказал:

– Ну а теперь Восточной Пруссии конец… Остатки войск группы армий «Центр», ныне «Север», заперты на Земландском полуострове, блокированы и прижаты к морю в районе Кенигсберга и юго-западнее от него. Таким образом, вся эта группировка рассечена на три изолированных котла: на Земландском полуострове, в Кенигсберге и юго-западнее, в Хейльсбергском укрепленном районе. На Земландском полуострове и в Кенигсберге обороняются войска армейской группы «Земланд», а юго-западнее, в Хейльсбергском укрепленном районе, – четвертая полевая армия. Всего противник имеет тридцать две дивизии, в том числе пять танковых и моторизованных, две боевые группы, одну бригаду, много различных частей спецназначения и части фольксштурма. Вся эта мощная группировка поддерживается значительными силами авиации и военно-морского флота…

Иван Данилович сообщил, что против этих сил действуют войска 43, 39, 11-й гвардейской, 5-й, 2-й гвардейской, 31-й армий 3-го Белорусского, а также войска 3, 48 и 5-й гвардейской танковой армий маршала Рокоссовского.

– В результате прорыва войск Константина Константиновича к побережью залива Фришес-Хафф в районе Эльбинга, – продолжал Черняховский, – путь войскам группы армий «Север» в Германию закрыт. Теперь наша задача – уничтожить ее. На вашу долю досталась Земландская группа войск, блокированная на полуострове и в Кенигсберге, а на долю армий Третьего Белорусского – войска четвертой армии в Хейльсбергском укрепленном районе.

Я спросил Черняховского, как он оценивает возможности тесно прижатых к морю войск группы армий «Север».

Иван Данилович сказал, что, несмотря на большие потери, противник ожесточенно отстаивает каждый рубеж и отступает в относительном порядке, командование группы армий «Север» тоже не теряет управления, и сейчас наступающие армии остановлены хорошо организованной обороной, опирающейся на заранее подготовленные Кенигсбергскую крепость и Хейльсбергский укрепленный район.

У меня не оставалось сомнений, что перед нашими войсками стоит нелегкая задача. Во-первых, группировка врага засела в мощных укреплениях и располагает достаточными силами и средствами, чтобы оказывать нам серьезное сопротивление, и, во-

вторых, все наши армии настолько ослаблены предыдущими боями, что нуждаются в пополнении.

Но у фашистских войск, блокированных в Восточной Пруссии, все же было одно слабое место: их силы на представляли собой компактного ядра, а расчленялись на три изолированные группировки, растянутые вдоль морского побережья от Земландского полуострова до рубежа, лежащего значительно западнее Браунсберга.

Согласившись с этими моими выводами, И. Д. Черняховский сказал:

– Верховный не без оснований опасается, что Рендулич успеет привести свои войска в порядок после длительного отступления и сможет еще более укрепить занятые позиции, если мы дадим ему передышку… Выходит, мы должны не позволить противнику как следует подготовиться к отпору и с ходу разгромить его… В общем, до двадцать пятого февраля нам приказано покончить с дивизиями группы армий «Север». Я отдал приказ своим войскам возобновить наступление с целью завершения разгрома четвертой армии в районе Прейсиш-Эйлау, Вормдитт, Хейлигенбёйль. А вам предстоит заняться армейской группой «Земланд» и Кенигсбергом…

Падение Восточной Пруссии – Победа Маршала Александра Михайловича ВАСИЛЕВСКОГО

Восточно-прусская наступательная операция и падение Кёнисберга

Черняховский перечислил силы, которые он передает мне: 11-ю гвардейскую, 39-ю и 43-ю армии, 1-й танковый корпус, 2-ю гвардейскую артиллерийскую дивизию прорыва, три истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, два гаубичных и два минометных полка, зенитную артиллерийскую дивизию, отдельный зенитный артиллерийский полк, инженерные соединения и отдельные батальоны связи – это то, что отныне составит все силы 1-го Прибалтийского фронта.

Получив от начальника оперативного управления штаба генерал-майора П. И. Иголкина справку о боевом составе и численности передаваемых нам армий, я на следующий день пригласил всех командармов и командира 1-го танкового корпуса к себе. Первым прибыл генерал-лейтенант танковых войск В. В. Бутков. Его корпус прошел в составе нашего фронта с боями всю Белоруссию и Прибалтику и вместе с 39-й армией ушел в Восточную Пруссию. Там, как мне было известно, танкисты Буткова вновь проявили себя блестяще. Василий Васильевич по-военному лаконично ответил на все мои вопросы, но прямо-таки огорошил меня, сказав, что располагает сейчас всего 33

исправными танками. Не успел я закончить беседу с комкором, как адъютант доложил о прибытии генерала К. Н. Галицкого. Командарм степенно вошел в комнату, осторожно притворил за собой дверь и, приблизившись ко мне, строго официально представился:

– Товарищ командующий фронтом! Командующий одиннадцатой гвардейской армией генерал-лейтенант Галицкий прибыл по вашему вызову! Я с интересом вглядывался в сутуловатую фигуру Кузьмы Никитовича, в бледное лицо его, в прищур светлых глаз, выражавших сосредоточенность и целеустремленность, и не увидел в нем особых перемен за прошедшие почти полтора года ни во внешности (если не считать сильно поредевших светлых волос), ни в манере держаться. Он был, как обычно, сдержан, суховат и уверен в себе. Лишь в ответ на мое сердечное приветствие и дружеское рукопожатие Галицкий на мгновение расслабился и заулыбался. Я уважал его за ум и энергию, очень ценил его железную настойчивость в достижении поставленных целей. Поэтому, как помнит читатель, в свое время без колебаний рекомендовал Кузьму Никитовича на пост командующего 11-й гвардейской армией, которая стала мне родной и с которой в ноябре 1943 года я расставался в связи с назначением командующим войсками 1-го Прибалтийского фронта. И я не ошибся: армия под командованием Галицкого упрочила свою боевую славу.

С вполне понятным интересом я расспрашивал Галицкого о боевом составе 11-й гвардейской, о судьбе командиров, которых знал, о многом другом. Кузьма Никитович отвечал мне четко и кратко, как и всегда, когда вел беседу по делам службы. У него было три стрелковых корпуса – 8, 16 и 36-й гвардейские, которые по-прежнему составляли главную ударную силу армии, насчитывавшей к этому моменту около 57 тысяч человек, 600 орудий, 167 противотанковых пушек, 383 станковых пулемета. Соединения 11-й гвардейской охватывали Кенигсберг с юга, юго-востока и востока. И я спросил командарма, готовы ли они перейти в ближайшее время в наступление с целью разгрома фашистов в районе Кенигсберга. Галицкий ответил, недоумевая:

– Но ведь перед нами укрепленный район, настоящая современная крепость! Разве ее возьмешь без подготовки?!

Я пояснил, что наступать будем не на крепость, а против войск, обороняющихся северо-западное в юго-западнее Кенигсберга. По нашему убеждению, полная изоляция гарнизона Кенигсберга лишит его надежды на спасение и максимально ослабит его стойкость в обороне.

Вскоре подъехали командующие 43-й и 39-й армиями.

Генерал Белобородов ворвался радостный и, как всегда, оживленный. Некрупный ростом, но крепко сбитый, он энергично передвигался по комнате, а звонкий голос Афанасия Павлантьевича буквально заполнял ее. Чувствовалось, что он, как и я, искренне рад нашей встрече, тому, что мы вновь будем воевать вместе.

– Очень доволен я, товарищ командующий, – сказал Белобородов, улыбаясь,

– что победу нам, видимо, посчастливится встретить вместе!

Я ответил, что разделяю его радость, но, чтобы ускорить встречу с победой, нам придется немало потрудиться.

– Будем стараться, как всегда! – заверил командарм. Вошедший вслед за Белобородовым командующий 39-й армией И. И. Людников скромно задержался у двери. Когда я двинулся к нему, Иван Ильич сделал несколько энергичных шагов навстречу и, молча сжав мою руку в своей сильной, жилистой ладони, негромко сказал:

– С благополучным прибытием, товарищ командующий!

Я был убежден, что мне повезло: легче руководить войсками, когда знаешь основной командный состав.

У нас состоялся подробный разговор по существу стоящих перед ними задач. Все командующие единодушно заявили, что штурмовать Кенигсберг в таком составе дело явно бесперспективное, хотя бы потому, что в армиях слишком мало сил. Оказалось, в частности, что в 39-й, в которую входили 5,11, 13-й гвардейские, 94-й и 113-й стрелковые корпуса, насчитывалось всего-навсего 52 тысячи человек, 550 орудий и 1097 ручных пулеметов. Еще меньше сил было в 43-й. В ее 54, 90 и 103-м стрелковых корпусах и армейских частях насчитывалось всего 27 тысяч человек, то есть по численности – две-три дивизии, 348 орудии, 172 станковых пулемета и 500 ручных пулеметов.

Больше всего обескураживало почти полное отсутствие танков, без которых нечего было и думать о преодолении мощной обороны врага, тем более что, как мы полагали, он имел немало танков. Как впоследствии выяснилось, в группе «Земланд» их насчитывалось более 250.

Ставка, требуя продолжать наступление, не могла выделить нам нужные для этого силы, так как шесть общевойсковых армий и одну танковую пришлось сосредоточить в составе 3-го Белорусского фронта, которому предстояло разгромить мощную хейльсбергскую группировку.

12 февраля я подписал приказ о вступлении в командование войсками 1-го Прибалтийского фронта нового состава. А в следующие два дня мы объехали все армии и окончательно

убедились, что создать ударную группировку для наступления очень трудно. 43-я и 39-я армии растянули свои дивизии на Земландском полуострове, охватывая Кенигсберг с северо-запада, востока и юго-востока, а 11-я гвардейская блокировала гарнизон Кенигсберга с юга и запада. На долю генерала К. Н. Галицкого выпала довольно сложная роль, так как его армия могла подвергнуться ударам со стороны Кенигсберга и хейльсбергской группировки, если враг предпримет прорыв блокады гарнизона. Нам пришлось поручить пятидесятитысячной армии Галицкого «держать за горло» стотридцатитысячный гарнизон Кенигсберга, а часть сил 39-й и 43-й армий было решено направить на уничтожение почти равной им по численности группы войск, оборонявших западную часть Земландского полуострова.

14 февраля я отдал приказ: генералу К. Н. Галицкому сменить силами своих войск три стрелковые дивизии армии И. И. Людникова на фронте река Прегель, Штибенген и сковать гарнизон Кенигсберга с запада, юга и востока; генералу И. И. Людникову ударом в направлении на Крагау, Таффкен главными силами прорваться на побережье моря в районе Фишхаузен (Приморск), Циммербуде, а частью сил – к крепости-порту Пиллау (Балтийск); генералу А. П. Белобородову создать ударную группировку и, наступая в направлении Норгау, Гермау, выйти на побережье Балтийского моря правее 39-й армии.

К 19 февраля ударные группировки должны были закончить подготовку к наступлению. Времени оставалось мало. И началась привычная кипучая работа: разведка, передислокация войск с целью создания компактных группировок для осуществления прорыва, боевое и материально-техническое обеспечение наступления и масса других мероприятий. Очень трудно оказалось обеспечить скрытность подготовки: местность на подступах к полуострову сравнительно открытая, да и враг развил бурную деятельность, чтобы разгадать наши намерения.

Весь день 18 февраля я провел у Ивана Ильича Людникова. Положение его 39-й армии было особенно трудным. Правым ударным флангом она должна была наступать, а ее центр и левый фланг сами находились под угрозой удара с двух сторон – из Кенигсберга и с Земландского полуострова. Однако создать необходимые резервы на угрожаемых направлениях из-за недостатка сил мы не могли – все, что можно было, стягивалось к участку прорыва.

С мыслью о том, где взять силы для оказания помощи 39-й, я к вечеру возвратился на командный пункт и сразу же пригласил к себе В. В. Курасова, чтобы обсудить с ним эту проблему. Я настолько хорошо изучил своего начальника штаба, что по

выражению его лица понял: случилось что-то из ряда вон выходящее. Так оно и было, Владимир Васильевич, устало опустившись на стул, с болью в голосе сказал:

– Сегодня погиб Иван Данилович…

Война не щадила никого… Черняховский был уже третьим командующим фронтом, которого постигла такая печальная участь. Я был настолько ошеломлен этой трагической вестью, что надолго замолчал, живо вспоминая свою последнюю встречу с генералом Черняховским, его красивое, необыкновенно выразительное лицо, проникновенный взгляд, энергичные жесты, звучный голос.

Оправившись от потрясения, я спросил Курасова об обстоятельствах гибели.

– В районе Мельзака от осколка снаряда, – ответил он. – Подробности пока не известны.

Впоследствии выяснилось, что, когда Черняховский ехал на командный пункт 3-й армии генерала А. В. Горбатова, осколок разорвавшегося неподалеку снаряда пробил навылет его грудь. Спустя три четверти часа Иван Данилович скончался.

Настоятельная необходимость изыскания сил и средств для укрепления левого фланга 39-й армии отвлекла нас от горестных мыслей, вызванных гибелью И. Д. Черняховского. Мы наметили тогда ряд мер для упрочения положения соединений И. И. Людникова, но утром убедились, что противник, получив солидные подкрепления людьми и танками, успел все же упредить нас. В 9 часов позвонил Иван Ильич.

– Полчаса назад, – начал он без предисловий, даже не поздоровавшись, что свидетельствовало о его сильном волнении, – противник начал мощный артиллерийский обстрел боевых порядков левофланговых дивизий. В нем участвуют более сотни артиллерийских и минометных батарей. Огонь ведется одновременно и с полуострова, и из Кенигсберга. Противник определенно попытается деблокировать гарнизон города и восстановить с ним связь по суше. Готовимся к отражению атаки. Прошу помочь авиацией… Обещав командарму немедленно послать самолеты, я потребовал от него перебросить к угрожаемому участку все, что можно. Людников заявил, что усилить левый фланг он может только за счет ослабления ударной группировки, которую готовит для наступления. Пришлось согласиться и на это, чтобы не допустить объединения изолированных друг от друга группировок врага на Земландском полуострове и в Кенигсберге. Командующий 3-й воздушной армией получил задачу ударами бомбардировочной и штурмовой авиации воспрепятствовать наступлению противника.

В одиннадцатом часу командарм 39-й доложил, что час назад более трех пехотных полков при поддержке 60 танков начали атаку из Кенигсберга и свыше трех пехотных дивизий при поддержке сотни танков – с Земландского полуострова. Когда мы подсчитали соотношение сил, то оказалось, что враг в полосе своего наступления имеет больше людей, чем обороняющиеся, и абсолютно превосходит их в танках. Несмотря на большие потери, понесенные от нашей авиации, гитлеровцам все же удалось вклиниться в расположение 39-й армии и захватить ряд населенных пунктов. Обе ударные группировки врага продолжали медленно сближаться. Только решительные меры могли сорвать замысел Рендулича.

Я передал в подчинение Людникова 54-й стрелковый корпус 43-й армии и приказал ему подготовить контрудар, чтобы восстановить положение. Одновременно генералу Папивину была поставлена задача всеми своими силами поддержать контрудар. В ходе его подготовки нам стало известно о назначении командующим войсками 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Значит, Ставка считает разгром восточнопрусской группировки врага одной из первостепенных и неотложных задач. Я искренне радовался этой вести, так как за многие месяцы совместной с Александром Михайловичем работы в Прибалтике сердечно привязался к этому мудрому, многоопытному и тактичному человеку.

Как мы ни торопились с нанесением контрудара, фашистские дивизии, наступавшие из Кенигсберга и с полуострова навстречу друг другу, успели соединиться и сразу же создали фронтом на северо-восток барьер из танков. Поэтому удар 54-го стрелкового корпуса натолкнулся на прочную оборону, опиравшуюся на эту стальную стену. И фашистам удалось сохранить связь между обеими группировками войск по суше.

Всесторонне проанализировав сложившуюся обстановку, мы пришли к убеждению, что вновь отсечь гарнизон Кенигсберга от главных сил группы «Земланд» без значительного усиления наших войск вряд ли удастся. Было вместе с тем понятно, что из-за явного превосходства врага в пехоте и артиллерии и особенно в танках отпадает и возможность в ближайшем времени успешного штурма такой первоклассной крепости, какой был Кенигсберг с его мощными фортами и многочисленным гарнизоном. К тому же и наступление 3-го Белорусского фронта против хейльсбергской группировки проходило, как говорится, со скрипом и не сулило скорой победы. При такой ситуации невольно напрашивалось два решения: либо усилить наш фронт значительным количеством резервов и создать этим реальные

предпосылки для успешного выполнения поставленной задачи, либо объединить руководство войсками двух фронтов для последовательного разгрома всех сил противника, противостоявших их войскам, по частям.

Руководствуясь этими соображениями, я позвонил 21 февраля в Москву. Генерал А. И. Антонов выслушал меня и сообщил, что вопрос уже обсуждался в Генеральном штабе и Ставке и что после доклада об этом Верховному Главнокомандующему принято решение объединить руководство войсками двух фронтов, с тем чтобы можно было маневрировать силами и средствами с целью сосредоточения их сначала для разгрома хейльсбергской группировки, а затем для штурма Кенигсберга, после чего завершить боевые действия в Восточной Пруссии ликвидацией противника в западней чести Земландского полуострова.

В ночь да 22 февраля мы получили директиву Ставки, согласно которой 1-й Прибалтийский фронт упразднялся, а его армии, получившие наименование Земландской группы войск, включались в состав 3-го Белорусского фронта. Я был назначен командующим этой группой войск и одновременно заместителем командующего войсками 3-го Белорусского фронта.

Поскольку в директиве ничего не говорилось о дальнейших задачах войск Земландской группы, утром 22 февраля я поспешил к маршалу А. М. Василевскому. Я застал его на КП фронта целиком поглощенным изучением обстановки. Однако принял он меня со свойственной ему доброжелательностью, внимательно выслушал мой доклад о сложившейся в районе Кенигсберга обстановке и о боевом составе подчиненных мне армий. Я еще раз убедился в способности А. М. Василевского мгновенно схватывать существо оперативной ситуации. Всего сутки миновали, как маршал вступил в командование войсками, однако он уже успел увидеть главную причину резко замедлившихся темпов наступления в Восточной Пруссии. Выслушав меня Александр Михайлович сказал:

– Не следует забывать азбучную истину оперативного искусства – быть везде сильнее противника невозможно. Для этого надо обладать значительным общим превосходством в силах. Но это уже к военному искусству отношения не имеет. Наша задача – при общем незначительном превосходстве добиться подавляющего превосходства на тех направлениях, где мы собираемся разделаться с противником в первую очередь. А это значит, что мы должны уничтожить группу армий «Север» по частям: сначала навалимся на главную группировку в Хейльсбергском укрепленном районе, а затем – на группировки, засевшие на Земландском полуострове и в Кенигсберге. –

Подумав несколько мгновений, А. М. Василевский добавил: – Я полагаю, что после разгрома врага в районе Хейльсберга мы сосредоточимся на Кенигсберге. После падения этой крепости противнику трудно будет удержаться и на Земландском полуострове. Такой именно план я и предложу товарищу Сталину. Если Верховный одобрит его, то придется сделать оперативную паузу, чтобы сначала сосредоточить все, что можно, против хейльсбергской группировки, хорошенько подготовить удар и осуществить его в стремительном темпе.

Воспользовавшись паузой, я попросил маршала уточнить дальнейшие задачи войск Земландской группы.

– Вы торопитесь, Иван Христофорович, – улыбнулся А. М. Василевский. – Какие же новые задачи я могу поставить, если ваши армии мне пока не подчинены? Ведь они пойдут в мое подчинение только с двадцать четвертого февраля… – И уже серьезным тоном он решительно добавил – Пока приводите войска в порядок, накапливайте боеприпасы, укрепляйте занимаемые рубежи, а двадцать пятого я объявлю свое окончательное решение.

Как я и ожидал, Ставка согласилась с предложениями командующего фронтом: сосредоточить основные усилия фронта на разгроме группировки противника, прижатой к морю к юго-западу от Кенигсберга, а остальные его силы блокировать, пока не настанет и их черед. В связи с этим А. М. Василевский отдал мне приказ перейти на всем фронте к обороне, а значительную часть нашей артиллерии и авиации привлечь к участию в наступлении в районе Хейльсберга.

26 февраля я подписал директиву о переходе 39-й и 43-й армий к обороне. Генералам И. И. Людникову и А. П. Белобородову было приказано вести активную разведку, организовать инженерное оборудование местности, подготовить огневые позиции артиллерии и минометов, отрыть траншеи с блиндажами, укрытиями, дзотами, а также прикрыть их полосой проволочных и минных заграждений.

Вспоминая тот ущерб, который был нанесен войскам 39-й вражескими танками, особый упор мы делали на оборудование противотанковых опорных пунктов. В корпусах и дивизиях было решено создать сильные общевойсковые и противотанковые резервы. Словом, делалось все, чтобы лишить гитлеровцев малейшего шанса на успех в их вылазках против наших армий. А ожидать этого следовало, поскольку нетрудно было предположить, что сильная группировка фашистских войск, блокированных на Земландском полуострове и в Кенигсберге, попытается помочь войскам 4-й армии, когда главные силы

нашего фронта обрушатся на нее.

И потекли дни, заполненные поездками по частям, хлопотами по укрытию войск, мероприятиями по дезинформации вражеского командования. Нам было крайне выгодно, чтобы оно приняло наши перегруппировки за подготовку к наступлению, поэтому мы намеренно открыто демонстрировали «концентрацию» войск в отдельных районах. Таким образом, после непрерывных ожесточенных боев в Восточной Пруссии установилось временное затишье. А. М. Василевский, осуществляя свой замысел, в глубокой тайне готовил новый мощный удар по району Хейльсберга. Все, что можно было, маршал забрал у нас для участия в наступлении. В первых числах марта он, вызвав меня на свой командный пункт, сказал:

– Надо, Иван Христофорович, и вашим войскам принять посильное участие в разгроме хейльсбергской группировки.

– Но ведь армиям уже отдан приказ перейти к обороне, – недоуменно заметил я. – Значит, этот приказ отменяется и нам снова надо начинать готовить наступательную операцию?

– Решение о переходе к прочной обороне остается в силе, – успокоил меня маршал, – но вот на левом фланге армии Галицкого вы должны провести частную операцию против левого фланга хейльсбергской группировки, чтобы сковать имеющиеся там резервы. Даже это, несомненно, будет содействовать общему успеху. Словом, продумайте и доложите мне, какие силы от одиннадцатой гвардейской можно будет привлечь к участию в наступлении.

Посоветовавшись с генералом К. Н. Галицким, мы решили выделить для участия в наступлении 36-й гвардейский стрелковый корпус. Я доложил о наших возможностях А. М. Василевскому, и он 4 марта издал директиву, предписывающую этому корпусу разгромить бранденбургскую группировку фашистов, овладеть городом Бранденбург, одноименным с находящимся в собственно Германии и лежащим на побережье к юго-западу от Кенигсберга. Ответственность за подготовку и проведение этой операции я возложил на генерала К. Н. Галицкого и командира корпуса генерал-лейтенанта П. К. Кошевого. Но я ни на минуту не забывал, что эта частная операция является лишь краткой прелюдией к предстоящему штурму Кенигсберга, над замыслом которого мы уже глубоко задумывались. Прежде всего нам надо было определить состав сил, необходимых для непосредственного участия в этом штурме. Поскольку с юга и юго-востока Кенигсберг охватывали соединения 11-й гвардейской армии, ее участие в штурме было само собой разумеющимся. С северо-востока и северо-запада

город блокировала 39-я армия. Я был настроен предоставить и ей возможность участвовать в штурме, зная, что Иван Ильич Людников мечтает об этом, стремясь взять реванш за последнюю неудачу, когда его дивизии не сумели удержать коммуникации, связывающие кенигсбергскую и земландскую группировки врага. Но сил этих двух армий для штурма крепости со стотридцатитысячным гарнизоном было мало. 43-ю к участию в штурме в тогдашних условиях привлечь было невозможно. Она сковывала фашистские войска на Земландском полуострове.

7 марта определилась и третья армия, которую можно было привлечь к штурму крепости. А. М. Василевский сообщил мне о своем решении вывести из боя 50-ю и передать ее в состав Земландской группы войск. При этом он попросил подумать, на каком участке внешнего обвода Кенигсберга ввести ее в дело. Я и В. В. Курасов недолго размышляли над этим. Зная, что армия, только что вышедшая из боя, весьма ослаблена, я без колебаний решил ввести ее корпуса между 39-й и 11-й гвардейской, которым, по нашим предварительным наметкам, предстояло нанести основные рассекающие удары по Кенигсбергу с северо-запада и юга. На долю новой армии выпадала роль связующего звена между этими объединениями. Главная ее задача – совместно с 39-й армией основными силами нанести удар с северо-запада, а частью сил сковывать противостоящего врага с востока, не позволяя ему перебрасывать силы и средства против главных ударов группировок.

Общие соображения по замыслу штурма, который был условно назван операцией «Земланд», мы с Курасовым доложили А. М. Василевскому. Несмотря на большую занятость подготовкой удара по хейльсбергской группировке, он нашел время для разработки замысла и плана штурма Кенигсберга. Выслушав наши предложения по группировке сил, маршал неожиданно для меня предложил на направлении главного удара поставить 43-ю армию. Меня несколько удивило такое решение: ведь 39-я уже находилась на северо-западных подступах к Кенигсбергу, а 43-ю нужно было перебрасывать с правого крыла фронта в центр. Я, естественно, выразил сомнение, обоснованна ли такая перегруппировка. Ведь 39-я армия хорошо проявила себя во всех предыдущих наступательных операциях. Об И. И. Людникове, насколько я знал, А. М. Василевский был самого высокого мнения. Так в чем же дело?

– При подготовке штурма, – разъяснил маршал, – мы должны учитывать малейшие психологические нюансы. Вы помните, что произошло девятнадцатого февраля?

Я понял, что Александр Михайлович напоминает о досадной

неудаче 39-й армии, войска которой не смогли помешать гарнизону Кенигсберга соединиться с группировкой войск на Земландском полуострове, и подтвердил:

– Да, конечно, помню.

– Думаю, что и в тридцать девятой эту неудачу не забыли. И конечно, нужно учесть, что доля неуверенности в своих боевых возможностях после этого в армии осталась. Войскам сорок третьей подобную неудачу, к счастью, пережить не пришлось. Вот почему я решил главную роль в штурме Кенигсберга наряду с одиннадцатой гвардейской предоставить ей. Имейте в виду, Иван Христофорович, что по мере разгрома хейльсбергской группировки противника я буду иметь возможность передать в состав вашей группы одну-две армии со средствами их усиления. Первой такой армией, вероятнее всего, будет вторая гвардейская генерала Чанчибадзе, которую необходимо выдвинуть на правое крыло ваших войск, что существенно облегчит смену и сосредоточение соединений и частей сорок третьей для штурма Кенигсберга с северо-запада.

Я, конечно, тут же согласился с таким решением.

Прощаясь, маршал порадовал меня сообщением, что к обеспечению штурма Кенигсберга он рассчитывает привлечь всю авиацию, действующую в Восточной Пруссии: 1-ю и 3-ю воздушные армии, военно-воздушные силы Балтийского флота, соединения 18-й воздушной армии. В целом это составляло почти две с половиной тысячи самолетов! Кроме того, Александр Михайлович сказал мне, что в разрушении фортов крепости участие примет сверхмощная артиллерия РГК, вплоть до 305-миллиметрового калибра.

Так в первой декаде марта началась кропотливая работа Военного совета и штаба Земландской группы войск по подготовке штурма Кенигсберга. Все основные заботы по решению этой нелегкой задачи легли на нас, поскольку А. М. Василевский и его штаб в марте были целиком заняты операцией по ликвидации группировки врага в районе Хейльсберга. Объем работы по подготовке новой операции по сравнению с прежними был значительно большим. К тому же нам предстояло решить ряд проблем, которые прежде не возникали, так как за всю войну нам еще не приходилось осуществлять штурм такого крупного города-крепости, каким являлся Кенигсберг, и удержанию которого Гитлер придавал особое значение. Одним из самых сложных был вопрос подготовки войск, поскольку им предстояло прорывать оборону, насыщенную такими инженерными сооружениями, как форты, многочисленные доты, крупные и особо прочные здания, приспособленные к обороне, всевозможные хитроумные

препятствия для боевой техники и пехоты. Немалые трудности надо было преодолеть и при обучении командного состава. В городе трудно ориентироваться, есть постоянная опасность столкновения между своими же войсками, сложно поддерживать взаимодействие между наступающими частями и поддерживающими их средствами. Для того чтобы войска уверенно и со знанием дела шли на штурм крепостных укреплений, необходимо было построить подобные им сооружения в нашем тылу и на них практически тренировать части и соединения.

Для лучшей ориентировки командного состава усилиями операторов, топографов и инженеров был создан макет (в масштабе 1: 3000), на котором подробнейшим образом была обозначена вся система оборонительных и крепостных сооружений как на внешнем, так и внутреннем обводе города, с указанием группировки войск противника, системы огня из всех видов оружия, обозначением противопехотных и противотанковых заграждений и наиболее подготовленных к обороне городских кварталов и отдельных крупных зданий. Особенно четко были показаны крепостные форты. Кроме того, был подготовлен и размножен в нужном количестве план города с единой нумерацией кварталов и всех важных объектов. Макет обеспечивал такое четкое и рельефное зрительное восприятие Кенигсберга, что я 9 и 10 марта с удовольствием знакомил на нем командующих армиями, командиров корпусов и дивизий с задачами войск в предстоящем штурме.

Иногда создавалось такое впечатление, будто мы и в самом деле шагаем по предместьям и по улицам города и внимательно разглядываем места, где скоро должны во что бы то ни стало проложить себе дорогу наши войска.

Хотя эта крепость строилась задолго до этой войны и несколько устарела, но гитлеровское командование за последние годы модернизировало ее, а город тщательно подготовило к отражению штурма. Оборона Кенигсберга состояла из трех рубежей. Костяком первого из них, оборудованного в 6–8 километрах от центра города, являлись 15 старинных, необычайно прочных фортов. Чтобы не быть голословным, забегая вперед, скажу, что по фортам № 5 и № 5а было выпущено по 500–600 снарядов из наших самых мощных орудий (203– и 280-миллиметровых), но разрушить их так и не удалось. Между фортами были построены доты и другие железобетонные оборонительные сооружения. И все это было связано несколькими линиями траншей. Подступы к первому рубежу прикрывались системой противотанковых и противопехотных заграждений:

противотанковым рвом, минными полями и проволочными заборами. Правда, на макете противотанковый ров выглядел безобидной канавкой, но в действительности же она, эта «канавка», была шириной 10 и глубиной 3 метра, с кирпичными стенами, и могла стать могилой как для танков, так и для пехоты, поскольку была заполнена водой. Каждый форт – это выступающее вперед и развернутое по фронту шестиугольное сооружение (360Х180 м), окруженное противотанковым рвом и земляным валом и имеющее четыре капонира: один – впереди, два – по бокам и один – с тыла. Они соединены между собой подземными ходами сообщения – потернами, трехметровые стены капониров сложены из кирпича и скрыты под толщей земли. В центре форта – трехэтажное кирпичное сооружение, укрытое толстым слоем земли, на котором успели вырасти большие деревья.

Видя на макете, как сеть линий, обозначивших направления огня артиллерии и пулеметов, укрытых в капонирах и дотах, густо перекрещивалась на подступах к фортам, мы серьезно задумывались над тем, как обезопасить от этой угрозы штурмующую пехоту. Второй оборонительный рубеж проходил по окраинам города. Основой его являлись особо прочные, приспособленные к обороне каменные здания, баррикады и доты.

Он усиливался также многочисленными ирригационными каналами. Третий рубеж опоясывал центральную часть старого города и включал в себя девять старинных фортов и наиболее мощные, приспособленные к обороне каменные постройки. А в самом центре города, на высоком берегу реки Прегель, господствуя над городом и окрестностями, громоздился старинный королевский замок, в котором засело несколько тысяч самых оголтелых фашистов. Здесь Кенигсберг был сплошь перегорожен баррикадами, завалами, опорными пунктами и узлами сопротивления. На всех площадях, перекрестках, в скверах и парках были сооружены доты, закопаны танки и штурмовые орудия. Во всех этих фортах, капонирах, дотах, в укрепленных зданиях и других оборонительных сооружениях засело 130 тысяч гитлеровцев, готовых сражаться до последнего патрона. Не следует забывать при этом, что это огромное войско располагало помимо всего прочего четырьмя тысячами единиц артиллерии и более чем сотней танков и штурмовых орудий.

На макете яркой красной краской были обозначены участки прорыва на направлениях ударов войск 43, 50 и 11-й гвардейской армий, на плечи которых ложилась почетная, но неимоверно трудная миссия – штурмовать город-крепость. Существо замысла операции заключалось в следующем – рассечь оборону

Кенигсберга мощными и стремительными встречными ударами с северо-запада и юга. С северо-запада должны были нанести удар войска 43-й и два корпуса 50-й армии, с юга – основные силы 11-й гвардейской. В центре города, на северном берегу реки Прегель, им надлежало встретиться. С востока сковывающие удары на широком фронте наносили дивизии 69-го стрелкового корпуса 50-й армии. В то время пока эти три объединения будут дробить на части Кенигсбергский «орешек», другие три армии – 2-я гвардейская (она прибыла в состав нашей группы значительно позднее), 5-я и 39-я – наступлением на Земландском полуострове отбрасывали войска группы «Земланд» к морю, в общем направлении на Пиллау, обеспечивая внешний фронт окружения Кенигсбергского укрепленного района.

Примерно к середине марта командный состав армий, участвовавших в штурме, уже знал в общих чертах свои задачи. Командармы начали подготовку войск к предстоящей операции.

12 марта, когда главные силы фронта под командованием маршала А. М. Василевского уже заканчивали подготовку к мощному удару по хейльсбергской группировке немцев, генерал К. Н. Галицкий доложил мне, что 36-й гвардейский стрелковый корпус готов к наступлению на Бранденбург. Я сразу же поспешил в это соединение. Командир корпуса генерал-лейтенант Петр Кириллович Кошевой сообщил, что в его полосе наступления обороняются остатки моторизованной дивизии СС «Великая Германия», несколько пехотных полков и спецчастей из Прибалтики. У них было свыше 30 танков. Разгромить эту группировку предстояло 16-й и 18-й гвардейским стрелковым дивизиям.

Убедившись, что наступление подготовлено всесторонне, я доложил об этом маршалу Василевскому. 13 марта он сообщил мне, что, несмотря на моросящий дождь и плохую видимость, войска фронта начали наступление против хейльсбергской группировки. Я проинформировал его, что мы тоже не отстаем: в 12 часов 40 минут части 16-й гвардейской стрелковой дивизии вторглись в оборону противника, овладели деревней Вердинген и перерезали шоссе, связывающее Бранденбург с Кенигсбергом, но, поскольку вражеские части беспрерывно контратакуют, наступление застопорилось.

– Принимайте меры и завтра доложите о результатах, – спокойно распорядился А. М. Василевский.

Обсудив создавшееся положение, мы решили нарастить удар силами 88-й гвардейской стрелковой дивизии. Галицкий приказал Кошевому ввести ее в бой для ускорения выхода к реке Фришинг, которая прикрывала подступы к Бранденбургу, и для

форсирования ее с ходу. Ввод этого соединения в бой помог сломить сопротивление гитлеровцев, и они отступили к реке Фришинг. Наши дивизии приступили к ее форсированию.

Убедившись, что генералы К. Н. Галицкий и П. К. Кошевой делают все необходимое, чтобы сломить сопротивление врага, я снова сосредоточил свое внимание на подготовке штурма Кенигсберга. К этому времени мы уже заканчивали разработку основных документов плана операции.

Всю операцию намечалось провести в три этапа: в ходе первого – завершить подготовку; на втором – прорвать первый оборонительный рубеж и войскам 43-й и 50-й армий выйти на рубеж Поерштиттен, Клейн Хейдекруг, а 11-й гвардейской – на рубеж Шенфлис, Понарт, Кальген; на третьем – осуществить штурм самого города. Задачи второго этапа планировалось решить за одни сутки, а третьего – за четверо суток. Таким образом, на весь штурм Кенигсберга отводилось 5 дней.

В ходе подготовки операции «Земланд», которую предполагалось осуществить до конца марта, мы решили провести целый ряд сложных мероприятий. Надо было прежде всего полностью вскрыть характер обороны противника и группировку его войск в Кенигсбергском укрепленном районе, активными действиями улучшить исходный рубеж, с которого соединениям предстояло перейти в наступление, полностью завершить подготовку войск 39, 43, 50 и 11-й гвардейской армий к предстоявшей операции и в тайне от противника занять исходное положение для штурма Кенигсберга, скрытно вывести передаваемые в состав нашей группы войск 5-ю и 2-ю гвардейскую армии в полосы их наступления, довести численность дивизий до 3000–3600 человек. Следовало также обеспечить аэродромами нашу многочисленную авиацию, организовать всестороннее боевое и материально-техническое обеспечение операции, осуществить мероприятия по дезориентированию противника. За трое-четверо суток до начала штурма намечалось провести предварительную артиллерийскую и авиационную подготовку с целью разрушения мощных фортов. Надо было готовить силы и для преследования на случай, если до начала штурма обнаружится отход противника.

Начало штурма, как и указывалось Ставкой, было намечено через 8–10 дней после ликвидации хейльсбергской группировки противника, чтобы использовать часть высвобождающихся после этого сил.

С проектом плана операции «Земланд» я и В. В. Курасов прибыли 15 марта к А. М. Василевскому. Маршал со скрупулезностью рассмотрел каждый документ. Серьезных

расхождений во мнениях проект плана не вызвал. Прежде чем окончательно утвердить его, А. М. Василевский на следующий день послал докладную И. В. Сталину, в которой изложил существо плана операции «Земланд» и высказал просьбу о выделении дополнительного вооружения, боевой техники и боеприпасов.

Возвратившись в штаб своей группы войск, я с удовлетворением узнал, что наступление корпуса генерала Кошевого развивается успешно: бои идут уже за Бранденбург. Вечером 17 марта позвонил А. М. Василевский.

– План операции, – сообщил он, – утвержден Ставкой. Разгром хейльсбергской группировки приказано закончить не позднее двадцать второго, а операцию «Земланд» начать не позднее двадцать восьмого марта. Так что до двадцатого заканчивайте наступление корпуса Кошевого и сразу же перебрасывайте его к Кенигсбергу.

Итак, времени оставалось в обрез. Надо было спешить, и прежде всего ускорить завершение прорыва к морю в районе Бранденбурга. Задачу свою корпус П. К. Кошевого, фактически, уже выполнил: с 13 по 18 марта его соединения захватили 40 населенных пунктов, в том числе Бранденбург. Командующий 4-й немецкой армией так и не смог снять из района Бранденбурга ни одного полка. 20 марта К. Н. Галицкий доложил, что соединения генерала Кошевого вышли на побережье залива Фришес-Хафф. Теперь без помех можно перебрасывать 36-й гвардейский к Кенигсбергу. В этот день Ставка продлила подготовку операции еще на несколько дней. А. М. Василевский сообщил, что И. В. Сталин разрешил начать предварительную артиллерийскую и авиационную подготовку штурма в первых числах апреля. Он сказал также, что выводит 2-ю гвардейскую армию и направляет ее к нам для участия в наступлении на Земландском полуострове.

23 марта В. В. Курасов доложил о завершении работы по созданию штурмовых отрядов и групп в 11-й гвардейской, 43-й и 50-й армиях. В каждом стрелковом полку был подготовлен один штурмовой отряд, в состав которого, как правило, включались стрелковый батальон, саперная рота, огнеметный взвод, танковая рота, взвод 76-миллиметровых орудий, батарея 120-миллиметровых минометов, орудия крупного калибра либо самоходки. В батальонах штурмовые группы состояли из стрелковой роты, саперного взвода, отделения огнеметов, отделения химиков, двух противотанковых орудий, двух орудий дивизионной артиллерии и двух-трех танков. Стрелковые взводы штурмовых отрядов и групп имели на вооружении противотанковые гранаты, дымовые шашки, «кошки» с веревками

для подрыва мин натяжного действия, ножницы, топоры, термические шары с горючей смесью. Каждый боец группы имел шесть гранат. Словом, воины были обеспечены всем, что нужно для ведения боя в укрепленном районе и в городе.

Однако создание и оснащение штурмовых подразделений – лишь половина дела. Их надо было еще сколотить, практически натренировать в учебных городках, под которые мы спешно приспособили ранее занятые оборонительные сооружения и многие заброшенные поместья, похожие на крепости.

В эти дни у нас побывал Главный маршал авиации А. А. Новиков. Он подтвердил, что к обеспечению штурма Кенигсберга будет привлечена вся авиация, имеющаяся в Восточной Пруссии. Координацию действий трех воздушных армий (1, 3 и 18-й) он взял на себя, что весьма облегчало мою задачу. В связи с тем, что штаб 1-й воздушной армии в это время был целиком занят ликвидацией вражеского гнезда в районе Хейльсберга, основную работу по планированию боевого применения авиации в операции «Земланд» пришлось выполнять штабу 3-й воздушной армии. Я заверил Новикова в том, что этот штаб, возглавляемый очень опытным генералом Н. П. Дагаевым, успешно справится с данной задачей.

Боевое применение авиации было одним из наиболее важных и сложных вопросов подготовки операции не только потому, что воздушный щит Кенигсберга – это 450 стволов зенитной артиллерии и около сотни истребителей, но и потому, что решено было привлечь к участию в штурме три воздушные армии, авиацию Балтийского флота и два авиационных корпуса РГК. Всего насчитывалось 1124 бомбардировщика (в том числе 192 ночных – По-2), 830 истребителей, 470 штурмовиков и 20 торпедоносцев. Наиболее мощной по составу была 1-я воздушная армия, которой командовал тридцатичетырехлетний генерал-полковник Т. Т. Хрюкин. В ее составе было более 40 процентов всех участвовавших в операции самолетов. Остальными авиационными объединениями командовали: 3-й воздушной армией – уже известный читателю генерал-полковник Н. Ф. Папивин, 18-й воздушной армией – Главный маршал авиации А. Е. Голованов, 5-м гвардейским бомбардировочным корпусом – генерал-лейтенант В. А. Ушаков, 5-м бомбардировочным корпусом – генерал-майор М. Х. Борисенко, авиацией флота генерал-полковник М. И. Самохин. За исключением морской авиации, которая предназначалась для срыва морских перевозок, остальные военно-воздушные силы нацеливались главным образом на авиационное обеспечение штурма Кенигсберга и наступления 39, 5 и 2-й гвардейской армий на Земландском

полуострове.

Таким образом, около двух с половиной тысяч боевых самолетов надо было «разместить» на клочке кенигсбергского неба. Это требовало напряженной, кропотливой работы по согласованию действий такого огромного числа боевых машин, входивших в совершенно самостоятельные авиационные объединения, не только между собой, но и, главное, с наземными войсками. И руководство этой работой целиком легло на опытнейшего нашего авиационного военачальника – командующего советскими Военно-Воздушными Силами Главного маршала авиации А. А. Новикова. Основной опорой его в этом деле на первых порах явился штаб 3-й воздушной, а накануне штурма – и 1-й воздушной армии.

Особенно много времени пришлось уделить организации штурмовых действий авиации в черте Кенигсберга. Это была, пожалуй, наиболее сложная задача, потому что до этого нам еще не приходилось так массированно применять авиацию по объекту, подобному Кенигсбергу. Для нанесения ударов в черте города создавалась авиагруппа в составе шести штурмовых авиационных дивизий, которыми командовали генерал-майоры В. И. Шевченко, С. С. Александров, полковники П. М. Кучма, Д. С. Прутков, Ф. С. Хатминский и подполковник К. П. Заклепа. Действия этих соединений А. А. Новиков планировал особенно тщательно, так как их удары должны были прийтись на всю тактическую глубину обороны противника двумя эшелонами: первым – на глубину до двух километров, вторым – до четырех и более. Придавая важное значение действиям штурмовой авиации, Новиков впервые, пожалуй, в таком большом масштабе привлек к этому истребители: 200 машин этого типа предназначались для постоянного использования в качестве штурмовиков, а остальные истребители могли привлекаться по мере необходимости.

До начала штурма авиаторы наряду с ведением разведки должны были прикрывать от ударов с воздуха наземные войска, препятствовать подвозу гитлеровцами в Кенигсберг пополнения и воинских грузов, парализовать деятельность военно-морской базы в Пиллау. Предполагалось также провести двухдневную предварительную авиаподготовку штурма с целью разрушения фортов и других основных оборонительных сооружений перед фронтом 11-й гвардейской и 43-й армий, вывода из строя аэродромов и уничтожения фашистской авиации. За двое суток предусматривалось 5316 самолетовылетов, в ходе которых на головы гитлеровцев в районе Кенигсберга должно было обрушиться 2690 тонн бомб.

В первый день наступления перед началом штурма 406

мощных бомбардировщиков и 133 истребителя с бомбами на борту должны были первой огневой волной прокатиться по вражеским позициям, расчищая путь атакующим войскам. А как только отряды двинутся вперед, дорогу им будут готовить несколько сотен штурмовиков и истребителей, вооруженных бомбами.

На прикрытие этой мощной армады бомбардировщиков и штурмовиков от ударов с воздуха А. А. Новиков выделил три авиационные истребительные дивизии, а остальные соединения истребителей должны были преграждать путь фашистской авиации в район штурма. В первый день наступления предусматривалось 4124 самолетовылета.

Следует указать, что все вопросы участия авиации в штурме Кенигсберга перед докладом маршалу А. М. Василевскому на окончательное утверждение А. А. Новиков предварительно согласовывал со мной как командующим Земландской группой войск.

В районе Кенигсберга намечалась, таким образом, одна из самых крупных воздушных операций. И не могу не отметить с восхищением, что спланирована она была блестяще. Изучение плана боевого применения авиации при подготовке штурма Кенигсберга и в ходе его доставляло глубокое удовлетворение. Все мы думали тогда о том, как бы облегчилась неимоверно трудная задача наземных войск, если бы этот грандиозный план удалось осуществить в полной мере.

В тесном сотрудничестве с авиаторами генерал Н. М. Хлебников со своим штабом и штабом артиллерии фронта разрабатывал план боевого применения артиллерии. Для участия в обеспечении штурма А. М. Василевский разрешил привлечь все артиллерийские средства, которые было можно стянуть в район Кенигсберга. В результате набралось около 5 тысяч орудий и минометов и 300 установок реактивной артиллерии. Народный комиссар Военно-Морского Флота Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов прислал в наше распоряжение 5 морских железнодорожных батарей, в составе которых было 15 дальнобойных орудий. Некоторые из них могли вести огонь на 34 километра. Мы рассчитывали с их помощью воспрепятствовать эвакуации гарнизона города по Кенигсбергскому морскому каналу.

Особенно нас обнадеживал тот факт, что почти половину артиллерии составляли орудия крупных калибров, в том числе и от 203 до 305 миллиметров. Н. М. Хлебников предложил следующий план использования этой грозной ударной силы: за четыре дня до начала штурма осуществить огневую разведку

целей, вскрытие (снятие земляного покрытия) фортов и других оборонительных сооружений и их разрушение; за два-три часа до начала штурма провести непосредственную артиллерийскую подготовку с целью разрушения уцелевших сооружений и уничтожения огневых средств и живой силы; с началом штурма сопровождать огневым валом атаку пехоты и танков до захвата первого оборонительного рубежа. Всю полковую и дивизионную артиллерию и часть орудий крупных калибров мы решили распределить по штурмовым отрядам и группам.

Самая, пожалуй, трудная миссия выпала на этот раз на долю начальника инженерных войск генерала В. В. Косырева. Ведь в обеспечении преодоления таких укреплений, которые были созданы вокруг города и в самом городе, инженерные войска должны были сыграть не менее важную роль, чем авиация и артиллерия. Силы были выделены немалые: десять инженерно-саперных, три штурмовые инженерно-саперные, две моторизованные инженерные и одна понтонная бригады. И это не считая тех штатных саперных подразделений, которые имелись в корпусах и дивизиях. Значительную часть этих сил пришлось включить в состав 26 штурмовых отрядов и 104 групп. Инженерным войскам предстояла гигантская работа как в период подготовки штурма, так и в его ходе. Помимо проведения тщательной инженерной разведки обороны противника надо было подготовить массу дорог, мостов в колонных путей, достроить пункт базирования торпедных катеров на побережье Земландского полуострова, эстакады для спуска бронекатеров, доставленных по железной дороге на реку Прегель, выбрать исходный плацдарм для войск, предназначенных для штурма города, преодолеть под огнем противника сотни проходов в минных и проволочных заграждениях. С началом штурма инженерные войска должны были разминировать и восстанавливать пути для продвижения танков, артиллерии и других видов боевой техники, а затем разминировать улицы города и построить переправы через реку Прегель и многочисленные глубокие каналы. И вся эта работа была тщательно спланирована и своевременно выполнена.

Важная роль принадлежала и химическим войскам, боевое применение которых планировал генерал-майор М. Ф. Доронин со своим отделом. Для обеспечения штурма было выделено три батальона химической защиты, семь отдельных огнеметных батальонов, рота фугасных огнеметов и пять отдельных рот ранцевых огнеметов. Огнеметные подразделения были распределены по штурмовым отрядам и штурмовым группам.

Трудно было в эти дни начальнику связи штаба Земландской

группы войск, который обеспечил управление наступающими войсками хорошо разветвленной и надежной связью. Из района Норгенена можно было поддерживать устойчивую связь со штабами армий по радио, телефону, телеграфом, самолетами и автомашинами. Связь была подготовлена также на трех наблюдательных пунктах: на главном, который был оборудован на высоте севернее Фухсберга, и двух вспомогательных, подготовленных в двух с половиной километрах южнее Квандиттена и в трех с половиной километрах за Зеехундом.

Как всегда, огромную работу проделал накануне генерал Д. И. Андреев и его штаб. Большую помощь оказал им начальник тыла фронта генерал В. П. Виноградов. Нелегко было подвезти, разместить и укрыть боеприпасы и горючее для столь огромного количества артиллерии и авиации. Решение одной этой задачи потребовало колоссального напряжения сил офицеров и генералов тыла фронта и Земландской группы войск.

В обеспечении перегруппировки и сосредоточения личного состава и подвоза материальных средств немало сделали железнодорожные войска. Они восстановили пути и все транспортные объекты от советской границы до Кенигсберга, а железнодорожники в короткие сроки отремонтировали трофейный состав и наладили его эффективную эксплуатацию. В связи с нехваткой трофейных вагонов им пришлось спешно «перешить» все железнодорожные пути от границы до Кенигсберга на широкую колею. В результате героического труда военных и гражданских железнодорожников поток эшелонов с воинскими грузами, нужными для обеспечения успешного штурма Кенигсберга, резко возрос. Это помогло тылу фронта справиться со своими трудными задачами.

25 марта маршал А. М. Василевский сообщил мне, что войска 3-й и 31-й армий овладели последним мощным узлом сопротивления городом Хейлигенбёйлем. Остатки фашистских войск – более 100 тысяч – скопились на небольшом прибрежном плацдарме шириной в 13 километров и глубиной от 2 до 5 километров. Гитлеровское командование спешило вывезти морем часть сил из небольшого приморского городка Розенберга, но к нему уже прорвались войска 28-й армии генерала А. А. Лучинского. Хейльсбергская группировка вермахта доживала последние дни. Это, естественно, подстегивало и нас. К 28 марта нам удалось, и вроде бы скрытно, сменить войска 43-й армии силами 2-й гвардейской, которой предстояло наступать на правом крыле войск фронта, как это предусматривалось планом.

…В эти дни состоялась еще одна встреча с представителями штаба Балтфлота и его командующим адмиралом В. Ф. Трибуцем,

который ввел нас в курс обстановки на Балтике. Морские силы Германии (кригсмарине), основная часть которых была сосредоточена на Балтике, представляли собой серьезную угрозу: 2 линейных корабля, 8 крейсеров, более 200 подводных лодок, 30 миноносцев и 70 торпедных катеров противостояли нашим кораблям: линкору, 2 крейсерам, 12 эсминцам, 20 подводным лодкам, 78 торпедным катерам и 226 малым «охотникам». Соотношение в силах было явно в пользу кригсмарине. Однако это отнюдь не снижало боевую активность Балтийского флота. Его командование готовило моряков к активному участию в операции. Кроме дивизиона бронекатеров, который планировалось использовать на реке Прегель, В. Ф. Трибуц обещал привлечь для обеспечения приморских флангов наших армий большую группу торпедных катеров, базировавшихся на побережье Земландского полуострова.

29 марта А. М. Василевский, сообщив, что с хейльсбергской группировкой полностью покончено, предупредил о своем скором прибытии к нам вместе с основным составом штаба фронта. Вскоре из штаба 3-го Белорусского нам сообщили точный итог закончившейся в районе Хейльсберга операции: с 13 по 29 марта наши войска уничтожили 93 тысячи и захватили в плен более 46 тысяч солдат и офицеров. В качестве трофеев нам досталось 605 танков и штурмовых орудий, 5000 орудий и минометов, 128 самолетов. Эту радостную весть мы поспешили довести до сведения всех воинов, готовившихся к штурму Кенигсберга.

1 апреля мне представилась возможность побывать в штабе 5-й армии. С интересом всматривался я в располневшее добродушное лицо командарма генерала Н. И. Крылова, с которым мне еще не приходилось воевать вместе. Однако Николай Иванович имел столь блестящую боевую репутацию, что не было сомнений: в предстоящих боях мы быстро, как говорится, найдем общий язык. Боевому пути этого добрейшего по натуре и абсолютно невозмутимого генерала можно было позавидовать. Он был начальником штаба армий, героически оборонявших Одессу, Севастополь и Сталинград. Этот факт говорил сам за себя. Мне было известно, что Крылов блестяще проявил себя и на посту командарма как в операции «Багратион», так и в сражении за Восточную Пруссию. Николай Иванович не имел высшего военного образования, но его отточенное оперативное мышление и ясное предвидение неожиданных поворотов в боевых действиях просто поражало.

Я объяснял это его выдающимися способностями. Не будь Крылов военным, из него, несомненно, вышел бы видный специалист любого дела, лишь было бы оно ему по душе.

Впоследствии Николай Иванович стал Маршалом Советского Союза и главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения. Наше фронтовое знакомство заложило первый камень в фундамент большой дружбы, которую прервала лишь его смерть…

Из подробного доклада генерала Крылова я узнал о боевом составе армии и о дислокации ее соединений. В заключение нашей беседы я уточнил задачу его армии.

Мы вводили 5-ю на Земландском полуострове между 2-й гвардейской и 39-й армиями. С началом операции ее войска должны были с рубежа Куменен, Викау наступать на Крогау, Блюдау с целью сковывания войск противника на полуострове.

В этот же день были уточнены задачи и остальных армий, готовившихся наступать на полуострове. 2-я гвардейская генерала П. Г. Чанчибадзе должна была на правом фланге обороняться силами одного стрелкового корпуса, а на стыке с 5-й армией наступать в общем направлении на Норгау.

39-й армии, наносившей удар на стыке с 43-й, предстояло продвигаться в общем направлении на Наутцвинкель и к исходу второго дня наступления выйти на побережье залива Фришес-Хафф до устья реки Прегель.

Таким образом, к началу апреля все армии вышла в свои полосы наступления. Ранее был решен вопрос о том, какая командная инстанция должна непосредственно руководить боевыми действиями войск при штурме Кенигсбергской крепости и в дальнейшем вести операцию по очищению от врага Земландского полуострова. 2 апреля мы получили директиву, согласно которой наша Земландская группа войск с 3 апреля прекращала существование, ее штаб выводился в резерв Ставки, а я, как заместитель командующего войсками фронта, и несколько генералов и офицеров штаба группы, принимавших участие в подготовке штурма Кенигсберга, должны были помочь фронтовому командованию в проведении операции.

В тот же день к нам прибыл Маршал Советского Союза А. М. Василевский с основным составом штаба 3-го Белорусского фронта, который по-прежнему возглавлял генерал-полковник А. П. Покровский. Александр Петрович был одним из самых опытных и талантливых штабистов. Войну он начал начальником штаба Юго-Западного направления и до середины октября 1941 года работал под руководством сначала С. М. Буденного, а затем С. К. Тимошенко. В дальнейшем А. П. Покровский успешно руководил штабом Западного (с 24.4.44 г. – 3-й Белорусский) фронта. С таким начальником штаба И. Д. Черняховскому, в апреле 1944 года возглавившему этот фронт, было легко

осваивать обязанности командующего войсками. Пользовался Покровский заслуженным уважением у маршала А. М. Василевского. Александр Петрович всегда покорял меня своей высокой культурой и, если так можно выразиться, эмоциональной дисциплиной, казавшейся на первый взгляд холодностью в отношении к сослуживцам. Невысокого роста, худощавый, с наголо бритой головой, Александр Петрович сразу же после приезда к нам быстро и бесшумно обошел помещения штаба, на ходу отдавая распоряжения о размещении фронтового управления. Затем, приказав развесить карты и схемы, он погрузился в изучение обстановки. Это был исключительно трудолюбивый человек. Мне тогда казалось, что он вообще не спит: когда бы я ни приходил в штаб фронта, всегда заставал его или у карты боевых действий, или разговаривающим по телефону с подчиненными…

Одновременно с А. М. Василевским приехал и член Военного совета фронта генерал-лейтенант В. Е. Макаров с офицерами и генералами политуправления фронта. Появились и начальники родов войск: командующий артиллерией генерал-полковник М. М. Барсуков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками, герой Курской битвы генерал-полковник А. Г. Родин, начальник инженерных войск генерал-лейтенант Н. П. Баранов, начальник тыла фронта генерал-лейтенант В. П. Виноградов с группой офицеров своего штаба. Вопросами организации связи в штабе фронта ведал генерал-майор И. И. Буров.

Все эти генералы без особых трудностей разобрались в обстановке и в последние дни перед началом штурма приняли на себя управление войсками в районе Кенигсберга.

А. М. Василевский и А. П. Покровский еще раз тщательно изучили план операции, заслушали начальников разведки, оперативного управления, родов войск, а также генерал-полковника Т. Т. Хрюкина, который доложил план боевого применения всех авиационных сил.

Маршал А. М. Василевский с виду был, как всегда, невозмутим, но я чувствовал, что он сдерживает свою досаду: ведь наступил срок начинать предварительную артиллерийскую и авиационную подготовку штурма, а погода, как назло, мешала. С середины марта шли дожди вперемежку с мокрым снегом. Местность расквасило так, что двигаться можно было только по дорогам с твердым покрытием. Но особенно мучили дожди и туманы. Видимость сквернейшая, поэтому условия для управления огнем артиллерии были чрезвычайно трудными, а боевую авиацию в воздух поднять было почти невозможно. Так

природа похоронила наши надежды использовать при подготовке штурма наше огромное превосходство в авиации, втуне остался скрупулезно разработанный план боевого применения ВВС. Даже артиллерию невозможно было использовать с достаточной эффективностью.

А. М. Василевский позвонил Верховному Главнокомандующему и доложил ему обстановку.

– Торопит Верховный, – с нескрываемым огорчением заметил маршал, закончив разговор со Сталиным. – Берлинская операция поджимает… – Посмотрев в окно на завесу моросящего дождя и плотные облака, низко висевшие над раскисшей землей, он решительно заключил: – Надо начинать!

В связи с тем что авиацию поднять в воздух было невозможно, приказ начать предварительную артиллерийскую подготовку получила артиллерия. Генералы Барсуков и Хлебников занялись ее осуществлением, стараясь использовать для вскрытия и разрушения фортов каждый час улучшения видимости.

А. А. Новиков заверил, что авиация присоединится при малейшем улучшении погоды.

Оставшиеся до начала операции дни А. М. Василевский посвятил изучению готовности армий к штурму Кенигсберга. В сопровождении группы генералов и офицеров он поехал в 43-ю армию, наносившую главный удар по городу с северо-запада. Генерал А. П. Белобородов с предельной лаконичностью доложил:

– К штурму все готово… Артиллерия начала свою работу…

На вопрос маршала, как он оценивает перспективы, командарм ответил без колебаний:

– В успехе уверен. Для обеспечения его сделано все возможное, а солдаты, как никогда, рвутся в бой. Ведь появившееся в сводках «берлинское направление» внушило им надежду на скорый конец войны.

– А если авиация из-за погоды не сможет поддержать вас в полную силу?

После некоторого раздумья Белобородов решительно махнул рукой:

– Сломим и без авиации! Артиллеристы не подведут и в такую погоду. Верно я говорю? – с улыбкой повернулся он к командующему артиллерией.

– Так точно! – с готовностью ответил тот. – Нам удалось сосредоточить на километр участка прорыва двести пятьдесят восемь стволов, в том числе более ста – тяжелой артиллерии. Она уже принялась за выполнение своей задачи.

Улыбка удовлетворения скользнула по лицу маршала.

– Вот и хорошо, – одобрил он.

Уточнив у Белобородова некоторые детали штурма, он распрощался и выехал в 11-ю гвардейскую, наносившую удар навстречу 43-й армии с юга. Генерал-лейтенант К. Н. Галицкий встретил нас на своем наблюдательном пункте, разместившемся в захваченном у немцев форту № 9. Галицкий со свойственной ему неторопливостью подробно и обстоятельно доложил свой замысел и план захвата южной части Кенигсберга и на схеме показал оперативное построение своих войск для штурма. Маршал слушал очень внимательно, не перебивая, а когда командарм закончил, сделал ряд замечаний и указаний. На вопрос о возможности штурмовать город без активной поддержки авиации Галицкий ответил уклончиво: дескать, можно, да лучше все-таки с авиацией. Этот дипломатичный ответ вызвал улыбку у командующего фронтом.

Особенно пристальное внимание А. М. Василевский уделил подготовке войск армии к форсированию реки Прегель и взаимодействию корпусов с артиллерией, авиацией и с войсками 43-й армии.

Дружески побеседовав с находившимися на наблюдательном пункте членом Военного совета армии генерал-майором П. И. Куликовым, начальником штаба генерал-лейтенантом И. И. Семеновым, Александр Михайлович сказал, что хотел бы побывать в одной из дивизий. Ближайшей от наблюдательного пункта оказалась 1-я Московско-Минская гвардейская стрелковая. По ходам сообщения маршал в сопровождении лишь нескольких человек направился туда и остаток дня провел в полках, изучая готовность их к штурму, экипировку и настроение солдат, знание офицерами противостоящего противника и тех кварталов города, где им предстояло сражаться.

После посещения маршалом этих двух армий даже по его всегда невозмутимому выражению лица можно было определить, что Александр Михайлович был удовлетворен готовностью войск и боевым настроением личного состава.

4 апреля погода существенно не изменилась, и авиация продолжала бездействовать. А. М. Василевский решил побывать и в 50-й армии, которой тоже отводилась немаловажная роль в штурме города. На наблюдательном пункте нас уже ожидали командующий генерал-лейтенант Ф. П. Озеров, член Военного совета генерал-майор Н. Г. Пономарев, начальник штаба генерал-майор Н. Ф. Гарнич и другие ближайшие боевые помощники командарма.

Хотя фронт, который занимала 50-я, был много шире, чем у 11-й гвардейской и 43-й армий, но Озеров умело применил

принцип сосредоточения основных сил на решающем участке: он занял войсками 69-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Н. Н. Мультана 90 процентов армейской полосы наступления, а 81-й и 124-й стрелковые корпуса генерал-лейтенантов Ф. Д. Захарова и И. И. Иванова сосредоточил на участке прорыва шириной всего в три с половиной километра, примыкавшем к участку прорыва 43-й армии.

Боевые порядки обоих корпусов, прорывавших оборону на стыке с 43-й армией, были построены в два эшелона. При скромной общей численности артиллерийских средств командарм сумел сосредоточить на каждый километр участка прорыва около 250 орудий и минометов. Словом, и от 50-й армии можно было ожидать самых решительных действий. Изучив схему оперативного построения армии, А. М. Василевский выразил полное удовлетворение.

Воодушевленный похвалой маршала, генерал Ф. П. Озеров попросил разрешить ему провести небольшую операцию с целью улучшения исходного положения для наступления: в ночь на 5 апреля внезапной атакой захватить так называемый «малый форт» – сильный опорный пункт на переднем крае обороны противника. В случае успеха этой операции система огня противника перед передним краем нарушалась и создавались более благоприятные условия для перехода в общее наступление. Для захвата опорного пункта был подготовлен штурмовой отряд, которым командовал очень опытный боевой офицер – майор Могилев. Убедившись, что операция подготовлена всесторонне, А. М. Василевский разрешил ее провести ближайшей ночью.

Возвратившись из 50-й, командующий фронтом пригласил к себе А. А. Новикова. Когда тот быстрым шагом вошел в комнату, на ходу приглаживая волосы, маршал нетерпеливо спросил:

– Поднимете завтра авиацию в воздух?

Главный маршал авиации развел руками:

– Ручаться не могу: погодой не командую.

– А все-таки, можно сегодня пустить хоть часть авиации?

А. А. Новиков, подумав мгновение, ответил:

– Если погода улучшится, выпустим У-два и часть бомбардировщиков…

– Да-а-а, – задумчиво протянул А. М. Василевский, – штурмовать без авиации… – И, обращаясь ко мне, спросил: – А вы-то как думаете, Иван Христофорович?

Вопрос этот был не из легких: я не мыслил штурм такой крепости, как Кенигсберг, без поддержки авиации, на которую мы делали большую ставку. Ведь наши армии имели почти такую же численность, как и гарнизон города. У нас было 137 тысяч солдат

и офицеров – у противника 130. Артиллерийских средств мы имели в 1,3 раза больше чем гитлеровцы. Таким образом, лишь в танках и самолетах на нашей стороне преимущество. Начинать штурм без поддержки авиации в этой обстановке было рискованно. Вот об этих своих соображениях я и доложил маршалу. Наши мнения по этому вопросу, как я и надеялся, совпали. Во всяком случае, А. М. Василевский решил отложить начало штурма еще на сутки, поскольку метеорологи предсказали улучшение погоды.

В тот же день у меня состоялась запавшая в память встреча с руководителем отряда бывших военнослужащих вермахта – участников антифашистского движения, возглавлявшегося Национальным комитетом «Свободная Германия». Отряд в количестве 79 человек прибыл в район Кенигсберга для разъяснения окруженному гарнизону бессмысленности дальнейшего сопротивления.

Еще в ходе боев в Латвии и Литве я уделял немало внимания работе отдела политуправления фронта, руководимого всесторонне эрудированным и очень инициативным полковником Е. А. Бродским. Он и его подчиненные делали все возможное, чтобы помочь немецким антифашистам, группу которых на нашем фронте возглавлял уполномоченный Национального комитета «Свободная Германия» обер-лейтенант Герман Ренч. В результате такой поддержки отряду лейтенанта Петера уже однажды удалось просочиться в Кенигсберг и вывести оттуда почти полностью одну из рот 561-й гренадерской дивизии.

В отряде антифашистов были представители различных слоев немецкого общества, но в подавляющем большинстве – рабочие и крестьяне, и роднило их одно – ненависть к фашизму, к Гитлеру, приведшему их родину на край гибели.

В заключение мой собеседник сказал, что все его бойцы полны решимости ближайшей ночью вновь проникнуть в город. Я от всей души пожелал им успеха.

В ночь на 5 апреля дождь прекратился. Новиков приказал выпустить на город две дивизии легких У-2. Они были сделаны из дерева и перкаля, но носили грозное наименование «ночные бомбардировщики». Каждый самолет мог поднять в воздух до 200 килограммов авиабомб. Однако он был совершенно беззащитным против истребителей, и поэтому только темнота и сплошная облачность обеспечивали безопасность полета У-2.

В течение ночи было совершено 657 самолето-вылетов. У-2 большого урона фашистам не нанесли, но спать спокойно им не дали. Под утро в воздух начали подниматься даже фронтовые двухмоторные бомбардировщики. Они успели сделать всего

около сотни самолето-вылетов. Менее удачной оказалась попытка выпустить на город тяжелые бомбардировщики из армии А. Е. Голованова. Лишь 15 самолетам удалось выйти к Кенигсбергу и сбросить на него бомбы, а остальные 25 машин потеряли ориентировку и задание не выполнили.

Поднявшись утром после короткого отдыха, я машинально заглянул в окно: на улице снова моросил дождь, белая пелена тумана скрывала горизонт, видимость была ничтожной. На применение авиации никакой надежды. А завтра – штурм!

Однако не все выглядело так мрачно. Полковник Тарасов, начальник оперативного отдела штаба нашей группы, порадовал меня вестью об удачном завершении штурма «малого форта». Озеров успешно провел задуманную им операцию. Штурмовой отряд майора Могилева внезапно ворвался в укрепленный пункт врага и уничтожил его гарнизон. Командир 343-й стрелковой дивизии генерал-майор А. Л. Кроник для развития успеха направил туда стрелковый батальон майора Шорникова, который продвинулся вперед на полтора километра. Потом был введен еще один стрелковый полк этой дивизии. Так в фашистской обороне возникла небольшая брешь, которую командование кенигсбергского гарнизона безуспешно пыталось закрыть в течение всего дня.

Поинтересовался я также результатами вылазки антифашистов и вот что узнал. К трем часам ночи прояснилось, и луна осветила местность в районе действия отряда. Все же ударной группе Арно Борнмана удалось скрытно преодолеть нейтральную полосу. Взвод Гебхарда Кунце последовал за ней, взводы Гарри Лау и Карла-Гейнца Мейснера в это время изготовились к броску. Первыми подползли к проволочному заграждению противника Арно Борнман и Гельмут Фиркант. Окликнув вполголоса часового, Фиркант сказал, что в свое расположение возвращается разведгруппа, посланная штабом полка.

Как выяснилось позднее, в ту ночь на этом участке фронта действительно должна была пройти немецкая разведгруппа. Тем не менее часовой громко скомандовал:

– Лежать! Иначе буду стрелять!

После короткой паузы Фиркант продолжал:

– У нас два тяжелораненых. Пропустите, иначе они умрут…

– Подождите минуточку! – ответил немецкий часовой и побежал к блиндажу. Оттуда он вернулся в сопровождении четырех солдат.

– Идите направо, – сказал кто-то из них. – Здесь мины. Проволочные заграждения проходите поодиночке.

Однако антифашисты поступили по-иному. Они оттащили в сторону проволочную рогатку, а затем устремились в образовавшийся проход. У окопа кто-то из солдат спросил их:

– Кто вы такие?

– Мы разведчики, – ответил Борнман, – и должны явиться к командиру первого батальона.

Пока продолжался этот разговор, трое из отряда подошли к пулеметной точке и разоружили пулеметчиков.

Неожиданно в воздухе вспыхнула осветительная ракета, и гитлеровские солдаты обнаружили всех антифашистов. Кто-то воскликнул:

– Да здесь людей гораздо больше, чем было в нашем разведподразделении!..

Между тем Борнман с тремя товарищами уже спустился в окоп, за ними последовало еще пять человек. Какой-то унтер-офицер предложил Борнману следовать в блиндаж для проверки его документов. Шедший за командиром ударной группы патриот подошел н унтер-офицеру и скомандовал:

– Руки вверх! Бросай оружие и иди за мной! Однако к этому времени кто-то уже успел донести на командный пункт 367-й немецкой дивизии о появлении в ее расположении «тех, которые недавно увели на сторону русских почти целую роту кенигсбергских солдат». Чтобы уничтожить отряд Петера, гитлеровцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия по району его вклинения в их оборону.

Пришлось отступить. Начались поиски других путей проникновения в гарнизон.

Хорошо помню, что позднее я с большим удовлетворением подписывал представления к награждению орденами Отечественной войны особенно отличившихся немецких антифашистов, действовавших на 1-м Прибалтийском фронте и в Земландской группе войск.

Сейчас, как и перед каждой операцией, мы особо важное значение придавали партийно-политической работе. Хороший морально-политический настрой бойцов и командиров, идущих в бой, удваивает их силы.

Партийно-политическая работа началась почти сразу же после принятая решения на штурм Кенигсберга. Первыми, как всегда, пропагандистскую кампанию начали фронтовая, армейские и дивизионные газеты. Они стали широко освещать боевой опыт советских войск при ведении уличных боев в Сталинграде, при взятии укрепленных районов в Восточной Пруссии. Печатались многочисленные статьи на такие, например, темы: «Штурм укрепленного города», «Штурмовая группа идет в

наступление» и другие.

Во всех частях были проведены беседы «Чему нас учат сталниградские бои». Участники сражения на Волге делились с молодыми воинами опытом боев в больших домах, подвалах, квартирах, на чердаках. В газетах и листовках прославлялись героические действия бойцов н командиров, проявивших особую смелость и смекалку при штурме укреплений, уничтожении гарнизонов сильных опорных пунктов, дотов, публиковались советы бывалых воинов, которым доводилось брать укрепрайоны, рекомендации по ведению боя в условиях крупного города.

Даже доморощенные поэты нередко свои стихи посвящали пропаганде методов ведения боя в городе. Возможно, с литературной точки зрения они были и далеко не безупречны, но хорошо принимались каждым бойцом, как, например, вот такая стихотворная «инструкция», опубликованная в газете.

В бою секунда дорога —
Смелей врывайся в дом врага!
Входи в проломы, лезь в окно —
Спастись фашистам не дано.
Чтоб фриц живым не вышел вон,
Дом атакуй со всех сторон.

Словом, пропагандисты всячески старались подчеркнуть жизненность известной пословицы «Смелость города берет».

Политработники настойчиво разъясняли бойцам значение успеха в предстоящем штурме Кенигсберга для завершения разгрома врага в Восточной Пруссии. «Взятие Кенигсберга и Берлина, – говорили они, – это и есть конец войны».

Особенна заметно активизировалась партийно-политическая работа по подготовке штурма в первых числах апреля, когда руководство проведением широких агитационно-пропагандистских мероприятий взял в свои руки член Военного совета 3-го Белорусского фронта опытнейший политработник генерал-лейтенант В. Е. Макаров, а непосредственное участие в них приняли все офицеры политуправления фронта во главе с генерал-майором С. Б. Казбинцевым.

Накануне штурма Кенигсберга во всех частях в торжественной обстановке проводились партийные собрания, митинги. Коммунисты и комсомольцы клялись быть в первых рядах штурмующих войск. Настроение бойцов и командиров хорошо выразил на митинге в 264-м стрелковом полку солдат Верин.

– Мы скоро идем в бой, товарищи, – горячо заявил он. –

Перед нами гнездо фашистских разбойников в Восточной Пруссии. Взять Кенигсберг нам приказала Родина. Я обещаю с честью выполнить приказ и призываю всех, не щадя своей жизни, бить гитлеровцев. Фашистские грабители и детоубийцы, засевшие в змеином гнезде – Кенигсберге, будут уничтожены!

Его под одобрительные возгласы товарищей поддержал сержант Макаров:

– Кенигсберг – сильная крепость. Но и эта крепость не спасет фашистов!

Накануне штурма в войсках были получены обращения военных советов армий. В них особо подчеркивалась сложность предстоявших боев, говорилось о необходимости не только самоотверженно выполнять боевой долг, но и умело управлять войсками.

Во всех подразделениях агитаторы зачитали обращение Военного совета 3-го Белорусского фронта «Вперед на штурм Кенигсберга!».

Воодушевление бойцов и командиров накануне штурма было настолько сильным, что в бой собирались идти даже раненые. Многие из них в эти дни присылали письма с настоятельными просьбами досрочно выписать их из госпиталей. Старые воины Сергей Иванович Акимов и Александр Алексеевич Новокрещенов, имевшие на своем боевом счету немало уничтоженных фашистов, прислали такое письмо: «В настоящее время мы работаем в госпитале № 2544. Признаны негодными к строю и зачислены в штат госпиталя. Горя неодолимой ненавистью к этим проклятым фашистам и желая ускорить час победы, мы просим направить нас в 91-ю гвардейскую Духовщинскую ордена Ленина, Краснознаменную дивизию, к полковнику Кожанову, под командованием которого мы хотим сражаться. Пусть мы нездоровы, не стопроцентные строевики, но руки и ноги у нас пока есть, оружие мы можем держать в руках, а также владеть им».

Словом, советские воины были полны решимости овладеть Кенигсбергом во что бы то ни стало. Но, как нам было известно, фашисты тоже будут любой ценой удерживать его. Гитлеровская пропаганда сделала все, чтобы запугать немецкий народ и его солдат, стращала угрозой всеобщего истребления немцев «озверевшими русскими». Повсюду в городе были развешаны лозунги: «Победа или всеобщая гибель!» Геббельсовские подручные со своей стороны успокаивали жителей Кенигсберга высокопарными хвастливыми заверениями: «Скорее Балтийское море высохнет, чем русские возьмут Кенигсберг».

К концу дня 5 апреля дождь наконец-то прекратился. Хотя

небо по-прежнему было закрыто свинцово-серыми тучами, все заметно повеселели в ожидании дальнейшего улучшения погоды.

– Выходит, и метеорологи иногда угадывают, – невесело пошутил А. М. Василевский, отдавая распоряжение провести разведку боем до начала артиллерийской подготовки.

Обращаясь ко мне, маршал попросил отправиться к Белобородову, чтобы помочь ему в руководстве войсками, наносящими главный удар по Кенигсбергу с северо-запада. На рассвете я поспешил в район Фухсберга (ныне поселок Холмогоровка), что лежит в 10–12 километрах от центра Кенигсберга. Здесь был КП 43-й армии. В этом же районе по моему указанию был подготовлен для командующего войсками фронта наблюдательный пункт. Самой удобной для наблюдения за противником оказалась заросшая деревьями высотка, на которой заметно выделялся двухэтажный каменный дом какого-то прусского юнкера. Обзор с этой высотки был великолепный. И это преимущество первым оценил начальник инженерных войск Земландской группы войск генерал В. В. Косырев. По его распоряжению саперы оборудовали на стволе одного из самых мощных и высоких деревьев площадку для наблюдения, которая для безопасности была окружена с трех сторон стальными плитами. Со стороны города они были особенно мощными. После окончания работ я поднялся на НП и был вполне удовлетворен: с этой хорошо замаскированной площадки превосходно просматривалась вся местность вокруг, вплоть до окраин Кенигсберга. Ближайшие форты были как на ладони. На площадке могли свободно разместиться 2–3 человека. Густые кроны деревьев надежно маскировали наш «воздушный» наблюдательный пункт. Неподалеку столь же надежно были укрыты еще две наблюдательные площадки на деревьях. Там разместились летчики и артиллеристы. Они готовились корректировать с них удары авиации и артиллерии. В подвальном этаже двухэтажного каменного дома разместилась оперативная группа штаба 43-й армии. Когда мы подъехали к этому дому, он показался безлюдным, но, внимательно присмотревшись, я обнаружил, что повсюду идет напряженная работа: вокруг спрятанных в укрытиях и хорошо замаскированных радиостанций сновали связисты и штабные офицеры.

У входа в здание меня встретил молодцеватый полковник.

– Начальник оперативного отдела полковник Турантаев, – представился он. Владимира Владимировича я знал еще со времен форсирования Западной Двины, где он проявил не только энергию и решительность, но и незаурядную храбрость. Бывая в армии генерала А. П. Белобородова, я всегда с удовольствием

беседовал с главным оператором его штаба, от которого всегда веяло спокойствием и уверенностью.

Турантаев проводил меня к командарму, обосновавшемуся в одной из комнат второго этажа, окна которой были обращены в сторону Кенигсберга. Стены дома были очень мощными, а все оконные проемы забаррикадированы мешками с песком.

Белобородов сидел за стереотрубой, нацеленной на город, и так увлекся наблюдением, что не заметил моего прихода.

– А не опасно ли командарму иметь такой заметный для противника наблюдательный пункт? – громко спросил я.

Афанасий Павлавтьевич удивленно оглянулся, увидев меня, энергично поднялся со стула и, крепко пожав мою руку, сказал:

– Оперативная группа штаба армии размещена в подвальном этаже. Я имею возможность в случае обстрела здания тяжелой артиллерией в одно мгновение спуститься туда же… А от обстрела орудиями среднего калибра наш наблюдательный пункт вряд ли пострадает.

Решив, что мои опасения развеяны, командарм стал подробно докладывать о результатах боя передовых батальонов. Выяснилось, что противник с отчаянным упрямством пытается удержать первый рубеж обороны, сосредоточив на нем значительные силы. И все же на ряде участков передовым батальонам удалось вклиниться в оборону и улучшить исходное положение для штурма. Артиллеристы уточняли схему огня на предстоящую артиллерийскую подготовку.

А тем временем рассвет вступал в свои права. Я склонился к окулярам стереотрубы и стал внимательно всматриваться в панораму города. За плотной дымкой утреннего тумана очертания Кенигсберга едва-едва вырисовывались. Над городом низко висели сизые тучи.

– А самолеты поднять все-таки не удастся, – вздохнул я с огорчением.

– Ничего не поделаешь, – откликнулся Белобородов, – вся надежда на бога войны. Что говорят авиаторы, Владимир Владимирович? – спросил он, обращаясь к вошедшему полковнику Турантаеву. – Поднимут самолеты или нет?

– Команда поднять в воздух все, что можно, поступила, но вот погода. Обидно…

– Конечно, – согласился командарм. – Но я надеюсь, что штурмовики все же пойдут в бой: они ведь привыкли сражаться в любую погоду.

Я попросил соединить меня с командным пунктом фронта и едва успел доложить А. М. Василевскому о результатах разведки боем и о готовности артиллерии стрелковых полков и дивизий к

бою, как вдруг откуда-то с юга, с противоположной стороны города до нашего слуха донесся прерывистый и быстро нарастающий гул. Взглянул на циферблат часов – было ровно 9 часов. И тут же послышалась непрерывная серия глухих разрывов тяжелых мин. Это «катюши» возвестили о начале артиллерийской подготовки в 11-й гвардейской армии. Вслед за ними дружно подали голос тяжелые орудия. Несмотря на большое расстояние, от разрывов снарядов тяжелой артиллерии стекла в окнах здания, где мы находились, заметно вздрагивали.

– Слышите, Александр Михайлович? – спросил я маршала, прервав свой доклад и вслушиваясь в нараставшую артиллерийскую канонаду.

– Хорош концерт! – с удовлетворением ответил А. М. Василевский. – Жаль, что авиации не слышно…

В 10 часов раскаты артиллерийского грома послышались неподалеку от нас. Тысячи орудий и минометов создали невообразимый грохот, земля под нами корчилась, как при землетрясении, а оконные стекла, казалось, вот-вот рассыплются на мелкие осколки. Вскоре и северо-западные подступы к городу скрылись в сполохах сплошного огня и дыма. Это продолжалось еще два часа.

Сплошные разрывы дымовых снарядов и мин вдоль переднего края фашистской обороны свидетельствовали о том, что сейчас под прикрытием расползавшейся вокруг завесы пойдут в атаку пехота и танки. Удастся ли штурмующим войскам преодолеть полосу заграждений и ворваться в оборону противника? Начались самые томительные минуты. Нам не были слышны голоса штурмующих, а бойцов при такой плохой видимости даже в бинокль трудно было обнаружить. Надо было ждать донесений из корпусов. И мы нетерпеливо ждали. Белобородов не отнимал телефонной трубки от уха.

– Ну, как? – поминутно повторял он, вызывая то одного, то другого командира корпуса. Но ответы, как правило, были односложными и не очень определенными:

– Пошли вперед! Атакуют!..

Первым порадовал нас Антон Иванович Лопатин, по-прежнему командовавший 13-м гвардейским стрелковым корпусом. Его дивизии наступали в центре оперативного построения 43-й армии на пригород Амалиенау (ныне район улицы Кутузова).

Осторожный полководец *(М. А. Гореев)*

Александр Михайлович Василевский выдержал многие суровые испытания, прошел сложный и трудный, но вместе с тем славный боевой путь, самоотверженно выполняя на всех должностях свой воинский долг. Если говорить об отличительных чертах Василевского как полководца, то он один из наиболее выдающихся военачальников стратегического плана. Он, как и Маршал Г.К. Жуков, занимал особое место в Ставке Верховного Главнокомандования. Это в наше время, по сообщениям СМИ, каждая высота и перекресток имеют стратегическое значение. Назвать какой-нибудь объект тактическим считается унизительным. Но во время Великой Отечественной войны командующие фронтами, выполняя стратегические задачи, больше всего занимались оперативно-тактическими вопросами.

По существу, кроме И.В. Сталина, только А.М. Василевский, Г.К. Жуков, Б.М. Шапошников, А.И. Антонов и Н.Г. Кузнецов систематически и в полном объеме занимались управлением Вооруженными Силами в стратегическом масштабе. Но А.М. Василевскому до войны и не пришлось командовать дивизией, корпусом, армией, военным округом и он не имел командного, оперативно-стратегического опыта. Некоторые заслуженные военачальники по поводу Василевского или Антонова поговаривали, что мол, «ну вот, ничем не командовавшие штабники пошли вверх». Порой их военная карьера воспринималась как бы случайной и построенной на стечении обстоятельств. А ведь понимание этого принципиального вопроса имеет значение не только для оценки Василевского как полководца, но и вообще для выработки правильных взглядов на систему прохождения военной службы.

Если мы действительно хотим извлечь уроки из истории Великой Отечественной войны, то от таких трудных и щепетильных вопросов не стоит уклоняться. Конечно, как говорил Черчилль, «военную службу лучше всего проходить установленным порядком». Весьма полезным является сочетание командирских и штабных должностей. Но, независимо от желания каждого, военная судьба складывается по-разному. В данном случае это обстоятельство важно для выяснения того, как таким военачальникам, как Ватутин, Василевский, Эйзенхауэр, не имевшим большого командного опыта, удалось не только взойти на высокие полководческие должности, но и успешно справляться со своими обязанностями, проявить себя по-настоящему талантливыми и выдающимися военачальниками.

Примечательно, что генерал Д. Эйзенхауэр, не имевший по существу до войны почти никакого командного опыта, не побывав до этого в бою даже во главе взвода, но, имея большую практику оперативной работы в штабах, в Нормандской операции 1944 года повел в сражение почти трех миллионную группировку войск, сил авиации и флота.

Кроме природного таланта этих людей, надо учитывать и то обстоятельство, что в связи с усложнением вооруженной борьбы существенно изменились роль штабов и характер управленческой деятельности штабных офицеров. Они уже мало похожи на полевые канцелярии периода первой Мировой войны. Основные офицеры штабов занимаются не только сбором и обработкой данных обстановки, планированием, но и организаторской работой по подготовке операций, боевым обеспечением, управлением войсками, и их служба охватывает и ряд элементов командирской деятельности. Тем самым они в определенной мере приобретают и командный опыт.

А если говорить об А.М. Василевском, то для становления его полководческих способностей большое значение имели: усердная учеба в Алексеевском военном училище; ненасытная жажда знаний, неустанное чтение и творческое восприятие военно-исторической и военно-теоретической литературы на протяжении всей жизни; большой опыт командования ротой, батальоном, полком в период Первой мировой и Гражданской войн; работа в органах боевой подготовки, что обычно дает наибольшее понимание войсковой жизни и вырабатывает жизненность подхода к военным делам.

Особое значение имела работа в Генеральном штабе (в должностях заместителя, начальника оперативного управления, начальника Генерального штаба) по стратегическому планированию и управлению Вооруженными силами.

А. М. Василевский был одним из основных непосредственных исполнителей оперативных планов Генштаба накануне войны и одним из наиболее осведомленных должностных лиц о том, как эти планы выполнялись и о причинах наших неудач в начале войны.

В 1965 году в одном из своих интервью военным историкам («Новая и новейшая история», 1992, № 6) он говорил, что «советское руководство в условиях уже начавшейся второй Мировой войны стремилось держать страну готовой ко всяким неожиданностям. Оно воспитывало и готовило наши Вооруженные Силы не только к отпору внезапного нападения врага, но и к тому, чтобы встречными мощными ударами и широкими наступательными операциями в последующем

полностью уничтожить вооруженные силы агрессора».

Вместе с этим А. Василевский признавал: «несмотря на все это, при решении вопроса о перестройке обороны страны Советским правительством и руководством Наркомата обороны в 1940 году были допущены крупные ошибки и просчеты стратегического порядка, которые неизбежно легли и в основу будущего оперативного плана».

Они упирались, прежде всего, в отсутствие прямого ответа на основной вопрос – о сроках вероятного нападения на нас фашистской Германии, в связи с этим жестко не лимитировались и сроки выполнения тех мероприятий, которые предусматривались этими решениями.

Исходя при разработке плана, казалось бы, из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником, что особенно характерно было продемонстрировано фашистским руководством Германии в первый период второй Мировой войны, соответствующих правильных выводов из этого положения для себя руководство нашими Вооруженными Силами и Генеральным штабом не сделало и никаких поправок в оперативный план в связи с этим не внесло. Хотя фашистская Германия полностью изготовилась к нападению, тогда как Красная Армия была не отмобилизована и не развернута.

«Как известно, – говорил он, – переброска основных сил фашистских войск из Германии и с территорий оккупированных стран Европы к советско-германским границам начала производиться с февраля 1941 года. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел данные о лихорадочной подготовке фашистской Германии к агрессии против СССР, развертывание немцами у наших государственных границ полностью отмобилизованных, технически оснащенных и в большинстве своем имевших уже боевой опыт ведения современной войны крупных вооруженных сил врага, казалось бы, не только позволяли Генеральному штабу, руководству Наркомата обороны и правительству понять неизбежность готовившегося нападения на нас, но и требовали в связи с этим немедленного проведения в стране войсковой мобилизации, сосредоточения и развертывания на западных государственных границах всех отмобилизованных войск в соответствии с оперативным планом. Нарком обороны Тимошенко неоднократно обращался в мае и июне 1941 года с просьбами к И.В. Сталину о необходимости проведения немедленной общей мобилизации страны или об отмобилизовании хотя бы войск, предназначенных

оперативным планом к развертыванию вдоль наших западных границ, но разрешения на это не получил.

Проведение этих мероприятий в мае и даже в начале июня 1941 года, несмотря на далеко не полную готовность нового пограничного района в оборонном отношении и на то, что целый ряд решений, направленных на резкое повышение безопасности наших войск, не были завершены, могли бы безусловно резко изменить военную обстановку в начальный период войны в нашу пользу и, по всей вероятности, спасти нашу страну от того катастрофического положения, в каком она оказалась в 1941 году».

Но как отмечал А. М. Василевский, к великому сожалению и несчастью для всего Советского народа, все эти столь необходимые для страны мероприятия своевременно проведены в жизнь не были. Поэтому, изучая причины, которые не только не позволили нашим Вооруженным Силам отразить удар фашистских войск на нашу страну, но и поставили ее в катастрофическое положение, надо говорить, прежде всего, не о том, существовал ли в Вооруженных Силах Советского Союза к моменту нападения на нас фашистской Германии план отражения этого нападения, а о том, почему наши Вооруженные Силы не были приведены своевременно в полную боевую готовность и не оказались там, где им надлежало быть даже по этому далеко не совершенному плану.

Основными причинами этого, как нам известно, были: настойчивое отрицание И.В. Сталиным возможности войны с фашистской Германией в ближайшее время, переоценка им значения советско-германского договора, чрезмерная уверенность его в том, что политическими и дипломатическими мерами ему удастся оттянуть начало войны Германии против нас; его боязнь, что приведение наших войск в боевую готовность, отмобилизование и выдвижение их к нашим западным границам может послужить Германии поводом для объявления нам войны.

Исходя из всего этого, Александр Михайлович приходил к выводу: «не в планировании сосредоточения и развертывания надо искать причины столь позднего прибытия и разрозненного вступления в бой главных сил нашей армии, а в том, что отмобилизование, сосредоточение и развертывание Вооруженных сил не только не было произведено своевременно, а началось и осуществлялось после того, как большинство из районов сосредоточения в приграничных округах было уже занято противником и когда о плановом развертывании войск или о создании намечавшихся планом группировок уже не могло быть и речи. Сосредоточиваемые войска вынуждены были в большинстве

своем выгружаться в случайных для них районах, а развертывание и ввод их в бой, иногда еще не в полном составе, происходили по требованию боевой обстановки распорядительным порядком на местах».

Вследствие всего этого в начале войны Генеральный штаб, как и вся наша армия оказались в весьма сложном положении. Значительной части генералов и офицеров Генштаба пришлось выехать на фронты, а оставшимся в Генштабе работать за двоих и троих. Сполна досталось и Василевскому.

В годы войны, кроме работы в Генштабе, он приобрел огромный опыт непосредственного управления крупными группировками войск в ходе Сталинградской, Курской стратегических операций, наступательных операций Южного, Юго-Западного и 4-го Украинского фронтов по освобождению Донбасса, Крыма и Никопольско-Криворожской операции, координации действий войск 3-го и 4-го Украинских фронтов при ликвидации Никопольского плацдарма противника и освобождении правобережной Украины, в Белорусской и Восточно-Прусской операциях и, наконец, при подготовке и проведении Маньчжурской операции войск Дальнего Востока в 1945 года.

Достаточно сказать, что, во время войны, будучи начальником Генштаба, на протяжении 34-х месяцев, только 12 месяцев из них он был в Москве, в Генштабе, а 22 месяца находился на фронтах, не переставая при этом повседневно влиять на работу Генштаба. В этом был и свой изъян, за что Александра Михайловича историки упрекали. Но после 1942 года стратегическая инициатива была на нашей стороне, крупные операции проводились последовательно, и поэтому создавалась возможность и была рациональная необходимость в том, чтобы после планирования и обеспечения этих операций основные усилия сосредоточивать на работе в Действующей армии по подготовке войск и управлению ими в ходе операции. И со всей этой сложнейшей и многообразной аналитической и организаторской работой А.М. Василевский превосходно справлялся.

Все упомянутые выше многократно описаны, но в этой главе хотелось бы подчеркнуть лишь некоторые до сих пор недостаточно освещенные их аспекты, наиболее ярко характеризующие особенности полководческого искусства А.М. Василевского.

Впервые мне пришлось увидеть генерала Василевского в Генштабе в 1942 году, когда он вместе с Б.М. Шапошниковым

собрал из госпиталей выздоравливающих после ранений командиров рот и батальонов для обсуждения проекта Боевого устава 1942 года. Меня особенно удивило тогда, как такие большие начальники терпеливо, заинтересованно и очень внимательно слушали нас (казалось бы еще несмышлёнышей в военном деле), совершенно не пытаясь навязать нам свое мнение. Затем уже в 1944 году, во время Белорусской операции в районе Борисова случайно оказался свидетелем весьма строгого разговора Василевского с П.А. Ротмистровым в связи с не со всем удачными действиями 5-й гвардейской танковой армии при форсировании реки Березина. Видел его и на КП 5-й армии в районе Тифенталь уже как командующего войсками 3-го Белорусского и на НП этой же армии в районе Духовская на Дальнем Востоке.

В 1974 году с назначением меня с должности начальника штаба Уральского военного округа начальником военно-научного управления Генштаба, я после представления начальнику Генштаба В.Г. Куликову сразу поехал к Маршалу Советского Союза А.М.Василевскому и в последующем имел с ним еще несколько бесед. Во всех этих встречах у меня осталось впечатление о нем, как об очень спокойном, уверенном в себе и высоко эрудированном военачальнике. А последние беседы с ним в Москве о путях развития военной науки навсегда остались в моей памяти, поражая глубиной, проницательностью и трезвостью суждений.

По мнению И.Х. Баграмяна, А.М. Василевский показал себя выдающимся военным стратегом и отличным организатором крупнейших операций Советской Армии.

Будучи назначенным в Генштаб, и обладая глубоким аналитическим умом и большой работоспособностью, он с самого начала обратил на себя внимание руководства и стал одним из ведущих операторов. Он лично разрабатывал важнейшие стратегические планы и оперативные документы. И сегодня при ознакомлении с архивными документами они обращают на себя внимание оперативной грамотностью, четкими емкими формулировками и строгим каллиграфическим почерком. Он умел также быстро схватывать главные черты самой сложной обстановки и делать обоснованные выводы и предложения. Как вспоминал Г.К. Жуков, «Александр Михайлович никогда не ошибался в оценке обстановки… Все, кому приходилось работать с Александром Михайловичем, – писал он, – отмечали его глубокие знания, четкость и ясность мышления». А.М. Василевский не терпел недоработок и догадок «на авось», а всегда требовал от лиц, готовивших операцию, твердых, точных данных

и обоснованных прогнозов.

По заключению ряда военачальников и в битве под Москвой, и в последующих операциях большую роль сыграли оперативная реакция и аргументированная поддержка Василевским предложений командующих фронтами при докладе их Верховному Главнокомандующему. Он с глубоким уважением, вниманием и чуткостью относился к командованию и штабам фронтов и армий, видов вооруженных сил и родов войск в центре. Особенно тесно и в постоянном контакте он работал с командованием и штабами ВВС, ВМФ и артиллерии. Большое внимание он уделял слаженной и ритмичной работе самого Генерального штаба.

При работе в войсках отличался большой организованностью, спокойной требовательностью и тактичностью в обращении с подчиненными.

Александр Михайлович был достаточно принципиален и тверд в отстаивании своих предложений и решений, в том числе перед Верховным Главнокомандующим, в общении со Сталиным он не мог позволить себе того, что иногда делал Жуков.

А.М. Василевский в интересах дела в напряженные моменты доклада Сталину проявлял удивительную выдержку, и главный упор делал на аргументацию и обоснование своих предложений, возвращаясь в ряде случаев к ним по несколько раз. И в большинстве случаев ему удавалось убедить Верховного. Хотя вот при рассмотрении плана стратегических действий на 1942 год, когда Сталиным было принято решение о проведении ряда одновременных малообеспеченных наступательных операций, Василевский не смог твердо поддержать предложение Жукова о переходе к стратегической обороне.

Действительно, когда требовала обстановка, он настойчиво добивался от Ставки направления на тот или иной фронт дополнительных резервов. Так, в операции по освобождению правобережной Украины, когда Гитлер бросил на это направление значительные резервы, Василевский, несмотря на нервозную реакцию Сталина, добился выделения в распоряжение 3-го и 4-го Украинских фронтов дополнительных сил и средств. Но когда при подготовке операции по освобождению Крыма командующий 4-м Украинским фронтом Ф.И. Толбухин и К.Е. Ворошилов выразили сомнение в возможности успешного проведения операции силами и средствами, предусмотренными утвержденным Ставкой планом, Василевский твердо заявил, что он не поддержит просьбу о выделении дополнительных сил и готов немедленно попросить возложить на него проведение операции имеющимися силами фронта.

Для согласованной работы Ставки и успешного проведения важнейших стратегических операций большое значение имело то обстоятельство, что Г. Жуков и А. Василевский на протяжении всей войны хорошо понимали и дополняли друг друга. И это объяснялось не только взаимным уважением и большой ответственностью этих выдающихся людей. Оба полководца обладали и развитым стратегическим мышлением и глубоким пониманием складывающейся обстановки. Именно это обстоятельство привело к одинаковой оценке обстановки и выработке дальновидных и обоснованных решений по контр наступательной операции под Сталинградом, переходу к стратегической обороне на Курской дуге, при выработке замысла Белорусской, Висла-Одерской операции и в ряде других случаев.

Наиболее ярко это проявилось при выработке замысла и подготовке Сталинградской операции. Во время ожесточенных оборонительных сражений на Сталинградском направлении Жуков и Василевский работали в войсках, принимая меры для организации отражения все новых и новых отчаянных атак противника с целью овладения Сталинградом. Но по мере изучения обороны и действий противника, состояния своих войск, очень трудной открытой местности, они все больше склонялись к тому, что дальнейшее продолжение недостаточно подготовленных слабых ударов со стороны наших войск приводит лишь к растрате сил и средств и не дает радикального решения задачи по разгрому Сталинградской группировки противника. Придя к выводу о необходимости нанесения более мощных ударов после сосредоточения резервов и более основательной подготовки, они обменялись мнениями по этому вопросу и 12 сентября доложили Сталину предварительные наметки замысла по окружению и уничтожению группировки противника под Сталинградом.

После войны высказывались различные точки зрения по поводу того, кому принадлежит первоначальная идея контрнаступления с окружением и уничтожением основных сил противника. На это претендовали и Н.С. Хрущев с А.И. Еременко, и многие другие. Если говорить объективно, то эта идея в общем виде, как вспоминают многие участники войны, буквально «носилась в воздухе», ибо сама конфигурация фронта уже подсказывала необходимость нанесения ударов по флангам Сталинградской группировки противника. Но главная, наиболее сложная задача состояла в том, как конкретизировать и реализовать эту идею с учетом сложившейся обстановки, как собрать и вовремя сосредоточить необходимые для этого силы и средства и организовать их действия, куда конкретно направить

удары и с какими задачами. Ведь были же и более осторожные суждения. В частности, Сталин при предварительном рассмотрении плана контрнаступления высказал мысль, что может быть лучше ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль реки Дон, что значительно сужало кольцо окружения. Но были и сверхсмелые предложения наносить удары прямо на юг, на Ростов, чтобы окружить все фашистские войска на Северном Кавказе и на Сталинградском направлении. Представляется, что постановка подобной задачи была явно нереалистичной.

Поэтому есть основание для вывода, что в той конкретной обстановке замысел Ставки ВГК, предусматривающий нанесение ударов с севера и юга по сходящимся направлениям на Калач с одновременным выделением войск для создания внутреннего и внешнего фронтов окружения – был, видимо, наиболее оптимальным. И можно считать установленным, что основная идея этого замысла, безусловно, принадлежит Ставке ВГК и, прежде всего, А.М.Василевскому, Г.К. Жукову и Генштабу в целом.

А.М. Василевский и Г.К. Жуков в сентябре дважды докладывали Сталину свои предложения по Сталинградской операции. Как писал А.М. Василевский, Верховный Главнокомандующий не сразу одобрил наши предложения, считая, что в тот период стране будет не под силу проведение столь серьезной операции и что мы, проведя её, можем подвергнуть войска и Советский Союз большому риску. От нас потребовалась настойчивость, и надо сказать, что и здесь сыграл основную роль характер Г.К. Жукова. Другое дело, что идея Жукова и Василевского не родилась на пустом месте, была оплодотворена предложениями, встречами и беседами с генералами и офицерами фронтов. Основную работу по планированию и всестороннему обеспечению операции выполнил Генштаб под руководством А.М. Василевского. Но, как уже отмечалось, исторически, в конечном счете, идея, замысел принадлежат тому, кто ее принял и взял на себя ответственность за ее осуществление, именно Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину. После одобрения замысла операции Верховным, Жуков и Василевский выехали на фронты, чтобы на месте с участием командующих фронтами, командиров более детально отработать способы действия войск и организовать боевые действия. В ходе операции Василевский, как представитель Ставки, координировал действия всех фронтов в этой весьма удачной операции.

Один из критических моментов этой операции был связан с попыткой германского командования деблокировать окружение

войск Паулюса контрударом группы войск Манштейна. Василевский вновь в полном единстве с Жуковым, несмотря на сомнения Верховного и категорические возражения Рокоссовского и Воронова, добивается принятия и осуществления смелого, наиболее отвечающего условиям обстановки решения: переключить 2-ю гвардейскую армию Малиновского, предназначенную для действий в составе Донского фронта, на Котельническое направление для разгрома группировки Манштейна. После чего основные усилия перебросить для завершения уничтожения группировки войск Паулюса.

Огромное военно-политическое и стратегическое значение победы под Сталинградом для хода и исхода второй Мировой войны общеизвестно. Большая роль в её достижении принадлежит А.М. Василевскому. Весьма удачный и оригинальный замысел этой, вошедшей в мировую историю, классической операции и её блестящее осуществление свидетельствовали о выдающихся полководческих способностях Василевского.

В Курской битве, благодаря выдержке и дальновидности ВГК И.В. Сталина, гибкости и незаурядности стратегического мышления Жукова и Василевского был выработан совершенно новый взгляд на стратегическую оборону, чего не удалось в 1941 и 1942 годах. Суть её состояла в том, что оборону нельзя рассматривать лишь как временный и кратковременный вид военных действий. Стратегическая оборона с целью отражения наступления и разгрома превосходящих сил противника, требует проведения ряда напряженных оборонительных сражений и операций и для этого, в конечном счете, требуется не меньше сил, чем для наступающего. Это было крупным открытием в военном искусстве, не потерявшим свое значение и современных условиях.

При проведении Белорусской операции А. Василевский координировал действия 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, в ходе которой он многое сделал для оказания помощи и становления только что назначенного очень талантливого командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала И.Д. Черняховского.

Так случилось, что после его гибели в феврале 1945 года в ходе Восточно-Прусской операции А.М. Василевский был назначен командующим войсками 3-го Белорусского фронта. И.Х. Баграмян, ставший заместителем Василевского, так характеризует его деятельность в этот период. «Вступив в командование фронтом, – писал он, – за считанные дни… полностью изучил ситуацию, выявил те звенья оперативной цепи, ухватившись за которые можно было вытянуть ее полностью, то есть ликвидировать Восточно-Прусский плацдарм. Он с

твердостью, присущей только очень волевым военачальникам, наметил последовательность действий. Сначала разгром Хейльсбергской группировки, затем штурм Кенигсберга и, наконец, сокрушение войск врага на Земландском полуострове. Поручив мне все, что было связано с планированием штурма' Кенигсберга, он, казалось, весь ушел в организацию Хейльсбергской операции и руководил ею с необычайной конкретностью и скрупулезностью. Как только развязка в Хейльсберге стала зримой, Александр Михайлович переключился на Кенигсберг и в короткий срок завершил разгром Восточно-Прусской группировки противника. Большую роль в блокировании этой группировки с моря сыграл Балтийский флот под командованием адмирала Трибуца».

В этой операции на завершающем этапе войны А. Василевский не спешил со штурмом Кёнигсберга и максимально возможно берег войска. С согласия Сталина он сосредоточил на Кёнигсбергском направлении авиацию нескольких фронтов, непрерывными массированными ударами с воздуха в сочетании с активными действиями наступающих войск добился сокрушения и капитуляции немецко-фашистских войск. ВВС, в том числе дальняя авиация, выполняли задачи превосходно. Но бытующие легенды о том, что все совершила лишь дальняя авиация, будем считать «некоторым» преувеличением. В этой операции в полной мере проявились такие черты полководца, как осмотрительность, осторожность и расчетливость, за что иногда упрекали Василевского. «Думаю, – говорил он, – что каждый военачальник, будь то командир части или дивизии, командующий армией или фронтом, должен быть в меру расчетливым и осторожным. У него такая работа, что он несет ответственность за жизнь тысяч и десятков тысяч воинов, и его долг – каждое свое решение взвешивать, продумывать, искать наиболее оптимальные пути к выполнению боевой задачи. Расчетливость и осторожность в рамках необходимости, по моему мнению, являются не отрицательным, а положительным качеством военачальника».

Вершиной полководческого искусства А.М. Василевского была подготовка и проведение Маньчжурской стратегической наступательной операции войск Дальнего Востока. По указанию Верховного под руководством А.М. Василевского Генштаб приступил к подготовке этой операции сразу после окончания Белорусской операции, начав с расчетов по переброске дополнительных войск на Дальний Восток. Поразительно тонко и умно были спланированы все детали грандиозной перегруппировки войск и сил авиации. Например, с советско-германского фронта в первую очередь снимались и отправлялись

дивизии, которые в свое время были переброшены с Дальнего Востока на запад, создавая впечатление, что они по мере завершения войны возвращаются к местам постоянной дислокации.

Продумывались вопросы управления войсками на Дальнем Востоке. Почти за год до начала этой операции Сталин уже прикидывает, что Жуков будет завершать войну в Германии, а Василевский направится на Восток. Назначая А. Василевского на 3-й Белорусский фронт, он хотел дать ему практику в командовании войсками фронта и лучше подготовиться к решению задач на Дальнем Востоке.

На Дальнем Востоке Ставка ВГК поставила цель: путем скрытного сосредоточения крупных сил в короткие сроки добиться разгрома Квантунской группировки войск армии Японии и тем самым ускорить окончание второй Мировой войны. Для руководства войсками было создано Главное командование советских войск на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А.М. Василевским (начальник штаба генерал-полковник С.П. Иванов).

Замыслом операции предусматривалось: концентрическими, рассекающими ударами Забайкальского фронта (командующий Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский) со стороны Монголии и 1-го Дальневосточного фронта (командующий Маршал Советского Союза К.А. Мерецков) из Приморья, 2-го Дальневосточного фронта (командующий генерал армии М.А. Пуркаев) с севера при активном содействии Тихоокеанского флота (командующий адмирал И.С. Юмашев) расчленить, окружить и уничтожить или вынудить к капитуляции Квантунскую группировку войск армии Японии. Одновременно предполагалось проведением десантных операций освободить южную часть Сахалина и Курильские острова.

После Парада Победы в июне 1945 года все командующие, которые должны были участвовать в Маньчжурской операции, отправились к месту назначения. Началась напряженная подготовительная работа.

Одновременно проводилась небывалая в истории по масштабам и сложности перегруппировка войск с запада на восток. На расстояния 9-12 тысяч км за три месяца (май – август) перебрасывались два управления фронтов (Карельского и 2-го Украинского), три общевойсковые армии (5, 39, 53-я), 6-я гвардейская танковая, две артиллерийские дивизии прорыва, семь зенитно-артиллерийских дивизий, 136 бригад и полков различных родов войск – более 400 тыс. человек, свыше 7000 орудий и минометов, 2119 танков и САУ, 1400 самолетов. Для

этого было задействовано 136 тысяч железнодорожных вагонов. Вместе с находившимися на Дальнем Востоке войсками всего для проведения операции привлекались 131 дивизия и 117 бригад, конно-механизированная группа советско-монгольских войск, более 1,5 млн человек, свыше 27 тысяч орудий и минометов, 5250 танков и САУ, больше 3,7 тысяч самолетов. Тихоокеанский флот имел: 416 кораблей, в том числе 2 крейсера, 1 линкор, 12 эсминцев, 78 подводных лодок, 1382 боевых самолета.

Главной особенностью подготовки операции было то, что все подготовительные мероприятия следовало осуществить до официального объявления войны Японии. Вообще такого случая, когда Советская Армия первой бы начала военные действия (за исключением советско-финляндской войны), еще не было, и поэтому условия проведения Маньчжурской операции, особенно переход в наступление, существенно отличались от условий, складывавшихся накануне операции Великой Отечественной войны. Именно этим и объяснялись особенности одной из выдающихся операции Советских Вооруженных Сил и то новое в военном искусстве, что она дала.

А.М. Василевский главную ставку сделал на скрытность подготовки и внезапность удара. С учетом этого определялись порядок развертывания войск и способы их действий.

В целом, операция носила весьма стремительный характер. Широко применялись воздушные десанты и подвижные маневренные группы. Опыт Великой Отечественной войны показал, что чем лучше продумана и спланирована операция, тем меньше возникает управленческих проблем и соответственно реже приходится вмешиваться в действия войск в ходе операции. Однако все заранее предусмотреть не удается. В ходе Маньчжурской операции также встречались случаи, когда вышестоящие инстанции вынуждены были вмешиваться и соответствующим образом воздействовать на подчиненных.

В целом, тщательная и всесторонняя подготовка операции, четкое и умелое управление войсками в ходе наступления обеспечили успешное проведение столь крупной стратегической операции. В результате была полностью разгромлена Квантунская группировка. Её потери убитыми составили 83,7 тысяч человек, было взято в плен около 650 тысяч человек. Безвозвратные потери советских войск, участвовавших в операции – чуть более 12 000 человек. А те, кто в последнее время много пишут о том, как наша армия «завалила противника трупами», не любят вспоминать об этой операции.

Огромны значение, политические и военные итоги Маньчжурской операции. Советская Армия освободила Сахалин,

Курильские острова, Северо-Восточный Китай, Северную Корею от японских оккупантов. Вступление в войну с милитаристской Японией Советского Союза и внесение им весомого вклада в ее разгром ускорили окончание второй Мировой войны. Сами американские руководители и историки не раз заявляли, что, не случись этого, военные действия продолжались бы еще не менее года и могли бы обойтись в несколько лишних миллионов человеческих жизней.

Таким образом, Маршал Советского Союза А.М. Василевский за период Великой Отечественной войны показал себя по-настоящему выдающимся полководцем. Он подал всем офицерам замечательный пример того, как многого можно достигнуть, если стремление к великой к цели, верность воинскому долгу и талант органически соединяются с полной самоотдачей интересам дела и самоотверженным трудом.

Биографическая справка

Василевский Александр Михайлович (1895–1977)

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, награжден двумя орденами «Победа». Участник гражданской войны в должности помощника командира полка. Окончил Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР в 1937 году. С мая 1940 года – заместитель начальника Главного оперативного управления Генштаба Красной Армии.

В июне 1941 года – генерал-майор. С августа 1941 года – заместитель начальника Генштаба и начальник Оперативного управления Генштаба. С июня 1942 года – начальник Генерального штаба Советских Вооруженных Сил. Одновременно с октября 1942 года – заместитель Наркома обороны.

Принимал непосредственное участие в планировании и проведении ряда выдающихся сражений и операций Великой Отечественной войны (Сталинградская битва, Курская битва, операции по освобождению Донбасса, Крыма, Белоруссии). С февраля 1945 года – командующий 3-м Белорусским фронтом и член Ставки ВГК. С июня 1945 года назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке. Под его руководством была спланирована и успешно проведена Маньчжурская стратегическая наступательная операция по разгрому Квантунской армии (9 августа – 2 сентября 1945 года).

После войны – начальник Генерального штаба и первый заместитель министра Вооруженных Сил СССР. В 1949–1953 годах – министр Вооруженных Сил СССР. С марта 1953 года -1-й заместитель министра обороны СССР. С 1959 года – в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Был депутатом Верховного Совета СССР (Совет национальностей) с 1946 по 1958 год по Воронежскому избирательному округу, куда входил город Тамбов и область. Приезжал в г. Тамбов на встречу с избирателями.

Награды: 8 орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, 2 ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Красной Звезды, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах», многие медали Советского Союза, ордена иностранных государств. Награжден Почетным оружием.

notes

Примечания

1

В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 379.

2

В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 65.

3

В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 347.

4

Архив МО СССР. Ф. 219. Оп. 178510. Д. 29. Л. 1–6.

5

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1974. С. 366.

6

Тет-де-пон – предмостное укрепление.

7

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 29. Л. 52–55.

8

Архив МО СССР. Ф. 202. Оп. 5. Д. 67. Л. 5.

9

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 9. Л. 345.

10

Архив МО СССР. Ф. 96-А. Оп. 2011. Д. 5. Л. 45–52.

11

Заместитель командующего ВВС Красной Армии генерал-майор авиации И. Ф. Петров.

12

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 12. Л. 31–32.

13

Архив МО СССР. Ф. 96-А. Оп. 2011. Д. 5. Л. 96–99.

14

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1133. Д. 7. Л. 139–140.

15

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 9. Л. 431.

16

«Volkischer Beobachter», 10 Oktober, 1941.

17

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 91. Л. 308, 311–312.

18

Архив МО СССР. Ф. 16-А. Оп. 947. Д. 36. Л. 70–72.

19

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 30. Л. 108.

20

Архив МО СССР. Ф. 96-А. Оп. 2011. Д. 5. Л. 185–190.

21

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 30. Л. 202–203.

22

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 10. Л. 234.

23

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 29. Л. 160.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, С. 121.

25

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 41. Л. 75–81.

26

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Он. 2642. Д. 41. Л. 177–184.

«Военно-исторический журнал», 1964, № 10, С. 39.

28

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 32. Л. 151.

29

Г. К. Жуков Воспоминания и размышления, т. 2 С. 81–82.

Кстати, наименование «Сатурн» я впервые услышал от Сталина 24 ноября, когда мы по телефону обсуждали вопрос о проведении наступательной операции силами Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов в направлении Миллерово, Ростов. Цель наступления – создание нового кольца по отношению к окруженной под Сталинградом группировке противника. Сталин так и назвал заключительную операцию по уничтожению этой группировки «Кольцо». Точно так же названия и всем операциям давались лично Сталиным.

Еременко и Рокоссовского. – Ред.

Сталин. – Ред.

33

Архив МО СССР. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 60. Л. 16–17.

34

Командующий 5-й танковой армией.

35

Командующий 3-й гвардейской армией.

Малиновского. – Ред.

4-й кавкорпус Сталинградского фронта.

38

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2294. Д. 1. Л. 4. 7–51.

39

А. И. Еременко. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961, С. 415–416.

Л. И. Еременко. Указ. соч. С. 412–414.

41

Генерал-лейтенант И. И. Масленников – командующий Северной группой войск Закавказского фронта.

42

Генерал-лейтенант И. Е. Петров – командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта.

43

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 3–4.

44

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1691. Д. 293. Л. 194–197.

45

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 33. Л. 13–4.

46

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 37–38.

47

Там же.

48

1-я танковая армия по директиве Ставки формировалась в феврале 1943 г. для резерва Ставки на базе управления 29-й армии с использованием 3-го механизированного корпуса из состава Калининского фронта и 6-го танкового корпуса из состава Западного фронта. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант танковых войск М. Е. Катуков.

49

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 87–88.

50

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 144–45.

51

Архив МО СССР. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 3. Л. 29–33.

52

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1147. Д. 2. Л. 4–7.

53

Командующий 63-й армией генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи.

54

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1691. Д. 233. Л. 288–290.

55

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 184, 183.

56

В мае 1943 г. постановлением ГКО у наркома обороны были оставлены только два заместителя – Г. К. Жуков и я; Г. К. Жуков оставался к тому же и заместителем Верховного Главнокомандующего.

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 164.

58

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 183.

59

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 183.

60

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1691. Д. 234, л, 660–672.

61

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 184.

62

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 188–189.

63

Архив МО СССР. Ф. 13. Д. 11556. Л. 260–261.

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 203.

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2290. Д. 9. Л. 80–82.

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1691. Д. 235. Л. 33–39.

67

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 227.

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 236–237.

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2290. Д. 9. Д. 239–241.

Там же. Л. 242

71

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 34. Л. 313.

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 36. Л. 11.

73

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 201–202.

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2294. Д. 6. Л. 103.

75

На этом посту А. А. Гречко оставался до своей кончины в апреле 1976 г. – Ред.

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2290. Д., 9. Л. 498–500.

77

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2294. Д. 6. Л. 281.

78

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1795. Д. 414. Л. 171–172.

79

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 36. Л. 25–26.

80

Архив МО СССР. Ф. 346. Оп. 3000. Д. 807. Л. 151.

81

Ф. И. Толбухин.

Р. Я. Малиновский.

83

А. М. Василевский. Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп, 1795. Д. 414. Л. 814–815.

Архив МО СССР. Ф. 288. Оп. 9921. Д. 77. Л. 35–42.

85

Архив МО СССР. Ф. 43-А. Оп. 1144. Д. 4. Л. 65–66.

86

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 35. Л. 16–17.

87

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2294. Д. 6. Л. 321–326.

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2294. Д. 6. Л. 346–349.

89

Архив МО СССР. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 807. Л. 151.

«Правда», 10 мая. 1944 г.

91

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2542. Д. 13. Л. 211–216.

«Полки идут на запад». М., 1964 С. 105.

93

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1795. Д. 416. Л. 581–582.

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2294. Д. 7. Л. 74.

95

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 36. Л. 384–385.

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 2294. Д. 7. Л. 95–96.

97

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642, д, 36. Л. 397–398.

Там же. Л. 399, 400.

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 36. Л. 400.

Там же. Л. 414–415.

101

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 37. Л. 39–40.

102

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1795. Д. 14. л. 216.

103

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 37. Л. 49–50.

104

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1795. Д. 15. Л. 334.

105

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 37. Л. 107–108.

106

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1795. Д. 16. Л. 75–76.

107

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 35. Л. 53–54.

108

Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1795. Д. 449. Л. 775–780.

109

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 41. Л. 281–282.

110

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 25.

111

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 31.

112

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 40. В некоторых трудах встречается неверное утверждение, будто я был назначен на должность командующего 3-м Белорусским фронтом в первые дни Восточнопрусской операции.

113

Архив МО СССР. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 821. Л. 297, 298.

114

Архив МО СССР. Ф. 241. Оп. 2630. Д., 43. Л. 432–437.

115

Архив МО СССР. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 200–201.

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 7. М., 1971. С. 208.

117

И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 196–197.

118

Архив внешней политики СССР (АВП СССР). Ф. 01000. Оп. 35-А. Д. 1. Л. 6.

119

«Тегеран – Ялта – Потсдам». Сбор, документов. Изд. 2-е. М., 1970. С. 199–200.

120

Архив МО СССР. Ф. 14-А. Оп. 272. Д. 19. Л. 10.

121

Институт военной истории Министерства обороны СССР (ИВИ МО СССР). Документы и материалы, инв. 4. С. 836.

122

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642; д. 13. Л. 247–250.

123

Архив МО СССР. Ф. 32. Оп. 22154. Д. 2. Л. 20–28.

124

Архив МО СССР. Ф. 210. Оп. 371776. Д. 5. Л. 7.

125

Там же. Д. 6. Л. 23.

126

Архив МО СССР. Ф. 234. Оп. 221154. Д. 1/3. Л. 13.

127

Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 162–163.

128

Архив МО СССР. Ф. 210. Оп. 3171. Д. 144. Л. 5.

129

Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. Изд. 2-е. М., Политиздат. 1974. С. 423.

Иноуэ Киёси. Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси. История современной Японии. М., 1955. С. 264.

«Правда», 16 августа 1945 г.

132

Архив МО СССР. Ф. 220. Оп. 29358. Д. 2. Л. 155–156.

133

Около пяти лет Пу И прожил в СССР, а затем был передан властям Китайской Народной Республики по их просьбе. До 1959 г. он содержался в лагере для почетных заключенных, вел вольготный образ жизни, позже был амнистирован пекинским правительством, стал депутатом Всекитайского народно-политического консультативного совета, начал работать в ботаническом саду Академии наук КНР и писать свои мемуары. В 1967 г. китайская печать сообщила о его смерти.

134

Архив МО СССР. Ф. 206. Оп. 294. Д. 1. Л. 200.